

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

серия основана в 1996 г.

Рональд Х. Чилкот

ТЕОРИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В поисках парадигмы

Ronald H. Chilcote

**THEORIES OF
COMPARATIVE POLITICS**

The Search for a
Paradigm Reconsidered

Westview Press
Boulder · San Francisco · Oxford

Рональд Х. Чилкот

ТЕОРИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В поисках парадигмы

Издательский Дом
«ИНФРА · М»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Весь Мир»

Москва
2001

УДК 32
ББК 66.0
Ч-61

Федеральная программа книгоиздания России

Перевод с английского *В.А. Галкина, В.П. Михайлова*
Научный редактор к.и.н. *А.И. Петренко*
Редактор *Е.И. Солдаткина*

*Издание осуществлено при содействии
Отдела по вопросам печати и культуры
Посольства США*

Чилкот Рональд Х.

Ч-61 Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы/Пер. с англ. — М.: ИНФРА-М, Издательство «Весь Мир», 2001. — 560 с. — (Высшее образование).

ISBN 5-16-000677-X (ИНФРА-М)

ISBN 5-7777-0095-0 («Весь Мир»)

Предлагаемая вниманию читателей книга Рональда Х. Чилкота, крупного специалиста в области политических наук, профессора Калифорнийского университета, является вторым, существенно переработанным изданием. Автор дает общий обзор главных тенденций и теоретических направлений в современных исследованиях политики, опираясь на новейшие методологические достижения. Анализируя стремительно меняющуюся во второй половине XX в. картину политического мира с его этническими и религиозными конфликтами, индустриализацией и постиндустриализацией, распадом старых и появлением новых государств, он ставит вопрос о поиске новых парадигм в сфере сравнительной политологии. Согласно мнению одного из американских рецензентов, книга Чилкота стала «настоящей Библией» политолога. Перевод ее на русский язык сослужит добрую службу студентам и преподавателям, научным работникам и действующим политикам.

УДК 32
ББК 66.0

ISBN 5-16-000677-X (ИНФРА-М)
ISBN 5-7777-0095-0 («Весь Мир»)

© Westview Press Inc., 1981, 1994
© Перевод на русский язык —
Издательство «Весь Мир», 2001

О КНИГЕ И ОБ АВТОРЕ

Несмотря на значительную переработку и внесенные дополнения, предлагаемый текст книги сохранил свою первоначальную нацеленность на поиски парадигмы основного направления политологии и альтернативных парадигм, которые сделают возможным сравнительное политическое исследование. Опирающееся на глубокие системные обзоры структур, идеологий и теорий, второе издание высвечивает новые направления развития науки, наметившиеся за последние десятилетия, включая перспективы идеологизированной политической науки; методологические новации, как, например, теория рационального выбора, исторический и постбихевиористский подходы; новое отношение к политической культуре и участию в их взаимосвязи; переработку теории модернизации и возрождение классового анализа; бескомпромиссную посткейнсианскую политэкономическую позицию.

Второе издание продолжает традицию первого, сопровождая текст, по словам обозревателя Эдварда Кейна, «замечательной... прекрасно подобранной аннотированной библиографией в конце каждой главы и в обзоре рекомендуемой литературы по сравнительной политологии в конце книги». Новое издание содержит также приложение с дефинициями, облегчающими понимание терминологии политической науки, что важно для изучающих ее с азов и в дальнейшем.

В мире, сложившемся после окончания «холодной войны», существует обширный материал для сравнительно-политологических исследований — этнические конфликты, авторитарные репрессии, образование и распад государств, новая индустриализация и постиндустриализация, изменившаяся система безопасности, — все более злободневными становятся поиски новых парадигм, чему и посвящена данная книга.

Рональд Х. Чилкот — профессор политологии и экономики Калифорнийского университета (Риверсайд) — основатель и один из редакторов журнала «Лэтин америкэн перспективз», а также автор и редактор многих книг и статей, среди которых «Теории развития и отсталости в развитии», «Бразильская коммунистическая партия: конфликт и интеграция, 1922—1972», «Власть и правящие классы в Северо-Восточной Бразилии».

Моим коллегам, которые ищут альтернативы и принимают на себя риск попыток их осуществления. Студентам, которые определили содержание этой книги, ее тематику и направленность и у кого я учился.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Я взялся за переработку моего критического обзора сравнительных политологических исследований с некоторыми колебаниями. В 1980 г., когда в результате многолетних раздумий был написан первоначальный вариант рукописи, один из издателей предложил сократить ее наполовину; другой, по совету возмущенного рецензента, рекомендовал выбросить всю содержащуюся там профессиональную критику. В конечном счете работавшая тогда в издательстве «Вествью пресс» Линн Риннер, преодолев сомнения относительно объема рукописи и ориентации на лиц с высшим образованием, взялась за издание. После выхода книги в свет некоторые из моих коллег на факультете вначале отвергли ее, объявив безответственной содержащуюся в ней критику политической науки, но вскоре, вслед за появлением рецензий, отступили. Журнал «Америкэн политикл сайенс ревью» отозвался о ней как о «весьма добросовестно написанной книге... великолепном обзоре развития за последние десятилетия сравнительного анализа, области систематического и всестороннего исследования», а «Джорнэл оф политикс» назвал ее «одной из самых тщательно выполненных, стимулирующих мысль книг в области политической науки, работой, которую будут читать и широко цитировать». Многолетний труд создателей первоначального варианта был вознагражден великодушными отзывами профессоров, преподавателей и аспирантов, особенно тех, кто пользовался им при подготовке к экзаменам в докторантуре. После выхода книги в свет прошли годы, и мне было трудно снова браться за такого рода предприятие потому, что мои интересы обратились в сторону более конкретных исследований; к тому же я скорее склонен смотреть вперед, нежели возвращаться в прошлое. Когда мой издатель предложил мне взяться за переработку издания, я около двух лет обдумывал эту, возмож-

ность. Коллеги в других университетах настаивали на том, чтобы книга, пусть частично устаревшая, не пересматривалась; я соответственно постарался сохранить большую часть первоначального варианта, доработав и обновив его содержание. На одной из конференций мой коллега, использовавший книгу в качестве учебника для своего курса, предложил мне написать обзорную главу, в которой освещались бы изменения, произошедшие за десять лет со времени выхода в свет первого издания. Это предложение было учтено в новой начальной главе и в других частях книги; в данное издание включены дополнительные подробности и сведения по актуальным ныне проблемам прошедших дискуссий.

Мое согласие подготовить новое издание было обусловлено работой над еще одной книгой, являющейся продолжением данного исследования и ставящей своей целью ввести читателя в круг тех идей, какие, скорее всего, будут занимать наше внимание в XXI столетии. Книга эта — «Сравнительная политическая экономия» — опирается на высказанное в заключительной главе данной работы утверждение, что изучение политики и экономики постепенно превратилось в политическую экономию. Желание написать такую книгу появилось у меня десять лет назад, но для этого потребовалось исследовать новые идеи, содержащиеся в обильно разрастающейся литературе. В конечном счете я ограничил себя пятью темами, доминирующими в текущей литературе по политической экономии: это теории перехода, класса, государства, империализма и демократии.

Таким образом, пересмотренное издание означало возвращение к главной проблеме поиска парадигмы, которой можно руководствоваться в сравнительных политических исследованиях. Такая цель преследуется в вводной главе, где очерчен круг моих интересов и взглядов, сложившихся на момент выхода первого издания. Я подвергаю ретроспективной критике собственные взгляды десятилетней давности на перспективы в данном научном направлении; пересматриваю структуру и содержание, оценки значения теоретических течений, состояния исследуемой дисциплины и сравнительной политологии; отдаю должное появившейся за последнее время литературе о гендерной политике, феминизме и женщинах; освещаю подъем экологического и других общественных движений и групп населения, всюду оказывающих влияние на сравнительную политологию. В последние годы предметом теоретического интереса в политической науке стали вопросы общественного и рационального выбора. Стало очевидным влияние официальных моделей, включая теории рационального марксистского выбора и индивидуального выбора.

В то же время, чтобы уравновесить новый и старый материал и сохранить рациональный объем, я исключил из Главы 4 значительную часть биографических материалов о Карле Марксе и Максе Вебере, существенно сократил в Главе 5 синтез идей и работ Дэвида Истона и Габриэля Алмонда и снял большую часть Главы 6 о теории культуры. Советую читателю вернуться к первому изданию, где он найдет исключенный из данной книги материал, имеющий значение для понимания исторических тенденций в сравнительной политологии.

Когда, наконец, книга начала приобретать очертания, я принялся за уяснение и осмысление концепций и теорий. Был сделан традиционный акцент на понятиях системы, культуры и развития, но эти категории использовались не столько как основные концептуальные ориентиры, сколько своего рода главные центры притяжения, к которым тяготела литература в данной области. Я добавил обзор литературы по проблемам элит и масс, уделив внимание теориям классов и классовой борьбы. В соответствии с первоначальным замыслом направленность первого издания состояла скорее в осмыслении целого, нежели в детальном анализе его частей, в холистической ориентации, связанной с моим стремлением связать сравнительные политические исследования с изучением социальных явлений вне политики. Я также интересовался вопросами экономики, что подчеркивается в заключительной главе, посвященной политической экономии. Таким образом, книга строилась на теоретических основах и являлась попыткой связать между собой проблемы и события современного общества. При ее переработке был добавлен новый аспект, часто игнорируемый при проведении исследований в политике и связанный с освещением ранних учений, определивших исследование политики в XIX и XX вв.

На последнем этапе работы над книгой я дополнил первое издание новыми данными, перегруппировал материал вводной обзорной главы, существенно переработал главы второй части, удалил некоторые утратившие научно-историческое значение сноски и дополнил текст появившимися за последние годы идеями и материалами. Читатели, желающие ознакомиться со снятыми в данном издании библиографией и заключительным обзором компаративистской литературы периода до 1980-х гг., могут обратиться к первому изданию. Я оставил первоначальную структуру, но в большинстве случаев при характеристике парадигм заменил термины «традиционная» и «радикальная» на «основная» и «альтернативная». Поскольку политическая экономия ныне безусловно утвердилась как в политических, так и в экономических науках, думал переработать последнюю главу,

углубить ее содержание, однако счел нужным отложить обстоятельное исследование сравнительной политической экономии до следующей своей книги, а здесь ограничиться упоминанием о ней по ходу рассуждений.

Таким образом, в рамках данной книги я оцениваю изучение политики и науки, отмечая два направления в научных исследованиях, берущих начало в XIX столетии. Книга строится вокруг этих двух направлений. Признание различий в образе мыслей позволяет исследователю политики вникнуть в фигурирующие в наших исследованиях и их аналитических разделах личные мнения, ценности и убеждения. Поэтому главная цель данной книги состоит в том, чтобы при разработке и развитии индивидуальных взглядов побуждать к критическому мышлению и давать возможность выбора. Хочется надеяться, что, взявшись за трудное дело сравнительных исследований, каждый читатель взвесит аргументы, определит для себя позиции и будет готов их защищать.

Некоторые читатели, возможно, будут недовольны тем, что изложение материала местами слишком схематично, но мое намерение именно в том и состоит, чтобы подтолкнуть серьезного читателя к глубокому изучению предмета. Поэтому в книге намеренно дается лишь общий обзор главных тенденций и теоретических направлений современных исследований политики. Такая форма освещения проблем, подытоживания аргументации и контраргументации поощряет читателя продолжать изучение темы по соответствующим источникам, называемым в тексте и перечисленным в аннотированных списках литературы в конце каждой главы. Книга может быть полезной для начинающего политолога. Надеюсь, она послужит студентам старших курсов и аспирантам в качестве обширного критического обзора исследований в области сравнительной политологии, для преподавателей станет источником сведений, а для ученых, уже знакомых с предметом, — справочным материалом. Кроме того, попытка проследить различия в парадигмах между традиционными основными и альтернативными концепциями имеет целью поощрять читателя к критическому восприятию материала и альтернативным объяснениям ситуации в обществах, изучаемых в перспективе сравнительных исследований.

Рональд Х. Чилкот

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ АВТОРА

Эта книга посвящается моим коллегам и студентам, будущим критически мыслящим ученым, готовым подвергать сомнению предпосылки, преобладающие в политической науке, исследовать новые идеи и, вырабатывая собственные взгляды, принимать альтернативные способы объяснений.

В первом издании была особо отмечена ценная помощь десяти моих аспирантов, а также тех университетских коллег, которые скрупулезно прочитали рукопись и дали свои замечания и предложения. Среди них Памела Эйбрамс, Г. Бишарат, Роберт Дэш, Терри Грот, Джеймс Митчелл, Жайме Регальдо, Аллен Вестхеймер и Стэнли Вайзман. От Быонг-Му Хван я получал помощь в научных исследованиях, а Шерил Лутенс расшифровывала стенограммы, печатала рукопись и готовила к печати многие главы. Я благодарен за советы моим коллегам по Калифорнийскому университету Фрэнсису Кэрни, Раулю Фернандесу, Джону Стэнли и Говарду Шерману и признателен за сотрудничество при написании Главы 4 ныне покойному профессору Стивену Горману; а также ценю замечания и поддержку профессоров Джоэля Эдельстина из Университета Колорадо в Денвере и Джеймса Розено из Университета Южной Калифорнии.

Настоящее переработанное издание очень выиграло благодаря советам аспирантов двух моих курсов; особую благодарность я хотел бы выразить Роуз Эш, Хуану Авесилле, Дженис Беккер, Дженнифер Дьюган-Абасси, Джин Диас, Майклу Э. Хантеру, Уолли Джонсону, Гранту Клину, Аекьюнг Ли, Майклу Маклину, Дэвиду Родригесу, Полу Савуа, Джозефу Сниппу, Памеле Стрикер, Дебби Томпсетт-Макин, Шэннон Трейси, Мишель Вебер и Биллу Винингеру.

Наконец, я безмерно благодарен моей жене Фрэнсис за терпение и понимание, позволившие мне завершить первое издание; она

уточняла детали и готовила рукопись к печати. Горячая поддержка Дженнифер Кнерр из «Уэствью пресс» и ее энтузиазм не только укрепили мою решимость взяться за переработку книги, но и помогли в завершении трехлетнего труда. На заключительном этапе работы значительную помощь мне оказали редактор серии Конни Ирринг и редактор Ида Мей Б. Нортон.

Р.Х.Ч.

Часть первая
ВВЕДЕНИЕ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящей вводной главе дано сжатое описание сравнительных политических исследований как области изучения политики и политической науки. Я рассматриваю вопросы теории сравнительных исследований, эволюцию этой дисциплины в пяти теоретических направлениях и определяю цель книги.

Кроме того, я подготовил к этой главе два приложения — оба помещены в конце книги. В первом предпринята попытка внести ясность в терминологию, используемую в основном направлении сравнительных политических исследований, поскольку относящиеся к этой области термины применяются в литературе неупорядоченно и непоследовательно. Второе приложение содержит обзор литературы общего характера по сравнительным политическим исследованиям.

Вопросы теории и сравнительные исследования

Изучение сравнительной политологии вызывает немало путаницы как у студентов, так и среди ученых. Многие термины в сравнительных исследованиях политики применяются произвольно, подменяя друг друга. Термин «сравнительное правление», например, обычно относится к изучению учреждений и функций стран или национальных государств Европы, при этом внимание акцентируется на исполнительных, законодательных и судебных органах, а также на таких организациях, как политические партии и группы давления. «Сравнительная политология», напротив, изучает более широкую сферу политической деятельности, включая правительства и их институты, а также другие формы организаций, не связанных непосредственно с управлением страной, например племена, общины, ассоциации, союзы.

И политические науки в целом, и сравнительная политология в частности, предполагают наличие теории и метода. К *теории* относятся совокупности систематично связанных между собой обобщений, а *метод* представляет собой процедуру или процесс, которые включают приемы и средства, применяемые при исследовании для изложения, проверки и оценки теории. *Методология* состоит из методов, процедур, рабочих концепций, правил и т.п., применяемых для проверки теории, направления исследований и поиска решений проблем реального мира. Методология — это специфический способ изучения, систематизации и оформления исследований.

Путаница в терминологии возникает из-за того, что сравнительное изучение правления часто обращается к изучению иностранных правительств, а сравнительная политология — к исследованию всех форм политической деятельности, как правительственной, так и неправительственной. Таким образом, специалист в области сравнительной политологии склонен рассматривать ее как изучение всего политического. Любое более узкое представление о сравнительной политологии означало бы утрату четких критериев, определяющих отбор или подключение предметов изучения в данной области.

Исследованием отношения политики вообще и сравнительной политологии к другим дисциплинам я занимаюсь в Главе 3, где отмечаю, что и теория, и метод многим обязаны «классическим политическим философам» Аристотелю и Платону, Макиавелли и Монтескье, Гегелю, Марксу и Миллю. Сравнительная политология многим также обязана Вудро Вильсону, Джеймсу Брайсу и Карлу Фридриху, уделявшим немало внимания изучению правления и государства в начале XX в. Я также показываю, что сравнительные политические исследования формировались под воздействием научной работы в смежных дисциплинах, особенно это касается трудов А.Р. Радклифф-Брауна и Бронислава Малиновского в антропологии, Гаэтано Моски, Вильфредо Парето, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма в социологии и политической социологии, Джона М. Кейнса, Карла Маркса и В.И. Ленина в экономике и политической экономии. Наконец, я предлагаю обратить особое внимание на политическую экономию.

Направленность на изучение всех политических явлений и необходимость обратиться к теориям и методам других дисциплин обеспечили сравнительной политологии значительную универсальность. Вторая мировая война усилила интерес ученых к изучению политических систем других стран, особенно в Европе и Азии. Развал империй после войны и сопровождавшие независимость стран «третьего мира» беспорядки побудили исследователей переключить внимание

с давно сложившихся государств на новые. Результаты для сравнительной политологии оказались значительными. Брайбанти (Braibanti, 1968) пишет, что изучение проблем новых государств ускорилося. Совершенствовались методы исследований, их субсидировали, к ним проявляли внимание фонды и правительственные органы. От ученых требовались сведения, которыми можно было руководствоваться при осуществлении программ помощи. Кроме того, происходила чрезмерная детализация фактического материала, связанная с методами сбора информации, нестандартизованной научно-исследовательской терминологией, быстрым ростом числа новых государств, где условия для исследований были неопределенными, а накопление информации — нерегулярным. Далее, расширялась сфера политики, которую можно было рассматривать, с одной стороны, как совокупную систему, а с другой — как исследование характерной модели поведения. Наконец, существовала тенденция к построению моделей, включая весьма несовершенные и эфемерные проекты и классификационные схемы, явно оторванные от реальности и опирающиеся на ненадежные, сугубо предварительные данные.

Кроме этих тенденций, специалисты в области сравнительной политологии сталкивались также с проблемой беспристрастности проведения научных исследований. Применительно к изучению политического поведения многие политологи акцентировали внимание на четкости исходных положений и исследованиях, проводимых систематически, поддающихся количественному анализу и основанных на накоплении материала. Исследователи занимали позицию объективных ученых-социологов, отделяя себя в этой роли от активных граждан. Однако субъективный фактор признается во всех исследованиях политики. Кристиан Бэй (Bay, 1965) утверждал, например, что работа, претендующая на нейтральность, фактически пронизана весьма субъективными оценками и в действительности является консервативной и антиполитической. Эта озабоченность разделяется и в исследованиях Чарльза Маккоя и Плейфорда (McCoy and Playford, 1967), а также Гуннара Мюрдаля (Myrdal, 1969). Сиринг (Searing, 1970) углубленно изучил эту проблему и пришел к заключению, что субъективные оценки присутствуют на шести этапах исследования, но не обязательно ведут к пристрастным выводам. На первых двух этапах — выбора проблемы и формирования концепции — субъективные решения довольно значимы, но не всегда влияют на исследование. А на этапах отбора данных, их толкования и создания теории вторжение субъек-

тивных оценок может привести к необъективности. Сиринг признал также, что ценностные суждения создают проблему и на последнем этапе — этапе верификации.

Перечисленные выше этапы предполагают наличие систематического метода соблюдения определенной процедуры исследования в общественных науках. Можно допустить, что этот метод заимствован у исследователей в области естественных наук, которые ищут порядок среди абстракций, отбираемых ими в мире явлений, не относящихся к человеческому роду. Таким образом, общественные науки могли бы просто заимствовать теории и критерии естественных наук для изучения мира человека. Однако акцент на упорядоченность непременно затруднит выявление какого-либо отклонения от нормы. В научные исследования могут быть привнесены субъективные оценки, мнения и личные интересы, и в конечном счете новые знания не будут получены. Таковы опасения многих людей, интересующихся сравнительной политологией.

Все эти проблемы связаны с выработкой теории и метода сравнительной политологии. Читатель, возможно, захочет познакомиться с литературой и объяснениями по этому вопросу, поэтому я перейду к краткой характеристике некоторых основных трудов, оказавших влияние на сравнительную политологию.

Труды прошлого

Более ста лет назад Эдвард Фримен (Freeman, 1873) выразил оптимистическое убеждение в том, что сравнительная политология дает многообещающие перспективы открытия универсальных законов с помощью глобальных исследований. Часто утверждают, что у нас нет никаких фундаментальных универсальных законов или принципов, хотя уже в далеком прошлом в области общественных наук работали ученые, разбиравшиеся в теоретических и методологических проблемах.

Об этих проблемах писали Макс Вебер в «Методологии социальных наук» (Weber, 1949) и Эмиль Дюркгейм в «Правилах социологического метода» (Durkheim, 1938). Вебер сосредоточил внимание на значении ценностных суждений и беспристрастности в социологии и экономике, проанализировал роль объективности в социальных науках и методологические взгляды ученых своего времени. Дюркгейм попытался дать описание и определение метода изучения социальных явлений; в то же время он признавал, что, например, его предшественник Герберт Спенсер совсем не уделял внимания проблеме метода, а Джон Стюарт Милль, напротив, обстоятельно рас-

смотрел данный вопрос, но лишь обобщив то, что ранее изложил в своих работах Огюст Конт. Дюркгейм предложил критерии изучения общественных явлений, классификации социальных типов, объяснения общественных явлений и установления социологических доказательств. Он считал, что его метод отделил социальные науки, особенно социологию, от философии, а также от пронизывавших социальные науки в последующие периоды позитивистских, эволюционистских и идеалистических направлений.

В отличие от Вебера и Дюркгейма, Карл Маркс не оставил представления по теории и методу, но интерес к ним в его трудах просматривается. Маркс проводил сравнительный анализ с упором на монархии Европы, но интересовался и другими регионами, особенно Азией. Маркс, вероятно, объяснил бы представления современных ему социальных наук об обществе, находящемся в равновесии, как результат деятельности правящего класса, который приводит в исполнение правила и нормы, узаконивающие производственные отношения, вырастающие из конкретных средств производства и производительных сил. Эти средства и силы могут устаревать, поскольку изменения и равновесие становятся диалектическими составляющими единого процесса. Ниже (в Главе 4) я подробнее остановлюсь на трудах Маркса и наглядно покажу, что его теория и методология по сути противоречат господствующим тенденциям в современной литературе по сравнительной политологии.

Теоретические и методологические проблемы сравнительной политологии были в сфере интересов Мориса Дюверже (Duverger, 1964), предложившего полезное для читателя введение в данную дисциплину. Во-первых, он выработал концепцию социальной науки, проследив ее историческое развитие. Во-вторых, описал и обсудил приемы изучения письменных документов и статистических данных, а также методику анкетирования и опросов. В-третьих, изучил применение теории и гипотез, а также классификации и разработку концепций в исследованиях. Дополнением к работе Дюверже, отмеченным более углубленным вниманием к собственному исследованию, служит труд Фрохока (Frohock, 1967), исследовавшего значение и спорные вопросы теории и научного метода. Научный метод там оценивался под углом зрения поисков парадигм, а труды Макса Вебера были представлены в качестве единственной основы современной общественной науки.

На методах сравнительных исследований сосредоточивали свое внимание и другие авторы. Например, Говард Скэрроу (Scarrow, 1969) предложил краткое введение в методику сравнительного ана-

лиза, Холт и Тёрнер (Holt and Turner, 1970), а также Пржеворский и Тойн (Przeworski and Teune, 1970) более глубоко изучили предмет политических исследований. Работа Галтунга (Galtung, 1967) посвящена критическому анализу теории и метода.

Общий план данного исследования

Я обосновал необходимость нового обзора сравнительной политологии и рассмотрел некоторые общие вопросы теории и сравнительных исследований. В Приложении 1, помещенном в конце этой книги, вниманию читателя предлагаются определения, способствующие более ясному пониманию терминологии политической науки и сравнительной политологии; выделяются некоторые наиболее важные методы и приемы сравнительных политических исследований. В Приложении 2 прослеживается эволюция идей, оказавших влияние на сравнительные исследования после 1980 г., приводится список основной литературы, чтение которой предвещает изучение сравнительной политологии, называются несколько важных работ в области сравнительных исследований последнего времени, которые используют макротеоретический подход при изучении одной или нескольких национальных политических систем или стран.

После 1953 г. главные теоретические направления в области сравнительных исследований в основном сосредоточивались в пяти областях: теориях государства, теориях культуры, теориях развития, классовых теориях и теориях политической экономии. Каждой из этих областей посвящена одна из глав данной книги; заключительная глава не только демонстрирует важность политической экономии для политической науки и сравнительной политики, но и играет роль введения к анализу и критическому обзору литературы в следующей моей книге — «Сравнительная политическая экономия», продолжении настоящей работы. Полезно будет кратко остановиться на важнейших работах, где была систематизирована каждая из вышеназванных областей, ставших главными направлениями в области сравнительной политологии.

Теории государства и систем

Влияние литературы в области теории систем на сравнительную политологию впервые стало заметным в начале 1950-х гг. Разные направления в теории систем представлены тремя авторами, и все трое использовали политическую систему в качестве макроединицы при

проведении сравнительного анализа. Дэвид Истон в «Политической системе» (1953) и других трудах изложил концепцию политической системы с ее входами и выходами, требованиями, поддержкой и обратной связью. Основы этой концепции содержатся в широко известном очерке, опубликованном в 1957 г. Габриэль Алмонд находился под влиянием антропологов-функционалистов Бронислава Малиновского и А.Р. Радклифф-Брауна, социологов Макса Вебера и Толкотта Парсонса, а также испытывал воздействие трудов по теории групп, в частности работы Дэвида Трумэна. Алмонд впервые предложил простую классификацию политических систем в «Джорнэл оф политикс» за 1956 г., причем включил туда системы незападных и недавно получивших независимость стран. Затем он сформулировал категории структуры и функции, связав их со всеми системами во введении к «Политике в развивающихся регионах». Позднее он распространил свою концепцию на проблемы культуры и развития. Наконец, Карл Дойч в «Нервной системе правления» постулировал системную модель политики, заимствовав многое из кибернетической теории Норберта Винера.

В конце 1950-х гг. Алмонд и другие компаративисты убедительно доказывали, что понятие государства давно запутано множеством концепций и его следует заменить понятием политической системы, легко приспособляемым к научным исследованиям в наступившем компьютерном веке. Истон взялся создать параметры и концепции политической системы, хотя и признавал, что политическая наука обязана своим существованием традиционному упору на понятие государства. Оба этих политолога вплоть до середины 1980-х гг. настаивали на значении политической системы как сердцевины политических исследований.

Однако внимание к проблемам государства представителей основного направления исследований полностью не игнорировалось, поскольку появление в 1960—70-х гг. военных режимов в Аргентине, Бразилии и других странах Латинской Америки привело к ретроспективной интерпретации государственного корпоративизма, ранее имевшего место в Европе, особенно в Испании и Португалии. Затем новые объяснения корпоративизма появились в других странах; традиционный корпоративизм противопоставлялся общественному, например, в работах Филиппа Шмиттера и Говарда Виарды. Живучесть диктатур объяснялась в соответствии с бюрократической авторитарной моделью Гильермо О'Доннелла, пример которой он видел главным образом в Аргентине. Альтернативные концепции содержали также работы Ральфа Милибенда «Государство в капита-

листическом обществе» (1969) и Никоса Пулантца «Государство, власть, социализм» (1978), а политические социологи Питер Эванс, Теда Скокпол и другие в книге «Возвращение государства» (1985) доказывали, что проблеме государства необходимо уделять больше внимания. Появление этих работ показывало, что, несмотря на возражения Алмонда и Истона, ученые, принадлежавшие к основному направлению компаративистики, прошли полный круг и вернули государству важное место в политических исследованиях. Эти исследования способствовали переносу центра внимания с политической системы страны на государство и правительство, их роль и воздействие на капиталистическое развитие. Ученые, принадлежавшие к основному направлению политической науки, адаптируясь к терминологии исследований государства, основное внимание уделяли бюрократии и осуществлению политики, и хотя в их работах известное место отводилось экономическим проблемам, они обычно излагали свои взгляды в рамках традиционных институциональных схем, где государство определяется исполнительными, законодательными и судебными действиями, а в гражданском обществе преобладают политические партии, группы интересов и индивидуальные действия.

Теории культур

Исследования культуры в сравнительной политологии особенно активизировались в 1960-х гг., а начало тому было положено традиционными работами о культуре в рамках антропологии и социализации, социологическими исследованиями, проводившимися силами небольших групп, и изучением личности в рамках психологии. Концепция политической культуры была связана со странами или национальными культурами. В этом смысле политическая культура представляла собой своего рода видоизменение более ранних понятий национального характера. Политическая культура также касалась систем. Она состояла из убеждений, символов и ценностей, характеризующих обстановку, в которой происходят политические действия. Типы политической культуры служили отличительными признаками систем; например, местнические, подчиненные или партиципационные политические культуры. Эти типы политической культуры выражали психологическую и субъективную ориентацию людей по отношению к их национальной системе. Первой попыткой создания сравнительной теории политической культуры была работа Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура», основанная на опросе граждан об их отношении к своей стране, прово-

дившемся в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Германии, Франции, Италии и Мексике. Исследование исходило из положения, выдвинутого ранее в трудах Алмонда, о том, что идеалом политической, или гражданской, культуры является англо-американская политическая модель. Лусиан Пай и Сидней Верба, развивая эту теорию, собрали воедино очерки видных политологов в книге «Политическая культура и политическое развитие». Хотя там делались попытки связать политическую культуру с политикой конкретных стран, например в работе Пая «Политика, личность и строительство страны: Бирма в поисках самобытности», в целом очерки можно было разделить на две подгруппы: политическая социализация и средства информации. Характерными примерами работ в этих областях являются «Образование и политическое развитие» под редакцией Джеймса Коулмена и «Коммуникации и политическое развитие» под редакцией Пая.

В 1970-х гг. политологи перешли от общих исследований политической культуры к более конкретным исследованиям политической социализации и формирования политических приверженностей с помощью таких институтов, как семья, школа, место работы. Они также придавали особое значение изучению общественного мнения, роли средств массовой информации и коммуникаций, отражающих общую политическую культуру. В 1980-х гг. акцент был перенесен на изучение индивидуального выбора, при этом особое внимание обращалось на политические партии, общественное мнение и избирательную политику. Интерес к рациональному и индивидуальному выбору доминировал в немарксистских трудах Рональда Инглхарта, анализировавшего данные опросов «Евробарометра» по Западной Европе, а марксистские взгляды излагались в эмпирических работах Адама Пржеворского, осуществленных с применением количественных методов исследования.

Хотя концепцию политической культуры часто критиковали за абстрактную идеализацию, она не только вернулась в обращение в более поздней литературе, но и стала одной из популярных тем для обсуждений среди интеллектуалов. Майкл Томпсон, Ричард Эллис и Аарон Вилдавский сделали хорошее дело, подробно изложив в «Теории культуры» (1990) работы крупных мыслителей — от Монтескье и Конта до Дюркгейма, Маркса и Вебера, доказывая при этом, что культуры плюралистичны, а не сингулярны, и представив многостороннюю концепцию политической культуры, ее смысла и значения.

Поскольку культурные особенности часто отражают сохранение ценностей, социальных установок и норм, в исследованиях полити-

ческой культуры неизбежно придается особое значение стабильности и моделям преемственности в политической жизни. В работах, подвергающих сомнению этот подход и больше интересующихся перспективами общественных изменений, он, однако, мог быть применен для изучения вопроса о том, как находящиеся у власти удерживают ее или каким образом коренное население противится проникновению извне. В этой связи стоило бы рассмотреть пример культурного сопротивления африканцев в Мозамбике и Анголе португальским планам коммерциализации и колонизации в колониальный период. Понятие культуры включалось также в идею нового человека, бескорыстного и жертвенного индивида, готового трудиться ради совершенствования социалистического общества. Культурным влияниям отводилось важное место в исследованиях роли семьи при капитализме; примером служит работа Эли Зарецки «Капитализм, семья и общественная жизнь» (1986).

Теории развития

Интерес к развитию возник с появлением множества новых государств «третьего мира». Алмонд и другие в «Политике в развивающихся регионах» обратили внимание на отсталые области, подающие надежды на развитие. Алмонд понял необходимость увязать с развитием свои идеи о природе политической системы и о политической культуре. В результате в 1965 г. в журнале «Уорлд политикс» появилась статья Алмонда, а в соавторстве с Бингамом Пауэллом он опубликовал книгу «Сравнительная политология: подход с точки зрения развития». В этом труде Алмонд уже более осознанно подошел к созданию модели концепций и стадий, характеризующих развитие. В книге, изданной по заказу Комитета по сравнительной политологии, с 1963 г. работающего в рамках Совета по изучению общественных наук (SSRC), также уделялось особое внимание теории сравнительного развития.

Литература, принадлежащая к основному направлению исследований о развитии, практически делится на пять категорий. В первой, представленной Алмондом и другими, предпринимается попытка использовать традиционные представления о демократии и политическом развитии, выразив их в более усложненной, подчас абстрактной терминологии. Теория стадий развития изложена в книге А.Ф.К. Органского «Стадии политического развития», смоделированной по работам экономиста Уолта Ростоу. Эти концепции политического развития, однако, исходят главным образом из опыта анг-

ло-американской политики. Другую категорию представляют исследования концепций построения государства. В них, например у Ганса Кона, сделана попытка объединить старые понятия национализма с новыми интерпретациями развития. Блестящим примером тому служит работа Карла Дойча «Национализм и социальная коммуникация», а книги Руперта У. Эмерсона «От империи к нации» и Калмана Силверта «Нарождающиеся народы: национализм и развитие» являются примерами анализа национализма и развития на материале регионов Африки и Латинской Америки.

Третья категория исследований развития сосредоточена на модернизации. Примерами этого вида литературы служат работы Маррион Дж. Леви «Модернизация и структура обществ», излагающая смелую концепцию применения структурного функционализма к теории политической модернизации, и Дэвида Эптера «Политика модернизации» — дерзкая попытка создания модели. Четвертая категория включает исследования изменений, яркий образец литературы по этой теме — книга Самюэля Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах». Пятая категория включает работы, критикующие этноцентрические теории развития, подобные вышеназванным.

Критики главное внимание обращали на этноцентризм приверженцев этих теорий, их неспособность заниматься причинами не развитости отсталых стран и вместо этого сосредоточенность на способах распространения капитализма и техники из развитых стран в менее развитые. Теоретики обращались к «третьему миру» с целью выработать теорию слаборазвитости. Мысль о том, что распространение капитализма способствует не развитию, а слаборазвитости во многих частях мира, высказана в работах Андре Гундера Франка «Капитализм и слаборазвитость в Латинской Америке» (1967), Уолтера Родни «Как Европа сделала Африку слаборазвитой» (1972) и Малькольма Колдуэлла «Богатство некоторых стран» (1979). Теотонью душ Сантуш предложил идею «новой зависимости», объясняющую традиционные взаимоотношения стран этих регионов с развитыми капиталистическими странами, особенно с Соединенными Штатами Америки; такая форма зависимости была особенно характерна для транснациональных компаний в период после Второй мировой войны. Сходную идею можно обнаружить в выдвинутом Раем Моро Марини понятии «субимпериализм», означающем положение дел, при котором отдельные страны «третьего мира» могли служить посредниками империалистических государств в эксплуатации других стран. Наконец, Фернандо Энрике Кардозо отстаивал идею ассоци-

ированного зависимого развития, согласно которой в зависимых странах был возможен определенный капиталистический рост. Эти идеи возникли в качестве радикальных альтернатив североамериканской литературе о развитии, но со временем они влились в основное направление политических наук, несмотря на возражения Алмонда, Хантингтона и некоторых других компаративистов, отвечавших на критику, которая в итоге дискредитировала их более ранние теории.

Классовые теории

В середине 1960-х гг. Комитет по сравнительной политологии Совета по изучению общественных наук (SSRC) принял решение об активизации изучения элит. В 1950-х гг. Флойд Хантер и Ч. Райт Миллс исследовали проблемы власти и людей, ею обладавших, однако их работы подверглись критике со стороны Роберта Даля и других сторонников плюралистической концепции политики. Были выделены слабые стороны исследований сообществ, проводившихся целым поколением политических социологов, и американские политологи обратились к новой области — городской политике. Правда, споры между элитистами и плюралистами начала 1960-х гг. не смогли полностью дезориентировать специалистов в области сравнительной политологии. Потребность в изучении политических лидеров «третьего мира» усилило появление таких харизматических фигур, как Фидель Кастро и Кваме Нкрума. Кроме того, активизация изучения элит была вызвана неспособностью парламентских институтов обеспечить стабильность в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Теория элит, однако, развивалась в нескольких направлениях — в известной мере под влиянием предшествующих работ Маркса, Моски и Парето. Под воздействием Ч. Райта Миллса и Уильяма Домхоффа некоторые теоретики сосредоточили свое внимание исключительно на структуре власти, игнорируя поведение масс. Другие продолжали исследования в направлении очерченного социологами анализа социальной стратификации, а марксисты обратились к вопросам классовой борьбы и анализу буржуазного правящего класса и пролетариата.

Компаративистские исследования продвигались по крайней мере в двух направлениях. Одно из них обращало внимание на роль масс во многих странах, примерами тому служат книги Алекса Инкельса и Дэвида Смита «Становящиеся современными» (1974), а также Сиднея Вербы, Нормана Ная и Джае-он Кима «Участие и политическое равенство» (1978). В обеих работах подчеркивалась роль скорее

личности, нежели элиты. В первом исследовании проявляется особый интерес к тому, как отношение индивида к средствам производства определяет его самосознание. Во втором ставится вопрос, в какой мере люди, участвующие в политической жизни, представляют население в целом. Другое направление, пытаясь создать теорию, обратилось к вопросам классовой борьбы и анализу конкретных общественных классов.

Теории класса обязаны своим происхождением ряду традиционных взглядов, включая концепцию «циркуляции» элит, сформулированную в «Социологических трудах» (1966) Вильфредо Парето, идею класса правящих, развитую в книге «Правящий класс» (1939) Гаэтано Моски, и идею о правящем классе в различных трудах Маркса. Среди значительных попыток развития марксистского подхода можно назвать исследование Никоса Пулантца «Политическая власть и общественные классы» (1973), где автор особо подчеркивал растущую роль «новой мелкой буржуазии», или сектора услуг, а также книги Эрика Олина Райта «Класс, кризис и государство» (1980) и «Классы» (1985), называвшего исследуемую группу «новым средним классом». Это направление критиковали, в частности, за акцент на поведении в структуре власти, подчеркивание социальной стратификации без изучения экономической, особенно капиталистической, основы класса и чрезмерное преувеличение роли рабочего класса как фактора изменения условий жизни при капитализме и социализме, тогда как в реальности уже возникли другие массовые движения (экологические, феминистские, пацифистские и т.п.), оказывающие давление с целью проведения реформ и перемен.

Теории политической экономии

Политическая экономия была предметом особого внимания мыслителей XIX в. Адама Смита и Давида Рикардо, а также критиковавшего их Маркса. Их полемика привела к появлению буржуазных и радикальных теорий, выдвинувших такие концепции, как государство, класс и идеология, использовавшиеся для анализа политики, а такие, относящиеся к производству, как способ, отношения, силы и средства, — для понимания экономики. Классики политической экономии в своих трудах применяли все эти концепции, а их преемники пользовались ими на последующих этапах развития теории — от классического либерализма, утопического социализма, неоклассической политэкономии, кейнсианства и посткейнсианства до неомарксизма.

Акцент на политической экономии в конце Главы 9 предполагает разделение международной и сравнительной политической экономии; при этом особое внимание уделяется теориям империализма, зависимости, слаборазвитости, государства и класса. Такое разделение помогает разобраться в том, каким образом сконцентрировать политические науки вокруг политической экономии. Однако в следующей моей книге, продолжении этой работы, я выделяю в первую очередь сравнительную политическую экономию, изучающую эти и другие темы, исходя при этом из того, что сравнительная политология включает в себя все главные проблемы политики и что изучение политики не может быть изолировано от социальных и экономических проблем.

* * *

Критическое исследование этих областей теории — главная задача настоящей книги. Однако любознательный читатель, возможно, пожелает изучить и более общие работы в данной области. Поэтому в обзоре общей литературы по сравнительной политологии после 1980 г. материал классифицируется по таким разделам: издания общего характера, межстрановые исследования, многотомные издания по сравнительным исследованиям, региональные исследования и справочные издания (см. Приложение 2). Отдельные вопросы рассматриваются более глубоко в основных разделах книги. Идеологические тенденции отмечаются при анализе противоречий в политике и профессии, а также взаимодействия научного мира с правительственными и деловыми кругами. Глава 3 посвящена поиску парадигмы в сравнительном анализе; исследуются исторические корни и фундаментальные предпосылки позитивизма и историзма, господствовавших в этой области. В Главе 4 я обращаюсь к жизни, взглядам и произведениям Карла Маркса и Макса Вебера, этих двух оказавшихся весьма влиятельными предшественниками современных теоретиков. В Главах 5—8 рассматриваются уже упомянутые теории систем, культуры, развития и классов. В каждой из них критический обзор разных направлений сопровождается попыткой выделить парадигматические влияния и вступающие в противоречие друг с другом толкования политики.

В центральных главах обобщаются направления теории и даются оценки литературы по сравнительной политологии; в каждой главе тщательно выделяются дихотомии парадигматических влияний. В Главе 5 определяются два основных направления системной теории в ее абстрактной и нейтральной форме: обобщающая концепция структур Дэвида Истона и структурно-функциональный подход Габриэля Ал-

монда. Мне могут возразить, что эти подходы сегодня устарели, но я полагаю, что в политической науке они по-прежнему сохраняют свою актуальность. Тем не менее совершенно ясно, что внимание к государству — его формам, политике и воздействию на общество — доминировало в сознании компаративистов не только в первые годы существования компаративистского подхода, но и в последнее время. В 1960—70-х гг. теоретики государства, принадлежавшие как к основному направлению, так и к альтернативным, отрицали системные теории, но к 1980-м гг. системные теории стали преобладающими. В Главе 6 первоначально выделялась ныне дискредитированная, а ранее разделявшаяся большинством исследователей теория политической культуры, но в нынешний, пересмотренный, вариант книги включена также критика самой гражданской культуры; становится очевидно, что теория культуры по-прежнему важна и для исследователей, принадлежащих к основному направлению, и для сторонников альтернативных подходов. В Главе 7 сохраняется прежнее разделение на господствующую и альтернативные теории развития и отсталости, но уже наглядно показано, как капиталистическое развитие и озабоченность проблемами модернизации, национализма и демократии могут сосуществовать бок о бок с социалистическим развитием и перспективами отсталости, зависимости и империализма. В этой же главе говорится, что сравнительная политология вернулась к некогда дискредитированным теориям развития и модернизации и что альтернативные теории влились в главное русло исследований в этой области. Глава 8 рассматривает группу людей как сторону, заинтересованную в получении доли власти и признания, с одной стороны, а с другой — как общественный класс, борющийся внутри капиталистического общества. В ней также более широко, чем в первом издании, анализируются различные теории классов, но, кроме того, описываются определенные теоретические попытки, предпринимавшиеся в этом направлении с 1980 г. В заключительной главе приводятся доводы в пользу воссоздания сравнительной политологии в рамках политической экономии. В помощь студентам в конце каждой главы дается аннотированный перечень почти всей использованной в тексте литературы, хотя ряд широко известных работ с указанием авторов, заглавий и даты издания упоминаются в самом тексте.

1990-е гг.: оценка старых и новых направлений

Рассматриваемые в нынешнем, переработанном, издании темы включают общую концептуальную схему первого издания. В заклю-

чительной части данной главы эти темы освещаются с целью продемонстрировать, что тогда мне удалось точно обозначить источники происхождения сравнительной политологии и направление ее развития. Я также утверждал, что для эволюции сравнительной политической теории скорее характерна непрерывность в развитии, нежели существенные изменения.

Мое описание компаративистики в 1980 г. в общих чертах совпало с направлениями исследований, проводившихся Комитетом по сравнительной политологии Совета по изучению общественных наук (SSRC) и его председателем Габриэлем Алмондом. Сначала там интересовались политической системой, затем — политической культурой, а после и политическим развитием — элитами и массами. Проследив, таким образом, динамику в этой области, я высказал предположение, что данные темы удачно укладываются в четыре взаимосвязанных подраздела сравнительной политологии. Предложив альтернативы парадигме мышления, укоренившейся в политических науках и сравнительной политологии, я поставил себе цель способствовать тому, чтобы студенты рассматривали множество толкований, подходов, методов и способов исследования предмета и, проводя конструктивный и критический анализ, вырабатывали собственные системы взглядов. Необходимость постоянно подчеркивать важность основ теории была со всей очевидностью подтверждена высоким уровнем научной работы многих молодых ученых, сочетавших в своих диссертациях и опубликованных монографиях теорию с конкретными социологическими исследованиями одной или нескольких ситуаций. В результате уровень научной работы стал еще выше, а наше понимание сравнительной политологии расширилось — не столько из-за пространных теоретических рассуждений общего характера и использования поверхностных концептуальных схем, сколько благодаря углубленному изучению конкретных ситуаций на основе теории и эмпирических исследований. Такие исследования, как правило, включали сбор фактических данных на местах, работу в архивах и проведение социологических опросов. Кроме того, появился ряд значительных, исторически обоснованных и отражающих авторскую позицию сравнительных исследований, выдержанных в традициях известных трудов Баррингтона Мура «Социальные источники диктатуры и демократии» (1966) и Теды Скокпол «Государства и социальные революции» (1979). В настоящее время эту линию продолжает небольшая группа ученых, чья позиция выработалась на основе синтеза научных монографий. Наконец, наблюдалось широкое распространение исследований европейской проблематики, опиравшихся на

данные опросов общественного мнения. Так, Рональд Инглхарт и Рассел Долтон в своей работе проанализировали соответствующую информацию, имеющуюся в базах данных, например, «Евробарометра».

По окончании работы над изданием 1980 г. я был удовлетворен достаточно полным обзорным очерком и обобщением сравнительной политологии, написанными с должным уважением к трудам прошлого, но включавшими и критический обзор успехов и неудач. Помещенный в начале (в данной книге это Приложение 1) обзор основной терминологии имел целью разъяснить значение концепций, используемых большинством исследователей. Акцент на политике и идеологических корнях политической науки и сравнительной политологии всего лишь отражал серьезную озабоченность ситуацией в данной области и предполагал стимулирование альтернативных взглядов. Я считал (и по-прежнему считаю), что ни «конец идеологии», ни постиндустриальная революция не могут точно охарактеризовать современное положение. Краткий очерк о происхождении и развитии сравнительной политологии явился попыткой сопоставления различных направлений исследований и интерпретаций. Сравнение теорий и взглядов двух мыслителей прошлого, Маркса и Вебера, убедительно продемонстрировало сходство и различие их подходов и методов, а также необходимость вновь обратиться к их фундаментальным трудам, не полагаясь на толкования из вторых рук. Вклад Маркса и Вебера в современную общественную науку был весьма существенным, хотя мое внимание к ним не означало умаления роли других ученых, как их предшественников, так и современных исследователей.

Мое внимание к теориям политической системы явилось признанием того мощного воздействия их на политическую науку и сравнительную политологию, какое они оказывали начиная с 1950-х гг. В описании теорий государства я попытался дать исторический контекст и показать, что корни этих теорий можно обнаружить не только у Аристотеля и Платона, но и у Монтескье, Макиавелли, Гегеля, Маркса и множества других мыслителей, занимавшихся проблемами государства. Наблюдавшаяся в 1980-х гг. сосредоточенность на проблемах государства политических исследователей, принадлежавших как к основному, так и к радикальным направлениям, еще больше оправдывала сохранение нашего интереса к данной теме. Осуществленный мною критический обзор теорий политической культуры выявил поверхностность и ограниченность большинства общих исследований и отразил упадок этих теорий примерно с 1980 г. Хотя я предвидел, что эмпирические работы по вопросам обобществления и общественного мнения сохранят свое значение, я не предугадал ни возрождения интереса к

политической культуре, ни того, что к ней будут обращаться как традиционные, так и прогрессивные исследователи. Мое сопоставление традиционных взглядов на развитие, например на модернизацию с учетом преобладающих противоположных подходов, сосредоточенных на отсталости в развитии, зависимости и империализме, частично предвосхитило вхождение многих прогрессивных идей в общее русло исследований предмета, но моя позиция не учитывала переработки теорий модернизации и возрождения интереса к ним. В 1980-х гг. появилось много новых теорий развития, которые я включил в данное переработанное издание. Мое внимание к классовым теориям оправдалось обилием исследований классовых проблем в конце 1970-х — начале 1980-х гг. По существу, интерес к этой теме сохраняется до сих пор. Однако падение обществ, базировавшихся на командной системе государственной экономики в Восточной Европе и Советском Союзе, сопровождалось отходом от концепции класса и возвратом к концепции групп интересов и институциональных сил, традиционно господствовавшей в умах североамериканских политических мыслителей и определявшей их интерес к плюрализму и социальной демократии. В данной работе отстаивается необходимость анализа в сравнительных исследованиях как классовых, так и институциональных сил.

Первое издание заканчивалось призывом сосредоточить внимание на политической экономике как сердцевине сравнительных исследований. Эта мысль подчеркивается и в данном издании. Очевидно также, что ученым-компаративистам нужно обратить внимание на темы, появившиеся в 1980-х гг. и теперь включенные в данную книгу: гендерная проблема, феминизм, женские исследования; роль экологических и природоохранных групп, пацифистов и «зеленых»; вопросы выбора (общественного, рационального и рационально-марксистского); вопросы демократии в ее соотношении с капитализмом и социализмом; роль капитализма в развитии, а также возрастание и уменьшение роли Соединенных Штатов в мировой экономике. Восемидесятые годы также напомнили нам о значении Антонио Грамши в политической науке и в сравнительной политологии.

Словом, сравнительная политология — не та область, в которой сказано последнее слово. На ее развитие продолжают оказывать воздействие и старые, и новые идеи. Такое положение вещей не только допускает дискуссии и расхождения во мнениях, но и создает предпосылки для содержательного диалога по спорным вопросам, а также открывает как ученым, так и студентам возможность углубиться в ранее неизведанные проблемы или пересмотреть установившиеся взгляды на быстро меняющийся и развивающийся мир.

Литература

Bay, Christian. 1965. «Politics and Pseudopolitics». *American Political Science Review* LIX (March), 39—51. Утверждается, что труд, связанный с политическим поведением, не может прояснить его реальных ценностных пристрастий, что он не нейтрален, а, напротив, является консервативным и аполитичным.

Braibanti, Ralph. 1968. «Comparative Political Analytics Reconsidered». *Journal of Politics* 30 (February), 25—65. Обзор тенденций сравнительной политологии до 1966 г., причем основное внимание уделяется четырём важнейшим проблемам: взаимосвязи конфигуративного анализа с сопоставимостью; связи между функциональным и институциональным анализом; связи новых политических систем с установленными системами и научному методу; быстрому и неравномерному распространению сравнительного политического анализа.

Durkheim, Emile. 1938. *The Rules of Sociological Method*. Translated by Sarah A. Solovay and John H. Mueller and edited by George E.G. Catlin. Chicago: University of Chicago Press. Попытка выработки методики, отличной от естественной науки и философии таких мыслителей прошлого, как Конт, Спенсер и Милль.

Duverger, Maurice. 1964. *An Introduction to the Social Sciences with Special Reference to Their Methods*. Translated by Malcolm Anderson. New York: Frederick A. Praeger. Вслед за вводным разделом о природе социальной науки следует раздел о приемах наблюдения и еще один, посвященный системному анализу, включая обсуждение сравнительного метода.

Freeman, Edward A. 1873. *Comparative Politics*. London: Macmillan. О намерении открывать универсальные законы с помощью глобальных и лонгитюдных сравнений.

Frohock, Fred M. 1967. *The Nature of Political Inquiry*. Homewood, Illinois: Dorsey Press. Освещаются темы, относящиеся к теории, функции и причинной связи в социальной науке, науке и социальном анализе, а также к фактам и ценностям и политическому исследованию.

Galtung, Johan. 1967. *Theory and Methods of Social Research*. New York: Columbia University Press. Анализ сильных и слабых сторон в методологии социальной науки. Попытки интегрировать «широко разбросанные подходы в сборе, обработке и анализе данных и создании теории».

Holt, Robert T., and John E. Turner (eds.). 1970. *The Methodology of Comparative Research*. New York: Free Press. Эссе по методологии, авторами которых являются Холт и Тёрнер, Холт и Ричардсон, Риггз, Лапаломбара, Эптер, Фрей и др.

McCoy, Charles A., and John Playford (eds.). 1967. *Apolitical Politics: A Critique of Behaviorism*. New York: Thomas Y. Crowell. Опубликованные ранее собранные воедино эссе подчеркивают консервативные намерения и пристрастия бихевиористских исследований, поддерживают бихевиористское понимание массовой демократии и массовых движений как не поддающихся контролю и хаотичных и антиполитическую ориентацию бихевиористов. В сборник включены эссе Бэя, Кима, Шварца, Петраса, Гитлина, Бахраха, Баратца и др.

Myrdal, Gunnar. 1969. *Objectivity in Social Science*. New York: Pantheon Books. Критический взгляд на ценности, убеждения и мнения, а также признание, что все это беспринципно вносится в теорию и исследование.

Przeworski, Adam, and Henry Teune. 1970. *The Logic of Comparative Social Inquiry*. New York: Wiley-Interscience. Посвященный методологии сравнительного исследования том делится на две части: теория и измерение. Это не абстрактное исследование, а наглядное описание конкретных ситуаций в странах. Среди рассматриваемых тем — интерпретации в социальной науке, исследовательский замысел, уровни системного анализа, кросснациональная теория, концептуализация.

Scarow, Howard A. 1969. *Comparative Political Analysis: An Introduction*. New York: Harper and Row Publishers. Краткое введение в методологические аспекты сравнительного политологического анализа. Рассматривается описание с помощью классификации, типологий, распределений по категориям и обзоров; социологические перспективы; проблемы интерпретации; проблемы свидетельства; объяснительные методы; а также описательные акценты и объяснительные факторы.

Searing, Donald D. 1970. «Values in Empirical Research: A Behaviorist Response». *Midwest Journal of Political Science* 14 (February), 71—104. Попытки разграничить ценностные пристрастия и ценностный выбор и выявить их воздействие на шесть стадий исследования от выбора проблемы до верификации. Утверждается, что лишенное ценностной ориентации исследование невозможно, однако неукоснительное внимание к методологии способно покончить с пристрастием, хотя ценностные предпочтения могут серьезно влиять на исследования и применение их итогов на практике.

Weber, Max. 1949. *The Methodology of the Social Sciences*. Translated and edited by Edward A. Shils and Henry A. Finch. New York: Free Press. Эссе Вебера, написанные между 1903 и 1917 г., в которых делается попытка прояснить проблемы теории и методологии, с которыми сталкиваются в процессе исследования.

Часть вторая

ИДЕОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

В американской политической науке происходит новая революция... Ее боевой клич — *значимость и активность*. Объектами критики в ходе революции стали научные дисциплины, научные профессии и университеты.

*Дэвид Истон, президентская речь перед
Американской ассоциацией политических наук (APSA),
сентябрь 1969 г.*

Инакомыслие привлекает не так уж много сторонников среди представителей американской политической науки. Но многие из нас знают, что некоторые наши студенты, особенно самые способные, пробуют самостоятельно и без какого-либо руководства с нашей стороны разобраться в том, что представляет собой инакомыслие.

*Чарльз Линдблом, президентская речь перед
Американской ассоциацией политических наук,
сентябрь 1981 г.*

Исторически сложилось так, что занимающиеся сравнительной политологией ученые и студенты выражают неудовлетворенность этой научной областью, предметом и научной профессией. Приходится слышать и читать о немощи, поразившей политическую науку и сравнительную политологию. Утверждают, что данная дисциплина известна своим консерватизмом, что ее чураются активисты, интересующиеся политическими изменениями. К тому же недостатки этой научной дисциплины тесно связаны с политической системой США, которую ученые стараются преподнести в этноцентрическом духе. Иллюзии в отношении американской демократии были развеяны не

только событиями во Вьетнаме, но и уотергейтским кризисом, вскрывшим слабости политической системы и приведшим к краху президентства Никсона, а также скандалом «Иран-контрас», разоблачившим коррупцию и темные махинации «тайного правительства». Военные интервенции США в Доминиканской Республике в 1965 г., в Гренаде в 1983 г. и в Панаме в 1989 г. были всего лишь проявлением дипломатии канонеров прошлого века и представляли собой попытку восстановить во всем мире убеждение в американском превосходстве. Все эти события означали, что в американской жизни идеология и политика являли собой мощную силу и порождали множество вызывающих споры проблем.

Часто спрашивают о последствиях знакомой ситуации, когда преподаватели-ученые соглашаются консультировать правительственные учреждения и участвуют в разработке политики, ее пропаганде, в принятии решений о выделении средств на исследования, подкрепляющие такую политику, и т.д. Особенно это касается Соединенных Штатов, где изучались отношения между университетами, проводившими научную и иную деятельность, и правительственными учреждениями, особенно Центральным разведывательным управлением (ЦРУ), Федеральным бюро расследований (ФБР), Пентагоном и Государственным департаментом. В конце 1950-х гг. выявилось значение военно-промышленного комплекса. В 1960-х гг. к его обслуживанию начали привлекать университеты и частные фонды, и это как раз тогда, когда многие занимавшиеся сравнительной политологией ученые исповедовали миф о беспристрастной науке.

Обращаясь к прошлому, Тодд Гитлин в книге «Шестидесятые: годы надежды, дни гнева» напомнил нам, что «невидимые со стороны, существовали проблемы, бесконечные вопросы, шли непрерывные споры, смысл которых коренился в богоданном предположении о том, что все возможно, а потому важно мыслить, ибо идеи влекут за собой последствия» (Gitlin, 1987:7). Давая еще одну оценку 1960-м гг., Джеймс Миллер в книге «Демократия на улицах» писал о «жарких спорах, не прекращавшихся во время сидячих демонстраций, маршей протеста, яростных столкновений, когда люди, обнаружив общность тревог, идей и стремлений, ощущали, что, объединившись, они смогут изменить мир; и часто это случалось для них впервые, а иногда перед лицом опасности».

Американские общественные науки считались либеральными и утилитарными, с поверхностным видением истории и слепой верой в возможности техники: «Они скорее следуют образцу не исторических, а естественных наук и укладываются в рамки классической иде-

ологии либерального индивидуализма» (Ross, 1991: xiii). Их ценности можно связать с «национальной идеологией американской исключительности, идеей о том, что благодаря республиканскому строю и благоприятным экономическим возможностям Америка занимает особое место в истории». В этом контексте исследователи политики сосредоточивали внимание на историческом опыте Запада, но «их аналитические категории и их рекомендации, как и сама тематика исследований, находились в русле унаследованной традиции, характерными особенностями которой были направленные против власти большинства концепции свободы, стремление к распространению элитарного руководства и сосредоточенность на институциональном анализе. Политическая наука, построенная на политике, мотивированной корыстными соображениями либеральных групп интересов, еще ждет своего часа» (Ross, 1991: 298).

Джон Ганнелл весьма кстати заметил, что история политической науки в Америке по-настоящему начинается с ее основателей, таких, как Джон Бёрджесс, которые «были расистами и империалистами, а многие другие, сыгравшие наиболее важную роль в создании данной дисциплины, сами по себе попросту не представляли особого интереса». Ганнелл упоминал об интервью, в ходе которого Габриэль Алмонд рассказывал, как Чарльз Мерриам настаивал на том, чтобы он, Алмонд, изъяс из своей диссертации разделы, касающиеся богатства и власти в политической жизни, так как там упоминались Рокфеллеры, которые финансировали Совет по изучению общественных наук и Чикагский университет (Gunnell et al., 1990: 36).

Алмонд напомнил нам, что в 1960-х гг. Роберт Даль и Хайнц Юло могли утверждать, что новые политическая наука и научный подход уже упрочились в качестве дисциплины. Однако к 1980-м гг. новые политическая наука и научный подход выявили сторонников политического выбора, политических эконометристов, гуманитариев и радикальных политических теоретиков.

Глашатаи общественного выбора, чтобы найти место своему впечатляющему дедуктивному механизму, ищут убежище в реальности, «новом институционализме»; политические эконометристы хотят быть причастными к историческим и институциональным процессам; гуманитариев коробит нежелание «технарей» признавать политические ценности, и они страдают от чувства неприспособленности к миру, где царят статистика и техника; а радикальные или «критически настроенные» политические теоретики, уподобляясь ветхозаветным пророкам, осыпают проклятиями бихевиористов, позитивистов и са-

мо представление о профессионализме в политических науках, которое бы отделяло знание от действия (Almond, 1990: 828—829).

Алмонд разделил этих политологов по идеологическому (левые и правые) и методологическому (мягкие и жесткие) принципу (измерению), а в рамках четырех направлений мышления выделил их идеологические наклонности. Наиболее мягкими с методологической точки зрения являются строго описательные («клинические») и политико-философские исследования, использующие эмпирические данные и логический анализ; самые жесткие представляют собой исследования, использующие количественные, эконометрические и математические методы моделирования, включая теории голосования, образования коалиций, принятия решений и т.д. На левом крыле идеологического измерения — марксисты, политические теоретики критической направленности, *dependistas* и сторонники теории мировой системы, отвергающие разделение знания и действия и выступающие за социализм; на правом крыле находятся неоконсерваторы, сторонники рыночной экономики, ограниченной государственной власти и антикоммунизма (829—830). Эти идеологические разногласия между коллегами-политологами, а также между преподавателями и студентами, политические проблемы на университетских кафедрах и личные ценностные ориентации порой мешают аспирантам, испытывающим наряду с обычными для студентов волнениями сложности в работе над диссертациями. (Подробнее об этих проблемах см.: Sternberg, 1981.)

Эта глава ставит перед читателем острые проблемы политической науки. В ней доказывается, что данная дисциплина не является нейтральной; на самом деле за результатами исследований стоит та или иная определяющая их политика. Идеологические предпочтения, поддержание структуры власти внутри научной дисциплины и увековечение устоявшихся порядков могут обеспечить сосредоточенность исследований в русле основного направления. В этих условиях прогрессивным ученым и преподавателям, возможно, бывает нелегко получить признание, престиж или должности, которые они заслуживают. Женщин в этой профессии мало, и они никогда не пользовались влиянием. Американские ученые мексиканского происхождения, афро-американцы, азиаты, коренные американцы и другие ученые неанглийского происхождения могут подвергаться остракизму со стороны своих коллег, особенно если они ставят под сомнение устоявшиеся взгляды. Придерживающиеся основного научного направления журналы могут быть невосприимчивы к новым

идеям или альтернативным способам их выражения. Такая картина предстает перед вами, когда вы пытаетесь отличить миф от реальности в рамках научной дисциплины, наблюдаете интриги, в которые вовлечены представители данной отрасли, являетесь свидетелем привлечения университетов к деятельности правительственных учреждений и корпораций, а также замечаете склонность интеллектуалов искать поддержку у университетов и в правительственных учреждениях. Надеюсь, что это краткое изложение проблем откроет глаза читателю, покажет, что в политической науке в Соединенных Штатах не все ладно и мало что можно принимать на веру. Тем не менее у ученых есть возможность исправить положение.

Политика: миф и реальность

При изучении политики самое главное — это уметь отличить миф от реальности. Критически настроенные наблюдатели политики обычно ищут противоречия и злоупотребления в действиях правительства или частных властных структур. Выводы, расходящиеся с общепринятыми взглядами, очень часто выражаются в форме штампов или бездоказательных общих мест, в которых нет ни исторической перспективы, ни понимания действенных мер. Критическая настроенность может, например, подводить к мысли, что правительство коррумпировано, средний класс ограничен, корыстен и безнравствен, высший склонен к заговорщической деятельности, а рабочий класс скомпрометировал себя соглашательством. Будучи настроенным в этом ключе, можно представлять, что сильные при любой возможности угнетают слабых и что расизм глубоко укоренен в жизни Соединенных Штатов Америки. Подобная точка зрения может действительно отражать реальность, но для ее подтверждения нужны факты. К тому же факты эти должны истолковываться как относящиеся к обществу в целом. Вообще говоря, интерпретации общества и политики, особенно в современных работах в области политической науки и сравнительной политологии, опираются на несколько широко распространенных посылок. Часто эти послышки представляют собой политические мифы, по крайней мере в смысле, высказанном Мэрреем Эдельманом, указывавшим, что «для политического поведения очень важны пронизывающие язык магические ассоциации, потому что они наделяют значимостью привычные представления и оценки и затрудняют или делают невозможными альтернативные» (Edelman, 1967:121).

В наших представлениях о политике идеология может увековечить миф и исказить действительность. Касаясь внутренней полити-

ки, некоторые ученые подчеркивают, что традиционные идеологии больше не имеют отношения к современному обществу, определяемому развитием техники и модернизацией; они видят его гармоничным, где самые разнообразные силы ведут между собой торг и стремятся в своих действиях к консенсусу. Политологи также стремятся к установлению границы между политической деятельностью и другими видами деятельности в обществе. Тонкий вопрос, что относить к политическому, часто является реакцией на определение науки как следствия изучения политики.

Так, бихевиористы с их методологией и количественными методами исследований способствовали формированию модернизирующегося общества, технократического и, в сущности, лишенного индивидуальности. На толковании же международных отношений сказалось последовавшее в годы «холодной войны» разделение на капиталистические страны, демократические, полные благожелательства, с одной стороны, и монолитные коммунистические государства — с другой. Позднее научные усилия переместились на изучение трех миров развития, что имело следствием обилие работ, где нейтральные страны «третьего мира» больше не изображались наивными простаками, которыми легко манипулировать. Крах государственно-бюрократических режимов и их командной экономики в Восточной Европе в 1989 г. положил конец представлению о «коммунистической» угрозе.

Интерпретации внутренней и международной политики могут содержать в себе определенные идеалы, ценности и пристрастия. Или, говоря проще, идеология имеет свойство становиться всепроникающей, несмотря на утверждения о «конце идеологии», исходящие от таких людей, как Даниел Белл (Bell, 1962: особенно 393—407), доказывающих, что вера и убеждения исчерпали себя в развитых обществах и это способствует экстремистским политическим движениям. Белл объяснял существование идеологии революционными влияниями последних полутора столетий, особенно очевидными в деятельности Гегеля и Маркса, стремившихся претворить идеи в действия; правда, Белл считал, что, как только идеология «открывает путь к действию, она заходит в тупик». Возвратившись к этому вопросу много лет спустя, он вновь утверждал, что «идеология стала безвозвратно сгинувшим словом» (Bell, 1988:331).

Термин «идеология», вероятно, возник во времена, последовавшие за эпохой Просвещения, среди теоретиков и идеологов, которые просто имели в виду «науку об идеях». Для них идеология была средством к тому, чтобы находить истины и развеивать заблуждения

(Mullins, 1972:498—499). Маркс, а позднее Карл Маннгейм придали термину другой смысл. Маркс употреблял его, например, в «Немецкой идеологии» применительно к ложному сознанию или любой совокупности политических иллюзий, порожденных опытом отдельного общественного класса. Подлинное сознание может быть выработано только в борьбе классов. Такая борьба предполагала бы признание ошибочности представлений, отражающей неспособность отдельных лиц понять свое состояние отчуждения от окружающего мира. Таким образом, поступательное продвижение к бесклассовому обществу устранил все мифы и суеверия и утвердит человеколюбивое общество всех и для всех. Такое понимание идеологии, высказанное в ранней работе Маркса, отличается, по утверждению Мерфэма (Merham, 1979), от более четкой теоретической позиции по вопросу о происхождении идеологии, которая появляется в «Капитале». Однако нам для наших рассуждений достаточно понимания идеологии как ложного сознания. Маннгейм, хотя и не меняя в корне определение Маркса, различал в нем две концепции: ограниченной идеологии, «рассматриваемой как более или менее сознательное искажение подлинного положения», и более широкой «идеологии определенного времени или конкретной историко-социальной группы, например класса, в том случае, когда нас не интересуют особенности или общий склад мышления данного времени или данной группы» (Mannheim, 1936:55—56). Согласно Маннгейму (1936:204), идеи, развенчанные как искажающие прошлый или потенциально возможный общественный строй, принадлежали идеологии, а реализованные в общественном строе были утопией. (О проблеме идеологии в трудах современных теоретиков см.: Eggleton, 1991.)

Современная общественная наука исказила эти конкретные значения термина «идеология». Например, он употребляется в бранном смысле при описании тоталитарных режимов в подкрепление громких заявлений о том, что идеологии себя исчерпали в модернизирующемся мире. Такая позиция игнорирует тот факт, что самое богатое общество в мире увековечивает неравенство не тоталитарной силой, а изощренным внутренним управлением, основанным на убеждениях, ценностях и идеях, которые с готовностью поддерживает большинство людей. К примеру, идеология в том смысле, как ее понимал Маркс, столь глубоко укоренилась в сознании жителей США, что им стоит большого труда понять, какие силы (обычно безусловно ими принимаемые) каждый день неуловимо определяют их деятельность. Можно даже сомневаться, поняли ли люди, что их «сознание» было «ложным» после разоблачения провалов политики США во Вьетна-

ме или скандалов вроде уотергейтского и «Иран-контрас». Даже после разоблачений, сделанных в связи с этими событиями, сохраняются иллюзии относительно глубокой демократичности американских порядков, несмотря на все их изъяны и отклонения от нормы.

Идеологии развивались в прошлом и продолжают развиваться сейчас одновременно с процессом индустриализации и сопутствующими этому процессу экономическими и социальными проблемами. Идеологии обладают свойством обращаться к утопическим целям, к разрешению проблем человеческого бытия и в условиях современного мира имеют тенденцию проявляться в нереалистично оптимистических формулах, будь то проповедь свободного рынка или бесклассового общества. Новые идеологии процветали в эпоху сопровождавшей индустриализацию быстрой смены событий экономической и политической жизни, особенно в Европе и Соединенных Штатах. Часто утверждают, что с развитием техники условия стабилизировались и возобладал демократический консенсус. В западном мире это привело к упадку универсалистских, гуманистических и идущих от рассудка идеологий. В противоположность этому иногда считают, что массовые идеологии «третьего мира» ограничены и что они создаются политическими лидерами, добивающимися экономического развития и власти. Те, кто говорят о «конце идеологии» в современном мире, утверждают, что политический строй, который сложился в странах «третьего мира», не будет иметь демократических институтов и новые элиты поведут их к тоталитарному порядку.

Хотя убеждение в наступлении конца идеологии, без сомнения, значительно повлияло на сравнительные исследования политики, свой отпечаток здесь оставили и критики этого направления. Джозеф Лапаломбара (LaPalombara, 1966:2) критиковал многих исследователей, которые, похоже, не интересовались, кроме марксизма, никакой другой идеологией или какой-либо совокупностью ценностей, убеждений, видов на будущее или рецептов общественного устройства или твердо придерживались идей классовой борьбы и догматически их отстаивали. Лапаломбара доказывал, что кроме марксизма есть и другие идеологии, достойные изучения. Он подвергал сомнению ту точку зрения, что так называемый упадок идеологии ведет к сплочению на базе идей, которые можно ассоциировать с прагматизмом, и что Западу идеология больше не нужна. Ч. Райт Миллс выступил с утверждением, что многие обществоведы просто не осознают воздействия марксизма на их методы и концепции и что «ни один обществовед, который не займется вплотную идеями Маркса, не может считаться обществоведом; не

может им считаться и всякий, кто называет марксизм последним словом в науке» (Mills, 1962:11).

Другие авторы, такие, как Дэвид Эптер, полагали что «сейчас изучать идеологию еще важнее, чем когда-либо раньше» (Apter, 1964:17). Например, применение науки к делам человеческим и разумное стремление улучшить общество часто связаны с идеологическим конфликтом. Хотя идеологические споры вокруг многих старых вопросов, таких, как неравенство и авторитаризм, возможно, отошли на задний план с появлением государства всеобщего благоденствия, которое институционализирует борьбу за равенство, или благодаря особому вниманию к политике плюрализма, при котором, как считается, власть децентрализуется и делится между отдельными членами общества, — при более близком рассмотрении обнаруживается, что эти старые вопросы остаются главной заботой современной политики.

Пророчества о конце идеологии стали предзнаменованием озабоченности по поводу культурных противоречий капитализма и понятия «постиндустриальное общество». Этот взгляд предполагал повышение уровня жизни, сокращение пропасти между классами посредством массового образования, массового производства и массового потребления, а также ослабления этнической, языковой, региональной и религиозной лояльности наряду с маргинализацией тотальных идеологий. Варьруя это понятие, Амитай Этциони говорил о «постмодернистской эпохе», Джордж Лихтхайм — о «постбуржуазном обществе», Герман Кан — о «постэкономическом обществе», Мэтью Букчин — о «постдефицитном обществе», Кеннет Боулдинг — о «постцивилизованном обществе». Эмпирический анализ «постматериализма» наблюдается в работе Рональда Инглхарта, который расширил область своего исследования, включив в него поиски «постбуржуазного человека». Многие из этих идей были раскритикованы как идеалистические или как проявления защиты капиталистического строя.

С доводом, что идеология, по существу, имеет решающее значение для сравнительных исследований политики, созвучно отрицание исследования политики как научной дисциплины. Это мнение коренится в индустриализации и технизации общества, отличающегося бюрократизацией, специализацией и разделением труда. Эти тенденции оказали воздействие на университеты и образование вообще в силу того, что левые рассматривают знание как товар, как нечто, отчужденное от того, кто его произвел, и могущее быть проданным на рынке. В результате возникает отчуждение, поскольку интеллект обособляется от собственного «я» и практически не имеет ценности. Специалист в обществе и в университете совсем не учитывает весь

процесс обучения, и накопленные знания становятся сборочным конвейером современного университета. Превращению политики в науку предшествовали достижения естественных наук (Sonit and Tanenhaus, 1967:110—117). Политическая наука развивалась как «бихевиористская наука», нейтральная по своей природе и приемлемая для ученых в области как естественных, так и общественных наук, стремившихся отыскать некую единицу измерения, будь то деньги для экономиста или голоса избирателей для политолога.

Критическая оценка идеологии политической науки обязательно должна учитывать тезис, постулированный Томасом Куном (Kuhn, 1970), что ученые неизбежно усваивают набор убеждений, ценностей и мифов об объективном характере их работы. Мысль ученых направляется парадигмой или главным упорядочивающим представлением о действительности. В поисках научной парадигмы политологи часто обходят стороной важные, связанные с существом дела вопросы, когда они оценивают и пытаются снять личные предубеждения наблюдателя. Поэтому их научные изыскания концентрируются на раз и навсегда установленных, повторяющихся процессах управления, а приемы и методология обнаруживают тенденцию к манипулированию реальными фактами ради получения результата. Такая практика исходит из предположения, что американское общество по своей природе является правильным и отвечающим своему назначению и что альтернативное устройство нереалистично. Такое предположение обуславливает особую концептуализацию — наличие в англо-американском обществе «культуры гражданственности» и плюрализма, представленного демократическим процессом в США. Подобные концептуализации и лежат в основе понимания идеологии, преобладающей в американской политической науке.

Можно сказать, что такая идеология состоит в убеждении, будто Соединенные Штаты Америки отвечают понятию добра, эволюция американских институтов неотделима от прогресса и политические отношения Америки с другими странами направлены на защиту и распространение свободы и обеспечение всеобщего экономического процветания. При этом прогресс основан на деятельности свободного рынка, где компании участвуют в конкурентной борьбе за прибыли, а рабочие — за заработную плату. На рынке господствуют крупные конкурирующие корпорации, которые лишь в самой минимальной степени регулируются государством, и с большой эффективностью в соответствии с потребительским спросом производят товары наивысшего качества и оказывают услуги высочайшего класса, обеспечивая населению в целом самый высокий уровень жизни. Осно-

вой свободы личности служит право на частную собственность, главным критерием нравственности является благовоспитанность, а неуважение к власти представляет угрозу такому порядку вещей. Поэтому Соединенным Штатам приходилось защищаться от посягательств внешних сил вроде международного коммунизма, вызвавшего мировое противостояние добра и зла. Как самая богатая и могущественная страна на земле Соединенные Штаты должны были продемонстрировать свои цивилизаторские традиции всему миру, особенно народам слаборазвитых стран.

Этой идеологии, вероятно, придерживается большинство населения Соединенных Штатов, однако ее основным посылом был брошен вызов на многих фронтах. Во время участия США в событиях в Индокитае расовая дискриминация в стране афро-американцев, лиц мексиканского происхождения, пуэрториканцев и других меньшинств объяснялась войной, империализмом и эксплуатацией за рубежом. Очевидным было неравенство женщин на производстве, где женщины за ту же работу получали меньше, чем мужчины, и в университетах, где среди профессорско-преподавательского состава процент женщин был самым незначительным. Так, вызвал тревогу тот факт, что на 37 факультетах политических наук, субсидирующих в Соединенных Штатах Америки программы подготовки докторов наук, женщины составляли только 4% (11 человек из 249) штатных профессоров, 10% адъюнкт-профессоров и 25% доцентов (*PS: Political Science and Politics*, March 1990:82—86).

Реальное положение дел в обществе заставило некоторых исследователей политики осознать мифические обоснования и идеологические послышки, служащие подпорками академическим кругам. Студенты испытывают воздействие идеологического мистицизма, которым окутаны взаимоотношения политической науки с профессорами университетов, государственными чиновниками, деловыми и военными кругами. В 1960-х гг. освобождению от иллюзий способствовали несколько радикальных исследователей политики. Тодд Гитлин (Gitlin, 1965) изучал на местах роль плюрализма в определении идеологии политической науки, подразумевающего, что власть распределяется между множеством групп и учреждений, и поэтому одни не могут доминировать над другими. Идеология плюрализма на местах, пустившая исторические корни в Америке после Второй мировой войны, базировалась на убеждении, что никаких властных элит не существует, что власть широко распределена в местных общинах, что она поддается наблюдению и может быть проверена путем социологических исследований решений, принимаемых офици-

альными политическими органами, и что система власти имеет потенциал изменений. Джеймс Петрас (Petras, 1965) описал идеологические школы: одна из них отстаивала сохранение стабильности во имя устойчивости и равновесия, обеспечивавшихся ограничением обязательств и участия, когда политические действия определяются консенсусом и возможность конфликтов остается минимальной. Другая школа подчеркивала взаимодействие групп в обществе, но рассматривала политику как состояние равновесия различных сил, борющихся за власть и право принятия решений. Третья школа отводила независимому политику роль политического брокера, посредника или государственного деятеля при разрешении спорных вопросов. Четвертая сосредоточивала внимание на политических партиях как организующих силах, делающих политическую систему подотчетной электорату и обеспечивающих участие населения. В целом создаваемая в этих школах идеология подчеркивала поддержание стабильности существующего порядка, устойчивости и равновесия, консенсуса и плюрализма, независимости и участия. Наконец, Марвин Сэркин утверждал, что мы должны «сорвать прикрытие, с помощью которого господствующие образы мышления, институты, их выражающие, и их идеологии не дают нам осознать их подлинный социальный смысл». Он доказывал, что общественные науки вообще и политическая наука в особенности все больше идеологизируются, становясь «на службу господствующим институтам американского общества» (Surkin, 1969:575).

Начиная с 1960-х гг. эта озабоченность влиянием идеологии в политической науке проявилась в деятельности «Нового движения за политические науки» и его изданиях — «Кокус ньюслеттер» и «Нью политикл сайенс». Бертелл Олман размышлял над противоречивыми чувствами, которые испытывают студенты, знакомясь с нетрадиционным образом мыслей, скажем марксизмом, и мучительным беспокойством из-за столкновения между этими нетрадиционными взглядами и господствующими представлениями, с которыми они выросли: «Следовательно, одна из причин, почему они держатся за свою идеологию, заключается в том, что так «спокойнее», а когда изучение марксизма делает то, во что они верят, все более неубедительным, многих студентов это по-настоящему тревожит» (Ollman, 1978:9). Марк Кессельман объяснял малочисленность марксистских политических исследований, особенно в Соединенных Штатах, недостаточностью систематического политического анализа в трудах Маркса, поскольку тот не успел написать планировавшуюся им книгу о государстве. Кессельман считал, что марксистская политическая

наука слаба в Соединенных Штатах в силу «непоколебимости гегемонии капитализма» (Kesselman, 1982:115).

До 1988 г. не существовало организации ученых — исследователей сравнительной политологии, но вскоре после своего возникновения секция сравнительной политологии Американской ассоциации политических наук (APSA) уже входил 841 человек. Коллоквиумы, проведенные секцией во время ежегодного собрания Ассоциации, включали традиционные темы: политическая культура, политические партии и демократия. Обсуждались также межнациональное общественное мнение, бихевиористское исследование выборов и успехи методологии. В центре одного обсуждения было участие женщин в демократических преобразованиях в Восточной Европе и Латинской Америке.

«Новое движение», напротив, приветствовало работы из области критической политической теории, включая культурную политику, феминизм и идею новой политической науки; изложение полемических взглядов на демократию и развитие, в том числе касающихся «третьего мира», и в особенности женщин; политику по отношению к меньшинствам; международную политическую экономию; общественные движения и вопросы, обсуждаемые левыми (*Caucus Newsletter*, November 1989). К 1992 г. в Американской ассоциации политических наук были также созданы секция «Нового движения» и, кроме того, секция политической экономики. Эти события отражали общую неудовлетворенность Ассоциацией, что отмечалось ранее в информационном бюллетене за октябрь 1987 г., призывавшем «больше критиковать Ассоциацию, которая все еще излишне ориентирована на сохранение существующего порядка вещей». В резолюции по поводу ущемления ученых в связи с их политическими взглядами «Новое движение» призывало скорее к космополитизму, чем к ограниченному провинциализму: «Марксисты, социалисты, феминистки и приверженцы критических альтернатив заслуживают такого же уважения и свободы от произвола власти, как либералы, консерваторы и другие представители основного течения» (*Caucus Newsletter*, 1987:2).

В Восточной Европе 1980-х гг. дело обстояло иначе. В Венгрии, например, студенты на демонстрациях отвергали контроль со стороны правительства и Коммунистической партии над идеологией и призывали к университетской автономии. Выступая против официальной идеологии, студенты недвусмысленно заявляли, что никакую другую идеологию не поставят на ее место, потому что «история не научила нас, как обходиться с системой, подобной этой» (*New York Times*, November 9, 1988).

Из вышесказанного явствует, что политика повсеместно пронизана идеологией. Например, проходившее в ходе назначения членом Верховного суда обсуждение кандидатуры чернокожего юриста Кларенса Томаса, которого профессор права Анита Хилл обвинила в сексуальных домогательствах, разгневало женщин и побудило многих из них к объединенным выступлениям против мужчин — кандидатов в Конгресс США. «Если этой истории действительно предстоит стать Уотергейтом в области сексуальных домогательств, — восклицал Александр Кокберн, — у избирательных урн должно последовать возмездие — политические кандидаты должны быть готовы потребовать этой кары» («Проявление невиданного цинизма». — *Los Angeles Times*, October 18, 1991). Сказанное Катой Поллитт о месте женщины в обществе в целом особенно характерно для ситуации в университетах: «Политический урок, вытекающий из того, что Томас был назначен членом Верховного суда, выходит далеко за пределы того очевидного факта, что сильные мужчины видят мир иначе, чем слабые женщины, и не должны управлять страной, как мужским клубом» (*The Nation* 253 [November 4, 1991]:541). Политика движения в защиту окружающей среды также пронизана идеологией. Журнал «Кэпитализм, нейчер, соушиэлизм» провел глубокий анализ последствий политики капитализма и социализма для окружающей среды. Его редактор, известный экономист Джеймс О'Коннор, выдвинул ряд спорных положений, доказывая со ссылками на исторические факты, что общественные движения часто только ухудшают положение дел, что победы защитников окружающей среды, возможно, были одержаны за счет рабочих и что сохранение природы с помощью мер по замедлению развития экономики осуществляется за счет бедняков. Отвечая тем, кто не считает марксизм способным содействовать пониманию проблем защиты окружающей среды, он заявил, что «без экономики, или политической экономии, невозможно разобраться в основных силах, определяющих исторические изменения при капитализме» (интервью Александра Кокберна. — *Z Magazine*, April 1989:40). В конце 1991 и в 1992 г. широкий интерес и большие споры вызвал фильм Оливера Стоуна «Дж.Ф.К.», потому что известный кинорежиссер попытался вернуться в нем к выдвинутой новоорлеанским окружным прокурором и судьей Джимом Гаррисоном версии заговора, основанной на том, что убийство президента Кеннеди могло быть связано с его намерением не вводить войска США во Вьетнам, то есть с позицией, против которой выступал Объединенный комитет начальников штабов.

В апреле—мае 1992 г. в южном и центральном районах Лос-Анджелеса вспыхнули беспорядки, спровоцированные оправданием су-

дом присяжных, состоявшим из одних белых, полицейских, замешанных в избиении чернокожего Родни Кинга. Такое решение потрясло весь мир, однако были очевидны и подспудные причины беспорядков: «Каждый знает, почему начались бунты: через 27 лет после волнений в Уоттсе и через 11 лет после прихода к власти Рональда Рейгана на юге и в центре Лос-Анджелеса не было ни рабочих мест, ни социального обслуживания, ни надежд на лучшее будущее. Множество людей владели жалкое существование, отчаянно нуждаясь в самом необходимом» (Александр Кокберн. — *In These Times*, May 13—19, 1992). Сопоставьте эти условия с тем фактом, что в 1980-х гг. богатые стали еще богаче: средний доход самых богатых американских семей, составляющих 1%, за 12 лет увеличился на 77%, дойдя до 560 тыс. долларов, тогда как доходы семей со средним достатком возросли едва на 4%, достигнув 36 тыс. долларов, в то время как доходы бедных семей (40%) сократились (данные Бюджетного бюро Конгресса США. — *New York Times*, March 5, 1992).

Это неравенство в доходах сказалось на системе социального обеспечения. Тревожное положение сложилось в здравоохранении Соединенных Штатов: более 37 млн. американцев не имели страхования на случай болезни, а еще 56 млн. из-за недостаточного страхования были бы полностью разорены в случае серьезного заболевания. (Более подробно см.: Томас Буденхаймер «Путь к подлинной охране здоровья» — *The Nation* 253 [December 16, 1991]:772—776.) Недостаточное развитие здравоохранения — лишь один показатель условий «третьего мира» на территории Соединенных Штатов. Об этом же говорит серия статей о потогонной системе в богатом округе Оранж, Калифорния, где тысячи вьетнамских иммигрантов, в том числе детей, работали по многу часов в день за мизерную плату и где преобладали незаконные и жестокие условия труда: «Один из этих детей, 7-летний мальчик, сотни часов помогал своей матери шить на дому модную дорогостоящую одежду, за что ему платили около 1,45 доллара в час» (*Los Angeles Times*, November 26, 1989).

Создается впечатление, что по мере усложнения мира понимание проблем притупляется. Роберто Мангабейра Ангер призывал нас порвать с таким образом мыслей, который обрекает на застой и заводит в тупик. Критическая мысль ведет к созиданию, появлению новых идей, преобразованию системы. Даже неудача может обернуться победой:

В своих представлениях о себе и об обществе, как и во всех других проявлениях, разум движется от господства к порабощению. Непреодолимым влечением, напоминающим тягу к смерти, побеждающей

жизнь, мысль снова и снова использует орудие собственной свободы, чтобы заковать себя в цепи. Но всякий раз, когда разум рвет свои цепи, свобода, которую он завоевывает, оказывается больше той, которую он теряет, и блеск его победы затмевает проклятье прежней жалкой зависимости. Даже поражения делают его крепче (Unger, 1975:1).

Эта проблема критической мысли, как однажды назвала ее Сьюзен Сонтаг, проявляется в новую эру капитализма, следующую за промышленной революцией и капитализмом всеобщего благоденствия: «Формируется новое интернациональное общество — полицентрическое, постнационалистическое и гиперкапиталистическое. В этом мире, в котором материализм обрел чуть ли не новое измерение, так трудно убедить людей думать о проблемах несправедливости» (*Mother Jones*, May 14, 1989:13).

Отчасти такая пассивность стала результатом манипулирования людьми со стороны средств массовой информации. Это вызывает озабоченность Института исследований средств массовой информации; в 1990 г. он издает ежемесячник «Ложь нашего времени: журнал восстановления подлинных фактов», посвященный «разоблачению неправильной и ложной информации и пропаганды в крупных средствах массовой информации». В нем публиковались статьи Александра Кокберна, Эдварда С. Хермана, Эдварда Саида, Холли Скляр и др. Он также ставил целью открывать глаза общественности на мифы и реальности «холодной войны», интриги ЦРУ в Центральной Америке и на Ближнем Востоке и рассказывать о событиях, искажавшихся ведущими и правыми средствами массовой информации. В книге «Фабрикация согласия: политическая экономия средств массовой информации» (1988) Эдвард Херман и Ноам Хомский показали, что СМИ слаженно функционируют как сама себе подцензурная пропагандистская система, наказывающая журналистов за отклонения от господствующей идеологии и выдающая новости, имеющие гарантированно центристский характер. Такая тенденциозность видна на примере А. Кента Макдугалла (MacDougall, 1990), работавшего в таких ведущих изданиях, как «Уолл-стрит джорнэл» и «Лос-Анджелес таймс», и подвергшегося оскорбительным нападкам средств массовой информации, как только он показал себя радикалом.

Подытоживая анализ соотношения мифа и реальности, я должен отметить, что представители политических наук обычно склонны избегать важных политических и спорных вопросов и взамен рисовать оторванную от реальности картину идеального общества. Некоторые результаты этой тенденции показаны в табл. 2.1. Читателю предлагаю

оценить их, вдуматься и попытаться найти объяснение того, почему мифы в значительной мере определяют развитие политических наук. Нет ли здесь связи между какой-либо традиционной идеологией, скажем либерализмом или консерватизмом, и развитием данной дисциплины? Не превратился ли университет в некое «пятое сословие», призванное господствовать в интеллектуальной сфере? Не привязаны ли интеллектуалы к ценностям своего экономического строя, иными словами, не формирует ли капитализм их политическое мировоззрение?

Теперь, после того как идеологические основы американской политической науки определены, перейдем к вопросу о ее отношениях с университетами, правительством и корпорациями. Каковы, например, последствия известной ситуации, когда преподаватель-ученый становится также консультантом правительственного учреждения, помогая формулировать государственную политику, или участвует в принятии решений о выделении средств на исследования, подкрепляющие эту политику? Что можно сказать о связи между политической наукой, правительством и выработкой политики? Или между университетскими исследованиями, правительством и фондами, учреждаемыми для поддержки образования?

ТАБЛИЦА 2.1
Восприятие политической науки

<i>Миф</i>	<i>Реальность</i>
Идеологии больше неактуальны	Повсеместно распространены традиционные и новые идеологии
Политические науки нейтральны в своих ценностных установках	Американская политическая наука строится на идеологической основе и зависит от господствующих институтов
Политика основана на плюрализме, равновесии, переговорах и консенсусе	Доминирующая англо-американская модель не может вскрыть подлинный смысл капитализма и политики власти

Политика и представители науки

В президентской речи на собрании Американской ассоциации политических наук 1969 г. Дэвид Истон говорил о важности и воздействии происходившей в то время новой революции в американской поли-

тической науке. В качестве объектов, подвергаемых при этом критике, он выделил научные дисциплины, ученых и университеты. В президентской речи 1981 г. перед той же Ассоциацией Чарльз Линдблом утверждал, что, хотя в рядах специалистов в области американской политической науки мало кто придерживается неортодоксальных воззрений, многие студенты, включая самых одаренных, изучают их самостоятельно. Эти взгляды отражали растущую неудовлетворенность состоянием дел в политической науке. По мнению некоторых ученых, эта научная дисциплина, известная своим консерватизмом, чересчур тесно связана с политической системой США.

В своих ранних работах Рой Макридис, Карл Дойч и Дэвид Истон уделяли внимание практической политике и настаивали на том, чтобы исследователи политики занимались проблемами общества в целом. В президентской речи на собрании Американской ассоциации политических наук 1970 г. Дойч поставил вопрос о том, почему исследователи политики оказались не в состоянии предложить политические решения во время катастрофического поражения США во Вьетнаме. Создавалось впечатление, что активные приверженцы изменения политики сторонились ее как науки. А интеллектуалы, сдерживаемые своими научными учреждениями, зависящими при проведении исследований от финансирования со стороны частных и государственных фондов, приученные скорее подчиняться, чем протестовать, больше не представляли собой «гражданственных интеллигентов», необходимых, по убеждению Грамши, для формулирования повседневных решений. Оскудение гражданской интеллигенции в Северной Америке обрисовано Расселом Джэкоби в его книге «Последние интеллектуалы» (Jacoby, 1987).

Правительства в состоянии сравнительно легко подтасовывать информацию и факты, скрывая нелегальную деятельность. Приведенные ниже примеры показывают, насколько трудно разоблачать подобные махинации. Вот первый. Спустя почти пятьдесят лет после событий историку Жону Винеру удалось обнаружить, что Толкотт Парсонс, пожалуй, самый влиятельный американский социолог XX в., в период своей работы в Гарвардском университете сотрудничал с офицерами американской военной разведки, тайно провозившими в Соединенные Штаты нацистских коллаборационистов, нужных в качестве экспертов при проведении советологических исследований. Парсонс высказывался за то, чтобы общественная наука была свободна от ценностных установок, однако его связи с нацистскими коллаборационистами лишней раз подтверждают правоту критиков, писавших, что в действительности его рабо-

ты «скрывали приверженность существующим порядкам и идеологии «холодной войны» (Wiener, 1989:306). Зигмунд Даймонд (Diamond, 1992) представил более подробные свидетельства сотрудничества университетов, в особенности Гарвардского и Йельского, с разведывательными органами США.

Вторым примером способности правительства заниматься подставками и незаконными махинациями является записка, направленная в июле 1970 г. Никсону его помощником Томасом Хьюстоном; изложенный в ней план был одобрен директором ФБР Дж. Эдгаром Гувером и другими высокопоставленными деятелями разведки. План этот, в итоге так и не осуществленный, был направлен против деятельности «новых левых». Четырнадцатого июля Никсон одобрил план Хьюстона, предусматривавший электронную слежку за отдельными лицами и группами, вскрытие корреспонденции, тайные проникновения в помещения и кражи со взломом для получения сведений о левых группировках, а также вербовку осведомителей в университетских городках (Colodny and Gettlin, 1991).

Третий пример. После десяти лет колебаний Гэри Сик (Sick, 1991), бывший сотрудник аппарата Совета национальной безопасности, смог преодолеть собственное неверие в отношении «октябрьского сюрприза», чтобы показать, как команда Рейгана—Буша обеспечила себе победу на президентских выборах 1980 г., проникнув в систему национальной безопасности и поведя дела с Ираном таким образом, чтобы американских заложников не освободили до того дня, когда Рейган вступит в должность президента. В этих показаниях вскрывались связи с Израилем и тайные поставки оружия, что позднее вылилось в снабжение сил контраст в Центральной Америке (см., например: Cohen and Mitchell, 1989). Заняв президентский пост, Рейган олицетворял собой «монархию народа — дважды всенародно избранный лидер, делегировавший свои полномочия, хотя всегда неофициально, нескольким лояльным слугам, которые пользовались его полным доверием» (Graubard, 1992:35). В конце концов такое высокомерие привело к разоблачению операции «Иран-контрас» и незаконных действий по подрыву сандинистской революции в Никарагуа. Этой же модели правления придерживался и Джордж Буш в период своего президентства: «Белый дом Рейгана был морально разложившимся; приближенные Рейгана знали, что он идейно примитивен и интеллектуально бесплоден, особенно в области внешней политики... Буш, бессловесный вице-президент, напомиравший Ричарда Никсона при Дуайте Эйзенхауэре, рассчитывал стать его помазанным наследником» (6).

И четвертый пример. Администрации Рейгана и Буша создавали впечатление, будто они противостоят серьезной проблеме наркотиков, однако на практике они были скованы в своих действиях политическими соображениями, которые скорее ее обостряли, о чем убедительно свидетельствуют серьезные исследования на этот счет. Например, операции ЦРУ в Афганистане в 1980-х гг. «превратили Азию из замкнутой опиумной зоны в крупного поставщика героина на мировой рынок» (McCoу, 1991:441). Помощь, оказывавшаяся контраст в Центральной Америке, «совпала с огромным ростом торговли кокаином в Карибском бассейне» (484). Более того, прямое вмешательство в Андах и в Панаме никак не повлияло на проблему наркотиков в США, потому что ее решению препятствовали соображения внешней политики: «Проводя прагматичную политику признания любого союзника, годного для борьбы с коммунизмом, ЦРУ на протяжении последних сорока лет держало под своим покровительством ряд главных наркобаронов мира. И в самом деле, если проследить послевоенную историю торговли наркотиками, можно выявить неоднократно повторявшуюся ситуацию, когда средства ЦРУ на тайные операции оказывались у крупных наркодельцов» (491).

Наконец, ЦРУ не сумело предсказать вероятные последствия развала Советского Союза: «вопиющий пример мышления в духе "холодной войны" — жесткого идеологического подхода и убежденности в преимуществе стабильности над изменениями» (Raskin, 1992:776). Следование такому образу мыслей привело к появлению рабочего документа Пентагона «Основные направления оборонного планирования: 1994—1999 гг.» и плана, в соответствии с которым «Соединенные Штаты будут руководить "Пакс Американа" и "отговаривать" развитые промышленные страны от "оспаривания нашего руководства", а также удерживать "потенциальных конкурентов даже от мысли об их более значительной или глобальной роли"» (777).

Ноам Хомский (Chomsky, 1969) однажды отметил, что ученые в области общественных наук отказываются противопоставлять политическому курсу и действиям правительства поддержку традиционных ценностей демократии, они избегают независимых суждений, забрасывают преподавательскую деятельность и искажают науку. Причиной этого является получение доступа к деньгам и влиянию, почти единодушная идеологизированность, возведенная в профессию. Социологи превратились в техническую интеллигенцию, заинтересованную в стабильности и порядке. В конце 1960-х гг. студенты, преподаватели и профессора факультетов политической науки Калифорнийского университета в Беркли положили начало ее

обсуждению. Участники дебатов утверждали, что исследователи политики подчас склонны маскировать свои партийные пристрастия и презрение к людям, изображая себя открывателями истины, оплотом незыблемости в истории, обладателями знаний объективных законов науки. «Исследователь, ставящий политический эксперимент, — часть системы эксперимента, и его работа несет в себе ценности этой системы. Если его методология не учитывает это, то работа в лучшем случае может оказаться бесполезной, а в худшем — деструктивной». (Berkely Students and Faculty, 1969?:10). Такие взгляды недвусмысленно формулировались научными ассоциациями, сталкивавшимися в конце 1960-х — начале 1970-х гг. с резкими возражениями в собственных рядах.

В политической науке эти возражения выдвигались как в рамках основного направления идей и их практического применения, так и вне его. Например, инакомыслящие утверждали, что политическая наука, оставаясь на консервативных позициях, лишилась активных сторонников. Ее профессиональная организация — Американская ассоциация политических наук — на заседаниях ежегодного собрания в 1967 г. уклонилась от принятия двух резолюций. Одна из них требовала отставки исполнительного директора и советника-казначей из-за их связей с финансируемой ЦРУ фиктивной организацией. Другая призывала университеты не предоставлять в Комиссию Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности списки членов студенческих организаций. Отказ Ассоциации принять эти две резолюции привел к выходу из нее группы, названной «Новым движением за политические науки». Ассоциация никогда не проводила выборы своего президента на альтернативной основе, и «Новое движение» в последующие годы оспаривало эту сложившуюся практику. Оно также выступало против уставного условия о неучастии организации в обсуждении текущих политических проблем.

Лидер «Нового движения» Алан Вулф (Wolfe, 1969) глубоко изучил структуру, процедуру и внутренние группировки Ассоциации и обнаружил, что лишь немногие из ее членов посещали ежегодные собрания и что практика выдвижения кандидатур вела к «устранению конкретной политики из политической науки, отдавая ее в руки своего рода клуба джентльменов». Он также отметил, что из десяти членов комитета по выдвижению кандидатур девять получили докторские степени в верхней десятке факультетов политических наук. Он подчеркнул, что процедура выборов в Ассоциации напоминала выборы «в штате Алабама или в Советском Союзе с

поправкой на сферу интересов». И в заключение констатировал, что вне Ассоциации практически невозможно стать признанным ученым в области политической науки:

Без Ассоциации нет карьеры; если вы в ней состоите, то помешать вам смогут только глупость или избыток честности. Такой вывод приводит к важному вопросу: кто же правит Ассоциацией? Если налицо мало возможностей выбора и мало демократии, тогда правила продвижения в науке и оценка научных показателей устанавливаются малочисленной непредставительной элитой в области политических наук, с мнением которой считаются все остальные. Тогда абстрактные принципы вроде беспристрастности ценностных установок и надлежащей эрудиции перестают быть вечными истинами и становятся средством, с помощью которого одни пытаются удержаться в науке за счет других (Wolfe, 1969:357).

В другом случае Алан Вулф (Wolfe, 1970) разбирал профессиональную мистику в политических науках. Требование профессионального поведения, писал он, означает обязанность придерживаться консервативного курса в политике и политического конформизма. Во имя профессионализма защищалась сложившаяся в политических науках практика. Эта практика включала признание непредставительной элиты, препятствующей проявлениям демократии в рядах ученых; сохранение только господствующих точек зрения, особенно политических, а также преобладающей методологии; сохранение связей ученых-политологов только с учреждениями, проводящими политику США, а именно с Государственным департаментом и Министерством обороны; систематический отказ в поддержке исследований с политическим уклоном и предпочтение произведений, отмеченных «ученостью» или «эрудицией».

Положение дел в политической науке мало чем отличается от практики, сложившейся в других дисциплинах, столкнувшихся с инакомыслием. В социологии, например, радикальная фракция возникла в 1968 г. на бостонском съезде Американской социологической ассоциации, а в 1969 г. на собрании в Сан-Франциско сформировались такие радикальные группы, как Движение за освобождение социологии и Союз радикальных социологов (Nicolaus, 1969). Последний в качестве альтернативы профессиональным социологическим журналам начал издавать новый журнал «Инсерджент соушиолоджист» (позднее переименованный в «Критикл соушиолоджи»). Вскоре появились печатные труды радикалов (см.: Colfax and Roach, 1971;

D. Horowitz, 1971). У присоединившихся к движению известных социологов Алвин Гулднер (Gouldner, 1970) отметил возрастающее внимание к радикальной социологии и ее разоблачению главных противоречий современной социологии, особенно в Соединенных Штатах. Он рассматривал социологию в качестве «исследователя рыночной конъюнктуры для государства всеобщего благоденствия», отмечая, что академическая «объективность» заставляет социологов приспособляться к существующему порядку вещей. Гулднер убедительно показал, что исторические корни социологии можно обнаружить в реакции буржуазии на Просвещение и Французскую революцию. Эта реакция ясно просматривалась в социологическом позитивизме Сен-Симона и Конта, считавших прогресс медленным, эволюционистским и неизбежным. Точно так же как Конт считал позитивизм фактором, сдерживающим революционную энергию, позднейшие исследователи общества призывают к использованию беспристрастного научного метода, направленного на поиски не связанных с политической альтернатив политическим конфликтам в обществе.

Общественные волнения 1960-х гг. способствовали расколу и в экономической науке. Молодое поколение радикалов бросило вызов ортодоксальным экономистам, которые, отстаивая капитализм, вели самую развитую экономику в мире через традиционные препятствия — инфляцию, безработицу и неравномерное развитие (Lifschultz, 1974). Нерешенность этих проблем подрывала доверие общественности к экономистам. Вспыхнули разногласия внутри Американской экономической ассоциации, и отколовшаяся от нее группа образовала Союз радикальных политэкономистов и начала издавать журнал «Ревью оф рэдикал политикл экономикс». Позднее она выпускала популярный еженедельник «Долларз энд сенс», а группа радикально настроенных экономистов из Сан-Франциско и его окрестностей, объединившись с небольшими коллективами по всему миру, стала издавать непериодический журнал «Кэпитэлистейт». Экономические издания радикальной направленности приобрели популярность в университетах (Mermelstein, 1970; Sherman, 1972); радикальные экономисты осуждали своих ортодоксальных коллег за защиту капиталистического строя и были склонны принять марксистскую альтернативу ортодоксальным позициям. Их критика сосредоточивалась на основных особенностях капитализма в современном мире. В частности, они подчеркивали, что развитие передовых капиталистических стран базировалось на насильственном подчинении и эксплуатации отсталых стран. Торговля, инвестиции и помощь служили созданию таких отношений между этими

двумя группами стран, которые приводили к развитию одних за счет других. Зависимость отсталых стран от развитых являлась неизбежным продуктом мировой капиталистической системы, и развитие отсталых регионов было достижимо только в случае слома существующей модели их отношений (Sweezy, 1970).

Радикальное инакомыслие было очевидным и в других науках. В антропологии Марвин Хэррис (Harris, 1968) предпринял попытку проследить развитие основ антропологии от ее возникновения в качестве исторической дисциплины в XIX в. до позднейших антиисторических тенденций. Гносеологические, философские и методологические разногласия, долгое время разделявшие антропологов, в конце 1960-х гг. переросли в борьбу между радикальным и ортодоксальным течениями. Приблизительно с 1967 г. радикальное начало побуждало ученых заниматься социальными проблемами, а не документированием обычаев «первобытных» народов в интересах колониальных держав. Приверженцы радикального течения попытались ввести демократическую процедуру выборов в Американской антропологической ассоциации и бросили вызов руководству Ассоциации, использовавшему процедуры, напоминавшие манипулирование. Они создали комитет по этике для расследования деятельности ученых-обществоведов в Таиланде (Wolf and Jorgensen, 1970) и внесли проекты резолюций, направленных против участия антропологов в научных работах, связанных с борьбой против повстанческих движений. В учебных аудиториях студентов знакомили с альтернативными учебниками марксистской направленности (например: Humes, 1969).

Активное противодействие господствующим объяснениям общественных явлений возникло и в других научных дисциплинах. Разногласия отчетливо проявились на съездах Американской исторической ассоциации в 1969 и 1970 гг. (Radosh, 1970; Weinstein, 1970). Озабоченность левых прежде всего вызывали аполитичный «Америкэн хисторикл ревью», а также конфликт между профессиональным и общественным интересом к текущим проблемам. Ежегодное собрание Американской ассоциации современного языка в 1968 г. столкнулось с требованиями радикальных ученых (подробнее см.: Ohmann, 1969). Ноам Хомский, лингвист и радикал, вызвавший революцию в лингвистике, стал связывать свои взгляды на язык с политикой. Его работы повлияли на другие отрасли науки, в том числе на психологию, философию и биологию. Внимание таких ученых, как Хомский, к войне в Индокитае, а позднее к интервенции США в Центральной Америке и Карибском бассейне и к преобладавшему влиянию транснациональных компаний в мировых делах потрясло основы научного

сообщества. Вопросы о предназначении науки и об отношениях науки и общества ставились на собраниях Национальной академии наук в конце 1960-х гг. (Spigo, 1969), в научных кругах широко распространялись радикальные журналы, такие, как «Сайенс фор пипл».

Вторжения политики в фундаментальные научные дисциплины отмечались и в регионах. Недовольство черных, проявившееся уже на собраниях Ассоциации африканских исследований в Лос-Анджелесе, год спустя привело к настоящему взрыву на заседаниях в Монреале, когда афро-американские и американские ученые остановили работу, потребовав расового паритета в совете директоров Ассоциации. Группа изучения Африки стала распространять полученные ею сведения о связях ученых с разведывательными кругами США (Chilcote and Legassick, 1971). Ассоциацию латиноамериканских исследований с самого начала ее существования стали разваливать своими диссидентскими выступлениями радикалы, озабоченные проблемами эксплуатации Латинской Америки. На заседаниях Ассоциации принимались политические резолюции против империализма США и в поддержку событий на Кубе. Однако эти резолюции не выполнялись, и был основан альтернативный журнал «Лэтин америкэн перспективз» (Chilcote, 1973). Полезная информация содержалась в публикациях Североамериканского конгресса по Латинской Америке. Комитет озабоченных азиатских ученых в своем издании «Буллетин оф консернд эйшэн сколарз» выступал против военных усилий США в Азии. Был создан Центр тихоокеанских исследований для изучения событий в этом регионе и их освещения в «Пасифик ресерч энд уорлд эмпайр телеграм», выходящем раз в два месяца.

Научные исследования, этика и истеблишмент

Интеллект также превратился в орудие национального назначения, стал составной частью военно-промышленного комплекса.

*Кларк Керр, бывший президент Калифорнийского университета
(цит. по: Berkeley Students and Faculty, 1969?)*

Принято считать, что университеты нейтральны по отношению к главным проблемам общества и посвящают себя в первую очередь преподаванию и проведению исследований в интересах общества. В век науки и техники университет принимает общественные модели на веру, работает в их рамках и служит их утверждению. В то же время университет зависит от поддержки общества и удовлетворяет его запросы — лишь при этом условии он вправе рассчитывать на помощь. При таких

взаимоотношениях между университетами и обществом знание становится товаром, обособленным от тех, кто его предоставляет. Этот товар можно продать на рынке — например, знание нередко бывает условием получения определенной работы. Таким образом, студент учится пользоваться интеллектом отвлеченно, а не для диалога с окружающим миром. Это похоже на то, как некоторые обществоведы склонны проводить грань между фактами и ценностями, полагая, что в профессиональном качестве ученый работает отстраненно от ценностных суждений и эмоций. Университеты в таком случае, соответствуя окружающему их обществу, превращаются в бюрократическую отрасль производства, ориентированную на специализацию и разделение труда. Традиционный идеал ученого, прежде всего обладающего глубокими знаниями, а уж потом специализирующегося, перевернут с ног на голову, и сегодня многие представители академической науки предпочитают специализацию, занятия узким кругом проблем, когда не надо думать ни о целом, ни о конечном результате. Действительно, как говорил Кларк Керр, интеллектуальная деятельность стала составной частью современного военно-промышленного комплекса.

Определенные события усложнили отношения университетов с обществом в целом. Поражение США в Индокитае, Уотергейтский скандал и слежка разведывательных служб за повседневной жизнью тысяч американских граждан вызывали вопросы об организации и назначении общества (Berman and Halperin, 1975), и точно так же — об организации и назначении университетов. Коснулись они, как было отмечено выше, и политической науки, потому что профессиональная ассоциация ученых-политологов скомпрометировала себя выявленным фактом, что ее исполнительный директор и советник-казначей были должностными лицами конспиративного фонда, использовавшегося для перевода средств ЦРУ.

Разоблачение этого обстоятельства привело к созданию комиссии по профессиональным критериям, обязанностям и этике. В своем докладе, представленном Ассоциации, комиссия пришла к успокаивающему заключению, что этические проблемы в данной научной отрасли носят второстепенный характер и не имеют большого значения (Американская ассоциация политических наук, Комиссия, 1969). Комиссия подчеркнула, что ученые в области политической науки — это «собственники», состоятельные исследователи, обязанные уравнивать противоречивые институциональные обязательства университетов и правительства. Далее, ученые должны быть осмотрительны по отношению к исследованиям, проводимым в зарубежных государствах, особенно к тем, что проводятся под эгидой

других учреждений. Кроме того, ученые могут вольно или невольно строить свои выводы в зависимости от представлений своих финансовых спонсоров, тем самым жертвуя объективностью. Некоторые расценили доклад комиссии как призывающий к объективности, беспристрастной научной деятельности и методической тщательности, дабы уклониться от обязанности действовать и брать на себя ответственность. Студенты в Беркли выразили свои настроения следующим образом: «Нас беспокоит то обстоятельство, что мы должны лишить себя человеческих чувств и не участвовать в политике ради того, чтобы стать ее профессиональными исследователями. Если дело обстоит так, то возникшая этическая проблема приобретает важнейшее значение. Однако большинство наших профессоров вообще не видят никакой проблемы. И это является нравственной катастрофой» (Berkeley Students and Faculty, 1969?:21).

Из представителей академических кругов бюрократизацию науки открыто порицает Кит Гриффин:

Научная деятельность больше не занятие — это профессия. А с ростом профессионализма образовались по должной форме рынка труда: реклама, перечень должностных обязанностей, законодательные требования, направленные против дискриминации по половому и этническому признаку, административные данные о назначениях... Созданы профессиональные ассоциации и связанные с ними профессиональные журналы, а с ними появилась иерархия журналов и издателей. Должностные продвижения на факультетах, периодические оценки работы и решения о зачислении в штат превратились в бюрократическую формальность, опирающуюся на индекс цитируемости и внешние рецензии. Все это дополнительно побуждало к конформизму, заставляло держаться господствующего направления, не допускать отклонений от него (Griffin, 1991:3).

Гриффин отмечает, что условия, заставляющие много печататься в «имеющих хорошую репутацию» журналах, препятствуют критическому мышлению: «Качество, заметьте, определяется как бы по доверенности: не благодаря личному прочтению и оценке того, что хочет сказать ученый, а лишь отмечая, где он это сказал» (5). Все это отбивает охоту мыслить глубоко, подавляет самобытность, оригинальность и ведет к тому, что ученые перестают думать, полагаясь для поддержания производства знаний на накопленные результаты исследований: «Исследования в общественных науках глобализировались или движутся в этом направлении» (6). В результате «критерии... служат... отсеиванию

оригиналов, радикалов и критиков научного истеблишмента. Перенос центра тяжести с осмысления явлений на отвлеченные исследования еще больше укрепил господствующую тенденцию и помог заглушить еретические голоса: место больших идей заняли большие гранты. Научный спор чаще всего напоминает бурю в стакане воды; настоящие интеллектуальные шторма бушуют в других местах» (6).

Проблема была поставлена еще острее в одном из докладов об образовании в области политической науки. Джон Уоке и специальная комиссия ученых призвали к «общему развитию интеллектуального потенциала студентов — любознательности, способности к критическому мышлению, умения ценить прекрасное и творческих возможностей, — тем самым подготавливая их к тому, чтобы «овладевать сложными проблемами», «браться за самостоятельную работу и [приобретать] крайне необходимый научный кругозор», — начинающим, которые мы с готовностью поддержим» (Wahlke, 1991:48). Однако попытки развивать творческие способности и стимулировать мысль подрывались правыми, прибегавшими к нападкам на профессоров за навязывание студентам своих «политически корректных» перспектив. Например, бывший редактор правого «Дартмут ревью» Диниш Де Суза заявил о зловещем левом заговоре в университетских городках. Правда, редактор «Нейшн» Джордж Блэк отмечал, что политически корректные студенты, в сущности, очень консервативны. Если предыдущее поколение студентов с недоверием относилось к университетским властям, то сегодня, «обеспокоенные ужасной триадой расизма, дискриминации женщин и гомофобии, они скорее прислушаются к сутяжническому обществу и станут стремиться к возмещению ущерба через университетские трибуналы, придерживаясь установленных правил поведения» (*Los Angeles Times*, May 13, 1991; обзор дискуссии см.: Bergan, 1992).

Значительность этических проблем, стоящих перед учеными в области политической науки, особенно в области сравнительных политических исследований, можно лучше понять, если обратиться к некоторым разоблачениям двух последних десятилетий, а именно касающихся отношений ученого, во-первых, с правительством (включая военные и разведывательные структуры) и, во-вторых, с миром корпораций (включая частные фонды).

Общественные науки и правительство

Политологи занимаются политикой, и их работы могут влиять на ее формирование. Так что получение средств от государственных

структур чревато этическими последствиями. Субсидирующие общественные учреждения не всегда гарантируют ученым полную свободу публикации полученных данных без цензуры или вмешательства, и ограничения или определение степени секретности обычно осуществляют военные или разведывательные организации. Пожалуй, самой вопиющей попыткой вести секретные исследования был «проект Камелот» (I.L. Horowitz, 1967):

«Проект Камелот» был задуман в конце 1963 г. офицерами сухопутных войск США, связанными с Исследовательским управлением сухопутных войск Министерства обороны. Их беспокоили повстанческие движения во всем мире, и они искали средства борьбы с ними. Первой для интенсивного изучения была избрана Латинская Америка, и под эгидой Американского университета в Вашингтоне, округ Колумбия, был согласован контракт с Организацией по изучению общественных операций. Попытки начать работу по этому проекту в 1965 г. в Чили были разоблачены в чилийской левацкой печати и в Конгрессе США. После этого Государственный департамент США выступил против проекта, а президент Линдон Джонсон окончательно его закрыл. Последствия для американских граждан, занимавшихся исследованиями за пределами страны, оказались весьма серьезными. Такие исследования стали вызывать подозрения, и многие страны «третьего мира» предпринимали попытки установления определенных условий и ограничений. Разоблачение и критика «проекта Камелот» вызвали вопросы и в Соединенных Штатах. Государственный департамент считал, что Пентагон вторгается в сферу его компетенции в области внешних сношений, а скептики в Конгрессе опасались подрыва международных союзов. Академические круги в области общественных наук ставили под вопрос целесообразность связей американских университетов с Пентагоном. Неприятная огласка не только оставила осадок недоверия к американским обществоведам во всей Латинской Америке — причастность американских университетов к проектам, связанным с военным ведомством и национальной безопасностью являлась грубейшим нарушением принципа невмешательства во внутренние дела других стран.

Противоречия вокруг «проекта Камелот» послужили началом вспыхнувших в конце 1960-х гг. протестов студентов и преподавателей против субсидирования Министерством обороны США исследований в области международных отношений. Некоторые из этих исследований проводились в работающих по федеральным контрактам центрах в Висконсинском университете, Университете имени Джорджа Вашингтона, Американском университете, Колумбийском уни-

верситете, Пенсильванском университете, Вашингтонском университете, Университете Джонса Гопкинса и Массачусетском технологическом институте (МТИ); исследования также проводились в субсидируемых военными организациях, таких, как «Рэнд корпорейшн», Институт исследований в области обороны и Гудзонов институт. После жалоб со стороны обществоведов Японии и Швеции стало также известно, что Пентагон субсидировал исследования в университетах этих и других стран. Например, к 1967 г. 18 научных учреждений Японии заключили с Министерством обороны США контракты на 170 млн. долларов, а 29 научным учреждениям в Швеции было ассигновано 300 млн. долларов (U.S. Senate, 1968, part 1:20—24). В Латинской Америке сухопутные войска США субсидировали 26 проектов в Аргентине, Бразилии, Чили, Перу, Уругвае и Венесуэле — во всех этих странах Пентагон поддерживал тесные связи с местными военными. Учитывая эти факты, один американский сенатор вполне уместно выразил сомнение в пользу исследовательского проекта «Пакс Американа», предпринятого «Дуглас эйркрафт корпорейшн», обошедшегося в 84 тыс. долларов и завершавшегося выводом: «Хотя Соединенные Штаты не являются империалистической страной, они обнаруживают многие черты прошлых империй и, по существу, обрели имперские обязанности» (U.S. Senate, 1968, part 2:32).

Нехватка денег привела к тому, что многие университеты стали зависеть от федерального правительства в отношении средств для проведения исследований, а взамен предоставляли собственные «технические интеллектуальные ресурсы». В 1968 г. Пентагон потратил 40 млн. долларов только на невоенные исследования в области общественных наук. В тот год, несмотря на рост подозрений относительно вторжения государства в научную жизнь, такими проектами были охвачены около 250 колледжей и университетов. В соответствии с пентагоновским проектом «Фемида» 42 научным учреждениям в 31 штате было предоставлено долгосрочное финансирование на организацию 50 новых исследовательских центров в областях, до того не получавших поддержки; в общей сложности 173 учебных заведения представили 483 предложения минимальной стоимостью 200 тыс. долларов в год за каждый проект. Типичным для субсидируемых Пентагоном проектов был, например, такой: «Использование количественных методов в политической науке», за 590 тыс. долларов черпавший свою информацию в «Нью-Йорк таймс индекс» и «Интернэшнл йербук». Согласно Пентагону, этот проект изучал связь между особенностями той или иной страны, распространенностью мятежей и революций и участием во внешних войнах. Другой поли-

тологический проект имел задачей на протяжении пяти лет проводить «сравнительное исследование поведенческих изменений» — на него было выделено 4 млн. долларов (Rabb, 1968).

Разоблачение таких проектов подтолкнуло антивоенно настроенных студентов и преподавателей к выступлениям против контрактных отношений между университетами и Министерством обороны. Они изменили тактику — от проведения массовых собраний с дискуссиями перешли к забастовкам и захватам административных зданий в университетских городках. Из-за повсеместного развала базировавшейся на университетах системы научных исследований Пентагон предложил прекратить засекреченные контрактные работы по фундаментальным проблемам, но предложение практически не дало результатов. Принстонский и Чикагский университеты отказались от некоторых оборонных работ, Калифорнийский университет в Беркли, Массачусетский технологический институт и другие учебные заведения начали сокращать секретные военные исследования.

Связи между американскими университетами и ЦРУ были еще более зловещими. Руководители университетов, например, не видели ничего необычного в том, чтобы предлагать сотрудничество с агентами ЦРУ профессорам и преподавателям, получающим годичный отпуск для научной работы за рубежом. Похоже, что военные исследования, проведенные в Мичиганском университете, в 1967 г. помогли ЦРУ и Пентагону совместно с боливийскими военными захватить и убить в Боливии Че Гевару (Sugarman, 1968). Гевара, герой кубинской революции, вероятно, стал жертвой инфракрасного фотографирования, способного определять температуру человеческого тела. Из-за этого стало возможным проследить передвижения Гевары, определить скорость, стоянки и даже число находившихся с ним людей.

Академический мир был особенно потрясен сообщением о том, что с 1952 по 1967 г. ЦРУ субсидировало Национальную студенческую ассоциацию (НСА) (всего она получила 4 млн. долларов) и что около трех четвертей высших руководителей НСА с 1956 по 1962 г. были завербованы и стали агентами ЦРУ (*Los Angeles Times*, February 26, 1967). Миллионы долларов из фондов ЦРУ просачивались в другие молодежные организации, а также в учебные, научные заведения, организации журналистов, юристов и в профсоюзы в Соединенных Штатах и за рубежом. Среди них были Институт внешнеполитических исследований при Пенсильванском университете, Национальная образовательная ассоциация, Институт государственного управления, Американская газетная гильдия, Международная конфедерация свободных профсоюзов и Центр научных исследова-

ний операций и политики. Последнее учреждение непосредственно возглавлялось исполнительными директорами Американской ассоциации политических наук (*New York Times*, February 19, 1967). Помимо этого, ЦРУ создало фонды, через которые деньги можно было передавать ученым — например, связанный с Университетом Майами во Флориде «Пан-Америкэн фаундейшн», Международный институт маркетинга, проводивший семинары в Гарвардской школе бизнеса, и Американское общество африканской культуры.

Наконец, ЦРУ попыталось проникнуть в различные культурные организации и даже управлять их мировоззрением. (Подробнее о вовлечении ЦРУ в культурную жизнь Соединенных Штатов см.: Wills, 1976.) Много писали о секретном субсидировании журнала «Энкаунтер»; осуществлялось также секретное финансирование журнала Генри Киссинджера «Конфлюэнс». В книге «Дайте нам этот день» Хауард Хант рассказал об операции в Заливе Свиней, которую он поддерживал деньгами ЦРУ. В полуавтобиографическом романе «Спасая королеву» Уильям Бакли откровенно пишет о своей деятельности в ЦРУ. Субсидии ЦРУ и других правительственных ведомств, выплачивавшиеся при посредстве нью-йоркских и Вашингтонских издателей, позволяли издавать сотни книг, одобрявших действия и политический курс США. Такие субсидии не достались бывшему агенту ЦРУ Филиппу Эйджи, красноречиво описавшему свои многочисленные приключения в Эквадоре, Мексике и Уругвае в книге «Внутри Компании», ставшей бестселлером. ЦРУ удалось временно запретить издание этой книги в Соединенных Штатах. Кроме нее появились личные воспоминания еще нескольких бывших агентов ЦРУ, где разоблачалась подрывная деятельность разведывательных органов США, вмешивавшихся во внутренние дела других стран. В их числе были «ЦРУ и культ разведки» Виктора Маркетти и Джона Маркса, раскрывавшие секреты, которые они узнали за четырнадцать лет работы в ЦРУ; «Достаточный промежуток» Фрэнка Снеппа, с подробным описанием периода, предшествовавшего падению Сайгона; и «В поисках врагов» Джона Стокуэлла, рассказавшего о своей деятельности на посту директора отдела операций ЦРУ во время гражданской войны в Анголе в середине 1970-х гг. (Обзор этих и других работ, критических по отношению к американскому разведывательному истеблишменту, см.: Ransome, 1980.)

Вторжение ЦРУ в научную и культурную жизнь, безусловно, сказалось на политической науке. То же самое относится и к деятельности ФБР. Вербовка этими организациями студентов и научных сотрудников, чтобы они сообщали о событиях за границей и внутри страны,

подрывала исследования в области сравнительной политологии; по существу же она ставила под угрозу еще сохранявшиеся честные и беспристрастные разработки в этой области. О связи разведывательной деятельности за рубежом и внутри страны свидетельствовало как то, что Хауард Хант мог свободно вращаться в кругах кубинских контрреволюционеров-эмигрантов, среди советников Никсона в Белом доме и общаться с уотергейтскими взломщиками, так и факт, что агенты ФБР работали рука об руку с мексиканскими таможенными властями, занимаясь слежкой за американскими учеными, летавшими на Кубу через Мехико. ФБР также досаждало американским профессорам, преподавателям и ученым. Характерна история с Питером Бомером, радикально настроенным профессором экономики, ставшим жертвой поощрявшегося ФБР терроризма — его изгнали из Сан-Диего (Viorst, 1976). Одним из главных противников Бомера был Хауард Годфри, местный пожарный и агент ФБР, при поддержке бюро организовавший «Тайную армейскую организацию» (ТАО) и ставший ее координатором в Сан-Диего. ТАО представляла собой небольшую группу черносотенцев-виджиланте, терроризировавших тех, кто выступал против вьетнамской войны. Отчасти она была организована для борьбы с демонстрациями во время национального съезда Республиканской партии 1972 г., который предполагалось провести в Сан-Диего. Годфри был известен связями с Дональдом Сегретти, бывшим служащим Белого дома, известным из-за истории с Уотергейтом и других «грязных дел» (подробности можно найти в серии из восьми статей Патрика Диллона: *San Diego Union*, January 11—18, 1976).

Эти факты побудили Конгресс проанализировать последствия действий разведки внутри страны и за рубежом. В 1976 г. были опубликованы два доклада (U.S. Senate, 1976; U.S. House, 1976). В ходе расследования, проводившегося Палатой представителей, было обнаружено, что, несмотря на приказы президента Джонсона (1967), чтобы ни одно федеральное ведомство не оказывало никакой секретной финансовой помощи или поддержки американским образовательным или частным добровольным организациям, свидетельские показания в конце 1975 г. говорили о том, что ЦРУ по-прежнему имело действующие контракты с рядом университетов. Некоторые из них занимались засекреченной работой. В докладе Сената сообщалось, что три четверти тайных акций ЦРУ осуществлялись без одобрения или чьей-либо проверки за пределами ЦРУ. Кроме того, Управление обошло запрет президента на установление связей с университетами, вступив в прямые контакты с учеными, сотни которых предлагали решения проблем, договаривались о

контрактах и издавали книги. Многие профессора, преподаватели и ученые были политологами, и многие проводили исследования в зарубежных странах.

Примером научно-исследовательского центра с политическим влиянием в ученом мире служит «Рэнд корпорейшн», находящаяся в Санта-Монике, Калифорния. По словам Сары Даймонд и Ричарда Хэтча (Diamond and Hatch, 1991:39), эта корпорация стала «первым содержащимся на федеральные средства предприятием по планированию политики и способствовала появлению термина «мозговой центр». Как отмечали эти авторы, «Рэнд» была основана в 1946 г. как совместный проект Военно-воздушных сил США и «Дуглас эркрафт». Располагая бюджетом в 90 млн. долларов, она управляет тремя финансируемыми из федеральных средств научно-исследовательскими центрами: проектом «Военно-воздушные силы», центром сухопутных войск США «Арройо» и Институтом исследований в области обороны. Одно время она материально поддерживала таких гениев стратегии, как Альберт Уолстеттер, который отстаивал доктрину «хрупкого равновесия страха» в гонке ядерных вооружений Соединенных Штатов и Советского Союза. Когда-то в «Рэнд» работал Даниел Эллсберг, опубликовавший документы Пентагона, свидетельствующие о лжи правительства относительно роли США во Вьетнаме. Экономистам «Рэнд» сандинистская Никарагуа обязана лишением столь необходимого ей международного кредита. Они подталкивали высших американских должностных лиц к оказанию давления на европейские правительства, принуждали их к сокращению экспортных кредитов. Даймонд и Хэтч отмечали, что, «если бы сторонники солидарности с Никарагуа лучше разбирались в источниках и методах экономической войны против Никарагуа, мы могли бы более успешно оспаривать пропагандистский тезис об ответственности сандинистов за экономические бедствия страны» (41). Подобным же образом «Рэнд» еще в 1984 г. предложила посредством эмбарго на продажу, а также других мер повлиять на доступ СССР к высокотехнологичному нефтебуровому оборудованию. От нее же исходила инициатива о предоставлении американской военной и экономической помощи промарксистски настроенной Эфиопии, чтобы страна разорвала связи с Советским Союзом. Такая позиция расходилась с типичными взглядами активных сторонников правых: «В разработках "Рэнд" самая циничная разновидность сухого прагматизма берет верх над предсказуемыми идеологическими приоритетами правых» (41). «Рэнд» активно сотрудничает с Пентагоном, ЦРУ и частной промышленностью. В ее составе работали Brent

Скаукрофт, доверенное лицо бывшего президента Буша, Брайан Дженкинс, специалист по карательным акциям и идеологической борьбе с партизанским движением, а также множество других широко известных лиц, влиявших на международную политику США.

Несмотря на распад Советского Союза и Восточного блока и свертывание «холодной войны», американские стратеги даже в марте 1992 г. продолжали настаивать на выработке плана, который бы гарантировал, что на международной арене не появится соперник, способный бросить вызов американской гегемонии. Они считали благом, чтобы миром руководила одна сверхдержава, и в своем документе-плане заявляли, что Соединенные Штаты «должны отслеживать запросы передовых промышленных стран, не позволяя им оспаривать наше руководство или ломать сложившийся политический и экономический порядок» (*New York Times*, March 8, 1992). Это высокомерие мощи с правительственными кругами разделяли и университетские круги. В этой связи характерен пример с Законом о национальной безопасности в области образования 1991 г., который, по словам Дэвида Макмайкла, обеспечил «руководителям системы национальной безопасности прочные позиции в университетах и значительный контроль над университетскими программами в международной, языковой и региональной сферах, а также над студентами, занятыми в этих программах. Такое вмешательство оправдывалось весьма пространными и сомнительными толкованиями национальной безопасности, распространенными после окончания «холодной войны», и вызывает серьезные сомнения в добропорядочности и самостоятельности университетской системы» (MacMichael, 1992:780). Макмайкл имел в виду проникновение ЦРУ в Рочестерский технологический институт, которое привело к отставке президента и его главного заместителя по административным делам.

Примером государственного вмешательства в университетскую жизнь также послужило объединение Германии якобы в целях развития свободной рыночной экономики и демократии; на деле же, по выражению одного из наблюдателей, последовал фактический процесс «колонизации», в ходе которого в Восточной Германии «права на свободу слова, свободу выражения взглядов и презумпцию невиновности до доказательства вины были сведены на нет поголовными увольнениями преподавателей университетов и государственных служащих за «навязанные» политические убеждения или членство в законных партиях — без каких-либо индивидуальных проверок, предъявления доказательств или возможности защиты. Даже работники детских учреждений и детских садов увольняются как идеологически непригод-

ные для воспитания маленьких детей» (Дороти Розенберг «Колонизация Восточной Германии». — *Monthly Review*, 43 [September, 1991]:41).

В исследовании, посвященном кризису авторитаризма, Лусиан Пай призывал к глубокому изучению событий 1980-х гг., когда была поставлена под вопрос законность всех авторитарных режимов. Он объяснял эти изменения модернизацией и приветствовал их как «подтверждение теории модернизации». В качестве доказательства он указывал на большие объемы деятельности в областях международной торговли, финансов и коммуникаций; развитие науки и техники; появление среднего класса и технически образованного населения. Результатом всего этого стало возникновение «новых силовых центров, стремящихся к коренному пересмотру взглядов на характер власти» (Руе, 1990:9). Однако теория модернизации иногда приводила к печальным последствиям. Например, в 1988 г. под влиянием североамериканских ученых теоретики из китайской Академии общественных наук и некоторых ведущих университетов Китая выступили с теорией «нового авторитаризма»; она опиралась на исследования Самюэля Хантингтона и членов Комитета по сравнительной политологии Совета по изучению общественных наук (SSRC), которые в 1960-х гг. подчеркивали значение институционализации государственной власти для обеспечения развития. Этот тезис, присутствующий в работе Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах» (1968), возможно, сыграл роль подстрекателя для сторонников жесткой линии, которые в июне 1989 г. устроили расправу со студенческой демонстрацией на площади Тяньаньмынь.

Общественные науки и транснациональные корпорации

В конце 1960-х гг. радикалы обратили внимание и на корпорации. Они утверждали, что профессора и преподаватели работают только на руководство и попечителей научно-исследовательских и опытно-конструкторских корпораций, именуемых университетами. Решения в этих университетских корпорациях принимаются директорами, которые служат бизнесу, банкам, бюрократии и военно-промышленному комплексу страны. Общественное учреждение, например Калифорнийский университет, управляется членами семей Херста, Чендлера, Саймона и других влиятельных кланов, а в частном учреждении, таком, например, как Гарвардский университет, дела ведутся на основе бессменности (когда член правления умирает или выходит в отставку, его преемника избирают семь членов этого правления). Должностные лица Гарварда работают в Совете по междуна-

родным отношениям, а ученые вроде Генри Киссинджера участвуют в формировании внешней политики и поддерживают связи с разведывательным сообществом (Africa Research Group, 1970?).

Утверждалось также, что корпоративные связи университетов с бизнесом отвечают потребностям капиталистического мира, и в частности американского капитала внутри страны и за рубежом. Университеты, как и предприятия, производят товары и услуги и тем самым рекламируют американское видение мира. Так, согласно рассуждениям Ивана Иллича (Illich, 1969), первой необходимостью может быть объявлен автомобиль при одновременной поддержке дорогостоящих мер по ликвидации пробок на городских улицах; или престижными будут признаны определенные школы, якобы освобождающие родителей от забот, а детей от улицы, но при этом занятия скучны и детям требуется поощрение, чтобы вынести настоящую пытку. Иллич воспользовался этими примерами, чтобы объяснить отставание в развитии как «капитуляцию общественного сознания перед заранее принятыми решениями». Отставание в развитии является следствием растущих запросов, вызываемых усиленным сбытом «патентованных» продуктов. Образование же действительно «пробуждает осознание новых уровней человеческих возможностей и использование творческих сил для полнокровной жизни».

Научные исследования в университетах зависят также от частных фондов. Годовой доход Фонда Форда превышает доходы крупнейшего в мире банка, а активы Фонда Форда в четыре раза превосходят активы Фонда Рокфеллера. Как не приносящие прибыли благотворительные фонды составляют «основу сети организаций, через которые «нервные центры» богатства диктуют свою волю Вашингтону» (D. Hoguewitz, 1969(1):47). Эта сеть состоит из научно-исследовательских и имеющих отношение к политике организаций, финансируемых и укомплектованных персоналом совместно фондами и корпорациями. Среди таких организаций следует отметить Совет по внешней политике с его влиятельным ежеквартальным журналом «Форин афферс». Совет дал таких специалистов по международным отношениям, как Макджордж Банди и Генри Киссинджер. К подобным организациям относятся также Брукингский институт, Национальное бюро экономических исследований, Ассоциация внешней политики и Фонд двадцатого века — все они финансируют профессоров и преподавателей университетов, используя результаты их труда в разработке и практическом проведении внешней политики.

Субсидируемые фондами внешнеполитические исследования, как и транснациональные корпорации, с которыми эти фонды свя-

заны, конечно, вызывали вопросы у принимающих зарубежных стран. В результате мотивы, цели и сами исследования ученых-компаративистов сделались объектами пристального внимания общественности. Особое возмущение вызвали взятки корпораций иностранным чиновникам. «Юнайтед брэндз» оказалась замешана в таком скандале в Гондурасе, а «Локхид» имела прямое отношение к подкупу государственных чиновников в Японии, Нидерландах и Италии. Один из комитетов Законодательного собрания Венесуэлы обвинил «Оксидентл петролеум» в «незаконных махинациях», имевших место в 1967—71 гг. «Галф ойл» была уличена во взятке в 3 млн. долларов в Южной Корее, «Интернэшнл телефон энд телеграф» (ИТТ) заплатила 270 тыс. долларов налоговым чиновникам в Италии, чтобы те помогли решить ее налоговые проблемы. ИТТ была также причастна к попыткам свержения режима президента Чили Сальвадора Альенде. Комиссия по ценным бумагам и валюте подтвердила, что 110 корпораций признались в сомнительных платежах для поддержания своих зарубежных операций (*Los Angeles Times*, May 2, 1976).

Национальная коалиция за университеты на службе общественных интересов рассмотрела роль важнейших университетов в высокотехнологичных отраслях промышленности. В поле ее зрения попала поддержка корпорациями университетских исследований, осуществлявшаяся в целях «приобретения доступа к выгодной технологии и патентам, субсидируемым за счет налоговых долларов», а также в стремлении «откупиться от потенциальных критиков из академических кругов, предоставляя им гранты на исследовательские работы, и ослабить возможность серьезных расследований своей деятельности». Корпорациям нужно было прикрывать именем университетов «кому-то выгодные или плохо продуманные разработки. Они создавали положение сомнительным фирмам, желая противостоять разоблачителям и группам, выступавшим в защиту общественных интересов» (Cowan, 1990:48). В этом же докладе утверждалось, что университетские круги часто не знают о том, чему их сделали причастными, и не представляют, каким образом их исследования могут помочь или навредить обществу. Университеты превращаются в «предприятия по связям с общественностью», а их попечители — в инвесторов частных фирм.

И наконец, создание и деятельность Трехсторонней комиссии сделали совершенно явными связи транснациональных корпораций, правительства и научного мира. «Трилатерализм» пропагандировался учеными и руководящими политиками Японии, Северной

Америки и Западной Европы в целом ряде докладов (см.: Trilateral Commission, 1975—78). В состав Трехсторонней комиссии входили банкир Дэвид Рокфеллер, президенты Джимми Картер и Джордж Буш, вице-президент Уолтер Мондейл, государственные секретари Сайрус Вэнс и Генри Киссинджер, а также советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский.

Краткие выводы

В данной главе аргументированно доказано, что идеология связана с политикой. Идеологические исходные положения об индустриализации и модернизации, прогрессе, стабильности и порядке определяют политический курс и деятельность университетского, правительственного и корпоративного мира. Фактически идеология пронизывает как политическую науку, так и сравнительную политологию. Политологи подвержены влиянию идеологии в том смысле, что их ценности и убеждения связаны с собственностью, деньгами и статусом — отражением окружающего их капиталистического мира. Маскируя свои предпочтения, склонности и пристрастия профессионализмом и научной объективностью, они становятся аполитичными и консервативными.

Понимание присутствия идеологии в политике тем не менее вызвало переоценку политической науки и сравнительной политологии. К результатам этой переоценки можно отнести, во-первых, вызов, брошенный господствующим структурам управления со стороны научного сообщества (ставший причиной глубокого раскола внутри профессиональных ассоциаций), требующего прививать этические подходы в научных и преподавательских кругах и стремиться к пониманию общества с точки зрения радикалов. Во-вторых, перестали быть тайной отношения университетов с современным военно-промышленным комплексом — они вскрыты в результате расследований в области внешней политики и разведывательной деятельности. В-третьих, существует критическое понимание правительственного проникновения и контроля над значительной частью научно-исследовательской и издательской деятельности и их последствий для сравнительных политических исследований. И наконец, была выявлена сеть связанных между собой высокопоставленных лиц, направляющих работу университетов, корпораций и фондов от имени американского капитала.

Литература

Africa Research Group. 1970? How Harvard Rules. Cambridge: Harvard University Press. Критика связей Гарвардского университета с правительством и частными фирмами, а также документы и диаграмма структуры власти.

Almond, Gabriel. 1990. «Separate Tables: Schools and Sects in Political Science». In Gabriel Almond, *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*, 13—31. Newbury Park: Sage Publications. Also in *PS: Political Science and Politics* (Fall, 1988), 828—841. Утверждается, что в политологии есть два измерения: идеологическое и методологическое, с правыми и левыми крайностями. Методологически существуют «мягкие» исследования, которые могут быть описательными, но полными скрытого теоретического смысла: количественное, эконометрическое и математическое моделирование; статистический анализ; компьютерное моделирование. Группы с идеологической направленностью подразделяются на левые, предпочитающие социализм (марксистские теоретики, критически настроенные политологи, теоретики зависимости, теоретики мировой системы); к правым относятся неоконсерваторы, выступающие за экономику свободного рынка.

American Political Science Association, Committee on Professional Standards and Responsibilities. 1969. «Ethical Problems of Political Scientists». *PS* (Winter), 5—16. Доклад о результатах исследования Комитета Американской ассоциации политических наук.

Apter, David E. (ed.). 1964. *Ideology and Discontent*. New York: Free Press of Glencoe. Эссе по идеологии различных социологов.

Bell, Daniel. 1962. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties*. New York: Collier Books. Технология и модернизация привели к истощению старых идеологий, потерявших, по мнению автора, свою убедительную силу.

_____. 1988. «The End of Ideology Revisited». *Government and Opposition* 23 (Spring), 131—150; and 23 (Summer), 321—331. Рассматривается происхождение понятия «конец идеологии», вероятно, впервые употребленного Альбером Камю в 1946 г., затем появившегося в заключительной главе книги Раймона Арона «Опиум интеллигенции» (*The Opium of the Intellectuals*, 1956), а также заявленное на конференции 1956 г. в Милане, где присутствовали Арон, Белл, Сеймур Мартин Липсет, Эдвард Шилз и др. В книге дается отповедь пяти различным критическим высказываниям относительно его сути и доказывается обоснованность «конца идеологии» в том

смысле, что критика теперь ведется с позиций культуры, а не экономики, а «социалистический идеал превратился в призрак» (150).

Berkeley Students and Faculty. 1969? «An Invitation to a Discussion». Mimeographed. Объяснение отставания американской политологии пробелами в этой дисциплине, «неразрывно связанными с американской политической системой, описание которой дается в книге».

Berman, Jerry J., and Morton H. Halperin. 1975. *The Abuses of the Intelligence Agencies*. Washington, D.C.: Center for National Security Studies. Анализ злоупотреблений властью со стороны американских разведывательных служб в отношении североамериканцев, а также тайных акций против иностранных государств.

Berman, Paul (ed.). 1992. *Debating PC: The Controversy over Political Correctness on College Campuses*. New York: Laurel/Dell. Сборник ранее опубликованных различных мнений относительно дискуссий о «политической правоте».

Chilcote, Ronald H. 1973. «The Latin American Challenge to U.S. Scholarship in Latin America». *URLA Newsletter* 3 (April-May), 1—5. Also in *LASA Newsletter* 5 (June 1973), 30—34. Критический обзор профессиональной деятельности латиноамериканистов в США и призыв к созданию радикального журнала.

Chilcote, Ronald H., and Martin Legassick. 1971. «The African Challenge to American Scholarship in Africa». *Africa Today* 18 (January), 4—11. Радикальная критика американских африканистов и их профессиональной деятельности.

Chomsky, Noam. 1969. «The Menace of Liberal Scholarship». *New York Review of Books* 11 (January 2), 29—38. Утверждается, что либеральные исследования в социальных науках подрываются вхождением ученых во власть, общностью идеологии и профессионализацией.

Cohen, William S., and George J. Mitchell. 1989. *Men of Zeal: A Candid Inside Story of the Iran-Contra Hearings*. New York: Penguin Books. Взгляд изнутри и оценка слушаний по делу «Иран-контрас» двумя основными их участниками. Обсуждается каждая фаза слушаний и вскрывается ограниченность расследований, которые велись по линии Конгресса США.

Colfax, David, and Jack L. Roach (eds.). 1971. *Radical Sociology*. New York: Basic Books. Идентифицируется радикальная социология, выявляются отношения между радикальной и академической социологией и характер работы радикальных социологов в США.

Colodny, Len, and Robert Gettlin. 1991. *Silent Coup: The Removal of a President*. New York: St. Martin's Press. Рассуждения по поводу утергейтского скандала. Утверждается, что за отставкой Никсона стояла

особая военная группировка, стремившаяся сохранить акции правых во Вьетнаме и других регионах мира. Показана связь Боба Вудворда с разведывательными ведомствами и выдвигается предположение, что «Хрипуном» был Александр Хейг. Представлена также версия о том, что целью Уотергейта был не поиск файлов Национального комитета Демократической партии, а сбор компромата, связанного с девицами легкого поведения и Мо Байндер (псевдоним «Лоскут»), подругой впутанного в конфликт Джона Дина.

Cowan, Rich. 1990. «Academia Un-incorporated». *Z Magazine* 3 (February), 47—52.

Diamond, Sara, and Richard Hatch. 1991. «Project Rand». *Z Magazine* 4 (May), 39—43.

Diamond, Sigmund. 1992. *Compromised Campus: The Collaboration of Universities with the Intelligence Community, 1945—1955*. New York: Oxford University Press. Разоблачается связь университетов с ФБР, особенно в области изучения СССР. Такого рода деятельность способствовала разгулу антикоммунизма в 1950-х гг. Автор, лишившийся своих научных позиций в Гарварде в 1954 г., акцентирует внимание на связях Гарвардского и Йельского университетов с разведывательными службами. В скандал вовлекаются известные персоны, как, например, Уильям Бакли-мл. и Генри Киссинджер.

D'Souza, Dinesh. 1991. «The Visigoths in Tweed». *Forbes* (April 1), 81—86. Критика американских университетов с ультраконсервативных позиций и протест против догматического, насаждающего нетерпимость и репрессивного, по мнению автора, образования с акцентом на многонациональном обществе с разнообразной культурой. Де Суза является также автором книги «Нелиберальное образование: расовая политика и секс в университетах» (*Illiberal Education: the Politics of Race and Sex on Campus*).

Edelman, Murray. 1967. *Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press. Важные дискуссии о языке и искаженных представлениях о политической жизни, препятствующих переменам и поискам альтернатив.

Eggleton, Terry. 1991. *Ideology: An Introduction*. London: Verso. Исторический обзор идеологии и социальной мысли. Анализируется грубый марксизм и упрощенческая детерминация, а также релятивизм и прагматизм. Рассматриваются труды политических мыслителей от Лукача до Грамши, от Адорно до Бурдьё и от Шопенгауэра до Сореля. Особенно автора интересуют Альтюссер, Фрейд и Грамши.

Gitlin, Todd. 1965. «Local Pluralism as Theory and Ideology». *Studies on the Left* 5 (Summer), 21—72. Критика плюралистических концеп-

ций власти, широко распространенных в современной политологии. Автор считает эти концепции не теориями, а идеологиями.

Gouldner, Alvin W. 1970. *The Coming Crisis in Western Sociology*. New York: Basic Books. Отличная работа, в которой рассматривается развитие социологии от эволюционной теории Сен-Симона и Конта до беспристрастных научных методов изучения общества в наше время. Радикальные взгляды, выраженные признанным авторитетом в социологии.

Graubard, Stephen R. 1992. *Mr. Bush's War: Adventures in the Politics of Illusion*. New York: Hill and Wang. Красноречивая и сокрушительная критика президента Джорджа Буша, его политики, действий и просчетов, как во внешней, так и во внутренней политике.

Griffin, Keith. 1991. «The Social Sciences, Academic Freedom and Professional Standards in the United States». Заметки для симпозиума на тему «Ограничения свободы научных исследований», состоявшегося 3—6 ноября 1991 г. в Оттаве (Канада). Опубликовано в журнале *Queen's Quarterly* 98 (Winter 1991). Раскрываются противоречия и ограниченность научных исследований в США.

Gunnell, John, et al. 1990. «The Nature of Contemporary Political Science: A Roundtable Discussion». *PS: Political Science and Politics* (March), 34—43. О зарождении американской политологии.

Harris, Marvin. 1968. *The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. New York: Thomas Y. Crowell. Подробный анализ эпистемологических и философских корней антропологии и критика современной методологии и теории.

Horowitz, David. 1969. (1) «The Foundations of (Charity Begins at Home)» with David Kolodney; (2) «Billion Dollar Brains: How Wealth Puts Knowledge in Its Pocket»; and (3) «Sinews of Empire». *Ramparts* 7 (April 1969, 39—48; (May 1969), 36—44; and 8 (October 1969), 33—42. Разоблачается целая сеть фондов, корпораций и правительственных структур, действующих от имени капиталистического истеблишмента.

_____. 1971. *Radical Sociology: An Introduction*. New York: Canfield Press. Умело составленный текст, содержащий отрывки из произведений ведущих радикальных социологов XIX—XX вв.

Horowitz, Irving Louis. 1967. *The Rise and Fall of Project Camelot*. Cambridge, Massachusetts: M.I.T. Press. Эссе о противоречивых, спонсируемых Пентагоном проектах социологических исследований, приостановленных после того, как они были осуждены чилийскими конгрессменами.

Hymes, Dell (ed.). 1969. *Reinventing Anthropology*. New York: Pantheon and Vintage. Собрание радикальных взглядов на антропологию.

Ilich, Ivan. 1969. «Outwitting the 'Developed' Countries». *New York Review of Books* 13 (November 6), 20—23. Утверждается, что высоко-развитые в промышленном отношении страны создают отставание в развитии других стран путем слишком активного поощрения «запатентованных» продуктов.

Jacoby, Russell. 1987. *The Last Intellectuals: American Culture in the Age of Academe*. New York: Basic Books. Анализ идеологических метаний среди левых интеллектуалов и их связей с университетами, так что не осталось «интеллектуалов-общественников», готовых критиковать общество.

Kesselman, Mark. 1982. «Socialist Pedagogy». *New Political Science* (Summer), 113—136. Разъясняются слабости марксистской политологии в связи с господством капитализма и отсутствием крупной социалистической партии, опирающейся на рабочий класс.

Kuhn, Thomas S. 1970. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2d ed. Chicago: University of Chicago Press. From 2, 2 of *International Encyclopedia of Unified Science*. Исторический взгляд ученого на борьбу в научной среде за формулирование господствующих парадигм и работу в рамках этих парадигм. Идеология становится частью предписывающих понятий каждого ученого относительно характера реальности.

LaPalombara, Joseph. 1966. «Decline of Ideology: A Dissent and an Interpretation». *American Political Science Review* 40 (March), 5—16. Критика беспрекословной веры бихевиористов в науку и попытка бросить вызов сторонникам тезиса о «конце идеологии».

Lifshultz, Lawrence S. 1974. «Could Karl Marx Teach Economics in America?» *Ramparts* 12 (April), 27—30 ff. Отчет об усилиях радикалов бросить вызов Американской экономической ассоциации, а также неоклассической экономике в университетах США.

McChesney, Robert W. 1989. «The Political Economy of the Mass Media: An Interview with Edward S. Herman». *Monthly Review* 40 (January), 35—45. Херман, соавтор (вместе с Ноамом Хомским) книги «Добиваясь согласия: политическая экономия средств массовой информации» (*Manufacturing Consent: the Political Economy of the Mass Media*, 1988), утверждает, что средства массовой информации США создают темы и новости на потребу тех, кто правит обществом, и выдвигает пропагандистскую модель пяти фильтров, демонстрируя господство американских средств массовой информации в пяти важнейших сферах жизни общества.

McCoy, Alfred. 1991. *The Politics of Heroin: CIA Complicity in the Global Drug Trade*. New York: Harper and Row, Lawrence Hill Books. Переработка книги, первоначально изданной в 1972 г. Демонстрируется

сотрудничество ЦРУ с преступными синдикатами, включая мафию, и рассказывается о связи торговли наркотиками со шпионажем и целями американской политики. Книга написана с научных позиций и опирается на тщательные исследования. Автор приходит к выводу, что «героиновая чума Америки — собственного производства» (23). Книга разоблачает связи ЦРУ с наркоторговлей и поставками оружия через Азию и Ливию в руки центрально-американских контрабандистов. Называются также наркоисточники в Афганистане, Пакистане и Иране.

MacDougall, A. Kent. 1988 and 1990. «Boring from Within the Bourgeois Press». Parts 1 and 2, 1998, in *Monthly Review* 40 (November), 13—24, and 40 (December), 10—24. See also «Boring Within the Bourgeois Press: A Postscript». *Monthly Review* 41 (January 1990), 15—27. Воспоминания радикально настроенного журналиста, который сотрудничал в «Уолл-стрит джорнэл» и «Лос-Анджелес таймс» и утверждает, что использовал свои статьи для популяризации радикальных взглядов.

MacMichael, David. 1992. «Spooks on Campus». *The Nation* 254 (June 8), 780. О разрушительных последствиях для колледжей Закона от 1991 г. о национальной безопасности в области образования.

Mannheim, Karl. 1936. *Ideology and Utopia: An Introduction to the Sociology of Knowledge*. Translated by Louis Wirth and Edward Shils. New York: Harcourt, Brace, and World. Серьезная попытка представить марксистскую концепцию идеологии как идеосознание и связать идеологию с политологией.

Mepham, John. 1979. «The Theory of Ideology in Capital». In John Mepham and David-Hillel Ruben (eds.), *Issues in Marxist Philosophy*, vol. 3: Epistemology, Science, Ideology, 24—173. Sussex, England: Harvester Press. Утверждается, что понимание Марксом идеологии было намного яснее в «Капитале», чем в более ранних его произведениях. Опровержение этого тезиса со стороны Стива Баттерса и Кэтрин Рассел.

Mermelstein, David. 1970. *Economics and Mainstream Radical Critiques*. New York: Random House. Приводятся радикальные альтернативы традиционной экономике.

Mills, C. Wright. 1962. *The Marxists*. New York: Dell Publishing. Утверждается, что без марксизма не может быть адекватной социальной науки.

Mullins, Willard A. 1972. «On the Concept of Ideology in Political Science». *American Political Science Review* 66 (June), 498—510. Синтез различных интерпретаций идеологии и попытка ее концептуализировать, а также связать с наукой.

Nicolaus, Martin. 1969. «The Professional Organization of Sociology: A View from Below». *Antioch Review* 29 (Fall), 375—387. Идентифици-

руются исторические и современные основы консервативного социологического мышления в связи с деятельностью Американской социологической ассоциации.

Ohmann, Richard. 1969. «An Informal and Perhaps Unreliable Account of the Modern Language Association of America». *Antioch Review* 29 (Fall), 329—347. Резюмированная критика и обсуждение радикальных взглядов Американской ассоциации современного языка.

Ollman, Bertell. 1978. «On Teaching Marxism and Building the Movement». *New Political Science* 1 (Spring-Summer), 7—12. О том, как буржуазная идеология вмешивается в выработку альтернативных моделей мышления, особенно марксизма.

Petras, James. 1965. «Ideology and United States Political Scientists». *Science and Society* 29 (Spring), 192—216. Идентификация четырех идейных школ в политологии и критика современных буржуазных исследований американской политической жизни.

Pye, Lucian. 1990. «Political Science and the Crisis of Authoritarianism». *American Political Science Review* 84 (March), 3—19. Автор рассматривает модернизацию как причину расширения мировой экономики, наряду с демократическими тенденциями и развитием.

Rabb, Charles. 1968. «Military 'Software'». *The Nation* 207 (July 22), 46—48. Критический анализ спонсируемых Пентагоном исследований в области социальных наук.

Radosh, Ronald. 1970. «The Bare-Knuckled Historian». *The Nation* 210 (February 2), 108—110. Анализ радикального инакомыслия в Американской исторической ассоциации.

Ransome, Harry Howe. 1980. «Being Intelligent About Secret Intelligence Agencies». *American Political Science Review* 74 (March), 141—148. Обзор двадцати четырех отчетов о деятельности разведки США, включая мемуары бывших агентов и правительственные доклады.

Raskin, Marcus. 1992. «Let's Terminate the CIA». *The Nation* 254 (June 8), 776—784. Предложение о ликвидации ЦРУ после «холодной войны» с комментариями Гора Видала, Гэри Стерна, Мортона Хэлперина и др.

Ross, Dorothy. 1991. *The Origins of American Social Science*. Cambridge: Cambridge University Press. Прослеживается происхождение и развитие американской социологии в 1865—1929 гг. с намерением «историзировать» американскую социологию, которая работает с моделями, включающими в себе ценности национальной идеологии американской исключительности, объясняющей тенденцию к сциентизму с его прогнозами и контролем над историческим миром и ориентацию на абстракции и количественные методы.

Sherman, Howard. 1972. *Radical Political Economy: Capitalism and Socialism from a Marxist-Humanist Perspective*. New York: Basic Books. Радикальный синтез капитализма и социализма.

_____. 1987. *Foundations of Radical Political Economy*. Armonk, New York: M.E. Sharpe. Рассматриваются основы политической экономики, капитализма, этатизма, социализма и коммунизма.

Sick, Gary. 1991. *October Surprise: America's Hostages in Iran and the Election of Ronald Reagan*. New York: Times Books, Random House. Бывший работник Совета национальной безопасности преодолевает собственный скептицизм в отношении «октябрьского сюрприза» и раскрывает итоги своих исследований, свидетельствующих о том, как команда по выборам Рейгана — Буша в 1980 г. проникла в органы национальной безопасности и вела дела с Ираном таким образом, чтобы американские заложники были освобождены, лишь когда Рейган вступит в должность президента. В данном отчете вскрываются израильские связи и тайные поставки оружия, которое позднее оказалось в руках центрально-американских контрабандистов.

Somit, Albert, and Joseph Tanenhaus. 1967. *The Development of American Political Science*. Boston: Allyn and Bacon. Прослеживаются дивергентные тенденции в политологии от ее зарождения в XIX в., когда моделью для ее оформления стал немецкий университет.

Spiro, Thomas. 1969. «Science and the Relevance of Relevance». *Antioch Review* 29 (Fall), 387—403. Обзор радикального инакомыслия в научном сообществе.

Sternberg, David. 1981. *How to Complete and Survive a Doctoral Dissertation*. New York: St. Martin's Press. Полезное руководство для студентов-выпускников.

Sugarman, Albert G. 1968. «Michigan, Ché and the CIA». *New Republic* 159 (November 9), 9—10. Анализируется связь военных разработок в Мичиганском университете с преследованием и гибелью Че Гевары в Боливии.

Surkin, Marvin. 1969. «Sense and Nonsense in Politics». *PS* 2 (Fall), 573—581. Критический анализ идеологической основы современной политологии.

Sweezy, Paul M. 1970. «Toward a Critique of Economics». *Monthly Review* 2 (Spring), 1—8, and as Warner Modular Publication Reprint 43, 1973. Книга резко разграничивает маргиналистскую и марксистскую экономику, отдавая предпочтение последней.

Trilateral Commission. 1975—1978. *Task Force Reports*, 1—7; *The Crisis of Democracy* by Michael J. Crozier, Samuel P. Huntington, and Joji Watanuki; and *Task Force Reports*, 9—14. New York: New York University

Press. Политические доклады ученых и политиков из Японии, Северной Америки и Западной Европы.

Unger, Roberto Mangabeira. 1975. *Knowledge and Politics*. New York: Free Press. Важное критическое осмысление знания, теории знания, политической теории, дисциплин знания, доминирующих идейных систем, а также практики частичного и тотального критицизма.

U.S., Congress, House of Representatives. 1976. *The Select Committee's Investigative Record*. Reprinted in *Village Voice* 21 (February 16), 70—92. Скрытый от общественности доклад комитета Пайка о тайных разведывательных операциях в Соединенных Штатах и за границей.

U.S., Congress, Senate. 1968. *Defense Department Sponsored Foreign Affairs Research*. Washington, D.C.: Committee on Foreign Relations. Parts 1 and 2, May. О спонсировании Пентагоном исследований в североамериканских и иностранных университетах.

_____. 1976. *Foreign and Military Intelligence*. Окончательный доклад специального комитета по изучению правительственных операций. Вашингтон, округ Колумбия.

Viorst, Milton. 1976. «FBI Mayhem». *New York Review of Books* 23 (March 18), 21—28. Анализ репрессий ФБР в отношении профессора экономики Питера Бомера и причастности ФБР к деятельности правых террористов в Сан-Диего.

Wahlke, John C. 1991. «Liberal Learning and the Political Science Major: A Report to the Profession». *PS: Political Science and Politics* (March), 48—60. Отчетный доклад о политологии как главном предмете для изучения с конкретными рекомендациями для учащихся старших курсов.

Weinstein, James. 1970. «Can a Historian Be a Socialist Revolutionary?» *Socialist Revolution* 1 (May-June), 97—106. Анализ марксистской критики в рамках исторической дисциплины.

Wiener, Jon. 1989. «Bringing Nazi Sympathizers to the U.S.» *The Nation* (March 6), 289 ff. О социологе Толкотте Парсонсе и его причастности к операции американских разведчиков по тайной доставке в США нацистских коллаборационистов после Второй мировой войны.

Wills, Garry. 1976. «The CIA from Beginning to End». *New York Review of Books* 22 (January 22), 23—33. Обзор и анализ посягательств ЦРУ на культурную жизнь Соединенных Штатов.

Wolf, Eric R., and Joseph G. Jorgensen. 1970. «Anthropology on the Warpath in Thailand». *New York Review of Books* 15 (November 19), 26 ff. Дискуссия о документах, свидетельствующих о причастности американских социологов к борьбе против мятежников в Таиланде.

Wolfe, Alan. 1969. «Practicing the Pluralism We Preach: Internal Processes in the American Political Science Association». *Antioch Review* 20 (Fall), 352—373. Разоблачение структуры, процедур и правления Американской ассоциации политических наук, сделанное одним из лидеров радикального объединения «За новую политическую науку».

_____. 1970. «The Professional Mystique». In Marvin Surkin and Alan Wolfe (eds.), *An End to Political Science*, 288—309. New York: Basic Books. О существовании пристрастия в выборе методов и средств, с помощью которых профессиональные социологи оценивают реальность.

ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Ученые, занимающиеся исследованием природы политики, стремятся пользоваться методами точных наук. И это явление присуще не только нашему времени; оно имело место задолго до XIX в. В данной главе внимание фокусируется на поисках и развитии парадигмы в сравнительной политологии. Прежде всего исследуются три подхода, которые доминировали в сравнительной политологии на протяжении XIX столетия: традиционный, бихевиористский и постбихевиористский. Далее выявляются исторические корни и фундаментальные предпосылки процесса поисков парадигмы. При этом, с одной стороны, анализируется позитивистское учение, особенно те его положения и концепции, которые сформировали движение, определившее ныне господствующую парадигму. В этой связи кратко характеризуются взгляды ранних позитивистов, политических социологов и бихевиористов. С другой стороны, внимание читателя привлекается к исторической мысли, игравшей важную роль в поисках альтернативной парадигмы; рассматриваются и ранние, и более поздние представители этого направления. Наконец, противопоставляются и сравниваются важнейшие особенности основных парадигм сравнительной политологии.

Поиски парадигмы (обобщение материала в области сравнительного анализа)

Современные исследователи политики обычно выделяют три подхода к политической науке: традиционный, бихевиористский и постбихевиористский. Все три подхода, рассматриваемые ниже, включены в обзор исследований в области сравнительной политологии (см. табл. 3.1).

ТАБЛИЦА 3.1
Три подхода к сравнительной политологии

<i>Традиционный подход</i>	<i>Бихевиористский подход</i>	<i>Постбихевиористский подход</i>
Установление взаимосвязи фактов и ценностных суждений; спекулятивность	Отделение фактов от ценностных суждений	Связанность фактов и ценностных суждений с действием и релевантностью
Предписывающий и нормативный	Непредписывающий, объективный и эмпирический	Ориентированный в гуманистическом направлении, нацеленный на исследование проблем; нормативный
Качественный	Количественный; основанный главным образом на данных обследований	Качественный и количественный
Интерес к нерегулярности и регулярности	Интерес к единообразию и регулярности	Исследование регулярности и нерегулярности
Конфигуративный и некомпаративный; акцент на отдельных странах	Компаративный; акцент на нескольких странах	Компаративный; акцент на нескольких странах; междисциплинарный
Этноцентричный; особый акцент на западноевропейских «демократиях»	Этноцентричный; особый интерес к англо-американской модели	Ориентированный в основном на «третий мир»
Описательный, местнический, статичный	Абстрактный, идеологически консервативный и статичный	Теоретический, радикальный и ориентированный на изменения
Акцент на формальной (конституционной и правительственной) структуре	Акценты на формальных и неформальных (групповых) структурах и функциях	Акценты на классовых и групповых отношениях и конфликтах
Исторический или неисторический	Неисторический	С целостной, исторической и макроориентированной теорией

Три подхода

Традиционный подход в сравнительной политологии исторически характеризовался выявлением взаимосвязи фактов и ценностей. Однако в начале XX в. его ориентация переключилась на изучение институтов отдельных стран. Таким образом, традиционный подход из сравнительного превратился в описательный, местнический и статичный (Macridis, 1955), акцентирующий внимание на анализе структуры государства, выборах и политических партиях. Ученые, принадлежавшие к этой школе, главным образом стремились к описанию политических институтов и занимались лишь идентификацией типов, не пытаясь сравнивать между собой, например, парламентские институты с президентскими. В других традиционных исследованиях делался акцент на эволюции некоторых официальных институтов — так, зарождение британской парламентской системы связывалось с Великой хартией вольностей. При этом также проявлялся интерес к правовым формам и предписаниям; в частности, при изучении различных ветвей власти учитывались конституционные и правовые нормы. Традиционные исследования, как правило, ограничивались западноевропейскими институтами, особенно так называемыми представительными демократиями — Великобританией, Францией, Германией и Швейцарией. Подобное местничество в исследованиях сочеталось с вниманием к таким вопросам, как суверенитет и природа конституций, что объяснялось преимущественно статичным характером традиционного подхода.

Бихевиористский подход явился реакцией на абстрактное теоретизирование, которое предлагало объяснения, умозаключения и суждения, основанные на нормах и авторитетных правилах и стандартах. Он также был реакцией на западный этноцентризм, формализм и описательность, характерные для современного традиционного подхода. В докладе Американской ассоциации политических наук за 1944 г. ее традиционный для сравнительной политологии описательный анализ иностранных институтов был назван узким, и в связи с этим пропагандировалась идея создания «тотальной» науки социальной инженерии на основе сочетания методов и проектов. Другой доклад, сделанный десять лет спустя, содержал призыв к проведению систематических эмпирических исследований, которые бы включали разработку классификационных схем, концептуализацию на различных уровнях абстракции, выдвижение гипотез и их проверку эмпирическими данными (Macridis and Cox, 1953). Эти доклады определили основы бихевиористского подхода к изучению полити-

ки, использовавшегося в большинстве сравнительно-политических исследований 1950—60-х гг.

Бихевиористские исследования в политологии имели тенденцию к выработке логически последовательных моделей, на основании которых дедуктивно выводится «истина». Образы эмпирической реальности подрывают чистую теорию формальных моделей политики, и бихевиористы, как правило, стремятся к определенному синтезу опыта и теории, пытаются добиться изучения политики, опираясь на жесткую научную дисциплину, смоделированную с применением методов естественных наук.

В попытке разграничить бихевиористский и традиционный подходы к исследованию были выделены основные положения «бихевиористского кредо». К ним относятся: 1) регулярность, или проявление единообразия в политическом поведении, которое может быть выражено в виде обобщений или теории; 2) верификация, или проверка истинности таких обобщений и теории; 3) приемы изыскания и интерпретации данных; 4) квантификация, или измерение полученной информации; 5) разграничение между ценностями, относящимися к суждениям этического порядка и суждениям, которые можно объяснить эмпирически; 6) систематизация исследований; 7) чистая наука, или поиски понимания и объяснения поведения до применения знаний для решения общественных проблем; 8) интеграция политических исследований с исследованиями, проводимыми в рамках других социальных наук (Easton, 1965:7).

Бросая вызов традиционному подходу, политологи называли свою альтернативу бихевиористской революцией. Однако в 1960-х гг. наблюдалось повсеместное разочарование в исследованиях и теориях, ориентированных на превращение изучения политики в строго научную дисциплину. Это разочарование вылилось, по словам одного из сторонников бихевиористской революции, в *постбихевиористскую революцию*. Ориентированное на будущее, к «релевантности» и «действиям», кредо постбихевиоризма состояло из ряда догм. Во-первых, суть вопроса и, значит, насущные проблемы общества важнее методов исследования. Во-вторых, сам бихевиоризм идеологически консервативен и ограничен абстракциями, не имеющими отношения к реальности конкретного времени, когда имеют место кризисные ситуации. В-третьих, наука не может быть нейтральной при вынесении оценок, факты нельзя отделять от ценностей, а ценностные послышки должны быть связаны со знанием. В-четвертых, интеллектуалы обязаны быть ответственными в отношении своего общества и защищать человеческие ценности цивилизации, а не ста-

новиться лишь изолированными и огражденными от возникающих в их работе проблем статистами. В-пятых, интеллектуалы должны применять знания в реальной действительности и стремиться перестроить общество, и, наконец, в-шестых, интеллектуалы должны быть участниками повседневной борьбы и политизации своих научных областей и академических институтов (Easton, 1969).

Конфронтация вышеупомянутых подходов, их меняющиеся акценты, происходившая «революционным» путем замена одного подхода другим по мере эволюции политической науки — все это объясняет усилия социальной науки в поисках парадигмы. Использование парадигмы Томасом Куном заинтересовало политологов. Он рассматривает парадигму как «исследование, твердо опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений, которые, по мнению конкретного научного сообщества, являются основополагающими для его дальнейшей практики» (Kuhn, 1970:10). Такие достижения становятся парадигматическими, то есть примерами реальной научной практики. Эти примеры «включают право, теорию, применение и совместное использование, что создает модели, от которых происходят конкретные целостные традиции научного исследования». Парадигма — это взгляд научного сообщества на мир, его набор убеждений и обязательств — концептуальных, теоретических, методологических, инструментальных. Парадигма определяет отбор научным сообществом проблем, оценку информации и обоснование теорий.

Определение парадигм

Определяя природу парадигмы, Кун признавал трудности выработки методики изучения научных традиций. Концепции, законы и теории науки обнаруживаются исторически в предшествующем опыте, а не в абстракциях; они становятся основой научных знаний, посвящением в профессию и потому формируют и обуславливают ориентации. Однако парадигма, которой следует ученый, направляет его исследования посредством прямого моделирования с применением абстрагированных правил. Парадигмы определяют пределы возможного, границы допустимых исследований. Успешная парадигма в таком случае позволяет научному сообществу сохранять критерии при отборе проблем, используемых для поиска решений. Однако работающие с успешной парадигмой ученые могут и не осознавать существования возможностей, находящихся за пределами их собственных посылок. Может случиться, что они не сумеют удержать своих сторонников от

обращения к конкурирующим методам научной деятельности. Или последует новая научная революция с ее традиционными стадиями.

Во-первых, это *предпарадигмальная стадия*, когда ни один теоретический подход, ни одна школа не преобладают сами по себе в научном сообществе, хотя существует целый ряд таких подходов и школ, соперничающих друг с другом. Во-вторых, имеется *парадигмальная стадия*, когда научное сообщество придерживается господствующей парадигмы. В-третьих, есть и *кризисная стадия*. Господствующая парадигма подвергается испытанию и пересмотру, могут возникнуть новые парадигмы и возродиться старые, что откроет простор дебатам и соперничеству различных взглядов. В-четвертых, существует *стадия научной революции*, когда научное сообщество переходит на парадигмы, значительно отличающиеся от принятых.

Традиционный, бихевиористский и постбихевиористский подходы, о которых говорилось выше, не в полной мере соответствуют определению Куна и его трактовке парадигм, и они будут по-прежнему считаться всего-навсего различными подходами к сравнительной политологии. Однако в рамках этих подходов очевидным образом ведется поиск основной парадигмы. Со времени опубликования работы Куна об использовании парадигм бихевиористы именовали себя «обыкновенными учеными», тем самым признавая, что они принимают господствующую, одобренную научным сообществом теорию и работают с ней. Однако, по убеждению Волина (Wolin, 1968), никакой научной революции на самом деле не произошло и не появилось никакой описанной Куном новой господствующей теории. Фактически Волин тогда был просто уверен в отсутствии для обыкновенных политологов какой бы то ни было господствующей теоретической парадигмы. И все же он признавал, что хотя в политологии и нет выдающейся теории, подобной теории Ньютона, но есть основополагающие положения — «идеологическая парадигма того же политического сообщества», — применяемые в политологии (Wolin, 1969:1064).

Бёрдсли (Beardsly, 1974) в основном был согласен с Волином в том, что в политологии никогда не было и до сих пор нет парадигмы в том виде, как ее описал Кун. Но Бёрдсли считал, что политология может и должна будет создать таковую в будущем. Он не принимал утверждений Дэвида Трумэна о том, что с 1880-х гг. политическая наука имеет нечто подобное парадигме. Он называл нечетким определение Габриэлем Алмондом антинаучной парадигмы, принятой в XVIII—XIX вв. Однако и Трумэн, и Алмонд полагали, что политология находится в состоянии выработки новой парадигмы. Парадигма Трумэна ассоциируется с возобновлением интереса к политической

системе, политической теории и науке. «Научная» же парадигма Алмонда увязывается со статистическим подходом, конкретизацией переменных, допущениями относительно вероятности и с системой.

Для настоящего времени, по мнению многих политологов, характерны методологический плюрализм в данной области (Johari, 1987), а также отказ от конфигуративного подхода, когда описывается целый ряд переменных в политической системе одной страны, в пользу сравнительного, при котором делается акцент на единой переменной для нескольких систем. Заметным фактом стал также переход от понимания к объяснению. Долтон подчеркивал, что компаративисты «приблизились к созданию кунианской парадигмы бихевиористского подхода» (Dalton, 1989:15); хотя и признавал, что революция в сравнительной политологии так и не совершилась. Лоуренс Мейер (Maier, 1989), однако, отмечал, что большая часть исследований в данной научной дисциплине не соответствует новым направлениям, а революция в сравнительной политологии застопорилась.

Некоторые политологи, например Дэвид Риччи (Ricci, 1977), работали над проблемой актуальности парадигмы и научных революций, и их идеи сыграли большую роль в переосмыслении сравнительной политологии. Сам Кун занял важное место в истории социальной науки (Barnes, 1987), даже с учетом происходившей в его время основательной переоценки подхода к ней, включая критику собственных работ самим Куном. Произведя переоценку своих трудов, он признал, что значение термина «парадигма» слишком расширилось и включает все совместные групповые обязательства дисциплинарной матрицы, и в результате получилась «неразбериха» (Kuhn, 1977:319). В обзоре Бронфенбреннера (Bronfenbrenner, 1971) вместо выдвинутой Куном концепции парадигмы предлагался диалектический подход, примерно схожий с гегельянским.

Ясно, что исторические подходы важны для ведения дискуссий и выработки понимания. В ходе обсуждений удалось выявить целый ряд подходов (Dryzek and Leonard, 1988). Например, Чарльз Мерриам определил следующие четыре этапа, которые история политической науки прошла в своем развитии: до середины XIX в. — дедуктивный, во второй половине XIX в. — исторический и сравнительный, в начале XX в. — наблюдения и оценки и начиная с 1925 г. — психолого-аналитический. Большинство историков либо негативно оценивали достигнутые результаты, либо не отмечали какого-либо прогресса в данной дисциплине. Так, Ганнелл (1983 — см.: Gunnell, 1989) продемонстрировал, как маргинализировалась политическая теория, а Риччи (Ricci, 1984) дал ей крайне отрицательную оценку.

Роговский (Rogowski, 1978) назвал четыре научные революции в изучении политики. В 1930—40-х гг. формально-юридический анализ политики, применявшийся в XIX в., был заменен изучением психологии и принуждения; в 1950-х гг. действовал бихевиоризм; в 1960-х гг. доминировали парсонсианская социальная модель и связанная с ней теория политической культуры и теория системы; в 1970-х гг. произошел сдвиг в духе Куна к теориям рационального выбора в таких областях, как конфликт и стратегия, коалиции, участие и влияние, институты, коллективный выбор, а также конституционный выбор и легитимность. Роговский проявлял особый интерес к теориям рационального выбора, которые в начале 1990-х гг. приобрели в Соединенных Штатах Америки большую популярность. Анализ рационального поведения и акцент на индивидуальном выборе в политической жизни может оправдать существование позитивистской политологии — такой вывод можно сделать из работ Энтони Даунса, где выражается надежда, что формальное моделирование поможет найти дедуктивно мощную и концептуально богатую парадигму вместе с решением основных технических и методологических проблем, препятствующих сравнительному исследованию различных культур (исторический обзор рационального выбора в социальной науке см.: Almond, 1988).

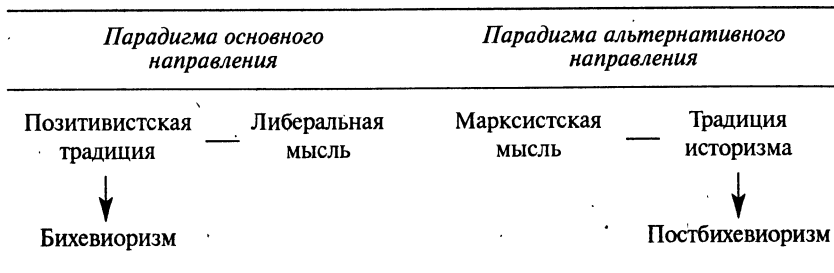
Иногда формальное моделирование встроено (гипотетически и не совсем творчески) в попытки предсказать международную деятельность. Сантос выступал против единой глобальной модели научного рационализма, истоки которого он усматривал в научной революции XVI в.; он пропагандировал «постмодернистскую науку», при которой знание становится здравым смыслом и служит укреплению наших связей с миром: «Здравый смысл уничтожает причины и намерения. Он определяется мировоззрением, базирующимся на деятельности и принципах творчества и ответственности индивида» (Santos, 1992:44). Согласно Рику, корпоративная жизнь — часть «глобальной коммуникационной сети», скоро не станет национальных экономик, и каждая страна будет иметь дело с силами глобальной экономики. Политика должна вкладывать средства в людей и их образование, чтобы хорошо их подготовить к участию в мировой экономике. Наконец, Рик приводил доводы в пользу такого соотношения между национализмом и космополитизмом, когда граждане каждой страны, принимая на себя ответственность за «позитивный экономический национализм», не только стремятся укреплять «способности своих соотечественников к полной и продуктивной жизни, но также работают совместно с другими странами, заботятся о том, чтобы это не происходило за счет других» (Reich, 1991:311).

Исторические корни и фундаментальные предпосылки поиска парадигмы

В основе сравнительного политического анализа лежат две модели мышления. Одна из них — историзм — восходит к академическим дискуссиям в Германии конца XIX в. Историческим методом пользовались Гегель, Маркс и др. Предметом историзма, именуемого иногда перспективизмом, субъективизмом, релятивизмом или инструментализмом, была история. Немецкий социолог Карл Маннгейм считал его исключительной интеллектуальной силой. Он полагал, что историзм является воплощением «мировоззрения» — всеохватывающей системы убеждений — и пронизывает повседневное мышление. Вторая модель мышления — позитивизм — явилась реакцией на историзм. Основным провозвестником позитивизма был Дэвид Юм. Истоки этого метода можно обнаружить в классическом английском эмпиризме, который, несомненно, стал основой позитивизма в современной политической науке. Некоторые принципы позитивизма были разработаны Огюстом Контом, несмотря на то что взгляды самого Конта формировались под воздействием традиций историзма. На Конта оказал некоторое влияние Клод Анри Сен-Симон, подчеркивавший значение науки, знания и технологии. Эти и другие мыслители разработали некоторые принципы позитивизма, который в настоящее время делает упор на особой роли эмпирической науки. Позитивисты считают концепции, законы и теории отражением происходящего в реальном мире. Знание основано на объективной действительности и наблюдениях с целью изучения реального опыта. Посылки, лежащие в основе этих двух моделей мышления, относятся к господствующим парадигмам сравнительной политологии (см. схему 3.1).

СХЕМА 3.1

Теоретические и концептуальные корни основных парадигм
в сравнительной политологии

Позитивизм: наследие мыслителей и концепций в движении за создание парадигмы основного направления политологии

Воссоздание позитивистского мышления предполагает следующие тенденции. Во-первых, научные принципы основываются на чувственном опыте и потому не зависят от времени, места и даже обстоятельств, хотя и могут пересматриваться в соответствии с последующим опытом. Такие принципы — основа эмпирических наук, опирающихся на законы, концепции и теории, отличающиеся от метафизических оценок мира и от неэмпирических исследований в логике и чистой математике. Во-вторых, обобщения в отношении окружающего нас мира имеют значение лишь в том случае, если они сконструированы на основе непосредственных данных опыта или проверены при их помощи. Знание, полученное на основе опыта, объективно. Невозможно знать то, чего нельзя видеть, трогать или слышать.

Позитивисты (включая некоторых ранних позитивистов, которые были сторонниками историзма) критикуют ранних сторонников историзма за теоретизирование относительно слишком широко сформулированных вопросов, за использование данных для иллюстрации, а не для проверки своих теорий, а также за неспособность связать теорию с полученными данными. Утверждается, что сторонники историзма выдвигали слишком честолюбивые теории, вместо того чтобы заниматься скрупулезной эмпирической проверкой гипотез и формулированием концепций. Итак, историзм оказался уязвимым из-за своего акцента на универсальности истории, и прежде всего из-за предсказания неизбежной универсальности демократии. Историзм часто подчеркивал значение эволюционной теории, однолинейной и детерминистской по своей сути.

Реакция позитивистов на историзм, в первую очередь исходившая от немецких академических кругов и повлиявшая на рубеже XIX и XX вв. на американских политологов, направила изучение политической жизни в русло абстрактных, формально-правовых и конфигуративных исследований, а также эволюционной теории (Eckstein, 1963:9—16). В то же время на основе европейского опыта и обширных теоретических разработок возникла школа политических социологов, положившая начало политологии. Ранние политические социологи, в свою очередь, оказали влияние на современных социологов, которые в сравнительных исследованиях начали использовать бихевиористский подход. Теоретический и концептуальный вклад этих трех школ как раз и составляет то, что мы будем называть пара-

дигмой основного направления современной сравнительной политологии. После рассмотрения каждой из теоретических школ мы сможем определить наследие либеральных и позитивистских концепций, на которых основана эта парадигма.

Ранние позитивисты

Корни позитивизма, особенно в том, каким образом он оказал влияние на изучение современной политики, можно обнаружить в произведениях трех мыслителей. Дэвид Юм считается предшественником позитивистской мысли и концепции науки. В своем «Трактате о человеческой природе» (1739—40) Юм доказывал, что знание, основанное на опыте, объективно, а утверждения имеют смысл, лишь когда подтверждаются эмпирическими данными. Рассуждая в своих трудах о повиновении и власти, Юм полагал, что лучше всего признать власть тех, кто действительно правит, при условии что эти правители не деспотичны. Правительство должно быть стабильным, власть зависит от повиновения, а общественный строй, основанный на неравенстве, может быть эффективным и приемлемым.

Огюст Конт, который вместе с Сен-Симоном был основателем социологии, занимался созданием новой науки об обществе и выдвинул теорию о системе, основанной на трех стадиях философской мысли: теологической, метафизической и позитивной. На третьей стадии можно наблюдать и понимать факты с эмпирической уверенностью. По мнению Конта, социология более продвинута и сложна, чем большинство наук. В своем «Курсе позитивной философии» (1830—42) Конт подчеркивал, что прогресс зависит от укрепления авторитарного *порядка* и является результатом различных этапов эволюции.

Герберт Спенсер, философ-эволюционист, находился под влиянием дарвиновской теории естественного отбора. В своих трудах «Социальная статика» (1851) и «Человек против государства» (1854) он расходился с Контом в понимании авторитаризма, считая, что роль государства в обществе должна быть минимальной и государству нельзя позволять вмешиваться в частное предпринимательство. По мнению Спенсера, путем эволюции *равновесие* приведет к созданию совершенного общества.

Эти три мыслителя и их идеи стимулировали реакцию на историзм. Если исследования с позиций историзма сочетали идеи с конкретными данными, то акцент на абстрактном политическом анализе привел к отделению содержания и формы от политической мысли. Этим можно объяснить часто происходящую в учебных планах поли-

тологии изоляцию политической мысли от изучения политических институтов. Подобная ситуация, о которой упоминалось в начальной главе книги, оказала сильное влияние на сравнительное изучение политических институтов — конституций и структуры правления. Подчеркнутое внимание к неоспоримым фактам, обнаруженным в официальных юридических документах, и приверженность к якобы нейтральному эмпиризму зачастую приводили к поверхностным и механистическим интерпретациям политики. Политический анализ также становился все более конфигуративным (сфокусированным на той или иной конкретной стране), а не сравнительным. Такая тенденция была не только следствием формально-правового отношения к системе правления, но и ответом на влияние национализма и проявляемый к нему интерес, а также реакцией на разные спекулятивные теории. Эволюционизм в политологии проявлял повышенное внимание к становлению государства в его примитивной форме и к его эволюции через ряд стадий к более сложным формам.

Ранние политические социологи

Некоторые мыслители были глубоко заинтересованы в создании науки о политической и социальной жизни — особо следует отметить, что они находились под воздействием позитивизма, но не ограничивались изучением формальных различий между типами правления. Более того, эти мыслители выдвинули собственные теории политики и включили в исследования широкий круг данных. Их интересовали вопросы власти и правления, и вклад их особенно был заметен в социологии и сравнительной политологии.

Сицилийский политический теоретик и практик Гаэтано Моска одним из первых проанализировал различие между элитами и массами и создал основанную на этом науку о политике. Особое внимание Моска уделял политическому классу, или классу управляющих, к которому он относил тех, кто непосредственно участвует в управлении или влияет на этот процесс. Его концепция класса управляющих, разработанная в «Основах политической науки» (1896), носит более ограниченный характер, чем концепция Маркса, который занимался экономическим классом владельцев собственности и предпринимателями, осуществляющими политическое правление. По мнению Моски, класс управляющих — это *политический класс*, представляющий интересы важных и влиятельных *групп*, особенно в парламентских демократиях. В своем детальном исследовании этого политического класса Моска вскрывает его структуру, а также рассматривает более низкие

его слои — чиновников, менеджеров и интеллектуалов. Место в нем определяется в ходе *конкуренции* между отдельными его слоями. Однако политический класс подвержен изменениям состава благодаря притоку новых членов из более низких слоев и вовлечению новых социальных групп. Это явление называется *циркуляцией элит*.

Итальянский аристократ и либерал Вильфредо Парето разработал свою теорию циркуляции элит в труде «Курс политической экономики» (1896—97) и других исследованиях. Однако он более отчетливо и систематизированно, чем Моска, разграничил в каждом обществе управляющих и управляемых. Он писал о правящих элитах и элитах, не участвующих в управлении, утверждая, что среди всех существующих обществ можно обнаружить соотношение между уровнем политического и социального влияния и положения в иерархии богатства. Парето рассматривал общество как систему взаимосвязанных сил, совместно движущихся в состоянии *равновесия*.

На немецкого социолога, натурализованного итальянца Роберто Михельса повлияли идеи и Моски, и Парето. Хотя Михельс и выступал с критикой классической теории, разделявшей правительства на демократии, аристократии и тирании, он считал, что фактически правительствами всегда руководят немногие. По мнению Михельса, демократия и разросшаяся бюрократия, порожденная сложностью прогрессирующего общества, несовместимы друг с другом. Этот тезис он попытался аргументировать в своей книге «Политические партии» (1915). Михельс расходился в этом отношении со своими предшественниками, полагавшими, что конкурентная борьба внутри политического класса откроет доступ к политической власти. Он доказывал невозможность того, чтобы в обществе со сложной структурой исчезли различия между правителями и управляемыми. Михельс солидаризировался с марксистской интерпретацией истории. Он также считал, что история состоит из целого ряда классовых битв, и связывал эту концепцию со своей доктриной о том, что классовая борьба завершается возникновением новых олигархий.

Немецкий либерал и политический социолог Макс Вебер является автором большого количества научных трудов по вопросам методологии и теории. Его интересовало, в состоянии ли немецкая буржуазия взять на себя руководство страной. В книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1920) Вебер рассматривал значение мотиваций и внутренних импульсов предприимчивых индивидов в капиталистической экономике. Исследуя экономическую и социальную историю, он анализировал эволюцию западной цивилизации с точки зрения ее растущей рациональности как следст-

вия развития капитализма, техники и науки, а также постепенной дифференциации бюрократии. Вебер также уделял внимание идеальным типам, или концептуальным формулировкам, которые описывают и классифицируют явления, приближающиеся к эмпирической вероятности. Его внимание к проблемам власти основывалось на идеальных типах господства — традиционном, харизматическом и правовом. По мнению Вебера, неравное распределение власти и тем самым возможностей стало основой классового деления общества, однако он обращал пристальное внимание также на проблемы социальных групп и статуса. Если говорить кратко, его интерес к стадиям развития и рационализации социальной деятельности, его детальный анализ соперничающих в борьбе за власть групп и его понимание идеальных типов господства стали важным интеллектуальным основанием современной социологии и в значительной степени определили парадигму ведущего направления современной политологии.

В первые годы XX в. реакция сравнительной политологии на широкий диапазон мнений в трудах ранних социологов была отрицательной. Идеи Моски, Парето и особенно Вебера применялись во всех сравнительных политических исследованиях и вошли в теорию политологии. В то же время изучение партий и групп давления проходило под ощутимым влиянием ранних социологов. Такой интерес скорее к неформальным, чем к формальным правовым политическим институтам был связан с концепциями плюрализма, особенно с оценкой политической конкуренции и распределения власти в обществе между полуавтономными объединениями и группами интересов. Эта тенденция была позднее продолжена в трудах Артура Ф. Бентли и Дэвида Трумэна.

Затем последовали, например в работах Джеймса Брайса «Современные демократии» (1921) и Карла Фридриха «Конституционное правление и демократия» (1941), попытки сочетать теорию с информацией, осуществляя синтез конфигуративных исследований в компаративных трудах. Эти труды, по крайней мере косвенно, предусматривали сравнение политических систем и анализа информации в рамках структурных и функциональных категорий. Фридрих часто ссылался на Моску, Парето, Михельса и Вебера, и его работа является одним из первых примеров системного и структурно-функционального анализа, который столь очевидно стал к середине XX в. доминировать в компаративистских исследованиях.

Итак, первые социологи проявили интерес к становлению политологической науки. Они выстраивали пространные теории и изыс-

кивали фактическую информацию, проводя эмпирические исследования. Они склонялись к изучению неформальных институтов и процессов, чтобы не оказаться в ловушке формально правовых и конфигуративных исследований. Они находились под влиянием эволюционной теории и считали, что общества идут по пути прогресса, последовательно проходя через определенные стадии. Они также делали акцент на разделении труда и специфике институтов при достижении обществами высоких стадий в своем развитии. Они проявляли особую заинтересованность в том, чтобы опровергнуть марксистскую концепцию правящего класса, доказывая постоянную циркуляцию элит, что, в свою очередь, препятствовало существованию стабильного и замкнутого правящего класса в большинстве обществ. Они пытались доказать, что бесклассовость невозможна из-за иерархической структуры большинства обществ.

Ранние бихевиористы

После Второй мировой войны и последовавших за ней крушения прежних империй и становления новых государств предметом изучения сравнительной политологии довольно быстро стал также незападный мир. Постепенно пришло осознание того, что сравнительные политические исследования более не руководствуются постулатом о безальтернативности представительной демократии для развития стран. Немецкий и итальянский тоталитаризм, авторитаризм большинства социалистических стран и крайне дифференцированный «третий мир» сокрушили традиционную концепцию представительной демократии. Расширение предмета исследования за счет ранее малоизученных областей и аспектов политики сопровождалось признанием того, что изучение ее должно вестись на более строгой научной основе. В итоге новые концепции, методы и проверочные процедуры стали общепринятыми и способствовали превращению изучения политических действий в точную науку.

Эволюция политологии как бихевиористской науки была связана с включением в данную дисциплину количественных методов исследования для проверки теории. Особенно сильное влияние на сравнительную политологию оказали социология и культурная антропология. Сравнительная политология начала продвигаться к двухуровневому анализу. На первом уровне обеспечивалась широкая основа для анализа, что в определенной степени соответствовало традиции ранних политических социологов. Например, Толкотт Парсонс в своей книге «Социальная система» (1951) пытался со-

здать системную теорию социальной деятельности. Открыто признавая влияние Парето и Вебера, Парсонс разработал структурно-функциональный уровень анализа; в его трудах упоминались функциональные предпосылки социальных систем. Позднее он дал формулировку пяти наборов образцовых переменных — «образцов-альтернатив ценностной ориентации»: эмоциональное участие / эмоциональная нейтральность; ориентация на себя / ориентация на коллектив; универсализм / партикуляризм; достижение / приписывание; специфичность / распространенность. Наконец, Парсонс охарактеризовал параметры систем человеческих действий: они находятся под глубоким воздействием физических, химических и биологических свойств; они являются системами, поддерживающими границы; они связаны с культурой и общей символикой. Таким образом, Парсонс пытался создать общую модель взаимоотношений всех социальных явлений. В то же время он сформулировал новые категории, позволяющие осуществлять анализ на втором, более узком уровне, где политические явления подвергались бы строгому качественному анализу.

Работы Парсонса оказали существенное влияние на укрепление позиций бихевиоризма в сравнительном исследовании политики. Его внимание к системам подтолкнуло Дэвида Истона к созданию системной теории политики, основанной на стабильности и равновесии. Разработка Парсонсом структурно-функциональных категорий оказала воздействие не только на его коллег-социологов, как, например, Мэрион Леви и Роберт Мертон, но и на Габриэля Алмонда, одного из крупнейших представителей сравнительной политологии. Формулировка образцовых переменных, данная Парсонсом, способствовала изучению Алмондом, а позднее Сиднеем Вербой, политической культуры, а обращение Парсонса к теории социальной деятельности и изменениям в обществе заставило Алмонда и др. связать свои исследования систем и культуры с изучением проблем развития. Широкая основа для анализа политического поведения на более узком уровне категорий не способствовала, однако, проявлению интереса к изучению элит и вопросов власти и класса. Внимание к этим проблемам, характерное для первых социологов, часто заслонялось ранними бихевиористскими трудами, и анализ элит был предпринят политологами и социологами, занимавшимися изучением механизма власти на уровне общины. В такого рода исследованиях большую роль сыграли книги Флойда Хантера «Структура власти в общинах» (1953) и книга Ч. Райта Миллса «Властвующая элита» (1956).

Историзм: прошлое и настоящее в выработке альтернативной парадигмы

Сторонники историзма выступают против позитивизма, утверждая, что факты, основанные на чувственном опыте, приобретаются в ситуациях, не свободных от субъективизма. Разум активен, а не пассивен, и он отбирает и осмысляет опыт в соответствии с более ранним осознанием. Невозможно определить, соответствует ли источник опыта реальностям объективно существующего мира. К тому же сторонники историзма утверждают, что имеет место не один, а множество взглядов на объективно существующий мир. Разные представления о мире высказывались в разные эпохи и в разных культурах. Истина зависит от мировоззрения, присущего эпохе и культуре, к которым принадлежит исследователь. Поэтому мировоззрения несут на себе отпечаток времени, они не абсолютны, а относительны.

С учетом этих посылок историзма обратимся к оценке его воздействия на социальную науку и изучение политики. Историзм поставил под вопрос веру позитивистов в прогрессивный характер развития науки. Высказываются утверждения, что науку следует понимать с позиций истории. Ранее упоминавшийся Томас Кун был убежденным и последовательным антипозитивистом среди современных историков науки. Он считал, что научное сообщество руководствуется господствующей парадигмой и эта парадигма суммирует исторические взгляды научного сообщества. Парадигма направляет и определяет выбор проблем, фактов и теории до тех пор, пока не уступит место другой парадигме. Этот процесс представляет собой, говоря словами Куна, «научную революцию». В подобном контексте и позитивизм, и историзм были заняты поисками парадигмы, отвечающей их взглядам, а бихевиоризм и постбихевиоризм можно рассматривать как отголоски борьбы, идущей уже сто лет. Либерализм и позитивизм, несомненно, господствовали в изучении политических систем, однако в историзме по-прежнему сильны антипозитивистские тенденции и попытки обозначить альтернативную парадигму. Рассмотрим теперь вкратце позиции некоторых ранних сторонников историзма, затем — политических социологов, развивавших историческую традицию, и, наконец, современных авторов — приверженцев постбихевиоризма.

Ранние сторонники историзма

Концепция историзма, существенно повлиявшая на нынешнее изучение политики с позиции радикалов, впервые была сформулирована в

трудах нескольких немецких мыслителей. Так, философ и приверженец национальной идеи Георг Гегель разрабатывал концепцию авторитарного государства. Его книга «Наука логики» (1812—16) посвящена поискам реальности и истины. Идеи Гегеля воплотили в себе опыт многих поколений и цивилизаций, а поиски истины шли поэтапно. В ходе этого процесса родилась гегелевская концепция диалектики с ее триадой: тезис, антитезис и синтез. Новые уровни понимания должны достигаться синтезом.

Гегель различал три вида власти в рамках государства и пытался вписать их в свою диалектическую схему. Одна власть определяет всеобщую волю (законодательная власть), другая улаживает конкретные проблемы в соответствии со всеобщей волей (исполнительная власть), а третья стремится к окончательному решению (власть монарха или суверена). Власть суверена символизирует единство государства и относится к двум другим видам власти как синтез относится к тезису и антитезису. Здесь концепция Гегеля неясна и отличается от концепции Маркса, считавшего его идеи идеалистическими и защищающими прусское государство. Так же обстоит дело и с гегелевской концепцией общественных классов. Гегель разделял общество на три класса (или сословия): субстанциональный класс — те, кто трудится и получает доходы с земли; промышленный класс — те, кто занят в торговле или промышленности; и всеобщий класс — судьи и чиновники. В отличие от Маркса Гегель не анализировал разницу между феодалами и крестьянами или работодателями и работающими по найму; между торговцами и фабрикантами или между собственниками и рабочими, не имеющими ничего, кроме рабочих рук, и продающими свой труд.

Немецкие мыслители Карл Маркс и Фридрих Энгельс проявляли особый интерес к четко различающимся ролям различных классов в процессе производства и к их отношениям с государством. Из трудов философов — их предшественников Маркс и Энгельс взяли материалистическую концепцию мира и диалектическое мышление и, соединив их, выработали четкое мировоззрение, на основе которого сформулировали задачу борьбы за освобождение рабочего класса и трансформацию общества. В предисловии к своей работе «К критике политической экономии» (1859) Маркс отмечал, что производственные отношения «соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют оп-

ределенные формы общественного сознания». Производственные отношения и производительные силы связываются с классами и классовым конфликтом. Класс определяется владением собственностью и видом находящейся во владении собственности. Пролетарий владеет своим трудом, который может быть продан другим. Раб не владеет своим трудом, а крепостной крестьянин вынужден часть времени работать на помещика. Капиталист же, напротив, владеет средствами производства, что позволяет ему присваивать большую часть труда других людей. Таким образом, эти классы не равны, и эксплуатация одного класса другим является очевидной. Поэтому история всех обществ была историей борьбы классов. Разделенное на классы общество нуждается для управления в государстве или организованной иерархии. Такое государство служит интересам классового правления или становится его орудием, и, значит, если общество станет бесклассовым, государство исчезнет. Поскольку эти идеи обсуждаются в следующей главе, рассмотрим вкратце лишь некоторые из тенденций, которые приносят традиции историзма в постбихевиоризм наших дней.

Более поздние исторические влияния и тенденции

Другой немецкий мыслитель, социолог Карл Маннгейм, был ярким приверженцем историзма. Он считал, что всякое мышление социально детерминировано и исторически изменчиво, как это следовало из его книги «Идеология и утопия» (1929) и его концепций «частичной» и «тотальной» идеологий. Всякое мышление, включая научное, определяется конкретными представлениями, а также эпохой и культурой, сформировавшими каждого мыслителя. Эти представления определяют убеждения и идеалы индивида, позволяя ему вырабатывать концепции для интерпретации опыта. Идеология развивается в зависимости от взглядов и включает в себя убеждения и предположения о мире, которые приняты, но не полностью подтверждены. К тому же взгляды индивида зависят от унаследованных знаний и убеждений, а также от занимаемого им социального положения. Подход Маннгейма значительно отличался от попыток социологов-позитивистов, привыкших брать модели из естественных наук, создавать системы на основе эмпирических обобщений и уделять чрезмерное внимание точности, количественным методам исследования, статистике и т.п.

По мнению представителей современного течения, называемого «новым историзмом», историческое исследование и интерпретация должны, основываясь на нынешних реалиях, отвергать понимание,

достигнутое в прошлом, для того, чтобы понять конкретных авторов и идеи, исходя из контекста, в котором они набирались опыта и писали о политике (Gunnell, 1989).

Различия в устремлениях позитивистов и сторонников историзма в социологии были сродни возникшим в политологии, особенно занимающейся изучением американской политической жизни. В этой связи отметим, что С. Хангтингтон (Huntington, 1974) выделил три конкурирующие модели американской политологии, но искажил сущность этих моделей, назвав их парадигмами. Первая из моделей была связана с теорией прогресса. В ней подчеркивались классовые конфликты и историческое значение экономических интересов. Эта модель нашла свое отражение в начале XX в. в трудах Чарльза Бирда, Фредерика Джексона Тёрнера и др. Реакцией на такой исторический подход стало подчеркнутое внимание к плюралистической модели, во многом связанное с появлением в конце XIX в. новой дисциплины — политологии. В то время политологи находились под влиянием системного изучения в университетах Германии политической сферы и проблем правления. О плюралистическом характере американской политической системы свидетельствовала роль многочисленных групп и интересов, формировавших общественную жизнь страны.

Модель прогресса, пропагандировавшаяся историками, и плюралистическая модель, которой отдавали предпочтение политологи, преобладали до Второй мировой войны. Затем они уступили место консенсусной интерпретации американской политики. Исследователи, придерживавшиеся этого направления, например Луи Харц, Даниел Белл, Сеймур Мартин Липсет и др., преклонялись перед А. де Токвилем, считая его пророком. Консенсусная интерпретация оказала влияние на многих историков, отказавшихся от идеи прогресса, и проявилась в том, что социологи стали выступать за «деидеологизацию» и модель равновесия. Политологи связывали с консенсусной интерпретацией более ранний плюралистический анализ, давший о себе знать вначале в трудах Артура Бентли, а затем Дэвида Трумэна и Роберта Даля. Плюралистическая и консенсусная интерпретации по своей сути оказались близки позитивистским оценкам науки, бихевиоризму и эмпирическим исследованиям.

Вера в наступление конца классических идеологий привела к множеству интерпретаций будущего общества. В книге «Конец идеологии» (1960) Даниел Белл утверждал, что идеологии XIX в., например либерализм и социализм, неприменимы в современном обществе. Эту тему развил Теодор Лоу в книге «Конец либерализма» (1979), где содержится подробная критика либерализма, оценка его сильных и сла-

бых сторон. Белл пошел еще дальше в своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» (1973), высказав мысль, что место конфликтов и трений при капитализме и социализме занимают новые модели жизни. Такая приверженность к названиям обществ с приставкой «пост» была выражена Фредриком Джеймсоном в его критике «постмодернизма», Алэном Турэном в его взглядах на «постсоциализм» и Эрнесто Лаклоу и Шанталем Муффом в их подходе к «постмарксизму». Борис Фрэнкел в своем блестящем критическом обзоре «Постиндустриальные утописты» (1987) назвал многие из этих идей утопическими. Идеи постлиберализма развивались также Самюэлем Боулсом и Хербертом Гинтисом в их совместной книге «Демократия и капитализм» (1986). Они подвергли критике современную им либеральную и марксистскую политическую теорию и попытались прийти к радикально-демократическому синтезу, применив представительную демократию к экономической сфере для обеспечения более равномерного распределения доходов и ресурсов. Капитализм и демократия несовместимы, заявляли они, а государство всеобщего благоденствия не дает гражданам возможности участвовать в экономической жизни. С учетом меняющейся международной обстановки Джохари (Johari, 1987) в своей трактовке теоретических тенденций сравнительной политологии утверждал, что интеллектуальные тенденции развиваются в направлении между «постлиберализмом» и «научным социализмом».

Попытки постбихевиоризма связать прежние исторические и прогрессивные интерпретации с антипозитивистскими оценками американской политики прослеживаются в трудах нескольких политологов. Критика позитивизма опиралась на позицию Куна и была направлена против дедуктивного объяснения позитивистской концепции науки и социологии. Так, Джон Ганнелл полагал, что политология заимствует свою концепцию науки и эмпирического исследования из очень узкой области, относящейся к философии науки, а именно у логического эмпиризма. Логический эмпиризм предполагает связь между изложением теории и ее верификацией; теории, которые не могут быть подтверждены, бессмысленны. Политологи заимствовали из логического эмпиризма основу объяснения, известную как дедуктивный метод. Согласно этому методу, логика социологии должна быть совместима с логикой естественных наук. Однако гипотетическому единству науки противостоит отсутствие доказательств логической равнозначности социальных и естественных наук. Вопреки ссылкам на «научный метод», «научные критерии» и «научное кредо», содержащимся в основополагающих теоретических трудах политической науки, сами политологи редко прибегают к

интерпретациям значения науки, выходящим за рамки формальных и пустых «обобщений», «предположений» и т.п. Таким образом, Ганнелл бросил вызов сторонникам бихевиоризма, полагающим, что в рамках философии науки существует консенсус, благоприятствующий позитивистской концепции научных исследований.

Итоговое сравнение господствующих в современной политологии парадигм

Формулирование парадигмы основного направления политологии восходит к позитивистской традиции, в первую очередь к логическому эмпиризму, под воздействием которого находились многие мыслители-позитивисты конца XIX в. и бихевиористы середины XX в. В какой-то степени эта парадигма возникла в качестве реакции на некомпаративистский, описательный, ограниченный и статичный характер традиционного подхода, делавшего акцент на формальном и правовом аспектах государственной системы. Парадигма основного направления вобрала в себя также критику традиционного политического мышления, включая марксизм, увязывающий в сравнительном анализе факты и ценностные суждения. Наконец, данная парадигма, несмотря на то что она выступает за неидеологическую природу исследования, фактически вобрала в себя некоторые либеральные послышки, например отделение церкви от государства. Политический секуляризм сопровождался либеральными суждениями в духе Джона Локка, а позднее Джона Стюарта Милля о том, что каждый индивид вправе иметь и выражать собственное мнение, если оно не подрывает основы государства. Позитивистская вера в свободу совести рассматривалась в качестве закона природы. Эти послышки укрепили плюралистическую и консенсусную интерпретации политической системы США в XX в. (Относительно предпосылок либерального и плюралистического подходов см.: Реппock, 1990.)

Капиталистическое общество формирует парадигму основного направления политологии — так считал Джеффри Ластиг, утверждавший, что в наши дни доминируют не личности, а коллективы: «Однако эти коллективы организованы, в соответствии с потребностями капиталистического общества, на индивидуалистических принципах... Эксклюзивные и ориентированные на контроль формы удержания богатства сохраняются в рамках организованного мира». Ластиг называл информацию об организациях и положении в них частной собственностью, «отгороженной от окружающего мира и обмениваемой ради прибыли, в то время как люди пытаются сохранить свободу личной жизни внутри ассоциаций и поставить под контроль элементы сотруд-

ничества» (Lustig, 1982:246). Так, в Соединенных Штатах конституционные права индивида во многом зависят от его принадлежности к частным и вторичным ассоциациям, которые стремятся перехватить власть у все более доминирующего государства для того, чтобы помочь людям в их личных устремлениях; таким образом, «страна приближается к европейскому корпоративизму 20-х годов» (247). Ластиг полагает, что появляющийся в американской политической мысли корпоративный либерализм заставляет людей в поисках свободы и единения делать выбор между различными формами ассоциаций.

Парадигма основного направления подкрепляется процессом модернизации. По мнению Лусиана Пая, именно модернизация повсюду наносит сокрушительные удары по авторитаризму, поскольку мешает «политической власти мобилизоваться и доминировать в обществе... Появление среднего класса и рост численности технически образованного населения создают новые центры власти, что ведет к кардинальному изменению отношения к природе самой власти» (Pye, 1990:9). И все же бурные перемены приводят политологов в замешательство: «Нынешняя сумятица возникает из-за стремления политологов применять как научный, так и гуманистический подход без всякого консенсуса относительно того, на что же делать упор» (1990:4).

Формирование альтернативной парадигмы было прослежено от ее исторического происхождения и антипозитивистского противодействия постбихевиоризму середины XX в. Согласно историзму, наука может быть понята лишь на основе истории, а альтернативная парадигма черпает свои исторические положения из марксистской мысли. Хотя Майкл Хэррингтон в «Сумерках капитализма» (1974) утверждал, что марксистская парадигма имеет прочную основу (особенно в социалистическом мире), нет сомнения в том, что в сравнительной политологии и в политической науке в целом она не закрепились. Вместо этого марксисты в поисках новой парадигмы продолжают бросать вызов господствующим в данной дисциплине идеям.

Сравнение показателей основной и альтернативной парадигм дано в табл. 3.2. По шести общим показателям эти парадигмы различаются в интерпретации наиболее развитых, в первую очередь капиталистических, обществ. Во-первых, парадигма основного направления политологии является неисторической по интерпретации и анализу ввиду своей микроориентации, узкоспециализированного взгляда на общество, рационалистической традиции и акцента на проблемах, замкнутых в дисциплинарных границах. Альтернативная парадигма, напротив, является целостной по интерпретации и анализу. По ее макропредставлениям общество следует рассматривать единым, нерационалистическим по

своим действиям; ее аналитический подход является междисциплинарным. Во-вторых, если основная парадигма акцентирует внимание на стабильных системах, элементы которых находятся в равновесии, то альтернативная соотносит политику с концепцией государства, взаимодействующего с иерархией своих сторонников, конфликтующих с массами. В-третьих, основная парадигма предусматривает идеальную гражданскую культуру участия и взаимодействия между различными группами, соперничающими за власть и влияние при принятии решений. Напротив, альтернативная парадигма предлагает классовый анализ общества. Классы и конфликт между ними определяются их отношением к способу производства и производительным силам.

ТАБЛИЦА 3.2
Сопоставление господствующих парадигм сравнительной политологии

<i>Показатели</i>	<i>Основная парадигма</i>	<i>Альтернативная парадигма</i>
Подход	Неисторический Микро или макро Узкоспециализированный Замкнут в дисциплинарных границах	Целостный Макро Единый Междисциплинарный
Единица анализа	Система в равновесии, стабильная	Государство в состоянии конфликта
Структура	Группы, взаимодействие и гражданская культура	Классы, борьба между буржуазией и пролетариатом
Власть	Порядок децентрализованный, с властью, рассредоточенной по специализированным единицам	Порядок централизованный, власть широкая и общая
Правители	Рассредоточены по многим центрам; плюралистическое соперничество при принятии решений	Сконцентрированы и объединены, занимают господствующие позиции во власти и при принятии решений
Развитие	Эволюционное, однолинейное, материалистическое, прогрессивное и капиталистическое	Революционное, многолинейное, материалистическое, гуманистическое и социалистическое, ориентированное на нужды всего народа

В-четвертых, обе парадигмы занимают свою позицию в отношении к власти, причем основная парадигма подчеркивает децентрализацию в обществе, стающемся все более специализированным, в то время как альтернативная акцентирует внимание на централизации власти с широкой и общей основой. В-пятых, основная парадигма полагает правителей рассредоточенными и рационально распределенными между многими центрами власти или представляющими широкие слои населения, а согласно альтернативной, власть правителей безраздельна, они сконцентрированы в социальном отношении и объединены своими политическими и экономическими интересами. Наконец, основная парадигма определяет развитие как эволюционное, в общем однолинейное, материалистическое и прогрессивное. В противоположность этому альтернативная парадигма рассматривает развитие как революционное и многолинейное, ориентированное на основные нужды всего народа. В последующих главах эти общие характеристики будут развиты и детализированы.

Литература

Almond, Gabriel. 1988. «Rational-Choice Theory and the Social Sciences». In Gabriel Almond, *A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*, 117—137. Newbury Park: Sage Publications. Ценный исторический анализ теории рационального выбора и ее значения в политологии.

Barnes, Barry. 1987. «Thomas Kuhn». In Quentin Skinner (ed.), *Return of Grand Theory in the Human Science*, 85—100. Cambridge: Cambridge University Press. Краткий биографический очерк, написанный историком науки.

Beardsley, Philip. 1974. «Political Science: The Case of the Missing Paradigm». *Political Theory* 2 (February), 46—61. Сомнение в том, что политология имеет или когда-либо имела парадигму, сопровождается уверенностью в возможности ее обрести, что было бы весьма желательно.

Bronfenbrenner, Martin. 1971. «The 'Structure of Revolutions' in Economic Thought». *History of Political Economy* 3 (Spring), 136—151. Выступление в пользу «откровенно гегельянского диалектического подхода» и против оценки Куном парадигмы как средства изучения экономической истории. Критикуется недостаточно новаторская и научная концепция экономики Куна. Рассматриваются революции в экономике, несопоставимые с теми, что совершили Коперник, Ньютон и Дарвин в астрономии, физике и биологии: революция, связанная с невмешательством государства в экономику и ассоции-

руемая с Юмом и Смитом; классическая школа Рикардо и Милля; неоклассическая школа, возглавляемая Маршаллом; и государство всеобщего благоденствия кейнсианской школы.

Dalton, Russell J. 1989. «Comparative Politics of the Industrial Democracies: From the Golden Age to Island Hopping». Paper subsequently published in William Crotty (ed.), *Political Science: Looking Toward the Future*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 1991. Обзор сравнительной политологии с акцентом на бихевиористских методах и достижениях.

Dryzek, John S., and Stephen T. Leonard. 1988. «History and Discipline in Political Science». *American Political Science Review* 82 (December), 1245—1260. Авторы утверждают, что история дисциплины важна для дискуссий и для понимания политической науки, и говорят о множестве исторических оценок и подходов.

Easton, David. 1965. *A Framework for Political Analysis*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. О развитии «бихевиористского кредо» и структуры для сравнительного анализа политических систем.

_____. 1969. «The New Revolution in Political Science». *American Political Science Review* 63 (December), 1051—1061. Президентское обращение к Американской ассоциации политических наук; особое внимание к «постбихевиористской революции» в науке.

Eckstein, Harry. 1963. «A Perspective on Comparative Politics, Past and Present». In Eckstein and David Apter (eds.), *Comparative Politics, A Reader*, 3—32. New York: Free Press of Glencoe. Краткий, но исчерпывающий анализ сравнительной политологии как науки.

Gunnell, John G. 1969. «Deduction, Explanation, and Social Scientific Inquiry». *American Political Science Review* 63 (December), 1233—1246. Антипозитивистская критика дедуктивного метода в бихевиористском исследовании.

_____. [1989]. «The Historiography of American Political Science». Albany. Manuscript. See also his «Political Theory: The Evolution of a Sub-Field». In Ada W. Finifter (ed.), *Political Science: The State of the Discipline*. Washington D.C.: American Political Science Association, 1983. Историография американской политологии.

Huntington, Samuel P. 1974. «Paradigms of American Politics: Beyond the One, the Two, and the Many». *Political Science Quarterly* 89 (March), 1—26. О трех тенденциях в американской политологии: прогрессивная теория, плюрализм и консенсус.

Johari, J. C. 1987. *Comparative Political Theory: New Dimensions, Basic Concepts and Major Trends*. New Delhi: Sterling. Сравнительная политическая теория представляется как эмпирическая и норматив-

ная, либеральная и марксистская, западная и незападная. Дается обзор основных ее направлений: либерализм, бихевиоризм, постбихевиоризм, экзистенциализм, «новые левые». Выделяются основополагающие политологические категории: закон, права, свобода, равенство, собственность, справедливость, революция, политическая легитимность, политическое отчуждение и власть.

Kuhn, Thomas S. 1970. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2d ed. Chicago: University of Chicago Press. From 2, 2 of *International Encyclopedia of Unified Science*. О теории и практике науки, существовавших в предшествующем опыте и ставших парадигмами.

_____. 1977. «Second Thoughts on Paradigms». In Thomas S. Kuhn, *The Essential Tension: Selected Studies in Scientific Tradition and Change*, 293—318. Chicago: University of Chicago Press. Критика автора его собственной более ранней работы «Структура научных революций» (*The Structure of Scientific Revolutions*).

Lustig, R. Jeffrey. 1982. *Corporate Liberalism: The Origins of Modern Political Theory, 1890—1920*. Berkeley: University of California Press. О возникновении в американском политическом мышлении корпоративного либерализма, близкого к европейскому корпоратизму 1920-х гг.

Macridis, Roy C. 1955. *The Study of Comparative Government*. *Studies in Political Science* (21). New York: Random House. Критика традиционного подхода к сравнительному изучению правления и обзор новых схем сравнительного анализа, основанного на размышлениях политологов в 1953—54 гг.

Macridis, Roy C., and Richard Cox. 1953. «Research in Comparative Politics». *American Political Science Review* 47 (September), 641—675. Отчет с докладами и выводами Межуниверситетского исследовательского семинара сравнительной политологии Научного совета социологической науки. Поддерживается бихевиористское направление по сравнительной политологии, хотя сам Макридис не был бихевиористом.

Mayer, Lawrence C. 1989. *Redefining Comparative Politics: Promise Versus Performance*. Newbury Park: Sage Publications. Оценка сравнительной политологии с особым вниманием к традиционной и новой сравнительной политологии; эпистемологии и сравнительному методу; развитию и зависимости; промышленным демократиям; партиям и политическим действиям; культуре и личности; автократиям.

Pennock, J. Roland. 1990. «Liberalism Under Attack». *Political Science Teacher* 3 (Winter), 1, 6—10. See also an accompanying article, «The 'L-Word': A Short History of Liberalism», 1—6. Ценный историче-

ский анализ либерализма от его зарождения до превращения в политическую теорию и науку.

Popper, Karl R. 1957. *The Poverty of Historicism*. London: Routledge and Kegan Paul. Позитивистский аргумент против историзма, как марксистского, так и немарксистского. Сначала дается синтез анти- и пронатуралистических доктрин историзма, а затем их критика.

Pye, Lucian W. 1990. «Political Science and the Crisis of Authoritarianism». *American Political Science Review* 84 (March), 3—19. В книге рассматривается мировой кризис авторитаризма, то есть вызов авторитарным режимам, предвосхищается появление различных поставторитарных режимов, не обязательно демократических. Выражается уверенность, что политическая наука обеспечит интеллектуальное руководство в изменяющейся ситуации.

Reich, Robert V. 1991. *The Work of Nations: Preparing Ourselves for Twenty-First-Century Capitalism*. New York: Alfred A. Knopf. Утверждается, что крупные корпорации являются частью международной, или транснациональной, «предпринимательской паутины» и что хотя в Соединенных Штатах элиты проходят хорошее обучение, оно должно совершенствоваться, чтобы уменьшить все возрастающий разрыв в реальных доходах между богатыми и бедными и обеспечить конкурентоспособность в мировом порядке.

Ricci, David. 1977. «Reading Thomas Kuhn in the Post-Behavioral Era». *Western Political Quarterly* 30 (March), 7—34. Дискуссия о применимости в современной политологии концепции Куна о парадигме и научной революции. О бихевиористской природе подхода Поппера к науке.

_____. 1984. *The Tragedy of Political Science: Politics, Scholarship, and Democracy*. New Haven. Yale University Press. Утверждается, что современная политология не соответствует нынешним временам и ориентируется не на великих мыслителей, а на известные университеты: «Большое число американских граждан своим пониманием общественной жизни обязаны усилиям многих специалистов, а не, как ранее, традициям, основанным на трудах во многих областях великих людей (x).

Rogowski, Ronald. 1978. «Rationalist Theories of Politics: A Midterm Report». *World Politics* 30 (January), 296—322. Обзор четырех основополагающих книг по теории рационального выбора и вывод о грядущей «четвертой великой научной революции» в политологии.

Santos, Boaventura de Sousa. 1992. «Discourse on the Sciences». *Review* 15 (Winter), 9—47. Рассуждение о том, что различие между естественными и социальными науками становится едва заметным и что социальная наука послужит катализатором для их синтеза при условии от-

каза от эмпирического и логического позитивизма, механистического идеализма и материализма и с возвратом к человечности (12).

Wolin, Sheldon S. 1968. «Paradigms and Political Theories». In P. King and B.C. Parekh (eds.), *Politics and Experience: Essays Presented to Michael Oakeshott*, 125—152. Cambridge: Cambridge University Press.

_____. 1969. «Political Theory as a Vocation». *American Political Science Review* 63 (December), 1062—1082. Хотя Волин и признает, что современная политология опирается на предположения, он считает, что действующие политологи пока что не создали доминирующей теоретической парадигмы.

МАРКС И ВЕБЕР

Прогрессу в науке способствует существование идейной основы, на которой может возникнуть и развиваться новая теория. Вклад Карла Маркса и Макса Вебера в политическую науку заключается в том, что они создали такие идейные основы, каждая со своей системой установок и интерпретаций. Всем изучающим сейчас сравнительную политологию будет весьма полезно тщательно проанализировать их теории и взгляды, поскольку наследие мыслителей прошлого не всегда бывает понято в полной мере. Наша цель — привлечь внимание к идеям Маркса и Вебера в поиске основ парадигмы сравнительной политологии. Следует, однако, предостеречь от чрезмерного интереса к Марксу и Веберу за счет изучения плодотворных в поисках парадигмы идей многих других мыслителей.

Маркс и Вебер — крупнейшие теоретики прошлого, идеи их оказали значительное воздействие на социальную науку. Труды Макса Вебера, как представляется, особенно повлияли на американских специалистов в области сравнительной политологии. Вебер не стремился синтезировать свои идеи в строгую всеобъемлющую теорию, но в его работах намечена концептуальная линия, ставшая неотъемлемой частью современных социальных исследований. Толкотт Парсонс стремился приспособить теорию Вебера, иногда ее искажая, к современной науке; он детально разработал многие общие положения Вебера и возвел их в систему взглядов, широко применимых в сравнительных исследованиях.

По мнению Энтони Гидденса (Giddens, 1976), многие идейные соображения, разделяющие современных социальных исследователей, особенно социологов, — всего лишь миф; Гидденс выступал за переосмысление современных теоретических основ. В 1890—1920-х гг. целое поколение мыслителей, возглавляемое Дюркгеймом и Вебером, в

значительной степени повлияло на сегодняшнюю социальную науку, однако сторонники и социализма, и консерватизма обрушились на них с резкой критикой, оставив в тени вклад раннего поколения мыслителей XIX в., в первую очередь Конта и Спенсера, а также Маркса, в развитие этой науки. Конт заложил ее позитивистские основы, а Вебер применил позитивистские идеи к своей либеральной социальной теории. Критики позитивизма и современной социальной науки должны иметь представление о таких идейных связях и расхождениях.

Французская интеллектуальная традиция, на которую Дюркгейм опирался во многих своих работах, выросла из изучения трудов Конта и Сен-Симона. Ранние труды Дюркгейма были посвящены также идеям современных ему немецких мыслителей, в особенности последователей теории биологической эволюции Дарвина и приверженцев органических аналогий, сравнивавших части живого организма с определенными социальными структурами. В этом смысле Дюркгейма можно называть основоположником системной теории, оказавшей воздействие на современную ему социальную науку, особенно на социологию. Эта триада мыслителей — Дюркгейм, Вебер и Маркс — оказалась в поле зрения Гидденса (Giddens, 1971), попытавшегося синтезировать их идеи. Хотя мы и признаем, что оценка взглядов Дюркгейма имеет значение в ходе критического изучения основного направления социальной науки сегодняшнего дня, наше внимание будет в основном обращено к Марксу и Веберу и их борьбе за утверждение господствующей парадигмы.

Основная парадигма, позитивистские корни которой остаются неизменными, по-прежнему доминирует в американской социальной науке, а ее всеобъемлющее воздействие уже рассматривалось выше. Хотя основополагающими для этой парадигмы являются, среди прочих, идеи Конта и Сен-Симона, труды Вебера укрепляют и сохраняют ее позитивистскую направленность. В противоположность этому влияние историзма на альтернативную парадигму, особенно диалектики Гегеля и Маркса, привело к возникновению иного рода оценки современного мира. Очевидно, эта традиция диалектической социальной науки по-прежнему является неотъемлемой частью немецкой мысли. В центре проходящих в Германии дискуссий остаются различия между позитивистским и диалектическим мировоззрением.

Четкая система взглядов, сформулированная в работах Карла Маркса, также облегчает исследователям сравнительный анализ. В отличие от Вебера, у Маркса просматривается последовательное восхождение к всеобъемлющему целому, впитавшему идеи всех предыдущих трудов и эмпирических исследований. Энгельс активно за-

нимался разъяснением и уточнением марксистской теории. Между Вебером и Марксом имеются явные различия, особенно в их теоретических воззрениях и направлениях исследований. Если Маркс, особенно в своих поздних работах, сознательно стремился к исчерпывающему объяснению истории человечества и социальных изменений, то Вебер, напротив, критиковал марксизм и разрабатывал альтернативную перспективу.

Мы не станем задаваться вопросом, имели ли в виду Маркс и Вебер, что их труды станут исходным материалом для дальнейших исследований. Так или иначе, работы этих мыслителей послужили формированию парадигм идей и исследований в сравнительном анализе.

Начнем данную главу с краткого обзора жизни и деятельности Маркса и Вебера. Затем проведем сравнительный анализ работ обоих теоретиков и, наконец, рассмотрим их влияние на сравнительную политологию; исследуем их взгляды и идеи в отношении государства и системы, культуры, развития, класса и политической экономии. Выявление сходства и различий в их мировоззрении позволит разграничить и сопоставить основные направления исследований в современной сравнительной политологии.

Карл Маркс

Философские основы взглядов Маркса восходят к традиционной увлеченности немцев идеализмом и историей. Во втором десятилетии XIX в. эти две господствующие тенденции соединились в философской системе Георга Гегеля. Гегелевская концепция циклических исторических изменений позволила Марксу разработать собственную революционную социальную теорию.

В 1818 г. Гегель выступил с инаугурационной лекцией по философии в Берлинском университете. Глубоко обеспокоенный непрекращающимся насилием в европейской истории, Гегель предпринял усилия к тому, чтобы сконструировать философскую систему, которая бы объясняла первопричину социальных потрясений, сопутствующих развитию человечества, и в то же время открывала будущее цивилизации. Методом, с помощью которого он предложил свою интерпретацию цивилизации и ее истории, стала диалектика. Ее происхождение восходит к философии Древней Греции, однако Гегель придал этому понятию новый смысл.

По системе Гегеля, разум и дух объявляются движущими силами истории, а все достижения цивилизации — результат их взаимодействия. Диалектика состоит из трех элементов: тезиса, антитезиса и син-

теза. По Гегелю, каждый период истории характеризуется господствующей мыслью, или идеей, представляющей собой тезис. В ходе своего развития тезис порождает собственные противоречия или противоположности, превращаясь в противоположную мысль, или идею, — антитезис. Антитезис представляет собой отрицание или противоположность существующей идее, или тезису. Насильственное столкновение тезиса и антитезиса ведет к синтезу, или к новой идее для цивилизации. Синтез — это не соединение лучших элементов тезиса и антитезиса, а совершенно новое явление человеческой мысли. Однажды возникнув, синтез сам становится тезисом на новом историческом этапе, и диалектика вновь приходит в движение. Столкновение между тезисом и антитезисом проявляется в истории в виде войн или мятежей, из чего следует, что прогресс человечества сопровождается неизбежным, но в конечном счете полезным насилием. По Гегелю, диалектика — это вечное движение к совершенствованию разума и духа, высшим проявлением которых он считал современное ему государство. Поэтому, согласно его системе, прусская автократия логично становилась высшим достижением немецкого духа и идеи.

Гегелевская философия истории сразу же была принята немецкими интеллектуалами, воспринявшими ее с позиций традиционного мистицизма и потерпевшего неудачу национализма. (В тот момент истории Германия не существовала как государство-нация, а была разделена на многочисленные независимые королевства и самоуправляющиеся территории. Немецкие либералы надеялись, что после окончания Наполеоновских войн произойдет объединение Германии, однако на Венском конгрессе 1815 г. такого объединения добиться не удалось.) Следует отметить, что в своем восхищении прусским государством Гегель полностью игнорировал реакционную полицейскую тиранию, на которую оно опиралось.

В том же году, когда Гегель выступил со своей первой лекцией в Берлинском университете, в Рейнской провинции Пруссии, в городе Трире, родился Карл Маркс. Его отец, преуспевающий и высокообразованный юрист, желал, чтобы сын также избрал карьеру юриста, и поэтому Маркс стал в 1835 г. изучать право в Боннском университете. Он продолжил свое юридическое образование в 1836 г. в Берлинском университете, где вплоть до своей смерти в 1881 г. был профессором. Юношей Маркс больше всего увлекался искусством и поэзией, но в 1836—36 гг. его идеалистический романтизм уступил место усиленному изучению сначала философии, а затем, с особым интересом, системы Гегеля. В этот период Маркс стал атеистом и пришел к выводу, что гегелевская система выглядела бы лучше без упо-

минания Бога. Под влиянием нового круга приятелей-интеллектуалов Маркс сменил юридическую специализацию на философскую и, получив докторскую степень в Йенском университете, занялся подготовкой к чтению лекций в Боннском. (Эти и другие биографические сведения см.: Рязанов, 1979).

В 1841 г. Маркс стал доктором философии, однако ему, как потом и Отто Бауэру, из-за их радикальных взглядов не предоставили должностей в Боннском университете, на которые они рассчитывали. Увидев, что научная карьера перед ним закрыта, Маркс занялся журналистикой. Однако к 1843 г. прусская цензура вынудила его эмигрировать в Париж, где он начал редактировать политический журнал «Дойч-францоизише ярбюхер» («Deutsch-Französische Jahrbücher»). В Париже Маркс увлекся французским социализмом (ведущим представителем которого был Пьер Жозеф Прудон) и английской политической экономией (благодаря статье, которую Фридрих Энгельс написал для его журнала). Там же, в Париже, Маркс написал «Экономическо-философские рукописи 1844 года», которые были обнаружены лишь после его смерти и впервые опубликованы в 1932 г. В этой работе Маркс развил тезис об отчуждении в капиталистическом обществе. Но самым важным обстоятельством, повлиявшим на развитие мировоззрения Маркса стала завязавшаяся примерно в то же время дружба с Фридрихом Энгельсом, которая продолжалась в течение всей его жизни.

В 1846—49 гг. Маркс создал Немецкое рабочее общество в Брюсселе; Благодаря его усилиям лондонский Союз справедливых преобразовался в Союз коммунистов, для которого Маркс написал «Манифест Коммунистической партии»; во время революции 1849 г. он редактировал в Пруссии поддерживающий ее журнал. Уже выработав уникальную идеологию, Маркс в эти годы приобрел практический политический опыт, который впоследствии применил в организационной деятельности в Англии. Около 1850 г., когда стало ясно, что революция 1848 г. во Франции потерпела поражение, Маркс уехал в Лондон, где и оставался до конца жизни.

Направленность трудов Маркса в лондонский период говорит о его идейной зрелости и желании обобщить дело своей жизни. Например, книга «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1851—52) стала самой серьезной попыткой Маркса на основе научного социалистического анализа материальных сил и классового конфликта объяснить конкретное историческое событие. Выдающимся итогом последних лет жизни Маркса стал «Капитал», первый том которого вышел в свет в 1867 г., а последующие были опубликованы под редакцией Энгельса, использовавшего записки и черновые наброски Маркса после его

смерти в 1883 г. В этой работе Маркс ставил своей задачей эмпирически обосновать идейную систему, воплощенную в «Манифесте Коммунистической партии» и других произведениях конца 1840-х гг.

Примечательны также две другие работы Маркса этого периода. Подробное изложение коммунистической программной ориентации содержится в «Критике Готской программы» (1875). Этот труд посвящен практическим вопросам политики. Наконец, «Критика политической экономии», состоящая из семи тетрадей черновых записей 1857—58 гг., должна была явиться, по замыслу Маркса, его первой научно-теоретической разработкой коммунизма и наброском будущего «Капитала». Она была опубликована на языке оригинала лишь в 1939 г., а на английском — только в 1973 г.

После того как Маркс стал постоянно жить в Лондоне, в его мировоззрении не произошло практически никаких перемен. Его усилия были направлены на уточнение и документальное подтверждение созданной им системы, а также на превращение ее в основную мировоззренческую модель организаций рабочего класса. В этой сфере деятельности Энгельс приложил не меньше усилий, чем сам Маркс. Помимо написания важных работ в этот период, Маркс и Энгельс вели острую полемику с лидерами европейского рабочего движения, не соглашавшимися с марксистской линией. Маркс и Энгельс принимали меры к тому, чтобы движение пролетариата не оказалось под контролем подозрительных с идеологической точки зрения оппортунистов. Анализируя обширную литературу того времени, необходимо отделять сиюминутную полемику от серьезных теоретических наработок.

Подытоживая сказанное о Марксе, отметим прежде всего ключевые периоды его деятельности и основные работы, а затем остановимся на его важнейших идеях.

Ранние работы: 1840—45 гг.

Это «идеологический» период Маркса, когда он порвал с идеями Канта, повел борьбу с идеализмом Гегеля и модифицировал материализм Фейербаха. К нему относятся докторская диссертация, «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Святое семейство».

Работы переломного периода: 1845—46 гг.

В характерных для этого периода работах «Немецкая идеология» и «Тезисы о Фейербахе» отчетливо обозначился разрыв Маркса с «идеологической философией». Он занялся разработкой «нового теоре-

тического сознания», включая концепцию диалектического и исторического материализма. Сам Маркс связывал этот разрыв с написанием «Немецкой идеологии».

Работы переходного периода: 1846—57 гг.

Переход от «идеологических» к «научным» работам представлен такими трудами, как «Манифест Коммунистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Нищета философии».

Работы зрелого периода: 1857—83 гг.

Сюда относится прежде всего «Капитал», но также и «Критика политической экономии».

Эта периодизация заимствована в основном у французского ученого-марксиста Альтюссера (Althusser, 1970: 31—39), который полагал, что перелом в работе Маркса пришелся на 1845 г. Его интересовала критика Марксом Гегеля и Фейербаха. В то же время итальянский ученый-марксист Коллетти (Colletti, 1972) считал, что перелом произошел в 1843 г. Мартин Николаус (Nicolaus, 1973) показал значение и научную природу работ зрелого Маркса, обратив также внимание на идейную преемственность его ранних и поздних произведений.

Концепция *отчуждения* занимает значительное место в трудах Маркса. Младогегельянцы объясняли метафизическое использование Гегелем этого термина, придерживаясь идеалистической концепции. Находившийся в ту пору под особенно сильным влиянием гуманизма Фейербаха, Маркс выступил против идеализма и дал конкретное обоснование этого термина, перенес его на трудовой процесс и создав тем самым основу для критики капиталистического общества с гуманистических позиций. Согласно Марксу, по мере развития частной собственности и разделения труда труд и его продукт обретают отдельное от индивида существование. Такое отделение ведет к отчуждению рабочего. За разработкой Марксом этой идеи в рукописях 1844 г. последовала его критика Фейербаха, изложенная в одиннадцати тезисах.

Рукописи Маркса заложили первоначальную основу для критики капитализма. Некоторые считают, что они являются ранним вариантом «Капитала», что обсуждение отчуждения, столь определенно присутствовавшее в ранних работах Маркса, в той или иной форме продолжилось в его более поздних трудах. Например, Эрих Фромм усматривал идейную преемственность между молодым и зрелым

Марксом и демонстрировал важность концепции отчуждения как в поздних, так и в ранних его работах (Fromm, 1961). Позиция Фромма противоречит мнению и анализу Альтюссера, тщательно разграничивавшего ранние и поздние труды Маркса и подчеркивавшего его собственно научную деятельность в зрелом периоде.

Некоторые ранние темы, например отчуждение, не затрагиваются прямо в «Капитале», но присутствуют в рукописях «Критики политической экономии», где дается их толкование (Nicolaus, 1973:50—51). Такие авторы, как Дэвид Маклеллан (McLellan, 1973), ставили «Критику политической экономии» в центр идей Маркса и подчеркивали их связь с теорией отчуждения 1844 г., чтобы продемонстрировать гуманистические аспекты марксистской теории и утопическое видение индивида и общества. Такое видение расходится с позицией Энгельса и других ранних авторов, утверждавших, что Маркс придал социализму научную основу, избавив его от утопизации. Несомненно, в трудах зрелого периода Маркс открыл экономические законы. Так, в «Критике» к его идеям, представленным во всей полноте, добавляются гуманистические аспекты и дается видение общества, миновавшего капиталистическую стадию, вместе с научной теорией, разоблачающей действие политической экономии капитализма.

Заслуживает анализа и историческая теория Маркса — *исторический материализм*. Излагал эту теорию, Маркс отверг метафизические и идеологические абстракции немецких философов. Его концепция исторического материализма просматривается в рукописях 1844 г. и подробно разработана в «Немецкой идеологии». Маркс понимал отчуждение как историко-социальное явление, связанное с возникновением частной собственности и разделением труда. Он подверг критике философию Гегеля, но сохранил его *диалектику*. Он также обрушился с критикой на философский материализм Фейербаха, назвав его неисторическим и пассивным. Он считал, что человеческое сознание обусловлено диалектическим взаимодействием между субъектом, или общественным индивидом, и объектом, или материальным миром, в котором субъект живет. Таким образом, история — это процесс постоянного создания, удовлетворения и воссоздания человеческих потребностей. Ниже дается резюме взглядов Маркса на историю, изложенных в «Немецкой идеологии».

Начальная историческая посылка состоит в способности людей жить, чтобы творить историю. Это относится к производству средств производства, например орудий труда, земли и оборудования, которые используются для удовлетворения основных потребностей людей в пище, жилище, одежде и т.п. Удовлетворение этих основных

потребностей рождает новые. Воспроизводя жизнь, семьи взаимодействуют с природой и обществом. Взаимодействие с обществом предполагает сотрудничество нескольких индивидов. В результате складывается определенная форма общения, или отношений, всегда связанная с определенным *способом производства*. Способ производства — это сумма *производственных отношений* и *производительных сил* членов общества. В производительные силы общества входят его производственные возможности, а также оборудование, технологический уровень, численность и квалификация работающего населения. В этих первичных исторических связях людьми движет *сознание* окружающей их среды и отношений с другими индивидами и вещами. Сознание вступает в противоречие с производительными силами, и происходит *разделение труда*. Разделение труда вызывает неравное распределение его и его продуктов в виде собственности, в результате чего в семье жена и дети могут стать рабами мужа или же семью поработит какая-либо чуждая структура, принявшая форму государства. Разделение труда определяет существование социальных классов правителей и масс.

Исторические баталии носят иллюзорную форму борьбы между демократией, аристократией и монархией, но на деле это борьба различных классов, и она распространяется от индивида и семьи на общество и нацию, а в конечном счете и на весь мир. При капитализме один класс живет за счет владения собственностью, другой — за счет своего труда. Интересы тех, кто владеет средствами производства, и тех, кто трудится, противоположны. Собственники защищают свою собственность, трудящиеся защищают человечество. Таким образом, между обоими классами существует конфликт. Классовая борьба исчезает с ликвидацией частной собственности и введением коммунистического регулирования производства, что, в свою очередь, кладет конец отчуждению между людьми и тем, что они производят, — в результате обмен и производство оказываются под их контролем.

В этом резюме и предшествовавшем ему обсуждении предмета разбираются такие категории, как отчуждение, исторический материализм, диалектика, способ производства, производительные силы, производственные отношения, сознание, разделение труда, классовая структура и классовая борьба (для более детального анализа этих и других категорий см.: Bottomore, 1983). Как будет видно из последующих глав, эти категории играют ключевую роль при оценке усилий марксистов и других ученых по созданию альтернативной парадигмы в современной политологии.

Макс Вебер

В 1864 г. Маркс закончил первый том «Капитала» и принял участие в создании Первого Интернационала. В этом же году на западе Германии, во Франкфурте, родился Макс Вебер. Он был сыном чиновника, в прошлом политика. Вебер рос в узком интеллектуальном кругу, к которому принадлежал его отец и где преобладали историки, а литература и искусство были на втором плане. Поэтому до конца жизни Вебер оставался в какой-то степени филистером.

В 1882 г. Вебер поступил в Гейдельбергский университет, где изучал экономику, философию и римское право. В 1883 г., когда в Лондоне умер Маркс, Вебер в течение непродолжительного времени проходил армейскую службу в восточных областях вновь образовавшейся Германской империи, а затем продолжил учебу, записавшись в Берлинский университет. Если на молодого Маркса учеба в Берлине почти полувеком ранее оказала большое воздействие, то для Вебера и формирования его взглядов она, вероятно, не была так значима. Интеллектуальный перелом настал в его жизни позднее. К 1885 г. Вебер перебрался в Гёттинген и там в 1889 г. защитил магистерскую диссертацию о торговых обществах Средневековья.

С 1889 по 1891 г. Вебер занимал скромную юридическую должность в Берлине, работая в то же время над докторской диссертацией. Ее защита давала право преподавать в университете. С 1892 г. он читал лекции в Школе права Берлинского университета до получения в 1894 г. должности полного профессора экономики Фрайбургского университета в Брайсгау. В 1896 г. Вебер возглавил кафедру политэкономии Гейдельбергского университета, добившись, таким образом, за четыре года преподавания полной профессорской должности. Однако признание, которого он добился как ученый, оказалось недостаточной компенсацией его неспособности преуспеть в активной политической жизни. Вебер питал неприкрытое отвращение к чтению лекций в университете. В те ранние годы он, помимо этой работы, выступал еще в роли консультанта нескольких общественных и частных организаций. По роду этой деятельности он изучил широкий круг проблем, включая работу фондовой биржи Германии и аграрную ситуацию в Восточной Пруссии. Все это вкупе с его университетскими лекциями сформировало его мировоззрение, определившее темы и методики, которые прославили его позднейшие труды.

В 1897 г. у Вебера произошел нервный срыв, и ему в конце концов пришлось прекратить университетскую деятельность. В какой-то мере средством для лечения болезни Вебер избрал путешествия,

и в 1899—1904 гг. он объездил большую часть Европы. К 1903 г. он в достаточной степени оправился от недуга, чтобы вместе с Вернером Зомбартом и Эдгаром Яффе возглавить в качестве одного из редакторов журнал «Архив социальной науки и социальной политики» («Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik»). Это позволило Веберу восстановить связи с научным миром и стало началом нового периода его деятельности. Примерно в это же время ему предложили новую университетскую должность, но он был вынужден отказаться от нее по состоянию здоровья и, в отсутствие «тягот» университетской жизни, вести жизнь «частнопрактикующего» ученого.

В 1904 г., после непродолжительной поездки по Соединенным Штатам Америки, Вебер начал работать над самым известным своим произведением — статьями под общим заглавием «Протестантская этика и дух капитализма». В этой работе Вебер стремился показать, что догматы протестантизма относительно идеи предопределения трансформировались со временем в классовый пафос буржуазии (Weber, 1958b:160—176). В его намерения входило доказать, что Реформация XVI в. была необходима (наряду с другими социально-экономическими факторами) для последующего развития современного капитализма. В том же духе он попытался объяснить особое поведение предпринимателя, ссылаясь на возможности социально-экономической среды и мотивационное влияние протестантской этики, распространившейся на светскую сферу жизни.

В этот же период Вебер опубликовал очерк по методологии, в котором описал сущность «идеальных типов». Идеальный тип — это абстрактный образ, который может использовать социолог для концептуализации аналитических категорий ради понимания истории (Weber, 1962: 32—33). Наиболее широко известные из идеальных типов Вебера относятся к господству: традиционное господство, харизматическое господство и легально-рациональное господство. Вебер считал, что эти идеальные типы не обязательно должны были существовать в истории в «чистом виде», но они позволяют исследователю анализировать характерные черты различных систем господства, известных истории. Поэтому исследователь может установить сравнительную близость системы господства, проявляющейся в истории, этим трем типам (или отклонение от них), и на основе теоретических суждений, подразумеваемых для каждого отдельного типа, оценить воздействие этой системы господства на рассматриваемую цивилизацию.

В последующие годы Вебер работал над сравнительным изучением великих мировых религий, стремясь подтвердить содержащееся в «Протестантской этике» утверждение о том, что религия играет клю-

чевую роль в объяснении альтернативных путей, которыми пошло развитие основных цивилизаций. Занимаясь этими исследованиями, Вебер пришел к убеждению, что расхождение между церковью и государством, постепенно возникшее в лоне европейской цивилизации, является основным объяснением появления современного рационализма. Именно в ходе этих исследований Вебер объявил себя преимущественно «социологом» и поставил перед собой цель всю жизнь развивать эту нарождающуюся дисциплину. Однако, как ни странно, он почти ничего не знал об изысканиях своего величайшего современника, французского социолога Эмиля Дюркгейма.

В 1918 г. Вебер вернулся к научной деятельности на специально учрежденной для него кафедре социологии Венского университета. В 1919 г. он был назначен профессором социологии в Мюнхене и начал писать компаративистское социологическое исследование, которое должно было стать основой новой научной дисциплины и отправным пунктом для последующих разработок в этой области. В 1920 г. Вебер скончался, успев завершить лишь часть работы. Она была опубликована на немецком языке двумя годами позже. На английский язык переведены лишь отрывки его последней попытки синтеза своих идей. Веберу было всего 56 лет, когда он умер от гриппа, и если бы он прожил дольше, то, наверное, смог бы свести воедино разнообразные идеи, содержащиеся в его трудах. Но поскольку этого не произошло, то всякий изучающий сейчас социологию Вебера сталкивается с обширным его наследием, полным противоречий и неопределенности.

Подводя итоги, мы охарактеризуем основные периоды деятельности Вебера и его труды, а затем перейдем к краткому рассмотрению некоторых из его основных идей.

Ранние труды: 1889—97 гг.

В этот период Вебер написал магистерскую диссертацию «К истории торговых обществ в Средние века», специальный труд, посвященный правовым аспектам деятельности средневековых торговых обществ. Его докторская диссертация «Римская аграрная история в ее значении для государственного и частного права» (1892) представляла собой подробный анализ римского землевладения. В 1894—97 гг. Вебер публиковал статьи о деятельности фондовой биржи и ее роли в финансировании капиталовложений; он утверждал, что фондовая биржа не только занимается спекуляцией, но и облегчает планирование для бизнесменов. Эти ранние работы Вебера дают представле-

ние о направлении более поздних его произведений, прежде всего об интересе к анализу европейского капитализма. Гидденс признавал, что этот интерес привел Вебера к «прямым контактам с теми областями, вокруг которых была сконцентрирована марксистская мысль» (Giddens, 1971:124), но отмечал, что его взгляды развивались не только в контексте конфронтации с марксизмом, но и под влиянием интеллектуальной среды того времени.

Труды по религии и атеизму: 1903—20 гг.

В период болезни, с 1897 по 1903 г., Вебер, ставший редактором журнала, писал мало. В 1904 и 1905 гг. были опубликованы две его большие статьи «Протестантская этика» и «Дух капитализма». Рассматривая связь протестантской веры и дисциплины с современным капитализмом, Вебер оспаривал мысль Энгельса о том, что протестантизм является идеологическим отражением перемен, сопровождавших раннюю стадию развития капитализма. Последующие работы Вебера также были целиком посвящены сравнительному анализу религии в разных частях мира, включая Китай, Индию и древнюю Палестину. Интерес Вебера к религиозным верованиям привел его к изучению степени рациональности во многих видах экономической деятельности. В то же время он выступал за отказ как от материалистической, так и от идеалистической интерпретации истории.

Труды по политологии и методологии

С немецкого языка на английский обычно переводили не законченные работы Вебера, а их фрагменты. Так, большинство его важных высказываний по социальным наукам — это извлечения из книги «Хозяйство и общество», представляющей собой сборник незавершенных трудов, отредактированных и опубликованных после его смерти. Бендикс (Bendix, 1960) составил специальное руководство, в котором выявлена связь между оригиналами трудов Вебера и переводами.

Отрывки из книги «Хозяйство и общество» включены в ряд современных изданий трудов Вебера (особенно: Weber, 1947, 1958a, 1967). Кроме того, достойны внимания книги Вебера «Основные концепции в социологии» (1962) с набором фрагментов, представляющих его попытку концептуализации, и «Методология общественных наук» (1949), где собраны наиболее важные его очерки по этой теме.

Исторические взгляды Вебера сложились под воздействием Генриха Риккерта и Теодора Моммзена, оказавших на него влияние как в

личном, так и в научном плане, а также интеллектуальной атмосферы, в которой прошли его детские годы. От историка Риккерта он воспринял мысль о том, что «разумный» мир, с которым имеет дело социальная наука, безграничен и потому никакое понимание его не может быть полным. В отличие от естественных наук, социальная наука не может постоянно продвигаться к открытию всеобщих аксиом. По его мнению, история не в состоянии снабжать социальную науку общими законами. Из «Римской истории» Моммзена Вебер заимствовал основу исторической методик. Моммзен использовал терминологию партийно-политической борьбы XIX в. для воссоздания картины римской истории, более понятной его современникам, но в то же время признавал, что его концепции намечали тенденции явления, не существовавшие в описываемую эпоху. Своей концепцией относительности ценностных суждений в истории Вебер одобрял моммзеновский подход, вырабатывал на его основе собственное отношение к истории. Опираясь на современные ему концептуализации, Вебер смонтировал матрицу категорий анализа, с помощью которой можно было предпринять сравнительный анализ истории. Такой подход предполагал понимание истории через процесс сравнения прошлого с настоящим.

На базе полученного образования Вебер стал углублять свои компаративистские исторические воззрения, сосредоточиваясь на политических и экономических аспектах. Сделав такой выбор, он стал изучать проблемы поведения при капитализме, рациональные системы социального господства и то, как бюрократия манипулирует властью. Считая эти темы основополагающими для изучения истории, Вебер не ставил перед собой задачу объяснять их как целесообразные следствия реалий прежних цивилизаций. Для Вебера история была ценна своими эвристическими свойствами. Он полагал, что она демонстрирует принципы причинно-следственной связи между конкретными изучаемыми явлениями, однако не способна порождать законы причинной обусловленности. Более того, принципы причинной обусловленности, которым может научить история, сложны и состоят из контробусловленности множества переменных.

Вебер был убежден, что из истории невозможно извлечь то, чего там нет, и она не имеет всеобщих, а тем более одномерных законов, например экономического объяснения развития (Агон, 1964). Изучение истории позволяет лишь идентифицировать вероятности. С этих позиций исследователь изыскивает переменные, действующие в том или ином направлении, — переменные, которые увеличивают вероятность того, что история будет развиваться в определенном направлении. Историческая методология Вебера ориентирована на поиски

«необходимых» условий конкретного пути исторического развития, и она отвергает мысль о том, что «достаточные» условия можно определить с точностью. Применяемый на протяжении длительного периода, этот методологический подход обнаруживает попытку показать, что на каждом из сменяющих друг друга этапов цивилизации образуется целый набор переменных, которые сделают определенный ход будущего развития более или менее вероятным. При таком подходе к истории ученый может подтвердить гипотезу о том, что та или иная переменная (скажем, религия) сыграла решающую роль в последующем ходе событий, представив себе цивилизацию без этой переменной и сконструировав гипотетическую альтернативную историю, основанную на логической дедукции. Если альтернатива, являющаяся наиболее вероятной в истории, приведет к развитию, резко отличающемуся от того, что произошло в реальности, ученый имеет все основания строить теории о значении этой переменной, выделенной из рассматриваемого общества. Такова методологическая основа в причинно-следственной обусловленности Вебера.

Вебер не был непосредственно связан с традициями позитивизма, оказавшего столь сильное влияние на его французского современника Эмиля Дюркгейма, и не строил свои теории на основании работ Конта и его предшественников. Он отвергал суждение Конта о том, что науки распределяются согласно некоей логической иерархии. Тем не менее его часто причисляют к представителям позитивистской и либеральной социальной науки (Roth, 1965). Действительно, в идеях Вебера имеются аспекты, заставляющие некоторых критиков ассоциировать его с современной позитивистской социальной наукой, на которую он оказал значительное влияние. С одной стороны, его концептуализация легко вписывается в структурный функционализм. С другой, фрагменты его работ можно вырвать из контекста и адаптировать к узким внеисторическим формулам многих американских социологов.

Одно из направлений критики осуждает внимание Вебера к объективности и к эмпирической науке, к ценностным суждениям в исследовании, к конструкциям идеального типа, к рационализации, которая стала господствовать в экономической жизни западного мира. Веберовское использование социологии было ориентировано на разделение эмпирических и нормативных тенденций, на признание социологии как эмпирической науки, на разграничение социологии и истории, на эмпирические исследования, в которых использовался бы надежный инструментарий для обнаружения фактов и информации о современных явлениях (Roth, 1969).

К примеру, Вебер утверждал, что в социальном исследовании нельзя приносить в жертву *объективность*, что причинно-следственный анализ нельзя заменять интуицией. Ценностные суждения хотя и могут вторгаться в научные дискуссии, но их невозможно подтвердить научными исследованиями. При этом Вебер не был аполитичным в повседневной жизни. Он занимал вполне определенные политические позиции и высказывал свои мнения по злободневным проблемам (Bendix and Roth, 1971).

Позиция Вебера в отношении объективности и ценностей привела его к сравнению идеальных типов и фактов. Для этого он сконструировал эвристическим путем *идеальный тип*. Конструкция идеального типа явилась средством, недвусмысленно связывающим историческое событие с его реальными причинами. Он пошел столь далеко, что стал утверждать, будто все специфически марксистские законы и конструкции развития — если они теоретически верны — являются идеальными типами. Разумеется, Вебер не был марксистом, и у него имелись сомнения относительно перспектив развития демократического социализма в Германии, но он не решался с ходу отвергать многие из идей Маркса. Например, он проявлял большой интерес к диалектическому взгляду, и потому в его стремлении к максимальной научности прослеживалась амбивалентность. Шнайдер (Schneider, 1971) подробно пишет в своем исследовании об этой амбивалентности Вебера.

Одержимость Вебера наукой скрыта в его идеях о *рациональности*. По существу его эссе о протестантизме и возникновении капитализма на Западе бросали вызов марксистской интерпретации истории. Эффективность, профессионализация и бюрократизация — вот те явления, которые Вебер усматривал в процессе рационализации (Ritzer, 1975).

Некоторые современные социологи под влиянием Вебера, сами того не желая, ошибочно интерпретируют его труды. Одним из таких ученых является Толкотт Парсонс, ранние труды которого были посвящены Веберу. В своей критической работе Козн, Хейзелригг и Поуп (Cohen, Hazelrigg, and Pope, 1975), например, утверждали, что Парсонс предложил правильную интерпретацию. Однако Парсонс, опираясь на сильные стороны Вебера и подкрепляя свою аргументацию ссылками на веберовское наследие, по сути дела, ввел читателей в заблуждение. Направленность его собственных теоретических взглядов не была незыблемой: волюнтаристская теория деятельности, характерная для его ранних произведений, сменилась структурным функционализмом и эволюционизмом поздних работ. Неразбе-

риха возникла вследствие внимания Парсонса к отдельным аспектам теории Вебера, на которые у него была точка зрения, отличающаяся от веберовской. И он настаивал на толкованиях, уже отвергнутых Вебером; приравнивание им различных концепций привело к искажению значения, которое вкладывал в них Вебер, а его обобщения некоторых аспектов веберовских трудов противоречили конкретным данным.

Сравнивая Маркса и Вебера

Труды Карла Маркса во многих отношениях являются логическим продуктом эпохи, в которую он жил. При нем в европейской мысли существовало множество течений, и именно благодаря такому многообразию Маркс смог сконструировать свою собственную систему. То, что Маркс одобрял в трудах своих предшественников, он брал на вооружение; то, что не одобрял, отвергал. У немецкой философии он позаимствовал диалектику, однако заклеил метафизические формулировки, в которые Гегель первоначально ее облек. Во Франции Маркс научился социализму, но затем подверг критике его сторонников за утопизм и оторванность от реальности. Опираясь на труды английских политэкономов, он по крупицам воссоздал целостную картину злоупотреблений, присущих капиталистическому способу накопления и производства, но отверг всякую мысль о том, что для устранения этих злоупотреблений достаточно реформ. Однако Маркс не ограничился лишь абстрактным заимствованием и объединением фактов, собранных другими: он по-иному взглянул на насущные проблемы своей эпохи.

Маркс стремился придать целостность знанию, ввести его в рамки единой всеохватывающей исторической теории. Развивая эту теорию, он буквально вынес моральный приговор своей собственной цивилизации, который можно сформулировать следующим образом: капиталистическое общество со всеми своими злоупотреблениями и эксплуатацией выполнило свою историческую роль и способствовало прогрессу человечества, подняв производительность труда на небывалую высоту; однако этот успех сделал самих капиталистов ненужными — рабочие свергнут существующую власть и возьмут на себя руководство производством ради всего общества, а не ради немногих избранных.

Политическое значение этого пророчества заключалось в том, что классовый конфликт неизбежен и в конечном счете благотворен. Акцент Маркса на действии был следствием его отказа от романтизма

юношеских лет. В то же время европейская мысль середины XIX в., несмотря на достижения эпохи Просвещения, все еще находилась под сильным воздействием романтизма. Поэтому Маркс не испытывал недостатка в объектах критики, обрушиваясь на те или иные идейные направления за фантастические доводы или утопические подтексты. Протестуя против такого интеллектуализма, Маркс объединил свои теории в жесткую систему и создал исторический материализм в качестве основы «научного социализма». В результате политических волнений конца 1840-х гг. и предшествовавшего им на протяжении жизни целого поколения интеллектуального брожения Маркс оказался свидетелем хода событий, который, как казалось, соответствовал его идеям. К тому же, как это подтвердят даже критики Маркса, содержащееся в его трудах разоблачение эксцессов и эксплуататорской сущности капитализма не было необоснованным. Поэтому можно сказать, что социально-экономическая среда, в которой работал Маркс, чрезвычайно способствовала развитию его гения в избранном направлении.

Однако в юношеские годы Макса Вебера Европы времен Маркса уже не существовало. Политические, технологические и экономические условия на континенте изменились кардинальным образом. Начиная с франко-прусской войны 1870 г. и вплоть до Первой мировой войны основные европейские государства жили в условиях внутреннего и внешнего мира (за исключением колониальных войн). Казалось, ситуация в наиболее развитых европейских государствах опровергала марксистские предсказания революционных перемен. В этом контексте Вебер как человек, изучающий преимущественно рациональность капиталистического общества, представляется многим антиподом Маркса (Bendix and Roth, 1971).

Однако не следует забывать, что ряд марксистских работ был опубликован лишь после смерти Вебера, а сам Маркс не был столь противоречив, как политические активисты, выдававшие себя за марксистов. Таким образом, Вебер открыто выступал против Социал-демократической партии (СДП) Германской империи. Он считал ее руководство политически беспомощным и неспособным эффективно использовать власть, если бы представился случай ее получить. В теоретическом же плане Вебер считал марксистскую идею классового сознания (на основе которой СДПГ пыталась расширить свой электорат) огромной ошибкой и клеймил объяснение истории с позиций диалектического материализма как упрощенческое и антинаучное. При всем этом он никогда не делал прямых ссылок на Маркса, а его исследования других аспектов марксизма не отличались глубиной.

Принципиальное различие в мировоззрении Маркса и Вебера, позволяющее понять природу их идей, заключается в том, что Маркс интересовался общими, типологическими чертами каждого исторического периода, а Вебер считал европейский капитализм кульминацией европейской истории как единой цивилизации, и в этом смысле каждый период европейской истории важен своей уникальностью (что объясняет и уникальность капиталистической цивилизации), а не своей обычностью (что затрудняет объяснение своеобразия других цивилизаций, например китайской культуры). Однако в сравнительном изучении правления и политических систем использовались обе системы исторической концептуализации.

Для того чтобы удовлетворить интерес любознательного читателя, рассмотрим теперь критическую литературу, содержащую сравнение и противопоставление взглядов Маркса и Вебера. Прежде всего постараемся охарактеризовать ситуацию в современной социальной науке, широко использующей идеи этих мыслителей, а затем подытожим разговор о различии в их мировоззрении.

Утверждалось (Tiryakian, 1975), что для объяснения явлений в американском обществе больше подходят идеи Вебера, чем Маркса. Это прежде всего потому, что Вебер посетил Соединенные Штаты Америки и лучше знал эту страну. Кроме того, его протестантское происхождение и понимание пуританской культуры и протестантской этики приближают его мышление к менталитету американского общества. Взгляды Вебера на либерализм часто увязываются с его воздействием на американскую социальную науку. Ричард Эшкрафт утверждал, что Маркс и Вебер стимулировали противоположные тенденции. «Единство их взглядов на либерализм как буржуазную идеологию скрывало различия в исторической интерпретации, противоборствующие методологические концепции и противоположные взгляды на социальную культуру» (Ashcraft, 1972:131). Некоторые из различий, о которых он говорит, относятся к взглядам на экономические причины, идеологию и класс.

Важность сравнения идей Маркса и Вебера подчеркнул Карл Мейер, отметивший, что до своей болезни в начале века Вебер не испытывал особенного влияния Маркса и не пытался подвергать его критическому анализу вплоть до последних лет своей жизни. Мейер обратил внимание на существенные различия между пониманием Марксом и Вебером системы, идеологии, социальной деятельности, диалектики, эволюции и науки; он сделал вывод, что в идеях Маркса и Вебера «существует согласие по многим важным деталям, но имеются и фундаментальные различия в том, что касается решаю-

щих методологических позиций, с которыми мы имеем дело в социальных науках» (Maeyer, 1975:714—715). Он объяснял эти различия в конечном счете тем, что, по его мнению, методология Маркса была гегельянской, а Вебера — кантианской. Как ни странно, подобная философская дихотомия продолжает господствовать в научной жизни Германии и сегодня.

Пюнтер Рот полагал, что идеи Маркса и Вебера не столь несовместимы, как думают многие критики. К примеру, Ирвин Цейтлин (Zeitlin, 1968) считал идеи Вебера развитием марксизма, а Джордж Лихтхайм придерживался мнения, что «вся социология религии Вебера *без труда* укладывается в Марксову схему» (Lichtheim, 1961:385). Несомненно, Маркс оказал сильное влияние на немецкую научную мысль в начале века, и многие полагают, что и сам Вебер попал под его влияние. Один из современников Вебера Эрнст Трельч, сравнивавший холистический и динамичный характер диалектики с раздробленным и статичным позитивизмом, считал труды Вебера глубоко марксистскими и утверждал, что они, возможно, даже превосшли марксистскую диалектику: «Маркс, в частности, произвел на него особенно глубокое и сильное впечатление» (цит. по: Bendix and Roth, 1971:230). В начале своей научной деятельности Толкотт Парсонс писал, что «"Протестантская этика" Вебера является опровержением марксистских положений» (Parsons, 1929:40), а Рот документально продемонстрировал, что Вебер выступал против марксизма, причем он проанализировал мнимое марксистское влияние на ранние работы Вебера и пришел к выводу, что «Вебер никогда не проходил марксистскую фазу». Хотя Вебер и признавал эвристическую пользу исторического материализма, он считал его ненаучным, не связанным с социализмом и осуждал детерминизм, содержащийся в марксизме (Bendix and Roth, 1971:240). Согласно другому мнению, взгляды Вебера на исторический материализм были искажены переводом и интерпретацией Толкотта Парсонса. Хотя Вебер показал связь протестантской этики с капитализмом, он отнюдь не отрицал исторический материализм, основанный на экономических соображениях (Löwy, 1989).

Гидденс (Giddens, 1971) и Эткинсон (Atkinson, 1972) указывали на фундаментальные различия между Марксом и Вебером. Например, Вебер считал, что для улучшения положения рабочего класса революция необязательна; действительно, интересы буржуазии в условиях капитализма могут включать в себя и улучшение политических и экономических условий жизни рабочего класса. Вебер также признавал важность классовых конфликтов в истории, но делал акцент

на конфликте между статусными группами и внутри других групп по интересам, например внутри политических партий. К тому же Вебер, в отличие от Маркса, разграничивал фактографические и нормативные заявления, он «был убежден, что историческое развитие нельзя объяснить с позиций рационалистической схемы, выражающей нормативные ценности и обоснования» (Giddens, 1971:195).

Коллетти (Colletti, 1972) критиковал использование Вебером идеальных типов как «чисто абстрактную и условную “модель”». По его мнению, научная концепция Вебера превратилась в «утопию», а теоретические обобщения не могли соперничать с действительностью. Напротив, Маркс разработал историю экономической мысли, изучая прежде всего историческую динамику буржуазного способа производства. Коллетти старался привлечь внимание читателя к некоторым ошибочным интерпретациям трудов Маркса. Прежде всего существует ортодоксальное мнение ряда марксистов о том, что марксизм — это наука, а не идеология и что только он дает объективную и беспристрастную оценку фактам. Коллетти полагал, что такое «мнение действительно не дает оснований для связи науки с классовым сознанием, науки с идеологией» (1972:230). Другим искажением марксизма является точка зрения некоторых марксистов о том, что политическая экономия является жизненно важной. Но, как считает Коллетти, все основные работы Маркса делают акцент на политической экономии. «Для Маркса политическая экономия родилась с ростом и развитием товарного производства. Она рождается с капитализмом и умирает вместе с ним» (232).

Указанные нами различие и сходство идей Маркса и Вебера по многим позициям видны в табл. 4.1, где схематически суммированы некоторые важные теории, представленные в их работах.

Парадигматические влияния на сравнительную политологию

Рассматривая влияние марксистских и веберовских идей на каждую из субфер, мы не собираемся сводить дело к степени категорической определенности, которая на практике может быть иллюзорной. Субсферы государства, культуры, развития и класса группируются вокруг теорий и действительно перекрывают друг друга, однако мы рассмотрим каждую из них в отдельности. Политическая экономия также связана с идеями Маркса и Вебера, и о ней пойдет разговор в одной из следующих глав. Табл. 4.2 также поможет читателю выделить основополагающие концепции в теориях Маркса и Вебера, распределенные по четырем субферам.

ТАБЛИЦА 4.1

Синтез идей Маркса и Вебера: теоретический справочник

<i>Тема</i>	<i>Маркс</i>	<i>Вебер</i>
Взгляд на историю	Целостный, исторический и материалистический. Основан на способе производства	Фрагментарный и неисторический. Никакое познание мира не может быть полным
Реальность	Реальность — цель науки	Реальность недостижима, так как возможности исследователя и объем исследований ограничены
Теория (практика)	Теория и практика, слитые воедино в идеях и действии	Теория — основа исследования. Применение знания в исследовании носит маргинальный характер
Социальное научное знание	Освобожденное от идеологии социальное научное знание разоблачает эксплуатацию одного класса другим	Социальная наука опирается на знания, полученные эмпирическим путем
Политика	Социолог политически ангажирован и должен сочетать исследования с политической деятельностью	Социолог аполитичен и объективен
Ценности	Ценности соединены со знаниями и фактами. Имеют материальные основания	Ценности отделены от фактов, являющихся основой для исследований. Эмпирическая наука не может устанавливать обязывающие нормы
Законы	История основана на общих законах, связанных с различными способами производства, производительными силами и производственными отношениями, а также с экономическим развитием	У истории нет общих законов. История не может создавать общие законы для социальной науки
Капитализм	Способствует эксплуатации рабочих, что ведет к отчуждению. Капитализм расточителен, неэффективен и иррационален	Содействует развитию путем рационализации, эффективности и стабильности
Диалектика	Противоречия капитализма ведут к его гибели	Капитализм преодолевает свои противоречия путем рационального планирования

ТАБЛ.4.1

<i>Тема</i>	<i>Маркс</i>	<i>Вебер</i>
Общество	В конечном счете социалистическое, а затем и коммунистическое по мере перехода средств производства от частного контроля к общественному, в ведение комитета рабочих по управлению делами буржуазии	В конечном счете светское и рационально бюрократическое в условиях промышленного капитализма. Конкуренция. Высшее благо, рассматриваемое в национальном контексте
Государство	Исчезает с созданием бесклассового общества	Усиливается в условиях промышленного капитализма, империалистической экспансии и рационализации бюрократического порядка
Деятельность	Отражает объективные материальные условия, определяемые производительным трудом индивидов	Зависит от размышлений деятелей о субъективном значении того, что они делают или от чего воздерживаются
Индустриальная свобода	Возможна при социализме, но ограничена при капитализме, где выбор определяется классовой принадлежностью. Свобода наступает с ликвидацией отчуждения	Возможна при капитализме до тех пор, пока люди могут выбирать между альтернативными образами жизни
Эвристические приемы (конструкции или категории)	Способ производства как материальная основа жизни общества	Идеальные типы в сравнении с реальными ситуациями
Метод	Диалектический	Идеальная типификация
Власть	Господствующие интересы	Сталкивающиеся и расплывчатые интересы
Господство	Незаконное, поддерживаемое государством и правящим классом	Законное господство в традиционной, харизматической и рациональной формах
Империализм	Историческое явление, вызванное к жизни капитализмом и позднее охарактеризованное Лениным как высшая стадия капитализма	Экспансионистская внешняя политика государств

ТАБЛИЦА 4.2

Основные концепции Маркса и Вебера в отношении четырех субсфер сравнительной политологии

<i>Раздел теории</i>	<i>Маркс</i>	<i>Вебер</i>
Государство	Монолитные капиталистическое государство и правящий класс (экономический, осуществляющий политическое правление с помощью государства). Надстройка (идеология) и базис (реальность). Изменения в структуре материальных сил, производственных отношениях и способах производства ведут к конфликту и трансформации надстройки	Плюралистическое государство, применяющее силовой подход и осуществляющее легитимное господство, способствующее конкуренции и разделению власти. Рациональность, функциональная дифференциация и специализация, ведущие к порядку, гармонии и эффективности
Культура	Господствующая власть построена по иерархическому принципу и осуществляется государством и правящим классом. Мнения и символы культуры считаются частью надстройки (идеологии и ложного сознания). Параметрами господства правящего класса являются эксплуатация и нелегитимное господство	Господствующая власть основана на мнениях и символах, соотносящихся с идеальными типами: традиционным, харизматическим и рациональным. Возрастающая рутинность рационального господства отражает растущую социализацию. Параметрами свободы являются индивидуализм и принцип добровольности (повиновение), а также легитимный контроль
Развитие	Исторический материализм и диалектический метод. Теория основана на фактах исторической реальности, а не на идеологических или иллюзорных концепциях. Развитие связано с потребностями людей, а человеческое сознание определяется в ходе диалектического взаимодействия людей с материальным миром: его производительными силами и способами производства. Акцент на капиталистическом развитии	Рационализация и метод идеальной типологии. Теория основана на разъяснении. Систематизация идей и их воздействие на общество. Акцент на капиталистическом развитии

ТАБЛ. 4.2

<i>Раздел теории</i>	<i>Маркс</i>	<i>Вебер</i>
Класс	Буржуазия и пролетариат — противостоящие классы при капитализме. Промышленные капиталисты и землевладельцы находятся в конфликте с наемными рабочими, но каждый из этих крупных классов раздроблен. Власть сконцентрирована в руках господствующего класса, контролирующего средства производства	Классовые и статусные группы рассматриваются как идеальные типы, влияющие на рассредоточение власти и интересов общества. Мобильность индивидов внутри статусных групп и мобильность статусных групп внутри классов зависят от инициативы, достижений и талантов. Классовое дробление, а не солидарность считается следствием религиозных взглядов, этнической лояльности и национализма

Теория государства

Современная политология находится под сильным влиянием теорий государства и систем. Труды антропологов А.Р. Радклифф-Брауна и Бронислава Малиновского стимулировали изучение систем, особенно их функциональных и структурных особенностей. Социолог Толкотт Парсонс, формулируя теорию систем, использовал их работы, а также труды Вебера. В политологии Дэвид Истон подвел итоги теории политической системы с ее требованиями и поддержками на входе и решениями и политикой на выходе. Габриэль Алмонд соединил разнообразные подходы Истона, а также Парсонса и Вебера, с тем чтобы сделать более очевидной применимость теории систем к сравнительной политологии. Алмонд заменил неопределенный термин «государство» системной концепцией. Ни Маркс, ни Вебер не уделяли такого внимания системам; оба они занимались государством, особенно капиталистическим. Поэтому рассмотрим взгляды на государство каждого из них.

Маркс разработал важную концепцию государства и правящего класса. По его мнению, вся история была историей борьбы классов. С ходом времени в результате борьбы структура общества становилась все более упрощенной по мере того, как антагонизм разделял людей на два враждебных друг другу класса — буржуазию и пролетариат. Первые представители буржуазии вышли из класса городских торговцев, за-

явившего о себе еще при феодализме. Мануфактура быстро пришла на смену более ранним формам производства в закрытых гильдиях, и поскольку мануфактурное производство стимулировалось спросом на новых рынках, связанная с ним буржуазия потеснила гильдейских старшин. С дальнейшим расширением рынков и изобретением машин мануфактуру стала вытеснять современная промышленность. С возникновением современной промышленности и мировых рынков появилась современная буржуазия, и для нее стало жизненно важным обеспечивать не только свое экономическое господство, но и политический контроль над современным государством. В итоге «современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» (Маркс и Энгельс, т.4:426).

В своем отношении к государству Маркс находился под влиянием Гегеля, но концепции у них все-таки были разные. В философии Гегеля государство играло жизненно важную роль. Он считал, что государство отделено от гражданского общества, то есть общества с органами управления и законодательством, и тем не менее оно смягчает и разрешает конфликты, возникающие внутри гражданского общества. После смерти Гегеля между его последователями произошел раскол по вопросу об отношении к государству. Левые, или младогегельянцы, выступили с критикой его представлений о государстве, а Маркс уже в 1843 г. занял радикальную позицию, считая, что государство создается гражданским обществом; государство увековечивает иерархическую классовую структуру и тем самым защищает интересы правящего класса. Хотя иногда интересы правящего класса могут сталкиваться с государственными, отношения между правящим классом и государством не должны терять определенность в результате таких конфликтов; в конечном счете и государство, и правящий класс должны быть упразднены.

По мнению Маркса, класс, правящий экономически, то есть владеющий средствами производства и контролирующий их, правит и политически. При капитализме государство является органом, поддерживающим отношения собственности богатого меньшинства, в результате чего происходит угнетение одного класса другим. Таким образом, государство не представляет весь народ, богатых и бедных. Государство не стоит над классами до тех пор, пока существуют классы; оно всегда на стороне правителей.

Описывая взаимоотношения государства с правящим классом, Маркс нарисовал следующую картину общества. Внутри общества существуют различия между его надстройкой и базисом, иногда называемым субструктурой или инфраструктурой. Базис включает в себя про-

изводительные силы и основанные на них общественные производственные отношения, то есть производительные силы, а также контроль и владение средствами производства определяют разделение труда в обществе. В юридическую и политическую надстройку входят низкоуровневые и высокоуровневые концепции, выражающие отношение людей к миру. Такие концепции зависят от базиса. Они также являются идеологиями, приводящими к ложному сознанию. По мнению Маркса, роль науки состоит в разоблачении этих идеологий, которые сохраняются в интересах господствующего класса. Лишь революция против этих классов позволит избавиться от системы таких идеологий. В работе «К критике политической экономии» (в предисловии) Маркс следующим образом кратко изложил существо своих идей.

В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества... В общих чертах, азиатский, антич-

ный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации (Маркс и Энгельс, т. 13:6—7).

Словом, основными элементами мышления Маркса, которые могут быть применены к критическому рассмотрению теории государства, являются правящий класс, надстройка и базис, реальность и идеология, материальные силы и производственные отношения, а также способы производства, характеризующие исторические эпохи. Государство сосуществует с правящим классом и управляет его делами. Базис — это материальные производительные силы и производственные отношения, то есть способ производства, или реальная основа общества, определяющая разделение труда и классовое разделение. Надстройка состоит из юридических и политических концепций, или теорий, которые представляют общество таким, каким оно должно быть, а не каково оно есть на самом деле; такие идеальные построения, рассматриваемые отвлеченно от конкретных исторических явлений, увещивают ложные идеологии о мире, в котором мы живем.

Разумеется, Вебер был знаком с категориями базиса и надстройки в интерпретации Маркса, а также с их идеологическим звучанием. Однако он «не признавал утверждения Маркса, что бытие определяет сознание» (Maуer, 1975:706). Вместо этого он изучал различия между идеальным и реальным, и такой подход Мейер называл «дуалистическим». Готовность акцентировать внимание одновременно на идеальном и реальном, несомненно, вдохновляла Парсонса и многих других системных теоретиков на создание абстракций и схем, в настоящее время преобладающих в сравнительной политологии.

Вебера интересовала общая теория общества, и его использование «идеальных» типов оказалось плодотворным в такой теории. Он полагал, что исследователь в состоянии субъективно занять место действующего лица и, таким образом, интерпретировать поступки и мотивы. Вебера также занимали «интересы» индивидов в связи с тем, что Парсонс называет «системами значений» (Парсонс, см.: Weber, 1968:xxiii). Однако нельзя сказать, что Вебер выступал здесь в роли системного теоретика: «Он откровенно опровергал стремление создать "систему" научной теории и так и не завершил системной работы» (Парсонс, см.: Weber, 1947:3). Однако Парсонс настоятельно утверждал, что в идеях Вебера присутствуют важные системные элементы. Например, Вебер считал, что капитализм жизненно важен для современного мира. Кроме того, он определял протестантизм как составную часть всемирной капиталистической деятельности с

ее рынками, деньгами, собственностью и прибылью. Протестантизм характеризует, выражаясь словами Парсонса, современную западную систему Вебера. Веберовскую концепцию системы помогают понять два аспекта протестантской ориентации. Одним является рациональность, протестантизм стремится к «рациональному господству над миром». Другим — «функциональная дифференциация и специализация ролей», протестантская ориентация, базирующаяся на признании ценности индивидуализма в «процессе активного господства над миром» (Парсонс, см.: Weber, 1947:80—81).

Вебер также писал об «идеальных и материальных интересах», свойственных всем людям. Его наблюдение подразумевало множественность интересов и множество соперничающих сил, а также господство, основывающееся на «легитимном порядке» (Bendix, 1960). Все эти понятия присутствуют в веберовской концепции государства.

Вебер называл государство «человеческим сообществом, которое (с успехом) претендует на *монополию законного использования физической силы* внутри заданной территории» (Weber, 1958a:78). Он приписывал государству исключительное право использовать физическую силу или насилие и именно в рамках этой концепции определял политику как «стремление разделить власть или повлиять на распределение власти либо между государствами, либо между группами внутри государства... Государство — это отношение людей, господствующих над людьми, отношение, поддерживаемое средствами легитимного... насилия» (Weber, 1958a:78). С помощью права применять насилие государство контролирует ситуацию, при которой одни господствуют над другими. Но господство — это следствие соперничества групп в борьбе за власть, и все это происходит в рамках легитимности. Вебер выделял три типа господства: традиционное с патриархальной структурой управления; харизматическое господство пророка, полководца, демагога или партийного лидера; и легальное господство бюрократа или государственного служащего. Эти типы господства Вебер называл «чистыми», или идеальными, типами и предпочитал легальное господство с его рутинизацией, гармонией, эффективностью и порядком в государстве, организованном по бюрократическому принципу.

Каковы же главные особенности этой идеализированной бюрократии? При распределении организационных задач преобладает высокая степень специализации ввиду четко выраженного разделения труда. Позиции иерархически структурированы в пирамиду господства; официальные нормы и регламентация определяют решения и действия; линии коммуникации четко установлены между административными уровнями; обезличенные отношения и разоб-

ценность обеспечивают рациональное исполнение обязанностей. Такова типичная бюрократия у Вебера.

Итак, аспектами идей Вебера, воспринятыми современной теорией систем, являются рациональность, функциональная дифференциация и специализация ролей в рамках государства. В самом государстве и в пределах его действия существуют соперничающие силы и многообразие интересов, которые делят власть и влияют на ее распределение. Это соперничество происходит в условиях легитимного господства. Идеализированная концепция Вебера предусматривает рутинизацию, гармонию и эффективность. Маркс осудил бы такой подход, назвав его аберрацией ложного сознания, которая искажает понимание современного капиталистического мира.

Системные концепции Маркса и Вебера резко отличаются друг от друга. Хотя оба мыслителя акцентировали внимание на политическом итоге деятельности государства во всем обществе, Маркс считал структуру государства монолитной, связанной с интересами правящего класса, в то время как Вебер полагал, что структура государства способствует многообразию интересов. Обоим занимали проблемы господства: Маркс признавал все формы господства при капитализме нелегитимными; Вебер говорил о легитимных формах господства. Маркс выступал за ликвидацию государства и классов; Вебер говорил об усилении государства путем узаконения его деятельности. Маркс объяснял перемены в государстве и правящем классе действием законов исторического материализма и конфликтом между производственными отношениями и производительными силами, характеризующими различные эпохи; Вебер, напротив, занимался разрешением конфликтов путем рационализации бюрократических порядков, так как полагал, что европейский капитализм способствует высокорациональной и потому стабильной общественной форме, и был уверен, что его сохранение равносильно сохранению порядка. И Маркс, и Вебер исследовали то, как государства применяют физическую силу и принуждение. Объяснение, даваемое Вебером, связывало государственную власть и насилие с легитимностью, в то время как Маркс предлагал более широкое определение, согласно которому государство может быть лишь хитроумным инструментом насилия для подавления более низких слоев общества.

Теория культуры

Политическая культура является еще одним объектом исследования сравнительной политологии. В современном понимании эта культу-

ра имеет множество значений. В общем она рассматривается как совокупность мнений, символов и ценностей. Габриэль Алмонд считал, что все политические системы встроены в определенную модель ориентаций на политические действия. Самюэль Биер и Адам Улам утверждали, что такая модель состоит из идей и традиционных подходов к власти. Сидней Верба называл политической культурой ориентацию всех членов политической системы. Модели ориентаций могут быть когнитивными, то есть включающими в себя чувства по отношению к политической системе, или оценочными, то есть включающими в себя суждения о политической системе. Их передают из поколения в поколение различные институты коммуникации и социализации, такие, как семья, школа или место работы. Современные значения политической культуры предполагают интерес, с одной стороны, к общим моделям, таким, как культурные традиции, относящиеся к власти, и, с другой — к конкретным моделям, например индивидуальным политическим предпочтениям. Как Маркс, так и Вебер интересовались этими двумя уровнями.

Современное использование политической культуры, как правило, охватывает субъективную, или психологическую, среду политической системы. Маркс связал бы такую идею культуры со своей общей оценкой надстройки, распространяющейся на все общество. На конкретном уровне он рассматривал культуру в контексте отчуждения людей. В противоположность этому Вебер связывал культуру на общем уровне с господством и легитимностью; это было очевидно в его исследовании религии. Отношение Вебера к культуре на конкретном уровне означало веру в индивидуализм и волюнтаризм. По существу, Маркс определял культуру в материалистических терминах, а Вебер — в идеалистических. Рассмотрим теперь их неодинаковые концепции.

Маркс считал материализм основой всей истории и тем самым культуры и относил к его сфере средства и способы, благодаря которым люди воспроизводят свое существование, участвуя в производстве. Культура с ее мнениями и символами составляет часть надстройки капиталистического общества. Как таковая культура статична, ибо она узаконивает материальный базис и, значит, защищает интересы привилегированного правящего класса. Культура проявляет, поощряет и увековечивает идеологию в качестве ложного сознания, имея тенденцию к сохранению во времени. Исторические периоды характеризовались изменениями в способе производства, а также в производственных отношениях и средствах производства. Противоречие между статичной культурой и динамичным матери-

альным базисом отражает внутренние противоречия системы и делает все более очевидным возрастающее несоответствие культуры существующей материальной общественной практике. Так, Маркс определял исторические периоды по новым моделям культуры, на которые опирается государство и в рамках которых господствующий класс — будь то феодальные сеньоры, купцы или капиталисты-промышленники — узаконивает свою эксплуататорскую роль.

Противоречия базиса и культуры проявляются на индивидуальном уровне. В своих «Экономическо-философских рукописях» Маркс подробно изложил концепцию отчуждения труда. Он полагал, что капитализм ведет к обнищанию рабочих, обогащая капиталистов и способствуя накоплению капитала. «Труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности. Он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы» (Маркс и Энгельс, т. 42:90). В «Немецкой идеологии» Маркс показал, как разделение труда и частная собственность ведут к разрыву интересов: «Пока существует разрыв между частным и общим интересом, пока, следовательно, разделение деятельности совершается не добровольно, а стихийно, — собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» (Маркс и Энгельс, т. 3:31). Маркс описывал, каким образом отношения между индивидом и обществом оказываются подорванными, когда интерес общества «в виде *государства* принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных — как отдельных, так и совместных — интересов» (Маркс и Энгельс, т. 3:326). В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс различал частного индивида, имея в виду владельца средств производства и рабочей силы, и общественного, имея в виду нового, «*богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека*» бесклассового общества (Маркс и Энгельс, т. 42:123).

«В мышлении Вебера доминировала концепция идеального типа, которую он применял как к культурному содержанию, так и к индивидуальной мотивации». Этими словами Толкотт Парсонс (см.: Weber, 1968:lxiii) выразил мысль, что интерес Вебера к культуре был направлен как на общий, так и на конкретный уровень мышления. Суть интереса Вебера, как и многих его последователей, занимавшихся культурой и теорией личности, к культуре состояла в использовании ~~идеальных типов~~ идеальных типов легитимного господства.

Вебер выделил три идеальных типа легитимного господства, оказывающих влияние на культуру (Weber, 1947:pt.3): традиционное, харизматическое и рациональное. Легитимность традиционного господства основана на нормах, унаследованных из прошлого, а личный статус и господство принадлежат индивиду или вождю, избранному традиционными методами. Легитимность этой традиционной системы господства ставится под сомнение лишь при возникновении новых и неконтролируемых кризисов, которые не удается разрешить. Когда рухнет традиционное господство, общество может оказаться под контролем харизматического господства, основанного на лояльности по отношению к личности, проявляющей особый героизм или демонстрирующей исключительные качества, вдохновляющие ее последователей.

Легитимность харизматического господства зависит от успехов в борьбе с кризисной ситуацией, из-за которой рухнул традиционный строй. Порожденная таким типом господства культура основана на образе пророка, ведущего народ к светлому будущему. Подчинение вере при харизматическом господстве совершенно не похоже на подчинение религии или мистицизму при традиционном господстве. Харизматическое господство не приемлет рутинного контроля за деятельностью, который присущ как традиционному, так и рациональному господству. С падением харизматического лидера для его сторонников открываются альтернативные пути, чтобы узаконить свое новое социальное положение. Они могут выбрать путь создания нового традиционализма на основе учений харизматического лидера. В этом случае происходит возврат к традиционному господству. Или они могут решить сделать господство рутинным, подвергнув его рационализации по ряду направлений. Этот путь требует секуляризации, или разделения религиозной и государственной практики, и предполагает расширение административных регулирующих функций, введение единых дисциплинарных норм и процедурных правил, расширение экономической деятельности и налогообложения для финансирования возникающей бюрократии.

Такое развитие событий ведет к легально-рациональному господству, возникающему в результате некоего религиозного воздействия, например Реформации, или накопления капитала, вызвавшего глубокие перемены в Европе. По мнению Вебера, история Европы — это история единой цивилизации. Поэтому политологи-компаративисты, исследующие культуру в рамках модели Вебера, должны проявлять осторожность и не пользоваться опытом Европы при разработке широких обобщений в отношении тех путей, которыми могут пойти слаборазвитые страны, с учетом изменений в их культуре.

Вебер привел примеры типов господства, исходя из коллективного культурного опыта наций, групп и даже племен; но он также отметил конкретные ориентации в отношении культуры. Осуждая, например, прусских юнкеров за эксплуатацию сельскохозяйственных рабочих, Вебер подчеркивал их позитивный вклад в развитие германского государства. Он не считал, как марксисты, что мотивы и действия всегда определяются экономическими интересами; вместо этого Вебер подчеркивал роль индивидуализма и решимости, проявлявшихся в сложных природных условиях. Он также отмечал индивидуализм и упорство сельскохозяйственных рабочих, выступавших против правящего класса юнкеров: «Мы хотим развивать и поддерживать то, что считаем ценным в человеке: его личную ответственность, его стремление к высшему — к духовным и моральным ценностям человечества, даже если это стремление предстает перед нами в самой примитивной форме» (Вебер, цит. по: Bendix, 1960:44). Интерес Вебера к автономии индивида был явным отражением либерального наследия XIX в. Автономия также стала основой, на которой либеральные ученые исследовали культурные ориентации индивидов в XX в., и оказала влияние на теории рационального и индивидуального выбора, которыми в 1980-х гг. были пронизаны труды бихевиористов по сравнительной политологии.

Итак, Вебер считал культуру важным, решающим фактором социального действия и тем самым исторического развития цивилизации. Верования и символы являются отличительными чертами его понимания господства, которое покоится на двух уровнях — общем и конкретном. В этой концепции игнорируется сила принуждения и предполагается существование системы верований, которая узаконивает контроль, а также добровольное повиновение и покорность подчиненных воле своих руководителей.

Резюмируя сказанное, отметим, что марксистская концепция объясняет культуру в контексте политического, социального и экономического положения общества, в то время как веберовская концепция объясняет политическое, социальное и экономическое положение общества в контексте культуры. Маркс считал, что господствующая власть иерархически встроена в капиталистическое государство совместно с правящим классом. Это классовое доминирование и нелегитимное господство характеризовались эксплуатацией, так называемая легитимность которой была просто замаскирована идеологией верований и символов, преобладавших в культуре и идеологической надстройке. Вебер же полагал, что верования и символы культуры укрепляли и узаконивали различные идеальные типы

господства. Маркс подчеркивал, что отчуждение индивида в материалистическом обществе — это следствие господства и капиталистической эксплуатации. Вебер же рассматривал стремления индивида в контексте добровольного повиновения и легитимного контроля — параметров либерального общества, в котором процветает рациональный бюрократический порядок. Таким образом, выявляются существенные различия в марксистском и веберовском толкованиях культуры. Очевидно, что каждое из них опирается на различные категории и, следовательно, различные посылки и объяснения, влияющие на результаты исследований в сравнительной политологии.

Теория развития

В литературе по сравнительной политологии теории развития группируются вокруг целого ряда тем. Демократия является традиционной темой политологической литературы. Обычно ее ассоциировали с опытом Европы и Соединенных Штатов Америки, но когда компаративисты занялись другими странами, и особенно в «третьем мире», им пришлось начать пересмотр своих позиций. Такие ученые, как Лусиан Пай, стали заменять термин «демократия» другим — «политическое развитие». Распространились и теории этапов развития. Уолт Ростоу выделил ряд этапов, через которые проходит капиталистическое развитие, а А.Ф.К. Органский выступил с моделью политического развития примерно в том же духе, что и Ростоу. После Второй мировой войны широкое распространение получила литература об образовании государств, национализме и развитии; вероятно, лучше всего, эти идеи отражены в трудах Карла Дойча и Руперта Эмерсона. Наконец, появились трактаты, основанные на модернизации, обычно в форме индустриализации и других достижений капиталистических стран; эта тенденция отражена в работах Дэвида Эптера и Самюэля Хантингтона. Все эти теории развития находятся в русле парадигмы основного направления современной сравнительной политологии. Ясно также, что идеи и мысли Макса Вебера оказали влияние на формирование этих теорий.

Но в сравнительной политологии появился и противовес доминирующим теориям развития. Новое направление занялось изучением отсталости, особенно в странах Латинской Америки, Африки и Азии. Хотя в литературе основного направления развитие рассматривалось как следствие распространения капитала и технологии из передовых стран в слаборазвитые, критики этой интерпретации считали, что само отставание в развитии стало результатом подобного

распространения. Попытки промышленно развитых стран применить свои модели демократии и гражданской культуры к отсталым регионам также оказались тщетными и привели к усилению репрессий и эксплуатации.

Ряд авторов, например Андре Гундер Франк, делали акцент на усилении отставания в развитии, утверждая, что капитализм в мировом масштабе порождает развивающиеся метрополии и слаборазвитых сателлитов. Теотонью душ Сантуш, характеризуя монополистический капитализм и деятельность транснациональных корпораций по всему миру, писал об эпохе «новой зависимости». Фернандо Энрике Кардозо считал, что слаборазвитый мир являет собой пример зависимого капиталистического развития. Он и другие стали также связывать свои теории зависимости с ленинской теорией империализма. Социологи различных убеждений вскоре взяли на вооружение многочисленные интерпретации и способы применения теории зависимости. Возникшая в связи с этим путаница частично объяснялась неспособностью многих авторов обосновать свои теории трудами Маркса.

Материалистический взгляд Маркса был сконцентрирован на процессе развития. Маркс считал большинство теорий, кроме своей собственной, буржуазными и идеологизированными. В «Тезисах о Фейербахе» он отверг спекулятивные и умозрительные оценки реальности и осудил как идеалистов, так и материалистов. Например, в одиннадцатом тезисе говорится: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» (Маркс и Энгельс, т. 3:4). Маркс призывал ученых к изучению реальности, «действительного жизненного процесса» и соответственно уделял наибольшее внимание критике буржуазно-капиталистического общества, а не умозрительным рассуждениям об обществе будущего. Таким образом, Маркс стремился к ясному и прямому, материалистическому взгляду на мир, и в частности на процесс развития, на протяжении всех исторических периодов. Его взгляды на развитие были связаны с его пониманием диалектического и исторического материализма.

Маркс считал свои взгляды научными, поскольку он избегал материалистических или идеалистических абстрактных суждений и ориентировался на «человеческую науку». В «Немецкой идеологии», написанной совместно с Энгельсом, говорилось: «Там, где прекращается спекулятивное мышление, — перед лицом действительной жизни, — там как раз и начинается действительная положительная наука, изображение практической деятельности, практического процесса развития людей» (Маркс и Энгельс, т. 3:26). Однако ис-

пользование науки здесь не было позитивистским в том смысле, какой придавал ей Конт. «Маркс использует во всех своих трудах это слово таким образом, что оно всегда несовместимо с грубым, позитивистским применением, хотя у Энгельса не все формулировки столь же несовместимы с позитивизмом» (Thomas, 1976:7).

Концепции развития Маркса нельзя охарактеризовать в позитивистских терминах. «Ни "производственные отношения", ни "способ производства" не поддаются определению в качестве физических объектов; даже "производительные силы", кажущиеся на первый взгляд более эмпирическими, следует рассматривать не как связь между предметами, а как развитие, нечто, находящееся в состоянии перехода, развитие, происходящее при соответствующих социальных условиях» (Thomas, 1976:9).

Маркс считал, что экономические перемены могут изменить идеологическую надстройку, так как действия людей зависят от изменений в экономической структуре, в преобразованиях, воздействующих на господствующий способ производства. По Марксу, изменения — это отражение диалектического противоречия между различными социальными силами, порожденными конфликтом. Карл Мейер следующим образом охарактеризовал понимание Марксом диалектики: «Сначала конфликт находится в латентном состоянии; потенциально присутствуя, он скрыт относительной гармонией интересов. Затем он начинает проявляться, постепенно нарастает и, наконец, достигает такой точки, когда ставится под вопрос существование самого общества» (Mauser, 1975:710).

Маркс намеревался дать полное объяснение диалектики, но так этого и не сделал, однако ее применение очевидно во всех его работах. Разумеется, Маркс дал материалистическое объяснение идеалистической концепции диалектики Гегеля, поставил ее с ног на голову, лишив мистики и жесткой схемы. Говард Шерман назвал диалектику Маркса «лишенным догматизма методом подхода к проблемам науки или повседневной политики». Он выделил пять параметров диалектического метода и обозначил проблемы для исследования. Во-первых, *взаимосвязь*: как проблема соотносится со всем обществом? Во-вторых, *изменения*: какова динамика развития проблемы и куда она движется? В-третьих, *единство противоположностей*: каковы противодействующие силы, в чем суть конфликта? В-четвертых, *количество и качество*: если происходят количественные изменения, то не последуют ли за ними качественные? В-пятых, *отрицание отрицания*: если один аспект устраняет другой, то не может ли и он, в свою очередь, быть устранен? (Sherman, 1976:58—62). Таким обра-

зом, этот метод порождает вопросы; он не дает ответов, но позволяет взглянуть не на статичные, а на динамичные, не на идеальные, а на реальные аспекты общества.

Один пример, взятый из экономических рукописей Маркса 1857—58 гг., демонстрирует диалектический метод. Маркс, опровергая взгляды экономистов, рассматривавших четыре вида экономической деятельности (производство, распределение, обмен и потребление) изолированно друг от друга, начал с объяснения того, что производство и потребление — одно целое, причем каждый из этих элементов является причиной другого.

Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью. Однако в то же время между обоими имеет место опосредствующее движение. Производство опосредствует потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы предмет. Однако и потребление опосредствует производство, ибо только оно создаст для продуктов субъекта, для которого они и являются продуктами (Маркс и Энгельс, т. 12:717).

Диалектический метод стимулирует постоянную переоценку теорий в соответствии с новыми фактами. Он также способствует поискам новых фактов и их истолкованию в соответствии с новыми теориями.

Как материалист Маркс считал необходимым обосновывать теории фактами исторической реальности. Исторический материализм вооружил его новым взглядом на развитие.

История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями... это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения... как основу всей истории... (Маркс и Энгельс, т. 3:44—45, 36—37).

Маркс тщательно отделял эту материальную основу поколений, последовательно сменяющих друг друга в истории, от идеалистических взглядов на историю. Материалистический взгляд «остается постоянно на почве действительной истории», в то время как идеалистичес-

кий взгляд разыскивает в каждой эпохе какую-либо категорию; материалистический взгляд объясняет образование идей из материальной практики, а идеалистический взгляд объясняет практику из идей (Маркс и Энгельс, т. 3:37). Маркс считал, что история человеческого сознания обусловлена диалектическим взаимодействием между людьми и материальным миром. Соответственно история — это непрерывный процесс создания и удовлетворения человеческих потребностей. Когда удовлетворены одни потребности, возникают другие.

Каждая ступень истории «застает в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застает передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер (Маркс и Энгельс, т. 3:37).

Маркс анализировал различные типы общества, включая те, в которых преобладали азиатский, античный и феодальный способы производства, но его больше всего интересовала интерпретация буржуазного способа производства в капиталистическом обществе. Его теория капиталистического развития дана в «Капитале»: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как "огромное скопление товаров", а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства» (Маркс и Энгельс, т. 23:43). Товар, пишет Маркс, это «внешний предмет», который «удовлетворяет какие-либо человеческие потребности». Каждый товар имеет «потребительную стоимость», или пользу, а также «материальную стоимость», или стоимость продукта, предлагаемого в обмен на другие продукты. Маркс связывал обе эти стоимости с трудом, затраченным на производство товара. Сам труд также рассматривается как товар, подлежащий обмену на рынке. Рабочий производит достаточно, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум, а все производимое им сверх этого является прибавочной стоимостью, которая служит источником прибыли и накопления капитала.

О веберовских идеальных типах легитимного господства уже говорилось выше. Вебер, очевидно, считал развитие легальной рациональности основополагающим для западной цивилизации, которой он уделял много внимания. Бендикс полагал, что «Вебер не интере-

совался теориями развития» (Bendix, 1960:326). Он быстро переключался от одного типа господства к другому, рассматривая их по частям. Его не интересовали объяснения, прослеживавшие эволюцию европейского государства от его феодальных корней, но он хотел выделить отличительные черты современного буржуазного государства. Хотя существовало много типов капитализма — например, политический, империалистический, колониальный, рисковый, финансовый и современный промышленный капитализм (Weber, 1958a:66—68), — капитализм явился высшей формой рационализации на Западе. Вебер выделил аспекты, олицетворявшие рациональный буржуазный капитализм: одним из них была секуляризация, другим — максимальное развитие эффективности. Наряду с бюрократизацией важную роль в рационализации общества играла профессионализация. Рационализация проясняет, систематизирует и интегрирует идеи, создавая, таким образом, общества с идеальной структурой, в рамках которой достигаются результаты, изменения и стабильность: если, например, идеи становятся созвучными и интегрированными в обществе, взятом как целое, они создают новые проблемы, требующие решений.

Однако рациональность может также породить иррациональность; например, капитализм может основываться на накоплении богатства, а не на наслаждении благами жизни большинством индивидов. В связи с этим Карл Мейер (Mayer, 1975:710—711) назвал Вебера теоретиком конфликта, а не гармонии, как утверждали многие критики. Вебер предполагал, что общество способно продолжать существовать, несмотря на конфликт, или же что конфликт может быть разрешен. Во взглядах Вебера на изменения в обществе решающая роль принадлежит традиции. Мейер полагал также, что Вебер отрицал необходимость стадий развития и не считал, что современные общества заслуживают более высокой оценки, чем, например, древние цивилизации. Такой подход противоречит утверждениям Толкотта Парсонса о том, что вклад Вебера состоял в «преимущественно эволюционных взглядах на развитие человеческого общества» (Парсонс, см.: Weber, 1968:ix).

Несомненно, нюансы теорий Вебера заслуживают тщательного изучения. Ведь способ, с помощью которого он описал рационализацию европейского капитализма на рубеже веков, превратился в модель развития, оказавшую существенное влияние на сравнительную политологию нашего времени. Рационализация бюрократии, отделение церкви от государства, ведущее к секуляризации, а также постепенная институционализация парламентаризма — вот неотъемлемые

части этой модели. Ее характерными признаками являются: административная эффективность, которая достигается соблюдением требований профессионального мастерства как условия служебного продвижения; объективно обусловленная дисциплина, возвышающая должностное положение над тем чиновником, который занимает это положение, в строго определенной иерархической структуре власти; выработка четко записанных правил поведения; специализация функций как реакция на расширение социальной деятельности. Такая модель стабилизирует в обществе социально-экономический порядок в степени, достаточной для рассчитанного риска, связанного с капиталовложениями. В то же время Вебер считал, что бюрократизация жизни привносит с собой все возрастающую вероятность демократической практики. Необходимыми предпосылками демократической практики являются терпимость, абсолютная законность и представительное правление. В этом контексте высокоэффективный порядок извлекает общественные ресурсы и использует их при осуществлении социально ориентированных целей, одновременно посредничая в разрешении конкурирующих запросов населения.

Герберт Маркузе вскрыл ряд проблем в веберовской концепции развития. Он рассмотрел присутствующие в трудах Вебера взаимосвязи между капитализмом, рациональностью и господством. По мнению Маркузе, рациональность Запада способствует созданию системы материальной и интеллектуальной культуры, развивающейся в условиях промышленного капитализма и склоняющейся к бюрократическому господству. Эта капиталистическая рациональность развивается через частное предпринимательство; таким образом, удовлетворение потребностей человека зависит от возможностей получения прибылей капиталистическими предпринимателями и находящихся в их распоряжении трудовых ресурсов. Маркузе утверждал, что подобная концепция в настоящее время устарела — промышленный капитализм стал не рациональным, а иррациональным, так как «борьба за существование и эксплуатация труда должны все более усиливаться, чтобы создать условия для увеличения накопления»; развитие приобретает иррациональный характер, поскольку «повышение производительности труда, господство над природой и общественным богатством становятся разрушительными силами» (Marcuse, 1968:207).

По мнению Маркузе, Вебер не предвидел такого развития, хотя он предвосхитил «капиталистическую индустриализацию в целом как форму силовой политики, то есть империализм» (208). Крупная промышленность может гарантировать национальную независимость путем конкурентной борьбы империалистических силовых

структур в мировом масштабе и расширения колониализма и милитаризма. В итоге господство было основано на рациональности промышленного капитализма, который в современной форме стал неотделим от бюрократического контроля. Интенсификация эффективной организации промышленности распространяется на общество в целом и на контроль через бюрократическое управление.

Подводя итог сказанному, отметим, что Маркс предложил динамичную концепцию развития, основанную на взаимосвязи людей с материальным миром производительных сил и способов производства. Вебер выдвинул статичную концепцию развития, основанную на выделении отличительных рациональных признаков бюрократического порядка промышленно развитых государств. И Маркс, и Вебер акцентировали внимание на буржуазном капитализме. Некоторые критики считают взгляды Маркса революционными и реалистическими, а Вебера — эволюционистскими и идеалистическими. Маркс использовал в качестве своего метода диалектику; Вебер применял идеальные типологии. Маркс надеялся на изменения в базисе и обосновывал свою теорию фактами исторической реальности. Вебер обращал внимание на необходимость развития, подчеркивая рутинизацию, эффективность, профессионализацию, секуляризацию, дифференциацию и специализацию и основывал свою теорию на идеях и их воздействии на общество.

Теория класса

С древних времен и до настоящего времени сравнительная политология изучает правителей и управляемых. Вопрос о вкладе Маркса и Вебера в теорию этого предмета вызвал разногласия и привел к глубокому научному и идейному расколу среди ученых в области социальных наук. На протяжении жизни целого поколения ученых в социальных исследованиях демонстрировались принципиальные различия в подходах к вопросу о том, кто правит в обществе. Дихотомия позиций распространяется на концепции, вытекающие из этих исследований.

Одна позиция, основанная на преобладании в политической жизни США плюрализма, исходит из того, что в обществе существуют многочисленные разнообразные интересы, и поэтому для демократического порядка характерно широкое распределение власти. Иногда под плюрализмом понимают общество, состоящее из конфликтующих властных групп, каждая из которых использует власть для осуществления собственных интересов. Применительно к политической системе США эта точка зрения присутствует в трудах Роберта Даля,

В.О. Ки и других политологов. Многие считают, что она восходит к серии статей Джеймса Мэдисона в «Федералисте» и основателям теории групп Дэвиду Трумэну и Артуру Бентли. Основой для плюралистических посылок также послужили формулировки Гаэтано Моски и Вильфредо Парето. Эти ученые признавали различия между классом, который управляет, и классом, которым управляют, и стремились выявить различия внутри класса управляющих, особенно в демократических обществах. Они подчеркивали, что правление основывается на интересах, а не только на силе, и говорили о циркуляции элит, или смене их состава, с течением времени. Ясно также, что на проповедников плюрализма оказали влияние идеи Вебера.

Теория плюралистической элиты Моски, Парето и Вебера стала способом опровержения концепции правящего класса Маркса. В последние годы Даль, Нельсон Полсби и др. продолжили эту критику. Идеи Маркса способствовали возникновению противоположного подхода, обычно называемого теорией правящей элиты, хотя многие из ее сторонников не имели непосредственного отношения к марксистской позиции. Такая концепция прослеживается на примере описания структуры власти в городе Атланта (штат Джорджия, США), сделанном Флойдом Хантером, и исследования американской правящей элиты, проведенном Ч. Райтом Миллсом. Уильям Домхофф продолжил эту традицию. Их интерпретации поставили под сомнение утверждения о демократическом плюрализме в Соединенных Штатах.

Дискуссии между сторонниками теорий плюралистической элиты и правящей элиты отвлекли внимание от преимущественного акцента Маркса на классовом анализе. В отличие от Вебера, использовавшего класс как категорию для описания капиталистического общества в определенном временном контексте, Маркс связывал класс с материальным базисом, чтобы проследить источник изменений в капиталистическом обществе. Так, при капитализме два класса диалектически противостоят друг другу. В «Манифесте Коммунистической партии» этими классами названы буржуазия, «класс современных капиталистов, собственников средств общественного производства, применяющих наемный труд», и пролетариат, «класс современных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены, для того чтобы жить, продавать свою рабочую силу» (Маркс и Энгельс, т. 4:424). Марксово понимание капитализма делает необходимым исследование конфликта интересов двух противостоящих классов. Так, данный Хантером и Миллсом анализ правящей элиты не связан с марксистской моделью, так как

их акцент на одном классе статичен и не включает вопроса о роли масс; то же можно сказать и о стратификационном анализе, проводимом политическими социологами, определявшими позицию в соответствии с доходами, статусом и другими критериями. Если Маркс изучал противоположные свойства, то сторонники стратификационного анализа рассматривают индивидуальные и групповые позиции, исходя из схожих свойств.

Маркс не разработал концепцию класса полностью, однако классовый анализ занимает в его трудах центральное место. В «Манифесте Коммунистической партии» он кратко остановился на истории классовых антагонизмов: патриции, всадники, плебеи и рабы в Древнем Риме; феодальные господа, вассалы, цеховые мастера, подмастерья, ремесленники и крепостные Средневековья; а также буржуазия и пролетариат в рамках современного буржуазного капитализма. Буржуазия выполнила свою историческую роль; она покончила с феодальными отношениями.

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений. Напротив, первым условием существования всех прежних промышленных классов было сохранение старого способа производства в неизменном виде. Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других... Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи (Маркс и Энгельс, т. 4:427).

В противоположность этому пролетариат, класс современных рабочих, «которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал», вынужден служить буржуазии.

Низшие слои среднего сословия: мелкие промышленники, мелкие торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне — все эти классы опускаются в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленького капитала недостаточно для ведения крупных промышленных предприятий и он не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их профессиональное мастерство обесценивается в

результате введения новых методов производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения (Маркс и Энгельс, т. 4:431).

В «Немецкой идеологии» Маркс описал правящий класс как силу, осуществляющую материальное господство над производством и духовное над идеями.

Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства (Маркс и Энгельс, т. 3:45—46).

В работах «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс применил свою концепцию класса непосредственно к революционным событиям середины XIX в. Его анализ сосредоточен на таких классовых понятиях, как финансовая аристократия, промышленная буржуазия, мелкая буржуазия, крестьянство, люмпен-пролетариат, промышленный пролетариат, буржуазная монархия, крупная буржуазия. Приводимый ниже отрывок из журналистского отчета Маркса о сложном характере борьбы демонстрирует использование им классового анализа:

Во Франции мелкий буржуа выполняет то, что нормально было бы делом промышленного буржуа; рабочие выполняют то, что нормально было бы задачей мелкого буржуа; кто же разрешает задачу рабочего? Никто. Разрешается она не во Франции, она здесь только провозглашается. Она нигде не может быть разрешена внутри национальных границ; война классов внутри французского общества превратится в мировую войну между нациями. Разрешение начнется лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе нации, господствующей над мировым рынком, во главе Англии (Маркс и Энгельс, т. 7:80).

Наконец, в краткой заключительной главе третьего тома «Капитала» Маркс попытался выдвинуть концепцию классов: «...наемные рабочие, капиталисты и земельные собственники образуют три больших класса современного общества, покоящегося на капиталистическом способе производства». Он призывал к осторожности при стратификации классов, так как даже в высокоразвитой Англии «средние и переходные ступени везде затемняют строгие границы между классами» (Маркс и Энгельс, т. 25:II:457). Маркс признавал существование менее важных классов: врачи и бюрократы являются двумя разными классами. «То же было бы верно и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда среди рабочих, как и среди капиталистов и земельных собственников, — последние делятся, например, на владельцев виноградников, пахотной земли, лесов, рудников, рыбных угодий» (458). Эта ссылка Маркса на средние и переходные классы позднее привлекла внимание Никоса Пулантаса к классу новой мелкой буржуазии, а Эрика Олина Райта — к новому среднему классу.

Данный нами краткий обзор трудов Маркса о классах не ставит целью стать последним словом — или даже попыткой — воспроизвести теорию классов и классовой борьбы Маркса. Очевидно, однако, что классовая теория Маркса и его анализ классов не являются ни доктринерскими, ни детерминистскими и что он применял свои критерии осторожнее, чем многие из его последователей.

Вебер также выдвигал концепцию класса, особенно в книге «Хозяйство и общество», а при обсуждении вопроса о распределении власти в обществе делал акцент на классе.

Мы можем говорить о «классе», когда 1) группа людей имеет общий для них специфический каузальный компонент, обуславливающий их жизненные возможности, если этот компонент 2) представлен исключительно экономическими интересами к владению товарами и обладанию возможностями для получения дохода и 3) если этот интерес представлен на товарных или трудовых рынках (Weber, 1958a:181).

Веберовское упоминание о жизненных возможностях относится к «способу, с помощью которого контроль над материальной собственностью распределяется среди многих людей, встречающихся на рынке в условиях конкуренции с целью обмена» (Weber, 1958a:181). Обладание товарами и возможностями получения доходов предполагает владение собственностью или отсутствие такового. Для Маркса собственность или отсутствие собственности означали классовые отношения матери-

ального продуктивного базиса общества. Для Вебера они были лишь «основными категориями всех классовых ситуаций» (182). В конечном счете, говорил Вебер, классовая ситуация — это рыночная ситуация.

Вебера интересовало определение класса как экономически обусловленной концепции. Он предположил, что статусные группы также влияют на распределение власти в обществе, но в его определении понятия класса и статусной группы различаются.

В противоположность чисто экономически обусловленной «классовой ситуации» мы хотим назвать «статусной ситуацией» любую типичную часть жизненной судьбы людей, обусловленную конкретной — позитивной или негативной — социальной оценкой *чести*. Эта честь может быть связанной с любым качеством, разделяемым многими людьми, и, разумеется, встроенной в классовую ситуацию: классовые отличия увязываются самыми разнообразными способами со статусными отличиями... Однако статусная честь не обязательно сочетается с «классовой ситуацией» (Weber, 158a:187).

Все статусные группы существуют в рамках того, что, согласно Веберу, может быть названо экономическими классами. Эти более крупные классы четко не очерчены и не отражают высокой степени общности интересов, склонностей и привязанностей их членов. Каждый класс состоит из многих статусных групп, поэтому можно говорить о стратификации статусных групп внутри класса, иерархически расположенных в соответствии с относительными рыночными преимуществами. По мере изменения требований рынка отношения статусных групп внутри класса могут постоянно меняться. Некоторые рыночные изменения могут продвинуть одну статусную группу из низкого к более высокому классу. Соответственно значение ряда статусных групп может снижаться. Подобные рассуждения наводят на мысль, что люди более заинтересованы в благосостоянии своих статусных групп, чем в общем благосостоянии класса, к которому они номинально принадлежат. Это привело Вебера к отрицанию марксистского понятия классового сознания. Он полагал, что не существует достаточной степени общности интересов среди групп индивидов, составляющих то, что можно описать как категорию того или иного класса.

Однако постоянно изменяются не только мобильность статусных групп, но и судьбы индивидов внутри их. Здесь особую важность приобретают этика индивидуализма и достижения, присущие, по мнению Вебера, современной капиталистической демократии. Бла-

годаря силе таланта и инициативе индивид может перейти в более высокую статусную группу через обучение, профессиональные знания и изменения в образе жизни.

Рейнхард Бендикс (Vendix, 1974) синтезировал и интерпретировал эти положения, противопоставив позиции Вебера и Маркса. По его словам, Вебер был согласен с утверждениями Маркса о том, что владение собственностью и разделение труда являются основами для образования классов, но подход Вебера отличался от анализа Маркса по трем аспектам. Во-первых, если Маркс рассматривал класс как следствие взаимодействия производительных сил и производственных отношений, то Вебер считал класс идеальным типом. Во-вторых, Маркс выделил три крупных класса, существующих при капитализме (землевладельцев, капиталистов и рабочих), и отметил тенденцию к образованию двух противостоящих классов — буржуазии и пролетариата, тогда как Вебер прогнозировал большее разнообразие классовых ситуаций. В-третьих, Маркс, как исторический оптимист, был уверен, что классовое сознание объединит рабочий класс, превратив его в революционную силу, а Вебер полагал, что национализм, религиозные убеждения и этнические привязанности окажутся сильнее классового сознания и приведут к дроблению классов.

Во взглядах Маркса и Вебера на проблему классов очевидны и другие различия. Эшкрафт упомянул, что большая часть американских политических социологов приняла точку зрения Вебера о том, что критерием класса является доход, а эту позицию Маркс отвергал. Кроме того, Вебер рассматривал класс только как экономическую группу — отсюда его резкое разграничение между экономическим и социальным порядком. Позиция Вебера повлияла на его последователей: «Устраняя из понятия "класс" социальные отношения, которые Маркс включал в свое определение, Вебер открыл дверь для социологии, концептуально основанной на "безграничном рассредоточении интересов", концепции, которую, разумеется, по идеологическим причинам, всегда был готов принять либерализм» (Ashcraft, 1972:147).

Вопрос о том, кто из двух мыслителей оказывает большее влияние на наше понимание класса, поставил Эрик Олин Райт. Он отметил, что веберовцам легче, чем марксистам, вырабатывать концепцию класса, поскольку их подход не нужно связывать с абстрактным понятием способа производства; он не основан на модели антагонистических противоречий и не имеет дело с целой иерархией концептуальных элементов. Однако Райт решительно высказался за принятие марксистских теоретических рамок, что, по его мнению, ведет к пониманию широкомасштабных процессов социальных изменений

и предоставляет возможность использования конкретных концепций, избегая тем самым расплывчатых концептуальных детализаций, характерных для веберовского подхода.

Райт также рассмотрел вопрос об изменении формулировок марксизма, который широко обсуждался в Соединенных Штатах Америки и в Европе в 1990-х гг. и вызвал немало критических замечаний (Wright, Levine, and Sobeg, 1992). Некоторые ученые, например Вайскопф (Weisskopf, 1991), назвали это кризисом марксистской классовой теории. О кризисе заявил в 1977 г. Луи Альтюссер, признав бесперспективность собственной работы. Ранее Альтюссер способствовал появлению нового взгляда на марксизм и оказал существенное влияние на теорию и проведение исследований в социальных науках, что было блестяще продемонстрировано Грегори Эллиотом в его книге «Альтюссер: обходные пути в теории» (1987). О связи современных дискуссий с прошлыми марксистскими теоретическими идеями было прекрасно сказано Хауардом и Кингом (Howard and King, 1989 and 1992).

Разговоры, которые ведутся сегодня о кризисе марксизма, следует рассматривать в тесной связи с его происхождением и эволюцией. Шиманский (Szymanski, 1985) утверждал, что марксистская теория — это реакция на революционные стечения обстоятельств и конкретные противоречия общества. Развитие марксистской теории не происходило механически, согласно законам внутренней логики. Ортодоксальные понятия берут верх в периоды социально-политических кризисов; непредубежденность является более логичной в периоды стабильности и процветания. Шиманский считал, что развитие марксистской теории проходит через повторяющиеся четырехфазовые циклы: 1) период энергии или силы, спровоцированной кризисом в обществе, где существует потребность в выработке теорий общества, кризиса, борьбы и преобразований; 2) период формирования революционной и материалистической теории, включая создание теоретических трудов и организацию массовых движений; 3) период размыва революционных формулировок, отрыва теории от практики, практического реформизма в условиях процветания и стабильности; 4) период ревизионизма, когда отвергается исторический материализм, марксистская теория явно находится в состоянии кризиса, а массовые движения становятся весьма слабыми. Шиманский проследил этот цикл на примере шести периодов, каждый из которых начинался с революционных потрясений: к примеру, 1843—49 гг., когда зародился марксизм (труды Маркса и Энгельса) и произошли революции 1848—49 гг.; 1917—21 гг., когда революционный кризис охватил Россию и Веймарскую Германию; 1935—49 гг.,

когда на волне депрессии и военных потрясений произошло возрождение марксизма; 1967—70 гг., когда появились «новые левые», а мировым центром политической активности стал Париж.

Эти проявившиеся ранее тенденции свидетельствуют о возможности в скором времени эволюции от нынешнего реформистского и ревизионистского этапа к новому оживлению марксистской теоретической мысли. Фактически марксистская теория весьма ощутимо проявляет признаки жизни, хотя вряд ли новое мышление породит парадигматические альтернативы (Chilcote and Chilcote, 1992). Однако два политолога, Мэннинг Мэрэбл (Marable, 1991) и Виктор Уоллис (Wallis, 1991), разработали целый ряд тем, проблем и подходов для трансформации деятельности левых в Соединенных Штатах Америки.

Наконец, следует разобраться в том, способствует ли расстановка классовых сил теоретическим исследованиям в нужных направлениях, и если да, то классовая теория Маркса окажется полезной. Если, однако, мы увидим, что интерес к классам вносит путаницу, отвлекая внимание от ситуационной и институциональной природы власти в обществе по Веберу, то классовый анализ может быть отброшен. В сравнительной политологии в основном преобладает веберовская модель. Исследователи ориентируются не на классовый анализ, а на личностные и институциональные категории, характеризующие власть в различных странах.

В этой главе мы дали краткий обзор взглядов и убеждений двух классиков, теоретический вклад которых в современную сравнительную политологию очень велик. Мы рассмотрели их основные труды и теории и попытались продемонстрировать связь их идей с четырьмя субсферами, которые являются главным предметом исследования сравнительной политологии. В остальных главах достаточно глубоко будут проанализированы развитие и парадигматические направления научных исследований этих субсфер.

Литература

Althusser, Louis. 1970. *For Marx*. Translated by Ben Brewster. New York: Vintage Books. Эссе, первоначально опубликованные на французском языке в начале 1960-х гг. Автор подчеркивает научную природу поздних работ Маркса в отличие от идеологической ориентации его ранних произведений.

Aron, Raymond. 1964. *German Sociology*. Translated by Thomas Bottomore. New York: Free Press of Glencoe. Сравнение и противопоп-

ставление системной, исторической и интерпретативной школ немецкой социологии с акцентом на труды Опенгеймера и Вебера.

Ashcraft, Richard. 1972. «Marx and Weber on Liberalism as Bourgeois Ideology». *Comparative Studies in Society and History* 14 (March), 130—168. Противопоставляются теории Маркса и Вебера и отмечается, что «за их общим согласием считать либерализм буржуазной идеологией скрываются различия в исторической интерпретации, конфликтные концепции методологии и противоположные взгляды на социальную структуру».

Atkinson, Dick. 1972. *Orthodox Consensus and Radical Alternative: A Study in Sociological Theory*. New York: Basic Books. Интерпретативное и критическое рассмотрение идей и концепций Парсонса, Маркса и Вебера, а также их влияния на современных социологов. Поиски гибкой, но радикальной альтернативы.

Bendix, Reinhard. 1960. *Max Weber: An Intellectual Portrait*. Garden City, New York: Doubleday and Company. Глубокий анализ социально-политических проблем и интеллектуальных предпочтений, которыми руководствовался Вебер, создавая свои труды. Прагматическая идентификация важнейших социальных проблем в работах Вебера.

_____. 1974. «Inequality and Social Structure: A Comparison of Marx and Weber». *American Sociological Review* 44 (April), 149—161. Противопоставление марксистской оценки класса в организации производства веберовской концепции, основывающейся на статусных различиях и организованном коллективном действии.

Bendix, Reinhard, and Guenther Roth. 1971. *Scholarship and Partisanship: Essays on Max Weber*. Berkeley: University of California Press. Пересмотр ранее опубликованных эссе, критикующих общеполитологический и методологический вклад Вебера, а также определяющих его место в интеллектуальной и политической истории. В первой части исследуется его научная и политическая деятельность, во второй — анализируется господство и легитимность, в третьей — интеллектуальные влияния на его мировоззрение, особенно влияние Маркса.

Bottomore, Tom (ed.). 1983. *A Dictionary of Marxist Thought*. Oxford: Basil Blackwell. Важная работа для изучения марксизма, его происхождения и эволюции.

Chilcote, Ronald H., and Edward B. Chilcote. 1992. «The Crisis of Marxism». *Rethinking Marxism* 4 (Summer), 84—106. Критический анализ новых течений в марксизме, включая постмарксизм, аналитический марксизм и новый структурализм.

Cohen, Jere, Lawrence C. Hazelrigg, and Whitney Pope. 1975. «De-

Parsonizing Weber: A Critique of Parsons' Interpretation of Weber's Sociology». *American Sociological Review* 40 (April), 229—241. Критика интерпретации Толкоттом Парсонсом работ Вебера.

Colletti, Lucio. 1972. *From Rousseau to Lenin: Studies in Ideology and Society*. New York: Monthly Review Press. Очерки, переведенные Джоном Меррингтоном и Юдит Уайт. Для изучения марксизма более всего подходят разделы «Марксизм как социология» (3—44) и «Марксизм: наука или революция?» (229—236).

Fromm, Erich. 1961. *Marx's Concept of Man*. New York: Frederick Ungar Publishing. Издание содержит выполненный Т.Б. Боттомором перевод «Экономическо-философских рукописей» Маркса и вступительный очерк Фромма, демонстрирующий идейное единство ранних и поздних работ Маркса.

Garaudy, Roger. 1967. *Karl Marx: The Evolution of His Thought*. New York: International Publishers. Критический анализ эволюции идей Маркса, идентифицируется их преемственность и противоречивость.

Giddens, Anthony. 1971. *Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim, and Max Weber*. Cambridge: Cambridge University Press. Пересмотр трудов Маркса, Дюркгейма и Вебера в свете современной социологии.

_____. 1976. «Classical Social Theory and the Origins of Modern Sociology». *American Journal of Sociology* 81 (January), 703—729. Переоценка интерпретаций происхождения социологии с особым вниманием к Дюркгейму и Веберу, а также Марксу.

Hartsock, Nancy C.M. 1991. «Louis Althusser's Structural Marxism, Political Clarity and Theoretical Distortions». *Rethinking Marxism* 4 (Winter), 10—40. Автор говорит о том, «как неудачи марксизма на Западе вписываются в его теории и какие теоретические концепции предreshают новые возможности, интеллектуальные и политические» (11). Давая оценку структурному марксизму Альтюссера, Хартсок утверждает, что его работы представляют собой первый шаг на пути, по которому позднее пошли критикуемые ею идеологи постструктурализма.

Howard, M.C., and J.E. King. 1989 and 1992. *A History of Marxian Economics*. Princeton: Princeton University Press. 2 vols. Интеллектуальная история основных ответвлений в марксизме после Маркса; их связь с политикой, ранними марксистскими идеями и широкими интеллектуально-историческими течениями.

Lichtheim, George. 1961. *Marxism, An Historical and Critical Study*. New York: Frederick A. Praeger. Автор считает структуру Вебера совместимой с марксизмом.

Löwy, Michael. 1989. «Weber Against Marx? The Polemic with Historical Materialism in the Protestant Ethic». *Science and Society* 53 (Spring), 71—83. Исследования методологического различия теорий Маркса и Вебера, обычно опирающиеся на экономические критерии марксовского исторического материализма и его опровержение Вебером в связи с возобладанием на волне протестантской Реформации духа капитализма. В статье такой подход признается искажением истинного положения дел, увековеченным интерпретацией Толкотта Парсонса, и отмечается, что Вебер продемонстрировал «внутреннюю связь между двумя культурными структурами — протестантской этикой и духом капитализма, — оставив открытым вопрос о приоритете» (74).

McLellan, David. 1973. *Karl Marx: His Life and Thought*. New York: Harper and Row.

Marable, Manning. 1991. «Remaking American Marxism». *Monthly Review* 42 (January), 40—53. Реакция на появление новых форм марксизма и социализма у левых в Соединенных Штатах после крушения советской социалистической модели в Восточной Европе и поражения сандинистов на выборах 1990 г. в Никарагуа. Эти формы провозглашают возврат к домарксовским моделям социализма и поиски гуманизма, постмарксизм, а также радикальную демократическую теорию, представленную в трудах Самюэля Боулса и Герберта Пинтиса. По мнению автора, все эти формы затушевывают классовые противоречия. В книге говорится о необходимости переосмысления связей марксизма в первую очередь с предвыборной и партийной политикой.

Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. Сочинения, 2-е изд.

Marcuse, Herbert. 1968. *Negations: Essays in Critical Theory*. Boston: Beacon Press. Критика с марксистских позиций веберовской концепции индустриализации, капитализма и самосохранения; связь между этими категориями «объясняет страстную и... жесткую борьбу Макса Вебера с социалистами в 1918 году».

Mayer, Carl. 1975. «Max Weber's Interpretation of Karl Marx». *Social Research* 42 (Winter), 701—719. Сравнительный анализ трудов Вебера и Маркса с позиций немецкого критика.

Nicolaus, Martin. 1973. «Foreword». In *Karl Marx, Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy*, 7—63. New York: Vintage Books. Выступая в роли переводчика, Николаус говорит о значении этого произведения Маркса для понимания всего комплекса марксистских идей.

Ollman, Bertell. 1973. «Marxism and Political Science: Prolegomenon to a Debate of Marx's Methods». *Politics and Society* 3 (Summer), 491—510.

В статье анализируются причины неспособности школы марксистской политологии предложить свою методологию на основе марксовской теории государства и капитализма.

Parsons, Talcott. 1929. «'Capitalism' in Recent German Literature: Sombart and Weber». *Journal of Political Economy* 37 (February-December), 31—57. Парсонс анализирует веберовское опровержение марксизма.

Resch, Robert Paul. 1992. *Althusser and the Renewal of Marxist Political Theory*. Berkeley: University of California Press. Системная оценка структурного марксизма в трудах Альтюссера, Пулантца и др.

Ritzer, George. 1975. «Professionalization, Bureaucratization, and Rationalization: The Views of Max Weber». *Social Forces* 53 (June), 627—634. В статье анализируются взгляды Вебера на связь между профессионализацией, бюрократизацией и рационализацией.

Roth, Günther. 1965. «Political Critiques of Max Weber: Some Implications for Political Sociology». *American Sociological Review* 30 (April), 213—223. Обзор политической критики в адрес Вебера с позиций марксизма, фашизма и естественного права.

_____. 1969. «Max Weber's Empirical Sociology in Germany and the United States: Tensions Between Partisanship and Scholarship». *Central European History* 2 (September), 196—215. Оценка влияния Вебера и его идей на социологию в Германии и Соединенных Штатах.

Рязанов, Давид. 1979. Карл Маркс. Москва. Работа впервые опубликована в 1927 г. Прочитать ее полезно не только из интереса к фактам жизни и деятельности основателя марксизма, но и для ознакомления с марксистским подходом к изучению истории и созданию исторических произведений.

Schneider, Louis. 1971. «Max Weber: Wisdom and Science in Sociology». *Sociological Quarterly* 12 (Autumn), 462—472. В статье рассматривается диалектика Вебера, хотя он не был ни гегельянцем, ни марксистом. Анализ вклада Вебера в научную социологию и позволяет сделать вывод, что Вебер, по всей видимости, был склонен отойти от позитивистской парадигмы.

Sherman, Howard. 1976. «Dialectics as a Method». *Insurgent Sociologist* 6 (Summer), 57—66. О диалектике и ее использовании в практике социологии. Попытка вырвать диалектику из тисков вульгарных марксистов и опровергателей, рассматривающих диалектику как «бесполезную часть ненаучного багажа».

Szymanski, Al. 1985. «Crisis and Vitalization in Marxist Theory». *Science and Society* 49 (Fall), 315—331. Размышление над динамикой марксистской мысли в ходе исторических битв. Утверждается, что марксизм в своем взаимодействии с революционным движением

проходит ряд циклов, в ходе которых теория колеблется между ортодоксией и гибкими формулировками.

Thomas, Paul. 1976. «Marx and Science». *Political Studies* 24 (March), 1—23. Проводится мысль, что не Маркс, а его последователи начиная с Энгельса популяризировали термин «научный социализм» и что Маркса не следует причислять к тем, кто «выступал за распространение методов естественной науки на историю и общество».

Tiryakian, Edward A. 1975. «Neither Marx nor Durkheim... Perhaps Weber». *American Journal of Sociology* 81 (July), 1—33. Оценка применимости взглядов Маркса, Дюркгейма и Вебера к современному обществу, с особым акцентом на США. Автор приходит к выводу, что «интерпретация Вебером американского общества имеет огромную эвристическую ценность».

Wallis, Victor. 1991. «Marxism and the U.S. Left: Thoughts for the 1990s». *Monthly Review* 43 (June), 5—14. Доказывается релевантность марксизма и классового анализа.

Weber, Max. 1927. *General Economic History*. Translated by Frank H. Knight. Glencoe, Illinois: Free Press. Экономический анализ исторических периодов от античности до современности.

_____. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. Edited with and introduction by Talcott Parsons. New York: Oxford University Press. Reprinted by Free Press of Glencoe, 1964. Перевод работы Вебера «Хозяйство и общество», в которой рассматриваются концепции социологии, социологические категории экономических действий и типы господства.

_____. 1949. *The Methodology of the Social Sciences*. Translated and edited by Edward A. Shils and Henry A. Finch. New York: Free Press. Три важнейших методологических эссе Вебера: о значении «этического нейтралитета» в социологии и экономике; об объективности в социальной науке и социальной политике; о критических исследованиях в логике культурологии.

_____. 1958a. *From Max Weber: Essays in Sociology*. Translated and edited with an introduction by H. H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press. Эссе о науке и политике, власти, религии, социальных структурах, а также написанное переводчиками введение о жизни и мировоззрении Вебера.

_____. 1958b. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Translated by Talcott Parsons with a foreword by R. H. Tawney. New York: Charles Scribner's Sons. Историческая и социологическая интерпретация отношений между протестантством и капитализмом.

_____. 1962. *Basic Concepts in Sociology*. Translated with and intro-

duction by H.P. Secher. New York: Citadel Press. Труд более позднего периода и фрагментарная попытка систематизации концепций. Полезное, хотя и неполное изложение идей Вебера.

_____. 1965. *Politics as a Vocation*. Translation by H.H. Gerth and C. Wright Mills. Philadelphia: Fortress Press. Важная работа Вебера, определяющая различие между «этикой конечных целей» и «этикой ответственности». Даны дефиниции соответствующих ограничений политического руководства.

_____. 1967. *Max Weber on Law in Economy and Society*. Edited with introduction and annotations by Max Rheinstein; translated by Edward Shils. New York: Clarion Books, Simon and Schuster.

_____. 1968. *The Sociology of Religion*. Translated by Ephraim Fischhoff. Boston: Beacon Press. Более поздняя работа Вебера о религии с интересным аналитическим введением Толкотта Парсонса.

Weiskopf, Thomas E. 1991. «Marxian Crisis Theory and the Contradictions of Late Twentieth-Century Capitalism». *Rethinking Marxism* 4 (Winter), 79—93. Обзор Марксовой теории капиталистического кризиса в свете современной марксистской политической экономии.

Wright, Erik Olin, Andrew Levine, and Elliot Sober. 1992. *Reconstructing Marxism: Essays on Explanation and the Theory of History*. London: Verso. Автор выступает за реконструкцию марксизма в целях преодоления дезинтеграции теоретического единства классического марксизма.

Zeitlin, Irving. 1968. *Ideology and the Development of Sociological Theory*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. Попытка продемонстрировать, особенно в гл. 10, близость мышления Маркса и Вебера.

Часть третья
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

ТЕОРИИ СИСТЕМЫ И ГОСУДАРСТВА

Философы и социологи издавна привыкли соотносить некоторые концепции государства и системы со своими взглядами на политику. Вебер считал стабильность и порядок основополагающими признаками цивилизации в современном производственном обществе. Он утверждал, что исторические изменения происходят постепенно, и отмечал зависимость эволюционного прогресса от основополагающих условий каждого общества. А общества он классифицировал по системам господства: традиционного, харизматического и рационально-легального. Вебер также исследовал проблемы государства, его легитимности и осуществления власти путем применения силы и принуждения. Маркс полагал, что порядок и стабильность подрываются противоречиями, существующими в обществе. А общества он классифицировал в экономические системы по виду способа производства и производственных отношений, проявляющихся через общественные классы: феодалов, буржуазию и пролетариат. Изменения в экономическом базисе, обострение противоречий и последующая борьба классов по законам диалектики ведут к изменениям в обществе. В своей критике Гегеля и при изучении Франции середины XIX в. Маркс также обращал особое внимание на государство.

Исследователи, занимающиеся политической наукой, всегда проявляли интерес к государству: многие из них выступали в роли теоретиков государства. В этой связи необходимо упомянуть Аристотеля, Платона и Макиавелли, а из современных мыслителей — Грамши. В данной главе кратко описываются некоторые ранние труды в этой области, их влияние на сравнительную политологию, дается оценка различных теорий государства и утверждается, что государство — это действительно основная тема для политологии. Кроме того, в главе рассматриваются системные теории и прослеживается

как их влияние, так и причины, его ограничивающие. Теории системы и государства использовались представителями основного направления в сравнительной политологии, причем ученые всегда исследовали и находили альтернативы типичным для него подходам. В первую очередь внимание этой главы обращено на характер системы, а затем — на государство.

Системные теории основного направления политологии

Классические концепции разделяли общества на монархии, аристократии и демократии. Классификации последнего времени достаточно сложны и многообразны. Так, Габриэль Алмонд обогатил сравнительную политологию анализом англо-американской, континентальной, европейской, тоталитарной и доиндустриальной систем. Ф. Саттон разделял общества на сельскохозяйственные и промышленные системы. Джеймс Коулмен писал о конкурентных, полуконкурентных и авторитарных системах, а Дэвид Эптер различал в мире диктаторские, олигархические, косвенно представительные и непосредственно представительные системы. Фред У. Риггз в своем анализе систем выделял такие категории систем, как системы-сплавы, системы, функционирующие по типу призмы, и «преломляющие» системы. Ш.Н. Айзенштадт предложил всеохватывающую классификацию, включающую примитивные системы, патримониальные империи, кочевые или захватнические империи, города-государства, феодальные системы, централизованные бюрократические империи и современные системы; последние он, в свою очередь, подразделил на демократические, автократические, тоталитарные и слаборазвитые. Ленард Байндер различал три типа систем: традиционную, конвенциональную и рациональную. Эдвард Шилз писал о политических демократиях, покровительствующих демократиях, модернизирующихся олигархиях, тоталитарных олигархиях и традиционных олигархиях. Недавняя классификация Аренда Лейпхарта (Lijphart, 1984) была посвящена сопоставлению мажоритарных и консенсусных моделей демократии, при этом особое внимание было обращено на опыт двадцати двух демократических режимов.

Для этих и других авторов слово «система» может представлять такую же реальность, как законодательная власть, политическая партия или профсоюз, но, как правило, этот термин обозначает по-

нения «страна», «государство». Из вышесказанного ясно, что классификации систем весьма субъективны и оставляют простор для самых разных точек зрения и толкований. Современный мир стал еще сложнее благодаря появлению в нем большого числа новых стран, накоплению информации и сведений, развитию многих современных технологий. Ученые и социологи стараются как-то упорядочить эту сложную структуру, при этом они используют систему в качестве общей основы для анализа и синтеза.

Изучив политические системы разных стран, Габриэль Алмонд и Дж. Бингам Пауэлл-мл. (1966:217) создали эклектическую схему, основанную на ранних классификациях Аристотеля, Вебера, Айзенштадта, Шилза, Коулмена, Эптера и др.; эта схема предлагает типологию систем, соответствующих категориям примитивного, традиционного и современного. Примитивное ассоциируется с минимальной структурной дифференциацией и ограниченной культурой, а современное — с весьма существенной дифференциацией и высокой степенью секуляризации. На всем протяжении истории, начиная с времен античности, такое разнообразие национальных систем можно проиллюстрировать множеством примеров.

Антон Беблер и Джим Сароука (Bebler and Seroka, 1990) внесли свой вклад в выработку классификации. В работе, написанной в наши дни, они попытались решить проблему «дисциплинарной отсталости» и классифицировать политические системы. Они утверждали, что классификация полезна для сравнительной политологии и выработки теории, так как позволяет систематизировать наши взгляды на реальное положение дел и облегчает использование многочисленных концепций вместо единого метода. Системы они разделяли на демократические и авторитарные капиталистические системы, социалистические системы, системы «третьего мира», а также системы с институциональным доминированием.

Совершенно очевидно, что идея системы прочно укоренилась в социологической теории, и в первой части данной главы сильные и слабые стороны теории систем исследуются с достаточной степенью глубины. После ознакомления с некоторыми общими определениями системной терминологии, историей зарождения и направлением теории систем приводится анализ трех основных тенденций в литературе на эту тему. Влияние ранних трудов на каждую из этих тенденций связывается с современными разработками в сравнительной политологии, дается их критическая оценка. Наконец, в этой главе будут представлены некоторые точки зрения на теорию систем и ее полезность для сравнительных исследований.

К пониманию системной терминологии

Общество обычно считается всеохватывающим понятием, в рамках которого можно изучать системы. Таким образом, системы — это абстракции реально существующего общества. Любое общественное явление можно рассматривать как систему или системы. В реальности все общественные явления взаимосвязаны, хотя между ними могут быть обозначены границы, позволяющие выделить различные системы, например политические, экономические, социальные и культурно-психологические. Таким образом, исследователь абстрагирует из общества как целого некоторые элементы, которые кажутся более других соответствующими ситуации, и рассматривает эти элементы как систему. Обычно эти элементы существуют в концептуально измеримых количествах и как таковые носят название переменных. Те элементы, которые в отличие от переменных присутствуют постоянно в силу своей изолированности от общественных изменений, называются параметрами.

Когда мы говорим о политической, экономической, социальной или культурно-психологической системе, то имеем в виду все эти переменные, ассоциируемые с политической, экономической, социальной или культурно-психологической жизнью общества. Переменными любой системы являются структуры, функции, акторы, ценности, нормы, цели, входы, выходы, реакция и обратная связь. Значение каждой из этих категорий рассматривается ниже.

Происхождение и ориентиры теории систем

Повышенное внимание социологов к теории систем можно в значительной мере объяснить необходимостью делать верные прогнозы и тем самым иметь возможность изменять ситуацию к лучшему. Социологи как бы состязаются с классической Ньютоновой физикой в поисках общих законов, имеющих универсальное применение. Современные социологи стремятся выйти за рамки логического позитивизма Сен-Симона, Конта и других мыслителей, пытавшихся применить естественные науки к изучению социальной жизни. Однако в настоящее время в происхождении теории систем обнаруживается связь со многими науками, включая биологию, кибернетику и операционизм. Теория систем в политологии многим обязана исследованиям в области экономики, социологии и других общественных наук. История также оказывала на нее определенное влияние. Эти отрасли знаний кратко рассматриваются в данной главе с целью вы-

явить некоторые влияния и идеи, сформировавшие теорию систем и предвосхитившие её применение в современной сравнительной политологии (подробнее см: Lilienfeld, 1975).

Биология. В литературе по теории систем часто говорится о вкладе Людвиг фон Берталанфи (Bertalanffy, 1969) и других ученых, объединивших научные и философские идеи в концепции системы, которую они назвали теорией общих систем. Они основали Общество содействия исследованию общих систем, журнал «Бихевиорал сайенс» и начали издавать ежегодник. Их главная концепция разграничивала физику, занимающуюся закрытыми системами, изолированными от окружающей их среды, и биологию, имеющую дело с открытыми системами живых организмов и клеток. *Открытые системы* подразумевают, что в окружающей среде происходит обмен материи и энергии. Названная группа ученых стремилась применить к обществу концепцию открытой системы и объяснять природу истории человечества на основе законов, которые подходили бы для всех систем, включая систему живых организмов или общества. Цель теории общих систем заключается в интегрировании «различных наук, естественных и социальных», в развитии «объединяющих принципов» с помощью отдельных наук и в создании «точной теории в нефизических отраслях науки» (Bertalanffy, 1969:38).

Кибернетика. Кибернетика — это системное изучение связей и контроля в организациях любого рода. Развитие техники связи навело ученых на мысль применять ее в социальной области. Так, например, Норберт Винер (Wiener, 1961) установил, что работа машин может быть скорректирована и управляема с помощью информации в своего рода процессе обратной связи, подобном функционированию живых организмов. Винер не только провел аналогию между нервной системой и автономно функционирующей машиной, когда действия и той и другой управляются путем передачи информации, но и пришел к выводу, что коммуникационная сеть распространяется повсеместно, благодаря чему мировое сообщество может быть интегрировано в единое органическое целое. Он считал свою концепцию кибернетического контроля с помощью обратной связи моделью для легитимации государственных действий (Wiener, 1954).

Операционизм и системный анализ. Операционные исследования явились результатом попыток применить системный подход к использованию радарных установок в период Второй мировой войны. С их помощью предсказывали исход военных операций на основе конструктивных особенностей оружия и тактико-стратегических действий. Операционные исследования были направлены

на создание системы с минимальными потерями ресурсов. Статистические и количественные методики военного времени позднее стали использоваться в таких областях, как нефтяная, химическая промышленность и электроника. Начало нового направления исследований связано с созданием в 1975 г. Международной федерации обществ операционных исследований. Вскоре после этого операционные исследования нашли применение в решении социальных проблем, в первую очередь образования, городских проблем, здравоохранения. С переходом от военного к гражданскому применению операционные исследования в итоге стали называться системным анализом.

Социальные науки. Из социальных наук первой внесла вклад в теорию систем экономика. Хотя в решениях экономических проблем в настоящее время преобладают меры частичного характера, направленные на увеличение прибыльности, для определения линейной причинно-следственной связи давно используются эконометрические методики. Однако эти методики все более ограничиваются механистическими системами, которые не объясняют процессы изменений и теряют связь с социальной реальностью.

В последние годы компьютерное моделирование стало активно заменять эконометрические методики. Например, компьютеры обязательно используются при анализе информации на входе и выходе — анализе, который развил Василий Леонтьев, стремившийся исследовать связи между всеми частями экономической системы. Такой анализ использовался в бывшем Советском Союзе для планирования на национальном уровне. Анализ информации на входе и выходе, как правило, статичен по своей природе и потому ограничен короткими временными рамками. Анализ входа и выхода в политологии обычно применялся при качественных, а не количественных исследованиях.

Теория игр и формальное моделирование стимулировали математическое объяснение стратегий, особенно в области маркетинга и рекламы коммерческих предприятий. Теория игр оказала воздействие на экономику и широко применялась в политологическом анализе международных конфронтаций и предвыборных стратегий. Фактически теория игр использовалась политологами при испытании и применении теории рационального выбора. Согласно этой теории, структурные общественные принуждения далеко не всегда определяют действия индивидов, и, вероятно, индивиды стремятся избирать те действия, которые позволяют им достичь наилучших результатов. Политологи особо подчеркивают отношения сотрудниче-

ства и конкуренции при ведении переговоров («торга») с союзниками или противниками. Их внимание к этой теме сопоставимо с интересом, который экономисты проявляют к обмену, особенно с помощью механизма рыночной конкуренции.

Сделав акцент на системном прогнозировании, Янч (Jantsch, 1972) выявил ряд тенденций, обозначившихся в других социальных науках. В отношении социологии он писал о «способах руководства человеческой мыслью при помощи системного метода» и упоминал о создании сценариев, об играх, исторических аналогиях и другого рода технологиях. В том, что касалось политологов, он ссылаясь на «сориентированную на получение результата структуру стратегического планирования», известную как Система бюджетного планирования по программам (Planning-Programming-Budgeting System), применяемая правительствами США и других стран. В отношении городского и регионального планирования Янч подчеркивал важность компьютерных моделей «исследовательского взаимодействия человека и техники», а также экологического моделирования.

Мы видели, что теория систем в сравнительной политологии зародилась в физических, биологических и социальных схемах. Мы рассмотрели тенденции в биологии, кибернетике, а также в операционных исследованиях и системном анализе. Мы определили влияние социальных наук. Мексиканский политолог Пабло Гонсалес Казанова (González Casanova, 1973) писал о двух типах системных исследований. Первый восходит к позитивизму XIX в. и в настоящее время может быть назван функционализмом (его главным теоретиком является Талкотт Парсонс). Второй тип, известный под названием системного анализа, обращает особое внимание на проблемы принятия решений и после Второй мировой войны использовал операционные исследования и математические методы. При определенных условиях оба типа системного изучения приводят к самоограничению и саморазрушению. Гонсалес Казанова изучал историю изменений в современных системах. Его акцент на истории позволил ему совершенно новым образом интерпретировать функционализм и системный анализ.

Определение этих дихотомий, вероятно, поможет обозначить основные тенденции в литературе по теории систем. И все же необходимо продолжать обсуждение этих вопросов. Осуществленный нами синтез литературы по теории систем ставит целью достижение ясности и понимания; в данной главе подчеркнем три тенденции.

Одна из них называется иногда большой теорией и является неисторической по своей ориентации. Она основана на принципах есте-

ственных наук и физики, и ее наивысшим достижением стали исследования в политологии Дэвида Истона, оказавшие особенное влияние на таких специалистов в области сравнительной и международной политологии, как Карл Дойч, Мортон Каплан и Герберт Спайро.

Вторая тенденция называется структурным функционализмом и стремится к целостности, но склонна к неисторическому анализу и анализу среднего уровня. Она прочно связана с двумя академическими традициями, представленными трудами антропологов Малиновского, Радклифф-Брауна и социолога Парсонса, а также с исследованиями политологов Артура Бентли и Дэвида Трумэна. Плодотворное объединение обеих традиций можно обнаружить в научной деятельности Габриэля Алмонда, оно оказывает значительное воздействие на современную сравнительную политологию.

Третья тенденция в литературе по теории систем — это альтернативное марксистское понимание теории систем, ориентированное на создание глобальной теории, а также стремящееся к историческому и целостному синтезу. Ниже будет дана критическая интерпретация теории основного направления политологии, а также ортодоксально-марксистских, независимо-радикальных и марксистских ориентаций в литературе о системах.

Системы как органические и — психологические конструкции: Дэвид Истон — и общая теория систем

Прошло уже немало времени, и в жизнь успело вступить новое поколение, с тех пор как Карл Маннгейм (Mannheim, 1957) занялся «системной социологией», предложив читателю введение в изучение общества. Вслед за этим о «системной политологии» написал Чарльз Э. Мерриам. Мерриам многое заимствовал из других дисциплин. Он исследовал модели действий учреждений, изучая биологию, социологию, антропологию, экономику, философию и другие науки. Руководствуясь «разумом, размышлениями и экспериментом», он пытался использовать «как естественноисторический, так и рационалистический подход». По признанию Мерриама, его очень интересовал «эволюционный аспект политических усилий и достижений». Поэтому он рассматривал жизненный цикл каждого анализируемого им явления, включая государство и политику, как часть «созидательной эволюции, в ходе которой тип и ценности видов постоянно возрастают в своих масштабах» (Merriam, 1966:ix).

Эти традиционные поиски интерпретации общества с позиций системной социологии были продолжены Дэвидом Истоном, применившим общую теорию систем к политике. Ниже дается краткий обзор методологических разработок Истона. Он включает в себя, во-первых, синтез его основополагающих идей; во-вторых, историю идей и влияний, под воздействием которых они сформировались; в-третьих, анализ некоторых последующих попыток применения идей Истона; в-четвертых, критический анализ интерпретаций Истона.

Структурная система Истона

Попытки Дэвида Истона создать эмпирически ориентированную политическую теорию прошли три этапа, каждый из которых ознаменовался крупным исследованием, суммирующим выводы ученого. В первом таком труде — «Политическая система» (Easton, 1953) — утверждалась необходимость выработки общей теории политологии. Во втором — «Концептуальная структура для политического анализа» (Easton, 1965a) — были выдвинуты основные концепции развития общей теории. В третьем — «Системный анализ политической жизни» (Easton, 1965b) — Истон попытался углубить эти концепции в надежде, что впоследствии они могут стать эмпирически применимыми; действительно, позднее Истон попробовал дать эмпирическое обоснование своей теории, исследуя вопрос о том, каким образом и когда в американской политической системе возникла поддержка политической власти в США американскими детьми. Ниже приводится краткий обзор основных трудов Истона по политической теории, при этом суммируются основные идеи каждого из них.

Первоначально Истон утверждал, что научное знание является теоретическим и основано на фактах, но факты сами по себе не объясняют событий и должны быть так или иначе систематизированы. Кроме того, изучение политической жизни ориентировано прежде всего на знакомство с политической системой в целом, а не на решение конкретных проблем. Теория должна сочетаться с надежным знанием и эмпирическими данными: психологическими о личностях и мотивациях действующих лиц и ситуационными, сформированными благодаря воздействию социальной среды. В политической жизни отсутствует равновесие, и это состояние предполагает не только изменения или конфликт, но и тенденцию, противостоящую равновесию, предусматривающую возможность обычного исхода. Этот исход сравнивают с тем, что происходит в действительности, и различия могут быть объяснены.

Таким образом, теоретические усилия Истона были направлены на выработку общей структуры с акцентом на всей системе, а не только на ее частях, на определение влияния социальной среды на систему и признание различий между политической жизнью в состоянии равновесия и в условиях его нарушения. Истон отвергал концепцию государства, указывая на путаницу и множественность значений; по его мнению, система позволяет выступать с ясной концептуализацией. Точно так же власть рассматривается лишь как одна из многих важных концепций, пригодных для изучения политической жизни. Власть, однако, связана с формированием авторитетной политики и проведением ее в обществе. Власть основана на способности влиять на действия других людей, а контроль над тем, как другие действуют и осуществляют решения, определяет политику. Таким образом, политика «состоит из сети решений и действий, при помощи которых распределяются ценности» (Easton, 1953:130). Концепции власти, принятия решений, авторитета и политики играют важную роль в оценке Истоном политической жизни как авторитетного распределения ценностей в обществе.

Установив необходимость системной теории, Истон позднее (Easton, 1957), в попытке выработать основные постулаты общей политической теории, выявил некоторые характерные черты политических систем. Такими явились: 1) идентифицирующие качества в виде составных единиц и границ, 2) входы и выходы, 3) дифференциация внутри системы, 4) интеграция внутри системы. Каждый признак был описан и проиллюстрирован с помощью «примитивной» схемы, которая ныне известна каждому изучающему политологию и воспроизводится ниже (схема 5.1).

Из схемы следует, что использование системы в аналитических целях позволяет отделить политическую жизнь от остальных реалий общества, которые Истон назвал средой. Это отделение обозначено как граница. Например, политическая система определяется действиями, относящимися к «обязательным решениям» общества. Единицами политической системы являются «политические действия». Входы в форме требований и поддержек питают политическую систему. Требования возникают либо в среде, либо внутри самой системы. Независимо от того, стимулируются они извне или изнутри, требования становятся темами для обсуждений и принятия решений. Поддержки — это «действия или ориентации, способствующие и противостоящие политической системе» (Easton, 1957:390). Выходы принимают в политической системе формы решений и политических действий, которые по закону обратной связи влияют на среду. Они удовлетворяют потребности некоторых членов системы и тем самым обеспечивают ей под-

держку. Но возможны и негативные воздействия, в результате которых возникают новые требования к системе.

СХЕМА 5.1
Политическая система Истона

Перепечатано с разрешения издательства «Юниверсити оф Чикаго пресс» из книги Дэвида Истона «Концептуальная структура для политического анализа».

Во второй своей книге Истон выдвинул интегрированный набор категорий. По существу, в этом исследовании развивается предыдущая схема Истона и повторяются некоторые утверждения, относящиеся к системе, среде, реагированию и обратной связи. Общество как суперсистема является самой вместительной социальной системой с наиболее широким охватом. Следовательно, политическая система — это «набор взаимодействий, представляющий собой выжимку из всего комплекса социального поведения, с его помощью упорядочивается в обществе распределение ценностей» (Easton, 1965a:57). Истон писал о закрытых и открытых системах. Он считал, что политическая жизнь формирует открытую систему, подверженную влиянию среды. Границы отличают политические системы от других систем и позволяют обозначить, что включать и что не включать в исследование.

Выдвинув аргументы в пользу общей теории и предложив концепции и диаграммы, Истон, затем попытался выработать параметры общей теории (Easton, 1965b). Он продолжал рассматривать политическую жизнь в качестве открытой системы, подверженной раз-

ностороннему давлению социальной среды. Истон полагал, что при угрозе давления политическая система оказывает сопротивление, и углубился в объяснения того, почему системы не рушатся в частых или постоянных кризисах. Его задача заключалась в том, чтобы в процессе создания теории сформулировать ряд обобщений, однако он был вынужден признать, что разработка теории не была доведена им до конца. Это было оставлено на будущее. В более поздней работе (Easton, 1990) Истон подтвердил свою веру в политическую систему и расширил свою аргументацию, сосредоточив основное внимание на структуре как жизненно важном элементе политического анализа. Таким образом, на третьем этапе Истон занялся широкой концептуальной структурой и в целом преуспел в ее разработке. Он надеялся создать базу для эмпирического исследования.

На этом этапе Истон рассмотрел и проанализировал основные категории своей системы, тщательно исследовал требования на входах, затем обратился к поддержкам на входах, определил реакции на давление, оказываемое при поддержке системы, и обсудил выходы в качестве регуляторов конкретной поддержки. Его диаграммы стали более сложными, однако основная направленность осталась прежней.

Происхождение идей и влияний, сформировавших интерпретацию Истона

Хотя Истон намеревался сформулировать системную теорию, применимую ко всем социальным наукам, фактически его усилия имели источником лишь саму политологию. Он признавал, что стимулом для его разработок послужила технологическая и теоретическая революция в политологии, наиболее ярко отразившаяся в исследованиях Чарльза Мерриама, Джорджа Кэтлина, Гарольда Лассуэлла и др. (Easton, 1965b: 19—22). Истон понимал, что интерес к правовым и официальным институтам вышел из моды и политология должна выдвигать теории, относящиеся к политической системе и ее процессам, а не только к государству и его институтам. Кроме того, он считал, что большая теория преодолеет ограничения работ среднего уровня, темами которых были партии и группы давления.

На позицию Истона оказали влияние источники, находившиеся вне политологии. Во-первых, следует назвать теорию социальной деятельности Толкотта Парсонса, разработанную под влиянием Макса Вебера и оказавшуюся полезной для разработки макротеории. Однако Парсонс достаточно скептически относился к утверждению о применимости политической теории для объяснения социальных систем. Взгляды

Истона и Парсонса на принципы классического либерализма не совпадали; если, например, понимание Парсонсом способности и всеобщей поддержки «совместимо» с концепциями равенства и консенсуса классического либерализма, то исходящие от Истона «высказывания об уровнях рассредоточенной поддержки и системной прочности не соответствуют либеральным представлениям» (Lewis, 1974:683). Во-вторых, Истон заимствовал концепцию функций из антропологии и социологии; время от времени он ссылался на антропологов Радклифф-Брауна и Малиновского, а также на социологов Мертон и Леви. В-третьих, первостепенное внимание, уделявшееся Истоном решениям и выбору, свидетельствовало о его увлечении социальной психологией и стало частью его структуры политического анализа. В-четвертых, он находился под влиянием макроэкономических концепций, и это проявилось в том, что его понимание аллокации было сходно с «теориями распределения дохода и аллокации ресурсов в экономике, особенно с неоклассической теорией» (W. Mitchell, 1961:79). Сорзано сравнивал подход Истона с моделью классической экономики Адама Смита: «Модель Истона и традиционный экономический подход роднят не только понятия системы и входа-выхода, но также и понятия дефицита, аллокации, конкуренции, максимизации, гомеостатического равновесия, функциональной взаимозависимости, саморегулирования, стремления к цели и обратной связи» (Sorzano, 1975:91). В-пятых, истоновская концепция системы многое заимствовала из физики и наук о жизни: «Подобно тому, как мы можем иметь общую теорию движения в физике или общественную теорию жизни в биологии, нам нужна общая теория жизненно важных процессов в политологии» (Easton, 1965b:14).

Что бы ни влияло на его научную работу, Истон, несомненно, принадлежал к основному направлению общей теории систем, которую он применил к политологии. В антропологии и социологии заметно, хотя и не слишком отчетливо, влияние функционалистов, зато аналогия с неоклассической экономической теорией прослеживается явно, а связи с физикой и науками о жизни совершенно очевидны. Таким образом, Истон присоединился к междисциплинарной тенденции к пониманию «всей» системы и внес свой вклад в создание парадигмы в том смысле, какой ему придавал Томас Кун.

Критика структуры Истона

Благодаря исследованиям Истона политологи почувствовали необходимость комплексного анализа политической жизни. Следует заметить, что Истон разделял позиции многих мыслителей бихевиорист-

ского направления. Подобно им, он отрицал традиционные концепции государства и власти и широко использовал категории входа, выхода и обратной связи, а также стремился к созданию теории. Его структура, однако, вызвала целый ряд критических замечаний.

Во-первых, возражения касались его сосредоточенности на разъясняющих и упрощающих концепциях, связанных с чрезмерным вниманием к стабильности, поддержанию существующего положения вещей, постоянству и равновесию, то есть с тенденцией, заимствованной из биологии. Например, Истон называл «авторитетные аллокации ценностей» «жизненными процессами» политической системы. Однако эта мысль способна привести «к ошибке в формулировании основ для построения утверждений, адекватных политологической теории» (W. Mitchel, 1961:82). В частности, Истон не смог дать объяснения конкретных изменений: «Ни в коем случае мы не можем считать теорию Истона теорией политических изменений, теорией, которая давала бы ответы на вопросы о том, почему происходят те или иные конкретные политические изменения» (Thorson, 1970:67). Его абстракции способны привести к ошибочным представлениям о реальных ситуациях и людях (E. Miller, 1971:233). Так, чрезмерное внимание к требованиям групп интересов к государству может лишь затушевывать вопрос о власти, тогда как на деле требования государства и правящих классов к народу могут быть гораздо важнее.

Во-вторых, Истон сделал ряд обобщений, однако его структура не привела к появлению почти никаких гипотез, поддающихся проверке. Его идеи оказали воздействие на изучение политики, но для сравнительной политологии в них не хватало учета эмпирических последствий. Критики выделили ряд нерешенных проблем. Так, Эстин (Astin, 1972) считал, что структура Истона включает два несовместимых друг с другом подхода. Один из них — механистический, заимствованный у Ньютона; другой — органический, или виталистический, основанный на когда-то господствовавшем в биологии мнении, ныне не разделяемом большинством современных биологов. Эстин уподобил эту ситуацию «слишком долгому пребыванию некоего плавающего предмета в орбите механизма, и в результате создалось впечатление, будто Истон, несмотря на виталистическое происхождение своих идей, пользуется терминологией, характерной для анализа причинно-следственной связи» (1972:735). Торсон еще более убедительно отбрасывал любые иллюзии, будто концепция Истона открывала операционные возможности: «Истон убеждает нас в том, в чем ни один критик... не смог бы нас убедить, а именно что вся затея бессмысленна» (Thorson, 1970:70—71).

В-третьих, проблему создают идеологические основы концепции Истона. По мнению Юджина Миллера (E. Miller, 1971), в первых своих работах Истон (Easton, 1950) был озабочен интеллектуальным кризисом и неизбежным ослаблением позиций демократического либерализма. В тот период Истон низводил политологию до положения прикладной науки или реформируемой дисциплины и обвинял ценностную теорию историзма в искусственном обеднении политической теории. Одновременно он выступал и против веберовского идеала социологии, свободной от ценностей. В своей работе, написанной в 1953 г., Истон уделил особое внимание науке и теории причинной обусловленности и проявил оптимизм в отношении перспектив истинно «научной» политологии. В 1969 г., обращаясь к Американской ассоциации политических наук, Истон вновь подчеркнул особое значение прикладных исследований и ценностных критериев исследования. Оценивая ситуацию, Миллер пришел к выводу, что Истон не смог определить «предмет политического исследования». Миллер усомнился в том, что предметом изучения системного анализа, как своего рода политической биологии, становятся вопросы, которые, собственно говоря, являются по своей природе политическими» (E. Miller, 1971:234).

Размышляя над проблемой политической системы, Теодор Дж. Лоу заметил: «Это было все, и поэтому ничего. Необходимо наконец отметить, что, когда Истон и истонианцы превратились в эмпириков в контексте систем, они буквально вышли за рамки политической системы вообще и стали изучать политическую социализацию» (см. возражение в: Almond, 1988:888). Подвергнув резкой критике системный анализ, Баруах (Baruah, 1987) проанализировал перемены во взглядах Истона более позднего периода (Easton, 1981), особенно его оценку теории государства в трудах Пулантцаса, которую Истон в итоге отверг, сохранив первостепенное внимание к системе. Краткое столкновение с Пулантцасом позволило Истону обратиться к альтернативным идеям в этой области, как бы предвосхищая тем самым будущую критику, пусть даже он потом и утверждал, что системная теория пригодна для политологии.

Такая критика впоследствии заставила многих специалистов пересмотреть понятие политической системы как теории рационального выбора. Уильям Митчелл высказался об этом следующим образом: «Подобно тому, как экономические системы находят “решения”... проблем, так и политические решения со временем находят решения или создают выбор» (W. Mitchell, 1969:103—104). Соответственно модели и теории рационального выбора стали предлагаться

в качестве альтернативных объяснений функциональных или структурно-функциональных теорий.

Теория рационального выбора охватывает много социологических подходов, и ей следуют многие мыслители. Ее основное направление формировалось в трудах Энтони Даунса «Экономическая теория демократии» (1957), Джеймса Бьюкенена и Гордона Таллока «Исчисление согласия» (1962) и Уильяма Райкера «Теория коалиции» (1962). Позже появилась альтернативная теория, разрабатывавшаяся Робертом Бейтсом, Джоном Элстером, Барри Хайндессом и другими исследователями, идеи и теории которых оказали воздействие на формирование и развитие политологии (подробнее об этом см. в Главе 6). Теория рационального выбора — это нормативная теория, рассматривающая поведение людей и утверждающая, что все индивиды руководствуются в выборе и действиях рациональными соображениями. Теория игр может изучать логику выбора и его последствия в рамках, ограниченных правилами игры. Однако этот подход неизбежно вызывает осложнения, когда поведение отдельных участников проектируется на общество в целом или когда модели, сконцентрированные на основе очень ограниченных критериев, используются для прогнозирования и объяснения поведения реальных лиц в сложных ситуациях. Для преодоления этих и других проблем теории рационального выбора — особенно в политологии и социологии — стали обращать основное внимание на культуру, историю и институты, то есть на контекст, в котором делается выбор.

Система как структура и функция:

Габриэль Алмонд и его предшественники

Находившийся под влиянием трудов системных аналитиков в естественных и социальных науках, Дэвид Истон добился успеха во внедрении в политологию определения системы. В 1956 г., через три года после того, как Истон опубликовал свою первую работу о политической системе, Габриэль Алмонд применил простую типологию к национальным политическим системам. Совместно с другими специалистами по сравнительной политологии Алмонд предложил новую формулировку, используя политическую систему в качестве основы и обратившись к набору концепций, связанных со структурой и функцией. Формулировка Алмонда своим происхождением обязана тем же факторам, что воздействовали на Истона. Однако она не вписалась в большую теорию, ограничившись среднеуровне-

выми темами. Таким образом, она развивалась параллельно с теорией Истона, хотя в конечном счете ее воздействие на сравнительную политологию было значительно сильнее.

В данном разделе рассматриваются основные положения формулировки Алмонда, а также анализируется использование в его трудах концепции системы. Кроме того, выявляются различные факторы, повлиявшие на его идеи, и наконец подытоживаются критические замечания в адрес структурного функционализма и дается оценка его значения для сравнительной политологии.

Формулировка Алмонда

Развитие концепции политической системы Алмонда прошло через ряд этапов. Сначала, на первом этапе, его типология политической системы заимствовала у Истона отношение к системе как к «широкой концепции, в которую входят все действия одного порядка, связанные с принятием политических решений» (Almond, 1956:393). Согласно Алмонду, под системой следует понимать «тотальность», взаимодействие между единицами внутри тотальности, а также стабильность в этом взаимодействии, которую он называл «изменяющимся равновесием». Алмонд, кроме того, при рассмотрении политических систем действия во многом опирался на труды Макса Вебера и Толкотта Парсонса. Вместо того чтобы сосредоточить внимание на таких концепциях, как институт, организация или группа, Алмонд обратился к изучению ролей и структур. Под ролями он понимал взаимодействующие единицы политической системы, под структурами — модели взаимодействия. Он также ввел концепцию политической культуры, которая, по его мнению, встроена в конкретную модель ориентаций на политическое действие, и эти модели обычно выходят за пределы границ политической системы.

Второй этап включал в себя разработку целого ряда структур и функций. Тем самым Алмонд пытался избежать формальностей со стороны правительственных институтов в сферах, где обычно происходят изменения. Во введении к коллективной работе, которую он редактировал совместно с Джеймсом Коулменом (Almond, 1960), Алмонд по-новому сформулировал основные концепции сравнительной политологии. Категории государства, а также правового и институционального аппарата, используемые традиционными политологами, были заменены политической системой. Место власти заняла функция, место учреждения — роль, место института — структура. Алмонду нужны были эти категории для доказательства

того, что политические системы (передовые и отсталые страны) имеют общие характеристики: у всех политических систем есть политические структуры; во всех политических системах осуществляются одни и те же функции; вся политическая структура многофункциональна; и все политические системы являются с точки зрения культуры смешанными. Алмонд включил сюда также истонианскую структуру входов, выходов и обратной связи, но, считая ее ограниченной, разработал собственные функциональные категории, подразделив их на четыре преобразовательных действия на входе системы (политическая социализация и мобилизация, формулирование интересов, объединение интересов и политическая коммуникация) и три — на выходе системы (нормотворчество, применение норм и правил, контроль за их соблюдением). Преобразовательными действиями на выходе были названы государственные функции, соответствующие традиционному использованию власти тремя ее ветвями, — категории, сделавшие его схему односторонней, так как они отражали американские и западноевропейские представления о западных правительствах. По мнению Алмонда, преобразовательные действия на входе были особенно полезны при характеристике политических систем развивающихся регионов. Политическая социализация, например, побуждает людей принимать участие в политической культуре общества. Формулирование интересов — это выражение политических интересов и призыва к действию. Объединение интересов — сочетание этих интересов и требований, формулируемых политическими партиями и группами интересов. Все эти функции осуществляются с помощью политической коммуникации.

Третий этап заключался в уточнениях и доработке Алмондом (Almond, 1965) его более ранней схемы; он отражен в книге, широко используемой специалистами в сравнительной политологии (Almond and Powell, 1966). Состоящая из шести частей классификация, включавшая три первоначальных преобразовательных действия на выходе (государственные функции) и три из первоначальных четырех на входе (формулирование интересов, объединение интересов и политическая коммуникация), была встроена в конверсионные процессы, которые допускают преобразование 1) требований и поддержек, вливающих в политическую систему, и 2) выходов в виде экстракционной, регулирующей и дистрибутивной способностей, вытекающих из политической системы, как это видно на схеме 5.2. Такой пересмотр формулировки был реакцией на критику предыдущих работ Алмонда. Теперь им делался акцент не на «гармонии», а на «взаимозависимости», он хотел продемонстрировать, что его под-

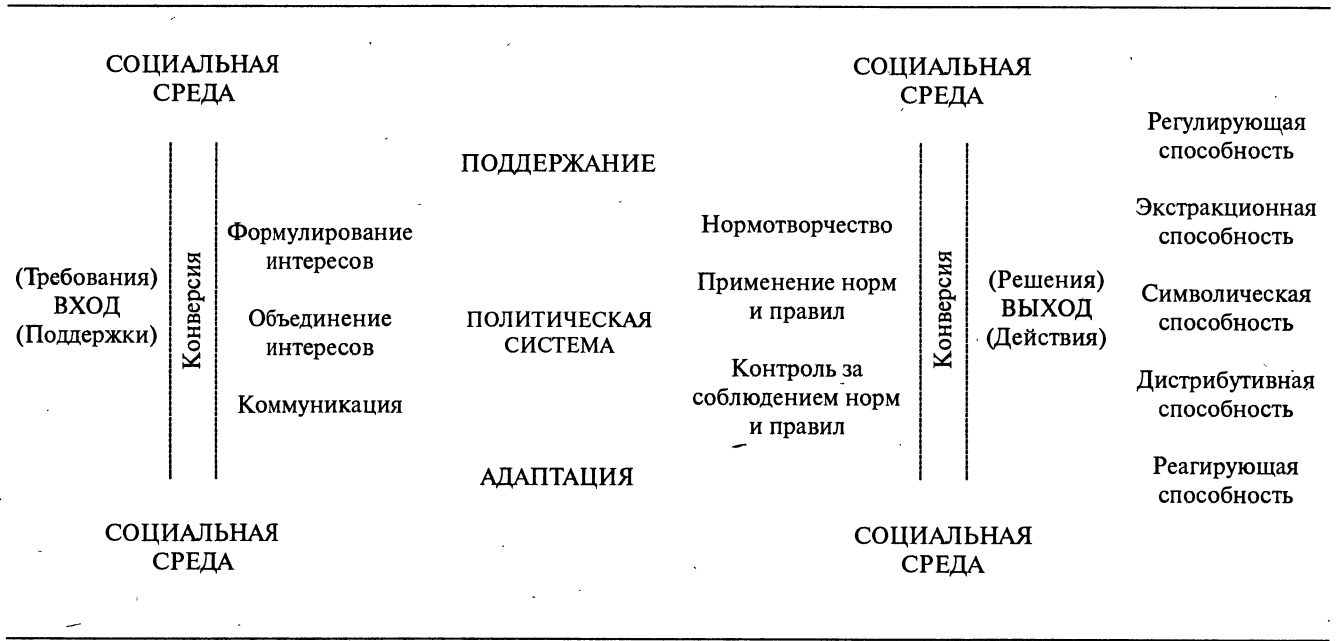
ход не являлся ни статичным, ни консервативным благодаря особому вниманию к равновесию или гармонии частей. Кроме того, Алмонд старался показать, что его подход динамичен, поскольку в нем исследовались «развивающиеся модели». То есть Алмонд давал понять, что он учел обширную литературу о политическом развитии, опубликованную в 1960-х гг. К тому же он стремился к целостной, а не к частичной теории (Almond, 1966:13—14).

В 1980-х гг. Алмонд, защищаясь от критики, сделал обзор последней на тот момент литературы по государству, теории зависимости и другим темам. Иными словами, он систематизировал исследования своих оппонентов в эссе, собранных в книге «Разделенная дисциплина» (1990). Эти эссе представляли собой не только тщательный анализ литературы по политологии, но и явились громогласным подтверждением его ранних трудов, а в ряде случаев и полемическим ответом критикам.

Выступая в 1969 г. перед Американской ассоциацией политических наук, Истон пересмотрел свои ранние взгляды. Примерно в то же время Алмонд также сделал обзор своих трудов (Almond, 1969—70). Не поддаваясь настроению «разочарования», охватившего сравнительную политологию, он с похвалой отозвался о впечатляющих достижениях двух предшествующих десятилетий и выразил уверенность в перспективности системного подхода к изучению политики. В попытке противостоять «контрпродуктивной полемике» конца 1960-х гг. Алмонд предложил исследовательский замысел, который «смог бы несколько приблизить нас к системному использованию исторического опыта с применением каузальной схемы, сочетающей системно-функциональный анализ, агрегатно-количественный анализ и анализ рационального выбора в соответствующие моменты при объяснении эпизодов развития» (1969—70:28). По сути, это была попытка Алмонда сохранить свой структурно-функциональный подход и совместить его с другими подходами для эмпирической оценки конкретных исторических эпизодов и придания актуальности собственной теории.

Структурный функционализм способствовал соединению всех социальных явлений в целостную систему мышления и обновлению взглядов на концепции системы в тот момент, когда социологи заинтересовались анализом индивидуального поведения людей. Такие взгляды содержались в трудах антропологов Радклифф-Брауна и Малиновского, социолога Парсонса и его последователей Леви и Мертона. Они оказали влияние на современных ученых-политологов, в первую очередь на Уильяма Митчелла (W. Mitchell, 1958),

СХЕМА 5.2
Политическая система Алмонда и ее функциональные уровни

Алмонда, а также на многих специалистов в области сравнительной политологии, занимавшихся проблемами макроструктурного функционализма. На Алмонда оказали также влияние традиции плюрализма и либерализма, восходящие к сборнику «Федералист» и воспринятые современной политологией благодаря выдающимся работам Артура Бентли, Дэвида Трумэна и Роберта Даля. Следует отметить, что их внимание к плюрализму интересов внутри системы может быть названо характерным образцом микроструктурного функционализма. Ниже следует краткий обзор этих двух видов структурного функционализма.

Идеи, оказавшие влияние на Алмонда

Макроструктурный функционализм, или большая теория

Алмонд рассматривал систему как взаимозависимость частей, входов и выходов, границ и социальной среды, то есть всех аспектов истонианской структуры. Для концептуального понятия «политического» он ссылаясь на данную Истоном дефиницию «авторитарного распределения ценностей», но подчеркивал веберовскую идею легитимации господства. К этим источникам идей он добавил понятия «структуры» и «функции», снабдив упрощенный черный ящик Истона функциональными и структурными категориями, одновременно обновив классическую системно-функциональную теорию доктрины разделения властей.

Хотя Истон и Алмонд разошлись во мнениях — Истон настаивал на том, что его структура отличается от функциональных формулировок, а Алмонд подчеркивал отличие его идей от общей системной теории, — имеется важное сходство между их теориями. Во-первых, в обеих присутствует идея постоянства. Во-вторых, Истон неоднократно ссылаясь на «основополагающие функции» политических систем. Кроме того, как на Истона, так и на Алмонда оказал влияние характер мышления категориями органического Радклифф-Брауна. Радклифф-Браун утверждал, что «применение к человеческим обществам концепции функции основано на аналогии между общественной жизнью и органической жизнью» (Radcliffe-Brown, 1952:178), и определял функцию как «вклад деятельности части в деятельность целого, частью которой она является... вклад, который она вносит в совокупную социальную жизнь, в функционирование всей совокупной социальной системы» (Radcliffe-Brown, 1935:397). Оба, Истон и Алмонд, проявляли также интерес к идеям Малиновского о функционализме, определявшемся в категориях потребностей, необходимых для поддержания системы.

Хотя Алмонд радикально пересмотрел функционализм Парсонса, на его формулировку оказали особое влияние два аспекта парсонсианской схемы — действие и социальная система. В книге «Социальная система» (Parsons, 1951) Парсонс выдвинул теорию действия, теорию социальных систем и теорию культуры. В основе некоторых его идей лежали теории Макса Вебера, философии которого была посвящена его докторская диссертация. Наиболее важным научным достижением Парсонса являются его категории пяти дихотомичных типов переменных. Эти переменные описывали различные аспекты теории действия: эмоциональность — эмоциональная нейтральность; ориентация на себя — ориентация на коллектив; универсализм — партикуляризм; достижения — социальное происхождение; конкретность — расплывчатость (Parsons, 1951:67). Переменные Парсонса являются основой его макротеории социальных систем и структурного функционализма, с помощью которых Алмонд соотносил политические системы с политической культурой. К тому же характерные для мышления Алмонда категории, например поддержания и адаптации, были не чужды также и Парсонсу. Алмонд ассимилировал в видоизмененной форме такие парсонсианские элементы, как функциональные предпосылки, структурная дифференциация и специализация. Его интересовало внимание Парсонса к культурной секуляризации развивающихся систем. В табл. 5.1 дается сравнение трактовки категорий входа и выхода Алмондом, Истоном и Парсонсом.

ТАБЛИЦА 5.1

Категории входа и выхода: сравнение теорий Алмонда, Истона и Парсонса

	<i>Алмонд</i>	<i>Истон</i>	<i>Парсонс</i>				
ВХОДЫ	Требования	Требования	Интересы—Требования				
	Поддержки	Поддержки	Поддержки Контроль за производительностью Легитимация власти Законность должностных полномочий				
ВЫХОДЫ	Решения	Решения	Направления политики				
		Действия	Распределение ресурсов				
	Действия	Обязанности	Эффективность <table border="0" style="display: inline-table; vertical-align: middle;"> <tr> <td rowspan="2" style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">{</td> <td>Руководство</td> </tr> <tr> <td>Работа</td> </tr> <tr> <td colspan="2" style="border-top: 1px solid black;">Мораль</td> </tr> </table>	{	Руководство	Работа	Мораль
{	Руководство						
	Работа						
Мораль							

Составлено по: *Mitchel (1967:83)*. Для более подробного ознакомления с формулой политической системы Парсонса см. его статью (*Parsons, 1966:105—112*).

Микроструктурный функционализм и частичная, или субсистемная, теория

Хотя макротеория, или большая социологическая теория, ставит своей целью охватить целые общества или системы, социологи все чаще обращаются к изучению не общества в целом, а той или иной его части. Изучение групп давно интересует политологов. Алмонд и другие ученые способствовали проведению по всему миру исследований политических партий, бюрократических структур, профсоюзов и отдельных групп интересов. Такой анализ основных единиц или подсистем позволяет ученым обратить внимание на «средний уровень» эмпирических данных вместо абстрактной общей теории или узких эмпирических бихевиористских исследований. По мнению Алмонда, основу для среднеуровневых исследований заложили «авторы сборника "Федералист", которые также выступили в роли теоретиков систем, так как они исследовали взаимодействие и равновесие с политической системой других социальных систем и взаимодействие одних подсистем государства с другими» (Almond and Powell, 1966:10—11).

Идея взаимодействия и равновесия, присущая среднеуровневой теории структурного функционализма, не была новостью в политологии. Дэвид Истон отметил, что она восходит к исследованиям политического процесса и формирования курса политической системы. Он полагал, что она развивает идеи плюрализма и равновесия, содержащиеся еще в книге Артура Ф. Бентли «Процесс правления», которая вышла в начале XX в. Дальнейшее развитие эти идеи получили в монументальном исследовании групповых давлений Дэвида Трумэна «Правительственный процесс» (Truman, 1951). Истоки этих теорий были критически проанализированы Дэвидом Гарсоном (Garson, 1974). Прделанное Алмондом соединение плюралистической теории с функционалистской моделью подтвердило ее универсальную применимость, но также показало и то, что «плюралистическая теория превращена в пристрастную апологетику в худшем случае и в идеологию в лучшем» (Baskin, 1970:94 — 95).

Критика структурного функционализма

Функционализм и структурализм в политической науке обязаны своим происхождением в первую очередь антропологии, экономике и социологии. Однако критики этих подходов знают, куда наносить удар. Функционализм зачастую называется детерминистским и идеологизированным, консервативным и ограниченным или же просто

ошибочным. Антрополог Джерви утверждал, что функционализм ограничен «неспособностью давать объяснения своей неудовлетворительностью качеством объяснения и неполными представлениями о природе и действии социальных систем». Экономист Шерман Рой Крупп предупреждал, что излишнее внимание функциональных систем к равновесию может создать новые проблемы, так как: имеется тенденция преувеличивать целостность таких систем; высокая степень интегрированности систем может затушевывать конкретные цели, что ведет к неясным описаниям и отсутствию анализа; идеальные ситуации часто путают с наблюдаемыми ситуациями в системах. Социолог Дон Мартиндейл выделил четыре недостатка функционализма: консервативное идеологизированное пристрастие и предпочтение статус-кво; отсутствие методологической ясности; чрезмерный акцент на роли закрытых систем в социальной жизни; неспособность к изучению социальных изменений (Martindale, 1965). Обвинение в том, что функционализм не объясняет процесс изменений, было поддержано Барбером (Barber, 1956), а Бакли (Buckley, 1966) подчеркнул предрасположенность функционализма к расчету на наличие консенсуса. Хемпель (Hempel, 1959) считал, что функционализм нелогичен. Терри Кларк (Clark, 1972) отметил чрезмерную сфокусированность структурного функционализма на институционализированном поведении. Дэвид Аптер (Apter, 1971) в своем критическом обзоре развития сравнительной политологии также обратил внимание на ряд слабостей функционализма.

Все эти проблемы имеют отношение к критике структурного функционализма и теории политической системы Алмонда. Например, Грот (Groth, 1970) упоминал о трудностях, связанных с попытками дать определение системы, ее границ и политических особенностей. Его собственное несогласие с точками зрения Алмонда и Пауэлла шло по трем направлениям: нечеткость терминологии, трудности в определении политических отношений и путаница в понимании фактов и ценностей.

Функционализм процветал в эпоху консолидации и консерватизма, наступившую после окончания Второй мировой войны. Ч. Райт Миллс (Mills, 1959:25 — 49) и Ральф Дарендорф (Dahrendorf, 1958) подвергли Парсонса резкой критике, утверждая, что его функционализм не соответствует фактам и не достиг уровня теории. Работа Алмонда являлась этноцентрической, поскольку в ней особое внимание уделялось стабильности в духе англо-американских норм и политических традиций, и эту проблему Алмонд признавал и потому принял попытки сочетать структурный функционализм с теорией

развития. Однако возражения, выдвинутые против этой его работы, вскрыли идеологическую подоплеку структурного функционализма Алмонда и Пауэлла: «Их теория косвенным образом предназначена для того, чтобы превращать читателей в сторонников либеральной демократии и либерального плюрализма» (Sanford, 1971:5). Считалось также, что функционализм слишком связан с культурой: «Всецело отвечающий интересам истеблишмента, неоперационистский, формально неадекватный... Как средство исследования он никуда не ведет, а как язык научных дискуссий заводит в тупик... Плюралистический нейтраллизм структурного функционализма... делает его бесполезным в качестве теории» (Powell, 1971:63). По мнению Файнера, терминология политической системы Алмонда также создавала проблемы: «То, что говорит Алмонд, можно было сказать и без использования этого системного подхода, и тогда это было бы сказано яснее» (Finer, 1969—1970:4). Наконец, по мнению Холта и Тёрнера, существовали и операционные трудности, в первую очередь трудность уточнения, операционализации и проверки гипотез: «Эту систему трудно применить на широкой основе, чтобы она включала как исторический план, так и современную жизнь. К тому же его формулировка фактически ставит знак равенства между современной политической системой и современной англо-американской демократической системой... В его дефинициях слишком много параметров, и он игнорирует проблему разнообразия» (Holt and Turner, 1966: 12—13).

Альтернативные взгляды на систему

В американских концепциях плюралистической политики основное внимание, как правило, уделяется консенсусу, но в поле зрения за последнее время оказались и конфликты. Истон признавал ограниченность систем, находящихся в равновесии. Алмонд, следуя Парсонсу, сочетал свои формулировки систем с теориями, относящимися к деятельности. Однако все это не удовлетворяет радикальных критиков теории систем. Например, Лилиенфельд назвал ее «идеологическим движением» с «центральной доктриной и синкретическим или экumenическим способом мышления» (Lilienfeld, 1975:646). Труды, посвященные системам, мало связаны с реальностью. По утверждению Лилиенфельда, применение системного анализа оказало незначительное воздействие на американскую политическую жизнь; он привел ряд примеров системных «провалов» и растраниживания средств. Внимания читателей достоин его обзор литературы, иллюстрирующий неудачи в практическом применении системного анализа.

Алмонд, поглощенный идеальной англо-американской политической моделью, фактически не уделял внимания Марксу, которого также привлекала идея системы — он понимал ее как политическую экономию, а изменения в ней — как следствие классового конфликта на определенном развитии материальных производительных сил общества. Что касается Парсонса, то он почти совсем не интересовался Марксом, хотя однажды признал, что «Маркс — один из символических “дедушек” теории действий» (Black, 1961:361). В своих ранних работах Истон отнесся к Марксу с большим интересом. Маркс и Конт, утверждал он, занимались преждевременным созданием систем: «Этих мыслителей отличает и объединяет полное погружение в то, что они называли научным подходом». Истон резюмировал свое понимание марксистского подхода. Маркс, по его мнению,

полагал, что используемые им должным образом методы исследования — исторический и диалектический материализм, развитый им из идей Гегеля, — откроют природу неумолимых законов и целей, на реализацию которых и направлены эти законы... Маркс, по существу, стремился доказать, что общество развивается от примитивного коммунизма к феодализму, а затем к капитализму, после чего неизбежно наступит социализм (Easton, 1953: 12).

Торсон, не являющийся марксистом и признававший критику Маркса политологами, тем не менее заявил, что «Маркс в основе своего подхода прав» (Thorson, 1970:85). Более того, он противопоставил «ньютоновскую парадигму понимания, основанную на универсальных обобщениях, дарвиновской парадигме понимания, основанной на эволюционном развитии» (209). Ньютонову парадигму Торсон ассоциировал с Гоббсом и Локком, Хэррингтоном, Мэдисоном и Истоном, а дарвиновскую — с Гегелем и Марксом. Маркс дал политической науке и политической философии «теорию изменений, в основном ориентированную во времени», в корне отличавшуюся от «статичного и неумолимого процессора», который представляла собой Ньютонова парадигма (210).

С учетом этого отличия обсудим теперь два направления в марксистской концепции системы. Первое рассматривает функционализм с материалистических позиций. Мы расскажем, как Фридрих Энгельс оценивал естественные науки с позиций диалектического материализма, а затем перейдем к применению функционализма в марксистской диалектике Элом Шиманским. Мы отметим неприятие диалектики Марвином Хэррисом и в то же время признание им

материализма в научном анализе. Мы ознакомимся с попытками Джонатана Сэнфорда и других переработать либеральные представления структурного функционализма в радикальную структуру. Второе направление марксистской концепции системы рассматривает систему, концептуализированную как государство, начиная с воззрений Гегеля и марксистской критики гегелевского понимания государства и кончая кратким изложением современных подходов к анализу государства. В заключение мы исследуем попытку применения теории систем к централизованному планированию в бывшей Германской Демократической Республике.

Система в свете диалектического материализма

Альтернативный взгляд на систему, как и в основном направлении политологии, неразрывно связан с естественными науками. Естественные науки давно подчеркивали необходимость обобщений и масштабных теорий, и их подход коренным образом отличается от неполных, субъективных, иррациональных воззрений, характерных для современной политологии. На протяжении XVIII в. авторы постепенно переходили от Ньютоновой модели к детерминистскому взгляду на историю. Монтескье в своей книге «О духе законов» изложил открытый им порядок в истории разных народов, указав на взаимосвязанные законы и дав материальные объяснения изменений. Маркиз де Кондорсе в работе «Историческая картина прогресса человеческого разума» попытался применить к обществу единообразные естественные законы вселенной. Он также выделил десять эпох или этапов в истории цивилизации, что явилось уже своего рода анализом развития. Хотя в этом анализе господствовали идеалистические представления, тем не менее он послужил основой для интерпретации эволюции в трудах мыслителей XIX в., включая Конта, Спенсера и Дарвина.

В центре внимания Герберта Спенсера оказались такие темы, как прогресс и расы, неограниченный индивидуализм, экономический и политический либерализм; он выступал против социализма и коммунизма. Чарльз Дарвин дал материалистическое объяснение происхождения видов и подчеркнул, что развитие происходит путем борьбы. По мнению Марвина Хэрриса (Harris, 1968), который суммировал и интерпретировал все эти интеллектуальные течения, позиция Дарвина подрывалась преобладавшими, хотя и противоречивыми взглядами на унаследованные и приобретенные признаки. Тем не менее именно Спенсер и другие консерваторы применили термин «социальный дарвинизм» к объяснению природы и функционирования

общества. Хэррис обвинил Спенсера, а не Дарвина «в тяжелом грехе за лишение возможности все объяснить на основе культурно-эволюционной теории, поскольку он слил и перемешал ее с расовым детерминизмом». «Превращение биологической теории в эволюционизм явилось результатом интереса социологов к прогрессу и совершенствованию, в то время как сама концепция естественного отбора возникла благодаря интересу к расовым, национальным и классовым формам войны и конфликта» (Harris, 1968:129). Хэррис также предостерегал против «мифа однолинейного эволюционизма», который обычно характеризует классическую эволюционную теорию. Он утверждал, что общество и культура могут перескакивать последовательные ступени или же развиваться дивергентно (171). Не так давно Карл Деглер (Degler, 1991), изучив характер применения дарвиновских концепций наследственности и биологического объяснения поведения в социальных науках и в общераспространенной социологической мысли, пришел к выводу, что в наши дни эти концепции применяются без расистских оттенков, типичных для них в прошлом.

Дарвинизм и эволюционистские идеи оказали влияние на Фридриха Энгельса, который в «Диалектике природы» проанализировал достижения естественных наук на протяжении всего XIX в. Особый интерес Энгельс проявил к открытию клетки как основной структурной единицы организма человека; он подверг критике метафизические и идеалистические концепции в естественной науке, распространенные в то время, как и в наше, и на основе использования диалектики Гегеля Марксом дал диалектико-материалистическое объяснение естественной науки. Взгляды Энгельса были сосредоточены на развитии капиталистического способа производства, техническом прогрессе и их влиянии на естественные науки.

В противовес статичной общей теории систем Энгельс объединил неорганическую физику с органическими биологическими науками в единую диалектико-материалистическую классификацию наук. Подчеркнув «всеобщую связь развития в природе», он связал воедино всю материю, органическую и неорганическую. Энгельс обрушился на разрозненную классификацию наук, предложенную Контом и Сен-Симоном, «где каждая наука исчерпывается прежде, чем успели хотя бы только приступить к другой» (Маркс и Энгельс, т. 20:656). Критика Энгельса, несомненно, препятствует попыткам сторонников общих теорий систем отделить закрытые (неорганические) системы от открытых (органических). Она в такой же степени препятствует попыткам Берталанфи, Ласло и других соединить научные взгляды с философскими, так как Энгельс боролся с метафизикой и идеализ-

мом, механицизмом и вульгарным материализмом своих современников. Отделяя мистицизм от гегельянства, Энгельс призывал ученых использовать законы материалистической диалектики, вооружая тем самым естественную науку динамическим методом.

Энгельс рассматривал модели научной революции на протяжении различных исторических периодов подобно тому, как это впоследствии делал Томас Кун. Человек, писал Энгельс, «воздействует обратно на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования» (546). Таким образом, причинная связь имеет непосредственное отношение к воздействию индивидов на природу скорее, чем к детерминистской каузальности, основанной на законах самой природы.

Энгельс разоблачил как псевдонауку «натурфилософские системы» немецкого социалиста Евгения Дюринга и др., которые в роли «профанов» писали обо всем и выдвигали свои идеи как соответствующие научному методу. Энгельс признавал необходимость классификации познания с разбивкой на отдельные области для системного исследования, однако настаивал на разъяснении связей одной области с другой, но в такой ситуации эмпиризм ставится под сомнение и необходимой признается теория. «Естествознание вступает в теоретическую область, а здесь эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление» (366). Энгельс относился к теории как «к историческому продукту, принимающему в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание». Наука о мышлении является «наукой об историческом развитии человеческого мышления», однако законы мышления не означают «вечную истину». Таким образом, диалектика, следуя традициям Аристотеля и Гегеля, «является наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования к другой» (367).

По мнению Энгельса, нужен целостный, нефрагментированный взгляд на систему, ибо ничего не происходит изолированно. Все влияет на все и испытывает влияние всего. Индивид заставляет среду служить своим целям, и это приводит к разрушительным социальным последствиям. Энгельс анализировал эти последствия под углом зрения производства и трудовых отношений. «Все существовавшие до сих пор способы производства имели в виду только достижение ближайших, наиболее непосредственных полезных эффектов труда... А все следующие... более высокие формы производства приводили к разделению населения на различные классы и

тем самым к противоположности между господствующими и угнетенными классами» (497—498).

Эл Шиманский утверждал, что Маркс был функционалистом и что функционализм следует использовать при радикальном анализе, если к нему подойти с позиций диалектики. Признавая консерватизм, внутренне присущий господствующей функциональной теории, Шиманский считал, что функционализм может быть «основополагающей частью марксистской методологии, мощнейшим средством прогресса социальной науки» (Szymanski, 1972:35).

Шиманский проанализировал функционализм Малиновского, считавшего, что культура общества реагирует на семь основных биологических потребностей. Эта формулировка особенно была полезной для понимания сущности бесклассовых, примитивных обществ. Но для изучения классовых обществ, в которых развиваются иные потребности, помимо биологических, например необходимость сохранять и развивать интересы классовой системы, функционализм Малиновского не подходит. «Когда биологические императивы вступают в конфликт с императивами сохранения классового общества, императивы биологии, как правило, отступают. Так, люди голодают, чтобы бизнес давал прибыль» (38). Если бы акцент Малиновского на биологических потребностях можно было сочетать с историческими потребностями того или иного общества, то в этом случае его функционализм мог бы быть совмещен с марксистским анализом, так как Маркс основывал свой функционализм на объяснении содействия крупных институтов социальной системе капитализма. Маркс связывал отношения каждого института с максимизацией прибыли: религия — опиум народа, государство — комитет, управляющий делами буржуазии, а семья — копия общества в целом.

Шиманский критиковал также Парсонса и Мертона. Он полагал, что утверждения Парсонса о функциях социальных институтов и организаций искажают реальность, его схема толкования истории неадекватна и внутренне непоследовательна, а его понимание культуры — детерминистское. К тому же Парсонс не понимает основных противоречий общества. «Парсонс просто не в состоянии выдвинуть адекватную системную теорию изменений, которая была бы интегрирована с его абстрактной схемой и могла бы объяснить с определенной долей точности историческую эволюцию» (39). Напротив, Мертон острее реагировал на проблемы функционализма, введя в оборот термин «дисфункция», что говорит о понимании им противоречивой природы общества, однако он также лишал функционализм системной концепции и целостности.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

БЕСБ
МІР

Рональд Х. Чилкот

Теории сравнительной политологии

Рональд Х. Чилкот

ТЕОРИИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ
ПОЛИТОЛОГИИ

БЕСБ
МІР

www.becb.mip.mn

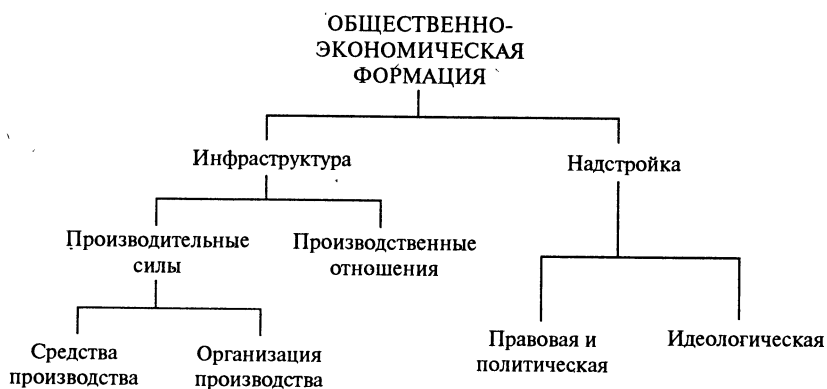
Наконец, Шиманский, основываясь на трудах Маркса и Энгельса, внес в функционализм диалектику. По его мнению, диалектика — это метод понимания материального и социального мира. Диалектика подразумевает постоянное движение между абстрактным и конкретным, между теорией и реальностью. С функционализмом могут быть связаны три преобладающих принципа, которые Шиманский назвал принципами диалектического функционализма. Во-первых, явления имеют свойство быть взаимосвязанными друг с другом, образовывать системы, и их надо рассматривать как части более крупного целого. Общества следует понимать в историческом контексте. В настоящее время они связаны с удовлетворением биологических потребностей и поддержанием капиталистической системы. Во-вторых, хотя явления взаимозависимы, они еще внутренне противоречивы. В современном обществе диалектический функционализм, с одной стороны, содействует существующей системе, а с другой — подрывает ее. Капитализм может вести к накоплению в обществе реальных благ, но одновременно приводит к общему увеличению численности пролетариата, который ведет борьбу против тех, кто владеет средствами производства. В-третьих, в связи с противоречиями в системе явления демонстрируют тенденцию к изменениям. Изменения исходят от противостоящих сил внутри данной системы и являются жизненно важным аспектом диалектического функционализма. Например, стараясь получить максимальные прибыли с помощью монополистического капитала, капиталистическая система имеет тенденцию к подрыву своей прежней практики свободной конкуренции.

Таковы принципиальные установки Маркса и современных марксистов, анализирующих с точки зрения функционализма такие реалии, как расизм, образование, семья, вооруженные силы, государство и т.п.; каждая структура объясняется ими с точки зрения экономических потребностей монополистического капитализма. Значение каждой из структур полностью признается, но уделяется также особое внимание подрыву и трансформации системы.

Марвин Хэррис (Harris, 1968) склонялся к материалистической позиции, но в то же время критически оценивал теоретическое наследие Маркса и Энгельса. Он отмечал, что они «зависели от "функциональной" модели социокультурной жизни» и разделяли с Контом и Спенсером интерес к функционализму, который совмещался с интересом к изменениям и во многом подчинялся ему. Однако все эти мыслители XIX в. составляют резкий контраст с функционалистами XX в., способными лишь на эклектические и отрывочные исследования. Что же касается функционализма Маркса и Энгельса, то «в ка-

честве каузальной обусловленности, а также диахронной и синхронной модели экономико-структурно-идеологическая связь создает основу для существования более или менее прочных и важных частей системы» (Harris, 1968:235). По мнению Хэрриса, марксистский функционализм отрицает, «что все части социокультурной системы вносят равный вклад в ее поддержание... Дисфункциональные ингредиенты не только прочно встроены в систему, более того, им отводится основная роль в качестве системоизменяющих переменных» (235). Хэррис считает, что конфликт разрешается с помощью эволюционной, а не диалектической модели. Таким образом, он осудил «туманные диалектические экскурсы» Маркса и Энгельса. «В качестве модели анализа, возникшей на стыке романтизма и индустриализации, функционализм Маркса и Энгельса плохо подходит для изучения общей истории человечества. Это романтизированный, мистифицированный, пристрастный материализм, уместный для тех, кто хочет разжечь революцию на основе классовой структуры и идеологии Европы середины XIX в.» (230). Хэррис настаивал на том, чтобы мы обратились к материализму Маркса и сформулированным им различиям между экономическим базисом и надстройкой.

СХЕМА 5.3
Функции марксизма (по Фридману)

Составлено по: Friedman, 1974:445.

Джонатан Фридман изобразил марксистскую «модель» аналитических категорий, иерархически взаимосвязанных в «наборе функциональных особенностей» (Friedman, 1974: 445), как это

видно на схеме 5.3. Фридман возражал против «вульгарного материализма» Хэрриса. Он называл его «новым механистическим материализмом, развившимся из вполне понятной реакции на почти исключительный интерес к идеологии и семантике, который возобладал в антропологии» (444). По мнению Фридмана, Хэррис прочно вошел «в традицию эмпирико-функциональной идеологии» (465). Фридман, как и Шиманский, использовал диалектику в своих трудах, но стремился также развить структурно-марксистскую модель.

Если Маркс и Энгельс, по мнению Фридмана, Хэрриса и Шиманского, были функционалистами, то каким образом соотносятся их концепции с ортодоксальными концепциями системы? Частично на этот вопрос попытался ответить Сэнфорд, вернувшийся к структурному функционализму Алмонда и Пауэлла. Он предложил пересмотреть их формулировки, придав им «радикальный и экзистенциалистский идеологический крен» (Sanford, 1971:27). Сам он, осуществив это, пришел к выводам, резко отличавшимся от либерально-плюралистических заключений Алмонда и Пауэлла. В своих работах Сэнфорд назвал Маркса и Энгельса «двумя самыми знаменитыми структурно-функциональными аналитиками»; Алмонд и Пауэлл столь же большую роль отводили социально-экономическим силам в достижении политических перемен, как и Маркс и Энгельс (Sanford, 1971:7). Сэнфорд использовал также «системные» высказывания русского марксиста Николая Бухарина и цитировал труды американских марксистов Пола Барана и Пола Суизи. В своих критических высказываниях и формулировках Сэнфорд пытался преодолеть ограниченность либерального плюрализма Алмонда и Пауэлла, хотя в основном сохранил их категории. Его вклад является также полезным примером интерпретации, ведущей к альтернативной парадигме сравнительной политологии.

Сторонники альтернативной парадигмы, включающей в себя марксистские взгляды, могут сказать, что Алмонд и Пауэлл в своем анализе систем не учли все расхождения, напряжения и конфликт; не сумели провести различия между социальными классами; не связали национальные системы с мировым порядком, и потому им не удалось выдвинуть объяснения отсталости в развитии, являющейся бичом большинства стран. Согласно положениям плюралистической модели, над соперничающими группами и интересами должны господствовать правящие классы, тем самым изолируя народные массы. Правящие или господствующие классы всегда будут использовать развитие в своих собственных целях, способствуя отставанию

беспомощных и изолированных низших классов. Государство и его правящие классы будут подрывать позиции групп и организаций, изолировать индивидов и разрушать автономию субсистем.

Радикалы понимают систему как единое целое, а ее целостную перспективу как историческую в своей ориентации. Например, Гонсалес Казанова считал, что исторический взгляд на систему включает в себя процесс, борьбу, организацию, спонтанность и другие тенденции. Он представлял себе сочетание классического марксизма с новыми взглядами на социальную науку, чтобы противоречия общей теории систем, кибернетики и даже дискредитированного структурного функционализма можно было бы объединить в теорию, основанную на диалектике. Однако по своей сути история — это борьба.

В истории, как в процессе борьбы, выделяются человеческие, политические категории с диалектическими отношениями, с взаимно осуществляющимися действиями, которые не являются простыми отношениями причинно-следственной связи, так как наряду с исторически нормально происходящими событиями в структуре исторического развития и в его следствиях возникает целый ряд новшеств и неожиданностей (González Cazanova, 1973:234).

В своей попытке выдвинуть системную концепцию общества Маннгейм также сформулировал марксистскую теорию социальных перемен, основанную на материальных производительных силах. «Основы организации общества выражаются в его экономической структуре, которая во многом определяет его правовую и политическую организацию и даже формы общественного сознания... мысли и идеи, которых люди придерживаются в тот или иной период» (Mannheim, 1957:136). Маннгейм напомнил своим читателям, что, согласно Марксу, общественные перемены зависят от изменения материальных производительных сил, и это происходит в результате технических изобретений. Изменения в производительных силах оказывают влияние на классовые отношения и приводят к классовому конфликту.

Системный анализ в социалистическом обществе

Марксисты могли бы назвать ортодоксальную теорию систем просто мистификацией технократов, стремящихся к власти. При этом утверждается, что в век широкого распространения техники новые технократы Соединенных Штатов Америки защищают интересы нового класса, ориентированного на планирование и администрирова-

ние, и присваивают «американские ценности, основанные на прогрессе, достигаемом путем научной рациональности» (Lilienfeld, 1975:658—659). Это обвинение, видимо, относится ко многим специалистам по сравнительной политологии.

Системная теория применялась в Советском Союзе (Blauberg, Sadovsky, and Yudin, 1977), а также в Восточной Европе. Что касается последней, то Петер Лудз (Ludz, 1975) проанализировал значение теории и ее использование в Германской Демократической Республике; ниже дается обзор результатов его исследований и предпринимается попытка определить, имеют ли отношение обвинения радикалами системной теории в Соединенных Штатах к обществу, бывшему когда-то социалистическим.

Лудз считал, что марксистско-ленинская фразеология порождает пустые формулы, хотя и стала основой коммуникации. Поэтому технологические концепции Запада легко ассимилировались в марксизм-ленинизм, и в первую очередь это относилось к функционализму и кибернетической теории систем. В 1961 г. было основано Общество кибернетики, и философ Георг Клаус стал главным инициатором применения системной теории к марксизму. Используя идеи Эшби, Винера и др., Клаус представил себе кибернетическую теорию динамических и саморегулирующихся систем, для которых были характерны связи с окружающей средой. Эта концепция сформулирована с использованием категорий биологического организма и принимает на себя кроме материально-технического обеспечения и стабильности также и функции контроля. Клаус рассматривал информатику как связующее звено между кибернетикой и диалектическим материализмом и пытался объединить ее с организацией. Таким образом, теория кибернетических систем четко определяет категории исторического и диалектического материализма, служит усовершенствованию методов автоматизации, способствует экономическому планированию и увеличению производительности труда, а также облегчает автономный контроль внутри организаций. Клаус также установил немало общих признаков в кибернетике и диалектической логике. В восточногерманской формуле была использована терминология системной теории Запада: функция и структура, входы и выходы, обратная связь. В итоге контроль государства над обществом должен был быть заменен системой обратной связи социалистического общества, а на смену регулируемым из центра институтам социалистического общества должны были прийти участие масс и их сознательность.

Лудз полагал, что теория систем грозит подорвать в Германской Демократической Республике контроль центра. Кроме того, он отметил

противоречия между капиталистическим и социалистическим использованием теории систем. Он признал, что «кибернетическая теория систем выработала в себе свойства, напоминающие пустые марксистско-ленинские формулы» (Ludz, 1975:671). Во всяком случае, десятилетний эксперимент по использованию в социалистическом обществе теории систем закончился в 1971 г., видимо, как полагал Лудз, из-за ее идеологических и политических особенностей. Однако он заявлял, что «идеи технологической рациональности и экономической эффективности» (674), присущие этой теории, продолжали тем не менее действовать. Не ясно, способствовала ли теория систем мистификации и защите интересов немецкой технократической бюрократии.

Пути радикального понимания теории систем

Критика теории систем сконцентрирована вокруг двух главных тем: во-первых, исследование должно принимать во внимание условия человеческого существования, и, во-вторых, теория должна ориентироваться на мировую систему. Дорис и Франсис Барлетт (Bartlett, 1971) осудили социальные последствия биологического детерминизма, успешшего проникнуть в социологические труды. Они отметили ущербность проведения аналогии между поведением животных и человека и осудили «биологический синдром» подобных объяснений как просто «идеологию отчаяния... Отчаяние — это конечный результат применения "науки" к делам человеческим» (1971:219). Баскин осудил отсутствие человеческого фактора в плюрализме, на который чаще всего опирается теория систем, довольно резко: «Более человечная политика превратила бы общественную жизнь в полное неразгаданных тайн экспериментальное поле для постепенного понимания самого себя и организации общественной жизни. Тогда люди могли бы преодолевать разделяющую их полосу отчуждения и как граждане сообщества испытывали бы чувство единства и братства» (Baskin, 1970:95).

Маркс, Ленин и их последователи рассматривали систему с международных позиций. Эта тема развивается в некоторых трудах, достаточно смелых по своим концептуальным установкам (Wuthnow, 1979); упомянем только два примера. Иммануил Валлерстайн в своей книге «Современная мировая система» (Wallerstein, 1974) проанализировал капиталистическое сельское хозяйство и зарождение европейской экономики мирового масштаба в XVI в. Во введении он отмечал трудности, связанные с пересмотром своих прежних теоретических воззрений. Он отказался от акцента на суверенном государстве или национальном обществе, заявив, что «ни то ни другое

не являлись социальными системами... Можно было говорить лишь о социальных изменениях в социальных системах. Единственной социальной системой в этой схеме являлась мировая система» (1974:7). Валлерстайн попытался выйти за границы научных дисциплин, используя «унидисциплинарный» подход, то есть объединил все общественные науки, выстроив целостную систему в исторической перспективе. Самир Амин в своей книге «Накопление в мировом масштабе» (Amin, 1974) проделал нечто похожее, используя откровенно марксистскую структуру и создав радикальную парадигму познания. Он также применил исторический и целостный подход, выйдя за рамки национальных капиталистических и социалистических систем и опираясь в своих рассуждениях на следующий тезис: «Не существует двух мировых рынков — капиталистического и социалистического, есть только один — мировой капиталистический рынок» (1974:4). Его теория накопления в мировом масштабе — это теория капиталистических формаций, находящихся между центром и периферией мировой системы.

Значение подходов в теории систем

У античной и средневековой мысли человек Запада позаимствовал привычку рассматривать органический мир в категориях самой малой из возможных единиц, до которой он может быть сокращен (Martindale, 1965:144).

Дон Мартиндейл разграничивал вышеупомянутые подходы, называя их соответственно *холизмом* (философией целостности) и *элементаризмом*. Холизм рассматривает взаимосвязанные целые как понятия, стоящие выше индивидов и их действий. Согласно же элементаризму, социальная реальность состоит из индивидов и их действий. В рассматриваемой нами теме концепция Истона и общая теория систем, а также макроструктурный функционализм Алмонда и Парсонса и некоторые радикальные представления были встроены в контекст холизма. Стремление многих специалистов по сравнительной политологии к среднеуровневым исследованиям характеризовалось как микроструктурный функционализм и до некоторой степени элементаризм. Проведенный самим Мартиндейлом синтез помогает выделить целый ряд течений, связанных с позитивистскими и историческими традициями, от которых происходят основная и альтернативная парадигмы современной сравнительной политологии. Объединив некоторые из его идей с

материалами, обсуждавшимися в более ранних главах, можно следующим образом сформулировать ряд предположений относительно теории систем.

1. Античные и средневековые мыслители при построении систем разграничивали разум и материю. Так, разум, от которого исходят интуиция и интеллект, связан с духовным миром и гуманитарными науками, а материя — с материальным миром и точными науками.

2. Социологи стремились примирить интеллектуальные различия между гуманитарными и естественными науками. Огюст Конт выдвинул позитивизм как средство распространения метода естественных наук на гуманитарные. Джон Стюарт Милль предложил, чтобы социальная наука опиралась на методы физиологии и физики. Физика продолжает и в настоящее время оставаться основой позитивистской социальной науки.

3. Антипозитивизм возник в виде историзма, возражающего против применения методов физики в социальных, политических и культурных дисциплинах. Приверженцы историзма обвиняли позитивистов в антиисторических интерпретациях и осуждали их за узость подхода, проявлявшуюся при проведении исследований.

4. Как позитивистская, так и антипозитивистская позиция связаны с изучением целых систем или их частей. Ортодоксальная холистическая теория обычно бывает органической, а иногда механистической и зависит от гармоничных систем, как правило, находящихся в равновесии. Радикальная холистическая теория проявляет особое внимание к системам, вышедшим из состояния равновесия, и ищет объяснений, обычно не связанных с органическими или механистическими структурами. Ортодоксальные низкоуровневые и среднеуровневые теории относятся лишь к частям систем, лучшим примером чего служит структурный функционализм; радикальная же теория предполагает исследовать отдельные части лишь в контексте системы в целом.

Табл. 5.2 иллюстрирует эти связи и суммирует материал, данный на страницах этой главы. Позитивистские и неисторические взгляды, характерные для ортодоксальной парадигмы, преобладают и в частичных, и в холистических теориях систем. Частичные теории являются по ориентации либеральными и плюралистическими и представлены Бентли, Трумэном и Алмондом, продолжающими традиции Юма и Локка. Холистическая теория, как правило, консервативна по своей ориентации и представлена Парсонсом и его последователями, а также в социологии Истоном и Алмондом в политологии, продолжающими традиции Конта, Милля и Спенсе-

ТАБЛИЦА 5.2

Теория систем и парадигмы: типы, диапазон, ориентации и мыслители, представляющие данное направление

<i>Тип системы</i>	<i>Диапазон системы</i>	<i>Теоретические ориентации</i>	<i>Мыслители</i>
Основная (позитивистская и неисторическая)	{ Частичная (индивидуальная, групповая) Холистическая	Либеральная Плюралистическая	Юм, Локк, Бентли, Трумэн и Алмонд
		Консервативная Органическая	Конт, Милль, Спенсер, Истон, Алмонд, Парсонс, Мертон и Леви
Альтернативная (антипозитивистская и историческая)	{ Частичная (индивидуальная) Холистическая	Ортодоксально-марксистская Экзистенциалистская	Сартр и Шафф
		Марксистская Коллективистская Реформистская Марксистская	Ч. Райт Миллс, Маркс и Энгельс

ра. Парсонс и Истон считали себя принадлежавшими к антипозитивистскому течению, и их ранние труды это отражают; однако неисторические абстракции и пренебрежение деталями реального мира, характерные для большинства их работ, дают все основания считать их позитивистами.

Альтернативную парадигму также характеризуют частичные и холистические теории системы. Французский философ Жан Поль Сартр и польский философ Адам Шафф являются представителями частичной, поскольку их интересы противоречат технократической и научной ориентированности капиталистических систем, в которых личность должна рассчитывать только на себя, и социалистических систем, в которых индивидуальность должна быть совместимой с коллективностью. Коллективистские и марксистские ориентации холистической теории мы находим соответственно у Миллса и Маркса.

Это резюме, несомненно, является упрощенным, но будем надеяться, что оно позволит читателю понять многочисленные тенденции теории систем и ориентироваться в них.

В историческом плане изучение политики включало в себя формулирование представления о государстве, и политология разрабатывала эту концепцию с самого начала ее возникновения в XIX в. Джон Ганнелл отмечал, что «ее принятие явилось итогом германизации и дисциплинирования политической науки» (Gunnell, 1990:5). Он связывал ранние работы о государстве с именами немецкого политолога Иохана Каспара Блунтшли (Bluntschli, 1885); Франсиса Либера, натурализованного американца, «первым применившего концепцию государства... и сделавшего ее объектом теоретического анализа» (Gunnell, 1990:19), и Теодора Вулси, который получил образование в Бонне и Париже и был «первым американцем по рождению из плеяды крупных теоретиков государства и политической науки» (Gunnell, 1990:22). Ганнелл утверждал, что «теория государства, разработанная Либером, Блунтшли и Вулси, представляла собой ясную и важную парадигму» (38). Эта парадигма далее разрабатывалась в трудах Уэстла Уиллоби (Willoughby, 1896), «последнего «великого» теоретика государства в американской политической науке» (Gunnell, 1990:72).

Отношение основного направления политологических исследований к государству было сформулировано Комитетом сравнительной политологии Совета по изучению общественных наук. Его члены посчитали необходимым заменить концепцию государства концепцией политической системы. Алмонд во введении к своей книге «Политика в развивающихся регионах» (Almond, 1960) утверждал, что концепция государства весьма многозначна и ее невозможно применять в современных сравнительных исследованиях, при этом частично проблема заключается в увеличении числа возникающих новых государств «третьего мира» в связи с крушением прежних европейских колониальных империй после Второй мировой войны. Позднее Алмонд напомнил нам, что веберовская концепция государства, уделяющая особое внимание «институтам, обладающим легальной властью и легитимно осуществляющим принуждение», будет ассимилирована концепцией политической системы со множеством новых институтов, с экстралегальными и паралегальными политическими партиями, группами интересов, средствами коммуникации, семьей, школой, церковью и т.п. (Almond, 1988:885). Несмотря на такую непреклонность, под эгидой Комитета по делам государства и социальных структур Совета по изучению общественных наук была организована кампания за «возвращение государства», что привело к «парадигмальному сдвигу» (Evans, Rueschemeyer, and Skocpol, 1985).

Кампания за продолжение исследований проблем, связанных с государством, велась еще в 1960—70-х гг., но в контексте основного направления политологии это произошло главным образом потому, что интересы политологов-компаративистов были сосредоточены на диктатуре и авторитаризме стран «третьего мира» и сравнении с фашистскими и корпоративными режимами Южной Европы. В то же время за пределами Соединенных Штатов среди политологов стали распространяться альтернативные взгляды на государство, представляющие марксистскую традицию. Мы предлагаем обзор этих течений (суммированных в табл. 5.3), который должен помочь изучающим политологию разобраться в теоретических и дискуссионных сложностях, сохранявшихся в 1990-х гг. Однако этот обзор дает лишь фрагментарное представление о развитии современной политологии; подробнее об этом можно прочитать в работах Карноя (Carney, 1984) и Джессопа (Jessop, 1982, 1990). Моя собственная разработка теорий государства появится в продолжении данной книги, которое выйдет отдельным изданием и будет посвящено сравнительной политической экономии.

Теории государства: основное направление

ТАБЛИЦА 5.3
Современные теории государства

<i>Теории основного направления</i>	<i>Теории альтернативного направления</i>
Плюралистическая капиталистическая	Плюралистическая социалистическая
Институциональная	Инструменталистская
Корпоративистская	Структуралистская
Бюрократическая авторитарная	Феминистская

Плюралистический капиталистический подход

Государство — это политический рынок, который фильтрует требования и интересы соперничающих групп и индивидов. Отметим две господствующие точки зрения. Согласно одной из них, государственные учреждения нейтральны и посредничают в конфликте соперничающих партий и групп. Согласно другой, государственные учреждения функционируют в качестве основ политической власти; соперничество между учреждениями за ассигнования определяет их отношения с партиями и группами интересов. Эти точки зрения отража-

ют либеральную, немарксистскую традицию американской социальной науки. Хотя они совпадают с политическими взглядами Габриэля Алмонда, он тем не менее пытался опровергнуть, вернее, дискредитировать, аргументы этатистского движения. Так, он отверг многие аргументы в пользу программногo сдвига в дисциплине. Дж. П. Неттл (Nettl, 1968), к примеру, первым вступил в полемику с Алмондом, Истoном и другими теоретиками, пытавшимися отрицать роль государства. Сам Неттл разделил государство на компоненты, но не сумел создать на этой основе концепцию. По его мнению, таким этатистам, как Эванс, Рушмайер и Скокпол, не удалось подвергнуть убедительной критике теоретические и эмпирические плюралистические и структурно-функциональные исследования, а их утверждение, что марксизм является социетально-редукционистским, не выдерживает критики, поскольку неoэтатизм является всего лишь «внутренней полемикой в рамках марксизма», интеллектуальным движением, действующим «с помощью редукционистского набора утверждений о социальном классе» (Nettl, 1968:868—869). Популярность этатистского движения тяжело действовала на Алмонда, полагавшего, что теперь целое поколение молодых ученых «распрошaется с парадигмальными устремлениями» и начнет пользоваться «туманной фразеологией, вместо того чтобы держаться с трудом завоеванной традиции операционной строгости» (Almond, 1988:872).

Майкл Манн (Mann, 1986) считал концепцию государства структурной основой анализа многомерного общества. Он выступил против того, чтобы понимать общества как тотальности, и тем самым отказался от ортодоксальных взглядов на общество, таких, как теория систем, структурализм, структурный функционализм и т.п. Манн рассматривал государство как одну из четырех единиц для анализа; он сконцентрировал внимание на обществе, состоящем из четырех пересекающихся и частично совпадающих властных сетей (идеологической, экономической, военной и политической), и применил социопространственную и организационную модель в сочетании с веберовской методологией идеальных типов к своему анализу развития Европы на пороге XVIII столетия.

Тимоти Митчелл придерживался иного взгляда, представлявшего собой синтез теорий государства и общества. Он считал, что ни стремление создать концепции политической системы, ни попытки вновь превратить государство в основной объект исследования политологии не решили проблему разграничения понятий государства и общества. Демонстрируя альтернативный подход, он утверждал, что государство не следует рассматривать как целостную реальность,

отделенную от общества, но в то же время сложные проблемы государства не должны вести к полному отказу от его изучения; вместо этого «необходимо провести серьезное разграничение понятий государства и общества в качестве определяющего признака современного политического порядка... Государство следует рассматривать как результат многообразных процессов пространственной организации, временной классификации, функциональной спецификации, а также наблюдения и надзора, то есть процессов, создающих видимость мира, фундаментально разделенного на государство и общество» (Mitchell, 1991:95).

Институциональный подход

Демонстрируя «институциональный подход» применительно к суверенному государству, Краснер утверждал, что «набор альтернатив, доступных политику в любой конкретный период времени, является функцией институциональных возможностей, возникших в какой-то период до этого» (Krasner, 1988:67). Эту идею он выдвигал как аргумент против утилитарного или функционального подходов, согласно которым результаты являются следствием индивидуального выбора. Так, суверенное государство стало формой политической организации, приемлемой для современного мира: «Важны зависящие от избранного пути модели развития; как только Европа избрала форму политической организации, основанную на суверенных государствах, другие возможности были исключены» (90).

Роузенау поддержал тенденцию к возвращению концепции государства из-за «уменьшившейся эффективности целых систем» и «глубокого разочарования в системном анализе» (Rosenau, 1988:22). Он напомнил формулировки, использовавшиеся другими политологами, такими, как Макайвер (MacIver, 1926), Титус (Titus, 1931), Кларк и Дир (Clark and Dear, 1984), а также Дойч (Deutsch, 1986). Джессоп (Jessor, 1977) предложил широкий и, по мнению Роузенау, несколько дезориентирующий концептуальный спектр взглядов на государство; но Роузенау утверждал, что «государство глубоко укоренилось в нашей терминологии и вряд ли увенчаются успехом попытки его заменить» (Rosenau, 1988:27).

Доказательством признания государства и теории государства основным предметом и направлением сравнительной политологии является разнообразие подходов и взглядов специалистов по международным отношениям и компаративистов. Их исследования Джеймс Капорасо (Caporaso, 1989) собрал в отдельном томе, где были пред-

ставлены как теории, так и эмпирические примеры. Алмонд, чье выступление в ходе полемики со сторонниками теории государства (Almond, 1988) носило резкий характер, вновь подчеркнул необходимость работы над теорией систем. Дэвид Истон (Easton, 1981), также сосредоточившись на этой проблеме, подверг серьезной критике работу Никоса Пулантаса о государстве.

Корпоративистский подход

Характерное для основного направления политологии определение государства дал Филипп Шмиттер: «Это аморфный комплекс учреждений, выполняющих разнообразные, не очень четко определенные функции. Следует отметить, что сферы деятельности этих учреждений также весьма неясно обозначены» (Schmitter, 1985:33). До этого Шмиттер (Schmitter, 1971) рассматривал корпоративизм в своей работе о Бразилии, однако позднее высказал сомнения в его пользе для политической экономии. Оптимизм в отношении корпоративизма был основан на предположениях о том, что планирование жизненно важно для современного капитализма; планирование делает необходимой эффективную политику в области доходов, а политика в области доходов зависит от консенсуса и договоренности между группами интересов. Так, корпоративистские компромиссы между трудом и капиталом, особенно в Европе, иной раз достигались благодаря вмешательству государства. Но в конце концов Шмиттер пришел к выводу, что условия теперь изменились настолько, что общенациональные переговоры играют все меньшую роль из-за политики, направленной на повышение производительности труда и конкурентоспособности на мировых рынках, и из-за смещения конфликтов интересов с классовых расхождений в направлении социальных движений, вызванных гендерными, экологическими, потребительскими и другими проблемами (Schmitter, 1989:70). Он также отметил перемещение рабочих в результате конкуренции на мировых рынках из традиционных отраслей в сферу сервиса и занятости в государственном и муниципальном секторах. В итоге корпоративизм может скоро прекратить свое существование: «У меня все меньше и меньше озабоченности из-за того, что корпоративизм... не выживет и тем более по поводу его значимости для будущего капитализма» (72).

В своем обзоре взглядов в области сравнительной общественной политики, сыгравшем весьма полезную роль, Хэнкок (Hancock, 1983) обратил внимание на парадигмальный сдвиг от традиционного интереса политологов основного направления к «социетальному»

или «либеральному» корпоративизму. Эта тенденция очевидна в трудах Панича (Panitch, 1980) и в анализе государства, проведенном Эшфордом на примерах английской (Ashford, 1981) и французской (Ashford, 1982) политической жизни. Сравнительные исследования промышленных стран Кэмероном (Cameron, 1978; 1982) продемонстрировали, как государство с высоким уровнем социального обеспечения обслуживает капиталистическую экономику, «до крайности социализируя коллективные договоры и предлагая социальную зарплату для стимулирования умеренной позиции рабочих в этом вопросе» (1982:58). Эндриус (Andrews, 1991) расширил понятие корпоративизма, поместив его уже не в национальный, а в региональный контекст, и пришел к выводу, что корпоративизм широко использовался в европейских международных организациях, в первую очередь в Европейском экономическом сообществе (ЕЭС).

Бюрократический авторитарный подход

Теория бюрократического авторитаризма лежит в основе работы Гильермо О'Доннела (O'Donnell, 1988) об Аргентине 1960-х — начала 1970-х гг.; она также применима для анализа ситуаций авторитарного правления в других странах Латинской Америки. Кэнэк (Canak, 1984) детально исследовал теории государственной структуры и вмешательства в недемократическое развитие, обратив особое внимание на усиление роли государства в процессе накопления капитала в Латинской Америке. Он предположил, что там обе эти теории связаны с кризисом, вызванным исчерпанностью модели импортозамещающей индустриализации. Обе теории свидетельствовали о слабости национальной буржуазии и кризисном состоянии государства в переходном периоде развития. В своем критическом обзоре Кэнэк подробно проанализировал литературу, посвященную этим теориям, продемонстрировал их вклад в оценку теории периферийного государства, а также их ограниченность в этом вопросе. Однако он оговорился, что такие оценки теории периферийного государства за последнее время перестали соответствовать действительности по целому ряду причин: зависимость и капиталистическое развитие отнюдь не всегда являются несовместимыми, о чем убедительно свидетельствует исследование Кардозо и Фалетто «Зависимость и развитие» (1979); увеличивающаяся интернационализация производства подрывает промышленные структуры всех стран, находящихся как в центре, так и на периферии; уровень государственных расходов и размер государственного вмешательства возросли как в централь-

ных, так и в периферийных странах; повсеместно все сильнее начала проявляться делегитимация государства.

Альтернативные теории государства

Альтернативный подход к проблемам государства основан на идеях Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина. Он также нашел подкрепление в появившемся недавно исследовании, где рассматриваются концепции Маркса и других мыслителей с целью объяснения и анализа роли государства в современном мире. Обратимся теперь к обзору альтернативных трудов, посвященных государству.

Подвергнув критике гегелевский подход к государству, Маркс разработал ряд важных теоретических исходных положений. Он тщательно проанализировал диалектическую структуру Гегеля, вскрыв ее противоречивость и непоследовательность. Гегель проводил различия между государством и гражданским обществом: государство, по его мнению, представляет собой идеальное соотношение элементов общества; оно соединяет в себе общественные интересы людей; гражданское же общество, напротив, включает в себя частный мир интересов и деятельности индивидов. Гегель представлял себе будущее единство государства и гражданского общества, которому, как он считал, предстояло пройти в своем развитии через образование ряда институтов. В случае Пруссии этими институтами являлись наследственный суверен (монарх), стоявший над политическими группировками; бюрократия, интересы которой совпадали с интересами государства; и сословный парламент, выразивший консенсус противоречивых интересов гражданского общества.

В своей работе «К критике гегелевской философии права» Маркс солидаризировался с Гегелем в том, что между государством и гражданским обществом существует фундаментальное противоречие. Однако Маркс отделял формы государства от идеальной или абстрактной концепции. Для него эти формы соответствовали «материальным условиям жизни». Маркс утверждал, что в Древней Греции государство и общество были объединены в город-государство — полис; между народом и государством, а также между частными и общественными интересами существовало единение. В Средние века государство и гражданское общество также сохраняли определенное единство, потому что «старое гражданское общество непосредственно имело политический характер, то есть элементы гражданской жизни, — например, собственность, семья, способ труда, — были возведены на высоту элементов государственной жизни в форме сеньориальной власти,

сословий и корпораций. В этой форме они определяли отношение отдельной личности к *государственному целому...*» (Маркс и Энгельс, т. 1:403). Однако при капитализме государство отделилось от гражданского общества, а между общественной и частной жизнью произошло отчуждение; к тому же по мере распада гражданского общества на конкурирующие между собой частные интересы сделалось очевидным отчуждение индивидов друг от друга. В таких условиях государство узаконивает право индивидов преследовать конкретные интересы с помощью владения частной собственностью. Частная собственность порождает неравенство, усиливает разъединение людей и подрывает равенство и общность интересов всей общины в целом. Частная собственность господствует в современном обществе.

Одним из решений этой дилеммы является возвращение к демократии, но не к буржуазной демократии, при которой ведущую роль играют парламентское правление, разделение властей и равенство перед государственным законом. На итальянского теоретика Лучио Коллетти глубоко повлиял именно этот аспект работы Маркса.

В тот момент своей идейной эволюции Маркс, что особенно поражает, еще не обосновал более позднюю материалистическую концепцию истории, но, несмотря на это, у него уже сложилась весьма зрелая теория политической жизни и государства, и это поистине паразитально. Ведь в «Критике» содержится ясное высказывание о зависимости государства от общества, дается критический анализ парламентаризма, сопровождаемый контртеорией народного делегирования и взглядами, демонстрирующими необходимость конечной ликвидации самого государства. С политической точки зрения зрелый марксизм вряд ли смог добавить к этому что-либо существенное (Коллетти, цит. по: Магх, 1975: 45—46).

Коллетти сравнивал позицию Маркса с позицией Ленина и Энгельса, которые также занимались концепцией государства на основе работ Маркса. Коллетти считал, что Энгельс и Ленин были склонны обобщать свои концепции, упуская из виду жизненно важное различие, проведенное Марксом, согласно которому при возникновении капитализма происходит отделение государства от общества. Это, в свою очередь, привело Энгельса и Ленина к «их явно субъективистской и волюнтаристской концепции государства как "орудия", сознательно созданного правящим классом для защиты своих собственных интересов» (45—46). Это различие, особенно между Марксом и Энгельсом, отказался признать Хэл Дрейпер, который обоб-

шил формулировку марксистской концепции государства. Дрейпер утверждал, что Маркс и Энгельс многие свои труды писали вдвоем и различия между ними с научной точки зрения несущественны.

Перейдем теперь к обзору основных положений работы Дрейпера (Dраper, 1977: bk. 1, 237—262), в которой анализируются сначала «К критике гегелевской философии права», затем «Немецкая идеология», а также другие труды Маркса и Энгельса и делается попытка прояснить их концепцию государства.

Безгосударственные общества существовали еще до образования городов-государств в Древней Греции. Как правило, это были примитивные и племенные общества, не знавшие институтов государства. Они существовали без каких-либо особых средств принуждения. Их сплоченность основывалась на осознании каждым индивидом ответственности за все общество, пусть он и действовал в своих собственных интересах. В безгосударственном обществе не признаются особые роли и социальные структуры и «никто не может преследовать исключительно свои экономические или политические цели в ущерб обществу, так как эти цели переплетаются друг с другом» (Са-утхолл, цит. по: Draper, 1977:238).

Принуждение встречается как в безгосударственных обществах, так и в обществах, где государство имеется. Например, природные условия могут вынудить племя заниматься ловлей рыбы или охотой, чтобы не умереть с голоду. В примитивных безгосударственных обществах принуждение основано на коллективном разуме и применяется всем обществом; вынесение наказания не является уделом определенного института, отделенного от социума. Когда же общество разделяется на противоположные социальные классы, интересы его фрагментируются и власть, осуществляющая принуждение, отделяется от социума, в результате чего возникает государство. Энгельс описал этот исторический процесс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»:

Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ста-

вящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство (Маркс и Энгельс, т. 21:140).

Маркс и Энгельс придавали особое значение воздействию принуждения в процессе производства и в экономических отношениях. Они отмечали, что, как только принуждение смещается с экономического базиса общества, оно все более концентрируется в государстве или политической надстройке, определение которой дается в «Немецкой идеологии»: «Гражданским обществом всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и всякой иной идеалистической надстройки» (Маркс и Энгельс, т. 3:35).

На основе трудов Маркса и Энгельса Дрейпер сформулировал характерные признаки государства в современный исторический период в отличие от племенных сообществ. Во-первых, государство осуществляет власть над всей территорией (как правило, вокруг городских объединений), а не над родственным кланом. Во-вторых, государство осуществляет власть с помощью институтов или орудий принуждения, что отличает его от коллективистского общества. В-третьих, государство финансируется за счет налогов, собираемых с граждан. В-четвертых, государство поддерживает свою власть с помощью созданной им бюрократии, стоящей особняком от остального населения и возвышающейся над ним. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали, что «государственная власть» — это только комитет, управляющий общими делами буржуазии. Если быть более конкретным, то государство обслуживает класс, осуществляющий экономическое господство.

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса (Маркс и Энгельс, т. 21:171).

Одной из важнейших задач государства является посредничество в улаживании противоречий и конфликтов внутри господствующего, или правящего, класса. Этот класс не обязательно является монолитным, особенно в основанном на конкуренции капиталистичес-

ком обществе, и может включать в себя конфликтующие и антагонистические индивидуальные и групповые интересы. Таким образом, государство существует, чтобы обеспечивать господство правящего класса над обществом. Государство действует в интересах правящего класса, и ему подчинены все другие интересы.

Потребности общества... не могут быть удовлетворены без участия политических (и иных) институтов, созданных классово обусловленным обществом; именно в ходе такого участия и прохождения через эти каналы они формируются, просеиваются, асимметрично отклоняются, приобретают особую четкость, моделируются и подвергаются модулированию, чтобы соответствовать структуре, установленной правящими интересами и идеями. Так утверждает себя классовая природа государства и общества, даже без коварных целей или зловещих замыслов (Draper, 1977:262).

В своей работе «Государство и революция» Ленин вкратце резюмировал разработанную Марксом и Энгельсом теорию государства. Одновременно он дал отпор «буржуазным» извращениям этой теории. Прежде всего он настаивал на том, что государство не примиряет классовые конфликты, а создает условия для угнетения одного класса другим. «Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы» (Ленин, т. 33:7). Во-вторых, Ленин заявлял, что государственная власть должна быть уничтожена насильственной революцией, а компромиссы и реформистские меры не способны ликвидировать классовые противоречия.

...Если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая *над* обществом и «все более и более отчуждающая себя от общества», то ясно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, *но и без уничтожения* того аппарата государственной власти, который господствующим классом создан и в котором это «отчуждение» воплощено (8).

Главными орудиями силы или власти являются постоянная армия и полиция, а не вооружение всего народа. Борьбу против государства и его орудий власти будет вести пролетариат. Когда развитие произ-

водства достигнет высокого уровня, отпадет необходимость в существовании классов: «Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство» (15). Пролетариат захватит власть и сделает частные средства производства государственной собственностью. Переход от капитализма к коммунизму неизбежно приведет к правлению пролетариата и диктатуре пролетариата (35). Буржуазная демократия превратится в пролетарскую демократию. Большинство подавит гнет меньшинства, функции государственной власти будет осуществлять народ, пока вообще не отпадет необходимость в такой власти и государство не отомрет (42—43).

Основываясь на полемических трудах Маркса, например на «Манифесте Коммунистической партии» и «Критике Готской программы», Ленин разработал теорию перехода от капитализма к коммунизму. Это была не утопическая, а научная концепция: «Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» (85). Эта эволюция проходит через несколько фаз. Первая фаза: возникает буржуазное общество, идущее по капиталистическому пути. Вторая: на период «политического переходного периода» от капиталистического общества к коммунистическому «государство... не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата...*» (86). Третья: на ранней фазе коммунизма, обычно называемой социализмом, средства производства более не являются частной собственностью отдельных лиц, а принадлежат всему обществу; однако присущее буржуазному обществу неравенство не полностью преодолено. Четвертая: на высшей фазе «полного» коммунизма, когда преодолено буржуазное неравенство, государство будет заменено правлением всего общества, а люди будут работать по способностям, получая по потребностям (95).

С возрождением интереса к теории государства идеи Маркса, Энгельса и Ленина послужили основой для различных направлений исследования. Ален Вулф отметил две обозначившиеся тенденции: одна из них ведет к плюрализму, другая — к марксизму, уделяющему особое внимание капиталистическому государству. Внутри самого марксизма также очевидны две тенденции. Одна из них определяется влиянием произведений молодого Маркса, в частности его критики Гегеля. Ее сторонники уделяют особое внимание условиям человеческого существования. Другая тенденция концентрирует внимание на более поздних трудах Маркса, подчеркивая не «критические»,

а «научные» аспекты. В ней сформировались два подхода: ленинский и альтюссеррианский. Ленин подчеркивал необходимость захвата пролетариатом государственной власти, поэтому теория Маркса и Энгельса служила практическим целям, то есть осуществлению революционной деятельности, а Луи Альтюссер пытался придать целостность теории государства. Он выделял структурные свойства, гарантирующие стабильность и целостность государства и господствующих при капитализме классов.

Вулф критиковал оба подхода. Если ленинские воззрения «слишком часто ведут к механистическому детерминизму, смешиванию формы и содержания и к тенденции считать государство всемогущим и неизменным» (Wolfe, 1974:136), то альтюссеррианский взгляд страдает от «догматизма» и «схоластики», а также от одержимости, «зацикленности нашего века на позитивизме и научной рациональности» (142). Вулф связывал капиталистическое государство с отчуждением; хотя государство «возникает из политической отчужденности, оно продолжает существовать, увековечивая эту политическую отчужденность» (149). Данное наблюдение привело Вулфа к выводу, что мы должны развивать теорию политической отчужденности, а не марксистскую теорию государства (155).

Интерес к разработке теории капиталистического государства заставил, однако, многих марксистов переоценить исходные положения и свои теории. В начале XX в. Грамши исследовал различные средства захвата контроля над государством демократическими методами. Если Ленин рассматривал гегемонию как стратегию революции, в ходе которой рабочий класс и его представители добиваются поддержки большинства, то Грамши распространил эту концепцию на капиталистический класс и его возможности захвата государственной власти. Гегемония является, таким образом, взаимоотношением между классами и другими социальными силами, которое преобразуется в систему союзов для обеспечения гегемонии над государством и обществом.

Истоки современных дискуссий на эту тему в Германии можно обнаружить еще в прошлом столетии (Holloway and Picciotto, 1978), а в Соединенных Штатах большая работа была проделана в 1970-х гг. исследователями, связанными с журналом «Капиталистейт: исследование капиталистического государства». Гоулд, Лоу и Райт (Gold, Lo, and Wright, 1975) обобщили эту работу и выделили в ней три традиционных для ученых марксистской ориентации направления: инструменталистское, структуралистское и гегельянско-марксистское. Эспинг-Андерсен, Фридлэнд и Райт (Esping-Andersen, Friedland, and Wright, 1975) предложили четыре направления: плюра-

листическое, инструменталистское, структуралистское, а также направление, отражающее тенденции политической классовой борьбы. Рассмотрим теперь вкратце эти и другие взгляды.

Плюралистический социалистический подход

Недавно проявившаяся готовность к восприятию основ представительной и формальной демократии в странах, долгое время находившихся во власти авторитарного правления в форме фашистско-капиталистических или государственно-социалистических режимов, часто сопровождалась суждениями о том, что плюрализм можно совместить с социализмом, при котором государство отфильтровывает требования и интересы конкурирующих индивидов, групп и классов. Например, «социалистический плюрализм» оказался темой, более всего заинтересовавшей многих левых интеллектуалов Португалии после падения фашистской диктатуры в апреле 1974 г. Хотя эта тема не была четко разработана с точки зрения теории, понять ситуацию помогают некоторые критические взгляды. Во-первых, это гегельянско-марксистская позиция Герберта Маркузе и других представителей Франкфуртской школы. Их «критическая теория» разоблачала мистификацию государства, при которой особое внимание уделялось идеологии и ложному сознанию как средствам освобождения индивидов и социальных групп от гнета капитализма. Подобное внимание к условиям человеческого существования имеет свое происхождение в ранних произведениях Маркса и его критике гегелевского понимания государства как структуры, стоящей над конкретными интересами и классами и являющейся посредником, обеспечивающим упорядоченную конкуренцию между индивидами и социальными группами при сохранении коллективных интересов общества внутри самого государства. В отличие от Гегеля Маркс рассматривал государство как политическое выражение классовой структуры, встроенной в производство.

Во-вторых, некоторые авторы подчеркивали конфликт между государством и социальными классами. Например, Клаус Оффе (Offe, 1972) подверг критике интерпретации, игнорирующие механизмы государства, которые, в свою очередь, отражают его классовый характер, структуру, идеологию, процессы функционирования и методы подавления. Джеймс О'Коннор (O'Connor, 1973) исследовал финансовый кризис государства, проанализировав также кризисы корпоративной рентабельности и государственное банкротство как индикаторы связи классовой борьбы с противоречиями в процессе на-

копления. Классовая борьба ограничивает способность государства рационализировать капитализм. Эспинг-Андерсен, Фридлэнд и Райт, сосредоточив свое внимание на внутренних структурах государства и отношениях с системными противоречиями, продемонстрировали воздействие этих структур на классовую борьбу и классовую политику, а также на организацию и содержание классовой борьбы. Они определили место государства «в диалектических взаимоотношениях между классовым господством и системными нуждами» (Esping-Andersen, Friedland, and Wright, 1976:190).

Выразители третьей тенденции проводят различие между государственным капитализмом (при котором государство осуществляет непосредственный контроль над капитальными ресурсами и выполняет важные функции управления промышленностью) и военным государственным капитализмом (при котором военная деятельность является основной деятельностью государства). Сеймур Мелман (Melman, 1991), например, полагал, что капитализм и в мире западного бизнеса, и в бывшей советской бюрократии приводит к отделению управления от производства, созданию иерархической управленческой организации и расширению полномочий управляющих. Таким образом, американские и бывшие советские менеджеры стремились увеличить свою власть над производством и рабочими. Мелман назвал это социальными отношениями государственного капитализма как господствующей политической структуры.

Наконец, Марк Кессельман (Kesselman, 1982) объяснял отставание марксистских политических исследований в Соединенных Штатах не только гегемонией буржуазного плюрализма в американской социальной науке, но и отсутствием системного анализа в трудах самого Маркса. По мнению Кессельмана, возникновение радикального социального движения в 1968 г. сопровождалось вторым открытием Грамши, связавшего в рамках марксистской модели политический анализ с развитым капитализмом. Если в традиционных марксистских исследованиях подчеркивалась роль капиталистического контроля над производством, то Грамши привлек внимание к деятельности государства и классовой борьбе.

Подобное возрождение интереса к проблеме государства проявилось при обсуждении, организованном объединением «За новую политическую науку», а также в ходе ежегодного собрания Американской ассоциации политических наук в 1981 г. Характерно, что темой собрания было «возвращение государства в политическую науку». В президентском обращении к собранию Чарльз Линдблом заявил, что «общепринятая теория является крайне несовершенной. Существу-

ет настоятельная необходимость в опоре на радикальные идеи» (Lindblom, 1982:20). Хотя благодаря усилиям политологов и социологов проблемы государства вновь стали оживленно обсуждаться представителями основного направления политологии, Альберт Фишлоу (Fishlow, 1990) отметил, что экономисты делали упор на сокращение роли государства, уменьшение правительственного вмешательства, приватизацию государственных предприятий и свободный рынок. Он утверждал, что в случае с Латинской Америкой это новое направление не только противоречит модели руководимой государством индустриализации через импортзамещающее производство, игравшей главенствующую роль в регионе после окончания Второй мировой войны, но даже не является следствием неэффективности, проистекающей из неправильной аллокации ресурсов. Государство берет на себя активную и позитивную роль в производстве товаров и услуг, управлении доходами и расходами, регулировании частной деятельности. Кроме того, оно планирует уровни накопления капитала и корректирует непропорциональную концентрацию частной власти для обеспечения определенной степени социальной справедливости, предоставления государственных услуг и гарантий равенства. По мнению Фишлоу, основная проблема заключается в нехватке финансовых средств из-за того, что возросшие правительственные расходы идут не на сельское хозяйство, а на промышленность. Согласно его анализу, необходимо эффективно действующее государство, а не опора на государство; к тому же Фишлоу отнюдь не уверен в повышении эффективности государства с помощью приватизации. Это мнение подтверждается скептическим отношением к принципу неограниченной свободы предпринимательства: «Большая часть микроэкономической литературы занимается такими проблемами, как незагруженные рынки, несовершенная информация, стратегические взаимодействия, вопросы принципала-агента, издержки, связанные с заключением сделок, и ограниченная рациональность» (1990:65). Фишлоу анализирует государство следующим образом:

С точки зрения теории и практики государство еще может сыграть весьма конструктивную роль... Для этого действительно необходима новая коалиция политической поддержки, основанная на новых и старых реалиях, таких, как резкое сокращение внешнего финансирования и необходимость роста внутренних сбережений, особенно в самом государственном секторе; выросшие, но более конкурентоспособные внешние рынки для промышленной продукции на основе распространения технологии и импорта средств производства; огра-

ничество внутренней налоговой базы; неприемлемость высокого неравенства доходов во всем регионе. Политическое преобразование — это в очень большой степени составной элемент конструктивного изменения государства; демократизация же — только начало (72).

Инструменталистский подход

Ленин однажды назвал регулярную армию и полицию орудиями государственной власти. Маркс и Энгельс отзывались о государственной власти как о комитете. Пол Суизи считал государство «орудием в руках правящих классов» (Sweezy, 1942:234). Ральф Милибэнд полагал, что правящий класс капиталистического общества использует «государство в качестве орудия господства в обществе» (Miliband, 1969:23). Автор теории корпоративного либерального инструментализма, в которой основное внимание уделяется прогрессивным секторам корпоративного капитала, определяющим размах общественных реформ, принято считать Уильяма Домхоффа (Domhoff, 1976), хотя сам он с этим не согласен. Суть всех этих взглядов сводится к восприятию государства как «инструмента» правящего, или господствующего, класса. Таким образом, сторонники инструменталистского подхода обращают основное внимание на правящий класс, а также на связи и механизмы, соединяющие инструменты правящего класса и государственную политику. Инструментализм критиковали за неспособность выйти за рамки плюралистической структуры: «Акцент делался на социально-политических группировках, а не на классах, определяемых по признаку их отношения и средствам производства» (Gold, Lo, and Wright, 1975:34—35).

Структуралистский подход

«Согласно основополагающему тезису структурализма функции государства широко определяются скорее общественными структурами, а не людьми, стоящими у руля государства» (Gold, Lo, and Wright, 1975:36). В отличие от инструментализма приверженцы структуралистского подхода рассматривают принуждения и противоречия капитализма в рамках структуры, в которую встроено государство. Главное — эта структура, а не борьба индивидов, классов и т.п. Альгюссер заложил основу структурализма, а Никос Пулантцас (Poulantzas, 1973) разработал его политическую сторону. Он полагал, что буржуазия как класс не в состоянии господствовать в государстве, что государство само организует и объединяет ее классовые инте-

ресы. Экономическая сторона структуралистского подхода выражена в трудах Пола Барана и Пола Суизи; они подчеркивали роль государства в разрешении экономических противоречий и предотвращении кризисов, связанных с монополистическим капитализмом. Критики структуралистского подхода утверждают, что он не в состоянии объяснить классовые действия, порожденные классовым сознанием (Best and Connolly, 1979).

Фактически же как структурализм, так и инструментализм подвергаются критике в категориях системных входов и выходов. Инструменталисты предпочитают связывать анализ с современной классовой деятельностью, а не с исторически сложившимися принуждениями системы. Структуралисты же склонны преуменьшать классовую деятельность.

Инструменталистский подход к государству уделяет особое внимание *политическому входу* в государство и считает крайне важной проблему неравномерно-го распределения власти среди классов. Структуралистский подход к государству уделяет особое внимание *политическому выходу* деятельности государства, благодаря которому воспроизводится капиталистическое господство и сохраняется целостность общественной формации. Ни тот ни другой подходы не содержат в себе теории механизмов, связывающих политические входы и системные принуждения с выходами государственной деятельности. Ни тот ни другой подходы не в состоянии аналитически определить ту степень, до какой классовое действие является связующим звеном между принуждениями и государственными структурами, генерирует эти принуждения и структуры или иногда вообще не имеет никакого отношения к системе экономических принуждений государства (Esping-Andersen, Friedland, and Wright, 1976:189—190).

Альтернативный подход, объясняющий теорию регулирования, был выдвинут Мишелем Альеттой в книге «Регулирование и кризисы капитализма» (Aglietta, 1976) и Робером Буае в книге «Теория регулирования: критический анализ» (Boyer, 1986). Наблюдение за кризисами и их регулярностью позволяет понять природу капитализма. Его развитие рассматривается как смена периодов кризиса периодами регулярного функционирования социальных связей и структур. Способ регулирования — то есть набор последовательных и предсказуемых правил — соответствует каждому периоду стабильности и обеспечивает гармоничное развитие системы. В противоположность этому в периоды кризиса экономические законы перестают действовать, потому что регулирование не всегда возможно, и система отдается на откуп «социальной борьбе и политически мотивированным

альтернативам». Таким образом, «экономическое время» подразделяется на два периода: периоды регулярного функционирования, когда действуют законы и осуществляется регулирование, и периоды кризиса, когда все зависит от воли случая (Fontvieille, 1991; для ознакомления с последними взглядами на теорию длинных циклов см. также: Gordon, 1991).

Феминистский подход

Феминизм позволяет взглянуть на отношения между полами с позиций реальной власти и бросает вызов традиционным способам изучения политики. Основное внимание в феминизме сосредоточено на патриархате и господстве мужчин над женщинами. Однако параллельно со ставшим уже привычным игнорированием феминизма в политической науке и сравнительной политологии необходимо признать тот факт, что феминистки не выработали собственной теории государства, но предпочитали делать акцент на гендерных теориях. Например, Кэти Фергюсон (Ferguson, 1983) пришла к выводу, что рост бюрократизации институциональной жизни способствует быстрой ассимиляции либеральных феминисток, а Хейди Хартманн (Hartmann, 1979) пессимистически оценила возможности более радикальных решений, поскольку теория так и не смогла дать анализ положения женщин в сугубо патриархальном обществе. Диана Кул обратила внимание на то, как с помощью государства и его аппарата мужчины поддерживают свою власть и в государственном, и в частном секторах. Кроме того, «многие феминистки поняли, что безликая бюрократическая природа современного государства создает проблемы в отношении персонализированного и партиципаторного стиля политической жизни, который они так стремятся утвердить» (Coole, 1990:32). В. Спайк Петерсон проявила интерес к «гендерно определяемой конструкции государства» (Peterson, 1992), а Кэтрин Маккиннон опровергла широко распространенное мнение, будто феминистской теории государства вообще не существует. Она исследовала феминизм и марксизм как методы, позволяющие понять природу государства, и подчеркнула различия между ними. Маккиннон отметила, что марксизм критикует феминизм как теоретически и практически буржуазное течение, служащее интересам господствующего класса, а феминистки считают марксизм теорией, направленной на сохранение господства мужчин. Если марксистский метод — это диалектический материализм, то феминистский метод — совершенствование сознания. По мнению Маккиннон, феминизм стано-

вится наиболее радикальной критикой марксизма точно так же, как сам марксизм используется для критики классической политической экономии: «По сравнению с марксизмом мысль и явление по методу и реальности меняются местами при захвате власти, когда осуществляется проникновение субъективного в объективное и теории в практику. Совершив некое двойное движение, феминизм выворачивает марксизм наизнанку и ставит с ног на голову» (MacKinnon, 1989a:256; для уточнения см.: MacKinnon, 1989b).

Маркс и Энгельс проводили различие между государством и обществом, чтобы прояснить соотношение политической и экономической жизни. Они представляли перспективы создания в наши времена общества без государства, что большинством политологов считалось недостижимым. По этой причине — а также по ряду других причин — современные политологи часто принижают концепцию государства, заменяя ее «системой». Возможно, это делается для того, чтобы затушевать создаваемые обществом в сегодняшнем мире капитализма условия давления и принуждения по отношению к индивидам. Однако истинный смысл подобной замены совсем иной. Один из пропагандистов системного подхода, Дэвид Истон, напомнил нам о происхождении нашей научной дисциплины и признал, что мы находимся в долгу перед Марксом: «В какой-то мере политология смогла выделиться из других социальных наук в качестве отдельной дисциплины благодаря сформулированной Марксом мысли о различии между государством и обществом, о чем до него фактически ничего не было слышно» (цит. по: Draper, 1977: 237).

Нынешнее поколение политологов также билось над вопросом о том, что называть политикой, а что политической наукой. Маркс и Энгельс определяли политику в категориях власти государства, как надстройку, представляющую буржуазное общество и отражающую экономические потребности класса, контролирующего производство. Маркс и Энгельс установили наличие отношения между государственной и классовой структурой общества. Дрейпер резюмировал их концепцию следующим образом: «Государство — это институт или комплекс институтов, опирающихся на силовое принуждение со стороны специальных институтов общества для поддержания господства правящего класса, охраны существующих отношений собственности от коренных изменений и удержания всех остальных классов в подчиненном положении» (Draper, 1977:251). Хотя некоторые

—политические социологи и другие специалисты по социальным наукам использовали в своих трудах эту концепцию, большинство стремится не возлагать на себя бремя марксизма, предпочитая вместо этого отличать политику от экономики и избегать вопросов о власти и принуждении, классах и классовой борьбе.

Литература

- Aglietta, Michel. 1976. *Régulations et crises du capitalisme*. Paris: Calmann-Levy. Автор — первопроходец в изучении школы регулирования, важной для понимания теории длинных циклов (см.: Fontvieille, 1991).
- Almond, Gabriel A. 1956. «Comparative Political Systems». *Journal of Politics* 18 (August), 391—409. Одна из первых попыток создания типологии политических систем.
- _____. 1960. «Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics». In Almond and James S. Coleman (eds.). *The Politics of Developing Areas*, 3—64. Princeton: Princeton University Press. Уточнение и доработка формулировок автора, с которыми он выступал в 1956 г. Под влиянием ранних работ Вебера и Парсонса Алмонд выдвинул «пробабалистическую теорию политической системы», сформулированную на основе схемы структур и функций.
- _____. 1965. «A Developmental Approach to Political Systems». *World Politics* 17 (January), 183—214. Алмонд доказывает необходимость при изучении сравнительной политологии сочетать его функциональную теорию с теорией развития. Это эссе является уточнением работы Алмонда 1960 г.
- _____. 1968. «Political Development: Analytical and Normative Perspectives». Boston: Benedict Lectures on Political Philosophy, Boston University, March. Reprinted in Almond, *Political Development: Essays in Heuristic Theory*, 273—303. Boston: Little, Brown and Co., 1970.
- _____. 1969—70. «Determinacy-Choice, Stability-Change: Some thoughts on a Contemporary Polemic in Political Theory». *Government and Opposition* 5 (Winter), 22—40. Алмонд стремится защитить свою предыдущую работу включением ее подходов в новую исследовательскую стратегию. Он предлагает «системную эксплуатацию исторического опыта с использованием схемы причинной обусловленности, которая сочетает системно-функциональный анализ, агрегированный количественный анализ и анализ рационального выбора в определенные моменты при объяснении развития».
- _____. 1988. «The Return to the State». *American Political Science*

Review 82 (September), 853—874., Responses, pp. 875—901, by Eric A. Nordlinger, Theodore J. Lowi, and Sergio Fabbrini in «The Return to the State: Critiques». Анализ тенденции к смещению акцента на теорию государства. Алмонд делает вывод, что литература о государстве не достигает цели в нападках на плюралистический редукционизм и к тому же не является убедительной. Он отбрасывает «этот интеллектуальный эпизод» за отказ от поисков литературы с институциональной и административной историей. Ответы Алмонду демонстрируют слабость его аргументации.

Almond, Gabriel, and G. Bingham Powell, Jr. 1966. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston: Little, Brown and Co. Опираясь на законы Ньютона, авторы реализуют функциональный подход к сравнительной политологии.

Amin, Samir. 1974. *Accumulation on a World Scale: A Critique of The Theory of Underdevelopment*. New York: Monthly Review Press. Всесторонний синтез мировой политической экономики с марксистских позиций.

Andrews, William G. 1991. «Corporatist Representation in European International and Supranational Organizations». Paper presented at the 15th World Congress of the International Political Science Association, Buenos Aires, July 21—25, 15 pp., plus 5 pp. Notes. Выдвигается аргумент, что в европейских международных организациях важен корпоратизм и что в ЭС существует широкое признание корпоратизма как «системы официального представительства интересов сообществ и ассоциаций внутри официальных государственных органов и, по аналогии, внутри международных организаций» (1).

Apter, David E. 1971. «Comparative Studies: A Review with Some Projections». In Evan Vallier (ed.), *Methods in Sociology*, 3—15. Berkeley: University of California Press. Критический обзор плюралистических тенденций в области сравнительной политологии; обсуждение слабостей функционализма; взгляд на последние события в сравнительной политологии.

Ashford, Douglas. 1981. *Policy and Politics in Britain: The Limits of Consensus*. Philadelphia: Temple University Press. Изучение государственной политики в Великобритании.

_____. 1982. *Policy and Politics in France: Living with Uncertainty*. Philadelphia: Temple University Press. Продолжение темы более ранней работы, но применительно к роли государства и государственной политике во Франции.

Astin, John D. 1972. «Easton I and Easton II». *Western Political Quarterly* 25 (December), 726—737. О двух подходах в трудах Истона: механистическом (Истон I) и виталистском (Истон II). При всей их

кажущейся несовместимости они сочетаются в трудах Истона.

Barber, Bernard. 1956. «Structural-Functional Analysis: Some Problems and Misunderstandings». *American Sociological Review* 21 (April), 129—135. Автор утверждает, что функционализм и функциональные теории не объясняют процесс перемен, становятся абстрактными и имеют дело со статичными, закрытыми системами.

Bartlett, Doris, and Francis Bartlett. 1971. «Social Implications of biological Determinism». *Science and Society* 35 (Summer), 209—219. Автор обсуждает значение интерпретаций, связывающих биологию с человеческими проблемами, и считает, что над индивидом все более довлеет технология.

Baruah, Apurba Kumar. 1987. *Systems Analysis in Political Science: A Marxist Critique of David Easton*. New Delhi: Uppal. Критическое рассмотрение проблем и противоречий в американской политологии, особенно теорий Дэвида Истона и теории систем. Марксистская оценка идей Истона.

Baskin, Darryl. 1970. «American Pluralism: Theory, Practice, and Ideology». *Journal of Politics* 32 (February), 71—95. Основательная критика плюрализма.

Bebler, Anton, and Jim Seroka (eds.). 1990. *Contemporary Political Systems: Classifications and Typologies*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. Антология, посвященная классификации политических систем в современном исследовании. В книге можно выделить три раздела: 1) эссе теоретического и исторического характера; 2) эссе о современной типологии; 3) эссе о классификации по географическому признаку.

Bertalanffy, Ludwig von. 1969. *General Systems Theory: Foundations, Development, Applications*. New York: G. Braziller. Открытые (биологические) системы противопоставляются закрытым (механистическим) системам в попытке создания общей теории систем.

Best, Michael H., and Willeam E. Connolly. 1979. «Politics and Subjects: The Limits of Structural Marxism». *Socialist Review* 9 (November-December), 75—99. Критическая оценка структуралистской теории.

Black, Max (ed.) 1961. *The Social Theories of Talcott Parsons*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. Полезная и глубокая критика трудов Парсонса.

Blauberg, I.V., V.N. Sadovsky, and E.G. Yudin. 1977. *Systems Theory: Philosophical and Methodological Problems*. Moscow: Progress Publishers. На редкость объективный обзор тенденций и литературы о системах, включая научные достижения в Советском Союзе.

Bluntschli, Johann Kaspar. 1885. *The Theory of the State*. Oxford:

Clarendon Press. Перевод работы, первоначально вышедшей в свет на немецком языке (1851). Книга оказала значительное влияние на раннюю американскую политологию. В ней рассматривается концепция государства, его функции, формы и т.д. (подробнее см.: Gunnell, 1990).

Boyer, Robert. 1986. *La théorie de la régulation: Une analyse critique*. Paris: La Découverte. Основательная разработка теории регулирования, предпринятая нынешним ее ведущим сторонником. Книга важна для понимания теории длинных циклов (см.: Fontvieille, 1991).

Buckley, Walter. 1966. «Structural-Functional Analysis in Modern Sociology». In Howard Becker and Alvin Boskoff (eds.), *Modern Sociological Theory in Continuity and Change*, 236—259. New York: Holt, Rinehart and Winston. Критика функционалистов за их склонность к консенсусу.

Cameron, David R. 1978. «The Expansion of the Public Economy: A Comparative Analysis». *American Political Science Review* 72 (December), 1243—1261. Анализируются причины и результаты возрастания экономической роли восемнадцати промышленно развитых государств.

_____. 1982. «On the Limits of the Public Economy». *Annals*, vol. 459, 46—62. Корреляционный анализ государственных расходов и темпов роста девятнадцати промышленно развитых стран. Автор демонстрирует, что высокий уровень государственных расходов и бюджетный дефицит не вызвали в Европе стагфляции.

Canak, William L. 1984. «The Peripheral State Debate: State Capitalist and Bureaucratic-Authoritarian Regimes in Latin America». *Latin American Research Review* 19 (1), 3—36. Анализ двух крупных концептуальных структур, используемых для понимания роли государства в Латинской Америке: государственно-капиталистических и бюрократическо-авторитарных взглядов. Автор демонстрирует, что обе теории похожи друг на друга (государственная структура и политика связаны с кризисом, причины которого кроются в истощении индустриальной модели замещения импорта внутренним производством, а слабость государства связывается со слабостью национальной буржуазии), но подчеркивает также и их различия.

Caporaso, James A. (ed.). 1989. *The Elusive State: International and Comparative Perspectives*. Newbury Park, California: Sage Publications. Антология эссе, первоначально опубликованных в «Comparative Political Studies».

Carnoy, Martin. 1984. *The State and Political Theory*. Princeton: Princeton University Press. Всеобъемлющий и глубокий обзор теории государства, включающий главы об американской политической мысли.

Clark, G.L., and M. Dear. 1984. *State Apparatus: Structures and Language of Legitimacy*. Boston: Allen and Unwin. Обзор и критическая оценка восемнадцати различных теорий государства.

Clark, Terry. 1972. «Structural-Functionalism, Exchange Theory, and the New Political Economy: Institutionalization as a Theoretical Linkage». *Sociological Inquiry* 42 (3—4), 275—298. Автор критикует ряд господствующих теорий, включая структурный функционализм, и высказывается за более тщательный анализ процесса институционализации. В частности, им анализируются работы Парсонса.

Coole, Diana. 1990. «Feminism and Politics». In Adrian Leftwich (ed.), *New Developments in Political Science: An International Review of Achievements and Prospects*, 24—40. Hants, England, and Brookfield, Vermont: Edward Elgar and Gower Publications. Автор считает, что феминизм позволяет взглянуть на отношения между полами как на один из аспектов силовых взаимоотношений и что он бросает вызов традиционным путям изучения политики, акцентируя внимание на патриархате и господстве мужчин под женщинами.

Dahrendorf, Ralf. 1958. «Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis». *American Journal of Sociology* 64 (September), 115—127. Критика Парсонса с его функциональной теорией как утописта.

Degler, Carl N. 1991. *In Search of Human Nature: The Decline and Revival of Darwinism in American Social Thought*. New York: Oxford University Press. Автор утверждает, что дарвиновские концепции наследственности и биологические объяснения поведения вновь появились в социальной науке и в науке вообще, но без прежнего расизма.

Deutsch, Karl W. 1963. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: Free Press of Glencoe. Автор считает, что «видимо, стоит рассматривать государство не столько с точки зрения проблемы власти, сколько с точки зрения проблемы управления... и что управление — это прежде всего вопрос коммуникации». Исходя из классической политической теории коммуникаций и контроля, теории игр и принятия решений, а также теории международных коммуникаций, Дойч занимается поисками политики, как национальной, так и международной».

_____. 1986. «State Functions and the Future of the State». *International Political Science Review* 7 (July), 209—222. Статья включает в себя анализ двенадцати типов государств.

Domhoff, G. William. 1976. «I Am Not an 'Instrumentalist': A Reply to 'Modes of Class Struggle and the Capitalist State' and Other Kapitalistate Critics». *Kapitalistate* 4—5 (Summer), 221—224. Отповедь

Эспинг-Андерсену, Фридленду и Райту (1976), а также опроверженные утверждения, что автор — инструменталист.

Draper, Hal. 1977. *Karl Marx's Theory of Revolution; Book I: State and Bureaucracy*. New York: Monthly Review Press. Первый из трех томов посвящен ранним трудам Маркса с акцентом на политике и делится на две части: первая посвящена молодому Марксу и его политическому становлению начиная примерно с 1842 г.; во второй рассматривается бонапартистское государство и 1848—51 гг.

Easton, David. 1950. «Harold Lasswell: Policy Scientist for a Democratic Society». *Journal of Politics* 12 (August), 450—477. В этой одной из ранних работ Истона отражены поиски ценностей демократической политики и научных исследований в социологии. Истон извлекает из трудов Лассуэлла «урок», состоящий в том, что «каждая социальная наука должна пересмотреть ценностные послышки, на которых основано ее эмпирическое исследование».

_____. 1953. *The Political System: An Inquiry into the State of Political Science*. New York: Alfred A. Knopf. В своей первой работе о политической теории систем Истон ратует за общую теорию политологии.

_____. 1956. «Limits of the Equilibrium Model in Social Research». *Behavioral Science* 1 (April), 96—104. Взгляд на модель равновесия как на «невнятную политическую структуру» для политологии и других дисциплин. Анализ равновесия не может быть пригодным без других данных, поддающихся политическому определению.

_____. 1957. «An Approach to the Analysis of Political Systems». *World Politics* 19 (April), 383—400. Вслед за своей первой попыткой обрисовать необходимость теории политических систем Истон излагает здесь ряд концепций и общую модель для анализа политической системы.

_____. 1965a. *A Framework for Political Analysis*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. Вторая работа Истона о политических системах. В ней излагаются основные теоретические концепции.

_____. 1965b. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley and Sons. Третья работа автора по теории систем, в которой развиваются концепции, изложенные ранее, в приложении к эмпирическим ситуациям.

_____. 1981. «The Political System Besieged by the State». *Political Theory* 9 (August), 303—325. Анализ концепции государства, а также защита теории систем Никоса Пулантаса.

_____. 1990. *The Analysis of Political Structure*. New York: Routledge. Развитие мысли о том, что при политическом анализе следует принимать во внимание структуру.

Esping-Andersen, Gosta, Roger Friedland, and Erik Olin Wright. 1976. «Modes of Class Struggle and the Capitalist State». *Kapitalistate* 4—5 (Summer), 186—220. Обзор подходов к изучению капиталистического государства и развитие нового подхода с акцентом на политической классовой борьбе.

Evans, Michael. 1970. «Notes of David Easton's Model of the Political System». *Journal of Commonwealth Political Studies* 8 (July), 117—133. Критическое резюме трудов Истона о системах и оценка концептуальных, интерпретативных и внутренних трудностей.

Evans, Peter, Dietrich Rueschemeyer, and Theda Skocpol (eds.). 1985. *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press. Очерки о теории государства в современных социальных науках.

Ferguson, Kathy E. 1983. «Feminism and Bureaucratic Discourse». *New Political Science* 2 (Spring), 53—73. Автор связывает подъем женского движения с разрастанием и бюрократизацией политических и экономических институтов, а также утверждает, что либеральные феминистки оказались втянутыми в этот процесс бюрократизации и долг радикально настроенных феминисток — критиковать такую ситуацию.

Finer, S.E. 1969—70. «Almond's Concept of 'The Political System': A Textual Critique». *Government and Opposition* 5 (Winter), 3—21. Подробная критика терминологии в трудах Алмонда о политической системе. Файнер полемизирует с Алмондом по поводу использования терминов «политический» и «система» и выступает за возвращение к традиционной лексике.

Fishlow, Albert. 1990. «The Latin American State». *Journal of Economic Perspectives* 4 (Summer), 61—74. О значительной роли государства в развитии стран, особенно в Латинской Америке.

Fontvieille, Louis. 1991. «Long-Cycle Theory: Dialectical and Historical Analysis». *Review* 14 (Spring), 233—261. Полезное, хотя и фрагментарное обсуждение теории длинных циклов и ее применения.

Friedman, Jonathan. 1974. «Marxism, Structuralism, and Vulgar Marxism». *Man* 9 (September), 444—469. Критика вульгарного материализма, в частности Хэрриса (Harris, 1968), идентификация «функциональных различий» в марксистской «модели» и попытка связать структурализм с марксизмом.

Garson, G. David. 1974. «On the Origins of Interest-Group Theory: A Critique of a Process». *American Political Science Review* 68 (December), 1505—1519. Исторический обзор и синтез прошлых и нынешних тенденций в теории групп интересов. Полезен для понимания истоков функционализма Алмонда.

Gold, David A., Clarence Y.H. Lo, and Erik Olin Wright. 1975. «Recent Developments in Marxist Theories of the Capitalist State». *Monthly Review* 27 (October), 29—43, and (November), 36—51. Обзор традиционных подходов к изучению капиталистического государства и новых теоретических направлений.

González Casanova, Pablo. 1973. «Historical Systems and Social Systems». *Studies in Comparative International Development* 8 (Fall), 227—246. Автор идентифицирует два направления в литературе по теории систем — функционализм и анализ систем, а также приводит их интерпретации в основном направлении политологии, вскрывает их слабости и пытается далее предложить альтернативную интерпретацию.

Gordon, David M. 1991. «Inside and Outside the Long Swing: The Endogeneity /Exogeneity Debate and the Social Structures of Accumulation Approach». *Review* 14 (Spring), 263—312. Автор рассматривает проблему длительных колебаний в капиталистической экономике и вопрос о том, в какой мере они являются следствием самогенерирующейся экономической динамики; высказывается за альтернативную модель, представленную социальными структурами аккумуляции.

Grant, Wyn (ed.). 1985. *The Political Economy of Corporatism*. New York: St. Martin's. В сборник вошли эссе Филиппа Шмиттера «Новый корпоратизм и государство».

Groth, Alexander J. 1970. «Structural Functionalism and Political Development. Three Problems». *Western Political Quarterly* 23 (September), 485—499. Статья обращает внимание на три проблемы структурного функционализма: «терминологическая неопределенность; трудности при определении политических отношений; смешение фактов с ценностями».

Gunnell, John G. 1990. «In Search of the State: Political Science as an Emerging Discipline in the U.S.» In P. Wagner, B. Whittrock, and R. Riley (eds.). *Discourses on Society*, vol. 15, 123—161. Автор анализирует эволюцию концепции государства в политологии XIX в. и связывает эту интеллектуальную историю с современными дебатами о государстве.

Hancock, M. Donald. 1983. «Comparative Public Policy: An Assessment». In Ada W. Finifler (ed.), *Political Science: The State of the Discipline*, 283—307. Washington, D.C.: American Political Science Review. Исчерпывающий обзор литературы по изучению социальной политики в сравнительной политологии; обращает внимание на многообразие масштабов и методов исследований и идентифицируются крупные исследовательские темы. Включена полезная «таксономия» взглядов конкретных ученых.

Harris, Marvin. 1968. *The Rise of Anthropological Theory: A History of Theories of Culture*. New York: Thomas Y. Crowell Co. Интерпретативный обзор основных мыслителей и идей, связанных с культурой. Хэррис разделяет материалистическую позицию Маркса, но критически отзывается о его диалектическом методе.

Hartmann, Heidi I. 1979. «The Unhappy Marriage of Marxism and Feminism: Towards a More Progressive Union». *Capital and Class* 8 (Summer), 1—33. Хартманн утверждает, что отношения между марксизмом и феминизмом являются неравными и что феминизм находится в подчиненном положении. Она также считает необходимым сочетать анализ патриархата с анализом капитализма, чтобы понять положение женщин в капиталистических обществах.

Hempel, Carl G. 1959. «The Logic of Functional Analysis». In Llewellyn Gross (ed.), *Symposium in Sociological Theory*, 271—307. New York: Harper and Row. Утверждается, что структурный функционализм нелогичен.

Holloway, John, and Sol Picciotto (eds.). 1978. *State and Capital: A Marxist Debate*. Austin: University of Texas Press, 1978. Эссе из Германии о различных теоретических направлениях. Во введении дается анализ с резюме истории дебатов о государстве.

Holt, Robert T., and John E. Turner, 1966. *The Political Basis of Economic Development: An Exploration in Comparative Political Analysis*. Princeton, New Jersey: D. Van Nostrand. Особенно важна критика трудов Алмонда в первой главе книги. Отмечаются трудности применения его теории к историческим и современным ситуациям, ошибочная постановка знака равенства между современной политической системой и современной англо-американской демократической системой, использование слишком многих измерений, а также игнорирование многообразия общественных функций государства.

Jantsch, Erich. 1972. «Forecasting and the Systems Approach: A Critical Survey». *Policy Sciences* 3 (December), 475—498. Автор начинает с типологии внутренних самоорганизующихся механистических, адаптивных и инвентивных систем, затем переходит к внешним самоорганизующимся системам, которые рассматриваются под углом зрения планирования — нормативного, или политического, стратегического и операционного, или тактического. Идентифицируются подходы, используемые в системном анализе и прогнозировании — в экономике, социологии, политологии, городском и региональном планировании и в других областях.

Jessop, Bob. 1977. «Recent Theories of the Capitalist State». *Cambridge Journal of Economics* 1 (December), 353—373. Идентифицируются шесть концепций государства в марксистской литературе.

_____. 1982. *The Capitalist State*. Oxford: Martin Robertson. Обзор литературы о теориях государства.

_____. 1990. *State Theory: Putting Capitalist States in Their Place*. University Park: Pennsylvania University Press. Обновление и развитие проблематики более ранней работы автора (1982) с весьма полезной критикой и интерпретацией различных направлений в теории государства.

Kesselman, Mark. 1982. «Socialist Pedagogy». *New Political Science* 9—10 (Summer—Fall), 113—136. Критическое исследование тем, близких к марксизму, особенно касающихся государства, демократии и социализма. Автор, обращаясь к Грамши и другим мыслителям, пытается объяснить проблему отсутствия системного политического анализа в идеях Маркса.

Krasner, Stephen D. 1988. «Sovereignty: An International Perspective». *Comparative Political Studies* 21 (April), 66—94. Автор выступает за «институциональную перспективу», против утилитаризма и функционализма, утверждая, что суверенное государство давно стало основной формой политической организации.

Ленин, Владимир Ильич. Полное собрание сочинений в 55 тт.

Levy, Marion J., Jr. 1952. *The Structure of Society*. Princeton: Princeton University Press. Попытки синтезировать взгляды Парсонса и Мертона.

_____. 1958. «Some Aspects of 'Structural-Functional' Analysis and Political Science». In Roland Young (ed.), *Approaches to the Study of Politics*, 52—65. Evanston: Northwestern University Press. Автор-социолог применяет свои концепции и понимание структурного функционализма к изучению политики.

Lewis, Thomas J. 1974. «Parsons' and David Easton's Analyses of the Support System». *Canadian Journal of Political Science* 7 (December), 672—686. Автор обсуждает концепции равенства и согласия, используемые классическим либерализмом, увязывая их с концепциями поддерживающей системы Парсонса и Истона, и приходит к выводу, что концепции Истона нелиберальны, а Парсонса — либеральны.

Lijphart, Arend. 1984. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries*. New Haven: Yale University Press. Сравнения мажоритарных и консенсусных моделей демократии. Вопреки подзаголовку акцент делается на опыте двадцати двух демократических режимов. Книга особенно полезна для вступительных и начальных курсов сравнительной политологии.

Lilienfeld, Robert. 1975. «Systems Theory as an Ideology». *Social Research* 42 (Winter), 637—660. Автор анализирует зарождение теории

систем в биологии, кибернетике, экономике, коммуникационно-информационной теории и операционном исследовании. Теория систем рассматривается как социальное движение и социальная философия, а вывод состоит в том, что ее невозможно описать как эмпирическую науку и что она не связана с конкретной человеческой историей и может быть понята лишь как идеология.

Lindblom, Charles E. 1982. «Another State of Mind». *American Political Science Review* 76 (March), 9—21. Президентское обращение к Американской ассоциации политических наук в 1981 г.

Ludz, Peter C. 1975. «Marxism and Systems. Theory in a Bureaucratic Society». *Social Research* 42 (Winter), 661—674. Критическая оценка системного анализа в свете опыта социалистической Восточной Германии.

MacIver, R. M. 1926. *The Modern State*. Oxford: Oxford University Press. Автор рассматривает семь концепций государства в традиционной литературе.

MacKinnon, Catharine A. 1989a. «Feminism, Marxism, Method, and the State: An Agenda for Theory». In Elizabeth Abel and Emily K. Abel (eds.), *The Signs Reader: Women, Gender and Scholarship*, 227—256. Chicago: University of Chicago Press. Глубокий анализ несовместимости марксистской и феминистской теорий. Проводится мысль, что обе теории — это теории власти и неравного распределения. Марксистским методом считается диалектический материализм, а феминистским, пропагандируемым автором, — выработка сознания.

_____. 1989b. *Toward a Feminist Theory of the State*. Cambridge: Harvard University Press. Критика традиционных феминистских подходов и марксистской теории.

Macridis, Roy C. 1961. «Interest Groups in Comparative Analysis». *Journal of Politics* 23 (February), 25—45. Критика теоретической ограниченности изучения групп интересов.

Mann, Michael. 1986. *The Sources of Social Power: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press. Первый из трех запланированных томов по истории и теории властных отношений в человеческих обществах.

Mannheim, Karl. 1957. *Systematic Sociology: An Introduction to the Study of Society*. Editorial preface by J.S. Eros and W.A.C. Steward. New York: Grove Press. Книга написана на основе лекций, прочитанных в Лондонской школе экономики. Маннгейм акцентирует внимание на «человеке и его психическом оснащении», на простейших социальных процессах, социальной интеграции, а также социальной стабильности и социальных переменях.

Martindale, Don (ed.). 1965. *Functionalism in the Social Sciences: The Strength and Limits of Functionalism in Anthropology, Economics, Political Science, and Sociology*. Monograph 5 Philadelphia: American Academy of Political and Social Science. Сборник критических эссе о функционализме в антропологии, экономике, социологии и политологии. Авторы обзоров — Джэрви, Шерман Рой Крупп, Роберт Холт, Уильям Фланиган и Эдвин Фогельман, Дон Мартиндейл и др. Заключительное эссе Мартиндейла является блестящим анализом происхождения и влияния структурной теории на социальные науки.

Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. Сочинения. 2-е изд.

Marx, Karl. 1975. *Early Writings*. Introduction by Lucio Colletti. New York: Vintage Books.

Meehan, Eugene J. 1968. *Explanation in Social Science: A System Paradigm*. Homewood, Illinois: Dorsey Press. Автор не только обрушивается на господствующие интерпретации и осуждает использование теории социальной науки в качестве «дедуктивной парадигмы объяснения», но также выдвигает собственную теорию систем как основную.

Melanson, Philip H., and Lauriston R. King. 1971. «Theory in Comparative Politics: A Critical Appraisal». *Comparative Political Studies* 4 (July), 205—231. Критика современной сравнительной теории с особым вниманием к работам Алмонда и Пауэлла. В частности, анализируется неопределенность их терминологии, чрезмерный упор на факты и имплицитные послышки в исследованиях.

Melman, Seymour. 1991. «Military State Capitalism». *The Nation* 252 (May 20), 664. Краткая статья, разграничивающая государственный капитализм и военный государственный капитализм. Автор характеризует капитализм и идентифицирует различия между властными полномочиями высших менеджеров в американской и советской промышленности.

Merriam, Charles E. 1966. *Systematic Politics*. Chicago: University of Chicago Press. Автор «анализирует политическое действие в свете факторов, определяющих институциональные формы, идеологии, политические структуры и структурные группы в конкретных политических обществах», используя «как натуралистический, так и рационалистический подходы... которые неразделимы».

Merton, Robert K. 1949. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe, Illinois: Free Press of Glencoe. Книга была переработана и дополнена в 1957 г. Ясное изложение структурного функционализма в среднеуровневом анализе.

Miliband, Ralph. 1969. *The State in Capitalist Society: An Analysis of the Western System of Power*. New York: Basic Books. Инструменталистская оценка политики капиталистического государства, то есть того, как правящий класс использует государство для обеспечения своего господства над обществом.

Miller, Eugene F. 1971. «David Easton's Political Theory». *Political Science Reviewer* 1 (Fall), 184—235. Подробный и глубокий критический разбор основных работ Истона о системах.

Miller, James G. 1969. «Living Systems: Basic Concepts». In William Gray, D.F. Duhl, and N. Rizzo (eds.), *General Systems Theory and Psychiatry*, 51—134. Boston: Little, Brown and Co. Автор, инициировавший междисциплинарные усилия, вовлекшие Истона в работу над теорией систем, излагает концепции, параллельные концепциям Истона.

Mills, C. Wright. 1959. *The Sociological Imagination*. New York: Grove Press. В гл. 2 содержится разрушительная критика «большой теории» Парсонса.

Mitchell, Timothy. 1991. «The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics». *American Political Science Review* 85 (March), 77—96. Предлагается третий подход, лежащий между концепцией политической системы и концепцией возвращения государства, и утверждается, что «необходимо тщательно изучить политические процессы, с помощью которых возникают неопределенные, но явные различия между государством и обществом» (78). Аргументируется несостоятельность концепции государства в трудах Истона и Алмонда.

Mitchell, William C. 1958. «The Polity and Society: A Structural-Functional Analysis». *Midwest Journal of Political Science* 2 (November), 403—420. Выдвигается «концептуальная схема для анализа политического действия», заимствованная из идей Истона и Лассуэлла, но основанная на трудах Парсонса, с примерами, ограниченными политической системой США.

_____. 1961. «Politics as the Allocation of Values: A Critique». *Ethics* 71 (January), 79—89. Критический анализ «аллокативного подхода к политике». Обсуждаются в основном труды Истона и Парсонса.

_____. 1967. *Sociological Analysis and Politics: The Theories of Talcott Parsons*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. Contemporary Political Theory Series. David Easton, editor. Итоговый синтез и критика работ Толкотта Парсонса; исчерпывающий анализ позиции Парсонса относительно политической системы.

_____. 1969. «The Shape of Political Theory to Come: From Political Sociology to Political Economy». In Seymour Martin Lipset (ed.), *Politics*

and the Social Sciences, Chapter 5, 101—136. New York: Oxford University Press. Идентифицируется парадигма «новой политической экономики», основанная на обменных политологических моделях.

Moore, Barrington, Jr. 1955. «The New Scholasticism and the Study of Politics». *World Politics* 6 (October), 122—138. Жесткая критика Парсонса как «нового схоласта».

Nettl, J.P. 1968. «The State as a Conceptual Variable». *World Politics* 20 (July), 559—592. Критика таких политологов, как, например, Алмонд и Истон, отбросивших концепцию государства.

Nicholson, M.B., and P.A. Reynolds. 1967. «General Systems, the International System, and the Eastonian Analysis». *Political Studies* 15 (February), 12—31. Авторы не считают формулировку систем Истона пригодной для описания международных систем.

O'Connor, James. 1973. *The Fiscal Crisis of the State*. New York: St. Martin's Press. Попытки связать государственные структуры и политику с классовой борьбой.

O'Donnell, Guillermo A. 1988. *Bureaucratic Authoritarianism: Argentina, 1966—1973, in Comparative Perspective*. Translated by James McGuire in collaboration with Rae Flory.

Offe, Claus. 1972. «Advanced Capitalism and the Welfare State». *Politics and Society* 2 (Summer), 479—488. Автор исследует классовый характер капиталистического государства и внутригосударственные механизмы, отражающие его классовые отношения. Критика инструменталистских и структуралистских взглядов на капиталистическое государство.

Ostrom, Elinor. 1990. «Rational-Choice Theory and Institutional Analysis: Toward Complementarity». *American Political Science Review* 85 (March), 237—243. Критический обзор литературы о рациональном выборе, в первую очередь теорий Джона Элстера и Барри Хайндесса.

Panitch, Leo. 1980. «Recent Theorizations of Corporatism: Reflections on a Growth Industry». *British Journal of Sociology* 31 (June), 159—187. Полезный критический разбор корпоративной теории.

Parsons, Talcott. 1937. *The Structure of Social Action*. New York: McGraw-Hill. Reprinted by Free Press of Glencoe, 1949. Первоначальный вариант или первая стадия парсоновской теории социального действия с акцентом на акторах.

_____. 1951. *The Social System*. Glencoe, Illinois: Free Press. Системный и общий контур концептуальной схемы для анализа структур и процессов или функций социальных систем.

_____. 1966. «The Political Aspect of Social Structure and

Process». In David Easton (ed.), *Varieties of Political Theory*, 71—112. Englewood. Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. Парсонс пытается применить свою концепцию системы и структурный функционализм к изучению политики.

Parsons, Talcott, and Edward A. Shils (eds.). 1951. *Toward a General Theory of Action*. Cambridge: Harvard University Press. Ранние идеи Парсонса, но в более позитивистском плане. Вторая стадия теории социального действия.

Parsons, Talcott, Robert F. Bales, and Edward A. Shils. 1953. *Working Papers in the Theory of Action*. Glencoe, Illinois: Free Press. В книге уделяется больше внимания политике как подсистеме.

Peterson, V. Spike (ed.). 1992. *Gendered States: Feminist (Re)Visions of International Relations Theory*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. Взгляд на «гендерную конструкцию государства» с критикой ключевых концепций теории международных отношений.

Poulantzas, Nicos. 1973. *Political Power and Social Classes*. London: New Left Books and Sheed and Ward. Структуралистский взгляд на капиталистическое государство.

Powell, Charles A. 1971. «Structural-Functionalism and the Study of Comparative Communist Systems: Some Caveats». *Studies in Comparative Communism* 4 (July-October), 58—67. Критика связанной с культурой теории структурного функционализма.

Radcliffe-Brown, A.R. 1935. «On the Concept of Function in Social Science». *American Anthropologist* 37 (July-September), 394—402. Проведение аналогии между социальной и органической жизнью при формулировании концептуализации функций.

_____. 1952. *Structure and Function in Primitive Society*. New York: Free Press. Сборник эссе о структурном функционализме.

_____. 1957. *A Natural Science of Society*. Glencoe, Illinois: Free Press. Посмертно опубликованная работа, проясняющая организационные влияния на авторскую концепцию социальной системы.

Rosenau, James N. 1988. «The State in an Era of Cascading Politics: Wavering Concept, Widening Competence, Withering Colossus, or Weathering Change?» *Comparative Political Studies* 21 (April), 13—44. О «нормах, определяющих системы отношений, привычки добровольной и принудительной податливости и практику сотрудничества, в ходе которой большое число людей образуют и поддерживают коллективность, обладающую суверенной властью» (15).

Sanford, Jonathan A. 1971. «Political Development and Economic Change: A Radical Interpretation of Almond and Powell's Developmental Approach». *Journal of International and Comparative Studies* 4

(Summer), 1—36. Критический комментарий к либеральному структурному функционализму Алмонда и Пауэлла. Предлагаются радикальный пересмотр этой теории и ее операционализация.

Schmitter, Philippe C. 1971. *Interest Conflict and Political Change in Brazil*. Stanford, California: Stanford University Press.

_____. 1985. «Neo-Corporatism and the State». In Wyn Grant (ed.). *The Political Economy of Corporatism*, 32—62. New York: St. Martin's. Критический обзор прошлых и нынешних взглядов на корпоратизм.

_____. 1989. «Corporatism Is Dead! Long Live Corporatism!» *Government and Opposition* 24 (Winter), 54—73. Интерпретативный обзор, содержащий переоценку книги Эндрю Шонфилда «Современный капитализм» (*Modern Capitalism*, 1965) и его взглядов на современный корпоратизм.

Shannon, Thomas Richard. 1989. *An Introduction to the World-System Perspective*. Boulder, Colorado: Westview Press.

Sorzano, J.S. 1975. «David Easton and the Invisible Hand». *American Political Science Review* 69 (March), 91—106. Анализ сходства между структурой Истона и структурой традиционной экономики. Концепции и послышки Истона рассматриваются в свете классической экономической модели Адама Смита.

Spiro, Herbert J. 1962. «Comparative Politics: A Comprehensive Approach». *American Political Science Review* 56 (September), 577—595. Явно находясь под влиянием истоновского системного подхода к политике, автор выдвигает свою схему сравнительной политологии, в основе которой лежит его собственная теория политического потока, включающая формулирование проблемы, обсуждение, анализ и решение.

Sweezy, Paul. 1942. *The Theory of Capitalist Development: Principles of Marxian Political Economy*. New York: Monthly Review Press. Анализ стоимости, прибавочной стоимости, процесса накопления, кризисов, депрессий и империализма с помощью инструментализма.

Szymanski, Al. 1972. «Malinowski, Marx, and Functionalism». *Insurgent Sociologist* 2 (Summer), 35—43. Автор утверждает, что функционализм был и остается консервативным, но в диалектической интерпретации он «становится основной частью марксистской методологии и исключительно мощным орудием развития социальной науки».

Thomas, Lewis. 1978. *The Lives of a Cell: Notes of a Biology Watcher*. New York: Penguin Books. 1st ed., Viking Press, 1974. Следует обратить особое внимание на раздел «Общества как организмы», где подчеркивается, что муравьи, пчелы и термиты живут, видимо, двойной жизнью: «отдельные особи выполняют повседневные дела, вроде бы

не беспокоясь о завтрашнем дне, одновременно оставаясь составными частями, клеточными элементами огромного, находящегося в постоянном действии и движении организма муравейника, гнезда, улья» (12), однако человеческим существам «не нравится мысль, что могут существовать коллективные общества, способные действовать подобно насекомым» (12).

Thorson, Thomas Landon. 1970. *Biopolitics*. New York: Holt, Rinehart and Winston. Критический обзор «ньютонической универсальной обобщающей парадигмы понимания», «дарвиновской эволюционной, ориентированной на развитие парадигмы понимания», а также применимости и неприменимости этих парадигм в современной политической науке.

Titus, C.H. 1931. «A Nomenclature in Political Science». *American Political Science Review* 25 (February), 45—60. Идентифицируются различные дефиниции государства.

Truman, David B. 1951. *The Governmental Process*. New York: Alfred A. Knopf. Важная работа о плюрализме в американской политологии, возрождающая традицию Бентли и др.

Wallerstein, Immanuel. 1974, 1980, 1989. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. 3 vols. New York: Academic Press. Амбициозный «недисциплинарный» обзор, встраивающий систему в структуру международного капитализма.

Wiener, Norbert. 1954. *The Human Use of Human Beings*. Garden City, New York: Doubleday Anchor Books. Теория систем, рассматриваемая с позиций кибернетики и коммуникаций и связанная с машинами и людьми.

_____. 1961. *Cybernetics*, New York: John Wiley. Соединение математики и кибернетики для доказательства того, что модели коммуникаций связаны как с машинами, так и с людьми.

Willoughby, W.W. 1896. *An Examination of the Nature of the State*. New York: Macmillan. Работа одного из крупных теоретиков государства в ранней американской политологии, считавшего, что в политологии государство является главным объектом изучения.

Wolfe, Alan. 1974. «New Directions in the Marxist Theory of Politics». *Politics and Society* 4 (Winter), 131—160. Обзор трудов, в которых рассматривается марксистская теория государства.

Wuthnow, Robert. 1979. «The Emergence of Modern Science and World System Theory». *Theory and Society* 8 (September), 159—214. Эссе о зарождении теории мировой системы.

ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИНДИВИД И БОРЬБА ЗА КОЛЛЕКТИВИЗМ И НОВОГО ЧЕЛОВЕКА

В этой главе рассматриваются основные и альтернативные современные теории политической культуры. Прежде всего, как эти теории соотносятся с некоторыми ключевыми положениями о культуре, содержащимися в работах Маркса и Вебера. Далее анализируются различные взгляды антропологов, социологов и психологов, стремящихся определить происхождение термина «политическая культура». Мы проследим эти взгляды со времени окончания Второй мировой войны и покажем, что традиционные интерпретации по-прежнему важны для современных исследований культуры и политики. Далее приведем важнейшие истолкования политической культуры начиная с общего, или макроуровня, и кончая более конкретным, или микроуровнем, и дадим оценку современных исследований по социализации и коммуникации. Наконец, мы приведем критические оценки интерпретаций в русле основного направления и образовавшихся альтернативных теорий политической культуры и социализации.

На общем уровне Маркс считал взгляды и символы культуры в капиталистическом обществе частью идеологической надстройки и ложного сознания. Надстройка, выражающая интересы буржуазии, определяется идеологией господствующего способа производства и социальными классовыми отношениями. Культура, таким образом, становится статичной, поскольку охраняет интересы правящей буржуазии, или капиталистического класса. Изменения в обычно устойчивой культуре возможны лишь через происходящие в ходе истории изменения материального базиса и трансформацию способа производства и классовых отношений, и, значит, культура является следствием материальной деятельности общества, а более конкретно — результатов отношения рабочих к производству, на котором

они заняты. Хотя капиталисты имеют право эксплуатировать труд, рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу и тем самым отчуждаются от продукта своего труда и от самих себя.

Вебер, как и Маркс, занимался культурой на общем и конкретном уровнях. Он полагал, что на общем уровне она состоит из взглядов и символов идеальных типов господства: традиционного, харизматического и рационального. Эти идеальные типы господства легитимируются действиями индивидов, формирующих коллективное общество. Действия индивидов обусловлены обычаем и имеют тенденцию ко все большей рациональности. В итоге действия индивида ориентируются на взгляды, поддерживающие и сохраняющие коллективное общество в целом. Рационализация власти сопровождается секуляризацией данного общества: правила процедуры становятся нормой, а административная деятельность конкретизируется. Итак, Вебер объяснял политическую, социальную и экономическую обстановку характером культуры, автономной в большей или меньшей степени и сформированной индивидуальными ориентациями рационального эгоизма, в то время как Маркс объяснял культуру в категориях ее зависимости от политической, социальной и экономической обстановки в обществе в целом.

Основная концептуализация культуры и политическая культура

Теория политической культуры появилась благодаря концептуализациям и исследованиям самой культуры. Поэтому данный раздел начинается с обсуждения культуры, а затем политической культуры. Антропологическое использование термина «культура» привело к появлению множества его значений. В 1871 г. Э.Б. Тэйлор ввел в антропологию концепцию, определявшую культуру как «единое комплексное целое, включающее в себя знания, убеждения, искусство, мораль, законы, обычаи и любые иные способности и привычки, приобретенные человеком как членом общества» (цит. по: Kluckhohn, 1964: 165—168).

Из сотен определений, появившихся с тех пор, Кребером и Клакхоном (Kroeber and Kluckhohn, 1952: 43—55) были проанализированы около 160 значений, предложенных социологами. Описательное определение антрополога Франца Боаса напоминает формулировку Э.Б. Тэйлора: «Культура охватывает все проявления социальных привычек сообщества, реакции индивида, на которого воздействуют привычки группы, в которой он живет, и ре-

зультаты человеческой деятельности, определяемые этими привычками». Боас рассматривал культуру во всей ее полноте, делая упор на ее содержании. В противоположность ему Ральф Линтон подчеркивал исторические особенности культуры, например социальное наследие или социальную традицию. О. Клайнберг говорил о дополнительном нормативном значении, к культуре он относил «весь тот образ жизни, который определяется социальными условиями». К.С. Форд описывал культуру с точки зрения ее психологических составляющих, как средство удовлетворения потребностей и решения проблем: «Культура состоит из усвоенных решений проблем».

Неудовлетворенность попытками дать определение национального характера или национальной культуры различных стран ускорила пересмотр концепций. Компаративистской политологии понадобилось приложить серьезные усилия, чтобы привлечь внимание к исследованию культуры в политическом контексте. Габриэль Алмонд и Сидней Верба предпочитали термин «политическая культура» термину «национальный характер», так как это позволяло им заимствовать из антропологии, психологии и социологии родственные концепции, такие, как социализация, конфликт культур и повышение культурного уровня (Almond and Verba, 1963:13). Лусиан Пай считал политическую культуру средством перевода «сложных оттенков психологии индивида на... традиционное плато политической науки» (Pye, 1965:9).

Итак, теория политической культуры сформировалась вокруг идей Вебера, Кребера, Парсонса и других. Макроуровень политической культуры связывали с «психологическими ориентациями», а также «знаниями, чувствами и оценками» людей по отношению к их политической системе. Концептуальные послышки политической культуры были ясно определены Алмондом и Вербой (Almond and Verba, 1963:4—11): во-первых, гражданская добродетель и ответственность в атмосфере теплых отношений к людям, общие с другими ценности, вера и доверие к ближнему, а также отсутствие тревоги; во-вторых, плюралистическая демократия участия, основанная на терпимости по отношению к свободам личности и консенсусе среди управляемых; в-третьих, порядок, осуществляемый с помощью рациональной бюрократии в духе идей Вебера; в-четвертых, стабильность, достигаемая посредством модернизации, зависящей от степени модернизации, уровня грамотности и уровня образования. Эта идейная основа создает общий макроуровень и конкретный микроуровень анализа в исследованиях политической культуры.

Интерпретации политической культуры на общем уровне

Впервые концепцию политической культуры выдвинул в 1956 г. Габриэль Алмонд в своих первых попытках разработать классификацию для сравнения политических систем. «Каждая политическая система включена в конкретную модель ориентаций на политические действия. Я счел полезным назвать это политической культурой» (Almond, 1956:396). Алмонд предположил, что политическая культура обладает определенной автономией и в то же время связана с общей культурой; она не совпадает с политической системой, поскольку модели ориентации по отношению к политике выходят за пределы границ политических систем. Тем не менее он связывал политическую культуру со своей классификацией политических систем. Например, англо-американская политическая культура является однородной и светской, континентальной Европы — фрагментарной, доиндустриальной системы — смешанной, а тоталитарной системы — синтетической. Алмонд надеялся, что его концепция заменит менее пригодные понятия, такие, например, как национальный характер или культурный идеал.

В своей работе «Гражданская культура» (1963) Алмонд и Верба уточнили эту концепцию политической культуры. Они использовали ее в эмпирическом изучении и обзоре отношений в пяти странах. Они дали определение политической культуры в категориях политических ориентаций и позиций индивидов по отношению к их политической системе. «Когда мы говорим о политической культуре общества, то имеем в виду политическую систему, преломленную в знаниях, чувствах и оценках населения, составляющего это общество. Люди побуждаются к этому точно так же, как они социализируются в неполитические роли и социальные системы» (Almond and Verba, 1963:14). Познавательные ориентации включают в себя знания и взгляды на политическую систему, ее лидеров и ее функционирование. Эмоциональные ориентации имеют дело с чувствами по отношению к системе, например с привязанностью или отчуждением. Оценочные ориентации включают суждения и мнения о системе, и среди них может быть признание ценностей, например, таких, как демократические нормы. Эти ориентации становятся основой для выделения типов политической культуры. Их было названо три: приходский, для которого характерны невысокие ожидания и вообще отсутствие интереса граждан к политической жизни; подданныческий, при котором индивиды ориентируются на политические ин-

ституты, но не участвуют в процессах, в ходе которых формируется политика; партиципаторный, свидетельствующий об активности граждан и участии в деятельности системы в целом, то есть во всех процессах от начала до конца.

Работая совместно с Бингамом Пауэллом-мл., Алмонд развил свою концепцию политической культуры, увязав ее с политической системой и политическим развитием (Almond and Powell, 1966:50—72). «Политическая культура — это модель индивидуальных установок и ориентаций по отношению к политической жизни среди участников политической системы. Это субъективное пространство, лежащее в основе политических действий и определяющее их» (50). Политическая культура объясняется ее отношением к возможностям политической системы. Развитие — это отражение степени секуляризации политической культуры. Культурная секуляризация предполагает торг и взаимодействие по принципу взаимных уступок, своего рода «установку рынка, пронизывающую всю политическую жизнь» (57). Кроме того, культурная секуляризация прослеживается в движении от расплывчатости к конкретности в ориентациях и к дифференциации ролей в государственном устройстве; расплывчатость характерна для приходских культур, когда не существует или почти не существует понятия о политической системе как об отдельной реальности; напротив, конкретность и дифференциация характерны для подданных и партиципаторных типов политических культур. В новых государствах наблюдается «культурный дуализм», когда немногочисленная элита модернизирована, или «социализирована в рамках особых универсалистских, прагматичных ориентаций, символизирующих "современную" культуру, в то время как огромное большинство населения остается связанным косными, расплывчатыми и аскриптивными моделями традиции» (72).

В этой ситуации Алмонд защищал разъяснительный потенциал концепции политической культуры, позволяющий на ее основе давать интерпретации. Он утверждал, что его категории не просто описательны; их можно измерять путем проведения опросов общественного мнения, интервью и с помощью иных методик. Кроме того, политическая культура — это концептуальный инструмент, ликвидирующий разрыв между изучением индивида и политической системы в целом.

Другие авторы повторяли определение политической культуры, данное Алмондом. Например, Пай считал, что политическая культура обеспечивает «упорядоченную субъективную область политической жизни», встречающуюся на двух уровнях. «Индивиду политическая культура дает руководящие директивы для действенного поли-

тического поведения, а коллективу — систематизированную структуру ценностей и рациональных соображений, обеспечивающих целостность функционирования институтов и организаций» (Рубе, 1965:7). Таким образом, политическая культура — это продукт историй коллективов и историй жизни индивидов в политической системе. Она эволюционирует от сознательного понимания политических процессов и с аналитической точки зрения представляет бихевиористскую форму анализа таких понятий, как идеология, национальный дух и человеческие ценности.

Сидней Верба разделял мнение о том, что политическая культура «состоит из системы эмпирических верований, экспрессивных символов и ценностей, определяющих ситуацию, при которой происходит политическое действие» (Verba, 1965:513). Политическая культура, считал он, это система контроля, связанная со взглядами индивидов. Акцентируя внимание на взглядах, Верба предложил ряд измерений политической культуры, включая взгляды, идентифицирующиеся с политикой, особенно с национальными государствами; с соотечественниками; с политическим «выходом» правительства — его деятельностью; с процессом принятия решений — политическим «входом».

Интерпретации политической культуры на конкретном уровне

Политологи основного направления применяли свою теорию культуры к эмпирическим исследованиям коммуникации и социализации. Рассмотрим вкратце некоторые из этих теорий и определим их вклад в теории политической культуры.

Изучение коммуникаций

Коммуникация пронизывает человеческие отношения и, согласно Лусиану Паю, является «паутиной человеческого общества», создающей основу для организованного установления в обществе властных взаимоотношений. К коммуникации относятся институты средств массовой информации — пресса, радио, телевидение, народное искусство и т.п. Пай (Рубе, 1963) выделял также «мировую культуру» в качестве идеального типа того, что мы воспринимаем как «современную жизнь». Он предвидел образование мировой культуры, которая объединит рациональную бюрократию Вебера и гражданскую культуру Алмонда в понятие, значение которого выходит за границы национальных государств. Коммуникация будет распространять эту миро-

вую культуру по различным социумам, обеспечивая повсюду политическое развитие стран. Пай подразделял процесс развития такой мировой культуры на традиционный, переходный и современный коммуникационные этапы и вместе с другими компаративистами разработал коммуникационную теорию в категориях формулирования и объединения интересов, рекрутирования, мобилизации, участия и влияния. Большинство из этих процессов были объединены Алмондом в качестве функций входа в его модель политической системы.

В исследованиях коммуникации часто выражались идеи о системах и кибернетике, особенно в редакции Дэвида Истона, но более конкретно в сравнительной политологии Карла Дойча — его книгах «Нервная система правления» (Deutsch, 1963) и «Национализм и социальная коммуникация» (Deutsch, 1965). Эти классические труды были дополнены работами Лусиана Пая по сравнительному изучению коммуникаций (Pye, 1956, 1963, 1964). Инкельс (Inkeles, 1969), Рокхан (Rokhan, 1960) и Верба (Verba, 1962) в своих сравнительных исследованиях объединяли теорию с фактическими данными.

Исследования коммуникации связаны также со сравнительным изучением участия. В двух обширных обзорах был дан анализ фактора участия в целом ряде стран. Опираясь на сведения о положении в шести странах (Аргентина, Чили, Индия, Израиль, Нигерия и Бангладеш), Алекс Инкельс и Дэвид Смит пришли к выводу, что «современная страна нуждается в политическом участии граждан — мужчин и женщин, — которые проявляют активный интерес к общественным делам, осуществляют свои права и выполняют обязанности в качестве членов сообщества, большего, чем объединение по родственным связям и в пределах близлежащей территории» (Inkeles and Smith, 1974:4). Они обратили особое внимание на роль индивида и то, как люди переходят от традиционных к современным формам существования. В другом исследовании, задуманном как дополнение и развитие идей книги «Гражданская культура», Верба, Най и Ким (Verba, Nie and Kim, 1978) проанализировали модель индивидуальных предпочтений и институциональных сдержек в семи странах (Австрия, Индия, Япония, Нидерланды, Нигерия, Соединенные Штаты Америки и Югославия) и дали оценку степени участия населения в политической жизни.

Исследования социализации

Исследование коммуникации, особенно с участием средств массовой информации, способствует пониманию политической социализации,

представляющей исключительный интерес для специалистов по сравнительной политологии. В капиталистических странах, таких, как Соединенные Штаты Америки, политологи изучают политическую социализацию как средство, поддерживающее демократическое государственное устройство. Исследования в отношении социалистических стран, например Китая и Кубы, концентрируются на моделях, которые социализируют население, заставляя его вырабатывать взгляды и ценности революционного общества. В странах «третьего мира» американский социолог рассматривает средства массовой информации как орудие социализации отсталых народов в современном мире. Исторически термин «социализация» происходит от двух подходов. В каждом из них есть свои акценты и дисциплинарные корни.

Социопсихологический подход берет свое начало в традиционных работах по социологии и психологии, а также антропологии, и наше изложение опирается на замечательный обзор Джона Клаузена (Clausen et al., 1968). Термин «социализация», очевидно, вошел в моду еще до того, как был взят на вооружение социологами. «Оксфордский словарь английского языка» относит этот термин к 1828 г., давая ему следующее дополнительное значение: «приобщение к социальному, адаптация к жизни в обществе» (Clausen et al., 1968:21). В других ранних упоминаниях этого слова подчеркивалась моральная сторона дела, социализация рассматривалась как процесс совершенствования индивида для общества. Самое раннее концептуальное использование термина было установлено в Соединенных Штатах Америки около 1895 г. в статье Симмела, повлиявшей на развитие концепции социализации в социологических учебниках Ф.П. Гиддингса и Э.У. Бёрджеса.

Хотя на социализацию и обращалось после этого внимание в крупных социологических трудах, в конце 1920-х гг. осмысление ее сводилось в основном к изучению культуры и личности; в 1930-е гг. социализацией заинтересовались многие исследователи, работавшие на стыке разных наук. После публикации двух статей в июльском номере журнала «Америкэн джорнэл оф соушиолоджи» за 1939 г., акцентировавших внимание на этом явлении, термин «социализация» стал в социологии широкоупотребительным. В психологии он практически не использовался вплоть до 1930-х гг., когда он был включен в теории обучения и личности. В последние десятилетия интерес к социализации проявляли антропологи. Их попытки сочетать изучение культуры и личности впервые стали предприниматься в конце 1920-х гг. Связь социопсихологического подхода к социализации с политологией проявилась во внимании последней к

вопросу о том, почему и как индивиды вырабатывают свои взгляды на политику. Исследования в этой области проводятся тщательно и сфокусированы на органическом наборе вопросов.

С этим контрастирует общий политический подход, оценивающий последствия социализации для политической системы в целом. Более, чем мнениями индивидов о политике, приверженцы общего политического подхода интересуются мнениями о политике тех институтов, которые формируют модели власти и легитимности. Исследования в этой области обычно широкие, или макроориентированные. Политический подход определяется традиционным интересом политологии к идеологии, стабильности и обучению гражданственности. В Соединенных Штатах Америки интерес к обучению гражданственности нашел свое отражение в литературе по образованию на рубеже XIX и XX вв., когда актуальным вопросом была ассимиляция огромного числа иммигрантов. Но и сегодня в американских школах уделяется большое внимание обучению гражданственности — например, патриотизм там остается обычной темой. Гринстейн (Greenstein, 1968) четко обозначил основные идейные направления, характерные для политологии социализации. Первое восходит к концу 1920-х — началу 1930-х гг., когда такие политологи, как Чарльз Мерриам, концентрировали внимание на формальных аспектах обучения гражданственности. Второе направление, связанное с изучением личности, политической жизни и национального характера (Inkeles and Levinson, 1954), активно развивалось в период Второй мировой войны и в течение десяти лет после ее окончания. Третье направление возникло в конце 1950-х гг., когда были проведены бихевиористские исследования политической социализации детей и подростков. Так, значительный интерес к политической социализации стимулировал Герберт Хаймен (Hupman, 1959).

Какие же определения, с учетом этих двух подходов, употребительны при изучении политической социализации? Исследование политической социализации, имеющие общий характер и проводимые социальными психологами, социологами и некоторыми антропологами, сосредоточивались на процессе обучения, в ходе которого новые члены общества, например дети, взаимодействуя, воспринимают нормы социального поведения. При такого рода исследованиях социализация индивида уравнивается со всем социальным воспитанием и образованием, хотя некоторые социологи желали бы провести ограничение процесса, сведя его к образованию индивида на основе поведения, которое получает одобрение группы, а другие социологи скорее склонны определять социализацию как процесс, в ходе ко-

тогого ребенок усваивает родительские нормы. Хотя эта концепция, как правило, относится к детям, она применима и к взрослым. Таким образом, социализацией можно было бы считать просто внедрение навыков, мотивов и установок для ролевого поведения в обществе.

Предпринимались также более честолюбивые попытки изучить политическую социализацию с помощью сравнения данных по двум или более странам. Например, Гринстайн и Тарроу (Greenstein and Taggaw, 1970) использовали своего рода психологические тесты, в ходе которых брали интервью у детей в Великобритании, Франции и Соединенных Штатах Америки, а Лэнгтон (Langton, 1969) сравнивал показатели уровней учащихся средних школ Ямайки и Соединенных Штатов Америки.

Критика теории культуры

Антрополог Энтони Уоллес применил сформулированную Куном формулу парадигматических процессов к опыту, изучению и теории культуры. Довольно последовательно он определил стадии эволюции парадигмы культуры и всеохватывающее влияние, оказываемое парадигмой на общественные науки (Wallace, 1972). В нашей работе был определен базис политической культуры парадигмы основного направления в сравнительной политологии, однако ничего еще не было сказано о критике теории культуры. Теперь я поставлю ряд вопросов и проиллюстрирую интерес к теории культуры на основе студенческих комментариев. Эти вопросы и комментарии создадут основу для оценки исследований как общей теории политической культуры, так и теории политической социализации. Не имеет ли теоретическая деятельность тенденцию к чистому описательству или составлению классификаций? Не являются ли схемы классификаторов политической культуры чрезмерно упрощенными и статичными? Каковы отношения между политической культурой и системным анализом? Предлагает ли литература какие-либо аналитические возможности для исследования политической культуры, тем более с учетом того, что политологи, работающие на основе этой теории, не смогли толком ее использовать?

Критика теории политической культуры сосредоточивается на четырех направлениях, относящихся к редуccionизму, предубеждению, объяснительной ценности и автономии. Например, Эдвард Леман утверждал, что изучение политической культуры «низводит культурные факторы... до характеристик социальной системы» (Lehman, 1972:362). Истон предостерегал, что большинство соци-

альных наук тяготеет к культуре, а большая часть обобщений применима лишь в рамках конкретных культурных ситуаций на Западе. Гринстайн (Greenstein, 1970), Хитчнер (Hitchner, 1968) и Леман (Lehman, 1972) писали о культурных предубеждениях в виде предвзятых представлений о современности. Босток (Bostock, 1973) осуждал политологов за то, что они пользуются слабыми и наивными аргументами при объяснении политической культуры; по его мнению, предложенная Алмондом и Вербой типология политической культуры была основана не на аналитических, а на описательных критериях, в ней отсутствовали какие-либо теоретические гипотезы и потому их типология была не в состоянии ничего объяснить и прогнозировать. Наконец, Алмонд особо подчеркивал автономность политической культуры, при этом он высказал мысль о том, что политическая система общества встроена в его политическую культуру. Такой взгляд может привести к предвзятому мнению о том, что идеальная политическая культура существует в виде таких отличительных свойств, как демократическая среда, рациональное бюрократическое развитие и народный суверенитет, обычно ассоциируемые с передовыми промышленными обществами.

Исследования в области политической социализации подвергались критике за консерватизм. Оппоненты утверждали, что внимание в этих исследованиях сконцентрировано на непрерывности в деятельности институтов в различные периоды жизни индивида, а не на разрывах такой непрерывности. Например, внимание к родителям может показать, что они передают лишь то, чему научились сами, и потому могут быть проигнорированы кардинальные изменения в обществе и культуре. Другой проблемой было бы повышенное внимание к воспитанию в детстве и отрочестве, а не к обучению взрослых. Теория социализации становилась все более спекулятивной, строившейся на предположениях и неточной. Основные работы по социализации все чаще включали в себя методологию теории либеральной демократии или концентрировали внимание только лишь на отношениях в стабильных демократических обществах и на опыте Соединенных Штатов Америки и Западной Европы. По мнению Коннелла и Гута, это было чревато игнорированием важных вопросов и проблем: «Исследователи редко ставят острые политические вопросы относительно того, кто получает выгоду, кто контролирует или кто пытается контролировать процессы, которые они изучают. Мнение о том, что у детей имеется "благожелательный" образ политического мира, является большей частью мифом. Однако с абсолютной точностью можно сказать, что такой образ наличествует у теоретиков поли-

тической социализации» (Connell and Goot, 1972—73:181).

Проводя пересмотр гражданской культуры, Алмонд и Верба напомнили об исторических традициях этой концепции, восходящих еще к древнегреческим философам и другим ученым, на основе трудов которых могла быть рассмотрена теория стабильной демократии в современной истории. Они считали, что политическая культура — это не теория, что она относится к переменным величинам, используемым при создании теории; она способствует пониманию психологического или субъективного измерения политики, а ее разъяснительный потенциал представляет собой эмпирическую проблему, открытую для гипотез и проверок (Almond and Verba, 1980:26).

Осуществленный Алмондом и Вербой пересмотр гражданской культуры включал также комментарии других ученых. Защищая ранние труды по гражданской культуре, Аренд Лейпхарт, ретроспективно оценив ситуацию, высказал мысль, что причинно обусловленное направление демократии и стабильности в некоторых странах можно было бы определять путем проведения исследований каждые пять лет и в эти обзоры можно было включить и другие страны (53—54). В то же время Кэрол Пейтман выступила с критикой, заметив, что у нас отсутствует демократическая «теория... гражданской, партиципаторной практики народа и для народа» (98). По ее мнению, необходимо было разработать теоретическую альтернативу обычной эмпирической теории. Для нее было вполне понятно, что Алмонд и Верба не преуспели в трактовке либеральной демократии как системы, в которой можно выделить отношения между гражданской культурой и политической структурой: например, их либеральная теория демократии акцентировала внимание на предпочтениях индивидов, однако затушевывала политические реалии, такие, например, как соотношения между классовыми и гражданскими тенденциями. В частности, она отметила, что в их работе «систематически проводится водораздел по признакам класса и пола» и не ставится вопрос, каким образом отношение класса к гражданским ориентациям и участию (партиципации) могло бы бросить вызов характерному для либералов историческому взгляду, согласно которому политическая система в состоянии защищать интересы всех граждан (60). Кроме того, в их акценте на «политической культуре демократии» так и не разъяснено значение демократии. Вятр усилил эту критику, подчеркнув тенденцию Алмонда и Вербы основывать результаты своих исследований на статус-кво в соответствии с принятым ими определением гражданского участия в рамках установленной системы. Он открыто заявил о неумении Алмонда и Вербы подмечать социальные конфликты и по-

литическую поляризацию, а также о свойственной им тенденции объяснять различия между нормативными стандартами демократии и политическими реалиями не структурными противоречиями, а психологическими недостатками (117). В ретроспективном эссе Сидней Верба (Verba, 1980) охарактеризовал книгу «Гражданская культура» как принадлежащую к политологии основного направления, изучающей массовую политику с отходом этой дисциплины от правовых и исторических исследований; в этом качестве рассматриваемое исследование являлось частью бихевиористского движения своего времени, более занятого политическими входами, чем политическим процессом.

Майкл Томпсон, Эллис и Вилдавский (Thompson, Ellis, and Wildavsky, 1990) обратили внимание на возрождение политической культуры как концепции в трудах Рональда Инглхарта (Inglehart, 1988), Лусиана Пая (Pye, 1988), Роберта Патнема и др. (Putnam et al., 1988). Они выдвинули плюралистическую теорию, объясняющую иерархию, эгалитаризм, фатализм, индивидуализм и автономию в культурной жизни. Для них «Гражданская культура» — «образец научного исследования», помогающего объяснить, почему демократия устояла перед лицом неудач в континентальной Европе во время Второй мировой войны. Давая ситуации противоположную оценку и пытаясь объяснить мировой «кризис авторитаризма», Лусиан Пай предрек приход поставторитарных режимов, не обязательно являющихся демократическими. Он высказал мысль о том, что исход любого кризиса, в данном случае кризиса авторитаризма, зависит от природы политической культуры. В качестве примера он отметил «новое авторитарное» мышление в Китае, появившееся около 1988 г., на которое оказала влияние работа Самюэля Хантингтона. По мнению Пая, Хантингтон «не имел в виду произвол конкретного китайского правительства и его правления, опирающегося не на закон, а на людей» (Pye, 1990:17). Еще одним полезным вкладом в возрождение политической культуры явилась работа Гленды Патрик (Patrick, 1984), которая проанализировала различные концепции — сначала теории культуры в трудах Кребера и Клакхона, позднее работы Парсонса — и составила ценную таблицу (282), сформулировав широкий круг концепций и взглядов наиболее видных авторов, работавших над этой темой.

Возможности интегрирования моделей непрерывности культуры в социальные и революционные процессы изменений были исследованы Харри Экстайном (Eckstein, 1988), отметившим тенденцию к перегруппировке сил и к тому, чтобы приблизиться к основному на-

правлению политологии. Более оптимистической оценкой политики и культуры отличается аргументация в пользу практического утопизма Майкла Райана (Ryan, 1989), предложившего свои «рабочие гипотезы» о постреволюционном и постсовременном обществе. Он утверждал, что если гражданская культура возникла с появлением капитализма, то современные процветающие общества имеют тенденцию эволюционировать на основе постматериалистических ценностей, при которых накопление капитала не обязательно будет считаться представляющим большую ценность. Рональд Инглхарт (Inglehart, 1988) также полагал, что модели рационального выбора, основанные на чисто экономических вариантах, игнорируют культурные аспекты, особенно удовлетворенность личной жизнью, проводимой политикой, взаимное доверие людей и поддержку существующего общественного строя.

Поиски альтернативы

Вызов основным теориям политической культуры и политической социализации можно было бы бросить, начав с подведения итогов вышеприведенной критики, которой эти теории подвергались за то, что они:

- идеализированные, являющиеся политической секуляризацией на основе капиталистического строя и развитой техники
- неадекватные, туманные, недоказанные или исходящие из ошибочных посылок
- редуccionистские, привязанные к культуре, нуждающиеся в разъяснениях, описательные
- отрывочные, лишённые целостности, спекулятивные
- статичные, ограниченные в методике, ориентированные скорее на пассивные и условные, чем активные и спонтанные действия

Помимо выработки таких оценок критически настроенный специалист может заняться расследованием идеологического смысла культуры и социализации. Образование способно сыграть особенно важную роль в поощряемой государством социализации, которая может стать просто своего рода идеологическим вводом в политическую систему. Например, в Соединенных Штатах Америки ценности и нормы либерально-демократического плюрализма могут быть вве-

дены в систему, и тогда культура и социализация, вместо того чтобы быть независимыми от государства и самой системы, окажутся в зависимости от того и другого. Такое всеобъемлющее проникновение в общество идеологии способно привести к пассивности и ложному осознанию мира, в котором живут индивиды. Например, индивиды могут быть социализированы для того, чтобы нужды и проблемы им казались не имеющими значения. Более подробно эти темы освещены у Раджани Кэнта (Kanth, 1978) и Мэттеларта (Mattelart, 1979).

Фрейре писал о диалектике отношения между детерминизмом и свободой и о том, каким образом сознание и деятельность вызывают изменения: «Лишь те существа, которые в состоянии размышлять о том, что они детерминированы, способны освободить себя. Их рефлексия проявляется не в туманном и ни к чему не обязывающем осознании, а в воздействии сильного источника изменений на обуславливающую реальность» (Freire, 1970:453). На основе этого он делал вывод: «Революция всегда носит культурный характер, будь то на фазе осуждения деспотического общества и провозглашения прихода справедливого общества или на фазе нового общества, провозглашенного революцией» (476). Культурная революция, разумеется, стремится противостоять всеохватывающему влиянию образования, так как оно исходит от капиталистического государства (Shapiro, 1980).

Такие проблемы побуждают к исследованию альтернатив. Взгляд на возможные направления, предложенный несколькими авторами, наводит на мысль, что марксистская теория представляет собой ценный вклад в отношении радикалов к культуре и социализации. Ниже рассматриваются вульгарные и гуманистические интерпретации марксизма, принадлежащие современным марксистам, затем предлагается оценка марксистской теории на основе опыта трех социалистических стран.

Отделяя культуру от материальных и осязаемых проявлений цивилизации, Босток пришел к выводу, что культура является «абстрактной концепцией, состоящей из идей и потому не поддающейся материальному наблюдению» (Bostock, 1973:44). Политическая культура состоит из основных ценностей, придающих значимость индивидам, которые социализированы для нее и тем самым «неумышленно становятся ее передатчиками» (48). Эти замечания подразумевают серьезные последствия для ученых, которые могут манипулировать полученными данными ради сохранения в обществе статус-кво. Коннелл и Гут (Connell and Goot, 1972—73) обличали ученых, мировоззрение которых определяется их классовой позицией и которые поэтому считают, что дети рабочих «не полностью социализи-

зированы», и такой вывод вызывает ощущение некомпетентности. Удивительно ли, спрашивают Коннелл и Гут, что такие дети чувствуют себя неспособными влиять на капиталистическое государство? Они не верят в возможность ученых сдерживать социализацию, способную нарушить состояние стабильности.

Коннелл и Гут стремились выработать альтернативный подход к теории политической социализации. Они признавали, что и капиталистический, и социалистический строй могут использовать политическую социализацию. Выработка сознания или ложного сознания среди масс может оказывать влияние как на устоявшиеся общества, так и революционные. Вместо того чтобы закрыть глаза на конкретные приметы настоящего времени, Коннелл и Гут пропагандировали подход, который имеет дело «с людьми, действующими в истории». Такой акцент на политическом сознании присутствует в двух направлениях марксистской теории: одно сочетает идеи Маркса с идеями Дьёрдя Лукача и Антонио Грамши, а другое соединяет марксистские и фрейдистские идеи, присутствующие во взглядах Карла Маннгейма, Эриха Фромма, Герберта Маркузе и Жана Поля Сартра. Коннелл и Гут сделали выбор в пользу последнего направления, однако подняли ряд вопросов относительно заблуждений или искаженных представлений о политической жизни, то есть о ложном сознании и возможном пределе навязывания населению представления о моделях господства и свободы, которыми обладают люди при определении собственного выбора (Connell and Goot, 1972—73: 182—187).

Как полагал Джон Мейзель, упоминания о взаимосвязи политики и культуры легче отыскать в марксистской методологии, чем в статьях профессиональных журналов по политологии (Meisel, 1974:614). Легро (Legros, 1977) утверждал, что культурный эволюционизм американских антропологов абсолютно несовместим с марксистской теорией, несмотря на наличие суждений об обратном. С учетом такого состояния дел в науке перейдем теперь к обсуждению марксистских теорий культуры. Нас особенно интересуют два уровня — индивидуальный и общественный.

В марксистской концепции личности часто выделяют два направления. Вместо идеализма Гегеля Маркс предложил конкретную интерпретацию материального общества, сочетая характеристику способа производства с анализом трудового процесса внутри его. Некоторые марксисты утверждают, что материальные факторы определяют уровень индивидуального сознания. Ковель считал, что это линейная и детерминистская концепция, низводящая людей до

состояния пассивности и неспособности действовать в одиночку. Такой взгляд, по его мнению, свидетельствует о «вульгарном» марксизме и не имеет с истинным марксизмом ничего общего, так как личность в этих условиях «является роботом, готовым принять господство как бюрократического социализма, так и корпоративного капитала» (Kovel, 1976:223). Согласно альтернативной точке зрения — гуманистическому марксизму, личность формируется не только материальными историческими условиями, но и социальной активностью в настоящем и будущем. Люди не должны пребывать в пассивности, подчиняться материальным отношениям, они способны проявить активность и изменить свое положение.

Вокруг этих двух взглядов развернулась широкая дискуссия. Ясно, что интерпретация фрейдистских и марксистских теоретиков была различна, видимо, потому, что фрейдисты обычно солидаризируются с буржуазным обществом. Однако некоторые ученые-марксисты исследовали пределы совместимости фрейдистского психоанализа с историческим материализмом Маркса и ставили вопрос о том, совместим ли психоанализ с пролетарской революцией и классовой борьбой. Примечательными в этом отношении являются эссе Вильгельма Райха (Reich, 1966), оценка различий, данная Ковелем (Kovel, 1976), а также обзор Брюса Брауна (Brown, 1973). Приведем теперь марксистскую концепцию личности и культуры, как она излагается в работах Маркса.

Маркс впервые занялся личностью, выдвинув теорию отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», но в опубликованном спустя двадцать с лишним лет «Капитале» он не концентрировал внимания на отчуждении. Впоследствии по этому поводу шли дискуссии, в ходе которых некоторые авторы утверждали, что зрелый Маркс отказался от своей ранней теории; другие, наоборот, настаивали на том, что эта исключительно важная теория восходит к трудам молодого Маркса. Спор был частично разрешен публикацией «Критики политической экономии», переходной работы Маркса, в которой содержались основы идей, развитых затем в «Капитале». В них со всей очевидностью выстраивается теория отчуждения. Очевидно и то, что между молодым и зрелым Марксом существуют одновременно и преемственность и эволюция взглядов.

Теория отчуждения зиждется на экономических, политических и социальных условиях, и она верна для всех исторических периодов. Маркса, однако, интересовало отчуждение в капиталистическом обществе и особенно то, как на положение трудящегося человека влия-

яют товарное производство, экономический дефицит и общественное разделение труда. В сущности отчуждение — это отражение отношений между классом собственников и рабочим классом.

...Мы показали, что рабочий низведен до положения товара, притом самого жалкого, что нищета рабочего находится в прямом отношении к мощи и размерам его продукции, что необходимым результатом конкуренции является накопление капитала в руках немногих, т.е. еще более страшное восстановление монополии, и что в конце концов исчезает различие между капиталистом и земельным рантье, между хлебопашцем и промышленным рабочим, и все общество неизбежно распадается на два класса — собственников и лишенных собственности *рабочих* (Маркс и Энгельс, т. 42:86).

В теории отчуждения заложена мысль о том, что возможно постепенное исчезновение отчуждения путем создания условий для бесклассового общества и мировой социалистической революции. Должно быть понятно, что подобных условий нет в настоящее время в капиталистических обществах; отсутствуют они и в Китае, и на Кубе, где частная собственность была в основном отменена, но продолжают существовать социальные различия, разделение труда и товарное производство, а потому по-прежнему существует отчуждение труда.

Каковы же перспективы преодоления отчуждения? Брюс Браун писал о «новом слове» в практике и теории, заключающемся прежде всего в осознании индивидом угнетения, затем в обнаружении им этого отчуждения и, наконец, в отказе от отчуждения в ходе процесса становления политизированной личности, способной достичь «истинно социальных измерений, сочетая борьбу за собственное обновление с борьбой за создание нового общества» (Brown, 1973: 189). Фрэнк Линденфельд (Lindenfeld, 1973) полагал, что в высокоразвитых в промышленном отношении обществах возможно преодоление отчуждения труда. По его мнению, отчуждение — это следствие трудовой специализации и бюрократизации в промышленности при капитализме и социализме. Более того, рабочие сами могут не осознавать своего отчуждения, так как получают высокую зарплату и дополнительные льготы. Вместе с тем Линденфельд считал, что труд может приносить удовлетворение, если децентрализовать крупное производство, рассредоточив его на небольших предприятиях при условии демократического самоуправления рабочих. Автоматизированное и децентрализованное производство в сочетании со свободным распределением среди всех рабочих предметов первой необходимости может освободить их от

обязанности трудиться за зарплату. Такая система, по мнению Линденфельда, подошла бы Соединенным Штатам Америки, где технологические возможности можно сочетать с бесплатным распределением предметов первой необходимости, добровольным трудом и контролем рабочих за производственным процессом.

Хотя Браун говорил о процессе, при котором индивид будет политизирован и начнет изменять общество, а Линденфельд предлагал средство прямой борьбы с отчуждением, отчужденный труд и отчужденные люди продолжают оставаться характерной особенностью современного мира. Для иллюстрации своей позиции Линденфельд приводил пример Испанской Республики. Другие специалисты могут обратиться к практике социалистического строительства в Китае. И все же в этих обществах невозможно покончить с отчуждением без ликвидации товарного производства и общественного разделения труда, а также без ликвидации различий между физическим и умственным трудом и между производителями и управляющими. Когда будут созданы эти предпосылки, улучшатся перспективы для преодоления отчуждения и создания условий, при которых люди будут добровольно трудиться не только для удовлетворения своих потребностей и потребностей всего общества, но и для проявления своих творческих возможностей.

Теория рационального выбора и формальное моделирование

Теория рационального выбора — это прежде всего нормативная теория, исходящая из того, что все индивиды могут быть рациональными. Примерно в 1950 г. экономист Джеймс Бьюкенен сфокусировал свое внимание на управленческой деятельности правительственных институтов; в статьях и книгах они с Гордоном Таллоком (Buchanan and Tullock, 1962) заложили основу теории общественного или рационального выбора. Они утверждали, что рыночный анализ должен основываться на рациональном поведении индивидов, преследующих свои собственные корыстные интересы. Кроме того, они изучали также то, насколько эффективно функционируют правительственные институты, вырабатывающие индивидуальные предпочтения относительно товаров и услуг для общественного потребления, а также политического курса. Дальнейшая работа велась в основном Джеймсом Бьюкененом (Buchanan, 1975), Энтони Даунсом (Downs, 1957), Мэнкером Олсеном (Olson, 1965), Уильямом Райкером (Riker, 1962) и Гордоном Таллоком (Tullock, 1965) и основывалась на моделях теории рационального выбора и мето-

дологического индивидуализма, когда выгоды и издержки определяют-ся до принятия решений. Рассматривая эволюцию теории рационального выбора, Алмонд ссылаясь на метафору Адама Смита о «невидимой руке» как средстве выражения идеальной демократической политики и конкурентной борьбы за власть. Он ссылаясь также на образное описание рынка в посвященных демократической политике трудах Пендлтона Херринга и Йозефа Шумпетера. Теоретики рационального выбора в 1960—70-х гг. обратились к экономике и формальному моделированию для описания политического поведения. Однако Алмонд предостерегал, что сведение политологии к рынку или игре чревато преувеличенными притязаниями, и так как «анализ рационального выбора может привести к эмпирическим и нормативным искажениям, если его не использовать в сочетании с данными исторической, социологической, антропологической и психологической наук, которые имеют дело с ценностями и удобствами людей вне зависимости от культуры, национальности, общественных формаций и времени» (Almond, 1990:121). Иллюстрировал это свое суждение он примерами из трудов Роберта Бейтса (Bates, 1981) по Африке и политэкономии «третьего мира», который установил, что традиционная экономика не дает достаточных оснований для изучения аграрных вопросов; точно так же радикальное направление политэкономии не в состоянии проанализировать крестьянство, классовые действия которого проблематичны, и Алмонд признавал необходимость сочетания традиции рационального выбора с изучением культур. Алмонд отчаивался по поводу того, что школа рационального выбора пренебрегала «литературой, относящейся к общественным наукам, которая представляет различные ценности, предпочтения и цели во времени и пространстве — в различные исторические периоды, в различных культурах и обществах и среди различных социальных групп... Подобная неудача теоретиков рационального выбора... оставляет их наедине с теориями, которые не могут заходить очень далеко в пространстве и времени и не в состоянии эффективно реагировать на политические изменения» (Almond, 135).

Марксистский рациональный выбор

Альтернатива консервативной теории рационального выбора была создана прогрессивными интеллектуалами, называющими себя «марксистами рационального выбора», среди которых особый интерес для сравнительных политологов представляют Джон Элстер и Адам Пржеворский. Их работы своим акцентом на анализ равновесия и рациональное принятие решений напоминают неоклассичес-

кую экономику. В другом месте книги (Глава 8) я расскажу об этом подробно, здесь же упомяну лишь об их внимании к индивидуальному предпочтению и политической культуре.

Марксистская теория рационального выбора зиждется на пользе индивидуального выбора в достижении целей и на том принципе, что все люди действуют рационально ради осуществления своих предпочтительных целей. В своей книге «Разумный подход к Марксу» Элстер (Elster, 1985) пытался показать, что создателем теории рационального выбора являлся сам Маркс. Пржеворский же больше внимания уделял структурно детерминированным позициям, влияющим на параметры индивидуального принятия решений. Например, в книге «Капитализм и социальная демократия» Пржеворский (Przeworski, 1985) анализировал неудачи социал-демократии и подчеркивал отсутствие выбора как эволюционное, структурно обусловленное явление. Для Пржеворского выбор существует, но структурно обусловлен ограничениями, находящимися за пределами индивидуального выбора. Он также подчеркивал проблемы единства, но больше останавливался на эмпирических реалиях современной жизни, чем на философских проблемах.

Этот вид марксизма предусматривает возможность политической культуры, в которой индивидуальный выбор является нормой. Общественные классы и классовая борьба не являются решающими факторами. Такой подход привлекателен для ученых не только потому, что он полностью соответствует ситуации в развитых капиталистических обществах, стремящихся к реформам социал-демократического толка, но и потому, что он приближается к позитивистской теории и акценту основного направления общественной науки на количественном анализе, использовании статистики и математических формальных моделях. Марксисты, применяющие в своей работе язык математики и статистики, обретают легитимные обоснования того или иного аргумента. Критики говорят, что подход с позиций рационального выбора является догматичным и неприемлемым для традиционного или структурного марксизма и его концепций эксплуатации и классов. Действительно, существуют утверждения, что такого рода марксисты стремятся переориентировать марксистскую эпистемологию, отказаться от прежних положений и посылок и столкнуть марксизм на путь субъективного социального анализа.

Новые общественные движения

В первоначальных дискуссиях о новых общественных движениях обсуждались труды Юргена Хабермаса (Habermas, 1981) и его утверж-

дения о «новизне» этих движений. Позднее Дэвид Слейтер выдвинул критерии дефиниции: движения должны демонстрировать политическое лидерство и организационные способности; вырабатывать политический проект изменений; определять общественно-политические силы в процессе борьбы за изменения; контролировать преобладание в соотношении сил; быть в историческом плане более преходящими, чем политические партии (Slater, 1991:49—50). Эти движения участвуют в трех видах общественной борьбы: против господства, против эксплуатации, против подавления и подчинения. Общественные движения ассоциируются также с проблемами демократии и власти. К примеру, ранняя политическая деятельность и движения обнаруживают себя в сопротивлении установившемуся политическому курсу и практике, как это показал Дон Нонини (Nonini, 1988) на примерах отказа избирателей от участия в выборах, уклонения призывников от воинской обязанности и деятельности теневой экономики. Ученые часто обращаются к новым общественным движениям в попытке отойти от редукционистских тенденций классового анализа; например, они могут отвергнуть детерминистскую посылку о том, что общественные изменения зависят от сознательности и активности пролетариата.

Полезно идентифицировать новые общественные движения, теоретические направления, важные дискуссионные проблемы и дать обзор основной литературы (большая часть которой стала появляться в 1980-х гг.). В 1989 г. Тимоти Льюк выделил новые движения, отличавшиеся от прежних — профсоюзного движения, партий рабочего класса и пролетарских организаций, черпавших вдохновение в марксизме и тем не менее интегрировавшихся в центральные бюрократические структуры; в отличие от этого, новые движения проявляют тенденцию к нововведениям и действуют в неинституционализированной и внепарламентской сферах. Льюк (Luke, 1989:129) оценивал различные теории новых общественных движений с иных позиций, нежели Ален Турэн (считавший новые общественные движения организованными коллективами, борющимися за общественный контроль в «конкретном сообществе») и Юрген Хабермас (Habermas, 1981) (называвший их «сегментами гражданского общества, действующими на периферии институционализированных государственно-корпоративных структур»). Льюк выделил семь особенностей новых общественных движений: новую политическую оппозицию; программы постмарксистской, постпролетарской и постиндустриальной теории и практической политики; борьбу с рабочим и этатистским сектантством; организацию в соответствии с новыми территориаль-

ными, культурными и функциональными разломами; связь между плановиками и производителями, наделенными властью, с одной стороны, и гражданами и потребителями, не имеющими власти, с другой; мобилизацию для достижения качественно новой фазы модернизации; размышления над кризисом рационализации (Luke, 1989:132—133). Эти новые движения «формулируют идеологии и классовые интересы противоречивого и сложного общественного блока: занятых в области информатики работников, принадлежащих к "новому среднему классу"; групп антииндустриального сопротивления; местных предпринимателей, занятых в области высоких технологий; движений, выступающих против губительной колонизации мира; и традиционных групп защитников культуры» (149).

Среди других важных работ, посвященных новым общественным движениям, следует упомянуть труды Ароновица (Aronowitz, 1992) о классах и культуре в общественных движениях, организованных по расовому и гендерному признаку; Карла Боггза (Boggs, 1986) о политической власти и движениях в Европе и Соединенных Штатах, направленных на борьбу с экономическим застоєм, разрушением экологии, ядерной угрозой и бюрократизмом; а также Джереми Брехера и Тима Костелло (Brecher and Costello, 1990) о коалициях между рабочим движением и организациями общин, создававшихся на низовом уровне. Стэнли Ароновиц (Aronowitz, 1973) анализировал классовое сознание рабочих в условиях американского капитализма, а Андре Горз (Gorz, 1980) подверг сомнению роль все более слабеющего при капитализме рабочего класса и высказал мысль о том, что группировки, организованные по гендерному признаку и признакам расы, возраста и общины, будут играть решающую роль в борьбе за переход к социализму.

Альтернативные представления о культуре и ее роли в преодолении проблем общества содержатся в работах Стюарта Холла (Hall, 1992) о важности изучения расы и этноса; Питера Хичкока (Hitchcock, 1992) с обзором трудов по культуре и их потенциалу как разрушителей гегемонии дисциплины; а также Барри Хайндесса (Hindess, 1987), пытавшегося выйти за пределы традиционного классового анализа и сосредоточиться на проблемах среднего класса и положения женщин. Майкл Бьюрейвой и др. (Burawoy et al., 1991) вскрыли разрушительное влияние капитализма на общественное, экономическое и политическое положение индивида в городских условиях, а также показали, как люди реагируют на ухудшение повседневной жизни и пытаются этому противостоять. Элизабет Мартинез (Martinez, 1990) разоблачила политику «культурного многообразия», Патрик Мейсон (Mason, 1991) продемонстрировал, как расовая при-

надлежность и конкуренция влияют в условиях капитализма на различия в оплате труда, а Оливер Лауд (Loud, 1991) размышлял над тем, какие в 1990-е гг. социализм имел перспективы, при этом он вышел за пределы традиционных культурных и политических ограничений.

Среди изобилия книг о женщинах и экологических движениях можно выделить труды Мэри Меллор (Mellor, 1992) о развитии экофеминистской теории и политики из радикального феминистского движения и движения за мир и сохранение окружающей среды начала 1970-х гг., а также Токара (Токаг, 1990) и Кокберна (Cockburn, 1989) о поглощении экономического движения в промышленно развитых странах капиталом. Барбара Нельсон (Nelson, 1992) проанализировала роль гендера в сравнительном политическом анализе, Кэти Фергюсон (Ferguson, 1987) осудила политологию за «ориентированные на мужчин исследования», а Мэри Линдон Шэнли и Кэрол Пейтман (Shanley and Pateman, 1991) акцентировали внимание на феминистских интерпретациях в классических и современных политических теориях. Эли Зарецки (Zaretsky, 1976) на основе теории патриархата объясняла вину капитализма в том, что на протяжении всей истории женщины в общественной и личной жизни постоянно оттеснялись на задворки; Жаклин Зита (Zita, 1981) использовала как феминистский анализ патриархата, так и марксистские оценки классов и капитализма. Элизабет Фокс-Дженовезе (Fox-Genovese, 1991) утверждала, что для феминизма губительны индивидуалистические идеи, и обрушивалась на феминизм как элитарное предприятие маленькой группы женщин, добивающихся равных возможностей. Норма Шиншилла (Chinchilla, 1990) выпустила книгу, содержащую наряду с компаративистскими исследованиями глубокий анализ революционного народного феминизма на Кубе после 1959 г. и при сандинистах в Никарагуа до 1989 г.; по ее мнению, этот опыт важен для международного феминистского движения.

Культура Латинской Америки ассимилировала множество традиций. Например, основой или источником движения теологии освобождения является не только западное христианство, но и африканские религиозные культы и интеллектуальные традиции. Дэвид Леман (Lehman, 1990) утверждал, что общественные движения в процессе своего развития соединяют эти тенденции в своей идеологии, что ослабляет марксистский классовый анализ, понимание причинной связи и революционный процесс. Полное исследование городских движений в Латинской Америке можно найти у Ассиса, Бургвала и Салмана (Assies, Burgwal and Salman, 1991); освещение роли женского движения, борьбы крестьян, рабочих и других обществен-

ных движений — у Фауэрэйкера и Крейг (Foweraker and Craig, 1990); анализ экополитики в Бразилии — у Гимареса (Guimarães, 1991); Хьюитт (Hewitt, 1991) писал о группах мирян, выделившихся из институциональной структуры римско-католической церкви, а в центре внимания Ивонна Коркоран-Нантеса (Corcoran-Nantes, 1990) — женское и массовое общественное движение в Сан-Паулу.

Радикальные взгляды на культуру

Радикальные критики не соглашаются с некоторыми новыми направлениями в изучении культуры. Прежде всего, капиталистические основы большинства обществ не позволяют, по их мнению, изыскивать удовлетворительные индивидуальные и коллективные решения. Например, выражая новаторский взгляд на критику фрагментации современной культуры, Луи Дюпре сослался на то, как Маркс критиковал фрагментацию современной культуры и пытался реинтегрировать культуру с человеческой деятельностью в манере, которая «продолжает бросать вызов нашим сегодняшним подходам» (Dupré, 1983:13). С подозрением относясь к «постмодернистским» интерпретациям и утверждая, что наши концепции культуры, видимо, являются устаревшими, Фредрик Джеймсон (Jameson, 1991) предостерег от назойливого капитализма, ассоциируемого с предположительно исчезающим модернизмом. На деле даже культурное сопротивление не способно устоять перед капиталистической системой: «Не только размеренные и локальные контркультурные формы культурного сопротивления и партизанской войны, но даже откровенные политические интервенции... каким-то образом тайно разоружаются и вновь поглощаются системой, частью которой они сами могут считаться, поскольку не в состоянии от нее отдалиться» (Jameson, 1991:41).

Даниел Белл утверждал очень давно, что культурные противоречия проистекают из исторического развития самодисциплины и трудовой мотивации как необходимых условий в сфере капиталистического производства. То, что мир не эволюционировал в свободную и единую универсальную мировую культуру, было открыто провозглашено Фредом Холлидеем, который в качестве доказательства привел распространение «партикуляризм» в развитых капиталистических странах с «их всепроникающими расизмом и шовинизмом»; «господство внутренних конфликтов и идеологической деградации» в «третьем мире»; ситуацию в социалистическом мире, акцент которой на интернационализме, братстве и равенстве подрывается «плюрализмом» «националистического безумия и ненависти»

(Halliday, 1989:234). Наконец, Эдвард Саид (Said, 1993) углубился в исследование культурных начал британского, французского и американского имперского опыта, чтобы показать, как империализм влиял на жанр романа, как модернизм заменил искусство империей, а постмодернизм вообще затушевывает имперскую историю. Американский пример был дополнен Тедом Солотаровым, отметившим, что, хотя «издательская деятельность является нашим наиболее представительным культурным институтом», она меняет свое назначение и курс, подтверждая тем самым «общее чувство упадка посреди роста, когда вся культура выставлена на продажу» (Solotaroff, 1991:399).

Важным аспектом политической культуры является ее постоянная претензия на традиционные идеи и мысли и всепроникающее влияние на прогрессивных интеллектуалов, ведущее к их отречению от левых, отходу от марксизма и социализма и отказу от политической активности, как это произошло с интеллектуалами Нью-Йорка в 1930—40-е гг., когда в период «холодной войны» они предали собственные идеалы. Трансформация интеллигенции была ярко отражена в целом ряде серьезных книг: Александр Блум «Блудные сыновья» (1986); Терри Куни «Восхождение нью-йоркских интеллектуалов» (1986); Алан Уолд «Нью-йоркские интеллектуалы» (1987). После 1968 г. для «новых левых» также наступил закат, и этому был впоследствии посвящен целый ряд ретроспективных трудов: Тодд Гитлин «Шестидесятые: годы надежды, дни ненависти» (1987); Морис Иссермен «Если бы у меня был молот» (1987); Джордж Кациафикас «Воображение "новых левых"» (1987); Джеймс Миллер «Демократия на улицах» (1987); Грегори Нивэла Кэлверт «Демократия от сердца» (1991). Процесс интеллектуальной трансформации известных английских прогрессистов был проанализирован Перри Андерсоном (Anderson, 1990), а интеллектуалов Карибского бассейна — Алексом Дюпюи (Dupuy, 1991).

Самир Амин (Amin, 1977) выделил три универсальные модели общественной организации и идеологической направленности: североамериканскую, бывшую советскую и китайскую. На основе анализа отношений между экономическим базисом и идеологической надстройкой Амин сделал вывод, что североамериканская модель уходит корнями в капиталистическую формацию, идеологию Европы и философию Просвещения, основанную на традиции механистического материализма. Эта традиция предполагает, что наука и технология будут распространяться на все аспекты общественной жизни и преобразовывать общественные отношения, пока не возникнет сознательно, далекое от отчуждения бесклассовое общество.

во. Однако, согласно Амину, «буржуазная "наука" никогда не вышла за пределы этого примитивного материализма, потому что она обуславливает воспроизводство отчуждения, позволяя капиталу эксплуатировать наемный труд» (27). Советская модель разделяла с первой моделью идеи о том, что потребление, технология и труд определяются развитием производительных сил, а капитализм отличается от социализма по признаку частной или общественной собственности на средства производства. В противоположность этому китайская модель вначале не предвидела того, что социализм в состоянии взять на себя капиталистические модели потребления и труда.

По мнению Амина, все эти модели представляют разные культурные сферы. При оценке каждой сферы марксистский подход сочетает материализм с диалектикой и тем самым отличается от классических интерпретаций материализма и от идеализма. Марксизм «демитифицирует» материализм и идеализм, связывая эти термины с классовой борьбой. Акцент на классовой борьбе необходим для опровержения вульгарного марксизма, который считает, во-первых, что развитие производительных сил определяет изменения в производственных отношениях, и, во-вторых, что надстройка отражает требования экономического базиса. Классовая же борьба, наперекор этому, изменяет производственные отношения, делая тем самым возможным развитие производительных сил, и взаимоотношения базиса и надстройки должны распространяться на все способы производства. Амин также опроверг веру некоторых марксистов в то, что общество управляется «законами»: такие законы «отбрасывают нас назад к буржуазной философии и религии» (28). Исходя из этого, рассмотрим теорию культуры на опыте трех социалистических стран: бывшего Советского Союза, Китая и Кубы.

— Сферы культуры и социалистический опыт —

Советский Союз

Марксистский анализ сконцентрирован на способе производства, производительных силах и производственных отношениях; таким образом, концепция культуры применима к марксизму не на уровне базиса, а на уровне надстройки. Ленин понимал культуру как классовую категорию, созданную по образу правящего класса. При капитализме буржуазия использует культуру для увеличения своих богатств и усиления эксплуатации трудящихся. При империализме буржуазная культура находится в состоянии упадка и культурный

уровень населения падает. При социализме культура направляется на удовлетворение потребностей народных масс. Таким образом, Ленин считал, что культура, с одной стороны, вырабатывается как демократическая и социалистическая культура трудящихся и эксплуатируемых масс, а с другой — как господствующая культура буржуазии.

Ленин подвергал критике использование культуры националистами:

Сознательные рабочие поняли, что лозунг «национальной культуры» есть клерикальный или буржуазный обман... когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма. Но с тех пор классовая борьба буржуазии с пролетариатом разгорелась повсюду. Раскол «единой» нации на эксплуататоров и эксплуатируемых стал совершившимся фактом.

О национальной культуре вообще могут говорить только клерикалы или буржуа. Трудящиеся массы могут говорить только об интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения (Ленин, т. 24:9—10).

В этом смысле культура подразумевает борьбу с буржуазной идеологией, искусством и философией. Культура включает в себя социализацию и ресоциализацию. Она также означает проведение досуга и наслаждение жизнью в широком смысле этого слова. Международная культура стремится поднять классовое сознание и превратить весь народ в пролетариат.

Ленин развивал свою концепцию классовой культуры в первые годы русской революции; позднее эта тема была разработана Чарльзом Беттелхаймом в «Классовой борьбе в СССР» (1976). Сталин видоизменил концепцию Ленина, акцентировав внимание на национальных традициях и многонациональном характере Советского Союза. Признание им национального характера культуры вышло за рамки понимания категории культуры Лениным и Марксом и позволило противопоставлять его «национальную» позицию «интернациональной» позиции Ленина. Сталинская национальная теория осуждала реформистский национализм и, в частности, тенденцию замены революционных целей национальными. Сталин также выдвинул теорию национальных меньшинств, назвав этнические группы национальными меньшинствами, если они не обладали признаками нации: к примеру, евреи в России составили национальное меньшинство.

Сталинская теория национальных меньшинств не распространялась на колонии, упоминаемые Лениным в его теории империализма. Ленин ассоциировал буржуазный национализм в эпоху империализма с угнетающими нациями, в то время как национализм угнетенных наций у него являлся формой борьбы за национальное освобождение. Сталинская теория национальных меньшинств стала считаться несовместимой с ленинской теорией империализма: Утверждается, что она применима для анализа раннего периода становления капитализма в Европе; теория же империализма, напротив, распространяется на все страны современного капитализма и империализма. Эти различные теории формировали разные взгляды относительно национальной культуры, начиная с представления о тигле, в котором иммигранты утрачивают свою исконную национальность и становятся этническими меньшинствами в новом государстве, до идеи о том, что условия национальной ассимиляции приводят к усилению империалистической эксплуатации и угнетения рабочих в таких колониях, как Пуэрто-Рико (Blaut, 1977).

Формирование социалистической культуры зависит от изменений в образовании и идеологии. Принадлежащие к основному течению политологи, как правило, не связывают эти соображения с теоретическими воззрениями Маркса, Ленина и Сталина в отношении национальной и классовой культуры. Например, Кеннет Джовитт (Jowitt, 1974) различал три типа политической культуры: элитарную, режимную и общинную — эти типы культуры описаны им в специфической терминологии и не слишком убедительно используются в его анализе. Однако он обратился к задачам, которые формируют характерные особенности режима и его отношения к социалистическому обществу. Он охарактеризовал попытки трансформировать или разрушить ценности и отношения, а также усилия по определению проблем и политического курса в рамках традиционного направления. Джовитт проанализировал также идеологическую приверженность марксистско-ленинских режимов таким принципам, как диктатура пролетариата и демократический централизм, и пришел к выводу, что большинство этих режимов продолжало использовать авторитарную модель, созданную Сталиным.

Если авторитарная модель была создана Сталиным, то какова в таком случае была природа политической социализации в Советском Союзе? Роберт Клосон (Clawson, 1973) рассматривал проблему воспитания русских малолетних детей в семье и в дошкольных учреждениях. Его интересовало, как одно поколение формирует политические принципы и идеалы последующих поколений, и он проанализировал это на

примере шести исторических периодов. Сразу после русской революции преобладали три группы с различными воззрениями: петроградские «радикальные коммуналисты», работавшие за раннее отделение детей от консервативной дореволюционной среды среднестатистической семьи; «традиционалисты», поддерживавшие доминирующую до революции систему воспитания и обучения детей; «прогрессивные индивидуалисты», выступавшие за свободу для каждого молодого человека развиваться в соответствии со своими личными мотивациями.

В 1917—21 гг. советское руководство, включая Ленина, воздержалось от вмешательства в образование, и этот период характеризовался «децентрализованным экспериментированием» и «педагогической анархией». В 1921—32 гг. возобладали «прогрессивные индивидуалисты», а влияние «радикальных коммуналистов» было фактически сведено на нет; был сделан упор на освобождение конкретного ребенка и устранение конкуренции между отдельными личностями, 1932—36 гг. отмечены переходом к внедрению дисциплины по сталинскому образцу. С экспериментированием было покончено, и ситуацию взяли под контроль «коллективисты-традиционалисты», насаждавшие традиционный подход к образованию, предусматривавший официальные учебные планы, учебники, экзамены, оценки и дисциплину, а также уважение к незыблемому авторитету родителей. С 1936 по 1953 г. официально признавалось значение для ребенка жизни в семье. Коллективно-традиционалистская модель получила широкое признание и подкрепление в консервативном семейном законодательстве, ограничившем разводы и аборт. Поощрение традиционных семейных устоев продолжалось и в 1953—64 гг. при Хрущеве, хотя тогда уже отказались от приверженности сталинизму.

В конце этого периода сложилась и усиливалась свое влияние новая группа опирающихся на факты «прогрессистов-эмпириков». По мнению Клосона, советские специалисты в области образования признали, что преднамеренная политическая социализация в первые годы жизни ребенка неэффективна, и подчеркивали в эксперименте с социализацией роль семьи. Клосон полагал, что изменения роли семьи как политического социализатора происходили скорее благодаря влиянию урбанизации (регулирующей жилищные условия, распределение доходов и т.п.), чем официальному вмешательству в дела семьи.

Вероятность каких-либо значительных изменений в будущем в реальной советской семейной политике невелика хотя бы потому, что проявления радикальных коммуналистических импульсов кажутся

весьма редкими как у населения в целом, так и у правящей элиты. Кроме того, последние идеологические установки, встречающиеся в марксистской литературе о роли семьи в воспитании детей, фактически игнорируются всеми без исключения, кто когда-либо достигал в Советском Союзе высшей политической власти (Clawson, 1973:711).

Некоторые авторы в Советском Союзе и Восточной Европе переключили внимание на вопросы личности и смысла жизни. Это возрождение марксистского гуманизма имело своим центром «Экономическо-философские рукописи» Маркса и явилось реакцией на ограничения сталинского периода. Адам Шафф (Польша), один из этих марксистов, писал: «Марксизм — это гуманизм, радикальный гуманизм» (Schaff, 1970: 168). Шафф полагал, что марксистский гуманизм автономен в том смысле, что личность сама определяет свое собственное развитие. Марксистский гуманизм воинствен и предан идее, а потому уходит корнями в практическую жизнь. Таким образом, марксистский гуманизм революционен в борьбе с дегуманизацией жизни, что предполагает развитие теории о новом человеке, яркие примеры которой дает китайский и кубинский опыт.

Китай

В период сразу после прихода к власти в 1949 г. Мао Цзэдун и китайские революционеры находились под влиянием сталинской ортодоксии и пытались подражать советской модели развития тяжелой промышленности, принижая роль легкой и производства товаров широкого потребления. Реализация этой модели в Советском Союзе отвлекла внимание от крестьянства и нанесла тем самым урон попыткам создания союза рабочих и крестьян. Тогда же возникло репрессивное государство. Вскоре китайцы поняли, что эта модель нереалистична, поскольку она не обеспечивала решение беспокоивших их проблем сельского хозяйства и положения крестьян. Были пересмотрены приоритеты, налажены связи между промышленностью и сельским хозяйством, промышленные предприятия стали располагаться не только в городах, но и в сельской местности, что позволило использовать излишки рабочих рук в селе. В результате необходимый для развития китайской экономики дополнительный капитал был получен путем увеличения производительности труда — как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, что сделало возможным союз рабочих и крестьян.

Китайская революция взяла на вооружение классовую борьбу: во-первых, для свержения прежней господствующей феодальной

системы; во-вторых, для искоренения контрреволюционных идей элит, пришедших на смену прежнему правящему классу, но продолжавших отстаивать старые взгляды и установления; и наконец, для борьбы с бюрократическими и корпоративными интересами администраторов, менеджеров и технических специалистов, управляющих постреволюционным обществом. Таким образом, не чем иным, как мифом, является мнение, что отмена частной собственности на средства производства неизбежно приводит к созданию бесклассового общества, гармонично движущегося к социализму.

В условиях китайского социализма развернувшаяся классовая борьба была нацелена не только на подъем материального уровня населения, но и на обеспечение развития людей на эгалитарной основе. По мнению Джона Герли, маоистская позиция предусматривает разрушение специализации, ликвидацию бюрократии и подрыв тенденций к централизму и сепаратизму.

Пролетарское мировоззрение, которое, по мнению маоистов, должно прийти на смену буржуазному, подразумевает, что прогресса можно достичь лишь путем борьбы; что бескорыстие и единство цели высвободит огромные резервы энтузиазма, энергии и творчества; что активное участие «масс» в выработке решений научит их тому, как наиболее продуктивно использовать свою энергию; что ликвидация специализации не только повысит стремление рабочих и крестьян упорно трудиться во имя осуществления различных целей общества, но и укрепит их возможности в этом деле, расширив их знания и понимание окружающего мира (Gurley, 1971:19).

В результате осуществления всего этого появится новый, «коммунистический человек» и с отчуждением, повсюду досаждающим людям, будет покончено (Gurley, 1970).

Однако все иллюзии о ликвидации отчуждения были рассеяны в июне 1989 г., когда в Пекине и других местах Китая произошли драматические события, в ходе которых на проведенные демонстрации правительство ответило жесточайшими репрессиями. Но еще до этих событий и после них процесс осуществления реформ и создания открытой для международной капиталистической системы экономики ассоциировался с быстрым экономическим ростом и подъемом материального благосостояния большинства китайцев. Китайская революция эволюционировала от свержения феодализма к занявший около тридцати лет фазе политической консолидации и упорного труда, приведшей к образованию обширной инфраструктуры и, в конечном итоге, к фазе реформ и строительства социалистической рыночной экономи-

ки. Материальный прогресс сопровождался разделением в управленческом аппарате на высокопоставленные партийные кадры министров и других важных чиновников, руководителей среднего уровня и низовые кадры. Кроме того, все более заметной становилась классовая природа китайского общества, куда входили остатки прежних капиталистических классов за пределами Китая; новые капиталистические классы внутри страны, включая относительно зажиточных средних и крупных капиталистических фермеров; многочисленные мелкие производители, ведущие натуральное хозяйство на грани выживания, — крестьяне, а также рабочие и мелкие торговцы; возникающая в городах и сельской местности мелкая буржуазия. Классовые различия утрясались в ходе экстраординарного процесса развития. Куда это могло привести — к капитализму или социализму — зависело, видимо, от политического курса расколовшегося руководства коммунистической партии и правительства, но в начале 1994 г. было еще слишком рано отбрасывать социалистическую сущность происходящего в Китае, которое одинаково резко контрастировало как с катастрофической неспособностью капитализма решить проблемы бедных государств в различных частях мира, так и с провалами социализма не только в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе, но и в странах «третьего мира».

Куба

После триумфальной победы кубинской революции в 1959 г. Че Гевара высказался о жертвенности личности в коллективистском обществе. «Скорее всего, личность чувствует большее удовлетворение, обладает большим внутренним богатством и гораздо большей ответственностью. В нашей стране человек знает, что славный период, в который ему выпало жить, заключается в жертве» (Guevara, 1967:42). Жертва состоит в преодолении индивидуалистических настроений и акценте прежде всего на чувстве солидарности. Политические индивиды должны иметь политическую сознательность и нести ответственность перед обществом, должны быть лишены всякого себялюбия и эгоизма. Новая личность должна трудиться на благо коллектива и бороться с несправедливостью и эксплуатацией человека человеком, а также с разделением общества на классы.

На Кубе отчуждение должно было исчезнуть с созданием новой личности. Однако оно не исчезло с прекращением зависимости Кубы от капиталистического мира. Не ушло оно и с национализацией основных средств производства и переходом от частной собственности к государственной.

Отчуждение уменьшилось лишь с изменением на Кубе модели потребления. Все желающие получили возможность трудиться. Вместе с тем для обеспечения по крайней мере минимального прожиточного уровня люди получали продукты первой необходимости. Различие в доходах продолжало существовать, однако предметы роскоши в продажу не поступали. Экономическими завоеваниями пользовались не единицы, а многие люди за счет получения большего ассортимента товаров и услуг либо бесплатно, либо без учета доходов. Вместо того чтобы стимулировать с помощью средств массовой информации стремление кубинцев к получению материальных благ, их поощряли находить удовлетворение в служении обществу.

С изменением модели потребления акцент стал делаться не на материальных, а на моральных стимулах. Рабочие должны были содействовать дальнейшему развитию революции, а не заботиться о собственной материальной достатке. Новая трудовая этика заключалась в желании рабочих служить не личности, а обществу. Денежные стимулы, такие, например, как дополнительная плата и премии, должны быть снижены и в конечном счете заменены наградами и особым признанием. Хотя в начале 1970-х гг. и были введены некоторые материальные стимулы, Куба продолжала упорно двигаться по пути перестройки своей политической культуры и воспитания нового человека. Образование поощряло стремление рабочих к *consciencia* — сознательной приверженности революции (Fagen, 1969). В школьное обучение были включены полевые работы. Таким образом, задачи людей переплетались — сельское население трудилось вместе с горожанами, пожилые люди вместе с молодежью, бюрократы вместе с сельскими рабочими и т.д. В общем, Куба стремилась стать единой всеобъемлющей школой, где индивиды обучались необходимым навыкам и вырабатывали сознательность нового человека.

В своем обзоре более чем тридцатилетнего периода революционных преобразований Шерил Лутьенс, специалистка по проблемам образования и бюрократии на Кубе, отмечала, что за счет высокого уровня участия в выборах и вовлеченности в различные формы общественной активности определенная децентрализация на Кубе действительно произошла, однако централизация продолжает существовать как напоминание о том, что не произошло ни отмирания государства, ни исчезновения политического неравенства. По ее мнению, централизация проблематична, а децентрализация является основой демократической реформы, но это верно для всех обществ, которые стремятся к реформам и должны обращать «внимание на организа-

цию и динамику власти в условиях совместной заботы об активном участии в жизни общества простых людей, являющихся решающим звеном теоретического и практического проекта как социалистической, так и либеральной демократии» (Lutjens, 1992:72).

По мнению Нельсона Валдеса, кубинская политическая культура основана на традиционных притязаниях поколения на историческую миссию, заключающихся в сочетании страсти к нравоучениям и идеализма, лояльности и веры, осуждения предательства и готовности бороться за политический идеал. Валдес показал, что кубинцы сформировали представление о себе и отношения к другим, но «без достоверного самосознания и понимания происходящего» (Valdés, 1992:224). Таким образом, политическая культура эволюционировала в процессе взаимодействия революционной идеологии и традиционных ценностей, превратившись в то, что Рафаэль Эрнандес и Аролдо Дилла (Hernández and Dilla, 1992) назвали «новой гражданственностью» и «политической культурой участия». Итак, политическая культура, сформированная историческим опытом и тремя с лишним десятилетиями революции с участием идеологически неоднородного населения, служит революционному процессу и потенциальным изменениям в условиях продолжающегося американского эмбарго и быстро меняющихся отношений с Россией и Восточной Европой.

— Перспективы теории политической культуры —

В наше время основные теории политической культуры продолжают преобладать и оказывать влияние на исследования в сравнительной политологии. Мы рассмотрели общие теории политической культуры, возникшие в конце 1950-х гг., и обнаружили, что такие основополагающие их предпосылки, как гражданская добродетель, плюралистическая демократия, рациональная бюрократия и стабильность, имели тенденцию отражать идеальные, а не реальные ситуации и были сориентированы на англо-американский опыт.

Настоящая глава посвящена конкретной реализации политической культуры, особенно в области коммуникаций и в исследованиях социализации. В ней отмечалось, что исследования коммуникации концентрируются вокруг средств массовой информации как социализирующих органов и что модели коммуникации, принятые в основном направлении исследований, базируются на теории развития, предполагающей эволюцию общества от традиционной к переходной и, наконец, к современной стадии. Сторонники сравни-

тельного метода сконцентрировали свое внимание на политической социализации, их труды были посвящены обучению детей и подростков, их формулировки были статичны, связаны с изучением культуры и шли в русле либерально-демократической теории основного направления политической науки. Ученые стремились открыть модели политических отношений, отражающие социализацию в стабильных, так называемых демократических обществах, а затем применить результаты своих исследований к менее развитым странам «третьего мира».

Во всех этих областях теория мало что объясняет. Она дает классификации, описания, но в них отсутствует анализ. Политическая культура рассматривается в идеальной форме как культура гражданственности. Изменения происходят медленно и постепенно. Вместо того чтобы быть независимой от политической системы, политическая культура, наоборот, зависит от нее.

Если научное значение теории, выдержанной в основном русле, остается весьма скромным, то каковы перспективы радикальной теории политической культуры? Нами были рассмотрены некоторые альтернативы концепциям политической культуры и социализации и проведено разграничение между вульгарными и гуманистическими концепциями марксизма.

В целом, с точки зрения критического марксизма, преобладающее понимание политической культуры и социализации считается одним из проявлений идеологической надстройки буржуазного капиталистического общества. Этот взгляд также выявляет буржуазные тенденции, которые могут лежать в основе классовой борьбы в обществах. На этом пути отчуждение, модели потребления и трудовые стимулы можно оценить в радикальном контексте. В конечном счете альтернативная ориентация нацелена на создание «нового» человека в социалистическом или коммунистическом обществе, для чего необходима трансформация культуры, которая позволила бы ликвидировать трудовую специализацию и сектантскую бюрократию, а также обеспечить достижение демократии участия и способствовать тенденциям к объединению. Хотя некоторые марксисты полагают, что отмена частной собственности на средства производства неизбежно приведет к бесклассовому обществу, опыт социалистических стран свидетельствует, что это далеко не так. Альтернативный подход предусматривает замену буржуазных взглядов на мир пролетарскими. Такое мировоззрение предвосхищает ликвидацию отчуждения и благоприятствует бескорыстию, преданности делу и созиданию во имя общества и культуры в целом.

Литература

Almond, Gabriel A. 1956. «Comparative Political Systems». *Journal of Politics* 18 (August), 391—409. В этой статье Алмонд впервые выдвинул концепцию политической культуры.

_____. 1990. «Rational-Choice Theory and the Social Sciences». In *his A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science*, 117—137. Newbury Park, California: Sage Publications. Обзор и критика теории рационального выбора.

Almond, Gabriel A., and G. Bingham Powell, Jr. 1966. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston: Little, Brown and Co. В книге содержится определение политической культуры как «психологического параметра политической системы... Он состоит из отношений, убеждений, ценностей и умений, характерных для всего населения, а также из особых склонностей и поведения отдельных слоев населения».

Almond, Gabriel A., and Sidney Verba. 1963. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton: Princeton University Press. Классическое исследование политической культуры на основе анализа мнений в Великобритании, Германии, Италии, Мексике и Соединенных Штатах. Выдвигаются теории и методы, рассматриваются структуры, социальные отношения и контуры политической культуры.

_____. (eds.) 1980 (1989). *The Civic Culture Revisited*. Boston: Little, Brown. 2d ed., Newbury Park, California: Sage Publications, 1989. Интересная подборка эссе, содержащих критику, самокритику и переоценку результатов исследования, проведенного на материале пяти стран в 1960-х гг.

Amin, Samir. 1977. «Universality and Cultural Spheres». *Monthly Review* 28 (February), 25—38. Марксистский обзор и критика моделей социальной организации (Северная Америка, Советский Союз, Китай) с необходимыми для этого идеологическими формулировками.

Anderson, Perry. 1990. «A Culture in Contraflow». *New Left Review* 180 (March-April 1990), 41—78, and 182 (July-August), 85—137. Состоящая из двух частей работа о культуре с особым вниманием к поколениям социалистических интеллектуалов, идеологическим различиям между ними к переменам в культуре Великобритании. Подробно рассматриваются меняющиеся теоретические позиции в различных дисциплинах таких интеллектуалов, как Энтони Гидденс, Майкл Манн, У. Рансиман, Эрнест Гельнер, Джек Гуди, Реймонд Уильямс, Терри Иглтон, Т. Дж. Кларк, Майкл Баксанделл и др.

Aronowitz, Stanley. 1973. *False Promises. The Shaping of American Working-Class Consciousness*. New York: McGraw Books. О рабочем классе в Соединенных Штатах и причинах его зависимого положения. Автор утверждает, что борьба между трудом и капиталом будет идти постоянно, пока рабочим недоступны средства производства и контроль над производством; демонстрирует, что неспособность рабочего класса понять свое отчуждение связана с тем, что «его собственная эксплуатация в производстве определяется системными причинами... и не только идеологическими: их корни в трудовом процессе» (7).

_____. 1992. *The Politics of Identity: Class, Culture, Social Movements*. New York: Routledge. Утверждается наличие тесной связи между классом, политикой и культурой.

Assies, Willem, Gerrit Burgwal, and Ton Salman. 1990. *Structures of Power, Movements of Resistance: An Introduction to the Theories of Urban Movements in Latin America*. Amsterdam: Centre for Latin American Research and Documentation (CEDLA). Полезный синтез и обзор теорий и литературы о новых социальных движениях. В эссе Ассиса рассматривается зарождение и эволюция теории, ее связь с марксизмом и влияние. В эссе Салмана рассматриваются различные исследовательские стратегии в изучении социальных движений. В заключительном эссе приводится литература по городскому движению в Латинской Америке и подробная библиография.

Bates, Robert H. 1981. *Markets and States in Tropical Africa: The Political Basis of Agricultural Policies*. Berkeley: University of California Press. Опираясь на теорию рационального выбора, автор уделяет особое внимание вмешательству африканских правительств и практике африканских фермеров на трех главных мировых сельскохозяйственных рынках. Он анализирует, каким образом политика создает преимущества для реализации конкретных интересов и поощряет влиятельные силы, потворствующие режимам, удерживающимся у власти. Рынок является политической ареной борьбы между крестьянином и государством, соперничества и конфликта, а также политического контроля. Автор иллюстрирует отдельные свои суждения примерами из жизни африканских государств к югу от Сахары.

Blau, Peter. 1960. «A Theory of Social Integration». *American Journal of Sociology* 65 (May) 545—556. Автор выдвигает теорию, основанную на эмпирическом изучении соперничества и дифференциации среди групп, стремящихся к интеграционным связям. Такая интеграция способствует пониманию термина «политическая агрегация», используемого Алмондом и др.

Blaut, James. 1977. «Are Puerto Ricans a National Minority?» *Monthly Review* 29 (May), 35—55. Автор резко разграничивает сталинские и ленинские теории национальных меньшинств и культуры. В оценке положения в Пуэрто-Рико он обращается к Ленину.

Boggs, Carl. 1986. *Social Movements and Political Power: Emerging Forms of Radicalism in the West*. Philadelphia: Temple University Press. Ссылаясь на опыт Европы и Соединенных Штатов, автор утверждает, что новые социальные движения связаны с четырьмя потенциально конфликтными проблемами: экономическим застоём, экологическим дисбалансом, милитаризмом и ядерной политикой, а также бюрократией.

Bostock, William. 1973. «The Cultural Explanation of Politics». *Political Science* 25 (July), 37—48. В статье подвергаются сомнению посылки, относящиеся к политической культуре. В заключение отмечается, что Алмонд и Верба применяют не аналитические, а описательные критерии, не используя теоретические конструкции.

Brecher, Jeremy, and Tim Costello (eds.). 1990. *Building Bridges: The Emerging Grassroots Coalition of Labor and Community*. New York: Monthly Review Press. Reviewed favorably by Dana Frank, «Backyard Brigades», *The Nation* 251 (November 12, 1990), 365—366. Also a full review by Kim Scipes, «Labor-Community Coalitions: Not All They're Cracked Up to Be», *Monthly Review* 43 (December 1991), 34—51. О конструктивном содружестве профсоюзов и прогрессивных общественных групп как показатель активной вовлеченности рабочего и социальных движений в общественные перемены.

Brown, Bruce. 1973. *Marx, Freud, and the Critique of Everyday Life*. New York: Monthly Review Press. Автор исследует субъективные и психологические параметры революционного процесса и дает обзор литературы и теорий, ассимилирующих фрейдизм в более широкую структуру исторического материализма.

Buchanan, James M. 1975. *The Limits of Liberty Between Anarchy and Leviathan*. Chicago: University of Chicago Press. Книга основана на модели общественного выбора.

Buchanan, James, and Gordon Tullock. 1962. *The Calculus of Consent*. Ann Arbor: University of Michigan Press. Два экономиста разрабатывают модель общественного выбора в политике и демократическом процессе. основополагающая работа по теории рационального выбора.

Burawoy, Michael, et al. 1991. *Ethnography Unbound: Power and Resistance in the Modern Metropolis*. Berkeley: University of California Press. Десять этнографических очерков о современной повседневности и ее разрушительном воздействии на социальную, экономи-

ческую и политическую жизнь индивидов в городской среде. Очерки демонстрируют, как люди противостоят и реагируют на ухудшение условий их жизни.

Chinchilla, Norma Stoltz. 1990. «Revolutionary Popular Feminism in Nicaragua: Articulating Class, Gender, and National Sovereignty». *Gender and Society* 4 (September), 370—394. Автор утверждает, что участие женщин в сандинистской революции имеет большое значение для марксистского и мирового феминизма, и рассматривает кубинскую модель революционного руководства начиная с 1960 г.

Clausen, John A., et al. 1968. *Socialization and Society*. Boston: Little, Brown and Co. Сборник эссе, написанных на основе работы Комитета по делам государства и социальных структур Совета по изучению общественных наук. Один из авторов, работающих в области социологии и психологии, Клаузен (во введении) рассматривает концепцию, исследовательское поле, а также исторические и компаративистские взгляды на теорию социализации; Алекс Инкельс пишет о социализации детей; Орвил Брим — о социализации взрослых; а Рональд Липпигт — о совершенствовании процесса социализации.

Clawson, Robert W. 1973. «Political Socialization of Children in the USSR». *Political Science Quarterly* 88 (December), 684—712. Обзор немногочисленных последних работ в области политической социализации детей в Советском Союзе, а также хронология и резюме советской политики в области семейной социализации и в сфере образования начиная с 1917 г. Один из выводов автора состоит в том, что «на советскую политическую активность большее влияние оказывают косвенные последствия урбанизации, чем поощряемая режимом целенаправленная политическая социализация».

Cockburn, Alexander. 1989. «Whose Better Nature? Socialism, Capitalism, and the Environment». *Z Magazine* 1 (June), 27—34. В основе статьи интервью с экономистом Джеймсом О'Коннором, редактором марксистского, посвященного проблемам окружающей среды ежеквартального журнала «Капитализм, природа, социализм» (*Capitalism, Nature, Socialism*). О'Коннор считает, что движение защитников окружающей среды находится в руках крупных капиталистических компаний.

Connell, R.W., and Murray Goot. 1972—1973. «Science and Ideology in American 'Political Socialization' Research». *Berkeley Journal of Sociology* 17, 165—193. Критика целей, методов и выводов исследований в области политической социализации.

Coole, Diana. 1990. «Feminism and Politics». In Adrian Leftwich (ed.), *New Developments in Political Science: An International Review of*

Achievements and Prospects, 24—40. Hants, England, and Brookfield, Vermont: Edward Elgar and Gower Publications. Утверждается, что феминизм позволяет взглянуть на отношения полов как на один из аспектов властных отношений, что он бросает вызов традиционным способам изучения политики путем концентрации внимания на патриархате и господстве мужчин над женщинами вообще и в политологических отделениях университетов, в частности.

Corcoran-Nantes, Yvonne, 1990. «Women and Popular Urban Social Movements in Sao Paulo, Brasil». *Bulletin of Latin American Research* 9 (2), 249—264. Изучение вопроса, связанного с ролью и участием женщин в городских социальных движениях Сан-Паулу, объясняемым разделением труда в обществе по половому признаку.

Deutsch, Karl W. 1963. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York: Free Press of Glencoe. Теория коммуникаций в свете кибернетической теории Винера.

_____. 1965. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*. Cambridge, Massachusetts: M.I.T. Press. Классический анализ национализма и его последствий для современного мира в увязке с коммуникационной теорией. Книга впервые опубликована в 1953 г.

Downs, Anthony. 1957. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper and Row. Политико-экономический подход и модель общественного выбора в области политики и демократии, претендующая на статус основной теории рационального выбора и бихевиористского исследования активности на выборах.

Dupré, Louis. 1983. *Marx's Social Critique of Culture*. New Haven: Yale University Press. Автор исходит из того, что Маркс был «первым крупным критиком процесса распада культуры, начавшегося в современную эпоху и непрерывно продолжающегося вплоть до нашего времени» (vii).

Dupuy, Alex. 1991. «Political Intellectuals in the Third World: The Caribbean Case». In Charles C. Lemert (ed.), *Intellectuals and Politics: Social Theory in a Changing World*, 74—93. Newbury Park, California: Sage Publications. В статье говорится о том, что обретение независимости островными государствами Карибского бассейна сопровождалось приходом к власти интеллектуалов и профессионалов, составивших новый социальный класс наряду с прежним классом собственников — эмигрантов из Западной Европы. Утверждается, что новый класс остался в подчиненном положении по отношению к владеющей собственностью буржуазии; это основная часть господствующего класса, зависимая от иностранного капитала.

Eckstein, Harry. 1988. «A Culturalist Theory of Political Change». *American Political Science Review* 82 (September), 789—804. В статье рассматривается политическая культура в связи с политическими переменами и демонстрируется, как модель непрерывности воздействует на перемены и препятствует им как в социальном контексте, так и при революционных преобразованиях. Автор считает, что «из культурных посылок может возникнуть убедительная, потенциально глубокая теория политических перемен» (801).

Fagen, Ricahrd R. 1969. *The Transformation of Political Culture in Cuba*. Stanford: Stanford University Press. Изучение меняющейся политической культуры на Кубе путем анализа кампании за всеобщую грамотность, деятельности комитетов по защите революции и школ революционного обучения.

Ferguson, Kathy E. 1987. «Male-Ordered Politics: Feminism and Political Science». In Terence Ball (ed.), *Idioms of Inquiry: Critique and Renewal in Political Science*, 209—229. Albany: State University of New York Press. Автор объясняет отсутствие феминизма в политологии господствующей там эпистемологией и профессионализмом. Утверждается, что «каким бы ни было конечное воздействие феминизма на дискурсивную и институциональную практику политологии, он способствует напоминанию о феминистской критике дисциплины хотя бы ради того, чтобы подчеркнуть наше собственное стремление к истине» (225).

Foweraker, Joe, and Ann L. Craig (eds.). 1990. *Popular Movements and Political Change in Mexico*. Boulder, Colorado: Westview Press. В книге рассматриваются народные движения и политическая система Мексики с акцентом на женском движении, борьбе крестьян и рабочих, а также на других социальных движениях.

Fox-Genovese, Elizabeth. 1991. *Feminism Without Illusions: A Critique of Individualism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press. В книге утверждается, что феминизм подрывается индивидуализмом, на котором зиждется американское общество. Автор рассматривает феминизм как элитарную деятельность небольшой группы женщин, стремящихся к равным возможностям, и выступает за то, чтобы он очистился от индивидуалистических посылок. В своем обзоре Эллен Дюбуа (*The Nation* 254, January 20, 1992) отмечает, что «данная книга представляет собой основательную попытку примирить современный феминизм с традиционным консервативным мышлением» (57).

Freire, Paulo. 1970. «Cultural Action and Conscientization». *Harvard Educational Review* 40 (August), 452—477. Автор считает, что перемены основаны на культурных действиях как в сопротивлении детерминациям реального мира, так и при строительстве нового общества.

Gorz, André. 1980. *Farewell to the Working Class*. London: Pluto Press. Автор подвергает сомнению роль рабочего класса в формировании социалистического общества, утверждая, что значение тяжелой промышленности в обществе падает и внимание в нем переключается на группы по гендерным, расовым, возрастным и общественным признакам. См. также его труд «Экология как политика» (*Ecology as Politics*, Boston: South End Press, 1991).

Greenstein, Fred L. 1968. «Political Socialization». In *International Encyclopedia of Social Sciences* 15, 551—555. New York: Macmillan and Free Press Publishing Company. Блестящее резюме концептуализации политической социализации.

_____. 1970. «Research Notes: A Note of the Ambiguity of 'Political Socialization': Definitions, Criticisms, and Strategies of Inquiry». *Journal of Politics* 32 (November), 969—978. Автор идентифицирует четыре варианта политической социализации и критикует консервативное предубеждение, неумение прогнозировать поведение, неспособность связывать изучение политической социализации с общими теориями развития человечества и т.д.

Greenstein, Fred I., and Sidney Tarrow. 1970. *Political Orientations of Children: The Use of a Semi-Projective Technique in Three Nations*. Beverly Hills, California: Sage Publications. Sage Comparative Politics Series (01—009). Изучение политической социализации детей в Великобритании, Франции и Соединенных Штатах. Дается обзор техники полупроективных интервью и анализируются предварительные данные.

Guevara, Ernesto Ché. 1967. *Man and Socialism in Cuba*. Havana: Book Institute. В книге, отчасти в эпистолярной форме, Гевара говорит о трудностях создания нового человека в новом обществе.

Guimarães, Roberto P. 1991. *The Ecopolitics of Development in the Third World: Politics and Environment in Brazil*. Boulder, Colorado: Westview Press. Изучение экополитики на примере Бразилии.

Gurley, John. 1970. «The New Man in the New China: Maoist Economic Development». *Center Magazine* 3 (May), 25—33. Автор статьи утверждает, что капиталистическое развитие, даже успешное, зависит от того, насколько оно улучшает положение тех, кто испытывает экономические трудности. Затем он останавливается на различии точек зрения маоистов и сторонников капиталистического развития, выделяя пролетарское и буржуазное мировоззрение в западном мире.

_____. 1971. «Capitalist and Maoist Economic Development». *Monthly Review* 22 (February), 15—35. В статье четко обозначено различие между капиталистическим и маоистским пониманием развития.

Habermas, Jurgen. 1981. «New Social Movements». *Telos* 49 (Fall), 33—37. Ранняя научная дискуссия на материале опыта Западной Европы с особым вниманием к вопросу, являются ли социальные движения действительно «новыми».

Hall, Stuart. 1992. «Race, Culture, and Communications: Looking Backward at Cultural Studies». *Rethinking Marxism* 5 (Spring), 10—18. Эссе о важности изучения национальности, этноса и культуры.

Halliday, Fred. 1989. «Notes on the New Political Culture». *The Nation* (September 4—11), 234 ff. Разоблачение мифа о том, что сегодняшний мир включает в себя «все более и более свободную современную и универсальную политическую культуру».

Harris, Donald. 1972. «The Black Ghetto as 'Internal Colony': A Theoretical Critique and Alternative Formulation». *Review of Black Political Economy* (Summer), 3—33. Ранняя модель внутренней колонии в применении к американцам африканского происхождения.

Hernández, Rafael, and Haroldo Dilla. 1992. «Political Culture and Popular Participation». In *Centro de Estudios Sobre América, The Cuban Revolution into the 1990s*, 31—46. Boulder, Colorado: Westview Press. Анализ политической культуры в свете исторического опыта и революционного периода после 1959 г. Утверждается, что Куба достигла партиципаторной политической культуры.

Hewitt, W.E. 1991. *Base Christian Communities and Social Change in Brazil*. Lincoln: University of Nebraska Press. Подробный анализ — на базе интервью, наблюдений и исследований основных христианских сообществ Бразилии — групп, вышедших из институциональной структуры римско-католической церкви. Идентифицируются их происхождение и эволюция, функции и деятельность, организация, руководство и контроль, а также приводятся примеры, свидетельствующие о важной роли епархии архиепископа Сан-Паулу.

Hindess, Barry. 1987. *Politics and Class Analysis*. New York: Basil Blackwell. Критическая оценка традиций классового анализа, причем особое внимание уделяется Марксу и Веберу. Утверждается, что применение классового анализа к изучению политики может привести к упрощенческому подходу, а то и вовсе ввести в заблуждение из-за трудности решения проблем, связанных со средним классом и положением женщин.

Hitchcock, Peter. 1992. «Cultural Studies and the Prospects for a Multicultural Materialism». *Rethinking Marxism* 5 (Spring), 78—87. Обзор культурных исследований с их методами дестабилизации гегемонии дисциплинарности. Рассматривается значение деятельности

Реймонда Уильямса, использовавшего термин «культурный материализм» в теории культуры.

Hitchner, Dell Gillette. 1968. «Political Science and Political Culture». *Western Political Quarterly* 21 (December), 551—559. Президентское обращение к Ассоциации политических наук Тихоокеанского Северо-Запада. Призыв изучать культурные аспекты политики в сравнительных исследованиях.

Hyman, Herbert H. 1959. *Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior*. New York: Free Press of Glencoe. Начальный синтез литературы о политической социализации, стимулировавший множество исследований. Автор делает акцент на психологическом аспекте политики, исследует дифференциацию подгрупп в процессе их формирования, средства социализации, политическую стабильность и перемены в социализации.

Inglehart, Ronald. 1988. «The Renaissance of Political Culture». *American Political Science Association* (December), 1203—1230. Автор утверждает, что гражданская культура возникает с восхождением капитализма, а современные процветающие общества развиваются с постматериалистическими ценностями, при которых накопление капитала не всегда считается высшей ценностью; считает, что в основанной на экономических переменных модели рационального выбора не учтены культурные аспекты; много рассуждает о культурном синдроме удовлетворенности личной жизнью, политической лояльности, межличностном доверии и поддержке существующего социального порядка. Книга опирается на сравнение ряда европейских государств.

Inkeles, Alex. 1969. «Participant Citizenship in Six Developing Countries». *American Political Science Review* 63 (December), 1120—1141. Сделанные на основе экспериментов выводы о партиципаторном гражданстве (известном в передовых странах) в Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Нигерии и Восточном Пакистане (Бангладеш).

Inkeles, Alex, and Daniel Levinson. 1954. «National character: The Study of Model Personality and Socio-Cultural Systems». In Gardner Lindzey (ed.), *Handbook of Social Psychology*, vol. 2, 977—1020. Cambridge, Massachusetts: Addison-Wesley. Пример культурно-личностного, или психокультурного, подхода к изучению политики, который Алмонд и Верба пытаются заменить своей концепцией политической культуры. В издании предлагается обзор литературы «национального характера», «личностной структуры» и «социального характера».

Inkeles, Alex, and David H. Smith. 1974. *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*. London: Heinemann. Книга осно-

вана на данных исследований шести стран (Аргентина, Чили, Индия, Израиль, Нигерия и Бангладеш). Рассматривается суждение, что «современной стране нужны активные граждане, мужчины и женщины, которые проявляют большой интерес к общественным вопросам, осуществляют свои права и выполняют свои обязанности как члены сообщества, большего, чем определяемое родственными отношениями или общностью географической местности» (4). При этом делается акцент не на элите, а на индивиде, а также на переходе людей от традиционного к современным способам существования.

Jameson, Fredric. 1991. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham, North Carolina: Duke University Press. Критический обзор культурных последствий модернизма и постмодернизма, с особым вниманием на культуру и идеологию.

Jowitt, Kenneth. 1974. «An Organizational Approach to the Study of Political Culture in Marxist-Leninist Systems». *American Political Science Review* 68 (September), 1171—1191. В статье дается обзор ориентаций и дефиниций политической культуры, а также предлагается аналитическая структура изучения политической культуры в условиях марксистско-ленинских режимов.

Kanth, Rajani. 1978. «Political Culture Revisited: Notes on a Coercive Ideology». *Indian Journal of Political Studies* 39 (January-March), 89—98. Критика концепции политической культуры как отражения империалистического вмешательства во внутренние дела «третьего мира».

Kluckhohn, Clyde. 1964. «Culture». In Julius Gould and William Kolb (eds.). *Dictionary of the Social Sciences*, 165—168. New York: Free Press of Glencoe. Синтез прошлых концепций и тенденций, связанных с культурой и ее анализом.

Kovel, Joel. 1976. «The Marxist View of Man and Psychoanalysis». *Social Research* 43 (Summer), 225—245. Марксистский взгляд на человека, ограниченность марксистской психологии и совместимость марксизма с фрейдизмом.

Kroeber, Alfred L., and Clyde Kluckhohn. 1952. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge, Massachusetts: Peabody Museum. Обзор почти векового развития дефиниций и концепций, связанных с понятием «культура» — сначала в историческом аспекте, затем в соответствии с шестью категориями: описательной, исторической, нормативной, психологической, структурной и генетической.

Langton, Kenneth P. 1969. *Political Socialization: Studies in Behavioral Political Science*. New York: Oxford University Press. О влиянии различных социальных институтов в процессе политической социализации. Книга кросскультурна по ориентации, но особое вни-

вание в ней уделяется национальным особенностям студенчества на Ямайке и в Соединенных Штатах. Лэнгтон считает манипуляцию детьми оправданной и разрабатывает идеи, направленные на выполнение целей элит и сегрегацию социальных классов, Коннелл и Гут (Connell and Goot, 1972—73) называют эти идеи «фашиствующими».

Legros, Dominique. 1977. «Chance, Necessity, and Mode of Production: A Marxist Critique of Cultural Evolutionism». *American Anthropologist* 79 (March), 26—41. Автор убежден, что марксизм радикально отличается от культурного эволюционизма: во-первых, по дефиниции концепций общества и способа производства; во-вторых, по интерпретации надстройки и базиса; в-третьих, по взглядам на материализм.

Lehman, Edward W. 1972. «On the Concept of Political Culture: A Theoretical Reassessment». *Social Forces* 50 (March), 361—370. Автор критикует ловушки редукционизма и нормативные пристрастия, выражающиеся в современном использовании политической культуры, анализирует параметры политической культуры — партиципаторные и институциональные, власть и легитимацию, а также общую культуру; соотносит общую культуру с политической и символы политических институтов с политическими легитимизациями.

Lehman, David. 1990. *Democracy and Development in Latin America: Economics, Politics, and Religion in the Post-War Period*. Philadelphia: Temple University Press. Наводящий на размышления отчет о социальных движениях и их воздействии на процесс развития в Латинской Америке. Автора прежде всего интересуют бразильский пример и теология освобождения как основа для вовлеченности масс в жизнь общества.

Lindenfeld, Frank. 1973. «Work, Automation, and Alienation». In Lindenfeld (ed.), *Radical Perspectives on Social Problems*, 238—249. 2d ed. New York: Macmillan Company. Анализ марксистских и других теорий отчуждения и высказывание в пользу введения контроля со стороны рабочих за тем, что и как они должны производить.

Loud, Oliver S. 1991. «Socialism in the 1990s: Where Do We Go from Here?» *Monthly Review* 43 (June), 45—53. Автор анализирует проблему, каким путем социализм может преодолеть диктат традиционной культуры.

Luke, Timothy W. 1989. «Class Contradictions and Social Cleavages in Informationalizing Post-Industrial Societies: On the Rise of New Social Movements». *New Political Science* 16—17 (Fall-Winter), 125—153. Автор считает, что новые социальные и народные движения левых и правых представляют собой проявление оппозиции вне традиционных направлений действия. Они относительно слабы в воздействии

на «информационное общество», но тем не менее являются «выражением зарождающихся классовых конфликтов и противоречий между периферией и центром в развивающемся информационном обществе Западной Европы, Северной Америки и Японии» (149).

Lutjens, Sheryl L. 1992. «Democracy and Socialist Cuba». In Sandor Halebsky and John M. Kirk (eds.), *Cuba in Transition: Crisis and Transformation*, 55—76. Boulder, Colorado: Westview Press. Исторический анализ борьбы за децентрализацию, реформы и политическую демократию в социалистической Кубе, а также противоречий и трений между государством, партией и народом.

Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. Сочинения. 2-е изд.

Martinez, Elizabeth. 1990. «The Cultural Politics of 'Cultural Diversity': Old Poison in New Bottles». *Z Magazine* 2 (July-August), 35—40. Разоблачение расистских идей, подрывающих борьбу за реформы в образовании.

Mason, Patrick L. 1991. «Race, Competition, and Differential Wages: A Marxian Model». Riverside: University of California. November 18, 1991. Автор возрождает интерес к модели внутренней колонии, пытаясь вскрыть природу расовой дискриминации в экономической деятельности. В своих рассуждениях он ссылается на Дональда Хэрриса (Harris, 1972).

Mattelart, Armand. 1979. *Multinational Corporations and the Control of Culture: The Ideological Apparatuses of Imperialism*. Atlantic Highlands, New Jersey: Humanities Press. Всеобъемлющий анализ воздействия транснациональных корпораций на культуру и идеологию.

Meisel, John. 1974. «Political Culture and the Politics of Culture». *Canadian Journal of Political Science* 7 (December), 601—615. Президентское обращение к Канадской ассоциации политических наук. Автор рассматривает четыре значения культуры: антропологическое, эстетическое, политическое и связанное со свободным времяпрепровождением; обсуждает значение культуры для политической науки путем анализа взаимосвязи между культурой и политикой, культурной политикой и классом, культурой и международным окружением, культурной политикой и ценностями; и приходит к выводу, что марксистская структура, видимо, делает больший акцент на культурную сторону вопроса, чем американская политическая наука.

Mellor, Mary. 1992. «Eco-Feminism and Eco-Socialism: Dilemmas of Essentialism and Materialism». *Capitalism, Nature, Socialism: A Journal of Socialist Ecology* 3 (June), 43—62. Автор показывает, что экофеминистская теория и политика возникли из радикального феминистского движения начала 1970-х гг.; рассматривает экофе-

министскую философию и перспективы содействия пониманию экологических проблем.

Meyer, Alfred G. 1952. «The Use of the Term Culture in the Soviet Union». In Alfred Kroeber and Clyde Kluckhohn, *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*, 213—217. Cambridge, Massachusetts: Peabody Museum.

Nelson, Barbara J. 1992. «The Role of Sex and Gender in Comparative Political Analysis: Individuals, Institutions, and Regimes». *American Political Science Review* 86 (June), 491—495. Критический обзор шести книг о женщинах и политике с позиций сравнительной политологии.

Monini, Don. 1988. «Everyday Forms of Popular Resistance». *Monthly Review* 40 (November 1988), 25—35. Призыв к левым обратить внимание на бедных, женщин, негров, квалифицированных рабочих и даже средний класс с точки зрения противостояния, неприятия и даже нейтрализации репрессивных мер американского капитализма и капиталистического государства. Отказ от участия в выборах и от службы в армии, а также теневая экономика рассматриваются как примеры широты такого сопротивления.

Ogles, R., M. Levy, and T. Parsons. 1959. «Culture and Social System: An Exchange». *American Sociological Review* 24 (April), 246—250. Три материала с критикой Кребера и Парсонса.

Olsen, Mancur. 1965. *The Logic of Collective Action*. Cambridge: Harvard University Press. О политико-экономическом подходе к общественному выбору. Одна из семи ранних работ, послуживших основой теории рационального выбора.

Patrick, Glenda M. 1984. «Political Culture». In Giovanni Sartori (ed.), *Social Science Concepts: A Systematic Analysis*, 265—314. Beverly Hills, California: Sage Publications. Важная концепция политической культуры, возникшая в политологической литературе. Сначала рассматривается понимание культуры в трудах Кребера и Клакхона, затем — Парсонса. В таблице (292) наглядно идентифицируется широкий набор концепций и подходов основных авторов, занимающихся этой темой.

Putnam, Robert, et al. 1988. «Institutional Performance and Political Culture: Some Puzzles About the Power of the Past». *Governance* 1 (July), 221—242. Анализ мнений и литературы о власти и политической культуре в свете возрождения изучения политической культуры.

Pye, Lucian W. 1956. «Communication Patterns and the Problems of Representative Government in Non-Western Societies». *Public Opinion Quarterly* 20 (Spring), 249—256. О культуре «третьего мира», определяемой традиционными моделями социальных связей и политической коммуникацией, затронутой европеизацией и урбанизацией.

_____. 1963. *Communications and Political Development*. Princeton: Princeton University Press. В книге содержится вводный обзор, а также описание моделей традиционных, переходных и современных коммуникационных систем. Здесь же помещены статьи: Уилбура Шрамма о развитии коммуникаций, Герберта Хаймена о средствах массовой информации и политической социализации и Дэниела Лернера о коммуникационной теории модернизации. В приложении приводится библиография.

_____. 1964. «The Non-Western Political Process». In Harry Eckstein and David E. Apter (eds.), *Comparative Politics*, 657—665. New York: Free Press of Glencoe. Originally published in *Journal of Politics* 20 (August 1958), 468—486. Попытка сравнить политическую линию западного и остального мира.

_____. «Introduction: Political Culture and Political Development». In Pye and Sidney Verba (eds.), *Political Culture and Political Development*, 3—26. Princeton: Princeton University Press. Предлагаются дефиниции политической культуры и политического развития, а также синтезируются модели политической культуры на основании помещенных здесь же десяти эссе о странах.

_____. 1988. *The Mandarin and the Cadre: China's Political Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press. Традиционная концепция политической культуры на примере китайского общества.

_____. 1990. «Political Science and the Crisis of Authoritarianism». *American Political Science Review* 84 (March), 3—19. Утверждается, что политическая культура сформирует грядущие поставторитарные режимы, которые будут сдерживаться модернизацией и не обязательно окажутся демократическими.

Pye, Lucian W., and Sidney Verba (eds.). 1965. *Political Culture and Political Development*. Princeton: Princeton University Press. *Studies in Political Development* (5). Исследовательские эссе о политической культуре — материал симпозиума, спонсором которого является Центр социологических исследований.

Reich, Wilhelm. 1966. «Dialectical Materialism and Psychoanalysis». *Studies on the Left* 6 (July-August), 5—46. Публикация работы, первоначально изданной на немецком языке (1929). Поиски совместимости фрейдовского психоанализа с марксистским историческим материализмом.

Riker, William. 1962. *The Theory of Coalitions*. New Haven, Connecticut: Yale University Press. Политэкономический подход и модель общественного выбора, лежащая в основе теории рационального выбора.

Rokkan, Stein (ed.). 1960. «Citizen Participation in Political Life». *International Social Science Journal* 12 (1), entire issue. Введение (7—14) в серию страноведческих работ, затрагивается тема социальной активности граждан. Выражается озабоченность возрастающей апатией населения к общественным делам.

Rosenau, Pauline M., and Robert Paehlke. 1990. «The Exhaustion of Left and Right: Perspectives on the Political Participation of the Disadvantaged». *International Political Science Review* 11 (1), 123—152. Авторы находят противоречия в пяти идеологизированных интеллектуальных тенденциях, когда западные марксисты и либералы сохраняют оптимизм относительно природы человека и приветствуют социальную активность нуждающихся слоев населения, в то время как консерваторы и марксисты-ленинцы в этом вопросе пессимистичны, а позиция «новых правых» противоречива.

Ryan, Michael. 1989. *Politics and Culture: Working Hypotheses for a Post-Revolutionary Society*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. Автор анализирует политическое значение культуры и выдвигает аргумент в пользу практической утопии в своих «рабочих гипотезах» относительно постреволюционного и постсовременного общества.

Said, Edward W. 1993. *Culture and Imperialism*. New York: Knopf. Автор подчеркивает уникальную ценность, но одновременно и особую культурную центральность английского, французского и американского имперского опыта. Он утверждает, что «империализм избрал роман, модернизм заменил империю искусством, а постмодернизм является реакционным отрицанием того, что из этого что-либо действительно произошло». Обзор Джона Леонарда см.: *The Nation* 256, March 22, 1993, 384.

Schaff, Adam. 1970. *Marxism and the Human Individual*. Introduction by Erich Fromm; edited by Robert S. Cohen. New York: McGraw-Hill Book Co. Важные идеи польского философа.

Shanley, Mary Lyndon, and Carole Pateman (eds.). 1991. *Feminist Interpretations and Political Theory*. University Park: Pennsylvania State University Press. Вызывающее феминистское эссе о политических теориях от классических трудов Платона до современных работ Хабермаса.

Shapiro, H. Svi. 1980. «Education and the State in Capitalist Society: Aspects of the Sociology of Nicos Poulantzas». *Harvard Educational Review* 50 (August), 321—331. Обзор работ Пулантца и его критики сектантского марксизма, в первую очередь положения о том, что политика в области образования является единой; она же, напротив, «является результатом непоследовательного, иррационального и

противоречивого процесса» и формируется при капитализме различными классовыми и другими элементами, включая политическую власть и идеологии.

Slater, David. 1991. «New Social Movements and Old Political Questions: Rethinking State-Society Relations in Latin American Development». *International Journal of Political Economy* 15 (Spring), 32—65. Обзор основной литературы и теоретических тенденций, относящихся к новому социальному движению. См. также его работу «Власть и социальные движения в западном полушарии: Латинская Америка в международном контексте» (*Power and Social Movements in the Other Occident: Latin America in an International Context*). Амстердам: Центр латиноамериканских исследований и документации. Работа представлена на конференции Международной ассоциации политических наук, Буэнос-Айрес, август 1991 г.

Solotaroff, Ted. 1991. «The Paperbacking of Publishing». *The Nation* 253 (October 7, 1991), 399—403. Рассматривается мнение о том что «издательское дело является самым представительным культурным институтом», однако оно меняет свою миссию и направленность, подтверждая тем самым «общее ощущение упадка в условиях расширения деятельности, ощущение распродажи всей культуры» (399).

Thompson, Michael, Richard Ellis, and Aaron Wildavsky. 1990. *Cultural Theory*. Boulder, Colorado: Westview Press. Авторы акцентируют внимание на пяти статусах жизни (иерархия, эгалитаризм, фатализм, индивидуализм и автономия), используя предложенную Мэри Дуглас типологию классификационной системы. В книге рассматриваются концепции крупнейших мыслителей начиная с Монтеस्कье, Конта и Спенсера до Дюркгейма, Маркса, Вебера и др. Авторы не считают культуру единой, настаивая на ее неоднородности; они затрагивают большую часть литературы о политической культуре, включая основные исследования по американской политической системе.

Tokar, Brian. 1990. «Radical Ecology on the Rise». *Z Magazine* 1 (July-August), 12—18. Автор разграничивает энвайронменталистов, акцентирующих внимание на переменах в стиле жизни и придерживающихся основного направления политологии, и тех, кто рассматривает политику защиты окружающей среды как средство наведения мостов между различными фрагментированными социальными и экологическими движениями.

Tullock, Gordon. 1965. *The Politics of Bureaucracy*: Washington, D.C.: Public Affairs Press. Используя политико-экономический подход к общественному выбору, автор концентрирует внимание на бю-

рокрайической политике. Данная работа считается основой теории рационального выбора.

Valdés, Nelson P. 1992. «Cuban Political Culture: Between Betrayal and Death». In Sandoz Halebsky and John M. Kirk (eds.), *Cuba in Transition: Crisis and Transformation*, 207—228. Boulder, Colorado: Westview Press. Перцептивный обзор традиционных верований и обычаев в политической культуре Кубы и их ассимиляции в революционный период после 1959 г.

Verba, Sidney. 1962. «Political Participation and Strategies of Influence: A Comparative Study». *Acta Sociologica* 6, 22—42. Обзор и анализ восприятий и поведения простых граждан в пяти странах — Соединенных Штатах, Великобритании, Германии, Италии и Мексике. Автора в первую очередь интересует вопрос о том, в какой мере граждане каждой из стран считают себя достаточно «компетентными», чтобы влиять на правительство, и какую стратегию они выберут.

_____. 1963. «Comparative Political Culture». In Lucian Pye and Sidney Verba (eds.), *Political Culture and Political Development*, 512—560. Princeton: Princeton University Press. Детальный анализ политической культуры: подхода, параметров, политических убеждений, политического стиля, источников, а также политических кризисов.

_____. 1980 (1989). «On Revisiting the Civic Culture: A Personal Postscript». In Gabriel A. Almond and Sidney Verba (eds.), *The Civic Culture Revisited*, 394—410. Boston: Little, Brown. 2d ed., Sage Publications, 1989.

Verba, Sidney, Norman H. Nie, and Jae-on Kim. 1978. *Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison*. Chicago: University of Chicago Press. Обзор данных по семи странам (Австрия, Индия, Япония, Нидерланды, Нигерия, Соединенные Штаты и Югославия) с акцентом на модели индивидуальных склонностей и институциональных принуждений. Книга задумана как своего рода дополнение к книге «Гражданская культура» (*The Civic Culture*, 1963), а с другой — пытается выйти за ее пределы. Исследование контрастов и различий в отношении стран к политической активности населения.

Wallace, Anthony E.C. 1972. «Paradigmatic Processes in Culture Change». *American Anthropologist* 74 (June), 467—478. Автор синтезирует обобщения в парадигму культурного обмена на примерах Великобритании и Соединенных Штатов.

Zaretsky, Eli. 1976. *Capitalism, the Family, and Personal Life*. New York: Harper and Row. Rev. ed., Perennial Library, 1986. В первом издании книги автор утверждала, что капиталистическое развитие воздействует на общественную и личную жизнь женщин. В переработанном его вари-

анте она анализирует основные взгляды на историю семьи начиная с 1970-х гг. Труд представляет собой важный анализ мировоззрения мыслителей-феминисток и социалистических перспектив.

Zita, Jacquelyn. 1981. «Dual Systems Theory». *New Political Science* 5—6 (Winter-Spring), 78—88. Библиография дуальной теории систем; сформулированной женщинами, стоящими на левых позициях и разочаровавшимися в марксистском подходе к «женскому вопросу». Радикальный феминистский анализ патриархата в сочетании с марксистской оценкой класса и капитализма.

ТЕОРИИ РАЗВИТИЯ И ОТСТАЛОСТИ

По проблеме развития и отсталости в развитии существует обширная литература. Современные авторы различаются в зависимости от своей приверженности капитализму или социализму. Так, консервативные и либеральные социологи и ведущие политики промышленно развитых стран провозгласили необходимость вывозить капитал и технологию в другие страны в качестве средства, способствующего развитию отсталых регионов мира. Интеллектуалы и ведущие политики развивающихся стран, включая некоторых марксистских социологов, утверждали, что вывоз капитала и технологий может привести к негативным результатам для отсталых регионов. Действительно, о развитости и экономической отсталости можно говорить с точки зрения роста производительных сил через накопление и воспроизводство капитала в условиях капитализма или социализма. При капитализме имеют место конкурентные, производственные, монополистические и связанные с благосостоянием формы развития; все они определяются капиталистическим рынком, стремлением к получению прибыли; угроза безработицы стимулирует рост производительности труда, несмотря на отчуждение рабочих. В противоположность этому при социализме актуальны такие формы развития, как социал-демократия, демократический социализм, бюрократизация и революционность; социалистическую экономику характеризуют, как правило, центральное планирование, гегемония государства и иногда частично открытый социалистический рынок.

Эти различия могут на начальном этапе помочь сориентироваться в понятийной системе литературы по развитию. Например, в американской политологии развитие обычно приравнивается к политической демократии или официальным и представительным институтам, которые часто при капитализме и иногда при социализме основыва-

ются на разделении властей (на исполнительную, законодательную и судебную) и парламентской системе, опирающейся на политические партии или партийные коалиции. Подобного рода развитие может определяться такими критериями, как количество партий (как правило, две, но иногда и в большем количестве), степень соперничества групп интересов и признанием прав личности (но не обязательно коллективных прав). Среди проблем такой системы можно назвать замалчивание гегемонии государства; замалчивается также отчуждение гражданского общества от выработки решений ввиду действий избранных и назначенных должностных лиц, теряющих контакт с народом. Игнорируются классовые различия, поэтому упускаются из виду эксплуатация и неравенство между господствующими и подчиненными классами. Участие населения рассматривается лишь под углом зрения политики, без учета социальных нужд или справедливого распределения имеющихся ресурсов и экономических достижений. Развитие зачастую называют модернизацией, которая традиционно измерялась величиной дохода на душу населения и другими критериями, отличающими промышленно развитые страны от отсталых и слаборазвитых. При капитализме такая форма развития ориентирована на частную собственность на средства производства, иногда в сочетании с собственностью государственных учреждений, координирующих и планирующих общественные усилия, оборачивающиеся конкуренцией ради прибыли и эксплуатации. Модернизация порой ассоциируется также с социализмом, обычно с социал-демократическими режимами, готовыми распределять ресурсы среди населения для удовлетворения определенных потребностей (гарантируя всем высокий уровень обучения и образования, медицинское обслуживание, обеспечение необходимыми продуктами питания, жильем и т.п.), развивая в то же время производительные силы. Китай проводил в жизнь «модернизацию» с помощью реформ, направленных на создание социалистического рынка, сохраняя в то же время центральное планирование и открытость экономики для иностранных капиталовложений. Наконец, развитие можно понимать как удовлетворение человеческих потребностей; и эту концепцию выдвинули специалисты по проблемам развития в ООН, где по каждой стране собираются данные относительно грамотности, школьного обучения, здравоохранения, обеспечения жильем и продуктами. По этим критериям Соединенные Штаты Америки заняли бы невысокое место — нет системы общественного здравоохранения (по данным на начало 1994 г.), миллионы безработных, бездомные на улицах, — и в списке промышленно развитых стран они находились бы на одном из последних мест.

Переоценка теории развития вместе с критикой капитализма и социализма была вызвана трагическими мировыми потрясениями, включая свержение реакционных диктатур на Юге Европы (Испания, Португалия и Греция) в середине 1970-х гг. и в «южном конусе» Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Чили и Уругвай) в начале 1980-х гг., а также народные восстания, покончившие с господством социалистических и коммунистических режимов в Восточной Европе и в Советском Союзе в 1989 г. Политические изменения в Южной Европе и Латинской Америке, связанные с переходом от профашистских диктатур к демократическим, представительным режимам, сопровождались также капиталистическими трансформациями — от сравнительно застойной и отсталой экономики под эгидой сильного государства к растущей экономике в условиях проведения неоконсервативного политического курса в интересах богатых и господствующих классов. Падение режимов в Восточной Европе и Советском Союзе сопровождалось вначале эйфорией по поводу свободы и буржуазной демократии, отказа от социализма и возможности следовать неоконсервативной практике Запада в движении к капиталистическому рынку. Позднее энтузиазм ослабел из-за потрясений, которые подорвали базовые системы социальных услуг, вызвали безработицу и нехватку продуктов.

Сложность этих проблем внушает страх тем, кто лишь недавно стал интересоваться литературой по проблемам развития. В данной главе дается синтез и оценка в отношении шести общих тем, характерных для этой литературы:

- политическое развитие
- развитие и национализм
- модернизация
- экономическая отсталость
- зависимость
- империализм

Компаративисты основного направления политологии занимаются тремя первыми темами, прогрессивные компаративисты — тремя последними, хотя разница эта не столь заметна из-за частичного совпадения теоретических направлений по этим проблемам, а также из-за противоречий и неточностей в терминологии.

Некоторые компаративисты, изыскивающие альтернативные концепции и конструкции, обратились к теориям, акцентирующим внимание на способах производства, классово-борьбе, мировой си-

стеме и интернационализации капитала. Как отмечалось в Главе 4, такие перспективы развития разграничиваются в интерпретациях Маркса и Вебера. Маркс занимался развитием исходя из взаимодействия людей с материальным миром производительных сил и способов производства. Вебер определял характерные рациональные признаки бюрократического строя промышленно развитых государств. Оба мыслителя сосредоточивали свое внимание на буржуазном капитализме, но если Маркс изыскивал трансформации в структурном базисе и пытался обосновывать свою теорию историческими реалиями, то Вебер к предпосылкам развития относил наличие четких формальных правил, эффективность, подбор служащих исключительно на основе принципа деловых качеств, секуляризацию, дифференциацию функций и узкую специализацию и сопоставлял свою теорию с идеальными концепциями. Некоторые критики готовы считать предложенную Марксом перспективу революционной и реалистичной, его концепцию развития — динамичной, а его метод — диалектическим; позицию Вебера они готовы считать статичной, его концепцию развития — эволюционистской и идеалистической, а его метод — основанным на идеальных типологиях. Влияние столь разных подходов очевидно в современной литературе, посвященной развитию.

Политическое развитие

Традиционная литература о политическом развитии подчеркивает политическое измерение развития в отличие от экономического. Эта литература подразделяется по крайней мере на три вида: один связан с понятием демократии, другой строится на аспектах политического развития и изменений, третий рассматривает кризисы и последствия политического развития.

Политологи традиционно занимались проблемами демократии. Эта тенденция прослеживается в книгах Джеймса Брайса «Современные демократии» (1921) и Карла Фридриха «Конституционное правление и демократия» (1937). Внимание к проблемам демократии подразумевает политический анализ на основе изучения выборной стратегии и конституционной законности. Сеймур Мартин Липсет (Lipset, 1959) охарактеризовал предпосылки демократии в контексте экономического развития и политической законности. Условиями демократии, по его мнению, являются открытая классовая система, экономическое богатство и капиталистическая экономика; чем выше уровень индустриализации, богатства и образования, тем больше перспектив имеет демократия.

Подобные послылки относительно демократии по-прежнему преобладают в концепциях политического развития. Попытка Алмонда (Almond, 1965) увязать ортодоксальные системы и теорию культуры с политическим развитием подтверждает стойкость такого взгляда на реальность. В «Аспектах политического развития» Пая (Pye, 1966; особенно гл. 4) заметно пристрастие по отношению к западной демократии, при этом он признавал разнообразие дефиниций, обычно ассоциируемых с переменами. Например, он рассматривал политическое развитие как становление институтов и воспитание граждан; по его мнению, мобилизация и участие масс являются необходимыми условиями для существования демократии и порядка. Он выступал за плюралистическое участие, многопартийные системы и конкурентную политическую структуру, а также за политическую стабильность и стремление избегать излишне напряженных ситуаций. Однако демократическое развитие должно быть сбалансировано сильной и действенной властью. Считая неотъемлемой частью понятия демократии подходы, ориентирующиеся на общепринятые ценности и западную модель и, следовательно, на внимание скорее к политическому развитию, чем к демократии, он предлагает основу, более нейтральную по отношению к ценностям.

Из этих и других исследований изменений становится ясно, что в сравнительной политологии нет единой главной теории, представляющей основное направление. Отсутствие такой теории было признано Комитетом по сравнительной политологии Совета по изучению общественных наук, занимавшимся анализом кризисов и последствий развития.

Итогом дискуссий в Комитете явились работы Ленарда Байндера, Джеймса Коулмена, Джозефа Лапаломбары, Лусиана Пая, Сиднея Вербы и Майрона Вайнера. Их труды были опубликованы в серии книг о политическом развитии (Binder et al., 1971). Пытаясь выйти за пределы «формальных и институциональных пристрастий» компаративистских исследований, эти специалисты стремились найти теоретическую основу. Их концепция базировалась на «синдроме развития», или на трех измерениях политической системы — дифференциации, равенстве и способности. Дифференциация означает «процесс все большего разделения и специализации ролей, институциональных сфер и ассоциаций в обществах, проходящих через модернизацию». Равенство относится к «национальному гражданству, всеобщему правовому порядку и критериям достижений». Способность подразумевает то, как политическая система управляет напряженными ситуациями и стимулирует новые перемены. По мере раз-

вития политической системы через усиление дифференциации, равенства и способности могут происходить кризисы — самосознания, легитимности, участия, проникновения и распределения.

Каждый из этих кризисов описывается отдельно. Кризис самосознания затрагивает массовую и элитарную культуру и проявляется в националистических чувствах относительно территории, в разногласиях, способных подорвать национальное единство, и в конфликте между этнической лояльностью и национальными обязательствами. Кризис легитимности возникает в ходе борьбы за власть — например, когда правящая группировка вынуждена бороться за власть с другими группировками или когда притязания правителя на власть отвергаются народом как незаконные. Кризис участия происходит тогда, когда «правящая элита считает незаконными требования или действия индивидов или групп, стремящихся участвовать в политической системе». Кризис проникновения характеризуется «давлением на правящую элиту ради достижения институциональной адаптации или особого рода нововведений» (цит. по: Binder et al., 1971:77—80, 187, 205—206). Кризис распределения анализируется применительно к таким проблемам, как идеология, природные и человеческие ресурсы, а также институциональная среда.

Байндер и его коллеги поднимают вопросы о теории последовательности, или эволюционной теории, отдающей должное синдрому развития. Два десятилетия исследований и сотни тысяч долларов, на них истраченные, не привели к выработке новой теории развития. Холт и Тёрнер выступили с критикой этой концептуальной основы, отметив, что на ранних стадиях исследований не занимались созданием жесткой концепции, систематическим анализом и развитием взаимосвязанных суждений (Holt and Turner, 1975:987). Что касается концептуализации пяти кризисов, то Холт и Тёрнер утверждали, что «эти категории не определены с достаточной четкостью, и имеются значительные перехлесты» (992). Были выявлены лишь самые общие очертания концепции. Кессельман считал, что, хотя Байндер и его коллеги смогли выйти за пределы традиционных предположений о том, что развитие будут неизбежно характеризовать плюрализм, политическая стабильность и «конец идеологии», они подчеркивали изменения и кризисы, однако «не дали удовлетворительного объяснения... динамики изменений... Поскольку теория структурных изменений отсутствует, сами изменения происходят, видимо, хаотически, необъяснимо и неисторично» (Kesselman, 1973:148—149). Более того, по мнению Кессельмана, эти компаративисты проявили идеологизированный подход в своем стремлении «заморозить альтерна-

тивы и уменьшить количество отклонений от нормы» (153). Они отдавали приоритет «твердой вере в превосходство американских политических ценностей, институтов и процессов», что являлось этноцентрической посылкой, «возникшей в период "холодной войны", в которой для Соединенных Штатов никогда не существовало угрозы поражения» (153—154).

Развитие и национализм

Развитие часто ассоциируют с национализмом, и эта взаимосвязь подчеркивалась в отношении возникавших национальных государств Африки, Азии и Латинской Америки, в которых «новый национализм» имеет целью создание в ходе борьбы за независимость и национальное самоопределение общей политической лояльности среди групп, разделенных серьезными лингвистическими, этническими и религиозными барьерами. Однако «классические» корни национализма — европейские, основанные на общих культурных традициях: едином языке или близких диалектах, обычаях и интересах, национальной символике (флаг, гимн, парады, процессии, паломничества), институциональной солидарности, включая единое правительство, суверенитете «государства» или нации, территориальной целостности, кредо лояльности и общего чувства или воли, ассоциируемых в умах людей с национальным сознанием. Такие общности идентифицируются в работах на тему национализма авторов, включая «Национализм» Карлтона Хейса (Hayes, 1960) и «Век национализма» Ганса Кона (Kohn, 1968).

Большинство историков относят появление национализма к Французской революции, хотя иногда он ассоциируется с примитивными народами или городами-государствами, поселениями или регионами. Некоторые авторы усматривают корни национализма в Англии середины XVII в., когда возникли такие новые реалии, как, например, парламент, группы социально активных граждан и новые национальные символы. Однако национализм в классическом понимании был подстегнут Французской революцией и наполеоновской экспансией в Европе, сплотившими соперничавшие между собой государства узами национального единства и общими интересами. По мнению Хейса, национализм прошел после этого через четыре исторических периода: с 1815 по 1871 г., когда национализм и становящийся капитализм объединили государства, до того находившиеся в состоянии феодальной раздробленности; с 1871 по 1900 г., когда национализм способствовал объединению Германии и Италии и подтолкнул другие нации к борьбе

за независимость на основе единства территории, языка и культуры; с 1900 по 1918 г., период международного соперничества, когда империализм скрывался под маской супернационализма; и с 1918 г. по настоящее время, когда новый национализм, создавая новые государства, бросил вызов колониализму и империализму.

Историки и социологи в своих работах выделяют по меньшей мере девять типов национализма. Туземный национализм ассоциируется с примитивными и племенными организациями, небольшими, но однородными, удерживаемыми воедино системой верований и практических мер, формирующих лояльность и преданность отдельных членов своей «нации». Традиционный национализм выступает за сохранение аристократии, считает Бога высшим повелителем нации и поощряет «цивилизирование» отсталых народов. Религиозный, или символический, национализм характеризуется эмоционально насыщенной символикой и в своей светской форме подобен религии, Богом которой является национальное государство. Гуманный национализм стал воплощением идей XVIII в. и подобен традиционным формам национализма; он обещает уход от нынешних невзгод в будущий золотой век, заменяет сверхъестественное естественным, а теологию — наукой, превозносит человеческий разум и предвещает совершенство человеческой расы.

Либеральный национализм также восходит к идеям XVIII в.; он опирается на политическую демократию, гуманитарные ценности и личные свободы, а также на патриотизм и суверенитет как основы национального государства. Интегрированный национализм отвергает либерализм, выступает за патриотическую верность, враждебен внешним влияниям, превозносит нацию как средство достижения нового порядка, который будет насаждаться с помощью неприкрытой силы, милитаризма и империализма. Буржуазный национализм выражается в старой и новой форме. Старый вариант поддерживается торговым и профессиональным средним классом, выступающим за национальное объединение и либерализм в политике и экономике; средний класс ратует за национальное объединение, считая, что нация может быть укреплена с помощью иностранных инвестиций, предпринимательской деятельности и культуры. Примеры новой формы буржуазного национализма дает «национальная буржуазия», интересы которой сосредоточены вокруг частного капитала, связанного не с иностранным влиянием, а с нацией. Технологический национализм проявляется в индустриализации стран, в которых прогресс достигается с помощью централизованного планирования и развития; этот тип национализма предполагает, что тяжелая промыш-

шленность явится панацеей для решения проблем развития, а транспортная и властная инфраструктура должна быть создана в качестве основы всякого развития. Наконец, якобинский, или радикальный, национализм отождествляется с современными освободительными движениями; он ратует за политическую и экономическую централизацию на основе дисциплины, суверенитет народа, свободу, равенство и, кроме того, опору в достижении своих целей на силу. (Более подробно об этих девяти типах национализма см.: Chilcote, 1969.)

«Новый национализм» привлек внимание политологов-компаративистов. Карл Дойч писал: «Сохранение нации, строительство нации и национализм... эти темы продолжают оставаться мощной и все возрастающей силой в политической жизни, которую государственным деятелям доброй воли было бы опасно игнорировать» (Deutsch, 1953:4). Эта тема проходит через все работы Дойча. Важный вклад в проблему внесен также трудами Рейнхарда Бендикса «Строительство нации и гражданство» (Bendix, 1969), Ленарда Дуба «Патриотизм и национализм» (Doob, 1964) и Руперта Эмерсона «От империи к нации» (Emerson, 1960).

В литературе по национализму развитие, как правило, рассматривается как инкрементальный и асинхронный процесс изменений и роста. Инкрементальное развитие подразумевает линейную прогрессию от традиционной к современной стадии, а асинхронное включает сложную серию изменений в степени роста в обществе от сектора к сектору; например, сооружение завода-изготовителя может стимулировать создание рабочей силы нового типа.

Политологи-компаративисты склонны увязывать политическое развитие с национализмом. Они выделяют социализацию как средство, с помощью которого национализм создает идеологический стимул и мотивацию для развития. К тому же их привлекают модели нацеленного на внушение поведения, с тем чтобы люди не только гордились своей нацией, но и проявляли уважение и покорность власти и правительственному легитимизму. Но в такой литературе рассматривается также воздействие национализма на экономическое развитие (с помощью требований более высоких уровней и через большое разнообразие производства и потребления, эгалитарное распределение и многоуровневую специализацию); на социальное развитие (посредством осознания разрывов между классами и потенциала мобилизации и агрегирования); а также на культурное и психологическое развитие (с помощью учебы и формируемых как повседневным, так и передающимся из поколения в поколение опытом совместных моделей жизни и мышления).

Таким образом, национализм дает идеологический стимул для всякого развития — политического, экономического, общественно-культурного и психологического. Хотя одни типы национализма могут быть эффективнее других в стимулировании национального развития, во всей этой литературе проводится основополагающая мысль: чем сильнее национализм, тем больше вероятность того, что возникнут новые требования и действия, направленные на вовлеченность в жизнь нации; подобные требования и действия могут привести к изменениям и развитию.

Всеохватывающая природа национализма дала основание для изучения его в возникающих социалистических обществах. Хорас Дэйвис анализировал связи между национализмом и социализмом, заранее отделяя деструктивные тенденции от конструктивных. «Хотя национализм использовался в качестве ширмы для сокрытия некоторых из величайших в истории преступлений, он вместе с тем являлся вдохновителем конструктивных движений. Перед марксистом стоит проблема различать два аспекта национализма — научиться по возможности обуздывать националистические движения во имя прогресса, осуждая и сдерживая их, когда они используются в антиобщественных целях» (Davis, 1967:xi). Следовательно, национализм может быть прогрессивным. Цитируя Маркса и Энгельса, Дэйвис показал, как национализм становится необходимым условием для возникновения интернационализма при гармоничном сотрудничестве народа в условиях правления пролетариата. Нация является основой для создания международного общества будущего. Хотя интернационализм высокоразвитых промышленных стран сопутствует жестокой империалистической экспансии и капиталистическому развитию слаборазвитых стран, скрытые в этом процессе противоречия могут в конечном счете привести к социализму.

Вопрос о национализме как силе, ведущей к социалистическому развитию, часто обсуждается в литературе. У Ленина, Люксембург, Сталина и Мао Цзэдуна были разные взгляды на этот счет. Маркс и Энгельс обычно рассматривали национализм в связи с развитием западноевропейских стран, однако революции в России и Китае создали новые условия и потребовали новых теоретических воззрений. Крушение европейских империй и появление большого числа новых государств привели к росту интерпретаций и теорий. В результате на сегодняшний день в литературе по национализму и развитию продолжает существовать значительная путаница, и в компаративистских исследованиях по-прежнему нет ясной теоретической основы.

Западноевропейский опыт свидетельствует о линейном пути к современному развитию. Эволюционные теории XIX в. исходили из того, что западный мир переживал последовательные стадии развития. При этом под «прогрессом» подразумевалось то, что западный мир может цивилизовать другие, менее развитые регионы и покорение и экспансия будут сопровождаться распространением на эти регионы европейских ценностей. В социологической науке Макс Вебер противопоставлял традиционные и современные общества, а Толкотт Парсонс предлагал дихотомические переменные величины, чтобы приписываемые статусы, расплывчатые роли и особые ценности традиционного общества были сопоставлены с достигнутыми статусами, конкретными ролями и универсальными ценностями современного общества. Такое идеальное наложение традиционного общества на современное определило ортодоксальные подходы к изучению развития как модернизации. Например, Ш.Н. Айзенштадт (Eisenstadt, 1964) определял основные структурные характеристики модернизации примерно в тех же параметрах, что и Вебер с Парсонсом. Он ассоциировал модернизацию с высокодифференцированной политической структурой и распространением политической власти и полномочий на все общественные сферы. В двухтомном труде «Модернизация и структура обществ» (1966) Марион Дж. Леви-мл., известный своей приверженностью неопарсонсианской структурно-функциональной теории, заявленной в его книге «Структура общества» (1952), объединил свои основные категории. В «Модернизации и структуре обществ» собран большой материал для анализа обществ, проходящих через модернизацию.

Хотя литература по модернизации обширна и разнообразна, приведем три примера, отражающие противоположные подходы.

Теория стадий и модернизация

После Второй мировой войны интерес западных капиталистических стран к бедным странам основывался не только на прибылях, добыче сырья и поисках новых рынков, но и на уверенности в том, что массивная финансовая и техническая помощь превратит отсталые сельскохозяйственные общества в современные индустриальные страны. Западные ученые описывали такую трансформацию в терминологии, применяемой к стадиям развития. В основу этой теории положены следующие посылки: с помощью изменений воз-

можно установление общественного строя более высокого уровня; изменения последовательно и неизбежно происходят на всех этапах, двигаясь к определенному качеству, присущему Западной Европе, и вызываются одними и теми же причинами.

Самым влиятельным проповедником этой теории был американский историк-экономист Уолт Ростоу, который в своей книге «Стадии экономического роста: некоммунистический манифест» (Rostow, 1960) выделил пять стадий: 1) традиционное общество, 2) предпосылки сдвига, 3) сдвиг, 4) движение к зрелости и 5) зрелость (эра высокого массового потребления). Для новых стран особенно важной является стадия сдвига, когда рост становится реальностью. Спустя десять лет в своем трактате «Политика и стадии роста» (1971) Ростоу добавил в качестве шестой стадии «поиски качества». Теория стадий Ростоу была взята на вооружение многими политологами. А.Ф.К. Органский в своем труде «Стадии политического развития» (Organski, 1965) проанализировал роль правительства на протяжении четырех стадий: 1) примитивное национальное объединение, 2) индустриализация, 3) национальное благосостояние, 4) изобилие. Органский рассматривал политическое развитие с точки зрения повышения эффективности правительства в мобилизации людских и материальных ресурсов в национальных целях. Его понимание развития предполагает — как это было в отношении новых передовых стран — эволюцию «третьего мира» от стадии экономической отсталости к стадии капиталистической демократии, изобилия и массового потребления. С. Блэк (Black, 1966) описал фазы модернизации, стараясь избегать однолинейных и эволюционных последствий упрощенческой теории стадий. Он выдвинул критерии, облегчающие оценку таких фаз, как 1) вызов современности традиционному обществу, 2) консолидация руководства, осуществляющего модернизацию по мере падения значения традиционного лидерства, 3) трансформация экономики и общества из типа сельского и аграрного в городской и индустриальный, 4) интеграция общества.

Модернизация и упадок общества

Самюэль Хантингтон в книге «Политический порядок в изменяющихся обществах» (Huntington, 1968) сделал акцент на политической стабильности в условиях быстрых социально-экономических изменений, сопутствующих модернизации. Модернизация подразумевает индустриализацию, экономический рост, возрастание социальной мобильности и политическое участие. Хантингтон ратовал за кон-

троль и регулирование процесса модернизации путем ограничений на вступление в политическую жизнь новых групп, доступ к средствам массовой информации и высшему образованию, а также за подавление мобилизации масс. Хантингтон, предпочитавший статус-кво неопределенности, связанной с нестабильностью и революцией, занимался прежде всего проблемой политического упадка. Политический упадок — это отражение нестабильности, коррупции, авторитаризма и насилия. Он является результатом провала развития, определяемого как увеличение способности поддерживать продолжающуюся трансформацию, обусловленную требованием модернизации и расширения участия. Чрезмерный крен к институционализации и порядку, сам по себе увеличивающий такую способность, может вызвать репрессии, в то время как переусердствование с требованием расширения участия — привести к упадку и нестабильности.

Сложная модель Хантингтона — это попытка избежать ошибок, в которые впадают и авторы, рассматривающие политические изменения как результат социальных и экономических условий или подчеркивающие однолинейный рост. И все же у Хантингтона очевиден упор на сдерживании изменений. Его понимание развития было по сути консервативным, основанным на ценностях стабильности, порядка, равновесия и гармонии. Несмотря на критику его подхода диалектичности, балансирования между требованиями и возможностями, Хантингтон в конечном счете склонялся к институциональной стабильности, а не к потенциально разрушительным требованиям общества, находящегося в состоянии участия и мобилизации. По иронии судьбы он неоднократно ссылался на ленинизм и способности коммунистических обществ эффективно осуществлять властные полномочия и узаконивать занимающиеся мобилизацией партийные организации. Фактически Хантингтон подчеркивал необходимость порядка (особенно военного) и институционализации для всех политических систем и поэтому уменьшал значение модернизации в форме мобилизации и участия.

В более поздней работе Хантингтон и Нельсон (Huntington and Nelson, 1976) рассматривали участие применительно к пяти моделям развития. Либеральная модель, присущая американскому обществу, предполагает, что модернизация и развитие укрепят материальные условия жизни общества и скорректируют неравенство, насилие и отсутствие демократического участия, свойственные отсталым обществам. Однако такая модель «продемонстрировала методологическую слабость, эмпирическую сомнительность и историческую бесполезность» (1976:20). Буржуазная модель развития удовлетворяет политические нужды возникающего среднего класса, требования

которого концентрируются на экономическом росте городов и развитии электоральных и законодательных институтов. При авторитарной модели власти могут использовать силу государства для подавления участия среднего класса и обеспечения поддержки со стороны низших классов. Технократическая модель развития характеризуется низким уровнем политического участия и крупными объемами иностранных инвестиций; участие ограничивается во имя экономического развития и роста различий в доходах. В противоположность этому популистская модель делает ставку на высокий уровень политического участия и экономическое равенство в сочетании с медленным экономическим ростом. Хантингтон и Нельсон применили эти модели к двум фазам развития: первой — когда начинается экономическое развитие и появляется экономическое неравенство, и второй — когда социальные классы уже требуют доступа к политическому участию и власти. Все модели были представлены в виде идеальных типов, но авторы пытались отделить позитивистский и детерминистский либеральный тип от других четырех, желая, таким образом, объяснить, как расширение или сужение политического участия влияет на степень социально-экономического равенства.

Политика модернизации

В книге «Политика модернизации» Дэвид Эптер (Apter, 1965) представил типологию государственного устройства и некоторые теории, касающиеся изменений. Он проводил различие между развитием и модернизацией.

Развитие, как правило, является результатом распространения и интеграции функциональных ролей в сообществе. Модернизация — особый случай развития. Для модернизации необходимы три условия — социальная система, способная к тому, чтобы осуществлять постоянные нововведения и не распасться...; дифференцированные, гибкие социальные структуры; и социальная основа, предоставляющая навыки и знания, необходимые в технологически передовом мире. Индустриализацию, этот особый аспект модернизации, можно определить как период в жизни общества, когда стратегические функциональные роли отведены производству (1965:67).

Эптер выделил две модели систем: «секулярно-либертарианские», или плюралистские, и «духовно-коллективистские», или мобилизационные. Эти модели формулируются как дихотомия идеальных ти-

пов на фоне непрерывности власти. Секулярно-либертарианская модель представлена современной примирительной системой с ее рассредоточением власти и руководства, торгом и компромиссом, отличающимися либеральную демократию, например, США. Духовно-коллективистская модель представлена современной мобилизационной системой, характеризующейся персонифицированным и харизматическим руководством, политической нетерпимостью и массовой партией. Примеры мобилизационных систем — Китай при Мао Цзэдуэ, Гана при Нкруме и Египет при Насере. Эптер допускал, что примирительные системы, видимо, не срабатывают в новых странах; многие партии, например, имеют тенденцию к расколам и подрыву монолитности политического строя. Мобилизационная система все более вовлекает людей в митинги и демонстрации; вовлечение в однопартийную систему позволяет избирателям проявлять видимое, хотя в основном и символическое, участие.

Однако Эптер оставался оптимистом относительно будущего демократии и примирительной системы. С одной стороны, он считал, что примирительная система приведет к выработке новых «совершенных ценностей» и поискам человечности, способной покончить с отчуждением личности. С другой стороны, он полагал, что примирительная система получит поддержку от науки, которая возродит демократию. Эптер описывал эту научную этику в категориях рационализма и эмпирических исследований. Через такое понимание науки Эптер, видимо, утверждал преобладающую научную парадигму сравнительной политологии.

Оценивая ситуацию, Джанфранко Паскино связывал типы политической системы Эптера со стадиями экономического роста Ростоу. Предпосылки, определенные Ростоу для стадии сдвига, создаются примирительной системой Эптера или, в виде альтернативы, модернизирующей автократией или военной олигархией. Стадия сдвига достигается мобилизационной системой через использование национальных ресурсов, подрыв социальной стратификации и разрушение аграрного сектора. Системы примирения и мобилизации Эптера находятся фактически на одном уровне со стадией движения к зрелости Ростоу. Обе системы могут быть заменены финальной стадией развития — эрой развитой массовой коммуникации. С критикой концепции мобилизации Эптера выступил Паскино. Его аргументация включала четыре основных положения. Во-первых, концепция слишком расплывчата и непригодна для проведения исследований. Во-вторых, она сосредоточила внимание исключительно на возможностях системы, а не на ее требованиях. В-третьих, в ней

неточно и неопределенно сформулированы три стадии — традиционная, переходная и современная. В-четвертых, Эптер использовал идеальные типы, иногда ошибочно принимаемые за точные описания (Pasquino, 1970:308—318).

Критика теорий основного направления

Теории развития, принадлежащие к основному направлению, были некритично и практически повсеместно приняты в начале 1960-х гг., когда получили наивысшее признание специалистов в области сравнительной политологии. Синтез этих теорий (Chodak, 1973) позволяет говорить о пяти направлениях мысли: Первое относится к эволюционным теориям развития, включая формулировки Льюиса Моргана, Маркса, Конта, Спенсера и др. Второе составляют макросоциологические теории индустриализации Дюркгейма, Бендикса и Нила Смелсера. Третье связано с механизмами развития и базируется на психологических объяснениях, встречающихся в исследовании капитализма Максом Вебером и протестантской этике, а также в разработанной Дэвидом Макклелланом теории мотивации достижений. Четвертое направление опирается на политическое и экономическое развитие, особенно в планировании и целенаправленных действиях. Наконец, пятое направление строится на теориях модернизации, представленных в трудах Леви, Бендикса, Эптера и Айзенштадта.

С конца 1960-х гг. была широко распространена критика этих теорий развития, хотя они по-прежнему преобладают в правительственных политических решениях и в преподавании политологии основного направления. Приведенное ниже обсуждение проблемы начинается с некоторых умеренных оценок, затем концентрируется на нескольких обличительных высказываниях, которые, возможно, снимут прежние вопросы, и наконец анализирует стремление интеллектуалов основного направления спустя два десятилетия возродить старые идеи.

Молодые ученые, склонные к альтернативным взглядам, не скрывали своего разочарования. Некоторые из критиков сместились к центру, симпатизируя левым взглядам, осуждавшим идею достижения прогресса путем передачи капитала и технологии из промышленно развитых стран менее развитым. Так, Чэлмерс (Chalmers, 1972) признавал эксплуататорский характер отношений развитых стран с отсталыми, отмечал, что курс на развитие не соответствует специфическим условиям и культурному наследию слаборазвитых стран, и ставил под сомнение его ценности, особенно упор на стабильность. По мнению Чэлмерса, поиски концепции развития сто-

ит продолжить, хотя Соединенным Штатам Америки и другим развитым странам следует избегать пропаганды курса на развитие в отсталых частях мира. Шмиттер (Schmitter, 1972) анализировал различные типы современных политических систем — от плюралистско-демократических и корпоративистско-авторитарных до коллективистско-монархических. Он приветствовал корпоративистско-авторитарный путь Латинской Америки и предпочитал, чтобы она не использовала, как это было ранее, чуждые для нее концепции и теории и вырабатывала собственные модели. Типпс (Tipps, 1973) пришел к выводу, что теория модернизации — продукт этноцентрической всеохватывающей системы убеждений и отражает экспансию американских интересов во всем мире. Сэкс (Sachs, 1972) отмечал, что теории развития являются грубыми и упрощенными интерпретациями, основанными на откровенно механистическом и материалистическом понимании истории. Коултер (Coulter, 1972) усматривал в них тенденцию к редукционизму. О'Брайен (O'Brien, 1972) показал, что в этих теориях заметна склонность к авторитарным решениям и тоталитарным режимам.

Левые интеллектуалы выступили с сокрушительной критикой теории развития, тщательно исследовав основные методы социологии. Одним из них явился метод идеальных типов, предложенный Вебером, систематизированный Парсонсом и развитый Бертом Хоуселицем и др.; метод был раскритикован с теоретической и эмпирической точек зрения, так как попытки его авторов применить теорию к слаборазвитым странам оказались абсолютно неэффективными. Теория стадий Ростоу была раскритикована за содержащееся в ней предположение об экономической отсталости как самостоятельной стадии традиционного общества, тогда как в действительности отсталость слаборазвитых стран является следствием экономической и политической экспансии Европы начиная с XV в. По мнению критиков, теория стадий игнорирует как исторические условия, так и отношения нынешних слаборазвитых стран с развитыми. Были вскрыты также заблуждения сторонников второго подхода, отраженного в теории диффузии, согласно которой развитие может распространяться от передовых к отсталым регионам мира путем передачи знаний, навыков, организаторского умения, ценностей, технологии и капитала. Наконец, были выявлены слабости психологических подходов к теории развития. Используя профессиональный язык и терминологию той самой теории, которую он стремился подорвать, Андре Гундер Франк проанализировал слабости теорий развития, при-

надлежащих к основному направлению. Предлагаемое им решение зависит от самих слаборазвитых стран.

Если развитые страны не в состоянии распространить развитие, теорию развития или политику развития на слаборазвитые страны, то народам этих стран придется их вырабатывать самим. Эти три модели подхода являются новым платьем короля, которое должно скрывать его неприкрытый империализм. Вместо того чтобы кроить королю новое платье, этим людям придется сбросить монарха с трона и приодеться самим (Frank, 1967b:73).

Много критики раздается в адрес политологов за неспособность выработать теорию развития и использование банальностей, абстракций и туманной терминологии. Тон задал Деннон: «Вышедшая из-под пера политологов литература не только антиисторична и аполитична, но, прикрытая аналитическими ухищрениями, она сознательно или бессознательно играет роль проститутки на службе у американской внешней политики» (Dennoн, 1969:285). Эптер, например, полагался на статичную категоризацию. Результаты его исследования оказались катастрофическими: «Что касается практической стороны дела, то страна, однажды помещенная в соответствующую категорию, застыла во времени и не может восприниматься как живой организм, имеющий прошлое или будущее, — она вечно существует в настоящем. В общем же плане, когда модель возведена до такого уровня абстракции, что стирается ее историческое значение, она имеет основание появиться в любое время, и на основе спекуляций по поводу ее появления в любой конкретный момент можно делать массу бесполезных обобщений» (288). Критерии развития, предложенные Блэком, пришли в несоответствие с его концепцией нового времени. Кроме того, он подгонял теории к полученным им данным, некритично включал те или иные страны под свои типологии и выдвинул утопическую концепцию модернизации, ограничивающую внимание к политическому конфликту. Что же касается Пая, то «его поглощенность поверхностными признаками и формальными институтами... дошла до того, что он поверил, будто правительство способно действовать независимо от общества» (291).

Боуденхаймер проанализировал «идеологию курса на развитие», подвергнув особой критике «суждение о том, что знание приобретается путем медленного, постепенного накопления новых наблюдений с триумфальной кульминацией в современном банке данных» (Bodenheimer, 1970:100). Такая практика придает достоверность тео-

рии, подчеркивающей необратимость процесса постоянного и линейного движения от традиционных к современным стадиям. Мысль о том, что развитие может распространяться от развитых стран к слаборазвитым, была опровергнута.

Дебаты о теориях развития основного направления политологии не затухали. Прежние идеи об индустриализации, урбанизации, модернизации и росте были в основном дегуманизированы, так что в измененные концепции могли войти факторы, необходимые для достижения и поддержания благополучной жизни: пища, кров, здоровье, выживание, уважение или признание, самоуважение, чувство собственного достоинства и свободы от угнетения (Goulet, 1968). Таким образом, развитие эволюционирует в основном путем реализации человеческих потребностей (Park, 1984) и борьбы за освобождение (Kuijjer, 1987).

Эта тема служила для разоблачения «мистических подводных течений», из которых, видимо, исходят как капиталистическая, так и социалистическая модель развития, поскольку «анемичные» формулировки западного капитализма слабы и малоэффективны, а проповедуемый марксизмом синтез науки и социализма зачастую тонет в бюрократических формулах, поскольку революционные лидеры терпят фиаско, соприкасаясь с практическими проблемами администрирования и планирования (Berger, 1976:28—29). Так, слаборазвитые страны для достижения более высоких темпов роста могут нуждаться во внешней помощи. Их проблема состоит в том, чтобы не подпасть под отрицательное воздействие стратегических установок оказания помощи, которые могут служить интересам других стран, приводить к концентрации доходов в руках немногих и т.д. Они должны избежать этой дилеммы с доходами и проводить политику роста с опорой на собственные силы, гарантирующую беспристрастность и социальную справедливость в рамках капитализма или социализма (Hamid, 1974). В качестве еще одного примера сошлемся на книгу Баррингтона Мура-мл. «Социальное происхождение диктатуры и демократии: помещик и крестьянин в становлении современного мира» (1966), в которой автор проанализировал три различных пути развития и модернизации, ведущие соответственно к политическим решениям: демократия, фашизм или коммунизм, в зависимости от конкретных национальных особенностей. Итак, Мур не провозглашал единого пути, по которому проходят все страны, независимо от их национальных особенностей и развития; он также не полагался на какой-то один класс, например буржуазию или пролетариат, в осуществлении модернизирующей революции. В итоге его

труд является «фактически единственной четкой марксистской работой, посвященной политике модернизации, на которую всегда можно сослаться» (Skocpol, 1973:1).

В последние годы происходило возвращение к старым теориям. Закат школы политического развития объяснялся не только привлекательностью альтернативных подходов, но и необходимостью выработки терминологии и концепции (Riggs, 1981). Дэвид Голдсуорси занялся этим вопросом и пришел к выводу, что ясность терминологии может быть достигнута в том случае, если признать развитие «политической проблемой, политическим вопросом и политическим процессом» (Goldsworthy, 1988:526).

Политическое развитие как область исследований знало и успехи и неудачи, но в настоящее время оно, как правило, рождает «путаницу», являясь следствием «всех признаков слишком быстрого, непрочного роста и сопутствующего этому "разложения"» (Eckstein, 1982:451). Но, согласно Байндеру (Binder, 1986), теория либерального развития политологии выдвигается на основе уверенности в том, что прагматический плюрализм является основой политологии, а также оправданием американской политической системы. Байндер показал, как и либералы, и консерваторы делают акцент не на классе или политических институтах, а на культуре, и поэтому политическое развитие более консервативно характеризуется Самюэлем Хантингтоном и др. в категориях контроля, планирования, технологии и стабильности (см.: Weiner and Huntington, 1987). Тони Смит утверждал, что все теории развития потерпели фиаско из-за того, что их модели были формальными и абстрактными: «С одной стороны, они были неточными и неполными на уровне эвристики, а с другой — несовершенными в истинно междисциплинарных эмпирических суждениях на уровне сравнительной теории» (Smith, 1985:542). Хотя Смит считал теорию зависимости «цельной и комплексной» и «альтернативной парадигмой исследования» (550), он утверждал, что необходимо разоблачать созданный ее приверженцами «миф об империализме одновременно с ее мифом логики изменений на периферии» (557). Пренебрегая подобными мнениями, Лусиан Пай в своем президентском послании Американской ассоциации политических наук (1989) проанализировал кризис авторитаризма и события 1980-х гг., поставившие под сомнение легитимность всех авторитарных режимов, и объяснял перемены модернизацией. Усилия Пая не пропали даром, если принять во внимание предпринятые недавно серьезные попытки пересмотреть модернизацию, чтобы в ходе поисков альтернативной теории показать ее сильные и слабые стороны (см., например: Dube, 1998; So, 1990).

Эти синтез и оценка принадлежащих к основному направлению теорий политического развития, развития и национализма, а также модернизации ставят изучающего их перед выбором — либо пересмотреть большинство теоретических достижений в сравнительной политологии, либо отвергнуть их. Главной проблемой является возможность применить теории и идеи, почерпнутые из опыта передовых стран, в трактовке быстро сменяющих друг друга крайне запутанных событий, происходящих в слаборазвитых странах. Результаты попытки ее разрешения оказались неудовлетворительными, и это заставило ученых и политических лидеров обратиться к альтернативным теориям и объяснениям отсталости в развитии, зависимости и империализма. Широко распространились радикальные взгляды, однако проблемы и последующие дебаты явились стимулом для появления нового поколения идей, а также интеллектуальной и практической деятельности, заслуживающих серьезного рассмотрения в контексте сравнительной политологии. А сейчас мы переходим к критическому анализу слаборазвитости, зависимости и империализма — проблем, четко обозначившихся в этих новых идеях, которые также в большой степени стали неотъемлемой частью идеологии основного направления сравнительной и международной политологии (см., например: Caporaso, 1980).

Отсталость в развитии

Теории развития, как правило, восходят к опыту развитых стран. Поэтому традиционные представления о менее развитых странах обычно предполагают возможность распространения развития повсюду, ведь капитал и технология в состоянии просачиваться из развитых стран в менее развитые. При этом с распространением капитализма связывается решение проблем нищеты, голода, здравоохранения и т.п. Однако после Второй мировой войны стало ясно, что такой подход не решит проблем слаборазвитых стран. Последовавшая за этим интеллектуальная реакция (преимущественно из слаборазвитых стран) включала в себя различные точки зрения, как немарксистские, так и марксистские.

Немарксистская реакция исходила от экономистов, связанных с Экономической комиссией ООН для Латинской Америки (ЭКЛА), под эгидой Рауля Пребиша из Аргентины. ЭКЛА в основном разделяла мнение о том, что появится новая торговая и промышленная буржуазия, которая станет поддерживать национальные интересы в

условиях иностранного проникновения в экономику слаборазвитых стран. Таким образом, ЭКЛА заняла националистическую, хотя и антиимпериалистическую позицию. Фигурально выражаясь, ЭКЛА разделила мир на промышленный центр и производящую сырье периферию и решила, что и центр, и периферия выиграют от максимизации производства, дохода и потребления. Такое раздвоение мира подогрело интерес к проблемам отсталости в развитии и к самому развитию, примером чему являются труды бразильского экономиста Селсо Фуртадо, ранее активно участвовавшего в ЭКЛА.

В своей работе «Развитие и отсталость в развитии» Фуртадо (Furtado, 1964) подверг критике как буржуазные неоклассические, так и марксистские теории. Он проанализировал различные тенденции развития европейской промышленной экономики и отметил, что экспансия ведет к дуализму в том смысле, что одни структуры являются отличительным признаком капиталистической системы, а другие увековечивают черты предшествовавшей ей докапиталистической системы. Промышленное развитие Европы проявлялось на различных стадиях, и поэтому отсталость в развитии не обязательно была стадией формирования современной капиталистической экономики. Фуртадо затем перешел к анализу структурных причин внешнего нарушения равновесия в экономике слаборазвитых стран. Развивая взгляды, шедшие вразрез с традиционной буржуазной теорией, Фуртадо в целом выступал за автономию как решение проблемы национального развития. Он выступал против империализма и иностранного проникновения в экономику стран, но в своем подходе не опирался на марксистскую модель.

Утверждалось, что идея развития своим происхождением обязана марксизму, а изначальная концепция слаборазвитости по существу является немарксистской, и поэтому к марксистской оценке слаборазвитости следует подходить столь же критично, как и к буржуазной теории. Эйден Фостер-Картер (Foster-Carter, 1974:69) отмечает отвращение Маркса к изучению форм слаборазвитости, но признает, что Маркс понимал тенденцию капитализма порождать наряду с богатством также нищету. По мнению Фостера-Картера, Маркс усматривал такую дихотомию в рамках национальных обществ, но не в международном плане. Кроме того, Маркс считал капитализм явлением в своей основе прогрессивным, а не процессом, в ходе которого взаимоотношения между неравными партнерами позволили бы одному развиваться за счет другого — как в менее развитых странах Африки, Азии и Латинской Америки, которым он не уделял в своих трудах много внимания. По словам Маркса, капитал

стремится к универсальному развитию производительных сил и таким образом становится предпосылкой нового способа производства, основанного на развитии производительных сил не для воспроизводства определенного состояния или в лучшем случае — для его расширения, но такого способа производства, при котором свободное, ничем не стесненное универсальное развитие производительных сил само составляет предпосылку общества, а потому и его воспроизводства... (Маркс и Энгельс, т 46:II:32—33).

Египетский ученый Самир Амин, напомнивший нам о необходимости искать понимание развития за пределами евроцентристского мышления, подчеркивал «блестящее понимание» Марксом неевропейских обществ, если учитывать крайнюю скудость знаний о них в период, когда он писал об этом. По мнению Амина, Маркс предвидел, что ни одна колониальная держава не сможет в течение длительного периода препятствовать развитию капитализма на местах. Однако с ростом монополий «развитие капитализма на периферии должно было принять извращенный характер, основанный на внешнем рынке, и поэтому не могло привести к полному расцвету капиталистического способа производства на периферии» (Amin, 1976:199).

В идеях Маркса освещаются как позитивные, так и негативные стороны развития: «Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее одну часть земного шара в область преимущественно земледельческого производства для другой части земного шара как области преимущественно промышленного производства» (Маркс и Энгельс, т. 23:462). Маркс писал, что торговый капитал эксплуатирует и уничтожает, но отнюдь не всегда трансформирует докапиталистические общественные формации отсталой страны, например, такой, как Индия. Британское правление в Индии привело, наряду с созданием условий капиталистического развития, к страданиям и отсталости, но полноценного капитализма и индустриализации там так никогда и не появилось. Однако Бруэр отмечал: «Если торговый капитал и его союзники эксплуатируют и уничтожают, не вызывая трансформации, то промышленный капитал уничтожает, в то же время трансформируя общество» (Brewer, 1990:50). По мнению Моухри (Mohri, 1979), высказывания Маркса по ирландскому вопросу в противоположность его взгляду на Индию намного более напоминали современные оценки слаборазвитости. Маркс считал, что Ирландия нуждалась в самоуправлении и независимости, аграрной революции и протекционистских тарифах против Англии.

Маркс, в интерпретации Ленина, интересовался докапиталистическими обществами, а Россия, несмотря на свои давние европейские традиции, считалась во время революции 1917 г. отсталой страной. Дэвид Лейн (Lane, 1974) обобщил взгляды Ленина на социальные перемены в отсталых регионах. Во-первых, несмотря на осуждение язв капитализма, Ленин признавал преимущества передовых форм промышленной организации даже при капитализме, против которого выступал. Во-вторых, ленинская теория империализма осуждала капитализм за его воздействие на менее развитые страны. В-третьих, его теория включала централизованное принятие решений. В-четвертых, она предусматривала участие масс. Эти взгляды позволили считать, что широкомасштабная индустриализация и современная технология являлись составными частями модели развития, которая была осуществлена в Советском Союзе, однако эта модель не полностью соответствовала всем первоначальным идеям Ленина. В менее развитых регионах должны сочетаться государственная собственность и контроль, обеспечение быстрого экономического роста и непосредственные формы политического участия во имя социального равенства. Следствием этого могла стать индустриализация без капитализма в сочетании с еще большими, чем это было в Советском Союзе, участием масс и равенством.

Некоторые теории слаборазвитости стали весьма влиятельными. Рассмотрим три взаимно пересекающиеся теоретические тенденции: развитие по капиталистическому пути в центре и слаборазвитость на периферии, неравное развитие и неравномерное развитие.

Развитие по капиталистическому пути в центре и слаборазвитость на периферии

В то время как Селсо Фуртадо и другие экономисты из ЭКЛА критиковали уже тогда ставшие более умеренными буржуазные теории развития, Андре Гундер Франк с небольшой группой единомышленников пытался сформулировать теорию слаборазвитости. Франк (Frank, 1966) проводил различие между центром и периферией, говоря о метрополии и сателлите. Он утверждал, что нельзя сформулировать адекватную теорию развития без должного внимания к прошлой экономической и социальной истории отсталости в развитии, выпавшей на долю большей части населения земли. Он выражал беспокойство по поводу того, что теория обычно не может объяснить отношения между метрополией и колонией во времена торговой и капиталистической экспансии.

Франк исходил из целого ряда посылок. Во-первых, слаборазвитость не является изначальной или традиционной. Ныне развитые страны могли однажды быть неразвитыми, но не могли быть слабо-развитыми. Нынешняя слаборазвитость — это следствие отношений между ныне развитыми странами — метрополиями и слаборазвитыми странами — сателлитами, что является отражением развития капиталистической системы в мировом масштабе. Во-вторых, ошибочным является представление о дуальных обществах — одном современном, капиталистическом и развитом, а другом изолированном, феодальном или докапиталистическом и слаборазвитом, — так как слаборазвитость отсталых регионов является результатом того же исторического процесса капитализации, который определил развитие прогрессирующих регионов. В-третьих, отношения по типу метрополия — сателлит имеют, таким образом, место как на международном уровне, так и в экономической, политической и общественной жизни колониальных и неоколониальных стран. Цепь отношений метрополия — сателлит связывает все части мировой системы и тянется от центров метрополий в Европе или Соединенных Штатах Америки к глубинным районам отсталых стран. В-четвертых, периоды войн и депрессий предоставляют определенную возможность для автономного капиталистического развития сателлитов, но в рамках нынешней капиталистической системы такое развитие неминуемо приведет к слаборазвитости. В-пятых, самыми отсталыми в развитии регионами являются те, которые в прошлом имели наиболее тесные связи с метрополией. Они были крупнейшими экспортерами первичных продуктов и основными источниками капитала, но как только деловые отношения пошли на убыль, они были заброшены.

Теория капиталистического происхождения слаборазвитости стимулировала авторов на изучение этой проблемы на примере Африки, Азии и Латинской Америки. В своем труде «Капитализм и слаборазвитость в Латинской Америке» Франк (Frank, 1967a) использовал Бразилию и Чили в качестве моделей для исследований в поддержку своей теории. Уолтер Родни в своей книге «Как Европа способствовала отсталости Африки» (Rodney, 1972) собрал исторический материал в защиту своего тезиса о виновности Европы в слаборазвитости Африки, увязав слаборазвитость с эксплуатацией. Слаборазвитые страны — продукт капиталистической, империалистической и колониальной эксплуатации; они являются не развивающимися, а слаборазвитыми из-за того, что не в состоянии преодолеть отсталость. Подобно Франку, Родни рассматривал метрополии и сателлиты в их взаимозависимости. В своей книге «Богатство некото-

рых стран» Малькольм Колдуэлл (Caldwell, 1977) следовал этой традиции на примере Азии. Шентес (Szentcs, 1976) изучал империализм и слаборазвитый мир в общем плане, увязывая полученные данные с марксистским анализом.

Кроме этих трудов, известны и другие попытки переработки теории слаборазвитости. Джеффри Кей (Kay, 1975) предложил работу, в которой анализировал роль торгового и промышленного капитала в процессе консервации слаборазвитости. Он вскрыл противоречия радикальной теории и определил место марксизма в теории развития и слаборазвитости. Он сознавал, что исторические оценки слаборазвитости разрабатываются с помощью таких эмпирических категорий, как метрополия и сателлит, «которые оказываются в безнадежном противоречии, как только их подвергнут тщательным исследованиям» (104).

Неравное развитие

Используя почти те же аргументы, что и исследователи слаборазвитости, некоторые авторы концентрировали свое внимание на вопросах неравного обмена. Например, Аргири Эммануэль (Emmanuel, 1972) полагал, что отношения между центром и периферией неравные и поэтому возникает необходимость в анализе проблемы классовой борьбы. По мнению Амина, такое широкое обобщение привело к необоснованной критике. Не стоило ли проанализировать мир в категориях буржуазных и пролетарских наций в условиях, когда ценности переводятся с периферии в центр? Если такой перевод ценностей увеличивает вознаграждение за труд в центре, то не лучше ли пролетариату объединиться с буржуазией для обеспечения статус-кво? Амин давал отрицательный ответ на эти вопросы, считая, что не следует думать о классовой борьбе применительно к отдельно взятому национальному контексту, а лучше думать об этом в контексте мировой системы. Подытожим теперь взгляды Амина в том виде, в каком они были изложены в его книге «Неравное развитие» (Amin, 1976), а затем дадим оценку его подходу.

Теория неравного развития признает различные модели перехода к капитализму на периферии и в центре, что объясняется воздействием капиталистического способа производства и его торгового механизма на докапиталистические формации, в результате чего, например, уничтожаются ремесла, а замены их местным промышленным производством не происходит. Неравная международная специализация проявляется в искаженной экспортной активности, бю-

рократизации и развитию легкой промышленности на периферии. С учетом своей интегрированности в мировой рынок периферия остается без необходимых для вызова иностранным монополиям экономических средств. Не следует путать слаборазвитые страны с передовыми странами на ранней ступени их развития, так как слаборазвитые страны характеризуются крайней неравномерностью распределения производства, что в первую очередь служит интересам господствующего центра. На периферии усугубляется слаборазвитость и блокируется рост, что делает невозможным автономное развитие. Капиталистический способ производства все более становится преобладающим в центре, но не на периферии, где могут существовать иные способы производства. На периферии национальный капитализм может существовать лишь в виде деятельности государства.

В теоретических дискуссиях о неравенстве выделяются две темы. Первая — о национальном и международном развитии, о чем уже упоминалось. Амин склоняется к мнению, что капитализм — это мировая система, от которой могут зависеть национальные образования. Класс, производство, борьба, переходный период — все это необходимо анализировать в мировом контексте. Поэтому переход от капитализма к социализму должен осуществляться в международном масштабе и начинаться на периферии.

Другая тема вылилась в дискуссии по вопросу о том, на что следует обращать внимание при анализе — на обмен или производство. Эммануэль и Франк, например, делали акцент на обмене и рыночных различиях в то время, как Амин использовал такие понятия, как способ производства, чтобы выйти за пределы рыночных категорий, фокусируя внимание на мировой системе, центре и периферии. Амин следовал традиции Маркса, который отмечал кризисы, вызванные финансовыми и торговыми циклами капиталистической системы, но концентрировал также внимание на развитии капитализмом производительных сил (включая технологию и накопление ресурсов), что, по его мнению, создаст условия, видимо, ускоренные этими обменными кризисами, и приведет к изменениям. Различия между производством и обменом стали темой дискуссий о происхождении капитализма и переходе к нему от феодализма. Это мы обсудим в следующей главе.

Неравномерное развитие

Теории неравномерного развития явились в какой-то мере реакцией на идеи XIX в. об эволюции и реформизме, которые стали ассоции-

роваться с защитниками капиталистического прогресса, утверждавшими, что все активные народы выйдут из своего докапиталистического состояния и вступят в мир буржуазного капитализма и свободной конкуренции. События XX в. продемонстрировали концентрирующее воздействие мирового капиталистического развития и свидетельствовали о крайней степени его неравномерности, поскольку капиталистическая торговля, банки и промышленность сосредоточились в Западной Европе и в Соединенных Штатах, в то время как большинство населения было низведено до положения отсталости. Маркс и Энгельс, а также Ленин и Троцкий отмечали неравномерность капиталистического развития. Но Троцкий пошел еще дальше, сформулировав закон неравномерного и совмещенного развития.

Неравномерные и совмещенные черты развития были суммированы Джорджем Новаком. Неравномерность развития он характеризовал так:

Основой человеческого прогресса является господство людей над производительными силами. По мере поступательного движения истории и в зависимости от различий в естественных условиях и исторических связях происходит более быстрый или более медленный рост производительных сил в том или ином секторе общества. Эти несоответствия придают всем историческим эпохам большую или меньшую значимость и привносят неодинаковые степени и уровни роста разным народам, разным отраслям экономики, разным классам, разным общественным институтам и отраслям культуры. В этом суть неравномерного развития (Novack, 1966:5).

Относительно совмещенного развития Новак писал:

Эти различия среди множества исторических факторов являются основой для возникновения исключительных явлений, когда черты более низкого этапа общественного развития смешиваются с чертами более высокого. Эти совмещенные формации носят крайне противоречивый характер и демонстрируют специфические особенности. Они могут настолько сильно отойти от правила, что этот сдвиг вызовет качественный скачок в общественной эволюции и позволит ранее отсталым народам перегнать на некоторое время более передовые. В этом суть закона совмещенного развития (6).

Анализируя раннюю фазу русской революции, Ленин объяснял успех революционных событий необычным стечением исторических обстоя-

тельств, включающим сочетание не похожих друг на друга движений, различных классовых интересов и противоположных политических и общественных тенденций. В своей «Истории русской революции» Троцкий связал эти ленинские выводы с собственной теорией перманентной революции для периода перехода от капитализма к социализму.

Зависимость

Зависимость — это концепция, широко используемая в сравнительном анализе стран «третьего мира» — Азии, Африки и Латинской Америки. Она появилась в Латинской Америке в 1960-х гг. и позднее стала широко использоваться в ряде трудов по Африке и Азии. Как авторы, принадлежащие к основному направлению политологии, так и прогрессивные включили концепцию зависимости в свои интерпретации развития и слаборазвитости, что вызвало значительное замешательство. Далее мы подробнее остановимся на различиях в использовании этой концепции. Вкратце будет отслежено ее происхождение с учетом грани между немарксистскими и марксистскими взглядами на зависимость; рассмотрено прикладное значение концепции с последующим выводом на основе анализа ряда критических замечаний, что не существует единого направления, называемого теорией зависимости.

Определения зависимости

Развивая теорию империализма, Ленин использовал концепцию зависимости. Он рассматривал империалистическую стадию капитализма как проявление борьбы между колониальными державами за экономический и политический раздел мира. Хотя колониальные державы было нетрудно отличить от колоний, бросалось в глаза также наличие формально независимых, но фактически зависимых стран. Существуют «не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости» (Ленин, т. 27:383).

В современных представлениях о зависимости различаются противоположные формы господства и зависимости среди стран капиталистического мира. Капитализм может быть либо прогрессивным, либо регрессивным. Зависимые страны могут развиваться в результате экспансии господствующих стран или отставать в развитии по субъективным причинам. Бразильский социолог Теотонью душ Сантуш подчеркивал эту двойственность:

Под зависимостью мы понимаем ситуацию, когда экономика ряда стран обусловлена развитием и экспансией другой экономики, которой она подчинена. Отношение взаимозависимости между двумя или более экономиками и между ними и мировой торговлей принимает такую форму зависимости, когда некоторые страны (господствующие) реализуют ее лишь путем экспансии, которая может иметь либо позитивное, либо негативное воздействие на их непосредственное развитие (Doc Santos, 1970:231).

Те, кто используют концепцию зависимости при анализе развития и отсталости в развитии, зачастую концентрируют внимание на проблеме иностранного проникновения в экономику стран «третьего мира». Внешние экономические и политические влияния определяют развитие на местах и укрепляют правящие классы в ущерб маргинальным. Чилийский экономист Освальдо Сункел высказался по этому поводу так:

Иностранный фактор рассматривается не как внешний, а как присущий системе с разнообразными и порой скрытыми или утонченными формами политического, финансового, экономического, технического и культурного влияния внутри слаборазвитой страны... Таким образом, концепция «dependencia» связывает послевоенную эволюцию капитализма в международном плане с дискриминационной природой процесса развития на местах. Доступ к средствам и преимуществам развития носит избирательный характер; вместо того чтобы расширять их, процесс имеет тенденцию обеспечивать преимущественное накопление привилегий определенными группами, а также продолжение существования маргинального класса (Sunkel, 1972:519).

Как марксисты, так и антимарксисты могут обнаружить, что эти дефиниции отражают ситуацию современного мира. В то же время ясно и то, что не существует консенсуса относительно теории зависимости. В общем-то, единой теории нет: литература по проблемам зависимости указывает на самые разные направления, а критики выдвигают множество концепций. Одни обрушиваются на националистические склонности некоторых сторонников зависимости, противящихся внешнему влиянию; другие считают, что озабоченность внешними соображениями зависимости не учитывает соображений классовой борьбы внутри стран; третьи полагают, что зависимость затрудняет анализ империализма.

ТАБЛИЦА 7.1
Подходы к зависимости

<i>Немарксистский антиимпериалистический</i>	<i>Марксистский антиимпериалистический</i>
Desarrollista, структуралистское и национально-автономное развитие (Пребиш, Фуртадо и Сункел)	Монополистический капитализм (Бараң и Суизи)
Внутренний колониализм (Гонсалес Казанова)	Субимпериализм (Марини)
Полюса развития (Андрате)	Капиталистическое развитие слаборазвитых стран (Франк, Родни)
	Новая зависимость (душ Сантуш)
Зависимое капиталистическое развитие (Кардозо)	

Подходы к теории зависимости

В табл. 7.1 показаны основные подходы к теории зависимости. Всем этим подходам присуща антиимпериалистическая позиция, но они отличаются друг от друга использованием немарксистских или марксистских категорий, которые предлагаются потому, что в теорию зависимости включены многие диффузионные теории развития, и потому возникают значительная путаница и противоречия в трудах о зависимости. Например, марксисты, стремящиеся повлиять на радикальных буржуазных реформаторов, часто использовали концепции буржуазной социальной науки, а марксисты, возражавшие против такого подхода, ассоциировали *dependentistas* с немарксистскими взглядами на империализм. В то же время незнакомые с марксистскими идеями социологи часто исходили из того, что *dependentistas* — это марксисты, имея в виду общее для них противодействие иностранному проникновению. Некоторое разъяснение этой проблемы содержится у Бреннера (Brenner, 1976), Чилкота (Chilcote, 1984), а также Блумстрёма и Хеттне (Blomström and Hettne, 1984). Рассмотрим теперь немарксистские антиимпериалистические подходы к зависимости, а затем обратимся к марксистским антиимпериалистическим взглядам.

Desarrollista, структуралистское и национально-автономное развитие

На протяжении многих веков господствующие страны вмешивались во внутренние дела других стран. Например, Соединенные Штаты

Америки в XIX—XX вв. осуществляли такое вмешательство, насаждая при этом теорию о божественном предначертании Америки. Созданные международные финансовые институты помогали обеспечивать гегемонию господствующих стран над зависимыми, а провозглашенные программы помощи, как, например, «Союз ради прогресса», стали фасадом для прикрытия прежней стратегии прислуживания американскому капиталу. Соединенные Штаты Америки взяли на себя роль благодетеля ради избавления отсталых стран мира от слаборазвитости и с целью повсеместного распространения цивилизации.

С колониальных времен курс Латинской Америки на развитие зависит от экспорта ее сырья и сельскохозяйственной продукции, но эта стратегия ориентированного вовне *desarrollo* (развития) была подорвана падением экспорта во время депрессии 1930-х гг. По мнению ЭКЛА и аргентинского экономиста Рауля Пребиша, стратегия переориентировалась на внутреннее *desarrollo*. Новая стратегия основывалась на достижении национальной автономии с помощью государственного контроля и планирования политэкономии под управлением мелкобуржуазной интеллигенции и промышленной буржуазии. В условиях модернизировавшегося государства, по мере того как капиталистическое развитие распространяется на сельские районы, а курс, проводимый в экономике и политике, ограничивает иностранное влияние, буржуазия становится прогрессивной и выражает национальные интересы.

Подход ЭКЛА базировался на двух основных посылках. Согласно одной из них, развивающиеся страны структурированы в дуальные общества, одна составляющая которых — передовая и современная, другая — отсталая и феодальная. В условиях существования капиталистического государства и растущей автономии национальных интересов там может быть создана целая инфраструктура дорог, энергоснабжения и других необходимых систем для обеспечения движения по пути индустриализации. Вторая посылка делила мир на промышленный центр и периферию. При неограниченной конкуренции центр постепенно приобретает в ущерб периферии большую часть возрастающего мирового дохода.

Подход ЭКЛА был антиимпериалистическим, поскольку связывал отставание в развитии Латинской Америки с международной экономической системой. Это предпочтение автономного капиталистического развития разделяли демократически настроенные левые и социал-демократические политики того времени, например Айя де ла Торре (Перу), Ромуло Бетанкур (Венесуэла) и Артуро Фрондиси

(Аргентина). Первому военные помешали прийти к власти, но Бетанкур и Фрондиси были избраны президентами своих стран. Все трое считали, что необходимо способствовать развитию капиталистической стадии и что под руководством государства, проводящего антиимпериалистическую политику, появится деятельная буржуазия.

Освальдо Сункел и Селсо Фуртадо разделяли позицию ЭКЛА. Фуртадо анализировал неравенство в Бразилии в различные исторические периоды, прослеживая изменения основной экономической деятельности и производства от северо-восточного региона до центрально-южного, где расположен Сан-Паулу. До вмешательства в 1964 г. военных и своей ссылки Фуртадо предпринял попытку выправить экономический дисбаланс. В то время он занимал пост руководителя СУДЕНЕ, регионального агентства на северо-востоке. Его главная задача состояла в выработке будущего курса капиталистического развития при посредничестве государства. Государство должно было служить народным массам, препятствуя концентрации доходов в привилегированных секторах, расширяя рынок для всех слоев населения и содействуя технологическим переменам (Furtado, 1970).

Сункел был согласен с тем, что для автономного роста необходима трансформация существующих структур; он понимал, какую важную роль играет участие масс, включая маргинальное население. Слаборазвитость, по его мнению, не является стадией эволюции автономного общества.

Мы исходим из того, что развитие и слаборазвитость являются двумя сторонами одного и того же общего процесса... а его география выражается в двух крупных поляризациях: с одной стороны, поляризация мира между промышленными, передовыми, развитыми странами-метрополиями и слаборазвитыми, отсталыми, бедными, периферийными и зависимыми странами; с другой — поляризация внутри самих стран, а именно между территориальными, отсталыми, примитивными, маргинальными и зависимыми группами и сферами деятельности (цит. по: P. O'Brien, 1975:14).

Сункел, очевидно, полагал, что слаборазвитость — часть мирового процесса капиталистического развития и ее проявление в порядке вещей. Он рассматривал комплекс структур, удерживаемых вместе законами и образующих систему, подверженную изменениям. Изменения в структуре легко определить, если речь идет о частях единой системы. Так, планирование и контроль могут привести к структурным трансформациям и обеспечить развитие.

Внутренний колониализм

Сункел имел в виду поляризацию внутри стран, схожую с теорией внутреннего колониализма, выдвинутой мексиканским социологом Пабло Гонсалесом Казановой (González Casanova, 1969). По его утверждению, те же условия традиционного колониализма присутствуют в настоящее время внутри самих стран. К этим условиям относятся монополия и зависимость (крупные города доминируют над изолированными поселениями, что ведет к деформации местной экономики и декапитализации); связь производства с общественным контролем (эксплуатация разоряет землю и повсеместно порождает дискриминацию); культурный и жизненный уровень (хозяйство, удовлетворяющее лишь элементарные нужды имеет следствием нищету, технологическую отсталость, низкую производительность труда, отсутствие сектора услуг). Таковы условия жизни людей, принадлежащих к маргиналам и страдающих от низкого уровня образования, от безработицы и неполной занятости, недоедания. Этим людям свойственны покорность и фатализм колонизированных народов. Гонсалес Казанова считал, что внешние условия уже не оказывают большого воздействия на Мексику, и потому национальное решение возможно. Это произойдет тогда, когда с появлением национальной буржуазии маргиналы ассимилируются в коллективное общество. Поэтому возможна организация сопротивления монополистическому капитализму внутри страны и капиталистической эксплуатации. (Более подробно о теориях внутреннего капитализма см.: Love, 1989.)

Полюса развития

Производной от внутреннего капитализма является теория полюсов развития, впервые выдвинутая французским экономистом Франсуа Перру (Perroux, 1968) и развитая бразильским географом Мануэлем Коррейя де Андраде (Andrade, 1967). Андраде проявлял особый интерес к неравному развитию, которое, на его взгляд, проявлялось в отношениях между странами, а также регионами внутри одной страны. Основой теории полюсов развития явился опыт капиталистических стран, где происходит концентрированный рост населения и рынков в районах с природными ресурсами, и социалистических с их спланированным ростом промышленных центров.

Согласно этой теории, экономика слаборазвитых стран характеризуется отсутствием транспортной и коммуникационной инфра-

структуры; дуальной экономикой, когда параллельно с развитыми районами существуют районы с хозяйством, удовлетворяющим лишь элементарные нужды; а также зависимостью производства основных продуктов от внешних решений. Эти проблемы можно было бы преодолеть путем распространения капитала и технологий на неразвитые центры, потенциально важные для индустриализации. С помощью умелого планирования можно достичь равновесия в экономике, что приведет к автономному развитию.

Капиталистическое развитие зависимых стран

Фернандо Энрике Кардозо и Энсо Фалетто (Cardoso and Faletto, 1979) оспаривали точку зрения о том, что капитализм приводит к слабозривости. Напротив, они утверждали, что капиталистическое развитие возможно в зависимых странах и стало новой формой монополистической экспансии в «третьем мире». Таким образом, развитие происходит внутри новых зависимых стран. Такое развитие выгодно всем классам, связанным с международным капиталом, включая местную аграрную, торговую, финансовую и промышленную буржуазию и даже рабочий класс, занятый в международном секторе, но оно подрывает национальные интересы, не связанные с транснациональными корпорациями, например интересы местных предпринимателей. В результате налицо раскол интересов — структурный дуализм между теми, кто связан с транснациональными корпорациями, и теми, кто стал в результате их деятельности маргиналом. В этих условиях буржуазия зачастую проявляет нестабильность, способствуя вмешательству военных и захвату ими власти.

Кардозо защищал свой подход, высказывая мысль о том, что современные капитализм и империализм отличаются от выведенных в ранних ленинских концепциях. Накопление капитала стало во многом следствием деятельности транснациональных корпораций, а не финансового господства, и происходит отток инвестиций из сырьевого и аграрного секторов в промышленность. Кроме того, новые тенденции в международном капитализме приводят к росту взаимозависимости в производственной деятельности на международном уровне и к изменению моделей зависимости, которые теперь ограничивают политику развития в периферийных странах международной капиталистической системы. Кардозо согласен с тем, что международный капитализм добился непропорционально высокого влияния в периферийных районах, но, по его мнению, предположение о том, что отсутствие

роста в зависимых экономиках объясняется империализмом, является обманчивым (Cardoso, 1972:94).

Ясно, что Кардозо придерживается антиимпериалистического подхода, но является ли этот подход марксистским? Кардозо, очевидно, ответил бы на этот вопрос положительно, сославшись на то, что его идеи представляют собой модернизацию теоретических основ, заложенных Марксом и Лениным. Несомненно, Кардозо пытался пойти дальше Селсо Фуртадо и Элио Хагуарибе, которые, по его мнению, «способствовали концептуальной неразберихе» своими «откровенно статическими, механистическими взглядами на отношения между экономикой и государственным устройством» (Cardoso, 1973a:143). Он не верил в то, что государство при поддержке буржуазии выступит против эксцессов международного капитализма и станет содействовать развитию в рамках национальной автономии. К тому же Кардозо считал свой подход гибким по сравнению с ортодоксальными и догматическими марксистскими концепциями. Он критиковал многих авторов теории зависимости, включая Франка, и, в отличие от многих dependentistas, пытался сочетать свою теорию с эмпирическим анализом (Cardoso, 1971). Подтверждение его теорий, возможно, зависит от ее революционного потенциала. Например, один критик высказал мнение, что теория Кардозо — всего-навсего «неревolutionный ответ» (Myer, 1975:47).

Монополистический капитализм

Хотя идеи Кардозо, возможно, граничат с марксистскими, труды о монополистическом капитализме нескольких независимых социалистов лучше укладываются в марксистскую схему, несмотря на то что некоторые критики упрекают их в отходе от «чисто» марксистской или ленинской линии. Разумеется, Ленин разработал теорию империализма. Империализм, по его мнению, является всего-навсего монополистической стадией капитализма; на этой стадии происходит слияние банковского капитала с капиталом промышленных монополий. Ленин назвал это объединением финансового капитала под эгидой финансовой олигархии. В настоящее время такое объединение было бы представлено транснациональными корпорациями, о которых пойдет речь ниже в этой главе. Некоторые авторы левого толка утверждают, что корпоративный капитал сегодня заменил финансовый в качестве господствующей формы капитала, но с этим мнением не согласились экономисты, которые пишут с классических ленинских позиций. Возможно, господствующая в настоящее

время позиция по этому вопросу была изложена Полом Бараном и Полом Суизи (Baran and Sweezy, 1966), пытавшимися подновить и усовершенствовать более ранние идеи Ленина.

Баран и Суизи оживили и модернизировали «застойную», как они ее называли, марксистскую социологию. Они воздали Ленину должное за продвижение вперед марксистской теории от анализа капитализма на основе конкурентной экономики, как правило, небольших фирм, к выводу о том, что империализм представляет собой монополистическую стадию капитализма с доминированием крупных предприятий. Маркс признавал, что монополии — это пережитки феодального и торгового прошлого, не являющиеся неотъемлемой частью капитализма. Энгельс высказывался о монополиях в конце XIX в., но не интегрировал их в марксистскую теорию. Баран и Суизи обратились к вопросу о возникновении и поглощении прибавочного продукта в условиях монополистического капитализма. Прибавочный продукт — это «разница между тем, что производит общество, и стоимостью этого производства» (1966:9). Внимание к прибавочному продукту, по их мнению, позволяет провести анализ, связывающий экономический базис общества с идеологической надстройкой.

В свете этого подхода Баран и Суизи проанализировали положение в Соединенных Штатах, но их работа, кроме того, помогает понять внешнее воздействие, которое оказывает монополистический капитализм центра на периферийные страны мира. Хэрри Мэгдофф (Magdoff, 1969) исследовал империализм от его зарождения до нашего времени и попытался соотнести функционирование частного предпринимательства с внешней политикой США. Каждое идейное направление возникает из конкретного интереса, но все они смыкаются в оценке деятельности крупных транснациональных корпораций современного капитализма и политики правительств. Кардозо связывал интерес к транснациональным корпорациям с теорией зависимости и также пытался обновить Ленина. Самир Амин (Amin, 1974) еще глубже проанализировал монополии и зависимость в аккмулирующем капиталистическом мире центра и периферии.

Субимпериализм

Теории империализма в литературе о развитии и слаборазвитости будут рассмотрены в этой главе ниже, но при обсуждении подходов к зависимости не следует упускать из виду представление Рая Моро Марини о субимпериализме на примере развития капитализма в Бразилии. Он характеризовал бразильский капитализм как суперэк-

сплуататорский, с быстрым накоплением капитала, приносящим выгоду владельцам средств производства, и абсолютным обнищанием масс. В 1964 г., когда сузился внутренний потребительский рынок и соответственно сократилось активное сальдо, бразильская экономика зашла в тупик. В тот период военный режим начал осуществлять свой субимпериалистический план сразу в двух направлениях: во-первых, добиваясь дальнейшего ограничения потребления масс и, во-вторых, проникая на внешние рынки. Развитие бразильской экономики, скомпрометированной служением интересам транснациональных корпораций и эксплуатацией пролетариата, зависело от способности буржуазии конкурировать на внешних рынках (Marini, 1969:122—129).

Каковы бы ни были успехи и провалы этой модели, субимпериализм предоставляет военным правителям и буржуазии средство, способствующее национальному и полуавтономному развитию. Марини анализировал трудности с отходом от зависимости и слаборазвитости в условиях связей с международным капитализмом и империализмом. Его подход сочетал взгляд на независимость с марксистской антиимпериалистической ориентацией.

Капиталистическое развитие и отсталость в развитии

Ранние труды Андре Гундера Франка (Frank, 1966) стали еще одним основанием теории зависимости. Франк делал акцент на торговой монополии, а не на феодализме и докапиталистических формациях в качестве экономического средства, с помощью которого национальные и региональные метрополии эксплуатируют своих экономических сателлитов и присваивают добытый у них прибавочный продукт. Таким образом, капитализм в мировом масштабе содействует развитию метрополий за счет слаборазвитых и зависимых сателлитов.

Как это продемонстрировал Дэвид Бут (Booth, 1975), Франк, несомненно, находился под влиянием структуралистского подхода ЭКЛА и ее отношения к ортодоксальным представлениям о развитии (Frank, 1975). Дихотомия Франка метрополия — сателлит соответствовала предложенной ЭКЛА схеме центр — периферия. Однако Франк был критиком ЭКЛА, что привело его к антикапиталистической и откровенно марксистской позиции. Он отверг теорию стадий Ростоу, а также осудил ортодоксальную марксистскую доктрину за то, что она пытается подогнать историю капитализма под детерминистские формулы. Франк находился под впечатлением ранней работы Барана (Baran, 1957) и попыток Барана, Суизи и других вы-

двинуть оригинальные и творческие идеи в рамках марксистской традиции. Исходя из этого, Франк отверг понятие дуального общества. Он также определил основные противоречия капитализма, ведущие к слаборазвитости.

Новая зависимость

Теотонью душ Сантуш возражал Франку в том, что основную причину слаборазвитости тот видел в извлечении прибавочного продукта: «Рассматриваемый нами процесс, не являясь превращением в сателлита, как это думает Франк, представляет собой пример создания определенного типа внутренней структуры, обусловленной международными отношениями зависимости» (цит. по: O'Brien, 1975:71). Душ Сантуш выделял несколько типов зависимости. Колониальная зависимость характеризовала отношения между европейцами и колониями, с помощью которых монополия торговли дополняла в колонизированных странах монополию на землю, рудники и рабочую силу. Финансово-промышленная зависимость консолидировалась в конце XIX в., когда, с одной стороны, капитал попал под господство гегемонистских центров, а с другой — были произведены инвестиции капитала в периферийных колониях для развития там добычи сырья и производства сельскохозяйственной продукции, потребляемых в центрах. Новая зависимость, возникшая после Второй мировой войны, основывалась на инвестициях транснациональных корпораций. Теория новой зависимости разработана в трудах душ Сантуша.

Согласно этой теории, промышленное развитие считается зависимым от экспорта, являющегося источником поступления иностранной валюты, необходимой для импорта средств производства. Экспорт, как правило, привязан к традиционным секторам экономики, контролируемым землевладельческой буржуазией, которая, в свою очередь, привязана к иностранному капиталу. Поскольку эта буржуазия переводит свои капиталы за границу, неудивительно, что иностранный капитал контролирует сбыт экспортируемой продукции, хотя зависимые страны предпринимали попытки вводить валютные ограничения и налоги на иностранный экспорт и склонялись к национализации производства. Промышленное развитие обуславливается колебаниями платежных балансов, и такие колебания в зависимых странах часто приводят к дефицитам, объясняемым торговлей на высокомонополизированных международных рынках, репатриацией иностранных прибылей и необходимостью полагаться на иностранную помощь в виде предоставления капита-

ла. Промышленное развитие обусловлено также технологической монополией империалистических центров.

Теория новой зависимости пытается продемонстрировать, что отношения зависимых стран с господствующими не могут быть изменены без перемен во внутренней структуре и внешних отношениях. К тому же структура зависимости углубляется, приводит зависимые страны к слаборазвитости и ухудшает положение народа, поскольку эти страны должны соответствовать международной и внутренней структуре, находящейся под сильным влиянием транснациональных корпораций и международных рынков сырьевых товаров и капитала. По мнению душ Сантуша, зависимая структура особенно сильно влияет на производительность.

Во-первых, необходимость сохранения структуры аграрного и горно-добывающего экспорта приводит к союзу между более развитыми экономическими центрами, извлекающими прибавочную стоимость из более отсталых секторов, а также между внутренними «столичными» и внутренними взаимозависимыми «колониальными» центрами. Неравный и смешанный характер капиталистического развития на международном уровне в острой форме воспроизводится внутри стран. Во-вторых, промышленная и технологическая структура сильнее реагирует на интересы транснациональных корпораций, чем на нужды внутреннего развития... В-третьих, та же технологическая и экономико-финансовая концентрация доминирующих экономик без существенных изменений передается совершенно разным экономикам и обществам, порождая крайне неравную производственную структуру, высокую концентрацию доходов, недоиспользование установленных мощностей, интенсивную эксплуатацию существующих рынков, сконцентрированных в крупных городах, и т.п. (Dos Santos, 1970:234—235).

Отсутствие единой теории зависимости: критическая оценка

Приведенный материал свидетельствует о том, что не существует единой теории зависимости. Это видно из анализа различных подходов, о которых говорилось выше. Обратимся теперь к их критике.

Выдвигая свою схему центр—периферия, ЭКЛА справедливо связала слаборазвитость с международной системой, подтвердив тем самым основное положение теории зависимости. Однако этот подход пренебрегает тщательным изучением политики и специфических потребностей стран центра, ошибочно приписывает отсталость

традиционным или феодальным олигархиям, предполагая, что развитию будет содействовать прогрессивно настроенная национальная буржуазия, и пропагандирует импортозамещение в качестве решения проблемы потребительской зависимости от внешнего мира. В ранних работах Пребиш и др. высказывались против специализации на производстве сырьевых материалов, за вмешательство правительства во внутреннюю экономику и за поддержку усилий частных предпринимателей по проведению индустриализации как основы для создания истинно национальной экономики.

Сункел разработал теорию о необходимости национального развития, но отошел от основных идей ЭКЛА, выступив за: 1) региональную экономическую интеграцию и национальные инвестиции в тяжелую промышленность, например сталелитейную и нефтехимическую; 2) перераспределение доходов и земли в пользу сельского населения; 3) вмешательство государства в традиционные экспортные секторы и даже их национализацию; 4) совместные договоренности между национальными властями и транснациональными компаниями о поставках иностранной и развитии национальной технологии; 5) создание крупных, специализированных структур под совместным национальным и транснациональным контролем. Сункел писал о механизмах зависимости (сельскохозяйственный застой, преобладание в экспорте сырьевых товаров, иностранное владение промышленностью и внешний государственный долг), включая их в глобальную оценку экономического процесса в условиях внешней зависимости. Его предложения в области политики концентрировались на изменениях в структуре внутреннего производства, с тем чтобы устранить механизмы зависимости, и в структуре институтов, а именно транснациональных, которые укрепляют эти механизмы. Структурный и институциональный контексты зависимости, особенно внешней, интересовали также Фуртадо.

Хотя эти авторы и отвергали прежние стереотипы теорий развития, они вместе с тем запускали механизм новой ортодоксии. Вскоре их схемы пережили реальность, которую стремились отражать. Другие авторы иногда возводили подобные взгляды в статус концепции взаимозависимости, имея в виду связи между капиталистическим центром и развивающейся периферией, благодаря которым взаимное сотрудничество якобы принесет пользу обеим сторонам. Однако фактически это пошло бы на пользу лишь транснациональным корпорациям, оставив незатронутыми капиталистическое господство и эксплуатацию. Поискам национального и автономного развития противостояли другие теоретики, которые считали, что независимое капиталисти-

ческое развитие невозможно, и уповали на социализм с плановой экономикой и интенсивным использованием природных ресурсов. Например, теория полюсов развития Андраде предусматривала рациональное распределение и использование ресурсов вокруг географических центров зависимой страны, подразумевая тем самым, что на международный капитализм не следует обращать особого внимания.

Другие немарксистские, но антиимпериалистические подходы к зависимости также страдают от концептуальной слабости. Внутренняя колониальная модель Гонсалеса Казановы подчеркивает национальные, а не внешние условия. Соответственно она во главу угла ставит монополии и отношения зависимости, производственные отношения и социальный контроль. И все же акцент на внутренних формах или условиях колониализма может оказаться ошибочным. Ассимиляция маргинальных народов в коллективное общество с помощью создания национальной буржуазии остается нереалистичным предположением. Вера в то, что автономное развитие при капитализме способно разрешить противоречия зависимости в отсталых странах, основана на недооценке силы международного капитала, технологии и рынков.

Внутренняя колониальная модель была адаптирована к ситуации с национальными меньшинствами в Соединенных Штатах. Муньос (Muñoz, 1970) первым заговорил о внутреннем колониализме в отношении чиканос — американцев мексиканского происхождения, а Альмагуэр (Almaguer, 1971) развил эту концепцию. Затем последовала критическая оценка Барреры, Муньоса и Орнеласа (Barraera, Muñoz, and Ornelas, 1972), заявивших, что «колонию можно считать "внутренней", если колонизируемое население имеет формально такой же правовой статус, что и любая другая группа населения, и "внешней", если оно выделено в отдельную правовую категорию... Общины чиканос в Соединенных Штатах представляют собой внутренние колонии, поскольку они формально обладают равным статусом, какова бы ни была фактическая реальность» (цит. по: Muñoz, 1989:147). Акунья считал, что Юго-Запад США во время его завоевания подвергся традиционной колонизации, но, поскольку его население контролируется американским империализмом, он представляет собой внутреннюю колонию Соединенных Штатов (Асиña, 1972:3). Дональд Хэррис (Harris, 1972) провел критическое исследование черных гетто как колоний в Соединенных Штатах. На организованных в 1973 г. симпозиумах его концепция подверглась критике, причем утверждалось, что внутренний колониализм должен быть увязан с марксистским анализом колониализма. Марио Баррера ра-

нее критиковал эту концепцию, считая, что она оказала влияние на ученых в их полемике с либеральными интерпретациями групп национальных меньшинств, а Хильберт Гонсалес (González, 1974) утверждал, что, хотя эта концепция акцентировала внимание на национальном вопросе, она не отражала «истинной теории» классовой борьбы. Он считал, что поскольку вопросы классовой и расовой эксплуатации были смещены, а проблемы эксплуатации по признакам пола вообще проигнорированы, то модель внутренней колонии неэффективна и является скорее контрреволюционной теорией.

Теория Кардозо о зависимом развитии частично возместила недостатки прогнозов, связываемых с появлением национальной буржуазии. Выдвинув идею о том, что капиталистическое развитие может все же проходить в рамках зависимости, Кардозо старался избегать детерминистских интерпретаций. Он не пожелал превращать Латинскую Америку в застывшую форму. Однако его теория подверглась критике. Вместо того чтобы использовать класс в качестве основной концепции, он заострил внимание на структурных отношениях различных групп и проигнорировал роль классовой борьбы.

В марксистских антиимпериалистических подходах к зависимости предпринимается попытка пролить новый свет на отношения между центром и периферией. Главный интерес представляют империализм и доминирующее воздействие капитала в виде монополий, глобальная стратегия которых сориентирована на мировую экспансию. Противоречия в центре могут быть смягчены за счет экспансии на периферии путем эксплуатации и господства над рабочими и крестьянами; противоречия перемещаются на периферию, где в условиях монополистического капитализма корпорация все более занимает ключевые позиции. Таково было мнение Барана и Суизи. Внимание к корпорации привело их к предположению о том, что корпоративный капитал заменил банковский в качестве основного средства контроля над промышленностью. Взгляды Барана и Суизи вызвали раскол среди марксистов по вопросу о том, какая форма капитала остается главенствующей. Джеймс О'Коннор (O'Connor, 1968) поддержал позицию Барана и Суизи и приписал раскол среди марксистов отсутствию последовательной теории корпоративного капитала.

Если субимпериализм Марини не привлек особого внимания, то тезис Франка о развитии слаборазвитых стран оказал влияние на многих теоретиков, хотя и сам стал объектом серьезной критики. Среди ее аргументов было, в частности, то, что слаборазвитость следует анализировать с классовых позиций и что описание классовой структуры, предложенное в теории зависимости, носит откровенно схематичный

характер. Другое направление критики рассматривает зависимость не как интегральную часть своей экономики, а как внешнее явление, связанное периферии. Согласно еще одной точке зрения, теория статична в характеристике форм зависимости и не учитывает перемен. Высказывались также мнения, что у самого термина отсутствует конкретное содержание, он расплывчат и потому не может быть задействован в исследовании. Эрнесто Лакло (Laclau, 1971) продемонстрировал, что теория Франка отходит от марксистского догматизма. К примеру, Франк характеризовал феодализм и капитализм как социальные системы, а не как способы производства; поэтому трудно усмотреть разные формы перехода от феодализма к капитализму. Фостер-Картер (Foster-Carter, 1976), Ливер (Leaver, 1977) и Лиз (Leys, 1977) также подвергли позицию Франка конструктивной критике.

Имеется еще много других критических высказываний в адрес теории зависимости. Среди критиков, принадлежащих к основному направлению политологии, следует упомянуть и Рея (Ray, 1973), сравнившего капиталистическую зависимость с социалистической. В этом он получил отпор от Жильбера (Gilbert, 1974). Бат и Джеймс (Bath and James, 1976) попытались синтезировать радикальные и традиционные подходы к зависимости и пришли к выводу, что «зависимость» как термин может быть заменена на «политику смычки». Ирвин Горовиц и Тримбергер (Horowitz and Trimberger, 1976) считали, что теории зависимости рассматривают внутренние классовые и политические отношения как структурированные в первую очередь иностранным капиталом; в то же время за этими теориями не видно национальных различий. Лалл пришел к выводу, что «концепцию зависимости применительно к менее развитым странам невозможно определить, как и нельзя доказать ее каузальное отношение с продолжением слаборазвитости» (Lall, 1975:808).

Агустин Куэва (Cueva, 1976) дал марксистский анализ зависимости. По его мнению, Франк не сумел связать свою позицию в отношении капитализма с анализом господствующих способов производства, и потому его настойчивое утверждение, что капитализм господствовал в Латинской Америке с XVI в., не соответствует пониманию капитализма самим Марксом. Говоря о теориях внутреннего капитализма, Куэва утверждал, что Пабло Гонсалес Казанова заменил вопросы классового конфликта и эксплуатации проблемами региональных и национальных различий, придав тем самым зависимости национальный характер. Кроме того, хотя и признавая пользу критики теории зависимости с позиций ортодоксальной политэкономии, Куэва считал, что сама теория зависимости все более оказыва-

ется пленницей традиционного подхода к проблеме развития; таким образом, проблемы конфликта и эксплуатации заменяются поисками сбалансированного развития и утверждениями о том, что развитие происходит скорее не при социализме, а при капитализме. Далее Куэва обвинил душ Сантуша в том, что он смешивает всемирную экспансию капитализма с экономическим ростом на периферии. Одновременно он осудил Кардозо и Фалетто за двусмысленное соединение марксистских концепций и концепций *desarrollista*.

Критика теорий зависимости отражает отсутствие концептуальной ясности в интерпретациях как авторов, принадлежащих к основному направлению политологии, так и прогрессистов. Однако различия в позициях этих авторов ясны. Ортодоксальный, или буржуазный, взгляд на зависимость, как правило, ориентируется на образование национального капитализма в контексте международного империализма. Согласно этой точке зрения, реформа капитализма через осознание зависимости и борьбу с ней может привести к независимому национальному развитию и появлению автономных социальных классов. Национальная буржуазия при поддержке государства будет способствовать продвижению интересов страны по пути к развитию. Радикальный, или марксистский, взгляд связывает ликвидацию зависимости с борьбой трудящихся за замену капиталистической собственности на средства производства и установление социализма (Chilcote, 1978).

Таким образом, лишь в немногих трудах делались попытки увязать представления о зависимости с реальной ситуацией (резюме эмпирических исследований зависимости см.: Jackson, Russett, Snidal and Sylvan, 1979). Франк (Frank, 1967a) дал исторический анализ на примере Бразилии и Чили, а Родни (Rodney, 1972) представил исследование Африки. Изучение отдельных стран Латинской Америки отмечено у Чилкота и Эдельштейна (Chilcote and Edelstein, 1974), а Норман Гирван (Girvan, 1970) проанализировал слаборазвитость зависимых экономик стран-сателлитов, структурированных вокруг отраслей, связанных с экспортом полезных ископаемых и находящихся в руках крупных транснациональных корпораций Карибского бассейна. Норман Лонг (Long, 1975) показал на примере Перу механизм, с помощью которого происходит экспроприация и использование прибавочного продукта на местном и региональном уровне; он рассмотрел модели зависимости и господства, а также примеры неравноправных отношений в национальной экономике и обществе. Тайлер и Вогарт проверили ряд предположений Сункела и пришли к выводу, что «не имеется достаточных оснований, чтобы отвергать гипотезу о зависимости» (Tyler and Wogart, 1973:43). Кауфман,

Черноцкий и Геллер, рассуждая о предварительном испытании теории зависимости на основе сравнения семнадцати латиноамериканских стран, сочли необходимым переосмыслить «чрезмерные претензии, согласно которым теория зависимости иногда считается основой для понимания всех проблем развития Латинской Америки» (Kaufman, Chernotsky, and Geller, 1975:330). Шиманский проанализировал данные по латиноамериканским странам и пришел к выводу, что на повестке дня стоит вопрос о совмещении современных и классической марксистской позиций. Он подтвердил тезис Барана, Франка и других теоретиков зависимости о том, что менее развитые периферийные страны подвергаются эксплуатации и удерживаются в относительной отсталости зависимостью от развитых капиталистических стран. Одновременно он отметил, что в самих зависимых странах существует такое положение, что, чем сильнее зависимость, тем быстрее экономический рост, и это подтверждает классическую марксистскую концепцию (Szymanski, 1976:63).

Действительно ли мертва теория зависимости?

До сих пор наше обсуждение было сконцентрировано на многочисленных теориях и размышлениях о зависимости. Многие из идей исходили от радикально настроенных интеллектуалов «третьего мира» и вызвали широкие дебаты, особенно вокруг деятельности Франка, который почти двадцать лет назад в ответе своим критикам (Frank, 1974) шутливо провозгласил, что зависимость — тема умершая. Многие левые ученые согласились с такой оценкой. Мои коллеги и я (Chilcote, 1982) проанализировали различия между теорией зависимости и марксизмом и отметили в этой связи следующие моменты: ассимиляцию многих представлений о зависимости в основное направление социологии; несоответствие формулировок теории зависимости классовому анализу; тенденцию особо выделять отношения обмена; преувеличенное внимание к проблемам национализма и развития; возможность внести путаницу в анализ империализма.

Франк (Frank, 1966) считал, что экономики отдельных стран конкурируют между собой в погоне за максимальными прибылями и что все страны были первоначально неразвитыми, затем в результате увеличения капиталистического накопления и установления неравноправных отношений между странами-метрополиями и зависимыми странами стали слаборазвитыми. Поэтому слаборазвитые страны должны «отсоединиться» от экономики капиталистического мира, чтобы позволить себе использовать прибыль для собст-

венного накопления. Тезис Франка подвергся критике за акцент на обменных отношениях и рынке, за внимание к странам или группам стран как единицам анализа в мировом хозяйстве и за открыто механистическую методологию, способную затушевать динамику классовую и народную борьбы в слаборазвитых странах. Бернштейн и Николас утверждали, что труды Франка не соответствуют марксистской традиции, несмотря на его приверженность антиимпериалистической борьбе: «Его проблематика сочетает дедуктивный и априорный детерминизм, основанный на нескольких глобальных предположениях о мировой системе (и ее истории), с верификационным эмпиризмом, когда любой набор фактов иллюстрирует и "доказывает" эти глобальные предположения» (Bernstein and Nicholas, 1983:620); это касается теоретической стороны, но у выдвинутой Франком версии о «мировых системах» «отсутствуют концепции связи производства, противоречий и классовой борьбы; по сути она напоминает механистический и дедуктивный детерминизм» (621); методологически Франк просто «укладывает факты в несколько ящиков с глобальными категориями» (621); политически он выдвигает волюнтаристскую концепцию развития и социализма, которая «не исходит из конкретной борьбы эксплуатируемых и угнетенных масс и не кладет ее в основу анализа» (621), Саймон и Руччо (Simon and Ruccio, 1986) указывали на ту же слабость, а Стерн (Stern, 1988) затронул эти проблемы в своем историческом обзоре теории слаборазвитости. Фостер-Картер (Foster-Carter, 1985) углубил свою критику Франка ссылкой на новые индустриальные страны Восточной Азии — Тайвань, Сингапур, Гонконг и Южную Корею. Хеттне (Hettne, 1983) полагал, что эти страны с полным правом могут считаться моделями развития, хотя следует учитывать благоприятствовавшую им экономическую и политическую поддержку со стороны Соединенных Штатов и всего капиталистического мира, свидетельствующую о стратегической направленности менталитета «свободного мира».

Новые направления в марксизме включают в себя подход с акцентом на способе производства, обозначившийся в критике Лакло (Laclau, 1971) в адрес Франка, во французских и английских антропологических работах, посвященных способам производства (Foster-Carter, 1978; Taylor, 1979), а также в теории интернационализации капитала (Palloix, 1977; Marcussen and Torp, 1982). Среди других проблем следует подчеркнуть роль государства как посредника между глобальными и действующими на местном уровне силами, а также переход от анализа зависимости и акцента на отдельных стра-

нах или группах стран к анализу глобального или мирового накопления, что прослеживается в трудах Амина, Франка и Валлерстайна.

Элис Эмсен, экономист и специалист по Восточной Азии, высказала в статье в «Нью-Йорк таймс» (April 6, 1990: A15) мысль о том, что Восточная Европа могла бы с выгодой для себя использовать опыт таких стран, как Южная Корея и Тайвань, где были задействованы институты, ориентированные на рыночные стимулы, но ограничивавшие их воздействие, чтобы новые отрасли промышленности могли конкурировать с иностранными фирмами. По ее мнению, странам, поздно вставшим на путь индустриализации, необходимо вмешательство правительства для обеспечения конкуренции, полной занятости и контроля над ценами. Стремление к свободному рынку может иметь следствием контроль со стороны крупных корпораций и иностранных инвесторов, безработицу и другие проблемы. Таким образом, «авторитарная политика индустриализации» может привести не только к индустриализации и улучшению экономического положения, но в конечном счете и к образованию пользующихся поддержкой народов демократических правительств; в этой связи курс для стран Восточной Азии и Восточной Европы заключается не только в контроле народа за деятельностью правительства, но и в жестких действиях со стороны правительства по предотвращению господства крупных корпораций.

В 1985 г. Бут писал о «тупике» в теории зависимости, и хотя ясно, что многие из проблем этой теории продолжали сохраняться, говорить о ее полном закате было преждевременно. Во-первых, происходили возрождение интереса к теории и ее переоценка — примером тому является ретроспективный анализ Франком (Frank, 1991) своих более ранних работ, а также новые важные исследования проблем зависимости и слаборазвитости Дианы Хант (Hunt, 1989), Кристобала Кея (Key, 1989; 1991), Дэвида Ларэна (Larraín, 1989), Лемана (Lehman, 1990), Миттельмана (Mittelman, 1988) и Поуста (Post, 1989). Во-вторых, те, кто интересуется, что происходит с зависимостью, могут обратиться к объективному обзору Пэкенхэма (Pakenham, 1992) и удостовериться, что «движение» далеко не умерло. Хотя Пэкенхэм и признавал некоторые положения теории зависимости «новаторскими, интересными и верными», он выражал глубокую озабоченность по поводу ее «марксистского социализма» и воздействия на интеллектуалов, а особенно на основное направление общественной науки и исследований в области развития. Его труд отражает необычайно сильную критическую и полемически заостренную позицию в защиту либеральных и консервативных взглядов, стремления к зна-

ниям и истине, позицию, исходящую из того, что деятельность, диктуемая предубеждениями, является незаконной. В обзоре Пэкенхэма констатируется, что ученые, придерживающиеся теории зависимости, введены в заблуждение своими политическими пристрастиями и теоретическими оценками. В попытке преодолеть два десятилетия молчания и разочарования в ученом сообществе, которое, по его мнению, проникнуто радикальными взглядами и вынуждено совмещать занятия наукой с общественной активностью и переустройством мира, Пэкенхэм, очевидно, надеется использовать свое влияние и вернуть ученых к их традиционным основным научным дисциплинам. Однако он проигнорировал многие из марксистских работ, увидевших свет в середине 1970-х гг., поскольку они либо отвергали, либо размывали вопрос о зависимости с совершенно иных позиций, нашедших отражение, например, в теориях интернационализации капитала, государства и новых социальных движений.

Пэкенхэм выступил с полезным, детальным и критическим текстуальным анализом работы Фернандо Энрике Кардозо, но, сосредоточив внимание на американской социальной науке, преувеличил влияние Кардозо на теорию зависимости. Пэкенхэм противопоставлял идеи Кардозо и позиции Франка, но в то же время лишь бегло упоминал душ Сантуша, Марини, Гонсалеса Казанову и других достаточно известных авторов, которым стоило бы уделить больше внимания при изучении теории зависимости. Кроме того, он не в полной мере проанализировал вопрос о том, как изменялись позиции сторонников теории зависимости, особенно после перехода в ряде стран от диктатуры к демократии в начале 1980-х гг. Например, Боулс и Гинтис (Bawles and Gintis, 1986) выступали за постлиберальную позицию между либерализмом и марксизмом; Беккер и его коллеги (Becker et al., 1987) вышли за пределы теории зависимости, выдвинув теорию постимпериализма; а Лакло и Муфф (Laclau and Mouffe, 1985) выступили с постмарксистской концепцией, основанной на плюралистической политике и плюрализме. Утверждение Пэкенхэма, что теория зависимости, по сути, ставит вопрос о выборе пути развития — капитализм или социализм, — верно, однако положение о том, что все *dependentistas* ориентируются не на капиталистическую, а скорее на социалистическую систему, искажает тот факт, что многие из них первоначально отдавали предпочтение реформистскому и мирному капиталистическому развитию, в то время как другие выступали за революцию как средство преодоления зависимости и в конечном счете достижения социализма.

Всевозможные интерпретации делают смутными очертания стройной теории империализма. Раскин (Raskin, 1971) противопоставил характерные образцы либеральных и радикальных представлений об империализме в форме их отражения в современном романе: мир империализма «ворвался в роман XIX в., сметая все преграды на своем пути». Если Киплинг, например, скрывал «правду об империализме», то Джозеф Конрад писал об экспансии мирового капитализма, добыче богатств и их экспроприации иностранцами, конфликте между имперскими и колониальными странами. Оба писателя отразили в своих произведениях «широту и глубину напряженности в культуре британского империализма».

Оба автора были преданы Британской империи, но Конрад смотрел дальше и видел за ее пределами империализм, эксплуатацию и расизм... Киплинг желал порядка и иерархического общества, которое свело бы на нет конфликты... И тот и другой видели крайности и контрасты, но Конрад погрузился в них, создав свой художественный мир из столкновения противоположностей. Киплинг же отступал от крайностей, от конфликтов. Он заверял, что они застыли, отделились и никогда не столкнутся друг с другом (Raskin, 1971:36).

Теории империализма, как правило, относятся к нескольким господствующим в мире странам. Исходя из этого, империализм можно определить как «отношения эффективного господства и контроля — политического или экономического, прямого или косвенного — одной страны над другой» (Cohen, 1973:15). Эти отношения могут быть отношениями господства и зависимости, большого и малого, промышленности и сельского хозяйства, богатых и бедных.

Джордж Лихтхайм охарактеризовал империю или империализм как «отношения правящей или контролирующей власти с теми, кто находится под ее господством» (Lichtheim, 1970:1:42). Он проследил происхождение империализма от его классических истоков в Древней Греции и Риме. Он полагал, что господство и подчинение являются неотъемлемой частью империализма. Потеря суверенитета или автономии означает, что страна находится под имперским господством, которое может осуществляться путем прямого и явного вмешательства одной страны в дела другой с помощью дипломатических привилегий или договоров либо экономическими средствами. Лихтхайм утверждал, что большинство теорий империализма весьма

хрупки. Так, считал он, либеральный взгляд продемонстрировал свою теоретическую несостоятельность, а слияние социального империализма с социальным дарвинизмом в теории и практике европейского фашизма в 1930—40-х гг. дискредитировало себя. Он также полагал, что марксистско-ленинский анализ капиталистического империализма был поставлен под сомнение, как только Советский Союз обнаружил свои империальные притязания в слабо развитых регионах мира. В противоположность этому Лихтхайм усмотрел определенную надежду в теории ультраимпериализма Каутского, рисовавшего картину единой правящей элиты менеджеров, которые забудут о своей национальной лояльности и создадут глобальный картель промышленных центров мира.

Концепция империализма как отношений господства и подчинения проистекает не только из традиционного понимания империализма со времен античности, но и связана с влиянием торговых интересов по мере возникновения национальных государств и распространения власти европейских держав на Африку, Азию и Латинскую Америку. Действительно, значение терминов «империя» и «империализм» не может быть ограничено «какой-либо одной конкретной формой господства над покоренными народами, не говоря уже о заморской колонизации, подталкиваемой торговыми интересами» (Lichtheim, 1970:1:55). Когда меркантилизм канул в Лету, уместно было бы задать вопрос, почему империализм дожил до XIX и XX вв. Ответ заключается в формах и проявлениях капитализма, пустивших корни.

Основные формы империализма легко распознать путем экскурса в историю. Во-первых, в XVI—XVII вв. особенностью старого, или классического, империализма была европейская система меркантилизма. Будучи одной из ведущих торговых держав, Португалия установила в первой половине XVI в. кратковременное торговое господство. На раннем этапе она использовала империализм «обмена», особенно в Африке и на Дальнем Востоке, где она захватила и поставила под свой контроль главные торговые пункты вдоль побережья. На более позднем этапе империализм обмена превратился в империализм «добывания», когда Португалия проникла в глубинные регионы и установила господство над источниками сырья — золота, слоновой кости, — а позднее и рабов.

Во-вторых, период нового, «трансформационного», капитализма начался в 1870 г. и продолжался в ходе создания европейскими державами своих империй, являя собой переход от неофициальных к официальным механизмам контроля и влияния в колониях. Новый империализм руководствовался экономическими соображениями, и

на этот счет были выдвинуты две теории. Согласно одной из них, марксистской по своей сути, империализм является отражением разрастания капитализма, вызванного противоречиями капиталистического способа производства. Другая, либеральная по своей направленности, преуменьшала опасность последствий, обозначенных в марксистской интерпретации, и утверждала, что неравенства капиталистической системы можно легко устранить.

Теоретики говорят также о современном империализме в связи с развалом империй и появлением неокOLONиализма. В теории современного империализма выделяются две позиции. Первая — центра или метрополии — основана на том, что империализм необходим для экономики развитых капиталистических стран. А позиция периферии строится на осуждении негативных последствий деятельности капитализма в экономике более бедных частей мира. Понятия зависимости, как правило, ассоциируются со второй позицией.

Либеральные и марксистские концепции империализма появились в трудах целого ряда крупнейших мыслителей. Либеральная теория отражена в работах Дж. Гобсона на рубеже XIX—XX вв. Карл Каутский черпал идеи у Маркса и других авторов, следовавших марксистской традиции, но его вера в примирение интересов международного капитала оказала также влияние на либеральную концепцию империализма. Йозеф Шумпетер использовал в своих работах марксистскую терминологию, однако в полемике с Отто Бауэром и Рудольфом Гильфердингом слева и Гобсоном и др. справа занял антимарксистскую позицию. Йохан Галтунг опирался на эти теории в эмпирическом анализе империалистических отношений между центром и периферией. Марксистскую теорию консолидировал Ленин, связавший идеи Маркса с концепциями Гобсона и Гильфердинга. В марксистскую теорию империализма внесли вклад также Роза Люксембург и Николай Бухарин; позднее Пол Баран, Пол Суизи и Хэри Мэгдофф продолжили эту традицию. Названные теории перечислены в табл. 7.2, а их обзор дается ниже.

Гобсон: внутреннее недопотребление как предпосылка империализма

В 1902 г. Дж. Гобсон предложил интерпретацию империализма, сформировавшую последующие немарксистские концепции и повлиявшую также на некоторые марксистские. До Гобсона существовали два «нейтральных» понимания империализма: одно относилось к тем, кто стремился удержать британские поселения под импер-

ТАБЛИЦА 7.2
Теории империализма

<i>Либеральная немарксистская</i>	<i>Радикальная марксистская</i>
Внутреннее недопотребление (Гобсон)	Непрерывное накопление капитала и проникновение в примитивные общества (Люксембург)
Примирение интересов международного капитала (Каутский)	Финансовый капитал (Гильфердинг)
Отмирание империализма при прогрессивном капитализме (Шумпетер)	Банковские и корпоративные монополии на высшей стадии капитализма (Бухарин, Ленин)
Структурный взгляд на коллективизм в центре и на периферии (Галтунг)	Монополия и олигополия, роль излишков капитала (Баран и Суизи)
	Транснациональные корпорации и американская торговая экспансия и помощь (Мэгдофф)

ским контролем и не позволить им обрести независимость, а другое ассоциировалось с экспансией и контролем «нецивилизованных» районов мира (Fieldhouse, 1961:187—188). Хотя эти подходы продолжают определять отдельные воззрения на империализм, более современное и распространенное его понимание восходит к Гобсону, который подчеркивал, что стремление инвестировать капитал за границу зависит от недопотребления внутри страны.

По мере того как страны одна за другой достигают стадии машинной экономики и берут на вооружение передовые промышленные методы, производителям, торговцам и финансистам становится все труднее с выгодой распорядиться своими экономическими ресурсами, и они все более впадают в искушение при посредничестве собственных правительств путем аннексии и протекционизма использовать для своих особых нужд ту или иную отдаленную неразвитую страну (Hobson, 1965:80).

Гобсон полагал, что если произойдет увеличение внутреннего потребления, то не будет избытка товаров и капитала. Не будет происходить и экспансии на зарубежных рынках, накопления будут использоваться внутри страны для обеспечения полной занятости рабочего класса, и империализм постепенно отомрет. Таким образом, для Гобсона идея недопотребления стала альтернативой марксистской концепции прибавочной стоимости.

Даже симпатизировавшие Гобсону критики без колебаний обрушиваются на его теорию. Филдхаус заклеил гобсоновскую доктрину империализма как «догматическую интерпретацию», которую невозможно объяснить с точки зрения экономической теории и капитализма; но вместе с тем он признавал, что немарксистская теория Гобсона получила всеобщее признание (Fieldhouse, 1961:188). Лихтхайм считал ленинскую теорию империализма более обоснованной, так как она избегает «теоретической ошибки Гобсона, который поставил инвестиции капитала за границей в зависимость от недопотребления внутри страны» (Lichtheim, 1970:39). Тарбак высоко оценивал гобсоновское «материальное объяснение империализма взамен вульгарной шовинистической и милитаристской оценки» (см.: Luxemburg and Bukharin, 1972:34). Однако единственным крупным недостатком этой теории является акцент на политике и мысли о том, что не классовые взаимоотношения в английском обществе, а изменения в политике могут привести к ликвидации империализма.

Каутский: мирное решение вопроса об империализме

Карл Каутский, родители которого были чехами, провел большую часть жизни в Германии, где активно участвовал в деятельности Социал-демократической партии Германии. После смерти Маркса и Энгельса он стал ведущим пропагандистом их теорий. До 1914 г. Ленин разделял многие взгляды Каутского, но затем эти два теоретика развернули между собой полемику. Каутский обрушивался на Ленина и большевиков за подрыв демократической сущности марксизма. Он считал, что приход большевиков к власти в России привел к диктатуре, но не всего пролетариата, как предполагал Маркс, а лишь его части, представленной партией. Эта диктатура неприемлема, так как она не предусматривала всеобщего избирательного права и участия народа в политической жизни. В этом отношении Каутский занимал ортодоксальную марксистскую позицию, считая, что демократическая революция не может произойти, пока не появятся определенные условия, присущие развитому капитализму, а именно наличие крупномасштабной промышленности и заинтересованность большинства пролетариата в социализме. Каутский считал, что с помощью мирных процессов можно сгладить классовые конфликты и ослабить воздействие самого капитализма.

Так называемый мирный метод классовой борьбы, который ограничен ненасильственными методами — парламентаризмом, забастовками, демонстрациями, использованием печати и аналогичными методами

воздействия, — сохранит свое значение для всех стран в зависимости от эффективности преобладающих там демократических институтов, степени политической и экономической просвещенности и самосознания народа. Исходя из этого, я предвижу, что социальная революция пролетариата обретет совершенно иные формы, чем социальная революция среднего класса, и ее можно будет осуществить мирными экономическими, правовыми и моральными средствами без применения насилия везде, где утвердилась демократия (Kautsky, 1964:37—38).

Пацифизм Каутского явно прослеживался в его взглядах на империализм. Данная им в 1914—15 гг. оценка империализма сложнее и изощреннее, чем позиция Гобсона, так как была выражена в категориях марксистской, а не либеральной терминологии. Однако Каутский в какой-то степени использовал некоторые направления мысли Гобсона, особенно его акцент на империализме как проявлении протекционизма и милитаризма. Каутский давал картину империализма, при котором возможна совместная эксплуатация мира международным финансовым капиталом. Интересы капиталистического класса в целом вступали в конфликт с интересами меньшинства влиятельных капиталистов, полагающихся на военные средства для поддержки своих экспансионистских усилий. Таким образом, объединенный международный финансовый капитал способен обеспечить мирное разрешение реально существующего и потенциально возможного конфликта, вызванного соперничеством финансового капитала отдельных стран. Ленин критиковал эту позицию, считая, что борьба между ведущими державами неизбежно приведет к крушению капитализма. Хотя предположение Ленина пока не стало реальностью, надежды Каутского на благосклонный и мирный союз международного финансового капитала были перечеркнуты событиями, происходившими на протяжении последних пятидесяти лет.

Тем не менее взгляды Каутского, опровергнутые ходом событий XX в., все еще сохраняют определенное влияние. С.М. Миллер, Рой Беннетт и Сирил Алапатт (Miller, Bennett, and Alapatt, 1970) поставили под сомнение необходимость империализма, выступив с критикой книги Хэрри Магдоффа «Эра империализма» (Magdoff, 1969). Они анализировали экономическое проникновение только в слаборазвитые страны и ограничили дискуссию проблемами экспорта и прямых частных инвестиций. Их теоретическая позиция базируется на вере Каутского в то, что большинство капиталистов в итоге не допустит империалистической военной экспансии. Они проводили различие между меньшинством капиталистов, желающих экспансии, и большинст-

вом, которому она не нужна. Таким образом, капитализм должен уметь существовать без империализма. Мэгдофф (Magdoff, 1970) отверг их «ограниченную и грубую» экономическую интерпретацию империализма, утверждая, что капитализм процветает, изменяя мир в угоду развитым капиталистическим странам, что слаборазвитые страны попадают в зависимость от промышленных и финансовых центров, а империализм характеризуется обострением интенсивной конкурентной борьбы между капиталистическими странами. Таким образом, ход событий подорвал перспективы создания антиимпериалистической коалиции капиталистов.

Шумпетер: отрицание империализма

Йозеф Шумпетер признавал значение марксистской теории, которая «рассматривает империализм лишь как отражение интересов высшей капиталистической структуры на определенной стадии капиталистического развития» (Schumpeter, 1955:7). Однако он отделил этот взгляд от экономической интерпретации истории. Ход его мысли можно воспроизвести следующим образом. Прежде всего Шумпетер рассматривал типы империализма — от империй древности до современных образований, корни которых уходят в докапиталистические экономические структуры. Переходя к Англии середины XIX в., он определил основу своего тезиса. «Даже в Англии империализм надолго останется игрушкой в политике. Однако с точки зрения практической политики для него там не осталось ни места — разве что в качестве защитного средства, — ни поддержки со стороны реальных сил, определяющих в настоящее время политический курс» (22). С позиции истории империализм был иррациональным, являясь отражением нужд людей, стремящихся выжить, а также реакцией на социально-экономические интересы правящих классов и индивидов. Империализм происходит из условий прошлого, а не настоящего. Он предшествует капитализму, а потому исчезнет в рациональную и прогрессивную капиталистическую эпоху.

После того как канут в Лету создавшие империализм насущные нужды, он также должен будет постепенно исчезнуть, хотя каждая воинственная акция, какой бы неимпериалистической она ни была по характеру, способствует его возрождению. Он начнет исчезать как структурный элемент, потому что рушится структура, выдвинувшая его на передний план, отступая в процессе социального развития перед другими структурами, в которых для него нет места и которые устраняют поддержавшие его силовые формы...

Если наша теория верна, с ходом истории того или иного народа и культуры проявления империализма становятся все менее интенсивными (65).

Шумпетер развивал свою аргументацию, противопоставляя эпохи абсолютной автократии и промышленной революции. С приходом капитализма и промышленной революции на сцене появились трудящиеся массы, которые трансформировали прежнюю среду гильдий и аристократии. Товарное производство и потребительский рынок, образовавшиеся во второй половине XIX в., создали мир специализации и механизации. Люди этого мира демократизировались, могли проявлять свою индивидуальность и рационализм.

Они демократизировались, потому что картина освященной временем власти и привилегий уступила место сцене, на которой происходили продолжительные изменения, вызванные к жизни промышленным развитием. Они могли проявлять свою индивидуальность, поскольку на смену неумолимым объективным факторам пришли субъективные возможности самим определять собственную жизнь. Они вели себя рационально, так как ввиду нестабильности экономического положения их выживание зависело от постоянно принимаемых, заведомо рациональных решений (68).

Итак, мир капитализма подавляет империалистические импульсы, хотя могут сохраняться интересы, выступающие за империалистическую экспансию. Шумпетер привел обоснование таких прогнозов. При современном капитализме возникает оппозиция войне, экспансии, вооружению и профессиональным армиям. Политическая жизнь в современную эпоху характеризуется сильными, выступающими за мир партиями и решительными антиимпериалистическими акциями рабочих. Ни один из классов не желает экспансии, если в обществе преобладает свободная торговля. Даже союз «высших финансовых и промышленных магнатов» становится несостоятельным и исчезнет либо мирным, либо революционным путем. Монополии, войны и различные империализмы в итоге «увянут и умрут». Современный капиталистический мир уничтожит все эти иррациональные «докапиталистические элементы» и преодолет все препятствия (98).

Критиковавший Шумпетера Генри Пэчтер сам тем не менее также возлагал надежду на прогрессивный капитализм. Он характеризовал империализм как «преднамеренную, четко очерченную политику, осуществляемую мощными средствами, с идеологическим со-

провожением, которое оправдывает стремление к империи и господству» (Pachter, 1970:461). Его сфокусированность на политике отрицает, с одной стороны, оптимистические интерпретации, которые он приписывал реформистски настроенным либералам и пацифистам, включая находившихся на демократическом левом фланге, а также изоляционистов и пр. на правом; а с другой стороны — «пессимистическую» и «детерминистскую» позицию левых активистов, разделявших взгляды Ленина на империализм как последнюю стадию капитализма.

Какова же в таком случае суть позиции Пэчтера? Он считал, что слаборазвитость стран — следствие не империализма, а демографического взрыва. В итоге менее развитые страны «должны пройти в течение жизни одного поколения те три промышленные революции, через которые прошел Запад» (485). Среди реформ, способных ускорить процесс, — создание общего рынка, который позволил бы менее развитым странам защитить свои рынки; соглашения о стабилизации цен и введении регулирования производства сырья и продовольствия; перевод средств с военных проектов на программы развития; установление каждой страной контроля над своими национальными ресурсами; переход промышленности этих стран из иностранного владения в собственность государства. Но эти реформы не приведут к автоматическому устранению соперничества среди развитых стран и не смогут в одночасье ликвидировать экономический разрыв между странами. Таким образом, империализм — это не всегда следствие экономической деятельности, он является отражением политики, которая есть «не что иное, как преувеличенные, извращенные, неконтролируемые функции законных интересов безопасности национальных государств» (487).

Галтунг: структурная теория империализма

Йохан Галтунг (Galtung, 1971) предложил структурную теорию империализма, имевшую широкое хождение среди немарксистов. Он выступил против «редукционистского» ленинского подхода к империализму как к экспансионистской экономической силе в условиях капитализма и рассматривал империализм с точки зрения структурных отношений между общностями. «Империализм — это система, раскалывающая общности и сопоставляющая некоторые их части друг с другом в отношениях гармонии интересов, а другие — в отношениях дисгармонии, или конфликта, интересов» (1971:81). Общностями могут быть страны центра и периферии, и каждая страна, в свою оче-

редь, может иметь свой центр и свою периферию. Империализм характеризуется в категориях численности отношений между центром и периферией. Например, в центрах всех стран — и центра, и периферии — существует гармония интересов. Между периферией стран центра и периферией стран периферии существует дисгармония интересов (83). Отношения периферийной страны со страной центра характеризуются состоянием зависимости.

Галтунг обрисовал некоторые параметры и воздействия этих отношений, сгруппировав их в пять типов империализма: 1) экономический, когда новые средства производства развиваются в центре, а на периферии ничего не развивается; 2) политический, когда происходит усиление позиций соответственно и в центре, и на периферии; 3) военный, характеризуемый производством средств уничтожения в центре и отсутствием их производства на периферии; 4) коммуникационный, когда коммуникации беспрепятственно развиваются в центре и не развиваются на периферии; и 5) культурный, выражающийся в образовании и обучении, вследствие чего в центре преобладает склонность к уверенности в своих силах и самостоятельности, а на периферии — чувство зависимости. Галтунг далее определял фазы империализма. Его концепции сначала применялись к двум странам, затем к трем странам и трем классам (включая средний класс). Различные варианты у него анализируются качественно и количественно, предлагается также набор стратегий перемен и развития.

Галтунг определяет термины, выделяет отношения между центром и периферией, а затем анализирует данные для проверки некоторых своих обобщений и гипотез. Как таковой его подход статичен, поскольку опирается на описательные категории. Дробление единого понятия империализма на множество типов ведет к нейтрализации самого термина, лишая его теоретического значения и уменьшая его экономическую направленность. Тем не менее этот подход выдержан в традиции политологии с ее опорой на мистифицирующие абстракции и описания, не предлагающие широкого простора для реализации аналитического потенциала. Однако влияние Галтунга очевидным образом прослеживается в статье Клауса Юргена Гантцеля (Gantzel, 1973), рассматривавшего отношения господства и зависимости между центром и периферией в капиталистических и социалистических странах. В приложении к статье Гантцеля перечислено около сорока исследований, проведенных немецкими социологами, многие из которых, видимо, разделяют структурный подход Галтунга и Гантцеля.

Люксембург и Бухарин: накопление капитала и империализм

Еще в 1913 г. польская марксистка Роза Люксембург, позднее связавшая свою деятельность с германской социал-демократией, начала разрабатывать теорию империализма, чтобы объяснить продолжавшееся накопление капитала. Главным объектом ее исследования был анализ проникновения капитала в примитивную экономику. Она различала три фазы накопления капитала. На первой происходит борьба капитала с натуральным хозяйством в регионах, где существуют примитивные крестьянские общины с общинной собственностью на землю или феодальная система, или же экономическая структура, ориентированная на внутреннее потребление и где невелик прибавочный продукт или спрос на иностранные товары. На второй фазе капитал борется с товарной экономикой. Наконец, существует империалистическая фаза капиталистического накопления.

Невозможность накопления означает с капиталистической точки зрения невозможность дальнейшего развития производительных сил и, следовательно, объективную историческую необходимость гибели капитализма. Отсюда вытекает полное противоречий движение последней империалистической фазы капитала как заключительного периода его исторического пути (Люксембург, 1934:298).

Люксембург рассматривала империализм как превращение прибавочного продукта в капитал, происходящее повсеместно в мировой экономике, поскольку накопление капитала не ограничивается отдельно взятым капиталистическим обществом. Стремление капитала к экспансии является отличительной чертой современного развития, и в своей последней фазе экспансия капитала «приняла такой бешеный характер, что она ставит под вопрос все культурное существование человечества; пусть именно это необузданное стремление капитала к экспансии, которое шаг за шагом создало мировой рынок, связало воедино современное мировое хозяйство и только этим путем создало историческую основу для социализма» (457).

Люксембург привела массу деталей и описаний, но каково значение ее теории? Один критик пришел к выводу, что «в трудах Люксембург содержится слишком мало теоретического материала, чтобы объяснить характерные капиталистические формы империализма» (Тарбак в: Luxemburg and Bukharin, 1972:33). Николай Бухарин, ведущий теоретик большевистской партии, утверждал, что теория импе-

риализма Люксембург привела ее на позиции тех, кто верит в гармоничное развитие капитализма, и что ее теория является «волюнтаристской» и схожей с теорией Гобсона.

Работа Бухарина об империализме была написана и издана с предисловием Ленина в 1915 г., а через год Ленин подготовил собственный трактат на эту тему. Бухарин увязывал мировую экономику с империализмом, который он считал развитой стадией капитализма. Он аргументировал это следующим образом: мировая экономика — это система производственных отношений и отношений обмена в мировом масштабе. Международный товарообмен является самой примитивной формой процесса интернационализации, а тресты и картели представляют собой высшую организационную форму этого процесса на международном уровне. Неравномерное развитие отражает различия в производительных силах различных стран, однако быстрое развитие производительных сил мирового капитализма является причиной расширения мировой экономики с конца XIX в. Это расширение — следствие появления новых экономических структур, а именно организаций капиталистических монополий — картелей, трестов и финансирующих их банков, то есть банковский капитал трансформируется в промышленный и образуется финансовый капитал. Капиталистические монополии выходят за пределы национальных границ, что приводит к консолидации развитых держав в центре и неразвитых стран на периферии — «несколько сплоченных, организованных, хозяйственных тел («великие цивилизованные державы») и периферия стран неразвитых, с полуаграрным или аграрным строем» (Бухарин, 1934:68). Национальный капитал стремится к экспансии, вторгаясь в три сферы мировой экономики: рынки сбыта товаров, рынки сырьевых товаров и капитальные вложения. Неизбежным следствием этого являются конфликты, капиталистическая экспансия и империализм.

Итак, новейшая фаза капитализма и в этой области обостряет конфликты. Чем быстрее темп капиталистического развития, чем сильнее процесс индустриализации хозяйства и «урбанизации» (роста городов) стран, тем больше нарушается равновесие между промышленностью и сельским хозяйством, тем сильнее конкуренция между развитыми странами из-за стран отсталых, тем неизбежнее открытое их столкновение (89—90).

Бухарин подверг критике две «вульгарные» интерпретации империализма, связанные с расовой проблемой и завоеваниями. Затем он продемонстрировал, как должен подходить к анализу империализма

марксист, и охарактеризовал империализм как политику финансового капитала. «Она является носителем финансово-капиталистической структуры, она подчиняет мир господству финансового капитала, на место старых докапиталистических или старых капиталистических производственных отношений она ставит производственные отношения финансового капитализма» (109—110).

Ленин: империализм как высшая стадия капитализма

В своей работе об империализме Ленин отдал должное гобсоновской характеристике империализма. «Автор, стоящий на точке зрения буржуазного социал-реформизма и пацифизма — однородной, в сущности, с теперешней позицией бывшего марксиста К. Каутского, — дал очень хорошее и обстоятельное описание основных экономических и политических особенностей империализма» (Ленин, т. 27:309). Одновременно Ленин признавал также тезис Гильфердинга о том, что империализм в форме финансового капитала является стадией капитализма в его последней и самой высокоразвитой форме. «Несмотря на ошибку автора в вопросе о теории денег и на известную склонность к примирению марксизма с оппортунизмом, это сочинение представляет из себя в высшей степени ценный теоретический анализ "новейшей фазы в развитии капитализма"» (309). Гильфердинг утверждал, что финансовый капитал борется против всякой «гармонии интересов». «В качестве идеала теперь выступает обретение мирового господства для своей собственной страны, и это стремление столь же безгранично, сколь безгранично стремление капитала к прибыли, от которой сам он проистекает. Капитал становится завоевателем мира, и с каждой новой завоеванной страной определяет новую границу, которая должна быть нарушена» (Hilferding, 1910:376).

Ленинская теория империализма как высшей стадии капитализма основана на скрупулезном анализе некоторых принципиальных экономических особенностей. Одна из них — быстрая концентрация производства в крупных промышленных монополиях. Другой особенностью является роль банков, концентрация которых приводит к превращению в мощные монополии, контролирующие деньги, сырье и средства производства. Капитал промышленных и банковских монополий превращается в финансовый капитал, и этот термин Ленин приписывал Гильфердингу, который писал: «Финансовый капитал: капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками» (Ленин, т. 27:343).

В своей характеристике финансового капитала Ленин определял капитализм как «товарное производство на высшей ступени его развития, когда и рабочая сила становится товаром» (359). Характерной чертой старого капитализма в эпоху свободной конкуренции является вывоз товаров. При новом монополистическом капитализме вывозится капитал. Этот экспорт капитала — еще одна черта империализма (359—360); он связан с неравномерностью развития и накоплением избыточного капитала в развитых странах, находящихся под контролем финансовой олигархии банкиров, инвестирующих все больше средств в промышленность и превращающихся в промышленных капиталистов (343—344). Таким образом, финансовый капитал и финансовая олигархия господствуют над всеми другими формами капитала (357). При монополистическом капитализме картели, синдикаты и тресты делят внутренний рынок и контролируют промышленность в своих странах, но капитализм создает также мировой рынок. Внутренние рынки привязываются к иностранным рынкам, и возрастает вывоз капитала, что ведет к экономическому разделу мира среди международных капиталистических объединений.

Для Ленина «империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу» (420—421). Ленин дал определение четырех проявлений монополистического капитализма: во-первых, создание капиталистических объединений — картелей, синдикатов и трестов, — по мере того как благодаря концентрации производства возникает монополия; во-вторых, контроль монополий над важнейшими источниками сырья; в-третьих, банки становятся монополистами в сфере финансового капитала, что приводит к созданию «финансовой олигархии, налагающей густую сеть отношений зависимости на все без исключения экономические и политические учреждения современного буржуазного общества» (421); в-четвертых, раздел колониального мира на сферы влияния, что является отражением борьбы финансового капитала за сырьевые ресурсы и вывоз капитала.

Баран, Суизи и Мэгдофф: монополистический капитал и транснациональные корпорации

Пол Баран и Пол Суизи (Baran and Sweezy, 1966) считали, что Гильфердинг, Люксембург и Ленин внесли крупнейший вклад в марк-

систскую теорию империализма. В своем труде «Монополистический капитал» они высказали мысль о том, что эта теория дает объяснение международным отношениям в капиталистическом мире, проливает свет на развитие социально-экономической ситуации в капиталистических странах и анализирует неравноправные отношения между развитыми и слаборазвитыми странами. Их собственный вклад в теорию империализма относится к выявлению роли прибавочного продукта, определяемого ими как «разница между тем, что производит общество, и издержками этого производства» (1966:9). Они делали акцент не только на формировании избыточного капитала, но и на его реализации. В частности, они подвергли анализу монополии. По их признанию, Ленин обосновывал свою теорию империализма господством монополий в развитых капиталистических странах, но «ни он, ни его последователи не довели исследование этой проблемы до такого уровня, чтобы оно стало одной из основ марксистской экономической теории» (5). Баран и Суизи настаивали, что современный анализ должен проводиться не в отношении конкурентной модели, полностью поглотившей внимание Маркса, а в отношении монополии и олигополии.

В своем собственном анализе они почти исключительно ограничились исследованием деятельности гигантских корпораций и их руководителей, оставив без внимания роль рабочего класса (Тарбак в: Luxemburg and Bukharin, 1972:40). Критику оппонентов вызвали данные ими определения таких категорий, как прибавочный продукт, фирма и промышленность, а также их трактовка отношений между базисом и надстройкой в условиях монополистического капитализма (О'Сонног, 1966). Даже определение монополистического капитализма как системы гигантских корпораций подверглось нападкам за неточность и двусмысленность (Nathan, 1966).

Интерес к проблеме монополистического капитала проявили многие авторы, обратившиеся к изучению деятельности корпораций в Соединенных Штатах и других странах. Хэрри Мэгдофф в книге «Эра империализма» (Magdoff, 1969) проследил модели американской внешней политики и проанализировал ее влияние на мировую экспансию американского бизнеса. Он делал различие между старым и новым империализмом. Новый империализм знаменует новый период развития мирового капитализма и отличается, во-первых, подъемом таких промышленных держав, как Соединенные Штаты Америки, Германия, Франция и Япония, бросивших вызов Великобритании, и, во-вторых, смещением власти в пользу небольшого числа крупных интегрированных промышленно-финансовых

компаний — транснациональных корпораций, которые особенно заявили о себе после Второй мировой войны. Мэгдофф, объединив факты и информацию, показал совпадение военного и политического присутствия Соединенных Штатов за границей, преобладающие позиции американского капитала в транснациональных корпорациях и господство транснациональной банковской деятельности. Он также проанализировал модели американской помощи и торговли и детально исследовал основы постоянно растущей империи США.

Рассмотрению роли гигантских транснациональных корпораций посвящена огромная литература. Характерным примером подобной литературы является книга Барнета и Маллера «Глобальная досягаемость» (Barnet and Muller, 1974). Хотя в исследованиях такого рода, как правило, акцентируется внимание на корпоративном капитале, следует признать, что среди марксистов нет единства по вопросу о том, какой капитал — корпоративный или банковский — важнее в нынешнем мире. Баран и Суизи согласны с выводом о том, что крупным корпорациям все успешнее удается выходить из-под влияния банкиров и акционеров. Их точка зрения отличается от классической ленинской позиции, которая по-прежнему оказывает влияние на многих марксистов, подчеркивающих значение банковского контроля и промышленности (O'Connor, 1968).

Перспективы теории развития

Наш обзор обозначил шесть важных тем в литературе о развитии и слаборазвитости, в нем было также обращено внимание на противоречия и неточности терминологии и встречающиеся несоответствия в теории. Каждая из этих тем разработана теоретиками, принадлежащими как к основному направлению политологии, так и к альтернативному, но, на наш взгляд, обе позиции способствуют разъяснению стратегии в выработке действенной теории развития. Исходя из этой оптимистической посылки, приступим теперь к обсуждению трудов трех крупных социологов из слаборазвитых стран: Самира Амина (Египет), Клайва Томаса (Гайана) и Франсиско Лопеса Сегреры (Куба).

Амин выделил и рассмотрел основные проблемы развития и слаборазвитости, продолжая в то же время: 1) критиковать ортодоксальные идеи о капиталистическом накоплении, 2) уточнять марксистские и ленинские интерпретации капитализма в центре, или развитых странах, и 3) выдвигать новую теорию докапиталистической, а также капиталистической общественных формаций, равно как и способов производства на периферии, или в слаборазвитых странах.

Он пытался применить марксистскую методологию к проблемам слаборазвитости, зависимости и империализма, уточнял концептуализацию и стремился решить теоретические проблемы с левых позиций, иллюстрируя свою теорию историческими примерами из современности.

Концепция Амина разработана в книге «Накопление в мировом масштабе» (Amin, 1974) и уточнена в книге «Неравное развитие» (Amin, 1976). Краеугольным камнем его аргументации является мысль о том, что все страны мира, и социалистические и капиталистические, в различной степени интегрированы в международную коммерческую и финансовую сеть. Преобладает один мировой рынок — капиталистический. Эта система зависит от накопления или расширенного воспроизводства, жизненно важных для капиталистического способа производства и, видимо, также социалистического, но отнюдь не обязательных для докапиталистических способов производства. Однако на отношения между развитым миром, или центром, и слаборазвитым миром, или периферией, воздействует передача ценностей. Например, когда докапиталистические способы производства подчиняются капиталистическому, ценности передаются в центр, что является итогом действия механизмов «примитивного накопления».

Такая динамика не учитывается в современных ортодоксальных теориях слаборазвитости, например в теории стадий Ростоу, рассматривающей слаборазвитые страны под тем же углом зрения, что и развитые, но на более ранней стадии развития. Радикальная теория слаборазвитости, напротив, исследует три структурные особенности: неравномерность производительности, ликвидацию единства экономической системы и иностранное господство. Неравномерность производительности не столь резко проявляется в развитых странах, где некоторые плоды прогресса имеют тенденцию распределяться по всей экономике, но она очевидна в слаборазвитых странах, где целые секторы экономики могут зависеть от крупных международных предприятий с центрами управления за пределами экономики слаборазвитой страны. При отсутствии тяжелой промышленности производство потребительских товаров там может зависеть от поставок оборудования и полуфабрикатов из-за границы. Сельское хозяйство способно поддерживать уровень дохода, обеспечивающий лишь прожиточный минимум, и производить продукцию на экспорт, но повышение товарности сельского хозяйства в основном зависит от внешнего спроса.

Амин пришел к выводу, что в центре рост оказывает интегрирующее воздействие и потому представляет собой развитие; на периферии же рост порождает слаборазвитость.

Именно на основании этой теории можно разработать теорию международного разделения труда, которая позволит нам уяснить, как зародилась слаборазвитость, и определить место слаборазвитых стран в мировой системе капиталистического накопления. Теорией слаборазвитости и развития может быть лишь теория накопления капитала в мировом масштабе (Amin, 1974:20).

Хотя Амин и принимал основополагающие концепции марксистской теории накопления в мировом масштабе, ленинского анализа трансформаций системы в центре, а также модернизированного ленинского анализа в работах Барана и Суизи, он попытался распространить свой анализ на изучение трансформаций на периферии, где, как он полагал, слаборазвитость вызывается примитивным накоплением ради выгоды центра.

Акцент на докапиталистических и капиталистических способах производства позволяет делать различия между центром и периферией, однако Амин напомнил нам, что капитализм превратился в мировую систему, а не систему национальных капитализмов отдельных стран. Поэтому четко выраженные общественные формации, буржуазия и пролетариат, должны исследоваться не изолированно, в рамках отдельных стран, а на международном уровне. В этом случае мировая буржуазия оказывается в центре, а на буржуазию периферии влияют и участвуют в ее формировании силы мирового рынка, но она зависит от центра и подчиняется ему. Во времена Маркса мировой пролетариат был сосредоточен в центре, но сейчас он находится на периферии и состоит из наемных рабочих крупных предприятий и массы крестьян, включенных в мировой обмен. Такая перегруппировка вызвана необходимостью противостоять тенденции падения нормы прибыли в центре путем увеличения нормы прибавочной стоимости, извлекаемой на периферии.

С учетом гегемонии мировой капиталистической системы Амин утверждал, что социализм не сможет существовать, если он не превзойдет капитализм по всем направлениям. Он обязан покончить с неравенством. Он не должен полагаться на рынок, национальный или международный, поскольку рынок обостряет неравенство в разделении труда и распределении национального дохода.

Франсиско Лопес Сегрера, анализируя историю политэкономии Кубы, соединил теории слаборазвитости, зависимости и империализма. В своей книге (Lopez Segreга, 1972) он утверждал, что социализм возможен в стране, находящейся под господством империализма, и степень ее зависимости не имеет принципиального значения,

но основной целью этого труда было изучение условий зависимости и последствий империализма, привнесенного капитализмом на Кубу. Вдохновленный распространением революционной марксистской социологической литературы, Сегрера противостоит «независимой» политике развития ЭКЛА. Согласно его основному тезису, Куба была частью мировой капиталистической системы с момента прибытия испанцев в XVI в. и до 1959 г. Слаборазвитость Кубы явилась порождением мирового капитализма и представляла собой особую форму — зависимый капитализм. Зависимость является основной концепцией в его понимании слаборазвитости. Исторические периоды кубинской зависимости прослеживаются по отношению к мировому капитализму: торговый капитализм (коммерческий капитал), 1510—1762 гг.; свободный обмен (промышленный капитал), 1762—1880 гг.; империализм (финансовый капитал), 1880—1934 гг.; неоимпериализм (капитал тяжелой промышленности), 1934—1959 гг.

Лопес Сегрера проанализировал особенности зависимости Кубы при капитализме на различных исторических этапах, например *encomienda*, гасиенды и плантационного хозяйства; с учетом функций — например, добычи металлов, производства сырья, сельскохозяйственной продукции; автономии (Кубе разрешалось в 1550—1700 гг. автономное развитие из-за конфликта Испании с другими европейскими странами и экономического застоя); иностранного контроля (производство сахара находилось под кубинским контролем с 1762 по 1860 г., когда оно постепенно перешло в руки испанского капитала); и политических связей Кубы с центром метрополии. Наконец, Лопес Сегрера проанализировал политический и идеологический союз между правящими классами колониальной державы и колонии. Основные выводы, вытекающие из его изучения Кубы, следующие: во-первых, исторический анализ свидетельствует, что слаборазвитые страны не обязательно проходят те же стадии развития, что и развитые; во-вторых, процесс колонизации Латинской Америки был осуществлен Европой на стадии экспансии торгового капитализма, и возникшая в результате этого экономика дополняла мировую экономику; в-третьих, империализм и неоимпериализм приводили не к развитию региона, а к его слаборазвитости. В-четвертых, диалектическая взаимозависимость между развитыми и отсталыми странами отражает структурную природу зависимости: с одной стороны, историческое развитие зависимых стран и метрополий и систему отношений между ними, а с другой — конкретный способ производства каждой из господствующих и зависимых стран. В-пятых, слаборазвитость является не результатом отсутствия предпринимательского духа, а следствием

объективных исторических условий и, в первую очередь, продолжавшейся на протяжении столетий капиталистической эксплуатации.

Лопес Сегрера выдвинул основополагающие гипотезы, разъясняющие природу слаборазвитости Кубы при капитализме. Во-первых, после прибытия на остров испанцев Куба всегда являлась страной зависимого капитализма. Во-вторых, слаборазвитость кубинского капитализма датируется с начала XVI в. В-третьих, такая страна, как Куба, являясь слаборазвитой при капитализме, может стать на путь развития, лишь изолировавшись от мировой капиталистической структуры. В-четвертых, с начала капиталистического накопления и до 1959 г. капитал метрополии (при посредничестве иностранной буржуазии) объединился с местным кубинским капиталом (зависимой буржуазией), эксплуатируя сначала колонию (при господстве испанского торгового капитала), а позднее неоконию (при господстве североамериканского империализма). В-пятых, зависимость распространялась почти исключительно на один вид товара (сначала золото, затем скот и сахар). В-шестых, точно так же, как метрополия развивалась за счет слаборазвитости Кубы, некоторые регионы, города, классы, группы и отдельные лица получали выгоду от слаборазвитости других территорий. В-седьмых, ошибочно считать, что слаборазвитость предшествует капитализму, напротив — она является его продуктом. В-восьмых, производство в колонии подчинено нуждам иностранного рынка.

В своей научной деятельности Лопес Сегрера занимается в основном проблемами зависимости и капитализма и анализирует последствия уходящих в историю отношений между метрополией и колонией или неоконией. В его трудах нет анализа событий после прихода к власти кубинских революционеров во главе с Фиделем Кастро, столкнувшихся с реалиями перехода от капитализма к социализму. Эту задачу взял на себя Клайв Томас в своей работе «Зависимость и трансформация: экономика перехода к социализму» (Thomas, 1974).

Клайва Томаса не интересовали споры о переходе к социализму в промышленно развитых социумах Восточной Европы и, в меньшей степени, в Китае. Напротив, он сконцентрировал внимание на проблемах слаборазвитых социумов. В отличие от многих других теоретиков зависимости, Клайв Томас анализировал производительные силы и производственные отношения на периферии капиталистической системы. Он пытался переработать теорию зависимости и марксистскую методологию и увязать свой марксистский синтез зависимости с социальной практикой. Его исследование внесло значительный вклад в дискуссию о природе перехода к социализму в слаборазвитых странах.

Направленность работы Клайва Томаса весьма показательна. Он стремился избежать стратегии развития, на которую могли бы повлиять предлагаемое ЭКЛА решение о проведении импортозамещающей индустриализации, а также советская модель развития тяжелой индустрии или неоклассические экономические понятия относительного преимущества. Он хотел заниматься «исключительно проблемами развития производительных сил, которые сталкиваются, если можно так выразиться, со слабо развитой экономикой "переходного периода к социализму"» (1974: 27). Он ограничился такими странами, как Куба и Танзания, в которых «началась политическая революция, позволившая передать государственную власть союзу рабочих и крестьян, тем самым в корне изменив производственные отношения. Основными экономическими проблемами на данной стадии строительства социализма стали борьба за передачу под контроль и руководство этого союза производительных сил общества, выход из-под воздействия международного капитализма и подъем уровня материального благосостояния населения» (29).

Три вышеупомянутых труда являются серьезной попыткой сформулировать теорию развития в современном мире. В них дается оценка применимости как основных, так и альтернативных теорий зависимости и отсталости в развитии. Они предлагают возможность анализа, который при рассмотрении конкретных явлений сочетает теорию с практикой. Наконец, они направляют нас на путь критической оценки противоречий и проблем революционных обществ, пытающихся уйти от капитализма и построить будущее на социалистической основе.

Подведем некоторые итоги этой главы. Во-первых, взгляды политологов основного направления оказались абстрактными и неприменимыми к конкретным ситуациям, этноцентрическими по своим предпочтениям к англо-американской системе и благосклонными к капитализму. Часто это проистекает из концептуальных трудностей, когда политологи, например, делают акцент на «политических» аспектах и политике, а не на теории, или экономисты игнорируют политическую сторону вопроса и также склоняются в своих политических соображениях в сторону капитализма. И все же такие взгляды остаются весьма влиятельными в наши дни и вновь дали о себе знать в литературе о развитии. К примеру, Эптер (Apter, 1987) опять поднял вопрос о модернизации; Ленард Байндер и Экстайн, несмотря на критику, с оптимизмом отнеслись к теории развития; Алмонд, Хантингтон и Пэкенхэм восстановили гегемонию основного направления в политологической теории развития. Распад Советского Союза и крушение соци-

ализма в странах Восточной и Центральной Европы также вызвали новую волну интереса к проблемам национализма. Появился ряд новых идей, например у Бейтса (Bates, 1981), относительно индивидуального выбора и капиталистических рынков в Африке.

Во-вторых, в трудах, посвященных зависимости и отсталости в развитии, наметились определенные тенденции: заниматься условиями эксплуатации, нищеты и неравенства; больше акцентировать внимание на обмене, циркуляции и торговле, нежели на производстве и производственных отношениях; игнорировать соответствующие классические теории политической экономии, включая марксизм; недооценивать проблемы, относящиеся к роли государства и классов в плановой экономике и при рыночных механизмах; подчеркивать роль капиталистического накопления и его последствия; неизменно давать идеализированные и неизбежные прогнозы без конкретного анализа (Dussel, 1990). Все это привело к появлению альтернативных работ, включая исследование мировой системы. Так, Валлерстайн (Wallerstein, 1974) разработал модель мировой системы, разделенной на центр, полупериферию и периферию, и высказал мысль, что мир находится в процессе перехода от капитализма к социализму и этот процесс будет продолжаться в течение примерно ста последующих лет. Он сформулировал три стратегические линии для такого перехода: вмешательство государства, привлечение капитала низким уровнем зарплаты и другими инвестиционными преимуществами; опора на собственные силы.

В-третьих, труды по империализму первым связал с теорией развития Уоррен (Warren, 1980), подчеркнувший прогрессивные аспекты капитализма, способствующие, например, проявлению творческого потенциала индивида и организованной производственной деятельности и составляющие основу продвижения к социализму; вторым был Бруэр (Brewer, 1990), который перевернул старую полемику об империализме с ног на голову и связал слаборазвитость и зависимость с теорией империализма. Гриффин и Герли (Griffin and Gurley, 1985) сделали детальный обзор литературы по теме, а Тони Смит (Smith, 1981) разоблачил то, что назвал «мифом зависимости» империализма.

Еще одной проблемой стала трактовка развития в свете политической или представительной демократии с упором на правительственные институты и политические партии западного образца. Это отвлекает внимание от накопления капитала и капитализма и их воздействия (негативного или позитивного) на людей. С подобной проблемой можно справиться, перенеся акценты на анализ структуры государства и классовых сил. Демократия понимается в ее формальном смысле, что

предполагает представительные и косвенные формы вовлечения в политический процесс. Однако необходимо выходить за рамки этой концепции и рассматривать демократию участия в ее политическом, социальном и экономическом значении. Изучение новых общественных движений (женские, экологические, сторонников мира и т.п.) ведется именно в таком ключе (см.: Fuentes and Frank, 1989). Например, Сен и Гроун (Sen and Grown, 1987) считали, что со времен колониализма не происходило серьезной структурной перестройки. Они выступали за более справедливое, проникнутое духом гуманности будущее для женщин, опираясь на опыт деятельности и борьбы феминистского движения. Дэвид Леман (Lehman, 1990) изучал теологию освобождения — прогрессивное католическое движение Латинской Америки — как силу, выступающую за изменения в слаборазвитых регионах мира. Старым идеям бросают вызов новые социальные движения, постмодернизм на Западе и альтернативные стратегии развития на Юге:

У этих двух пар перспектив — теория модернизации и марксизм, идеология развития и теория зависимости — есть что-то общее, а именно экономизм, центризм и телеология; экономизм — потому что экономический рост является краеугольным камнем социальных изменений, телеология — потому что ее общая посылка заключается в целенаправленном развитии, центризм — потому что развитие (или слаборазвитость, согласно мнению теоретиков зависимости) исходит из наиболее развитого региона — метрополии. Это свидетельствует о силе и сложности идеологии развития как парадигмы (Pieterse, 1991:15).

Политический смысл ранней теории зависимости и слаборазвитости подразумевал революцию и социализм как ответ на вызов капитализма и автономии. Соединенные Штаты Америки в 1960-х гг. избрали путь борьбы с повстанческими движениями, чтобы противостоять влиянию кубинской революции в Латинской Америке и странах «третьего мира». Политические соображения Запада переключились на другие стратегии, учитывавшие наличие авторитарных режимов, и возникла идея объединенного зависимого капитализма. Объединенные усилия государства, местной буржуазии и международного капитала подорвали возможность образования движений на основе широких революционных коалиций. Многие из недавних трудов по развитию (Chilcote, 1992; Evans and Stephens, 1988) посвящены, таким образом, изучению мирового капиталистического порядка, или системы, ее реорганизации и консолидации. Необходимо сочетать анализ международного капитализма с внутренними аспек-

тами, включая государство, класс и способ производства в городе и сельской местности. Следует также обратить внимание на развитие и переход к социализму в сложившихся после Второй мировой войны революционных ситуациях в странах «третьего мира» (см.: Fagen, Deere, and Corgaio, 1986). Это вынуждает прибегнуть к обстоятельной критике самого капитализма и его слабостей, а также переосмыслить концепции социализма и марксизма, с тем чтобы анализ 1990-х гг. более непосредственно увязывался с задачами как теории, так и стратегии, рассчитанных на изменение мирового порядка.

Теории развития и отсталости должны служить будущим аналитическим исследованиям подобно тому, как они служили пониманию проблем прошлого, восходящих к XIX в. Хотя эти теории не являются отточенными или едиными, они могут помочь пониманию неравномерного развития в условиях нарастающей консолидации капитала в мировой системе. Они способны стимулировать осознание проблем, связанных с поздним развитием капитализма, и привести к теоретическому и практическому осмыслению того, каким образом обездоленные народы должны противостоять репрессивным проявлениям капитализма и искать пути перехода к демократии и социализму.

Литература

Acuña, Rodolfo. 1972. *Occupied America: The Chicano's Struggle Toward Liberation*. San Francisco: Harper and Row. История эксплуатации чиканос в Соединенных Штатах, представляющей модель внутренней колонизации.

Almaguer, Tomás. 1971. «Toward the Study of Chicano Colonialism». *Aztlán* 2 (Fall), 7—21. Ранняя попытка применения модели внутренней колонизации к чиканос в Соединенных Штатах.

Almond, Gabriel A. 1965. «A Developmental Approach to Political Systems». *World Politics* 17 (January), 183—214. Попытка противостоять критике теории систем в статичности. Алмонд связывает системы с развитием, облекая свою старую структуру и терминологию в «новую» концепцию развития и перемен.

Amin, Samir. 1974. *Accumulation on a World Scale: A Critique of the Theory of Underdevelopment*. New York: Monthly Review Press. Смелая критика буржуазной экономической теории, а также серьезный синтез и оценка современных проблем и теорий отсталости в развитии на периферии слабо развитого мира.

_____. 1976. *Unequal Development: An Essay on the Social Transformations of Peripheral Capitalism*. New York: Monthly Review

Press. Амин считает, что конфронтация с империализмом должна начаться не в центре, а на периферии. Его книга является теоретическим исследованием докапиталистических формаций, законов капиталистического способа производства, зависимости, развития отсталых стран и социальных формаций на периферии.

Andrade, Manuel Correia de. 1967. *Espaço, polarização e desenvolvimento: a teoria dos polos de desenvolvimento e a realidade nordestina*. Recife: Centro Regional de Administração Municipal. Автор книги дает описание Северо-Востока Бразилии, идентифицируя потенциальные полосы развития и следуя идеям Франсуа Перру.

Apter, David E. 1965. *The Politics of Modernization*. Chicago: University of Chicago Press. Автор рассматривает две модели модернизации — западную демократическую и «священную» коллективистскую. Модернизация и традиция исследуются в рамках структурного функционализма.

_____. 1987. *Rethinking Development: Modernization, Dependency, and Postmodern Politics*. Newbury Park, California: Sage Publications. Вводное эссе и новый материал объединены с ранее опубликованными эссе о развитии, модернизации и зависимости.

Baran, Paul. 1957. *The Political Economy of Growth*. New York: Monthly Review Press. Автор первым описал отношения между доминирующими и зависимыми регионами мира, ставя во главу угла извлечение прибавочного продукта.

Baran, Paul, and Paul Sweezy. 1966. *Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order*. New York: Monthly Review Press. Важная и ставшая популярной трактовка тезиса о господстве корпоративного капитала в капиталистическом мире.

Barnet, Richard J., and Ronald E. Muller. 1974. *Global Reach: The Power of the Multinational Corporations*. New York: Simon and Schuster. Обзор и анализ роли транснациональных корпораций.

Barrera, Mario, Carlos Muñoz, Jr., and Charler Ornelas. 1992. «The Barrio as Internal Colony». In Harlan Hahn (ed.), *People and Politics and Urban Society*, 465—499. Beverly Hills, California: Sage Publications. Критический обзор внутренней колониальной модели и ее применения к сообществу чиканос в Соединенных Штатах.

Bath, C. Richard, and Dilmus D. James. 1976. «Dependency Analysis of Latin America». *Latin American Research Review* 11 (3), 3—54. Обзор литературы о зависимости. *Dependentistas* подразделяются на консерваторов, умеренных и радикалов. Выдвигаются девять вариантов сочетания подхода к независимости с буржуазными концепциями и методами социальной науки.

Becker, David G., et al. 1987. *Postimperialism, International Capitalism and Development in the Late Twentieth Century*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. Авторы пропагандируют теорию постимпериализма, чтобы выйти за пределы теорий зависимости и отсталости в развитии и установить связь с мировым капиталом.

Bendix, Reinhard. 1969. *Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order*, New York: Doubleday, Anchor Books. Теоретические эссе и исследовательская аргументация в пользу создания государств.

Berger, Peter L. 1976. *Pyramids of Sacrifice: Political Ethics and Social Change*. Garden City, New York: Anchor Books. Взгляд на развитие «третьего мира», а также на политическую этику применительно к социальным переменам. В поисках морально приемлемой теории развития автор выступает против капиталистической идеологии как основанной на мифе развития и против социалистической как основанной на мифе революции.

Bernstein, Henry, and Howard Nicholas. 1983. «Pessimism of the Intellect, Pessimism of the Will? A Response to Gunder Frank». *Development and Change* 14 (October), 609—624. Критика попыток Франка распространить свое понимание развития на анализ мировой экономики и ее значения для «третьего мира». Авторы утверждают, что труд Франка антиимпериалистический, но не марксистский и не дает системного объяснения причин тогдашнего мирового кризиса. Кроме того, Франк, по мнению авторов, «не разбирается в хитросплетениях форм, практических шагов и политики государства по отношению к классовой борьбе и ее противоречиям» (618). В книге говорится о «теоретической непоследовательности и механистическом детерминизме» франковской аналитической системы в политическом и методологическом применении.

Binder, Leonard. 1964. «National Integration and Political Development». *American Political Science Review* 58 (September), 622—631. Важная статья, объединяющая концептуализации интеграции и развития в процессе создания государств.

_____. 1986. «The Natural History of Development Theory». *Comparative Studies in Society and History* 28 (January), 3—33. Обзор тенденций в теории развития, исходящих на протяжении двух последних десятилетий преимущественно из социологии и политической науки. Автор утверждает, что доктрина прагматического плюрализма по-прежнему является доминирующей парадигмой американской политической науки; подчеркивает большое влияние Толкотта Парсонса на теорию развития и обращает внимание на критику Пар-

сонса Джоном Тэйлором (Taylor, 1979); прослеживает этапы деятельности Комитета по сравнительной политологии Совета по изучению общественных наук, его закат и появление в 1983 г. нового Комитета по делам государства и социальных структур; рассматривает неомарксистскую теорию развития и исследует возрождение либеральной теории развития.

Binder, Leonard, et al. 1971. *Crises and Sequences in Political Development*. Princeton: Princeton University Press. Последний из серии трудов о политическом развитии, созданных под эгидой Совета по изучению общественных наук. Авторы подтверждают интерес к концепциям равенства, способности и дифференциации, составляющим «синдром развития».

Black, C.E. 1966. *The Dynamics of Modernization*. New York: Harper and Row. Автор разрабатывает четыре стадии модернизации и останавливается на связанных с ними важнейших проблемах.

Blomström, Magnus, and Björn Hettne. 1984. *Development Theory in Transition. The Dependency Debate and Beyond: Third World Responses*. London: Zed Press. Исчерпывающий анализ происхождения и эволюции теории зависимости в «третьем мире».

Bodenheimer, Susanne J. 1970. «The Ideology of Developmentalism: American Political Science's Paradigm-Surrogate for Latin American Studies». *Berkeley Journal of Sociology* 15, 95—137. Об основных ценностях и методологии американской политической науки и разработке идеологии и парадигмы, затрудняющих понимание развития.

Booth, David. 1975. «André Gunder Frank: An Introduction and Appreciation». In Ivar Oxaal, Tony Barnett, and David Booth (eds.) *Beyond the Sociology of Development*, 50—85. London: Routledge and Kegan Paul. Подробный обзор и оценка деятельности и воззрений Андре Гундера Франка с выявлением истоков его идей и их критикой.

_____. 1985. «Marxism and Development Sociology: Interpreting the Impasse». *World Development* 13 (7), 761—787. Обзор и критика марксистских течений в теории развития с утверждением, что теория зашла в тупик.

Bowles, Samuel, and Herbert Gintis. 1986. *Democracy and Capitalism: Property, Community, and the Contradictions of Modern Social Thought*. New York: Basic Books. Авторы книги выступают как сторонники постлиберальной оценки участия на экономическом и политическом уровнях.

Brenner, Robert. 1976. «The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithean Marxism». *New Left Review* 104 (July-

August), 24—92. Критика взглядов Суизи, Валлерстайна и других теоретиков, утверждающих, что они действуют согласно марксистской традиции, а на самом деле, по мнению Бреннера, идут в русле идей Адама Смита.

Brewer, Anthony. 1990. *Marxist Theories of Imperialism: a Critical Survey*. London: Routledge. Критический обзор теории империализма и развития. Исчерпывающая и полезная монография.

Бухарин, Николай Иванович. *Мировое хозяйство и империализм. Экономический очерк*. М.-Л., 1934.

Caldwell, Malcolm. 1977. *The Wealth of Some Nations*. London: Zed Press. Рассматривается процесс отставания в развитии; особое внимание уделяется историческому опыту Азии.

Caporaso, James A. 1980. «Dependency Theory: Continuities and Discontinuities in Development Studies». *International Organization* 39 (Autumn), 605—628. В статье отражена позиция основного направления политологии в теории зависимости и международных отношениях.

Cardoso, Fernando Henrique. 1971. *Política e desenvolvimento em sociedades dependentes*. Rio de Janeiro: Biblioteca de Ciências Sociais, Zahar Editores. Автор выдвигает теорию зависимости и отсталости в развитии и исследует позиции аргентинского и бразильского промышленного предпринимательства.

_____. 1972. «Dependency and Development in Latin America». *New Left Review* 74 (July-August), 83—95. Автор развивает свой подход к зависимости, предлагая обновить ленинскую теорию империализма.

_____. 1973a. «Associated-Dependent Development: Theoretical and Practical Implications». In Alfred Stepan (ed.), *Authoritarian Brazil: Origins, Policies, and Future*, 142—176. Теория ассоциированного зависимого развития; утверждается, что зависимость и капиталистическое развитие могут быть совместимы.

_____. 1973b. «Notas sobre estado e dependência». São Paulo: Centro Brasileiro de Análise e Planejamento (Caderno 2). Обзор и классификация теории зависимости.

Cardoso, Fernando Henrique, and Enzo Faletto. 1979. *Dependency and Development*. Berkeley: University of California Press. Originally published in 1969 as *Dependencia y desarrollo en América Latina*. Mexico City: Siglo Veintiuno Editores. Изначальная попытка рассмотреть внутренние аспекты зависимости.

Chalmers, Douglas A. 1972. «The Demystification of Development». In Douglas A. Chalmers (ed.), *Changing Latin America: New Interpretation of*

Its Politics and Society. 109—122. New York: Proceedings of the Academy of Political Science, Columbia University. Чэлмерс приходит к выводу, что излишняя зацикленность на развитии, когда считают, что развитие может распространяться от развитых к отсталым регионам, более не пригодна, и вместо этого необходимо заниматься выработкой теории развития.

Chilcote, Ronald H. 1969. «Development and Nationalism in Brazil and Portuguese Africa». *Comparative Political Studies* 1 (January), 501—525. Автор анализирует девять типов национализма и пять параметров развития, используя в качестве примеров Бразилию и португальскую Африку.

_____. 1974. «Dependency: A Critical Synthesis of the Literature». *Latin American Perspectives* 1 (Fall), 4—29. Подробный обзор и оценка литературы о развитии.

_____. 1978. «A Question of Dependency». *Latin American Research Review* 12 (2), 55—68. Подтверждение прежних взглядов и синтез теорий зависимости. Идентифицируются критерии и терминология, необходимые для марксистской теории, включающей оценку зависимости.

_____. (ed.). 1982. *Dependency and Marxism: Toward a Resolution of the Debate*. Boulder, Colorado: Latin American Perspectives Series (no. 1), Westview Press. Двенадцать эссе, отражающих различные взгляды на связь зависимости с марксизмом.

_____. 1984. *Theories of Development and Underdevelopment*. Boulder, Colorado: Westview Press. Автор считает, что теории развития и отсталости в развитии, выдвинутые странами «третьего мира», отличаются дихотомией позиций, когда, с одной стороны, подчеркивается особая роль капитализма и реформизма, а с другой — социализма и революции.

_____. 1992. «Development». In Mary Hawkesworth and Maurice Kogan (eds.), *Routledge Encyclopedia of Government and Politics*, 616—637. London: Routledge. Обзор и концептуализация развития на основе важных исследований.

Chilcote, Ronald H., and Joel C. Edelstein (eds.). 1974. *Latin America: The Struggle with Dependency and Beyond*. Cambridge, Massachusetts: Schenkman Publishing. Вслед за введением, посвященным проблемам отсталости и развития, даются страноведческие очерки о Гватемале, Мексике, Аргентине, Бразилии, Чили и Кубе.

Chodak, Szymon. 1973. *Social Development: Five Approaches with Conclusions from Comparative Analysis*. New York: Oxford University Press. Важный обзор подходов к развитию, критический, но созвучный ортодоксальной теории.

Cohen, Benjamin. 1973. *The Question of Imperialism: The Political Economy of Dominance and Dependence*. New York: Basic Books. Синтез определений и интерпретаций империализма от XIX в. до наших дней.

Coulter, Phillip. 1972. «Political Development and Political Theory: Methodological and Technological Problems in the Comparative Study of Political Development». *Polity* 5 (Winter), 233—242. Автор рассматривает методологические проблемы сравнительной политологии в изучении развития, которые теперь являются неисторическими, многодисциплинарными, кросскультурно-компаративистскими, масштабными и количественными.

Cueva, Agustín. 1976. «A Summary of "Problems and Perspectives of Dependency Theory"». *Latin American Perspectives* 3 (Fall), 12—16. Критическая оценка теорий зависимости с марксистских позиций. Отмечается, что теория зависимости не утвердилась, однако сама зависимость будет оставаться характерной чертой латиноамериканских обществ.

Davis, Horace B. 1967. *Nationalism and Socialism: Marxist and Labor Theories of Nationalism to 1917*. New York: Monthly Review Press. Исчерпывающие синтез и оценка марксистских взглядов на национализм с особым вниманием к Марксу, Энгельсу и Ленину.

Dennon, A. R. 1969. «Political Science and Political Development». *Science and Society* 33 (Summer-Fall), 285—298. Автор считает политические теории развития банальными, неисторическими, статичными и поверхностными.

Deutsch, Karl W. 1953. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundation of Nationality*. New York: Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology and John Wiley & Sons. Классическое исследование национализма и его значения для развития.

Deutsch, Karl W., and Richard L. Merritt (eds.) 1970. *Nationalism and National Development: An Interdisciplinary Bibliography*. Cambridge: M.I.T. Press. Обзор литературы по национализму и развитию.

Doob, Leonard W. 1964. *Patriotism and Nationalism: Their Psychological Foundations*. New Haven: Yale University Press. Автор исследует содержание и проявление патриотизма и национализма.

Dos Santos, Theotonio. 1970. «The Structure of Dependency». *American Economic Review* 60 (May), 231—236. Синтез и концептуализация новой теории зависимости. Автор предлагает свои концепции и идентифицирует исторические формы зависимости.

Dube, S.C. 1988. *Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms*. London: Zed Books and Tokyo: United Nations

University. Важная оценка теории модернизации и руководство по ее применению в современном мире.

Dussel, Enrique. 1990. «Marx's Economic Manuscripts of 1861—63 and the 'Concept' to Dependency». *Latin American Perspectives* 17 (Spring), 62—101. Иллюстрируется релевантность концепции зависимости в учении Маркса.

Eckstein, Harry. 1982. «The Idea of Political Development: From Dignity to Efficiency». *World Politics* 34 (July), 451—486. В статье утверждается, что область политического развития — это «путаница», притом наносящая огромный ущерб «самому значению политического развития» (451). Автор предлагает выход из тупика: «Длинная траектория от социальной политики до политического общества может также считаться модуляцией от "достоинства" к "эффективности"... а каждая фаза процесса рассматриваться как изменение баланса между тем и другим. Параллельно происходят структурные изменения в политологии от личностей к правлению, механизму, системе» (486).

Eisenstadt, S.N. 1964. «Modernization and Conditions of Sustained Growth». *World Politics* 16 (July), 576—594. Теоретические наблюдения за модернизацией и ростом.

Emerson, Rupert, 1960. *From Empire to Nation*. Cambridge: Harvard University Press. Серьезное изучение национализма и его зарождения в Африке.

Emmanuel, Arghiri. 1972. *Unequal Exchange: A Study of the Imperialism of Trade*. New York: Monthly Review Press. Автор обсуждает случаи торгового обмена продуктами в свете данной теории, демонстрируя, что неравный обмен является результатом отношений развитых стран со слаборазвитыми. Здесь же приводится критика Чарльза Беттельхайма и возражения Эммануэля.

Evans, Peter B., and John D. Stephens. 1988. «Development and the World Economy». In Neil J. Smelson (ed.), *Handbook of Sociology*, 739—773. Теория развития в свете изменения мировой капиталистической экономики.

Fagen, Richard R., Carmen Diana Deere, and Jose Luis Coraggio (eds.). 1986. *Transition and Development: Problems of Third World Socialism*. New York: Monthly Review Press. Сборник блестящих эссе, рассматривающих проблемы перехода к социализму, с вниманием к революционной ситуации в «третьем мире» после Второй мировой войны.

Fieldhouse, D.C. 1961. «'Imperialism': An Historiographical Revision». *Economic History Review* 2d ser. 14 (2), 187—209. Критический анализ доводов «за» и «против» теории империализма Гобсона. Автор прихо-

дит к выводу, что его теория «прочна» и не подходит для исторической интерпретации экспансии европейских империй в 1870—1914 гг. См. также его «Теорию капиталистического империализма» (*The Theory of Capitalist Imperialism*. London: Longman, Green, 1967).

Foster-Carter, Aiden. 1974. «Neo-Marxist Approaches to Development and Underdevelopment». In Emanuel De Kadt and Gavin Williams (eds.), *Sociology and Development*, 67—105. London: Tavistock Publications. Подробный анализ неомарксистских идей, а именно тех, что по-новому оценивают практические успехи и неудачи марксизма после 1945 г.

_____. 1976. «From Rostow to Gunder Frank: Conflicting Paradigms in the Analysis of Underdevelopment». *World Development* 4 (March), 167—180. В рамках концепции научной революции Куна автор рассматривает парадигмальный конфликт между теориями Ростоу и Андре Гундера Франка.

_____. 1978. «The Modes of Production Controversy». *New Left Review* 107 (January-February), 47—77. Полезный синтез зарождения и эволюции концепции способов производства, с особым вниманием к английским и французским антропологам и их теориям.

_____. 1985. *The Sociology of Development*. Lancashire: Causeway Press. Автор предлагает анализ теории развития. Вначале даются определения и описательная таксономия слаборазвитых обществ, затем автор переходит к теоретическим проблемам модернизации и зависимости и, наконец, выступает с критикой теории застоя Андре Гундера Франка, демонстрируя успех новых индустриальных стран, таких, как Тайвань, Сингапур, Гонконг и Южная Корея.

Frank, André Gunder. 1966. «Development of Underdevelopment». *Monthly Review* 18 (September), 17—31. Здесь Франк впервые выдвигает свою известную и противоречивую теорию капиталистического развития слаборазвитых стран.

_____. 1967a. *Capitalism and Underdevelopment in Latin America: Historical Studies of Chile and Brazil*. New York: Monthly Review Press. Автор впервые выдвигает теорию капиталистического отставания в развитии на примере Бразилии и Чили.

_____. 1967b. «Sociology of Development and Underdevelopment of Sociology». *Catalyst* 3 (Summer), 20—73. Исчерпывающая критика доминирующих в социальных науках ортодоксальных концепций развития.

_____. 1974. «Dependence Is Dead, Long Live Dependence and the Class Struggle: An Answer to Critics». *Latin America Perspectives* 1 (Spring), 87—106. Отповедь на критику правых, традиционных ле-

вых марксистов и «новых левых».

_____. 1975. «Development and Underdevelopment in the New World: Smith and Marx vs. the Weberians». *Theory and Society* 2 (Spring), 431—466. Обзор противоположных интерпретаций развития и отсталости в развитии.

_____. 1991. «The Underdevelopment of Development». *Scandinavian Journal of Development Alternatives* 10 (September), 2—148. Специальный номер журнала, содержащий автобиографическое эссе Франка, где уделяется особое внимание его вкладу в теорию развития. Здесь же приводится полная библиография его опубликованных работ.

Fuentes, Marta, and André Gunder Frank. 1989. «Ten Theses on Social Movements». *World Development* 17 (2), 179—191. Выдвигается целый ряд суждений о важности новых социальных движений.

Furtado, Celso. 1963. *Economic Growth of Brazil: A Survey from Colonial to Modern Times*. Berkeley: University of California Press. Исторический анализ экономического роста и упадка Бразилии; изучение зависимости и отставания в развитии в контексте немарксистских воззрений.

_____. 1964. *Development and Underdevelopment*. Translated by Ricardo W. de Aguiar and Eric Charles Drysdale. Berkeley: University of California Press. Теоретическое эссе о классических и марксистских интерпретациях отсталости в развитии.

_____. 1970. *Economic Development of Latin America: A Survey from Colonial Times to the Cuban Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press. Анализ развития и отсталости в развитии Латинской Америки.

Galtung, Johan. 1971. «A Structural Theory of Imperialism». *Journal of Peace Research* 8 (2), 81—117. Немарксистская, но подробная теория империализма, исходящая из того, что «империализм — это система, которая раскалывает целое на части и связывает одни части между собой отношениями гармонии интересов, а другие — отношениями дисгармонии, или конфликта, интересов.

Gantzel, Klaus Jürgen. 1973. «Dependency Structures as the Dominant Pattern in World Society». *Journal of Peace Research* 10 (3), 203—215. Зависимость и империализм рассматриваются с позиций отношения центра и периферии, с особым вниманием к четырем вариантам отношений: между странами капиталистического центра; между странами капиталистического центра и периферией; между капиталистическими и социалистическими центрами; между социалистическими обществами.

Gilbert, Guy J. 1974. «Socialism and Dependency». *Latin America Perspectives* 1 (Spring), 107—123. Опровержение критики Рея (Ray, 1973), считающего, что социалистическую зависимость следует изучать параллельно с изучением капиталистической зависимости.

Girvan, Norman. 1970. «Multinational Corporations and Dependent Underdevelopment in Mineral-Export Economies». *Social and Economic Studies* 19 (December), 490—526. Автор анализирует анатомию зависимо-го отставания в развитии применительно к экономическим структурам, связанным с добывающей промышленностью, работающей на экспорт и руководимой крупными транснациональными компаниями в Венесуэле, Чили, Суринаме, Гайане, Ямайке, Тринидаде и Тобаго и на Антильских (Нидерландских) островах.

Goldsworthy, David. 1988. «Thinking Politically About Development». *Development and Change* 19 (July), 504—530. Автор утверждает, что «большинство идей о развитии остается политически необоснованными, и это наносит им явный ущерб» (504). Он анализирует целый ряд концепций, добиваясь ясности в терминологии, и ставит перед будущими исследователями множество задач.

González, Gilbert. 1974. «A Critique of the Internal Colony Model». *Latin American Perspectives* 1 (Spring), 154—161. Осуждение модели внутренней колонизации на примере эксплуатации чиканос в Соединенных Штатах.

González Casanova, Pablo. 1969. «Internal Colonialism and National Development». In Irving Louis Horowitz et al. (eds.), *Latin American Radicalism*, 118—139. New York: Vintage Books. Автор выдвигает тезис о внутреннем колониализме, взятый из его же работы «Социология эксплуатации» (*Sociología de la explotación*, 2d ed. Mexico City: Siglo Veintiuno Editores, 1970).

Goulet, Denis A. 1968. «Development for What?» *Comparative Political Studies* 1 (July), 295—312. Поиски направлений развития, основанных на ценностях и целях, способствующих выживанию, уважению и свободе индивида.

Griffin, Keith, and John Gurley. 1985. «Radical Analyses of Imperialism, the Third World, and the Transition to Socialism: A Survey Article». *Journal of Economic Literature* 23 (September), 1089—1143. Исчерпывающий обзор литературы об империализме и развитии.

Hamid, Naved. 1974. «Alternative Development Strategies». *Monthly Review* 26 (October), 31—52. Автор рассматривает противоречия в попытках сбалансировать иностранные инвестиции с внутренним контролем над экономикой и социальным сектором и приходит к выводу, что слаборазвитая страна должна прежде всего рассчитывать на внутренние ресурсы.

Harris, Donald I. 1972. «The Black Ghetto as Colony: A Theoretical Critique and Alternative Formulation». *Review of Black Political Economy* 2 (Summer), 1—3. Автор рассматривает гетто американцев африканского происхождения как модель внутренней колонизации.

Hayes, Carlton. 1960. *Nationalism: A Religion*. New York: Macmillan Company. Серьезный труд о национализме, рассматривающий его европейское происхождение и эволюцию.

Hettne, Björn. 1983. «The Development of Development Theory». *Acta Sociologica* 26 (3—4), 209—354. Изложение теории отсталости в развитии «от ее ранней экономической и евроцентрической фазы до современных, более междисциплинарных и глобальных... дебатов» (247). В статье ставится знак равенства между теорией модернизации и эволюционализмом как главной традиции в западной социальной мысли. По мнению автора, теория зависимости была заимствована у Барана и уходит своими корнями в многообразие позиций латиноамериканских стран. Баран строил свою теорию преимущественно на примерах из жизни Индии, и хотя зависимость не самая злободневная тема для современной Индии, идея зависимости присутствует в индийской мысли, например в теории утечки ресурсов Наорджи.

Hilferding, Rudolf. 1910. *Das Finanzkapital*. Pages 426—429 translated into English in Paul Sweezy, *The Theory of Capitalist Development: Principles of Marxian Political Economy*, 375—378. New York: Monthly Review Press, 1942. О влиянии концепции финансового капитала на ленинскую теорию империализма.

Hobson, J. 1965. *Imperialism: A Study*. Ann Arbor: Ann Arbor Paperbacks, University of Michigan Press. Перепечатка классического исследования Гобсона, впервые опубликованного в 1902 г. с предисловием Филипа Зигельмана. Либеральная концепция, повлиявшая на ленинскую теорию империализма.

Holt, Robert T., and John E. Turner. 1975. «Crises and Sequences in Collective Theory Development». *American Political Science Review* 69 (September), 979—994. Критический обзор трудов по проблемам развития, осуществленных в рамках Совета по изучению общественных наук.

Horowitz, Irving Louis, and Ellen Kay Trimberg. 1976. «State Power and Military Nationalism in Latin America». *Comparative Politics* 8 (January), 223—244. В статье отмечается, что теория зависимости, анализирующая влияние внешнего капитала без учета национальных различий, потерпела фиаско. Автор рассматривает автономные военные бюрократии и успешное развитие по трем моделям: иници-

ированное государством национальное капиталистическое развитие; инициированное государством зависимое развитие; управляемое государством социалистическое развитие.

Hunt, Diana. 1989. *Economic Theories of Development: An Analysis of Competing Paradigms*. Hemel Hempstead: Wheatsheat. Оценка прошлой и нынешней теории развития.

Huntington, Samuel P. 1965. «Political Development and Political Decay». *World Politics* 17 (April), 386—430. Анализируется связь между институционализацией и стабильностью, с одной стороны, и мобилизацией и участием, с другой. Там, где мобилизация и участие опережают институционализацию, наступает политический распад.

_____. 1968. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press. Развитие автором собственного тезиса (1965), согласно которому он усматривает политический распад в необоснованном крене в сторону мобилизации и участия. Автор выступает за стабильность и порядок.

Huntington, Samuel P., and Joan M. Nelson. 1976. *No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries*. Cambridge: Harvard University Press. Попытки отойти от раннего анализа Хантингтоном политической нестабильности (1968) путем смещения акцента на политическое участие в странах «третьего мира».

Jackson, Steven, Bruce Russett, Duncan Shidal, and David Sylvan. 1979. «An Assessment of Empirical Research on Dependencia». *Latin American Research Review* 14 (3), 7—28. Анализ происхождения теории зависимости в трудах Франка, Кардозо, Амина и материалах Экономической комиссии для Латинской Америки; рассмотрение исследований, проводимых Кихано в Перу, Лиза в Кении и Бирштейкера в Нигерии; оценка эмпирических применений теории зависимости американцами. В статье дается описание проекта Йельского университета, который в анализе зависимости использует статистику и математику.

Kaufman, Robert R., Harry I. Chernotsky, and Daniel S. Geller. 1975. «A Preliminary Test of the Theory of Dependency». *Comparative Politics* 6 (April), 303—330. Попытка операционализации и практической проверки бивариантных предложений теории зависимости на основании данных по семнадцати латиноамериканским странам. Авторы приходят к выводу, что концепция зависимости требует уточнения и редефиниции, что внимание должно быть обращено на политические и культурные ценности, которые могут вклиниться между экономической зависимостью и ее возможными последствиями, и что для системного исследования гипотез зависимости должны быть выработаны новые приемы.

Kautsky, Karl. 1964. *The Dictatorship of the Proletariat*. Ann Arbor: University of Michigan Press. Этот труд положил начало полемике между Каутским и Лениным и разногласиям в их интерпретациях марксизма. В книге подвергается нападкам антидемократический большевистский режим в России.

Kay, Cristóbal. 1989. *Latin American Theories of Development and Underdevelopment*. London: Routledge. Синтез и критическая оценка истоков и эволюции латиноамериканской теории развития и отсталости в развитии.

_____. 1991. «Reflections on the Latin American Contribution to Development Theory». *Development and Change* 22 (January), 31—68. Автор утверждает, что теоретики развития игнорируют теории, исходящие из «третьего мира». В данной статье он рассматривает теоретический вклад Латинской Америки. По его мнению, в латиноамериканской модели искажается концепция зависимости и игнорируются крупные авторы, известные своими трудами по теории зависимости. Автор рассматривает целый ряд тем, характерных для латиноамериканских философов и политологов: реформа и революция; структуралистская парадигма или парадигма центр — периферия; внутренний колониализм и маргинальность; зависимость.

Kay, Geoffrey. 1975. *Development and Underdevelopment: A Marxist Analysis*. London: Macmillan Press. В книге подробно анализируются ситуация с торговым и промышленным капиталом в процессе отставания в развитии, неравный обмен и другие аспекты классической и современной марксистской теории.

Kesselman, Mark. 1973. «Order or Movement: The Literature of Political Development as Ideology». *World Politics* 26 (October), 139—154. Критический обзор работ Байндера и др. (Binder et al., 1971), а также Хантингтона (Huntington, 1968).

Kohn, Hans. 1968. *The Age of Nationalism: The First Era of Global History*. New York: Harper and Row. Классическое исследование национализма в исторической перспективе.

Kruijer, Gerald J. 1987. *Development Through Liberation: Third World Problems and Solutions*. Atlantic Highlands. New Jersey: Humanities Press International. О борьбе «третьего мира» за духовный и материальный прогресс как основе развития.

Laclau, Ernesto. 1971. «Feudalism and Capitalism in Latin America». *New Review* 67 (May-June), 19—38. Критика теории Франка об отсталости в развитии.

Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso. Авторы

разделяют «постмарксистский» взгляд в защиту социализма и расширения демократии с помощью радикальной политики, опирающейся не только на рабочий класс, но и другие социальные движения.

Lall, Sanjaya. 1975. «Is 'Dependence' a Useful Concept in Analyzing Underdevelopment?» *World Development* 3 (November-December), 799—810. Сдержанная критическая оценка зависимости. Автор считает, что многие выводы о воздействии зависимости на развитие относятся к конкретным случаям и их нельзя обобщать.

Lane, David. 1974. «Leninism as an Ideology of Soviet Development». In Emanuel de Kadt and Gavin Williams (eds.), *Sociology and Development*, 23—37. London: Tavistock Publications. Автор идентифицирует основные аспекты взглядов Ленина на социальные перемены в отсталых районах, а затем анализирует, как советская политика в области социальных перемен отошла от ленинских намерений.

Larraín, Jorge. 1989. *Theories of Development: Capitalism, Colonialism, and Dependency*. London: Polity Press. Марксистская интерпретация теорий развития, исходящих преимущественно из «третьего мира».

Leaver, Richard. 1977. «The Debate on Underdevelopment: On Situating André Gunder Frank». *Journal of Contemporary Asia* 7 (1), 108—115. Автор подвергает переоценке критику Лакло в адрес Андре Гундера Франка и анализирует франковскую теорию отсталости в развитии и зависимости.

Lehman, David. 1990. *Democracy and Development in Latin America: Economics, Politics, and Religion in the Postwar Period*. Philadelphia: Temple University Press and London: Polity Press. Интерпретативное изучение развития, с особым вниманием к социальным движениям и теологии освобождения, особенно в Бразилии.

Ленин, Владимир Ильич. Полное собрание сочинений в 55 тт.

Leys, Colin. 1977. «Underdevelopment and Dependency: Critical Notes». *Journal of Contemporary Asia* 7 (1), 92—107. Критическая оценка теорий отсталости в развитии и зависимости. Автор утверждает, что необходимо выйти за рамки этих теорий.

Lichtheim, George. 1970. «Imperialism». *Commentary* 49, Part 1 (April), 42—75; Part 2 (May), 33—58. В первой части воссоздается фон, способствующий общему пониманию империализма в современном мире. Во второй рассматриваются оценки и теории империализма с конца XIX в. Эти эссе были включены в авторскую работу «Империализм» (*Imperialism*. New York: Praeger Publishers, 1971).

Lipset, Seymour Martin. 1959. «Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy». *American Political*

Science Review 53 (March), 69—105. Автор знакомит читателя с некоторыми необходимыми условиями существования демократии; дает синтез критериев демократии и развития.

Long, Norman. 1975. «Structural Dependency, Models of Production, and Economic Brokerage in Rural Peru». In Ivar Oxaal, Tony Barnett, and David Booth (eds.), *Beyond the Sociology of Development*, 253—282. London: Routledge and Kegan Paul. Используя в качестве примера Перу, автор критикует различные подходы к интерпретации проблем отсталости в развитии и структурной зависимости.

López Sagrera, Francisco. 1972. *Cuba: capitalismo dependiente y subdesarrollo (1510—1959)*. Havana: Casa de las Américas. Автор рассматривает Кубу в условиях зависимого капитализма начиная с XVI в. Книга представляет собой системное изучение каждого исторического периода под углом зрения зависимости, отставания в развитии и империализма.

Love, Joseph L. 1989. «Modeling Internal Colonialism: History and Prospect». *World Development* 17 (June), 905—922. Блестящий исторический анализ концепции внутреннего колониализма, ее происхождения и различных интерпретаций, с особым вниманием к Селсо Фуртадо и Хансу Зингеру. В работе подчеркивается не этническая, а экономическая концептуализация.

Люксембург, Роза. *Накопление капитала*. Т. I—II. М.—Л., 1934. Основной тезис этой книги сформулирован в гл. 26 о воспроизводстве капитала, где Люксембург утверждает, что капитализм держится за счет проникновения в примитивные экономики и возникающего в результате этого их отставания в развитии.

Luxemburg, Rosa, and Nicolai I. Bukharin. 1972. *The Accumulation of Capital — An Anticritique and Imperialism and the Accumulation of Capital*. Edited with an introduction by Kenneth J. Tarbuck. New York: Monthly Review Press. Два тома, посвященных Марксовой теории накопления капитала.

Magdoff, Harry. 1969. *The Age of Imperialism: The Economics of U.S. Foreign Policy*. New York: Monthly Review Press. Современная марксистская оценка империализма.

_____. 1970. «Is Imperialism Really Necessary?» *Monthly Review* 22 (October), 1—14. Ответ на статью С.М. Миллера, Роя Беннета и Сирила Алапатта (Miller, Benett, and Alapatt, 1970), занимающих либеральную позицию и преуменьшающих экономические последствия империализма. Статья была впервые опубликована в журнале *Social Policy* 1 (September-October 1970), 19—29.

Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд.

Marcussen, Henrik Seecher, and Jens Erik Torp. 1982. *The Internationalization of Capital: The Prospects for the Third World*. London: Zed Press. Разъяснение теории интернационализации капитала на примере изучения ситуации в Африке.

Marini, Róy Mauro. 1969. *Subdesarrollo y revolución*. Mexico City: Siglo Veintiuno Editores. Исследование отсталости в развитии и революции, диалектики бразильского капитализма и воздействия империализма на трудящиеся массы. Отрывок из этого труда под названием «Мировое накопление и субимпериализм» (*World Accumulation and Sub-Imperialism*) появился в журнале *Two Thirds* 1 (1978), 29—39.

Miller, S.M., Roy Bennett, and Cyrial Alapatt. 1970. «Does the U.S. Economy Require Imperialism?» *Social Policy* 1 (September-October), 13—19. Критика Мэгдоффа (Magdoff, 1969) с либеральных позиций: утверждается, что капитализм преодолеет конфликт, порожденный империализмом. Мэгдофф дает Миллеру отповедь в этом же издании (с. 19—29).

Mittelman, James H. 1988. *Out from Underdevelopment: Prospects for the Third World*. New York: St. Martin's Press. Обзор теории и практики в поисках средств преодоления отставания в развитии.

Mohri, Kenso. 1979. «Marx and 'Underdevelopment'». *Monthly Review* 30 (April), 32—42. Автор сравнивает и противопоставляет то, что писал Маркс об Индии и Ирландии, чтобы продемонстрировать потенциальную релевантность его идей современным теориям отсталости в развитии.

Moore, Stanley W. 1957. *The Critique of Capitalist Democracy: An Introduction to the Theory of the State in Marx, Engels, and Lenin*. New York: Paine-Whitman Publishers. Жесткий синтез теории государства. Особое внимание обращается на диктатуру, капиталистическую эксплуатацию, капитализм и демократию, а также на идеологию и отчуждение.

Muñoz, Carlos, Jr. 1970. «On the Nature and Cause of Tension in the Chicano Community: A Critical Analysis». Published in summary from *Aztlán* 1 (Fall), 99—100. Первое упоминание внутреннего колониализма по отношению к чиканос (об этом писал сам автор в работе *Youth, Identity, Power: The Chicano Movement*. London: Verso, 1989).

Myer, John. 1975. «A Crown of Thorns: Cardoso and Counter-Revolution». *Latin American Perspectives* 2 (Spring), 33—48. Обзор и критика трудов и идей Кардозо. Раскрываются так называемые немарксистские тенденции в его теории.

Nathan, Otto. 1966. «Marxism and Monopoly Capital». *Science and Society* 30 (Fall), 487—496. Критический обзор работ Барана и Суизи о монополистическом капитализме (Baran and Sweezy, 1966).

Novack, George. 1966. *Uneven and Combined Development in History*. New York: Merit Publishers. Подробное обсуждение концепций Троцкого и др.

O'Brien, Donald Cruise. 1972. «Modernization, Order, and the Erosion of a Democratic Ideal». *Journal of Development Studies* 8 (July), 351—378. Автор прослеживает переход от изучения демократии к нормативному акценту на авторитаризме в качестве объяснения американской политики в отношении идеологии авторитаризма и институционального порядка.

O'Brien, Philip J. 1975. «A Critique of Latin American Theories of Dependency». In Ivar Oxaal, Tony Barnett, and David Booth (eds.), *Beyond the Sociology of Development*, 7—85. London: Routledge and Kegan Paul. Обзор литературы о зависимости — от ЭКЛА до современности. Литература классифицируется на теории, относящиеся к структурализму ЭКЛА, зависимости в марксистской интерпретации и марксистско-структуралистскому синтезу.

O'Connor, James. 1966. «Monopoly Capital». *New Left Review* 40 (November-December), 38—50. Критика трудов Барана и Суизи о монополистическом капитале (Baran and Sweezy, 1966).

_____. 1968. «Finance Capital or Corporate Capital?» *Monthly Review* 20 (December), 30—35. В статье идентифицируются и противопоставляются два марксистских подхода; один ставит во главу угла корпоративный капитал, а другой рассматривает банковский капитал в качестве господствующей формы капитала в мире. О'Коннор разделяет позицию Барана и Суизи, подчеркивающих ведущую роль корпоративного капитала, но считает, что необходимо выработать его системную теорию.

Organski, A.F.K. 1965. *The Stages of Political Development*. New York: Alfred A. Knopf. Применение теории экономических стадий Ростоу (Rostow, 1960) к изучению политики.

Pachter, Henry. 1970. «The Problem of Imperialism». *Dissent* 17 (September-October), 461—488. Автор считает, что Ленин вводит в заблуждение целое поколение антиимпериалистов, утверждая, что в основе всегда лежат экономические факторы. В книге представлены немарксистские характеристики различных типов империализма.

Packenham, Robert A. 1962. *The Dependency Movement*. Cambridge: Harvard University Press. Резкая критика теории зависимости, которая рассматривается как инспирированная марксистами и противоречащая основному направлению социальной науки.

Palloix, Christian. 1977. «The Self-Expansion of Capital on a World Scale». *Review of Radical Political Economy* 9 (Summer), 1—28.

Translation of chapter 2 and appendix 1 from his book *L'Internalisation du capital*. Paris: François Maspero, 1975. Изначальная попытка выработать теорию интернационализации капитала.

Palma, Gabriel. 1978. «Dependency: A Formal Theory of Underdevelopment or a Methodology for the Analysis of Concrete Situations of Underdevelopment». *World Development* 6, pp. 881—894. Тщательный анализ истоков теории отсталости в развитии, в частности идей Ленина и их влияния на современную теорию.

Park, Han S. 1984. *Human Needs and Political Development: A Dissent to Utopian Solutions*. Cambridge, Massachusetts: Schenkman. Разработка теории развития, которая, согласно концепции автора, соответствует человеческим запросам.

Pasquino, Gianfranco. 1970. «The Politics of Modernization: An Appraisal of David Apter's Contributions». *Comparative Political Studies* 3 (October), 297—322. Содержит также ответ Эптера (с. 323—332). Критический обзор трудов Эптера начиная с его африканских полевых исследований и кончая попыткой выработать теорию модернизации.

Perroux, François. 1968. «Multinational Investment and the Analysis of Development and Integration Poles». In *Inter-American Development Bank, Multinational Investment, Public and Private, in the Economic Development and Integration of Latin America*, 95—125. Синтез трудов Перру о полюсах развития и интеграции, с выдвиганием теории и методов применения.

Pieterse, Jan Nederveen. 1991. «Dilemmas of Development Discourse: The Crisis of Developmentalism and the Comparative Method». *Development and Change* 22 (January), 5—29. Автор утверждает, что нацеленность на развитие — это теория линейного движения, принимавшего разные формы (эволюционизм, модернизация, развитие) на различных исторических этапах западной гегемонии, и считает такую нацеленность универсалистской, неисторической, телеологической и этноцентрической.

Post, Ken. 1989. *Socialism and Underdevelopment*. London: Routledge. Рассмотрение теории отсталости в развитии на примерах социалистических обществ.

Pye, Lucian W. 1958. «The Non-Western Political Process». *Journal of Politics* 20 (August), 468—486. Обзор семнадцати доминирующих черт незападного политического процесса, фактически отражающих западное понимание политики.

_____. 1966. *Aspects of Political Development*. Boston: Little, Brown and Co. Анализ теорий развития, окрашенный предубеждением автора к западной демократии.

_____. 1990. «Political Science and the Crisis of Authoritarianism». *American Political Science Review* 84 (March), 3—19. Подтверждается, что ранние концепции авторитаризма и модернизации вполне справедливы, о чем свидетельствуют недавние политические события в мире.

Quijano, Anibal. 1974. «Imperialism and International Relations in Latin America». In Julio Cotler and Richard R. Fagen (eds.), *Latin America and the United States*, 67—91. Оценка империализма и его воздействия.

Raskin, Jonah. 1971. *The Mythology of Imperialism*. New York: Random House. Критические эссе о радикальных идеях в трудах знаменитых новеллистов — Киплинга, Конрада, Форстера, Лоренса и Кэри.

Ray, David, 1973. «The Dependency Model of Latin American Underdevelopment: Three Basic Fallacies». *Journal of Interamerican Studies and World Affairs* 15 (February), 4—20. Автор пытается продемонстрировать слабости в теории зависимости. Он считает, что необходимо изучать как социалистическую, так и капиталистическую зависимость.

Riggs, Fred W. 1981. «The Rise and Fall of 'Political Development'». In *The Handbook of Political Behavior*, 289—348. New York: Plenum Press. Автор методично анализирует многие значения «политического развития» и популярность теории зависимости и приходит к выводу, что в реальности политическое развитие вносит существенный вклад в наше знание о политике; он также утверждает, что потеря интереса к этой теории не должна сопровождаться потерей интереса к вопросам, поднятым в посвященной ей литературе; на методологическом уровне автор подчеркивает необходимость выработки соответствующей терминологии и концептуализации.

Rodney, Walter. 1972. *How Europe Underdeveloped Africa*. London and Dar es Salaam: Bogle-l'Ouverture and Tanzania Publishing House. Книга, опубликованная в Соединенных Штатах издательством «Ховард юниверсити пресс» (Howard University Press), продолжает исследования Франка (Frank, 1967b) по Латинской Америке.

Rostow, Walt W. 1960. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press. Попытка выдвинуть пять этапов капиталистического развития.

Rustow, Dankwart A. 1969. «The Organization Triumphs over Its Function: Huntington on Modernization». *Journal of International Affairs* 23 (1), 119—132. Сдержанно критический обзор книги Хантингтона (Huntington, 1968). Особенно важен для идентификации противоречий в аргументации Хантингтона.

Sachs, Ignacy. 1972. «The Logic of Development». *International Social Science Journal* 24 (1), 37—43. Критика упрощенческих и механистических теорий развития.

Schmitter, Phillippe C. 1972. «Paths to Political Development in Latin America». In Douglas A. Chalmers (ed.), *Changing Latin America: New Interpretations of Its Politics and Society*, 83—105. New York: Proceedings of the Academy of Political Science, Columbia University. Оценка парадигмальных сдвигов в литературе о развитии и анализ значения для Латинской Америки различных моделей развития.

Schumpeter, Joseph. 1955. *Imperialism: Social Classes*. Cleveland and New York: Meridian Books and World Publishing Company. Утверждается, что империализм не имеет решающего значения в эпоху развитого капитализма.

Sen, Gita, and Caren Grown. 1987. *Development, Crises, and Alternative Visions: Third World Women's Perspectives*. New York: Monthly Review Press. Авторы анализируют сдвиг в подходе к развитию начиная с 1970-х гг., особенно растущее понимание значимости женщин в новом международном разделении труда и необходимость переоценки их роли в развитии. Данная книга является результатом деятельности целой плеяды активистов, исследователей и политиков, формирующих запросы и приоритеты женщин в «третьем мире».

Simon, L.H., and David F. Ruccio. 1986. «A Methodological Analysis of Dependency Theory: Explanation in André Gunder Frank». *World Development* 14 (February), 195—209. Критический обзор теории зависимости Франка.

Skocpol, Theda. 1973. «A Critical Review of Barrington Moore's Social Origins of Dictatorship and Democracy». *Politics and Society* 4 (Fall), 1—34. Высокая оценка работы Мура как единственного важного марксистского труда по вопросам политологии и модернизации.

Smith, Tony. 1981. *The Pattern of Imperialism: The United States, Great Britain, and the Latin-Industrializing World Since 1815*. New York: Cambridge University Press. Автор считает, что необходимо «взорвать миф зависимости в условиях империализма одновременно с мифом логичности перемен на периферии... Действительно, можно принять интерпретации зависимости в истории, где они кажутся уместными. Однако этого недостаточно для адвокатов зависимости; подобно сторонникам всякой целостной идеологии, они крайне подозрительно относятся к эклектизму. Чтобы единство движения было невосполнимо подорвано интеллектуально, не обязательно утверждать, что зависимость всегда и во всем ошибочна, достаточно сказать, что она представляет собой лишь часть истины» (557).

_____. 1985. «Requiem or New Agenda for Third World Studies?» *World Politics* 37 (July), 532—561. В статье утверждается, что изучение «третьего мира» находится в состоянии кризиса, обозначенного в теории зависимости. В первых трех разделах статьи анализируется характер нынешнего кризиса; в четвертом предлагаются будущие направления для исследований в этой области. Автор считает, что книга Гершенкрона «Экономическая отсталость в исторической перспективе» (*Economic Backwardness in Historical Perspective*, 1962) «дает классическую трактовку процесса развития, к тому же свободную от формалистического пристрастия» (539).

So, Alvin Y. 1990. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, California: Sage Publications. Обзор и синтез трех основных направлений в теории развития, включая переоценку идей модернизации.

Stern, Steve J. 1988. «Feudalism, Capitalism, and the World-System in the Perspective of Latin America and the Caribbean». *American Historical Review* 93 (October), 829—897. Исчерпывающий обзор трудов по развитию и отсталости в развитии, основанных на интерпретации ситуации в Латинской Америке.

Sunkel, Osvaldo. 1972. «Big Business and 'Dependencia'». *Foreign Affairs* 50 (April), 517—531. Общее изложение теории зависимости.

Szentes, Tamás. 1976. *The Political Economy of Underdevelopment*. 3d ed. Budapest: Akadémiai Kiadó. Критический обзор литературы и теорий отсталости в развитии. Утверждается, что марксизм всегда дает историческое объяснение причин отсталости и пытается на основе сочетания метода с терминологией создать эффективную марксистско-ленинскую концепцию отсталости в развитии.

Szymanski, Albert. 1976. «Dependence, Exploitation, and Economic Growth». *Journal of Political and Military Sociology* 4 (Spring), 53—65. Используя эмпирические факты, автор подвергает анализу марксистские аргументы и аргументы теоретиков зависимости о развитии и отсталости в развитии. В своих изысканиях автор склоняется к точке зрения Барана и Франка, но вместе с тем поддерживает традиционное суждение о том, что чем более зависима страна, тем быстрее ее экономический рост.

Taylor, John G. 1979. *From Modernization to Modes of Production: A Critique of the Sociologies of Development and Underdevelopment*. New York: Macmillan. Критика теории развития и отсталости в развитии и аргумент в пользу теории способов производства.

Thomas, Clive Y. 1974. *Dependence and Transformation: The Economics of the Transition to Socialism*. New York: Monthly Review

Press. Теоретическая оценка зависимости и отсталости в развитии с акцентом на проблеме перехода от капитализма к социализму в странах, где началась политическая революция.

Tipps, Dean C. 1973. «Modernization Theory and the Comparative Study of Societies: A Critical Perspective». *Comparative Studies in Society and History* 15 (March), 199—226. Подробный критический обзор ортодоксальной теории модернизации.

Tyler, William G., and J. Peter Wogart. 1973. «Economic Dependence and Marginalization: Some Empirical Evidence». *Journal of Interamerican Studies and World Affairs* 15 (February), 36—45. Автор анализирует предложенные Сункелом предпосылки развития и приходит к выводу, что нет достаточных оснований, чтобы отвергнуть тезис зависимости.

Wallerstein, Immanuel. 1974. *The Modern World System*. Vol. 1. New York: Academic Press. Vol. 2, 1980. Историческая реинтерпретация — на основе теории мировой системы — зарождения и эволюции капитализма в Европе начиная с XV в.

Warren, Bill. 1980. *Imperialism: Pioneer of Capitalism*. Edited by John Sender. London: NLB. Ортодоксальный взгляд на необходимость распространения империализма на отсталые регионы ради обеспечения роста их производительных сил.

Weiner, Myron, and Samuel P. Huntington (eds.). 1987. *Understanding Political Development*. Boston: Little, Brown. Сборник эссе, в которых дается переоценка старых и новых проблем. Одно из них, написанное Хантингтоном, в какой-то степени самокритично при оценке прежних идей политического развития и выдвигает некоторые новые идеи. В сборник также вошло эссе Алмонда, в котором автор подвергает уничтожающей критике теорию зависимости и проявляющееся в последнее время внимание к государству.

ТЕОРИИ КЛАССА: ОТ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ДО ПРАВЯЩЕГО КЛАССА И НАРОДНЫХ МАСС

Термин «класс» постоянно присутствует в международной политологии, без него не обходятся основная и альтернативная политология, а также политэкономика, хотя в североамериканской политологии он менее употребителен. Значение этого термина зависит от его применения. Политические теоретики со времен Аристотеля и Платона делили общество на правящих и управляемых. Социальные классы могут отличаться друг от друга владением собственностью, осуществлением власти и влиятельностью, проще говоря — присвоением прибавочного продукта. Стоящих на вершине общественной пирамиды обычно называют в литературе плюралистической элитой, властной элитой, властной структурой, циркулирующей элитой, правителями, правящим классом, в то время как низы — это всегда городские и сельские рабочие, пролетариат, крестьяне и т.п. В развитых капиталистических обществах, где миграционные потоки идут из сельской местности в города, рабочий класс с XIX в. проявлял тенденцию к росту, а крестьянство — к сокращению. В менее развитых обществах подобные демографические изменения происходили в течение второй половины XX столетия. С накоплением и воспроизводством капитала капитализм расширяет свое влияние как внутри отдельных стран, так и в сложных международных структурах. Все это влияло на представления о классе — от взглядов на производственные отношения до оценки отношений обращения и рынка. Острые дискуссии стали вызывать, например, такие вопросы: не сдерживается ли классовый анализ структурными ограничениями, подпадает ли под классовые категории растущий «средний» слой и как это соотносится с производительным и непроизводительным трудом, а также со стратегией по мобилизации различных слоев на классовую борьбу за реформы и революционные изменения.

Разные представления на этот счет восходят к идеям прошлого, в частности к концепциям Маркса и Вебера.

Маркс использовал категорию класса для описания и анализа производственных отношений, ассоциируемых с различными историческими эпохами и способами производства. В основном он интересовался тремя крупными классами: землевладельцами, капиталистами-промышленниками и рабочими. По одну сторону находилась буржуазия — современные капиталисты и владельцы средств производства, по другую — современные наемные рабочие, продающие свой труд для обеспечения своего существования и не имеющие средств производства. Маркс изучил конфликт между этими противостоящими силами. В то же время он признавал существование более мелких классов, например бюрократов и профессионалов, и оперировал такими классовыми категориями, как финансовая аристократия, промышленная буржуазия, крестьянство, люмпен-пролетариат, промышленный пролетариат и т.д. Главным в его анализе был акцент не только на правящих классах, но и на конфликте между правящими классами и находящимися под их управлением массами, а также на борьбе как следствии господства одного класса в материальной (над производством) и интеллектуальной (над идеями) сферах и эксплуатации угнетенного класса.

Вебер считал, что статусные группы, как и классы, участвуют в контроле над обществом. Статусные группы существуют внутри экономических классов, стратифицированных и иерархически расположенных в соответствии с требованиями рынка и отражающих разнообразие интересов и предпочтений. С изменениями на рынке статусные группы перестраиваются внутри класса таким образом, что нижестоящая группа может стать вышестоящей, а другие группы — опуститься в системе ниже. Статусные группы и индивиды внутри их мобильны и находятся в состоянии непрерывного изменения; личный талант и инициатива могут изменить положение индивида и группы в обществе. Таким образом, Вебер рассматривал класс как идеальный тип, а не как результат взаимодействия производительных сил и производственных отношений. В противоположность Марксу, акцентировавшему внимание на двух-трех крупных классах, Вебер предвосхищал неограниченность числа вариантов классовых и групповых ситуаций. Вебер утверждал также, что национализм и этноцентризм приведут к классовому расслоению. Маркс же считал, что классовое сознание превратит пролетариат в революционную силу.

В современной литературе предпочтение отдается то одному, то другому подходу. Для понимания разницы между ними приведем два

примера. Джин Коэн выступала за «постмарксистскую критическую теорию стратификации» взамен марксистской теории, проявляющей тенденцию низводить «рабочее движение до логики и противоречий способа производства — капиталистической экономики». А та, в свою очередь, «ответственна за трансформацию первоначально критического анализа конкретных современных принципов стратификации в догматическую классовую теорию» (Cohen, 1982:2—3). Эрик Олин Райт, напротив, выступал с защитой марксистской традиции и подтвердил свою приверженность к классовому анализу, заявив, что в политическом смысле марксистский подход позволяет создать «самую всеобъемлющую и убедительную теоретическую основу для понимания возможностей освободительных социальных перемен и стоящих на этом пути препятствий». Теоретически такой подход облегчает анализ «как эпохальных социальных перемен, так и системно структурированных социальных конфликтов», а методологически — способствует развитию и реконструкции «специфических концепций в рамках ясно очерченного набора принуждений» (Wright, 1991:31).

Различия подходов проявляются при оценке недавних и более отдаленных исторических событий. Еще до падения бюрократического государственного социализма в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе возникли сомнения в правильности анализа, основанного на жестком двухклассовом подходе. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс предсказали неизбежность классовой борьбы буржуазии и пролетариата, когда капитализм достигнет полного развития. Последователи Маркса полагали, что классовая борьба приведет к социализму, а в конечном итоге и к коммунизму. Большевистские лидеры русской революции установили государственную собственность на средства производства и ввели экономическое планирование, но не осуществили демократию для рабочих. Им неоднократно приходилось противостоять внешним давлениям, и сталинизм увенчался образованием новой правящей клики государственных бюрократов в виде коммунистической партии. Проведенные М.С. Горбачевым в 1980-е гг. реформы подорвали привилегии этого класса, а затем и покончили с ними. По мнению Пола Суизи, с учетом существования в стране сравнительно высоко развитого класса наемных работников, составлявшего, видимо, 3/4 всего самодеятельного населения, нужны были лишь «общие принципы — сохранение общественного контроля над командными высотами экономики; всеохватывающее, но децентрализованное и гибкое планирование; творческое использование контролируемых рынков и... истинная, а не просто формальная демократия». Суизи

выступал за анализ на марксистской основе: «С марксистской точки зрения, следует определить классовую структуру, подчиненные и господствующие классы, способы получения прибавочного продукта» (Sweezy, 1991:8—9). Он считал рабочий класс Советского Союза наиболее четко сформировавшимся классом, в то время как самые яркие примеры монополистического класса, класса «для себя», надо искать в Соединенных Штатах Америки, Германии и Японии: «Необходим классовый анализ для понимания нашего капиталистического класса, самого мощного класса, какой только видел мир, но не имеющего ни идей, ни способов понимания самого себя» (16).

Понимание класса может быть достигнуто на различных направлениях мысли. Анализ можно сосредоточить на идеях последователей Маркса и Вебера и их интерпретации классовых концепций. В центре внимания могли оказаться эвристические схемы с их производственно-детерминистскими, функциональными и процессуально-ориентированными формулировками для преодоления сложностей противопоставления позиций. Однако данная глава построена на ином подходе и рассматривает следующие основные идейные направления (их происхождение, эпистемологические нагрузки и важные положения классовой теории):

- плюрализм
- инструментализм
- структурализм
- критическая теория
- этатизм и классовая борьба

Необходимо уяснить, что интерес к классам и классовой борьбе неизбежно переплетается со стремлением понять природу государства. (Различные подходы к изучению государства приводятся в конце Главы 5.) Хотя Маркс полностью так и не разработал теорию государства и класса, его труды непосредственно затрагивали эти важные темы. Его ранние мысли изложены в работе «К критике гегелевской философии права», а более четкие формулировки, отражающие теоретическую основу его позиции, содержатся в совместной с Энгельсом работе «Немецкая идеология». Разумеется, «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» являются классическими трудами о государстве и классах, свидетельствующими об умелом сочетании теории с анализом исторических событий. В этих и более поздних трудах, включая «Капитал», упоминания о государстве становятся фоном для дискуссии о

классе. Концепция государства позволяла Марксу акцентировать внимание на политике буржуазии, или капиталистов, а концепция класса была основополагающей в его политэкономии. Обычно класс определяется как группа людей с общими характерными признаками, хотя в марксистском контексте он составляет часть общества. Маркс противопоставлял класс производителей, или рабочий класс, классу, владеющему средствами производства, или правящему классу. Когда рабочий класс производит больше, чем это для него необходимо, правящий присваивает прибавочный продукт. Маркс считал, что отношения между этими двумя классами будут неизбежно характеризоваться конфликтами и борьбой. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» и Ленин в работе «Государство и революция» обобщили и популяризировали марксистскую теорию государства и класса.

Недостаток внимания к государству и классу объясняется, видимо, нехваткой серьезной марксистской литературы по этим вопросам со времен Ленина. «Критика капиталистической демократии: введение в теорию государства Маркса, Энгельса и Ленина» (1957) Стэнли Мура предлагает синтез прежних теоретических разработок и прокладывает пути для их переоценки. Книга Хэла Дрейпера «Теория революции Карла Маркса» (1977) является блестящим изложением учения Маркса о государстве и классе. В работе Перри Андерсона «Происхождение абсолютистского государства» (1974) анализируется возникновение абсолютизма и централизованных монархий в Западной Европе на протяжении XVI в.; эти режимы представляли собой форму государственной власти в условиях классовой борьбы между старой феодальной аристократией и нарождающейся городской буржуазией. В «Позднем капитализме» (1975) Эрнест Мандель рассмотрел роль общества начиная от времен первоначального накопления капитала и кончая современностью. Э. Томпсон в своем важном труде «Становление английского рабочего класса» (1968) утверждал, что историю можно спасти «снизу», опираясь на классовое сознание, творчество и инициативу народных масс. Это значит, что Томпсон, рассматривая субъективные аспекты категории класса, обратился против структурных его интерпретаций, а также теоретических и практических деформаций, которыми изобилует история. Он доказывал, что класс должен рассматриваться как отношение и процесс, которые следует изучать на протяжении длительного времени.

Хотя американская политология и не проявляла особого интереса к проблемам класса, Ален Вулф (Wolfe, 1974) в обзоре новых направлений политической науки и сравнительной политологии ак-

центрировал внимание на марксистской политической теории, синтезировав критические и научные взгляды и подтвердив важную роль государства и класса. Жан-Клод Жирарден (Girardin, 1974) дал оценку гуманистическим и структурным представлениям, а Ральф Милибанд (Miliband, 1969) исходил из того, что в основе марксистской политологии лежат категории государства, класса и классового конфликта. Эл Шиманский четко выделил эти темы в своем труде «Капиталистическое государство и классовая политика» (Szymanski, 1978). Пытаясь снова ввести класс в социологический анализ, чтобы заполучить «центральные элементы марксистского классового анализа и показать, как и почему он является более эффективным, чем другие подходы, для понимания класса в сравнительной и исторической перспективе», Макнэлл, Ронда Левин и Фантасиа (McNall, Levine, and Fantasia, 1991:1) также подчеркивали, что различия между веберовскими и марксовскими представлениями стираются при акценте на проблемах пролетаризации, роли культуры в сохранении классовых границ и независимой позиции бюрократии в формировании средних классов.

Как полагает Висенте Наварро, в Америке понятие класса размыто, а большинству населения внушается, что оно находится где-то между богатыми и бедными. Подобная политика проводится уже долгое время, поскольку американская правительственная информация составляется не по классовому, а по национальному, половому или религиозному признаку. «Отсутствие классового анализа и классового обсуждения — это победа класса капиталистов, в интересах которого воспроизводится миф об "обществе среднего класса"» (Navarro, 1991:5). Внимание, уделяемое среднему классу, уводит также от понимания того, что, несмотря на стабильность мировой капиталистической системы, ряды бедных, по данным ООН, пополняются: в странах «третьего мира» в нищете живет 1,1 млрд. человек, более половины из которых относятся к категории «крайней степени бедности»; в промышленно развитом мире насчитывается более 200 млн. бедного населения, а бедняки от общей численности населения составляют от 51% в Южной Азии, 47% в странах, расположенных к югу от Сахары, 31% на Ближнем Востоке до 19% в Латинской Америке (Los Angeles Times, November 21, 1991).

Каждое из главных теоретических направлений базируется на определенной интеллектуальной традиции. Плюрализм, например, является характерным американским явлением; инструментализм восходит к изучению структур власти на местном уровне в Соединенных Штатах, но распространен также и в Великобритании; структура-

лизм исходит из влиятельных социологических кругов Франции; критицизм обязан своим происхождением ряду немецких мыслителей; а школа этатизма и классовой борьбы представляет собой попытку синтезировать другие направления и выйти за их пределы.

Плюрализм

Политологи, как правило, говорят о плюралистическом характере англо-американской политической жизни. Плюрализм означает, что демократия основана на различии интересов и рассредоточении власти. Истоки плюрализма можно обнаружить в либеральных экономических и политических теориях. С одной стороны, Джон Локк и Иеремия Бентам подчеркивали значение права частной собственности и личной инициативы. С другой, Джеймс Мэдисон предвидел существование соперничающих интересов в борьбе за власть. Эти мыслители заложили основу теории групп интересов, которая была подкреплена вкладом Артура Бентли и Дэвида Трумэна в современную политологию Соединенных Штатов. Среди плюралистов обозначилось несколько позиций. Одна из них, часто связываемая с элитарной теорией демократии, противопоставляет управляющих управляемым, подчеркивая, однако, изменения в составе элит с течением времени; Вильфредо Парето называл это циркуляцией элит; в том же духе разработана и теория правящих классов Гаэтано Моски. Другая позиция рассматривает плюрализм как основную практику западного плутократического общества; она представлена трудами Роберта Даля и других видных американских политологов и социологов. Наконец, плюрализм иногда связывают с некоторыми направлениями социалистической мысли, и к такой позиции можно отнести теории конфликта и консенсуса, а также тенденции увязать плюрализм с марксистским представлением и идеалом бесклассового общества.

Плюрализм и элитарная теория демократии

Основная посылка классической элитарной теории демократии состоит в том, что в любом обществе важнейшие решения принимает меньшинство. Восходит эта теория к Платону, но разработали ее два итальянских политолога и социолога Вильфредо Парето и Гаэтано Моска.

Парето (Pareto, 1966) подчеркивал различия между элитами и не-элитами и преуменьшал значение, придававшееся Марксом экономическим факторам, а Моской — организаторским способностям.

Парето выдвинул идею циркуляции элит, которая, как представляется, имеет два основных значения. С одной стороны, одна элита может быть заменена другой, например, когда аристократия угасает или деградирует. С другой, индивиды циркулируют между двумя уровнями: высшим — элитой и низшим — неэлитой. Парето разделял высший уровень на правящий класс, или правящую элиту (те, кто прямо или опосредованно участвуют в управлении), и неправящую элиту (оставшуюся часть элиты, не участвующую в управлении). Парето не делал прямо вывода о том, что правящая элита является особым социоэкономическим классом, как это было в марксистском контексте. В одном из своих трудов он утверждал, что в государстве массовой демократии правящий класс представляет собой негласный союз предпринимателей и их работников, направленный против групп с фиксированным доходом; цель правящего класса, или правящей элиты, — удовлетворять все группы клиентуры.

Парето не связывал свое понятие элиты с социоэкономическими классами. Видимо, это отражает его отношение к идеям Маркса, которых он «лишил природного естества», но которым не противоречил; возражая Марксу, он вышел за пределы марксистских категорий, так что правление элиты заменяет правление класса, и т.п. Далее, концепция правящего класса, или элиты, у Парето всеобъемлюща и используется для отображения типологии режимов, которые еще почти не описаны. Нет даже критериев для объяснения различий между режимами. Исторические примеры восхождения и падения элит Парето брал исключительно из итальянской жизни, и он не стал синтезировать большое число примеров, чтобы продемонстрировать регулярность участия индивидов и групп в циркуляции элит. Предположения выдвигаются, но не подтверждаются, а обобщения, как кажется, легко сводятся на нет историческими примерами.

Концепции Моски были несколько отличными. Термин «элита» не подчеркивается в его трудах. Моска предпочитал вместо него такие, как «политический класс», «класс управляющих», «правлящий класс». Однако его концепция правления напоминала концепцию Парето. «Во всех обществах начиная с самых слаборазвитых и едва достигших истоков цивилизации и кончая наиболее развитыми и мощными появляются два класса людей: класс управляющих и класс управляемых» (Mosca, 1939:50).

Моска выдвинул ряд предположений, относящихся к этой концепции правления. Во-первых, класс управляющих относительно малочислен, он монополизирует власть и получает материальную выгоду от своего положения, в то время как класс управляемых бо-

лее многочисленный и находится в подчинении. Во-вторых, в случае если — или когда — массами овладевает недовольство, они могут влиять на политику класса управляющих. В-третьих, человек, стоящий во главе государства, не в состоянии управлять без поддержки масс, способных свергнуть класс управляющих. В случае свержения класса управляющих функции этого класса должно взять на себя другое организованное меньшинство, вышедшее из масс.

Моска, по существу, признавал циркуляцию классов и элит. Старый класс может быть заменен новым. Новые группы могут получить доступ в класс управляющих, чьи ряды открыты. Как полагал Парето, положение в классе управляющих не обязательно определяется интеллектом и моральными качествами индивидов. Важнее появление новых интересов и групп, например при открытии нового источника богатства в обществе, что может привести к перемещениям в самом классе управляющих. Боттомор (Bottomore, 1964:56—57) отмечал, что такое толкование приближается к марксистскому, однако Моска пытался противопоставить свою теорию марксистской путем ограничения экономической интерпретации истории; в этом отношении он приблизился к веберовской позиции. Хотя Моска был противником марксизма и социализма, он выступал также против демократической теории, предусматривающей правление народа. Он был согласен с произведенным Монтескье пересмотром аристотелевской типологии форм правления (монархии, аристократии и демократии были заменены абсолютными монархиями, ограниченными монархиями и республиками). Он утверждал, что демократия Аристотеля — это, по существу, аристократия с большим числом сторонников. Принципиальная позиция Моски состояла в том, что, хотя во всех обществах управляет класс меньшинства, возрастающая мобильность через различные социальные страты делает ряды класса управляющих открытыми. Таким образом, циркуляция происходит путем ассимиляции, кооптирования и других умеренных изменений; если ставить препятствия на ее пути, то циркуляция может произойти вследствие восстания, революции и иных насильственных методов.

После ознакомления с этими концепциями циркуляции элит возникает вопрос: в чем заключается их критика? Идеалистически настроенные плюралисты могут полагать, что элитарная теория демократии недооценивает силу опирающейся на выборы политической системы и гражданского участия. В то же время доктрина элитизма способствует тенденции сосредоточения власти в руках централизованной бюрократии, оправдывая экономическую мощь привилегированных классов. Такая критика привела Дала и других плю-

ралистов к принятию концепции власти без какого-либо упоминания о правящей элите и классе управляющих.

Плюрализм и полиархия

Роберт Даль (Dahl, 1971) занимался изучением полиархий, в которых препятствия на пути политической оппозиции несущественны. Политологи считают, что полиархии характеризуются субсистемной автономией и организационным плюрализмом. В книге «Предисловие к демократической теории» (1956) Даль признавался, что находится в интеллектуальном долгу перед Джеймсом Мэдисоном и многим ему обязан. Основываясь на трудах Мэдисона, Даль экстраполировал суть своей теоретической аргументации по проблемам плюрализма. Это прослеживается в книге Даля «Плюралистическая демократия в Соединенных Штатах» (1967). Даль и другие плюралисты описывали Соединенные Штаты как демократическую страну с широкой расщепленностью власти и авторитета между правительственными должностными лицами, отдельными индивидами и группами. Власть там по своей структуре разделена на отдельные части, а не организована по строго иерархическому принципу. Характерными чертами такого демократического строя являются возможности для свободного выражения мысли, достижения консенсуса, инакомыслия, а также участия в политической жизни; мирное урегулирование конфликтов, ограничение насилия; широко распространенное доверие и лояльность к конституционной и демократической форме правления.

Три главные концепции этой теории — группа интересов, власть, конфликт — четко проявляются в трудах таких признанных плюралистов, как Сеймур Мартин Липсет, Арнольд Роуз и Дэвид Трумэн. Концепция группы интересов, которая особенно часто присутствует в работах Бентли и Трумэна, является основополагающей. При ссылаках на личность предпочтение должно отдаваться отношениям в группе, общим позициям и интересам, хотя такой акцент исчезает, когда плюралисты проводят различия между лидерами и последователями. Например, Даль в своем написанном в Нью-Хейвене труде «Кто управляет?» (Dahl, 1961) выявил лидеров, подлидеров и последователей, а Арнольд Роуз (Rose, 1967) писал об элитах, общественности, группах и массах. Концепция власти также является основополагающей, но она неадекватно определена в плюралистической литературе. Власть рассматривается применительно к интересам и группам интересов. Нельсон Полсби определил власть как «способность одного действующего лица сделать что-то такое по отноше-

нию к другому действующему лицу, что изменяет возможную модель тех или иных событий в будущем» (Polsby, 1963:3). Плюралисты, однако, склонны сужать и смягчать даваемое ими определение власти, что вынудило одного критика заметить: «Один из тезисов нынешней критики плюралистов заключается в том, что они не имеют цельной теории и постоянно переносят суть методологических проблем от одной части своей теории к другой» (Cunningham, 1975—76:401). Проблемы власти и плюрализма рассматриваются с радикальных левых позиций Мишелем Паренти (Parenti, 1970: особенно 501—507). И, наконец, концепция конфликта используется плюралистами в том смысле, что все общества, как считается, сдерживают конфликтующие группы. По мнению Липсета, конфликт неизбежен и желателен, однако его теория, как полагает Каннингэм, остается туманной: «В итоге дается лишь частичное объяснение или объяснения, основанные на предполагаемой, но не сформулированной теории» (Cunningham, 1975—76:405).

Критикуя этих три концепции, Каннингэм выделил в плюрализме три тенденции. Одна из них заключается в частичном подходе и поисках связи между типами конфликта и объяснениями взглядов. Другая состоит в использовании теории игр, в которой упрощенные модели включают лишь конкретный конфликт. Третья тенденция, преобладающая в плюралистической литературе, — это движение в направлении теории функционального равновесия: вызов политической системе со стороны класса или группы ведет к поискам нового равновесия, в то время как политическая система функционирует для поддержания мира между находящимися в конфликте интересами.

Все эти тенденции подчеркиваются в плюралистических исследованиях власти в Соединенных Штатах, где, как считают, существует большое разнообразие одинаково влиятельных групп. Однако критики отмечают, что даже в ориентированном на группы обществе, таком, как, например, общество Соединенных Штатов, лишь половина населения участвует в добровольных объединениях и такие объединения лишь в малой степени влияют на политическую жизнь. Кроме того, плюралисты убеждены, будто государственная политика точно отражает требования различных групп интересов, на что критики им замечают, что в условиях капитализма и классового общества можно проводить лишь определенную политику. Например, политика снижения инфляции или безработицы может оказаться приемлемой, а другие меры будут сочтены социально и экономически вредными. Таким образом, политика отражает скорее экономические и политические условия, чем осознанное принятие решений (Szymanski, 1978:5).

Плюрализм и социализм

Даль утверждал, что плюрализм «более не ограничен западными буржуазными идеями» (Dahl, 1978:192), и проводил различие между плюрализмом организационным и конфликтным. Под организационным плюрализмом понимается увеличение автономии относительно роста количества организаций. Конфликтный плюрализм относится к «количеству и модели сравнительно устойчивых расхождений, которые следует принимать во внимание для характеристики конфликтов среди определенного собрания индивидов» (192). Даль полагал, что организационный плюрализм не обязательно должен быть, как это часто считают, продуктом капитализма. Он придерживался мнения, что социалистические экономики могут быть в высшей степени децентрализованными и плюралистическими и что децентрализованный социалистический строй может создать столько же, если не больше, организационного плюрализма, сколько несоциалистический строй. Заняв такую позицию, он преуменьшал значение класса в конфликтном плюрализме. «Ортодоксальные классовые интерпретации имели тенденцию в огромной степени недооценивать тот факт, что идеологическое многообразие элит ведет не к солидарности, а к расслоению... "класс" в его различных проявлениях всего лишь элемент — хотя почти всегда существенный — в расслоенной структуре расхождений и конфликтов, которая обязательно является плюралистической» (193). Даль пришел к выводу, что переход от капитализма к социализму не обязательно приводит к ослаблению страны с организационным плюрализмом. Организационный плюрализм не зависит от того, является ли страна капиталистической или социалистической по признаку частной или общественной собственности на средства производства. Он зависит от степени децентрализации принятия решений и самоуправления предприятий. В качестве примеров такой тенденции Даль приводил Югославию после 1950 г., Чехословакию в начале 1968 г., Чили в период Альенде и Португалию после 1974 г.

В этой позиции проявляется несколько взаимосвязанных проблем. Одна из них касается пригодности для плюрализма теорий конфликта и консенсуса. Открыт также вопрос о том, в состоянии ли плюрализм ассимилировать марксистские представления. Наконец, плюралистическая позиция иногда подразумевает идеал бесклассового общества.

Теории конфликта и консенсуса предполагают, что все общества находятся в состоянии непрерывных изменений и слияний, в кото-

рых взаимодействуют сферы конфликта и консенсуса. Конфликт — это разногласия по поводу основных ценностей общества, а консенсус — согласие относительно его основных ценностей. От степени конфликта и консенсуса может зависеть стабильность или нестабильность общества. Плюралисты обычно считают, что в Соединенных Штатах консенсус значительно перевешивает конфликт относительно основных ценностей (см., например: McClosky, 1964). Во многих других обществах могут происходить серьезные, исторически обусловленные конфликты, например социально-экономические, классовые, религиозные и этнические, географические, расовые и идеологические, — и Бейли (Bailey, 1968) предложил интересный и полезный синтез конфликтных теорий.

С учетом склонности большинства американских социологов поддерживать плюралистический консенсус, дискуссии о конфликте у них редко — если вообще происходят на серьезном уровне — касаются класса. Акцент на решительности и торге отводит анализ от присущих классовому обществу противоречий и ставит под подозрение все попытки связать плюрализм с марксизмом. Ральф Дарендорф в книге «Класс и классовый конфликт в промышленном обществе» (Dahrendorf, 1959) попытался проанализировать теорию классового общества Маркса, затем рассмотрел теории классов и классовых конфликтов и в заключение подверг Маркса критике. Синтез марксистской классовой теории, осуществленный Дарендорфом, остается бесценным, и все же его анализ подтверждает, сколь трудно включить марксистские взгляды в теорию плюрализма. Этот тезис подчеркивается в его обзоре классов «посткапиталистического общества», представляющем картину идеальных типов для удобства отделения тоталитарных обществ от свободных. Согласно Дарендорфу, в противоречие монистической структуре конфликта и монополии власти, существующей в тоталитарных, особенно коммунистических, обществах, политический конфликт в свободном обществе сведен до минимума.

Шкалы стратификации в основном автономны; обладание властью не обязательно свидетельствует о богатстве, престиже и безопасности. На вершине каждой шкалы существуют соперничающие элиты. Конфликты в различных организациях между собой не связаны... Не связаны между собой также классовые конфликты и другие столкновения групп... Плюрализм институтов, конфликтных моделей, группировок и интересов ведет к яркому, красочному и творческому конфликту, дающему возможность достижения успеха любому заявившему о себе интересу (Dahrendorf, 1959:317).

Марксизм акцентирует внимание на классовом обществе, в котором одни люди имеют в частном владении средства производства и присваивают прибавочный продукт других, что неизбежно приводит к основополагающему разделению труда между собственниками и рабочими. Интересы и классификация людей определяются их отношением к процессу производства. Теория классовой борьбы диалектична. Классовые элементы борются друг с другом, и, с марксистской точки зрения, пролетариат может оказаться сильнее капиталистов, так как он играет ключевую роль в процессе производства, создавая прибавочный продукт; в то же время сильнее могут оказаться и капиталисты, поскольку они владеют средствами производства и контролируют государственный аппарат принуждения. В противоположность этому плюралисты считают лишь, что капиталисты как группа интересов могут обладать определенной властью по отношению к пролетариату как другой группе интересов; такое мнение не содержит анализа и не дает объяснения. Итак, плюрализм рассматривает власть как принадлежность групп в обществе, в то время как марксизм изучает общество в целом, где власть связана с развитием способа производства, идеологией, классом и классовой борьбой.

Маркс верил, что борьба пролетариата против буржуазии в конечном счете приведет к замене старого буржуазного общества новым обществом, которое исключит существование классов и борьбу между ними. Такое предположение позволяет некоторым специалистам сделать вывод, что социалистические общества являются бесклассовыми. Подобная позиция поддерживается и защищается как марксистами, так и плюралистами (Parkin, 1971:137—159). Например, в случае с бывшим Советским Союзом российские марксисты и их сторонники догматически утверждали, что, поскольку частная собственность отменена, классов быть не может. Имущественные и социальные различия между группами могут сохраняться, но антагонистические отношения, основанные на производстве, уже не проявляются. Так, между промышленными рабочими и интеллигенцией могут существовать различия, но они не несут в себе классового антагонизма; к тому же эти различия будут сглаживаться по мере продвижения общества к полному коммунизму. Эта идея бесклассовости общества, разумеется, рьяно оспаривалась маоистами и теми, кто считал, что в Советском Союзе присутствует много черт капиталистического государства, хотя собственность на основные средства производства не находится там в частных руках. В книге «Новый класс» (1957) Милван Джилас утверждал, что в его родной Югославии и других социалистических странах к власти пришел класс бюрократов.

Выступая с особым диссидентским мнением, восходящим к бакунинской концепции «нового класса» бюрократов и специалистов, который в качестве меньшинства в социалистических государствах будет осуществлять власть в своих интересах, Янина Френтцель-Загурска и Кжыштоф Загурски (Frentzel-Zagórska and Zaagórski, 1989) проанализировали конфликт между интеллигенцией и партийно-государственным аппаратом в странах Восточной Европы в свете трудов Гидденса, Гулднера и Паркина и отвергли теорию о приходе к власти в социалистических обществах «нового интеллектуального класса». Они пришли к выводу, что в Восточной Европе не существует третьего пути между этатизмом советского типа и рыночным капитализмом.

Западные авторы, например Раймон Арон и Уильям Корнхаузер, отмечали, что пропасть между членами партии и народом перекрывала все другие различия; принудительные действия партии и секретной полиции были настолько широко распространены, что фактически нивелировали различия в социальном происхождении, доходах, характере работы и другие особенности классовой природы. К тому же в социалистических обществах не существовало резко выраженных различий в ценностной ориентации и взглядах, что принималось за доказательство утверждения о бесклассовости. Однако различие эти авторы усматривали между монополистическим и тоталитарным распределением власти в Советском Союзе и плюралистическим ее распределением в большинстве западных обществ. Алекс Инкельс и другие критики Советского Союза оспаривали их мнение о бесклассовости, полагая, что современный индустриализм неизбежно влечет за собой классовые различия, будь то при капитализме или при социализме.

Плюрализм и новые общественные движения

Некоторые теоретики, озабоченные увлеченностью коллег классовым анализом, обращаются к альтернативным представлениям, подчеркивая роль общественных движений. Их идеи проявляются в политических дискуссиях на темы социальной демократии и демократического социализма в странах, где социалистические партии пришли к власти (в первую очередь это относится к Франции, Италии, Испании, Португалии, а также Греции с середины 1970-х гг.). Дискуссионными были вопросы относительно перехода к социализму; необходимости левоцентристских политических блоков для обеспечения политического большинства в обстановке раскола и многопартийности; проведения социальных реформ для удовлетворения

требований народных классов (рабочих и крестьян); терпеливого содействия развитию производительных сил на современном капиталистическом этапе. В ходе дискуссий определились две основные позиции — одни авторы брали на вооружение марксистскую классовую теорию, а другие ее отвергали в пользу теории новых общественных движений или концепции бюрократизированной технотруктуры, где властью не обладает никто.

Ряд европейских марксистов и бывших марксистов подвергает сомнению верховенство организованных рабочих, поскольку рабочий класс капиталистических стран не оправдал их революционных ожиданий. Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф выработали новую политику для левых, основанную на планах радикальной демократии, и утверждали, что «более невозможно сохранять ни концепцию субъективности и классов, разработанную марксизмом, ни его видение исторического пути капиталистического развития» (Laclau and Mouffe, 1985:4). Они выступали за постмарксистскую модель борьбы, включающую в себя множество интересов, исходящих от различных страт, групп и общественных движений, и выражали веру в то, что социалистическое движение может возникнуть из пользующихся широкой поддержкой идеологических элементов и развиваться независимо от класса. Их рассуждения обходятся без революционной риторики, как и без таких терминов, как «классовая борьба», «рабочий класс» и «диктатура пролетариата»; даже сам марксизм в них отбрасывается.

В радикально-демократическом синтезе Самюэля Боулса и Герберта Гинтиса (Bowles and Gintis, 1986) делаются попытки связать демократию как с частной собственностью, так и с патриархальной семьей и высказывается предположение о том, что в собственных действиях люди руководствуются не только удовлетворением своих потребностей как индивидов, но и совместной работой с другими людьми. По их мнению, капитализм и демократия несовместимы, государство всеобщего благоденствия не предоставляет гражданам власти для принятия демократических решений в экономической сфере; демократическая теория находится в развале; ни либерализм, ни марксизм не отдают приоритета демократии; либерализм, хотя и создает свободы, но «защищает цитадели господства», а марксизм затушевывает «внеклассовые и внеэкономические формы господства» (1986:17—18). Кроме того, следует расширять права личности с помощью подтверждения традиционных политических норм представительной демократии и личных свобод, обеспечивая одновременно установление инновационных, подотчетных демократии экономических свобод в обществе и

трудовой деятельности (197). Итак, подобный синтез отвергает многие категории марксизма, в первую очередь классовое сознание. Выдвинутый Боулсом и Гинтисом аргумент о том, что марксизм низводит организации до классовых терминов, по сути, подтверждает идею конфликтного плюрализма, игнорируя в то же время классовые интересы, преуменьшая роль государства и сводя на нет внутренние противоречия капитализма, воздействующие на производственные отношения и зачастую приводящие к классовой борьбе.

В теории утопического социализма таких авторов, как Рудольф Баро (Barro, 1984) и Андре Горз (Gorz, 1980), антикапитализм сочетается с доводами в пользу более эгалитарного и демократического мира. Такая позиция предполагает выход за рамки национального индустриального общества и приближение к более широко ориентированному обществу. Выработка новой политики базируется на альтернативных децентрализованных, с широким распространением кооперации и социальных услуг экономиках, программах гарантированных доходов, разоружении и других идеях — например, относительно особенностей политики в эпоху национальной и международной реорганизации капитализма, внедрения новых технологий и изменений в трудовых процессах, эрозии планирования, а также роста отчуждения и инакомыслия. Анализируя эти факторы, утописты концентрируют внимание на государственных институтах, считая их политическими и административными аппаратами, чуждыми гражданскому обществу. Однако такие теории игнорируют некоторые вопросы политики переходного периода и альтернативные формы представительства и участия: «Если политику и практику, разрабатываемую феминистками, экологами и другими движениями, невозможно вновь свести к классовой политике, то постиндустриальные теоретики демонстрируют свою явную неспособность объяснить, как организации рабочего класса вписываются в их переходные сценарии... [Они] либо откровенно враждебны рабочим организациям, либо считают их несущественными для формирования будущего» (Frankel, 1987:241—242).

Все эти концепции восприняты новыми социальными движениями, связанными с проблемами феминизма, расы и экологии. Мало кто из авторов прибегает в своих рассуждениях к классовому анализу. Вопрос в том, позволит ли в условиях капитализма демократия рабочим и другим стратам организовываться и преследовать свои собственные классовые цели. Одна из проблем представительной и политической партийной организации заключается, по мнению Джона Ситтона, в том, что она «дезорганизует рабочий класс как таковой, препятствуя тем самым развитию его политической деятель-

ности» (Sitton, 1990:3). Менее зажиточные общности зачастую мобилируются ради решения своих конкретных проблем, образуют сеть организаций для оказания давления с целью получения государственных ресурсов, продвижения своих представителей на влиятельные посты и защиты интересов общности. Политические кампании, обычно организованные за пределами общности, вмешиваются в эту деятельность массовых низовых организаций.

Ослабление потенциальных конфликтов или требований, идущих снизу, иллюстрируется двумя примерами. Так, Клаус Оффе изучал поздние капиталистические общества с двух позиций: одна основана на теории конфликта, которая противопоставляет правителя управляемым, а господствующие классы, группы и т.п. — подавляемым; а другая — на интеграционной теории, которая считает политическую власть интегрированной в легитимную систему политических институтов, нейтрализующих властные преимущества тех или иных групп и классов. Поэтому Оффе полагал, что следует отказаться как от ортодоксальных марксистских, так и от традиционных веберовских представлений. Он также подчеркивал необходимость институционализированных моделей приоритетов и менеджмента по предотвращению кризисов (Offe, 1972b:97—102). Что касается промышленно развитых стран, то Мастерс и Робертсон (Masters and Robertson, 1988) интегрировали классовый конфликт в более широкую концепцию демократической стабильности. Считается обычно, что классовые конфликты ослабляются с наступлением демократической стабильности: «Когда сужается материальная база классового обмена, государство вмешивается экономическими средствами, расширяя ресурсы, способствующие классовому согласию. Таким образом, создается трехсторонняя коалиция, когда государство своей экономической политикой облегчает достижение классового компромисса между трудом и капиталом» (1988:1183). Авторы пришли к выводу, что в основе классового компромисса и конфликта лежит экономика; политика оказывает воздействие постольку, поскольку партии соглашаются на участие государства; институционализация классовых отношений ведет не только к государственному вмешательству, но и к ослаблению классового конфликта.

Аналитический марксизм и рациональный выбор

В последние годы среди интеллектуалов возникло новое направление, подобное постмарксизму и ориентированное на преодоление жестких марксистских формулировок. Приверженцы этого направ-

ления называют себя «аналитическими марксистами», «марксистами рационального выбора» и «субъективными марксистами». Среди них Г. Коэн, Джон Элстер, Адам Пржеворский, Джон Ремер и Эрик Олин Райт. Эти ученые считают себя марксистами, выступают за рациональный выбор, придерживаются позитивистских подходов в социологии и опираются в своих действиях на микроосновы (Roemer, 1989) или индивидуальные решения.

Элстер (Elster, 1985), например, считал, что поведение классов можно свести к действиям индивидов, и попытался продемонстрировать, что сам Маркс был создателем теории рационального выбора. В противоположность Элстеру Пржеворский и Райт делали акцент на структурно детерминированных позициях, влияющих на принятие индивидуальных решений. Коэн построил свою теорию истории (Cohen, 1978) на производственных силах, тем самым сделав ее функциональной по сути. Ремер с позиции рационального актора, показал, что капиталистическая эксплуатация происходит в результате покупки или продажи индивидами своей рабочей силы, а эксплуататорские отношения — следствие неравномерного распределения отношений собственности. Ремер (Roemer, 1988) считал, что капиталистические несправедливости рождаются не на производстве, а в отношениях собственности, определяющих классовую принадлежность, доходы и благосостояние. В недавнем исследовании класса Райт (Wright, 1985), отказавшись от своего прежнего внимания к структуре класса и противоречивой его характеристике (Wright, 1978), обратился к более субъективной сфере классового анализа, что методически переориентировало ход его мысли от классов и трудового процесса к политическим группировкам и оказываемому ими влиянию.

Критики полагали, что такой метод рационального выбора означает неприятие традиционных или структурных марксистских концепций эксплуатации и класса и ориентирован на сферу субъективного социального анализа. Изучение класса переключается от дифференциации групп людей в ходе трудового процесса к процессу превращения этих групп в коллективы. Бьюрейвой (Burgoyne, 1989) высказал предположение, что метод рационального выбора очищает марксизм от догматических элементов, предлагая взамен ясное и точное мышление аналитической философии и логико-дедуктивные модели неоклассической политэкономии. Он отметил интерес к методологическому индивидуализму и микроосновам, осуществляемым с помощью присущих теории рационального выбора моделей общего равновесия, к теории игр и формальному моделированию неоклассической политэкономии. Однако Бьюрейвой сделал вывод,

что претензии на микроосновы несостоятельны, поскольку значение производственных отношений затмевается вниманием к политической жизни. Эллен Мейксинс Вуд выступила с исчерпывающей и всесторонней критикой аналитического марксизма, который, по ее мнению, сливается с постмарксизмом — и оба эти подхода, «зародившиеся в попытке "уточнить" марксистскую теорию... для многих закончились общим опровержением марксизма в теории и на практике» (Wood, 1989:87).

Инструментализм

Инструментализм исходит из того, что государство контролируется капиталистическим классом и служит его интересам. Инструменталисты считают, что элитарный класс, или класс меньшинства, правит в большинстве обществ, и эта позиция близка взглядам Парето и Моски. Подобное утверждение также присутствует в целом ряде работ, посвященных властным структурам Соединенных Штатов. Оно является центральной посылкой трудов Ч. Райта Миллса и Уильяма Домхофа, разрабатывавших теорию структур власти. Инструменталистская теория в основном обходит марксистские концепции, однако работы Ральфа Милибенда написаны с откровенно марксистских позиций. Согласно Милибенду, капиталистический правящий класс использует государственную власть в качестве инструмента своего господства в обществе. Его взгляды восходят к «Манифесту Коммунистической партии», в котором Маркс и Энгельс отмечали, что «современная государственная власть — это только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии».

Наследие структуры власти в обществе

При изучении любого общества традиционно рассматривают вопрос, кто осуществляет правление, и при этом прибегают к теории социальной стратификации. Нельсон Полсби (Polsby, 1963:8—11) ссылаясь на некоторые важные выводы, сделанные на основании стратификационного изучения власти в Соединенных Штатах с помощью лестницы страт. На верхней ее ступени обычно находится высший класс. Класс определяется такими показателями, как доход, занятия, жилищные условия и модель потребления. Вследствие своего экономического положения высший класс обладает большей властью, чем политические и гражданские лидеры. Иногда высшим классом считается властвующая элита, стоящая на вершине пирамиды власти.

Высший класс осуществляет правление в своих собственных интересах, и господствующее положение отделяет его от нижестоящих классов общества; такое отделение приводит к социальному конфликту.

Среди исследований власти на местном уровне, основанных на теории стратификации, классическим остается проведенное в Мидлтауне, или Манси (Индиана), Робертом и Элен Линд сначала в середине 1920-х гг. и десять лет спустя, и выявившей «деловой класс», который поочередно контролировался какой-либо одной семьей, доминирующей во всех сферах деятельности общины. Уильям Ллойд Уорнер и его помощники опубликовали в 1940—50-х гг. пять исследований Янки-Сити, или Ньюберипорта (Массачусетс), в которых обращалось особое внимание на иерархическую позицию и социальный статус. Эти исследования подтверждают господство высших классов, хотя порой конфликт между высшими и низшими классами очевиден. Уорнер также изучал в конце 1930-х — начале 1940-х гг. небольшой городок Моррис на севере Иллинойса. Он назвал его Элмтаун. Холлинсхед подтвердил, что высший класс контролирует жизнь общины. Дигби Болтзелл определил, что филладельфийские бизнесмены образуют правящий класс из семей с высоким статусом и давно нажитым богатством. Он выявил их с помощью справочников «Кто есть кто в Америке» и «Соулс реджистер». В начале 1950-х гг. Флloyd Хантер для определения лиц, принимающих решения в Риджинал-Сити, или Атланте (Джорджия), использовал данные, полученные у групп специалистов, знакомых с социальной жизнью города. Такой подход, основанный на изучении репутации, позволил описать структуру власти в городе.

В этих исследованиях очевидна тенденция рассматривать власть, находящуюся в руках класса управляющих, или элиты, и они определили ориентацию большинства социальных исследований, проводимых в Соединенных Штатах. Разумеется, существование единого центра власти, или тесной коалиции групп, осуществляющих власть в американских городах, ставится под сомнение многими плюралистами. Так, Арнольд Роуз (Rose, 1967:483—492) утверждал, что властная структура присутствует на всех уровнях американской жизни — национальном, штата и местном. Хотя основная власть во всех властных структурах находится в руках небольшого числа людей, она зависит от уровня их взаимодействия, позволяющего влиять на общественное мнение. Роуз считал, что властная структура в Соединенных Штатах исключительно сложна и диверсифицирована, а отнюдь не едина или монолитна. В своих исследованиях структуры власти в Нью-Хейвене Роберт Даль, Нельсон Полсби и Реймонд Вулфингер

выступили с альтернативным взглядом, отметив множество центров влияния и пределы власти лидеров. Даль укрепил консенсус вокруг плюралистической теории, обрушившись на модель правящей элиты (Dahl, 1958:463—469). Его акцент на плюралистической модели принятия решений оспорили Питер Бахрах и Мортон Баратц (Bachrach and Baratz, 1962), утверждавшие, что в этом процессе задействованы «два лица власти». Одно проявляется открыто, другое опосредованно — через возможность влиятельных лиц и групп не допускать возникновения проблем, угрожающих их интересам. Используя методологию структуры власти, Уильям Домхофф (Domhoff, 1978) повторил исследование, которое Даль провел в Нью-Хейвене (Dahl, 1961), и пришел к выводу, что проявления плюрализма не противоречат концепции правящего класса, согласно которой он добивается проведения в жизнь своей политики.

Структура власти и инструментализм: Миллс и Домхофф

Внимание, уделяемое во многих исследованиях власти на местном уровне, стимулировало возникновение инструменталистской теории класса. Государство становится инструментом в руках класса управляющих и позволяет этому классу господствовать в его собственных интересах. Исследования структуры власти подтверждают, что такой класс существует прежде всего в капиталистическом обществе, и выявляют прямые личные связи между классом управляющих и государственным аппаратом. Иногда изучаются действия и природа класса управляющих, дается описание механизмов, связывающих этот класс с государством, а классовые интересы увязываются с государственной политикой. Ч. Райт Миллс и Флойд Хантер обратили особое внимание на некоторые из этих аспектов, а Уильям Домхофф развил их идеи. Труды этих ученых посвящены установлению социальных связей между индивидами, занимающими властные позиции.

В книге Миллса «Властвующая элита» (1956) дается общий анализ элит Соединенных Штатов. Хантер в своей работе «Высшее руководство США» (1959) распространил исследование в области структуры местной власти на всю территорию Соединенных Штатов и, увязав эмпирическое исследование с немногочисленными теоретическими выкладками, выдвинул тезис о господстве правящей элиты. Разделяющий такой подход Томас Дай в своем труде «Кто правит Америкой?» (1976) не решился подтвердить или опровергнуть теории о плюралистической и элитарной моделях власти в масштабе страны и фактиче-

ски полностью обошел теоретическую сторону вопроса. Миллс же представил более основательное исследование, подведя под него теоретическую базу. Милибенд суммировал основной тезис Миллса: «В Америке ряд лиц обладает огромной властью, которой лишены все остальные; эти лица все более превращаются в самоувечивающуюся элиту; их власть становится все более неподконтрольной и безответственной; принимаемые ими решения, основанные все чаще на "военной дефиниции реальности" и "безумном реализме", сориентированы на аморальные цели» (Милибенд в: Domhoff and Ballard, 1968:5). Миллс исследовал вертикальные и горизонтальные измерения структуры власти в Соединенных Штатах. Вертикаль власти состоит из элиты — на вершине, групп особых интересов — на среднем уровне и народных масс. Горизонталь власти составляют три группы на вершине — переплетающаяся между собой властвующая элита из представителей руководящих политических и бюрократических структур, высшие корпоративные руководители и высокопоставленные военные деятели. Эти группы связаны общими интересами — например, корпоративными интересами в области вооружений.

Критика выдвинутой Миллсом теории структуры власти ведется как с либеральных, так и с радикальных позиций. Даль (Dahl, 1958) обрушился на методы Миллса, предложив целый ряд проверок его тезиса. Плюралисты, например Роуз (Rose, 1967), также утверждали, что Миллс преувеличивает влияние корпоративной элиты. Свое критическое отношение выразили и радикальные критики теории властвующей элиты. Роберт Линд (см.: Domhoff and Ballard, 1968:103—115) отметил несколько открытых вопросов и неопределенность формулировки самого понятия «класс». Пол Суизи обратил особое внимание на то, что, хотя Миллс, как казалось, с презрением относился к военным, его теоретические подходы к военной элите оказались близки к теории, выдвинутой либералами времен «холодной войны»: «Полуэлитисты, подобные Миллсу, — то есть люди, полагающие, что они могут взять на вооружение терминологию, не разделяя основных положений теории элит, — сдают свои позиции в замешательстве, и единственным их выходом является заимствование самых банальных идей противников» (см.: Domhoff and Ballard, 1968:127). Суизи также осуждал Миллса за нечеткость анализа классов и отношений между ними.

Домхофф (1968:251—278) отошел от этих критических оценок и заявил, что позиция самого Миллса находится фактически между позициями его либеральных и радикальных критиков. Либералы призвали Миллса сосредоточиться на анализе решений, так как, по

их мнению, в этом случае прояснилось бы, что решения властвующей элиты основываются на участии различных групп интересов. Радикалы считали, что Миллсу следовало бы связать институты и лидеров с социально-экономическими классами, а он, по их мнению, не довел свой анализ до конца. Хотя либералы и радикалы отвергли теорию Миллса, Домхофф в своей книге «Кто управляет Америкой» (1967) пытался использовать некоторые из его посылок. Он эмпирическим путем привязал правящий класс к контролю над корпоративной экономикой, выразив тем самым мысль, что в американской жизни доминирует не «революция менеджеров», а сравнительно единая корпоративная элита. Он также продемонстрировал существование взаимодействия в национальной структуре власти с помощью ряда интервью, в ходе которых респонденты признали, что лично знают друг друга. Домхофф доказал единство различных институтов властвующей элиты. Лица, возглавляющие корпоративный мир, задействованы в фондах, политических партиях, гражданских объединениях. По его мнению, концепция властвующей элиты — соединительное звено между плюралистическими и радикальными позициями. Он рассматривал стоящую у власти элиту в рамках расширенной концепции класса управляющих.

В своих ранних исследованиях Домхофф придерживался концепции правящего класса. В более поздних работах он, как представляется, ставил знак равенства между классом управляющих и правящим классом и перешел, по его словам, на марксистские позиции. В другой монографии Домхоффа — «Высшие круги: правящий класс в Америке» (1970), — как и в книге «Кто управляет Америкой», заметен его первоначальный интерес к концепции правящего класса. Автор в ней исследует общественные институты высшего класса и с помощью сопутствующего, репутационного и позиционного методов анализа выявляет принадлежащих к этому классу. Сопутствующий анализ — это, в сущности, изучение связей людей, имена которых содержатся в различных биографических справочниках и в списке лиц, принадлежащих к высшим слоям общества. Репутационный анализ носит личный и субъективный характер и основан на опросе хорошо осведомленных респондентов о тех, кого они считают важными персонами. Позиционный анализ выявляет влиятельных людей на основе их положения в корпорациях, банках, фондах и т.п. Домхофф с помощью этих методов не только выявил состав высшего класса, но и представил его как единый правящий класс, или правящую элиту, т.е. «стоящий на вершине социальной пирамиды класс, который владеет непропорционально большой частью ежегодного национального дохода страны, по-

сылает непропорционально большое число своих членов в правительственные органы и вырабатывающие решения группы, а также доминирует в процессе формирования политики» (Domhoff, 1970:109). В противоположность этому более раннему пониманию правящего класса Домхофф позднее стал писать о классе управляющих, который, по его мнению, «в основном равнозначен» стоящей у власти элите (Domhoff, 1975:173). Он интересовался также вопросом сплоченности класса управляющих, изучал ситуации в малых группах, например среди лиц, отдыхающих летом на курортах, учащихся частных школ, одновременное членство во многих клубах или совмещение директорских постов во многих крупных благотворительных, учебных и культурных организациях. Домхофф акцентировал внимание на «сетях» клубов и политических групп, тесно переплетенных с правлениями корпораций.

В ответ на критику в том, что его работа носит инструменталистский характер и ограничена выявлением связей между занимающими высокое положение лицами, Домхофф (Domhoff, 1976:221—224) настаивал, чтобы его отношение к классу управляющих понимали в марксистском контексте: класс управляющих зиждется на корпоративной экономике страны и ее институтах и проявляет себя, выражаясь словами Миллса, через властвующую элиту, которую Домхофф, в свою очередь, называл «руководящей группой» высшего, или правящего, класса. Он возражал против того, чтобы его работу называли корпоративно-либерально-инструменталистской, говорил, что занимается анализом классово-борьбы, вполне совместимым с исследованием структуры, или «сетей», власти. Кроме того, Домхофф был не согласен с левыми критиками, считавшими, что его работа — «персоналистская» и «волютаристская». Утверждая, что не является инструменталистом, Домхофф вместе с тем признавал, что его подход позволяет читателям рассматривать класс в статике, одномерно, а не в динамическом и диалектическом взаимодействии нескольких классов.

Марксистский инструментализм: Милибэнд

Книга Ральфа Милибэнда «Государство в капиталистическом обществе» (Miliband, 1969) прочно связана с инструменталистским подходом. По своей методологии она противостоит плюралистической теории и является вкладом в марксистскую теорию государства и класса при капитализме. Государство рассматривается в ней под углом зрения инструментального использования власти людьми, занимающими важное положение в обществе. Цитируя знаменитый отрывок из «Мани-

феста Коммунистической партии», Милибэнд солидаризировался с Марксом и Энгельсом: «Они ни разу не отклонялись от мнения о том, что в капиталистическом обществе государство является прежде всего орудием принуждения в руках правящего класса, который сам определялся по признаку владения собственностью и контролем над средствами производства» (1969:5). Таким образом, правящий класс капиталистического общества держит в своих руках рычаги экономической власти и использует государство в качестве орудия господства над обществом. Милибэнд писал о двух классах при капитализме — классе, обладающем собственностью и осуществляющем контроль, и классе, занятом на производстве. Между этими «полярными» классами расположены два среза «среднего класса» — один, состоящий из лиц разных профессий, а другой — из бизнесменов и фермеров, работающих на небольших и средних предприятиях. Кроме того, множество профессионалов занимается государственным управлением.

Милибэнд не отвергал, как это приписывали ему критики, позицию марксистского инструментализма, но, видимо, возражал бы против такой характеристики его собственной позиции. Фактически из дискуссии Милибэнда с Никосом Пулантцасом, известным структуралистом, вытекает, что Милибэнд — инструменталист. До последнего времени инструменталистская интерпретация идеи комитета управляющих, выдвинутой Марксом и Энгельсом, доминировала в марксистском понимании отношения класса к государству. Однако Милибэнд напомнил, что Маркс и Энгельс называли государственную власть комитетом, управляющим делами всего класса буржуазии, а мысль о всей буржуазии подразумевает существование отдельных частей, а также определенной их автономии, чтобы государство могло действовать в интересах капиталистов, но совсем не обязательно по их команде (Miliband, 1973:85). Такая интерпретация отличается от основной инструменталистской посылки о том, что правящий класс манипулирует государством в своих собственных интересах.

Критика инструменталистской теории

Исследователи структуры власти и инструменталисты испытывали концептуальные трудности с расплывчатой терминологией, которую они неразборчиво используют. Термины «правящая элита», «циркулирующая элита», «властвующая элита», «высший класс», «правящий класс» и «класс управляющих» не всегда различимы при изучении общественной власти и структуры. К тому же используются они абстрактно, в отрыве от изучения других уровней социэкономичес-

кого класса. Такой одномерный акцент на классе приводит к статичным и иногда бессодержательным представлениям.

В основе марксистской теории лежит классовый динамизм. Маркс писал о классе в общепринятом и официальном смысле. С одной стороны, социальный класс имеет определенные характеристики, например по отношению к доходу, и потому Маркс часто писал о финансовом классе или классе промышленников; иногда он упоминал об идеологических классах, непродуктивных классах, необразованных классах и т.п. С другой стороны, Маркс показал, что исторически дифференциация классов происходит с развитием производительных сил и созданием прибавочного продукта, превосходящего потребности непосредственных производителей, или рабочих. Таким образом, появляются два основных класса — правящий класс и класс рабочих, и эти классы идентифицируются в категориях производственных отношений. Способ производства социально структурирован вокруг этих отношений. Однако следует уяснить, что нельзя определять способ производства, основываясь на структуре классов в том или ином обществе. Классы определяются в категориях способа производства общества. Значит, абстрактные соображения с набором критериев для определения того или иного класса в обществе могут вводить в заблуждение, равно как и проблематичность инструменталистской интерпретации. Маркс не дал официального определения класса, избегая дефиниций категорий и абстрактных идей.

Такой акцент на классе и производстве отличается от позиции Макса Вебера и целого ряда его последователей, которые связывали понятие класса с рынком и обращением. Рынок предопределяет наличие силы в процессе переговоров, «торга», позволяющего классам конкурировать на общей основе, что, разумеется, ведет к плюралистическим посылкам и является решающим аргументом против теории структуры власти и марксистской инструменталистской теории. Эта проблема обсуждалась Терборном (Thebom, 1976). Удивительно, что ученые некоторых социалистических стран пытались сочетать плюралистическую и марксистскую теории в том, что касается правящего класса. В итоге попытки совместить несовместимые противоположные парадигмы буржуазной и марксистской мысли лишились своей изначальной четкости.

Структурализм

Теории структурализма и структуры власти существенно отличаются друг от друга. Вместо того чтобы подвергаться при капитализме манипуляциям правящей буржуазии, государство может действовать в

направлении, определяемом развитием самого капитализма. Например, Никос Пулантцас считал, что непосредственное участие представителей класса управляющих не обязательно определяет действия государства. Фактически же, утверждал он, «капиталистическое государство лучше всего служит интересам капиталистического класса лишь тогда, когда члены этого класса не участвуют в деятельности государственного аппарата» (Poulantzas, 1969:74).

Происхождение структурализма восходит к Марксу и французскому антропологу Клоду Леви-Стросу. Внутри самой структуралистской школы существуют разные политические и экономические течения. Политические структуралисты, например Альтюссер и Пулантцас, акцентировали внимание на государственных механизмах репрессий и идеологии и на том, как они обеспечивают упорядоченность структуры капитализма. Такого рода политический структурализм противостоит экономико-структуралистскому подходу, примером которого можно найти в трудах Барана и Суизи, а также О'Коннора. Кроме того, существует предложенная Валлерстайном попытка осуществления классового анализа мировой экономики. Все эти аспекты структурализма рассматриваются ниже, с приведением критической их оценки специалистами.

Структурализм Маркса и Леви-Строса

В очерке о структуре и противоречиях капитализма, проанализированных Марксом, Морис Годелье подчеркивал близость структурализма и марксизма. Он считал, что Маркс рассматривал социальную жизнь с точки зрения структур, имея в виду инфраструктуру и надстройку. Маркс также разработал научное понимание капиталистической системы, обнаружив «внутренние структуры, скрытые их видимым функционированием» (Godelier, 1973:336). Годелье предположил наличие у Маркса и Леви-Строса общей основы.

- По мнению Маркса, а также Леви-Строса, «структуры» не следует путать с видимыми «социальными отношениями», но они представляют собой уровень реальности — невидимой, но присутствующей за видимыми социальными отношениями. Логика последних, так же как и более общие законы социальной практики, зависит от функционирования этих скрытых структур, и их обнаружение должно позволить нам «объяснить все увиденные факты» (336).

Годелье полагал, что Маркс заложил основы современного структу-

рализма; он тщательно противопоставлял эту традицию приверженности американцев и англичан к эмпирической социологии, при которой структура должна быть непосредственно видна.

Ранние произведения Клода Леви-Строса явно производят противоречивое впечатление. С одной стороны, внимание Леви-Строса к структурализму в период, когда функционализм в антропологии находился в состоянии упадка, «помогло поддержать рушившееся здание этой дисциплины». С другой — во Франции «структурализм был взят на вооружение интеллигенцией левого толка, стоявшей тогда перед выбором своего идеологического и политического направления» (Keleman, 1976:859). Взгляды Луи Альтюссера и Никоса Пулантцаса отражают эту последнюю тенденцию и будут рассмотрены ниже.

Труды Леви-Строса вносят значительный теоретический вклад в современную антропологию, и хотя они не марксистские, их причислили к марксистской модели. Джонатан Фридман (Friedman, 1974) проанализировал сходство идей Маркса и Леви-Строса и пришел к выводу, что, хотя позиции Леви-Строса, отраженные в его «Элементарных структурах родства» (1967), и Маркса — в «Капитале» — различны, оба мыслителя «пытаются объяснить реальность тем, что теперь считается основополагающими отношениями» (Friedman, 1974:453).

Политический структурализм: Грамши, Альтюссер и Пулантцас

Антонио Грамши основал Итальянскую коммунистическую партию в 1921 г., стал депутатом парламента в 1924-м и в 1928 г. был брошен фашистским правительством Муссолини в тюрьму, где в 1937 г. умер. В трудных условиях тюремного заключения Грамши написал ряд политических трудов. Они переведены на английский язык, это прежде всего «Избранные места из тюремных тетрадей» (1971) и «Избранные места из политических произведений 1910—1920 гг.» (1977). С большой симпатией к Грамши написал его подробную биографию под названием «Антонио Грамши: жизнь революционера» (1970) Джузеппе Фьори.

Заметки Грамши о государстве являются основой структуралистских идей и оказали большое влияние на Альтюссера и Пулантцаса. Грамши привел нас к марксистской теории политологии. Его тезис о гегемонии, или господстве той или иной социальной группы или стоящего у власти класса, дал повод некоторым критикам предположить, что он выступал за реформистский подход или, пренебрегая диалектикой, отделял политику от экономики. Грамши в своих ран-

них произведениях был склонен использовать аналитические категории, противопоставляя, например, государство гражданскому обществу, как это делали Гегель и Маркс. Однако концепция государства у Грамши была неоднозначной. При гегемонии правящего класса наступают кризисы в тех случаях, когда он терпит фиаско в каком-то политическом начинании, а массы проявляют недовольство и активно оказывают ему сопротивление. Подобный кризис гегемонии является кризисом власти, или кризисом государства. В этих условиях правящий класс может захватить контроль и удержать власть, сокрушив своих противников. Грамши рассматривал такую ситуацию под углом зрения опыта Италии и других европейских стран. Он, видимо, солидаризировался со структуралистской позицией, согласно которой деятельность государства определяется не стоящими у государственного руля людьми, а структурой общества.

Тот факт, что государство/правительство, рассматриваемое в качестве автономной силы, должно делить свой престиж с классом, на который оно опирается, имеет огромное практическое и теоретическое значение и заслуживает тщательного анализа, если есть желание получить более реалистическое представление о самом государстве... На мой взгляд, оно может быть инкорпорировано в функцию элит или авангардов, то есть партий по отношению к классу, который они представляют. Зачастую этот класс в качестве экономического фактора... может и не обладать никаким интеллектуальным или моральным престижем, то есть быть неспособным на гегемонию, а, следовательно, на основании государства (Gramsci, 1971:269).

В трудах французского структуралиста Луи Альтюссера встречаются отдельные ссылки на Грамши. Например, в книге «За Маркса» (1970) Альтюссер писал: «Записи в его "Тюремных тетрадах" затрагивают все основные проблемы итальянской и европейской истории: экономические, социальные, политические и культурные. Там имеются также некоторые совершенно оригинальные, в некоторых случаях имеющие характер обобщений суждения о существовании проблемы надстройки, являющейся в наши дни главной. Кроме того, как это всегда бывает с истинными открытиями, присутствуют и новые концепции, например о гегемонии, что представляет собой примечательный пример теоретического решения проблемы экономического и политического взаимного проникновения» (Althusser, 1970:114). Среди основных работ Альтюссера на английском языке, помимо «За Маркса», следует упомянуть «Читая "Капитал"» (1970) (написана

совместно с Этьенн Балибар), «Ленин и философия и другие очерки» (1971) и «Политика и история: Монтескьё, Руссо, Гегель и Маркс» (1972). Взгляды Альтюссера сформировались в условиях нападок на марксистских гуманистов и попыток отделить гуманистические идеи, содержащиеся в ранних работах Маркса, от структуралистских, излагающихся в его более поздних трудах. Марк Поустер называл структурализм Альтюссера «бегством от идеологии в науку» и «к теоретически более изошренному марксизму, который мог анализировать любые общественные срезы, не низводя их все к экономике» (Poster, 1974:397).

Идеи Альтюссера трудно постичь прежде всего из-за смены концепций. К тому же его работы написаны довольно сложно и их понимание отягощено профессиональным языком и философской терминологией. Очерк о государстве и идеологии (Althusser, 1971) освещает структуралистский подход к государству и классу и обнаруживает определенные расхождения с Марксом. Если Маркс считал идеологии иллюзиями, то Альтюссер рассматривал их как неотъемлемые элементы любого общества. Эти представления и разработка Альтюссером структурализма описываются в приведенном ниже резюме.

В очерке об идеологии и государстве Альтюссер разбирает представленную Марксом структуру любого общества: с одной стороны, это инфраструктура, или экономическая основа, т.е. производительные силы и производственные отношения, с другой — надстройка, состоящая из политико-правовых и идеологических аспектов. Альтюссер рассматривал такую схему как пространственную метафору, имея в виду ее описательность, и предложил иную концепцию. Следуя Марксу, он считал государство репрессивным аппаратом, позволяющим правящему классу господствовать над рабочим классом и эксплуатировать его. В этот аппарат входят бюрократия, полиция, суды, тюрьмы и армия, вмешивающаяся в момент кризиса. Таким образом, государство — это сила репрессии и вмешательства, которая защищает буржуазию и ее союзников в классовой борьбе против пролетариата. Действительно, вся политическая классовая борьба вращается вокруг государства. Цель классовой борьбы имеет непосредственное отношение к государственной власти, ибо пролетариат должен ее завоевать, разрушить буржуазный государственный аппарат, заменить его пролетарским государственным аппаратом и в конечном счете покончить с самим государством.

Итак, Альтюссер различал государственную власть и репрессивный государственный аппарат и выявил структурные элементы этого государственного аппарата. В связи с репрессивным характером госу-

дарственного аппарата он говорил о множественности идеологических государственных аппаратов, которые представляются наблюдателю в виде конкретных и специализированных институтов, включая церковь, школы, семью, политические партии, профсоюзы, коммуникации и культурные учреждения. Эти идеологические государственные аппараты действуют, как правило, в частной сфере в противоположность репрессивным государственным аппаратам, действующим в общественной сфере. Первые в своей деятельности опираются преимущественно на идеологию, последние — на насилие. Такое различие не отменяет фактического единства правящего класса, обладающего государственной властью и способного использовать как репрессивный, так и идеологический государственные аппараты. Эти условия обеспечивают репродукцию производственных отношений на протяжении разных исторических периодов.

Роль репрессивного аппарата государства — раз он репрессивный аппарат — состоит преимущественно в создании с помощью силы (физической или иного рода) политических условий для репродукции производственных отношений, которые в конечном счете являются отношениями эксплуатации... Однако аппарат государства также — и в первую очередь — обеспечивает с помощью репрессий... политические условия для деятельности Идеологического Государственного Аппарата (Althusser, 1971:142).

В более позднем, или развитом, капиталистическом обществе правящая буржуазия выдвинула на главенствующие позиции идеологический аппарат образования. Школы в таком капиталистическом обществе приняли на себя роль, какую в докапиталистическом обществе играет церковь. Альтюссер отметил парадокс этого тезиса в связи с общим мнением о том, что парламентская демократия с ее всеобщим избирательным правом и партийной борьбой является господствующим идеологическим аппаратом, силой современного капитализма. За этим демократическим фасадом маячит мощный и всеобъемлющий аппарат образования.

Особая сосредоточенность Альтюссера на структуре дала повод критикам считать его позитивистом. Он изолировал социальные явления, так что они стали выглядеть статичными, и критики утверждали, что он возвел научный метод в абсолют знания. Поустер поддержал в этом Альтюссера: «По-моему, — писал он, — Альтюссер избегает позитивизма, поскольку не ставит выбор исторической модели в зависимость ни от случайного набора неподвижных фактов,

ни от фетиша доступной методологии... В любом случае в своих исследованиях Альтюссер, видимо, избегает как механистического экономического детерминизма, так и морализма многих марксистских гуманистов» (Poster, 1974:406).

Жирарден, рассматривавший книгу Жана Поля Сартра «Критика диалектического разума» (1960) с точки зрения гуманистического понимания марксизма, полемизировал с Альтюссером по целому ряду вопросов. Прежде всего Альтюссер отделял свою концепцию государства от классовой борьбы. Его методология «не способна вновь оценить реальный мир классовой борьбы... в замороженном мире систематизированных Альтюссером надстроек нет места противоречиям и быть не может, поскольку образующиеся неопределенности в последний момент всегда дистанционно корректируются экономической структурой, доминирующей в конечном счете» (Girardin, 1974:198). Кроме того, «бюрократическая концепция социальных отношений Альтюссера... более веберовская, чем марксистская». Насилие прикрывается государственным аппаратом, регулирующим социальные отношения. Рабочий класс должен захватить в свои руки государство посредством законных избирательных средств, и эту позицию Жирарден назвал «реформизмом» и «буржуазным взглядом на политику рабочего класса» (196—197). «Радикальный антигуманизм Альтюссера, ставивший целью научную реконструкцию исторического материализма, поместил его в успокаивающий мир объективизма» (198).

В настоящее время работы Альтюссера отошли в какой-то мере на задний план в связи с закатом во Франции и Англии популярности левых интеллектуалов и сознательным желанием многих авторов избегать структурного анализа. Однако его идеи стимулировали возврат к Марксу и попытку оживить марксизм. Его научный вклад был в 1987 г. подробно проанализирован Грегори Эллиотом, который построил свою блестящую работу на критическом анализе сочинений Альтюссера и исследовании исторического контекста, а также политической и личностной борьбы, формировавшей его мышление, включая неоднозначную позицию, занятую им внутри Французской коммунистической партии, его критику сталинизма и близость к маоизму в период «культурной революции» в Китае. «Если концепции Альтюссера и являлись проблематичными, то критика его часто была злободневной и яркой. Она освободила марксизм от нескольких концептуальных ограничений, возродив исторический материализм в качестве программы для исследований» (Elliott, 1987:184). Эллиот также отозвался о понимании Альтюссером диалектического матери-

ализма как о «крайне утонченной антиэмпирической эпистемологии, постулировавшей резкий разрыв между наукой и идеологией... а также в самой истории науки... с помощью категории множественности причин одного и того же явления». Он отмечал и другие достижения: «реконцептуализацию структуры социальных формаций, учет присущей им сложности с помощью придания относительной автономии не поддающимся упрощениям политическим и идеологическим сферам, при этом весь процесс управляется посредством структурной причинной обусловленности, когда в конечном счете предсказуемость, но не господство, определяется в сфере экономики; антитеологическую теорию способов производства в виде четко выраженных сочетаний производственных отношений и производительных сил... и характерную концепцию идеологии» (324—325).

Тем не менее эти достижения следует уравнивать проблемами альтюссерианства, характерными чертами которого являются: несоответствие между его приверженностью к сохранению капитализма и постоянным утверждением о возможности подрыва капитализма посредством идеологической и политической классовой борьбы; неразрешенные противоречия между функционализмом государственных аппаратов и волюнтаризмом; преувеличение роли и формы идеологических государственных аппаратов, затушевывающих различия между государством и гражданским обществом; недостаточность его исторических экскурсов и предложений для реформирования бюрократического централизма; грубое осуждение традиций западных марксистов; огульная типология марксизма; неполная и даже ущербная реконструкция им исторического материализма (225, 223, 311, 337). Эллиот писал также, что Альтюссер «отступал от самых оригинальных... аспектов своих начальных задумок в отношении марксизма и не предложил альтернатив сопоставимой новизны и мощи» (313); прибег к «суровому теоретическому антигуманизму, сковывающему человеческий фактор в его выборе структурной необходимости в качестве приоритета» (325); и, кроме того, «подвергал сомнению наследие Маркса и Ленина и отбрасывал альтюссерианство, эффективно устраняя эпистемологический разрыв, оправдание которого ранее было целью альтюссерианских исследований» (327). Несмотря на эти оговорки, Эллиот пришел к выводу, что «история альтюссерианства... ныне лишенная не только своего первоначального боевого духа, но и многих притязаний и пороков, продолжается — к несомненной выгоде для марксистской и социалистической культуры» (341).

Наконец, говоря о «неослабевающей продуктивности и жизнеспособности» альтюссерианской программы исследований, Эллиот назвал

ряд известных работ, на авторов которых оказал влияние Альтюссер. Среди многочисленных примеров он выделил научные работы Ги Буа о нормандском феодализме и его анализ феодального способа производства; Роберта Линхарта о переоценке крестьянского вопроса и труда промышленных рабочих в большевистском государстве; Петера Шёттлера о применимости категорий идеологии и классовой борьбы к Франции времен Третьей республики; Перри Андерсона о сравнительном историческом изучении феодализма и формировании государства в Западной и Восточной Европе; Гэрата Стедмэна Джоунса о рабочем классе Англии; Пьера-Филиппа Рея о влиянии французского колониализма в Конго; Никоса Пулантцаса о капиталистическом государстве и Ёрана Терборна о структуре государства и идеологии и т.д. до пятнадцати имен с перечислением важнейших трудов (см.: Elliott, 1987:331—335).

Никос Пулантцас развил альтюссеррианскую модель государства и класса. В соответствии со взглядами французских структуралистов он полагал, что функции государства обычно определяются не влиятельными людьми, а общественными структурами. Он изучал классовую структуру общества, чтобы выявить противоречия в экономике и проанализировать, каким образом государство пытается ослабить или устранить эти противоречия. Теория капиталистического государства Пулантцаса была выдвинута в его книге «Политическая власть и социальные классы» (Paulantzas, 1973). Из-под его пера вышли также «Фашизм и диктатура» (1974) и «Классы в современном капитализме» (1975). Хотя произведения Пулантцаса были встречены с интересом — чтобы не сказать с одобрением, — ясно, что английские и американские критики признали его вклад в марксистскую теорию политологии в первую очередь в концептуализациях государства, класса и власти. Однако его работы страдают от обилия официальной терминологии, абстракций и неумения прояснить и истолковать многие термины. Его язык неясен, и зачастую ученый бывает излишне многословен (Barbalet, 1974). Некоторые существенные аспекты его идей суммированы ниже, при этом учтены упомянутые недостатки.

В книге «Политическая власть и социальные классы» Пулантцас выдвинул теорию, относящуюся к функциям капиталистического государства и его влиянию на классы капиталистов и рабочих. Государство различными способами стремится к воспроизводству капиталистического общества в целом. Государство, во-первых, обеспечивает единство и равновесие ради политических интересов господствующего класса; считает все социальные отношения конкурентными и тем самым создает впечатление, что рабочие и капиталисти-

ческие собственники свободны и равны, изолируя их как личностей и затушевывая их деление на классы. Во-вторых, государство пытается представить себя действующим от имени «единой» массы изолированных личностей, игнорируя возможность классовой борьбы. В-третьих, государство позволяет классам организовывать собственные партии, деятельность которых лишь в узкопартийных интересах приводит к внутренним противоречиям и расколам. Дробление приводит к борьбе внутри рабочего класса и разобщенности буржуазии, и она оказывается неспособной захватить доминирующие позиции в качестве единого класса. Таким образом, структура государства позволяет рабочему классу организовываться и предъявлять государству требования такими способами, которые могут противоречить экономическим (но не политическим) интересам господствующих классов. Все это доказывает, что государство является просто инструментом господствующих классов. На самом же деле оно, как раз наоборот, благодаря своей относительной автономии, способно обеспечить стабильность интересов господствующих капиталистических классов. Государственная структура стоит над особыми интересами отдельных капиталистов и группировок капиталистического класса.

В своей книге «Классы в современном капитализме» Пулантцас систематическим образом проанализировал классы капиталистического общества. Этот труд привлек внимание Эрика Олина Райта (Wright, 1976), выделившего три главные его посылки. Во-первых, определение классов дано в категориях классовой практики, отражающейся в антагонистических социальных отношениях, разделении труда и в классовой борьбе. Во-вторых, классы занимают в разделении труда положение, отражающее структурную определенность класса. В-третьих, классы структурированы на экономическом, политическом и идеологическом уровнях. Пулантцас утверждал, что возникла новая мелкая буржуазия беловоротничковых служащих, специалистов и гражданских служащих, в то время как значение традиционной мелкой буржуазии ремесленников и мелких лавочников снизилось. Он исследовал отношение этой новой мелкой буржуазии к рабочему классу, проводя различие между трудом производительным и непроизводительным. Он также интересовался вопросами экономической собственности и контроля буржуазии над средствами производства. Райт подверг резкой критике противопоставление производительного труда непроизводительному и, кроме того, заявил, что использование Пулантцасом политических и идеологических критериев подрывает примат экономических отношений при определении классовой позиции. Он также усомнился в выводе Пу-

лантцаса о том, что традиционная и новая мелкая буржуазия принадлежат к одному и тому же классу.

В адрес Пулантцаса высказано много и других критических замечаний. Признавая, что Альтюссер и Пулантцас стремятся спасти марксизм от эмпирических, идеалистических тенденций и историзма, Дейл Джонсон вместе с тем пришел к выводу, что структурализм «в значительной степени лишен исторического обоснования и диалектической концепции» (Johnson, 1978:41). Он проявил интерес к «концепции трехмерного определения социального класса, напоминающей веберовскую», в соответствии с которой новая мелкая буржуазия является своего рода новым средним классом. Наконец, он осудил структурализм за его статичный формализм и функционализм, когда «марксистская концепция воспроизводства преобразовывается в почти парсонсианскую заикленность на "поддержании системы"» (43). Гоулд, Лоу и Райт отметили неспособность Пулантцаса объяснить действие социальных механизмов, гарантирующих автономное функционирование государства для защиты интересов господствующего класса (Gold, Lo, and Wright, 1975:38). Эми Бриджес утверждала, что Пулантцас антиматериалистичен, антигуманистичен, антиисторичен и склонен к описаниям государства как дуальной структуры, являющейся одновременно и целостной, и изменяющейся (Bridges, 1974:178—181). Эрнесто Лакло (Laclau, 1975) осудил Пулантцаса за излишнее теоретизирование и формализм, заменяющие конкретный анализ. Признавая правомочность некоторых критических замечаний, Пулантцас (Paulantzas, 1976a) выступил с собственной критикой и самокритикой. По ходу дела он отверг обвинения Милибенда (Miliband, 1973) и заявил, что споры между ними были основаны на ошибочных и приводящих к заблуждению посылках.

Вся эта критика сбалансирована проведенным Бобом Джессопом (Jessop, 1985) детальным образом жизни и идей Пулантцаса. Автор его пришел к выводу, что Пулантцас применил классовый анализ (Poulantzas, 1976b) в своем сравнительном исследовании демократических путей, возможных в связи с кризисом и падением диктатур в Испании, Португалии и Греции. Вероятно, эти события заставили Пулантцаса отойти от ленинской концепции дуальной системы власти, при которой рабочие и народ осуществляют свою революционную власть вне государственных аппаратов и противостоят власти государственной. Революционные события в Португалии в 1974—75 гг. с особой силой продемонстрировали возможность совершения бескровной революции путем нарастающего проникновения в ключевые системы государственного аппарата. Джессоп (Jessop, 1985) от-

метил, что такие взгляды, отраженные в последней книге Пулантца-са «Государство, власть и социализм» (Poulatzas, 1978), могли подать идею некоторым левым интеллектуалам в начале 1980-х гг. не ограничиваться новыми структурированными социальными движениями, а развивать теорию в постмарксистском пространстве.

Структурализм и средние классы

Большинство последователей Маркса выделяли лишь два класса, сконцентрированных вокруг труда и капитала, и недовольство этим упрощенческим подходом заставило многих ученых отказаться от применения самого понятия «класс» при анализе общества. Однако Маркс писал и о промежуточных слоях, а в последнее время ученые расширили рамки старых и новых категорий классов (важный и полезный синтез различных взглядов см.: Burris, 1987).

Уаквант (Wacquant, 1991) выделил пять марксистских и три веберовских подхода к пониманию среднего класса. О попытке заняться вопросами, выходящими за рамки марксовской концепции оплачиваемых посредников, свидетельствует прежде всего мнение Гарри Брейвермана (Braverman, 1974) и других о том, что по мере усиления позиций монополистического капитализма средний класс постепенно скатится до положения рабочего класса. Иную позицию занимает Гульельмо Карчеди (Carchedi, 1975). Он развил взгляды Брейвермана, выделяющего «коллективного труженика», или комплексную координацию рабочих в условиях монополистического капитализма; «глобальный капитал», или комплексный бюрократический аппарат, контролирующий рабочих в целях обеспечения накопления; и средний класс, выполняющий функции и коллективного труженика и глобального капитала. Однако технологические перемены, ускоряющиеся из-за накопления, ведут к пролетаризации среднего класса. Третья концепция была разработана Никосом Пулантцасом (Poulantzas, 1977), утверждавшим, что адвокаты, учителя и т.д., технические специалисты и бюрократы являются «новым» отрядом мелкой буржуазии. Четвертой концепцией стала теория Эрика Олина Райта (Wright, 1978) о зонах противоречия, в которых новый средний класс борется за власть в классовом обществе путем сговора с капиталистами или союза с рабочими. Согласно пятому подходу, разработанному Барбарой и Джоном Эренрайх, технические и культурные производители образуют при монополистическом капитализме особый профессионально-управленческий класс, отличный от клерков и персонала торговли, а также от мелкой буржуазии.

«Функцию этого класса в разделении труда можно в широком смысле слова назвать воспроизводством капиталистической культуры и капиталистических классовых отношений» (Ehgenreich, 1977:12).

Три влиятельных подхода по своей сути близки веберовским попыткам сосредоточить внимание на среднем классе, под которым обычно понимают служащих, лиц разных профессий и другие категории, занимающие среднее место в статистических показателях статуса распределения доходов. Первый подход, сходный представленным Ч. Райтом Миллсом в его книге «Белый воротничок» (1956), принадлежит Дэвиду Локвуду (Lockwood, 1958), который подметил различия в сознании служащих и работников физического труда и высказал предположение, что они принадлежат к разным классам. Используя эмпирический метод и основываясь более на фактах, чем на теории класса, он определил различия в трех областях: род занятий и рыночная мобильность; место в системе разделения труда; статус, определяемый в категориях престижа. Вторая концепция принадлежит Ральфу Дарендорфу (Dahrendorf, 1959), считавшему классы не экономическими группами, а «группами социального конфликта», место которых определяется отношениями с властью. Таким образом, возникают лишь два класса; те, кто находится между ними, группируются либо с теми, кто осуществляет власть (бюрократы), либо с теми, кто подчинен этой власти (рабочие). Третья концепция, выдвинутая Энтони Гидденсом, базируется на емкости рынка и структуре трех классов: высшего, принадлежность к которому определяется собственностью на средства производства; рабочего класса, владеющего своей рабочей силой; и среднего класса, характеризующегося образованием, а также специальными знаниями и опытом (Giddens, 1973:107). Давая оценку всем этим подходам, Уаквант заметил, что при изучении среднего класса не следует ориентироваться на поиски совершенных теоретических схем. Необходимо вместо этого «заниматься историческими и сравнительными исследованиями, выясняя, могут или не могут лица, находящиеся в различных пунктах "средней" зоны социального спектра, быть собраны вместе... в коллектив, напоминающий один или несколько "средних классов"» (Wacquant, 1991:58).

Новый структурализм

Некоторые ученые предпочитают, чтобы им не приклеивали ярлык теоретических наследников структурализма. Тем не менее обсуждения и использование теоретических категорий структурализма (на-

зовем лишь общественную формацию, способы производства и структурную детерминантность) преобладают в современной марксистской литературе. Новый структурный марксизм представляет различные, часто противоречивые теории и стремится преодолеть ограничения жестких теоретических формулировок, редукционизма и непреклонной политики, но при этом он сохраняет свою чисто структурную основу (см.: Chilcote and Chilcote, 1992). В своей книге «Знание и класс» (1987) Стивен Резник и Ричард Вулф проиллюстрировали эти аспекты. В 1982 г. в своем обзоре Марксовой теории классов они акцентировали внимание на классовом характере извлечения прибавочного продукта способами от примитивного коммунистического, античного, феодального и рабовладельческого до капиталистического — и провели различие между основными классами (производителей прибавочного продукта и тех, кому он достается) и промежуточными классами (людей, не производящих и не присваивающих прибавочный продукт, но принимающих участие в его распределении и выполняющих в обществе определенные социальные функции). Авторы обзора упомянули примеры промежуточных классов в трудах Маркса — торговцев, ростовщиков, управляющих акционерными компаниями — и проанализировали объяснение Маркса, каким образом эти классы не производят ни ценностей, ни прибавочной стоимости; такой анализ позволил им уяснить разницу между производительным и непроизводительным трудом. На основании концепций Альтюссера и Маркса Резник и Ричард Вулф выработали термин «структурная детерминантность», полагая, что «любой процесс не может существовать, не являясь средоточием сходящихся воедино влияний, оказываемых всеми остальными социальными процессами. О любом процессе можно сказать, что все остальные процессы, объединившиеся, чтобы структурно его детерминировать, есть "предпосылки его существования"... Классовый процесс — это условие существования всех без исключения других социальных процессов» (Resnick and Wolff, 1982:2). Понятие структурной детерминантности привело Резника и Вулфа к концепции классовой борьбы как, по их мнению, основы марксистской теории. Они полагают, что начало марксистской теории — в классовом процессе и противоречиях, приводящих к борьбе в общественной формации:

Мы считаем, что все без исключения классовые и неклассовые процессы общественной формации находятся в состоянии противоречивых изменений... Основные и промежуточные классовые процессы в лю-

бой общественной формации определяют различные классовые позиции, занимаемые индивидами. Эти классовые процессы и позиции существуют, как предполагается, в виде средоточия всех остальных социальных процессов. Структурно детерминированная таким образом позиция каждого класса находится в состоянии напряжения, движения и изменений... Мы используем понятие борьбы или конфликта для характеристики конкретного момента или стечения обстоятельств, когда структурно детерминированные противоречия, заложенные в социальных процессах, сливаются и создают мотивацию совместных напряженных усилий по изменению происходящего процесса (14—15).

Экономический структурализм: Суизи, Баран и О'Коннор

В своей работе «Теория капиталистического развития» (1942) Пол Суизи провел различие между теориями классового посредничества и классового господства. Либеральные теоретики выдвигают концепцию государства как посредника между классами, которая предполагает существование определенной классовой структуры и отводит государству роль посредника между противоречивыми интересами различных классов. Марксистские теоретики используют концепцию государства в условиях господства одного класса. В качестве инструмента правящих классов государство поддерживает и гарантирует определенную систему отношений собственности, проводит в жизнь и обеспечивает стабильность самого государства. Согласно такой точке зрения, государство является экономическим инструментом в рамках капитализма. Так, государство может участвовать в решении той или иной кризисной для капитализма ситуации; оно может быть использовано в интересах буржуазии и, через уступки рабочему классу, служить для сглаживания классовых антагонизмов и недопущения революционных популистских движений. Суизи, о критике которого в адрес исследований структуры власти мы говорили выше, имел в виду марксистскую теорию. Прежде она, как правило, игнорировалась. Его представление о государстве как экономическом инструменте правящих классов объяснялось также издержками буржуазной демократии. Демократия, утверждал он, выплескивает противоречия и конфликты капиталистического общества на поверхность, поэтому капиталисты не в состоянии свободно манипулировать государством в своих интересах.

Подобное понимание реакции государства на экономические противоречия также отражает точку зрения экономического струк-

турализма, согласно которой политические влияния на экономическую политику имеют второстепенное значение. В книге «Монополистический капитал» (1966) Суизи и Баран сочетали инструменталистский и структуралистский анализ.

Конкретные действия капиталистических группировок считаются противоречащими необходимости для государства действовать в интересах класса в целом, поэтому различные пути, которыми государство стремится поглощать возрастающий прибавочный продукт, представляют собой итог взаимодействия между структурными потребностями и конкретными интересами. Однако экономические противоречия господствуют над анализом, и инструменталистские свидетельства интерпретируются в рамках такой конструкции. Другие противоречия, например возникающие из идеологии и классовых конфликтов, играют меньшую роль. Основным направлением этой работы поэтому является экономический структурализм (Gold, Lo, and Wright, 1975:39–40).

Баран и Суизи концентрировали внимание на том, каким образом государство облегчает процесс поглощения прибавочного продукта. Действия государства направлены на то, чтобы предотвратить кризис монополистического капитализма, гарантируя тем самым поглощение прибавочного продукта.

Джеймс О'Коннор в своей работе «Финансовый кризис государства» (1973) развил этот взгляд, отметив, что государство представляет собой сложную структуру властных отношений и само обладает определенной автономией. О'Коннор не считал государство лишь инструментом в руках правящего класса или даже отдельных слоев этого класса. Он полагал, что государство не производит, а лишь присваивает прибавочный продукт, чтобы улучшать условия, необходимые для накопления капитала. Государство создает условия для монополистического и конкурентоспособного капитализма. Хотя монополистический сектор постоянно воспроизводит условия для конкурентоспособного сектора, конкурентоспособный капитализм занимает подчиненные позиции по отношению к монополистическому, являющемуся движущей силой производственного процесса.

Классовый анализ современной мировой системы: Валлерстайн

В определенной степени связан с экономическим структурализмом

и труд Иммануила Валлерстайна (Wallerstein, 1975) о классах в мировой капиталистической экономике. Его аргументация сводится к следующему. Класс — это концепция, исторически связанная с мировой системой капитализма или современной мировой системой. Мировая система состоит из трех основных элементов: единого рынка; ряда государственных структур или стран, влияющих на состояние рынка; и трех уровней (ядро, полупериферия и периферия) в процессе эксплуатации, связанном с присвоением прибавочного продукта. Взаимоотношения на этих уровнях порождают классовую борьбу. «Стоящие наверху всегда стремятся обеспечить существование трех уровней, чтобы лучше сохранить свои привилегии, а те, кто находится внизу, напротив, стремятся свести число уровней с трех до двух, чтобы лучшим образом ликвидировать эти самые привилегии. Борьба за существование среднего уровня продолжается непрерывно, как в политическом плане, так и в плане основных идеологических конструкций» (1975:368). В этой борьбе в ходе эволюции и развития капитализма происходит формирование, консолидация, распад и переформирование классов. Такая преобразующая борьба происходит в мировой капиталистической экономике.

Мировая капиталистическая экономика в совокупности всех своих элементов — структуры, исторической эволюции, противоречий — является ареной социальных действий. Основопологающей политической реальностью такой мировой экономики является классовая борьба, которая, однако, принимает постоянно изменяющиеся формы: откровенно классовое сознание против этническо-национального сознания, классы внутри наций против классов, переступивших национальные границы (375).

Валлерстайн расширил концепцию центра и периферии, родоначальниками которой были аргентинский экономист Рауль Пребиш и Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки. Он приблизился к формулировкам тезиса о неравном развитии, принадлежащим Самиру Амину, который, однако, пытался придать значимость как производственному процессу капитализма, так и рынку. Валлерстайн старался также выйти за пределы концепции класса внутри наций, избегая тем самым некоторых проблем в классовом анализе внутреннего колониализма, на котором настаивал мексиканский политолог Пабло Гонсалес Казанова, или внимания к национальной буржуазии, присутствовавшего в трудах как марксистов, так и немарксистов.

Теренс Хопкинс (Hopkins, 1977) прояснил и развил эту характе-

ристику класса в мировой капиталистической экономике. Он считал, что Валлерстайн разработал теорию глобальной капиталистической экономики как международной системы, а не теорию развития экономики отдельных стран или международной экономики. Хопкинс полагал, что с эволюцией этой мировой системы сложился организованный мировой капиталистический класс в отличие от союзов среди национальных буржуазий. Параллельно происходило и создание международного рабочего движения благодаря образованию мирового рынка труда. Транснациональные корпорации доказали свою эффективность в организации этой мировой системы по подобному классовому образцу.

Эта образная, хотя в известной мере эклектичная, теория Валлерстайна подверглась широкой критике за то, что в качестве основы анализа классовых отношений в современном капиталистическом мире в первую очередь был взят рынок, а не производство. В защиту своей теории Валлерстайн ссылаясь на Маркса и пытаясь отделить свои мысли от концепций Макса Вебера. Озабоченность структурой выводила Валлерстайна за пределы национальных государственных границ, к исследованию основ мировой капиталистической системы. Он разработал и пересмотрел параметры теории зависимости и тем самым заставил многих социологов основного направления изменить свои взгляды на развитие, государство и класс. Однако читатель обнаружит значительные различия, в теоретическом и методологическом плане, между Валлерстайном и другими структуралистами, например Альтюссером и Пулантцасом.

Критика структуралистской теории

Главная проблема структуралистской теории заключается в том, что она практически не объясняет возникновения классовых действий из классового сознания. Этим интересовались как Маркс, особенно в своих ранних работах, так и критическая школа, о которой мы поговорим далее в этой главе. Эспинг-Андерсен, Фридлэнд и Райт сожалели об отсутствии теории, способной связывать политические входы и принуждения с выходами деятельности государства; ни структуралистская, ни инструменталистская теории так и не решили эту проблему (Esping-Andersen, Friedland, and Wright, 1976:189). Джон Молленкопф считал, что структуралисты подвергали инструментализм полезной критике. Особенно четко ее конструктивность проявляется при изучении структуры власти. В то же время как экономиче-

ский, так и политический структурализм демонстрирует свою неадекватность. Во-первых, экономический структурализм ограничивает государство поверхностной концепцией, своего рода системным перечнем. «Он приписывает государству лишь экономические, а не политические мотивы и сталкивается с существенными явлениями противоположного свойства. Он также предрекает экономическую "неизбежность" кризисов, которые политика вроде бы не в состоянии смягчить, но тем не менее смягчает». Во-вторых, политические инструменталисты, например Пулантцас, концентрируют внимание на идеологических и репрессивных институтах, поддерживающих капитализм. Такой акцент на политических аспектах структурализма ведет к тому, что Милибенд называл структуралистским «абстракционизмом» или «супердетерминированностью». «Государство превращается во всеобъемлющее политико-идеологическое пространство, лишенное институционального положения, видимых границ и даже политической борьбы» (Mollenkopf, 1975:256). Структуралистские труды становятся в высшей степени абстрактными и ориентированными не на теорию, а на концептуальные схемы. Они позволяют понять деятельность капиталистического государства, его органов и его политику. Они также позволяют делать различия между классовыми и групповыми интересами, хотя Молленкопф ратовал за такие труды по теории классовой политической деятельности, которые объясняли бы цели и действия позднего капитализма. Наконец, Эми Бет Бриджес суммировала замечания многих американских критиков:

Стерильный функционализм — будь то марксистский или нет — не в состоянии развить ни социологическое понимание, ни революционную политологию. На деле структуралистская основа, представляя социальную формацию как самостимулирующуюся, способна привести лишь к анархистской политологии или реформизму худшего пошиба. Те, кто боролся с таким аналитическим представлением в социологии основного направления... обнаружат, что его антигуманность не более привлекательна, когда она облечена в марксистские термины, чем когда она является откровенно буржуазной (Bridges, 1974:180).

Критическая теория: идеология и сознание

Хотя некоторые структуралисты, как Альтюссер и Пулантцас, писали о политических вопросах государства и класса, особенно применительно к идеологии, они критиковали расплывчатые концепции, характерные для молодого Маркса и целого ряда его последователей,

большинство из которых ассоциируется с Франкфуртской школой. Приводимые далее рассуждения возвращают к «критическому» анализу трудов молодого Маркса и его последователей, которые концентрировали внимание на природе надстройки, деятельности государства, идеологии и классовом сознании.

Критическая школа черпает вдохновение у молодого Маркса, выступавшего против Гегеля. Критика Марксом гегелевской концепции государства дает школе ее «критическую» ориентацию. Гегель противопоставлял институты гражданского или частного общества (например, семьи) и государства, однако показывал, что раскол между ними может быть преодолен, — по мнению Маркса, это являлось ошибочным суждением. Маркс считал, что государство отделено от гражданского общества и является организацией, которую использует буржуазия для защиты своей собственности и интересов. Несмотря на критику Марксом Гегеля, влияние последнего на Маркса выразилось во внимании к политической теории государства, разработке диалектического метода и, наконец, в поисках значения концепции свободы и разгадки человеческого сознания. По этой причине часто считают, что критическая мысль восходит к гегельянско-марксистской традиции.

Каковы же основные направления мысли в рамках этой гегельянско-марксистской традиции? Поскольку Маркс стремился разоблачить ложное сознание и идеологию капиталистической эпохи, целью современного марксизма становится выработка истинного сознания (Cornforth, 1963). Маркс вскрыл значение сознания в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», проанализировав отчуждение труда. Работа не дает рабочему никакого удовлетворения, делает его несчастным, изношенным физически и подавленным морально. Чуждая природа труда проявляется в том, что рабочий трудится не на себя, а на кого-то другого. Эрих Фромм в книге «Марксова концепция человека» (1961) анализировал это явление, однако основополагающей в теории классового сознания является книга Дьёрдя Лукача «История и классовое сознание», опубликованная впервые в 1923 г. Из более поздних трудов назовем книгу Иштвана Месароша «Теория отчуждения Маркса» (1970) и Бертелла Оллмана «Отчуждение» (1970).

В предисловии к изданию своей книги в 1967 г. Лукач рассказал об этапах собственной идейной эволюции и подробно их проанализировал. Его теоретическое кредо сложилось в период жизненных испытаний, через которые он прошел, будучи студентом Гейдельбергского и Венского университетов и революционером в своей родной Венг-

рии. На мышление Лукача в ранние годы повлиял и Гегель, а также идеализм и утопизм, и хотя Лукач последовательно выступал против социал-демократических и оппортунистических течений начала 1920-х гг., он признавал, что в своих исследованиях рассматривал марксизм исключительно как теорию общества, а не природы. По этой причине он недооценивал труд в качестве связующего звена между обществом и природой. «Однако я не смог понять, что отсутствие основы в реальной практике, т.е. труда как ее первоначальной формы и модели, и чрезмерный упор на концепцию практики приведет к прямо противоположному — сползанию в идеалистическое созерцание» (Lukács, 1971:xviii). Лукач сетовал, что в своих трудах он ставил во главу угла концепцию тотальности, преуменьшая тем самым значение экономики. Это было гегельянским «искажением», но тем не менее оно помогло противостоять ревизионистским попыткам отбросить марксизм как науку. Возрождение гегельянской традиции вызвало, кроме того, интерес в буржуазной философии. Эти соображения свидетельствуют о сумятице не только в мыслях Лукача, но и в трудах тех, кого влекла гегельянско-марксистская теория.

Сравнивая идеи Лукача и Мартина Хайдеггера, Люсьен Голдманн (Goldmann, 1977) считал Лукача знаковой фигурой разрыва с позитивизмом и кантианским влиянием, преобладавшим на протяжении второй половины XIX в. вплоть до 1910 г. В Гейдельберге кантианские философы общались с социологами, например с Вебером, а в соседнем университете Фрейбурга возникло новое философское течение — феноменология, — возглавлявшееся Эдмундом Гуссерлем. Разумеется, Лукач во всем этом играл важную роль.

Именно в начале этого века двумя немецкими университетами — Гейдельбергским и Фрейбургским, в рамках так называемой «юго-западной немецкой философской школы», было положено начало изменениям, оказавшимся источником основных европейских философских течений первой половины XX в. Эти изменения пошли по двум направлениям: с одной стороны, рождение феноменологии, а от нее и экзистенциализма, а с другой стороны, рождение — через феноменологию и экзистенциализм — диалектического марксизма с Лукачем и школой Лукача (Goldmann, 1977:1—2).

Идеи Лукача оказали влияние на Франкфуртскую школу философов (Slater, 1977), которая, в свою очередь, дала импульс некоторым из ранних лидеров австромарксизма (Bottomore, 1978).

От Лукача пошли многие идейные направления. Франкфуртская

школа продолжила борьбу с позитивизмом. В своей книге «Сумерки капитализма» (1976) Майкл Хэррингтон выделил существование во время Второй мировой войны двух тенденций, противостоявших «научным» идеалам нацизма при Гитлере. Одну из тенденций представляли Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер и Герберт Маркузе. В работе «Диалектика эпохи Просвещения» (1944) Адорно и Хоркхаймер утверждали, что нацистский режим, творя произвол в отношении людских судеб, отражал практику эпохи Просвещения. Маркузе в книге «Разум и революция» (1941) называл фашизм тоталитарной формой капитализма. Вторую тенденцию представлял Франц Нойман. В книге «Чудище» (1958) он писал, что нацистская Германия находилась под контролем капиталистов и управлялась в соответствии с их интересами и приоритетами.

Интерес сторонников критического направления к позитивизму привел после 1961 г. к дискуссии в немецких социологических и философских кругах. Подробный отчет об этих дебатах вместе с эссе, представлявшими различные точки зрения, был издан Адорно (Adorno, 1976). В продолжающихся спорах участвовал и Юрген Хабермас, один из самых выдающихся немецких политологов (McCarthy, 1978).

Хабермас представляет молодое поколение франкфуртских философов. По мнению Энтони Гидденса, он развивал два теоретических направления, заложенных прежним поколением франкфуртских ученых: отношение между теорией и критикой и пути развития западного капитализма. Проявляя внимание к наследию Маркса, Хабермас разбирал гегельянские влияния, критиковал ортодоксальный марксизм и высказывал взгляды, отличавшиеся от позиций Адорно, Хоркхаймера и Маркузе. Хабермас предложил новую оценку понимания Марксом капиталистического развития, вызвав следующий комментарий Гидденса:

Его переоценка Маркса, по крайней мере в отношении анализа последним либерального капитализма, кажется мне чересчур ревизионистской и одновременно недостаточно ревизионистской. Недостаточно ревизионистской — потому что он слишком поспешно соглашается с ценностью и прогрессивностью позиции Маркса в XIX в.; в этом плане оценка Хабермасом конкурентоспособного капитализма является вполне ортодоксальной. Чересчур ревизионистской — потому что он полностью сбрасывает со счетов применимость для наших дней некоторых основных марксистских идей (Giddens, 1977:212).

Тони Флад (Flood, 1977—78) напомнил о ряде других утверждений

Хабермаса. Так, по мнению Хабермаса, Маркс продемонстрировал, что классовая борьба принимает форму идеологического заблуждения — нового понятия, предполагающего, что классовая борьба по-разному оценивается капиталистами и рабочими. Хабермас призывал также к анализу проявлений классового сознания и ревизии теории во избежание механистической оценки отношений базиса и надстройки. Все это свидетельствует о значительном вкладе Хабермаса в критическую теорию.

Критическая теория повлияла и на другие представления о государстве и классе. Ален Вулф (Wolfe, 1974) связывал гегельянско-марксистскую традицию с некоторыми аспектами структурализма и, пытаясь выдвинуть новую теорию, ориентировался на отчуждение политики. Клаус Оффе, изучавший критическую школу Хабермаса, отвергал в качестве теорий как инструментализм, так и структурализм, считая, что оба эти теоретические направления не способны объяснить заложенные в государстве механизмы, формирующие его классовый характер. Оффе больше интересовали конкретные механизмы, например идеология и репрессии. Польский социолог Юлиан Хохфельд рассматривал сознание в связи с классовыми интересами. Его концептуализация скорее соответствует идеальным типам Макса Вебера, чем пониманию сознания Лукачем. Такую позицию один из критиков назвал догматической (Rich, 1976).

Этатизм и классовая борьба

Эспинг-Андерсен, Фридлэнд и Райт (Esping-Andersen et al., 1976) изучали проблемы взаимосвязи между классовой борьбой, классовыми структурами и государственной политикой. Они исследовали пути воздействия классовой борьбы на государственную структуру и государственной структуры — на классовую борьбу. Они также интересовались тем, как политика государства формирует выдвигаемые в ходе классовой борьбы требования и сама формируется ими. Эти ученые в первую очередь руководствовались теорией, сформулированной в трудах Клауса Оффе и Джеймса О'Коннора.

Оффе изучал структуру власти в либеральных капиталистических обществах и полагал, что политические институты следует анализировать с классовой позиции. Во-первых, буржуазия использует свою идеологию, чтобы связать государственную политику с собственными интересами во внешней политике, финансах и социальной сфере. Во-вторых, деятельность государства ограничивается поддержанием общественного порядка с помощью армии, судов и полиции,

создавая тем самым условия для частного капиталистического накопления. Однако в развитом, или позднем, капиталистическом обществе «установлена всеобъемлющая система механизмов для государственного вмешательства» (Offe, 1972b:80). В отличие от либеральных капиталистических обществ, в которых буржуазное государство ограничивает власть, поздние капиталистические общества регулируются и поддерживаются путем постоянного политического вмешательства. Так, государство может брать на себя ответственность за управление в периоды экономических кризисов. Оффе утверждал, что создание государства «всеобщего благоденствия» подразумевает поддержку низших классов, но на деле позволяет корпоративному бизнесу получать намного большие выгоды (Offe, 1972a). В то же время государство остается независимым от прямого классового контроля. Эспинг-Андерсен и его коллеги полагали, что концепция Оффе об автономии и государственном вмешательстве в кризисные ситуации «заставляет его игнорировать то, до какой степени различную возможность имеют классы формировать государственные структуры и выступать с конкретными требованиями государственных действий» (Esping-Andersen et al., 1976:191).

В работе Джеймса О'Коннора «Финансовый кризис государства» (1973) речь идет о соотношении внутренней структуры государства с противоречиями в процессе накопления. О'Коннор анализировал также взаимосвязь между классовой борьбой и внутренней структурой. В частности, он исследовал, как классовая борьба ограничивает способность государства рационализировать капитализм и каким образом государственные структуры препятствуют реализации требований рабочего класса.

Теория, сформулированная в трудах Оффе и О'Коннора, помогла Эспинг-Андерсену с соавторами выдвинуть четыре положения, определяющие характер воздействия классовой борьбы на государственные структуры. Во-первых, они рассматривали государственные структуры как результат классовой борьбы, а не просто как механизмы, порожденные и поддерживаемые ради воспроизводства капитала и подавления активности рабочего класса. Во-вторых, эти структуры у них играют роль посредника между требованиями, предъявляемыми государству со стороны правящего класса, и государственной политикой, сдерживающей классовую борьбу. В-третьих, капиталистический класс создает эти структуры с целью ограничения государственного вмешательства формами, совместимыми с нуждами накопления капитала и политической нейтрализации требований рабочего класса. В-четвертых, эти структуры неизбежно порождают противоречия и

неспособны полностью нейтрализовать классовую борьбу и инкорпорировать рабочий класс в аполитичное государство.

Эспинг-Андерсен и его коллеги исследовали также вопрос о том, как государство определяет формы и направления классовой борьбы. Они начали с типологии политической классовой борьбы, включающей в себя аспекты производственного процесса и товарного обращения, затем рассмотрели ее «классовое содержание», «преобразования» и «противоречия».

Критически реагируя на позицию Эспинг-Андерсена и его коллег, группа «Кэпитол капиталистейт» (Capitol Kapitalistate Group, 1977) вновь подтвердила значение классовой борьбы и ее основной роли в историческом процессе формирования государства. Однако эта группа выступила с критикой методологии, и особенно типологии, используемой Эспинг-Андерсеном с соавторами: «Хотя их типология и заставляет поразмыслить, она статична и недиалектична. Подобная типология, по сути, воспроизводит некоторые методологические пробелы буржуазной социологии». Несмотря на такое замечание, по их мнению, Эспинг-Андерсен с коллегами «проложили путь к интегрированию концепции классовой борьбы в теорию государства» (1977:209). Ясно, что усилия в этом направлении необходимы для преодоления ограниченности различных теоретических школ по вопросу о государстве и классе и выработки как полезной теории, так и полезной стратегии исследований.

Проблемы классового анализа

Плюрализм продолжает оказывать влияние на сравнительные исследования. Западные специалисты в области сравнительной политологии игнорируют марксистскую теорию и методологию, в результате чего происходит застой всего направления, особенно разительный на фоне захватывающего творческого прогресса соперничающих дисциплин. К счастью, мы можем обратиться к Милибенду, Вулфу и небольшой группе других политологов, интересующихся вопросами государства и класса. В нашем распоряжении различные теории, дискуссии и обилие нерешенных проблем. Подводя итоги некоторым противоречивым тенденциям, рассмотренным в данной главе, мы выделяем и обсуждаем проблемы анализа категории класса в следующих разделах: 1) роль государства и правящего класса, 2) классовые категории анализа, 3) уровни концептуализации класса, 4) взаимоотношение базиса с надстройкой, 5) значение докапиталистических и капиталистической социальных формаций.

Роль государства и правящего класса

Примитивные государства строились не по классовому принципу, а по принципу родства. До них общества формировались на общественных и коллективных началах с целью поддержания порядка и улаживания конфликтов. Современные формы государства возникли как реакция на общественное разделение на классы — тех, кто производит товары и услуги, и тех, кто управляет производством и получает от него прибыль. Преобладающая ныне форма государства эволюционировала от периода ростовщичества и первоначального накопления торгового капитала к эпохе расширения денежного капитала, когда государство все более служит интересам капитала и капиталистическому способу производства. Абсолютистское государство пришло на смену феодальному, когда европейские монархии укрепили свою власть над дворянами. Буржуазное государство развилось на основе бывшего абсолютистского, когда восходящий класс буржуазии захватил власть и государственные институты.

В чем же тогда заключается основная функция буржуазного государства? Мандель классифицировал ее, подразделив на три составляющие: создание условий производства, не гарантированных правящим классом; подавление любой угрозы преобладающему способу производства с помощью армии, полиции, судебной системы и тюрем; сдерживание эксплуатируемых классов с целью заставить их принять господствующую идеологию. Шиманский (Szymanski, 1978) выявил способы, с помощью которых государство стимулирует процесс накопления капитала: обеспечение корпораций рабочей силой, облегчение торговли, стимулирование потребления, сдерживание циклических тенденций в экономике, субсидирование отдельных корпораций, предоставление корпорациям возможности самим регулировать собственную деятельность, а также экономической и военной помощи для стимулирования активности на международном уровне.

Такой образ буржуазного государства предполагает теоретическую сосредоточенность на отношении государства к правящему классу. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс назвали «государственную власть» комитетом, управляющим делами буржуазии. Ленин писал об армии и полиции как «орудиях» государства. Перри Андерсон подробно анализировал абсолютистское государство в инструменталистском контексте. Эрнест Мандель утверждал, что роль государства как орудия правления буржуазии определяется его иерархической организацией и общей структурой. Он соглашался с Ральфом Милибендом в том, что в Великобритании вос-

хождение на высшие государственные посты определяется не столько профессиональной компетентностью, сколько подчинением нормам буржуазного поведения. Домхофф, разумеется, полагал, что такая модель существует и в Соединенных Штатах. Подобные взгляды подвергались сомнению со стороны структуралистов, например Альтюссера и Пулантаса, считавших, что государство функционирует независимо от классовых сил в интересах класса капиталистов.

Такие противоположные представления отражают опыт развитых промышленных обществ. А как обстоят дела в обществах слаборазвитых, с докапиталистическими формами? Вопрос сложный, заслуживающий подробного рассмотрения в другом исследовании; здесь же ограничимся лишь мнениями некоторых специалистов.

Например, Ирвинг Луис Горовиц и Тримбергер (Horowitz and Trimberger, 1976) рассматривали государство в Латинской Америке как средство преодоления модели зависимости, которая не знает национальных различий. Они исследовали связь государственного аппарата с классовой структурой латиноамериканских обществ и пришли к выводу, что капитализм — и в конечном счете социализм — могут развиваться лишь в случае, если государство ликвидирует классовые барьеры на пути индустриализации или создаст независимый класс предпринимателей. При том что возможности для внешней экспансии ограничены, государству в мобилизации капитала придется рассчитывать на внутренние резервы; то есть оно должно стать централизованным, эффективным и автономным. Автономия государственной власти требует, чтобы бюрократы не были выходцами из правящего класса и не контролировались парламентским или партийным аппаратом; такова в государстве военная бюрократия, и государство неизбежно становится авторитарным. Ирвинг Луис Горовиц и Тримбергер, проведя различие между своей моделью и структуралистской позицией Пулантаса, выделяли три варианта: инициированное государством национальное развитие по капиталистическому пути, обеспечиваемое военными и гражданскими бюрократами, пришедшими к власти в результате революции сверху; инициированное государством зависимое развитие по капиталистическому пути под контролем коалиции военных и гражданских бюрократов, подорвавших власть землевладельческой буржуазии; направляемое государством социалистическое развитие под началом военных бюрократов, которые захватывают власть в результате массовой революции, уничтожают землевладельческую и национальную буржуазию и присваивают иностранные инвестиции.

Роль государства в странах Африки и Азии, несомненно, отличается от латиноамериканской модели. Колин Лиз (Leys, 1976) анализировал работы Хамзы Алави о Пакистане и Бангладеш и Джона Сола о Танзании. Оба автора изучали постколониальное общество. Алави полагал, что постколониальное государство наследует сильную военную и административную структуру, происхождение которой уходит корнями в метрополию. В колониальный период задачей такого государства является контроль над всеми классами внутри страны. После обретения независимости государство завоевывает поддержку по меньшей мере одного из таких классов и тем самым становится «сверхразвитым» в сравнении со своим прежним статусом. Такое государство присваивает большую часть экономического прибавочного продукта и распределяет его для развития страны, осуществляемого под контролем бюрократии. Рассматривая с позиции Алави ситуацию в Африке, Сол отмечал отсутствие сильных классов внутри африканских стран. Он утверждал, что независимость государства поддерживается благодаря балансу внутренних и внешних классовых сил, поэтому оно зависит от сильных внешних классов. Если государство сильное, отсутствие внутренних классов может сделать его еще сильнее. Сол полагал, что государственная бюрократия является, видимо, новым типом класса, который присваивает и контролирует производственные ресурсы, регулируя их или приобретая частный капитал. Альтернативная модель состоит в том, что государственная бюрократия может быть подвержена воздействию противоречивых сил, когда национальные интересы, а также интересы рабочего класса и класса крестьян сталкиваются с интересами внутреннего и иностранного капитала. Такую модель Сол анализировал на примере Танзании. Лиз критиковал его концепцию, утверждая, что понятие «бюрократической буржуазии» как правящего класса весьма расплывчато: «Противоречия ситуации затушевываются из-за такого перемешивания различных элементов в государственном аппарате» (1976: 48).

Классовые категории анализа

Особые условия каждого общества в значительной мере определяют, какие классы должны быть подвергнуты анализу. Социологи, применяющие стратификационный анализ, придерживаются классификации, включающей категории высших, средних и низших классов. Вычленение таких классов основано, как правило, на таких критериях, как доход, статус и образование, причем классовые категории используются независимо друг от друга. Таким образом, страти-

фикационный анализ обычно бывает статичным, сфокусированным в любой конкретный момент на положении в системе иерархических уровней, а не на теории изменений. Анализ правящих или властных элит замыкается на немногочисленной, сплоченной и сравнительно замкнутой элите, контролирующей принятие важных решений и защищающей собственные интересы поддержанием статус-кво. Анализ элит и стратификационный анализ отличаются от марксистского классового анализа, который предполагает, что по меньшей мере два класса находятся в диалектической оппозиции друг к другу и их противоречивые интересы, вероятно, приведут к конфликту. Маркс не дал исчерпывающего определения класса, однако анализировал классовую структуру каждого общества на основе присущего ему способа производства. Он исследовал общество, разделяя его на классы господствующий, или правящий, и подчиненный. Так, феодалы и крепостные были двумя основными классами в феодальной Европе; рабовладельцы и рабы — в Соединенных Штатах до Гражданской войны; капиталисты и рабочие являются таковыми в современном капиталистическом обществе. Однако классовый анализ предусматривает существование смежных классов, а также прослойки внутри классов. Вопрос состоит в признании методологии Маркса в качестве основы для классового анализа, чтобы те, кто изучает политологию, не могли быть сбиты с толку бесплодными попытками сформулировать новые теории класса. Для облегчения понимания противоречивых ситуаций обратимся к различным определениям классов в рамках марксистской методологии.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс выделили два основных класса при капитализме — один, живущий за счет владения собственностью, другой — за счет труда. В последней главе третьего тома «Капитала» Маркс говорил о существовании трех крупных классов — землевладельцев, капиталистов и наемных рабочих, однако в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» он анализировал французскую политическую жизнь XIX в. с точки зрения меняющейся расстановки классовых сил, причем монархисты подразделялись на легитимистов, поддерживаемых крупными земельными собственниками, и орлеанистов, на стороне которых выступали высшие финансовые круги, крупные промышленники и торговцы. В конечном счете возобладала буржуазная республика, поддержанная финансовой аристократией, промышленной буржуазией, средним классом, мелкой буржуазией, армией и люмпен-пролетариатом. Выступления пролетариата с оппозиционными интересами были жестоко подавлены. Значительное внимание Маркса к классам отража-

ло обостряющуюся классовую борьбу в эпоху, когда феодализм и абсолютная монархия уступали позиции силам класса буржуазии, возникшего в торговый и промышленный периоды капитализма.

Консолидация капитализма в XX в. крайне усложняет классовый анализ. Если в таких промышленных странах, как Соединенные Штаты Америки, классы очерчены более ясно в условиях развитого монополистического капитализма и транснациональных корпораций, то в слаборазвитых странах иностранный капитал и технология вторгаются в условия, обычно называемые докапиталистическими. Так, Шиманский акцентировал внимание на четырех классах в Соединенных Штатах: классе капиталистов, владеющем средствами производства; мелкой буржуазии — адвокатов, учителей, врачей и т.п., мелких торговцев, независимых фермеров и ремесленников; промышленных и сельскохозяйственных рабочих, служащих; люмпен-пролетариате, живущем на социальные пособия или доходы от преступной деятельности (Szymanski, 1978:26).

Однако при анализе классов в Латинской Америке нередко можно встретить упоминания о старых олигархах и новых группах мелкой буржуазии, служащих и городском промышленном пролетариате. Зачастую империалистическая или международная буржуазия, связанная с иностранными интересами, противопоставляется национальной буржуазии. Это видно из книги Анибала Кихано «Национализм и капитализм в Перу» (1971). Кихано делал упор на господствующий класс землевладельческой и промышленной буржуазии и в каждом слое определял верхние и нижние уровни.

В Африке и регионах, недавно освободившихся от колониального правления, признаки капиталистического способа производства могут почти полностью отсутствовать, как, например, в бывшей португальской колонии Гвинея-Бисау. Хотя португальские монополии в колонии и действовали, индустриализация там не привилась. Немногочисленные группы местной колониальной бюрократии и иностранных торговцев и небольшой отряд городских рабочих составляли основные классы страны в момент обретения независимости в 1975 г. Будучи сравнительно слаборазвитой страной, независимая Гвинея-Бисау возглавлялась мелкобуржуазными революционерами при поддержке многочисленного крестьянства, едва сводящего концы с концами. Основой их революционной организации была горизонтальная и общинная структуры народа баланте, который традиционно выступал против португальского колониализма и враждовал с народом фульбе. Фульбе занимались торговлей, распространяя свою деятельность на обширную территорию, и в колони-

альные времена для защиты своих интересов часто сотрудничали с португальцами. В своей книге «Да будет свобода: Африка в современной истории» (1978) Бэзил Дэвидсон назвал такую деятельность «родовым способом производства», включающим элементы капиталистического способа, но не располагающим потенциалом для построения зрелых капиталистических формаций. Гейл Омведт (Omvedt, 1973) также занималась классовой структурой в колониальных ситуациях, и ее классификация выделяет следующие классы: промышленная буржуазия (малочисленная, часто отсутствующая в условиях господства иностранного монополистического капитала); торговая буржуазия (наиболее влиятельная в городах и смешавшаяся с сельским классом землевладельцев-рантье); интеллигенция (получившая образование на Западе и зачастую занимающая положение колониальной бюрократии); мелкая буржуазия (субэлита из чиновников, преподавателей школ и торговцев, часто возглавляющая национально-освободительные движения); традиционная аристократия (местная знать, правители и вожди, сотрудничающие с колониальной администрацией); землевладельцы-рантье (правящий класс на селе); крестьянство; промышленные рабочие.

Наш обзор ставит целью сориентировать изучающих политологию, помочь им в выборе категорий для анализа классов и, кроме того, продемонстрировать некоторые ошибочные представления, которые могут возникнуть в процессе выполнения этой задачи. Об отношении Маркса к классам можно прочесть в работах Оссовского (Ossowski, 1963), Ходжеса (Hodges, 1959), Стольцмана и Гэмберга (Stolzman and Gamberg, 1973—74), а также Хейзелригга (Hazelrigg, 1972) и Цейтлина (Zeitlin, 1974), которые, опровергая буржуазные концепции класса, приблизились к марксистской позиции.

Уровни концептуализации класса

Душ Сантуш (Dos Santos, 1970) утверждал, что Маркс намеревался анализировать концепцию класса на нескольких взаимозависимых уровнях и что такой подход совместим с диалектическим методом. Первый из этих уровней Маркс использовал при анализе способа производства. Если этот способ и его производственные отношения основаны на частной собственности, то социальные классы поглощены борьбой, являющейся результатом их антагонистических и противоречивых отношений. Хотя такой уровень анализа с его акцентом на теоретические категории ведет к абстракции, душ Сантуш полагал, что он основан на «практике» и «конкретных отношениях

людей в исторической реальности» (1970:176). Второй уровень связан с анализом социальной структуры. Этот анализ должен быть описательным и наглядным, основанным на конкретных формах взаимодействия между компонентами способа производства — например, на социальных формах, антагонистических по отношению к правящей формации до такой степени, что это чревато борьбой между правящими и управляемыми классами в условиях противостояния способов производства, таких, как феодализм и капитализм. Третий уровень анализа относится к социальным явлениям, прежде всего к социальной стратификации или иерархизации индивидов в обществе в соответствии с принадлежностью к классу и различиями в доходах, квалификации, политических взглядах и т.д. «На этом уровне возникают серьезные проблемы, касающиеся противоречий между *классовыми* интересами класса и его непосредственными интересами; между его классовыми интересами и историческим происхождением; между его менталитетом, обусловленным существующей структурой, ценностями социальной стратификации, межрасовыми отношениями и т.п. и классовыми интересами, обуславливающими классовую деятельность» (1970:179). Четвертый уровень анализа относится к кризисам и глубоким изменениям, происходящим в условиях капиталистических циклов. Душ Сантуш обратил внимание на то, что длительное капиталистическое развитие ведет к тенденции отрицать капиталистические кризисы. Массовое потребление также затушевывает классовые отношения, поскольку «эмпирики заменяют классовое общество массовым обществом» (180). Отмечая эти различия в восприятии, Маркс, по мнению душ Сантуша, создал «структурированную систему уровней абстракции от наиболее конкретных к наиболее абстрактным и от наиболее абстрактных к наиболее конкретным» (180). Имея дело с конкретным, марксизм должен формулировать общие законы в терминах сложных категорий; абстрактное же должно относиться к социальной реальности, но не выступать в качестве формальной теории, апеллирующей к эмпирическим наблюдениям и допускающей абсолюты, кодификацию и существование идеальных типов.

Взаимодействие базиса с надстройкой

Значение, придаваемое марксистами экономическому базису при анализе классов, не должно приглушать интереса к идеологическому воздействию классов на надстройку (Bloomfield, 1977). Например, буржуазные концепции государства, бюрократии и партии могут

привести к необоснованному акценту на положение элит, свойственному инструменталистской школе, или же к застывшим категориям структур и институтов, составляющих проблему структуралистской школы. Точно так же излишнее внимание к идеологии и сознанию, характерное для критической школы, не должно заслонить важность анализа способов производства, производительных сил и т.п. Необходим диалектический подход.

Элементы классового сознания и идеологии имеют ключевое значение в марксистской политологии. Под классовым сознанием понимают осознание членами класса собственных интересов. При капитализме эти интересы определяются отношением к собственности или ее отсутствием и привилегиями. Класс может обладать ложным сознанием, будучи уверен, что его интересы имеют универсальный и внеклассовый характер. В таком случае идеология предполагает стремление класса придать идеальную форму своим интересам, а это, согласно Марксу, является ложным отражением реальности. В защите классовых интересов используется даже преднамеренный обман. Осознание и понимание обмана или ложного сознания эксплуатируемым классом, например городскими рабочими, может вылиться в революционную борьбу за освобождение эксплуатируемого класса и свержение капитализма. Однако революционное сознание бывает иногда крайне субъективным, не поддающимся выражению заданными формулами и категориями. Таким образом, вопрос заключается в необходимости, признав сложность классового анализа, сочетать и синтезировать различные подходы во избежание некоторых заблуждений прошлых исследований.

Значение докапиталистических и капиталистической социальных формаций

В предыдущей главе речь шла о дискуссии по вопросу о различных интерпретациях дуального общества в Латинской Америке. Согласно широко распространенному мнению, регион является носителем феодальных пережитков времен господства Испании и Португалии, когда происходило завоевание и освоение его этими странами, а иберийские монархии насаждали там феодальную аристократию и феодальную систему. Развитие капитализма в сельской местности было затруднено, однако торговые отношения способствовали процессу развития капитализма в городах. В итоге образовалось два общества: одно сельскохозяйственное, феодальное и отсталое, а другое городское, капиталистическое и развитое. Такое мнение отстаивалось ле-

выми критиками, утверждавшими, что общества латиноамериканских стран всегда были феодальными по своему характеру и остаются по сей день закрытыми, традиционными, невосприимчивыми к изменениям и не интегрированными в рыночную экономику, то есть они остаются откровенно докапиталистическими по своему укладу. Но при этом говорится о неизбежности буржуазно-демократической революции, которая ознаменует приход капитализма и покончит с феодальным застоём. Такая позиция оспаривалась теми из левых, кто считает, что данный регион с самого начала, с колониального периода, когда он был инкорпорирован в мировой рынок, являлся капиталистическим. Однако капитализм довел его до нынешнего застоя и слабозрелости, и только борьба масс против буржуазии и империализма приведет к социализму и покончит с капиталистической зависимостью. Вопрос состоит в сосредоточенности, с одной стороны, на производстве, а с другой — на рынке или обмене.

Такие разные интерпретации затрудняют теоретическое понимание роли классов при переходе от феодализма к капитализму и от капитализма к социализму. Сторонники мнения о том, что в данном обществе преобладают докапиталистические экономические формации, могут акцентировать внимание на роли феодальных классовых прослоек, полагаясь в то же время на возникающую национальную буржуазию как проводника прогрессивного капитализма в отсталом обществе. Противники такого мнения скажут, что классовый характер правящего класса определяется сельскими и промышленными городскими интересами, а национальная буржуазия не в состоянии играть прогрессивную роль перед лицом империалистического капитала.

В данной дискуссии речь шла об экономике, отличной от экономики промышленно развитых капиталистических стран, однако споры о переходе от феодализма к капитализму проистекают из разного понимания опыта Европы. Маркс изучал докапиталистические экономические формации, а английский историк Эрик Хобсбоум (Hobsbawm, 1965) свел этот материал воедино, написав собственное предисловие. Английский историк экономики Морис Добб представил свой тематический обзор в книге «Исследования развития капитализма» (1946), а спустя десятилетие он, Пол Суизи и их коллеги провели дискуссию на тему перехода из одной формации в другую в следующем десятилетии (см.: Hilton, 1976). В своем труде «Переход от древности к феодализму» (1974) Перри Андерсон пытается дать историческую интерпретацию различных социальных формаций, характеризовавших феодальный способ производства в средневековой Западной Европе. Во второй части этой книги, опубликованной под названием «Родословная абсолю-

тистского государства» (1974), говорится о переходе от феодализма к капитализму. Иммануил Валлерстайн в своей работе «Современная мировая система» (1974) также проливает свет на эту противоречивую тему, как и Барри Хайндесс с Полом Хёрстом в «Докапиталистических способах производства» (1975).

В вышеперечисленных трудах с очевидностью выявляются определенные разногласия. Первое — относительно времени зарождения капитализма: в период становления торговли в XII в. или в период появления мануфактурного производства и наемного труда в XVI в. Второе разногласие касается вопроса о запоздалом приобщении к капитализму менее развитых стран «третьего мира» в условиях существования империализма и иностранных капиталистических держав. Третье возникло при определении вклада всех промышленно развитых и слаборазвитых стран в мировое капиталистическое производство и торговлю. Четвертое относится к традиционному антагонизму между правящим капиталистическим и рабочим классами и пределам, до которых они доходят в стремлении к примирению и взаимопониманию, отстаивая свои конкретные интересы, а также к роли государства в выработке консенсуса и т.п. Наконец, несмотря на известные сомнения относительно социализма и социалистического опыта, будут продолжены дискуссии о способах перехода к социализму, о реформистской и революционной деятельности, заложенной в этом процессе, и о роли центрального планирования, рыночной экономики, коллективной и индивидуальной автономии.

Литература

Adorno, Theodor W. (ed.). 1976. *Positivist Dispute in German Ideology*. Translated by Glyn Adey and David Frisby. London: Heinemann. Сборник эссе, посвященных проблемам позитивизма и критической теории, которые в XX в. занимают немецких философов. Здесь же предисловие Дэвида Фризби и эссе Адорно, Юргена Хабермаса и Карла Поппера.

Althusser, Louis. 1970. *For Marx*. Translated by Ben Brewster. New York: Vintage Books. Одна из самых популярных книг автора на английском языке. В эссе затронута тема критики марксистского гуманизма.

_____. 1971. «Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes Towards an Investigation)». In *Althusser, Lenin and Philosophy and Other Essays*, 121—173. London: New Left Books. Дается описание

структуры государства как репрессивного идеологического аппарата, служащего интересам правящего класса.

Bachrach, Peter, and Morton Baratz. 1962. «The Two Faces of Power». *American Political Science Review* 57 (December), 947—952. Статья призывает обратить внимание на «нерешительность», критикуя плюралистическое и связанное с принятием решений исследование власти.

Bahro, Rudolf. 1984. *From Red to Green*. London: Verso. Призыв к эгалитаризму и коллективному решению общественных проблем. Антикапиталистическая позиция в пользу социалистического выбора.

Bailey, Norman A. 1968. «Toward a Praxeological Theory of Conflict». *Orbis* 11 (Winter), 1081—1112. Исчерпывающий обзор литературы, посвященной конфликтам, с особым вниманием к польским идеям праксиологии.

Barbalet, J. M. 1974. «Policial Science, the State, and Marx». *Politics* 9 (May), 69—73. Анализ работы Пулантца (1973).

Bloomfield, Jon (ed.). 1977. *Glass, Hegemony, and Party*. London: Lawrence and Wishart. Записки Лондонского коммунистического университета, в том числе статьи Стюарта Холла «Переосмысливая метафору "базис — суперструктура"» (*Rethinking the 'Base-and-Superstructure' Metaphor*, 43—72) и статья Барри Хайндесса «Концепция класса в марксистской теории и политологии» (*The Concept of Class in Marxist Theory and Marxist Politics*, 95—107).

Bottomore, T. B. 1964. *Elites and Society*. Middlesex, England: Penguin Books. Полезное рассмотрение различных концепций элиты в рамках марксистских и немарксистских теорий.

_____. 1978. *Austro-Marxism*. Текст переведен и отредактирован Т.Б. Боттомором и Патриком Гудом со вступительной статьей Боттомора (Oxford: Clarendon Press). Эссе ведущих австромарксистов Отто Бауэра, Макса Адлера, Рудольфа Гильфердинга, Карла Реннера и Вильгельма Хаузенштейна. Австромарксисты хотя и поддерживали связи с Франкфуртской школой, но двинулись в ином направлении, отойдя от критических проблем и метафизических ориентаций и приблизившись к развитию марксизма как эмпирической социальной науки.

Bowles, Samuel, and Herbert Gintis. 1986. *Democracy and Capitalism: Property, Community, and the Contradictions of Modern Social Thought*. New York: Basic Books. В поисках чего-то среднего между либеральной и марксистской мыслью выдвигается теория постлиберализма.

Braverman, Harry. 1974. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York: Monthly Review Press. Основополагающее исследование трудовых отношений в эпоху монополистического капитала. Приводятся ясные и исчерпывающие концептуализация и примеры.

Bridges, Amy Beth. 1974. «Nicos Poulantzas and the Marxist Theory of the State». *Politics and Society* 4 (Winter), 161—190. Подробный и резко критический обзор работы Пулантцаца (Poulantzas, 1973).

Burawoy, Michael. 1989. «Marxism Without Micro-Foundations». *Socialist Review* 14 (Summer), 53—86. Критика трудов Пржеворского, имеющая целью показать, что марксисты-аналитики очистили марксизм от догматических элементов, выступив с четкими и жесткими идеями аналитической философии и логико-дедуктивными моделями неоклассической экономики. Здесь же приводится ответ Адама Пржеворского Бьюрейвому (*Class, Production and Politics: A Reply to Burawoy*), 87—111).

Burris, Val. 1987. «Class Structure and Political Ideology». *Insurgent Sociologist* 14 (Summer), 5—46. О классовой позиции служащих и их роли в классовой борьбе. В статье рассматривается также вопрос о разграничении между служащими и рабочим классом и их равнении на буржуазию или пролетариат.

_____ (ed.). 1988. «New Directions in Class Analysis». *Critical Sociology* 15 (Spring), 57—66. Критика книги Эрика Олина Райта «Классы» (*Classes*, 1985). Материалы симпозиума о трудах Райта, включая другие критические статьи: Артура Стинкомба «Образование, эксплуатация и классовая сознательность» (*Education, Exploitation, and Class Consciousness*, 67—71); Питера Мейксинса «Критика теории противоречивых классовых обоснований Райта» (*A Critique of Wright's Theory of Contradictory Class Locations*, 73—82); Джоанны Бреннер «Трудовые отношения и формирование классового сознания» (*Work Relations and the Formation of Class Consciousness*, 83—89); и возражение Райта в его работе «Эксплуатация, идентичность и классовая структура: ответ моим критикам» (*Exploitation, Identity and Class Structure: A Reply to My Critics*, 91—110).

Capitol Kapitalistate Group. 1977. «Typology and Class Struggle: Critical Notes on 'Modes of Class Struggle and the Capitalist State'». *Kapitalistate* 6 (Fall), 209—215. Критический обзор работы Эспинг-Андерсена и др. (Esping-Andersen et al., 1976).

Carchedi, Guglielmo. 1975. «On the Economic Identification of the New Middle Class». *Economy and Society* 4 (February), 1—86. Ранняя работа о значении нового среднего класса.

Chilcote, Edward B., and Ronald H. Chilcote. 1992. «The Crisis of Marxism: An Appraisal of New Directions». *Rethinking Marxism* 5 (Summer), 84—106. Обзор и оценка двух тем, связанных с возвращением к марксизму: Альтюссер в 1960—70-х гг.; а также постмарксизм, аналитический марксизм и новый структурализм 1980—90-х гг.

Cohen, G. A. 1978. *Karl Marx's Theory of History: A Defense*. Princeton: Princeton University Press. Известный историк дает важный теоретический анализ учения Маркса.

Cohen, Jean L. 1982. *Class and Civil Society: The Limits on Marxian Critical Theory*. Amherst: University of Massachusetts Press. Будучи критически настроенным в отношении идей Маркса и его последователей, автор стремится создать структуру для «постмарксистской критической теории стратификации, способной охватить многообразие и новации современного капиталистического общества, не игнорируя достижений марксизма» (2).

Cornforth, Maurice. 1963. *The Theory of Knowledge*. New York: International Publishers. Марксистский синтез природы интеллекта и тела в отношении к мышлению, языку и логике; развития идей от абстракций к идеологическим иллюзиям и науке; истины и свободы. Работа особенно важна для понимания идеологии и сознания, а также лесознания и их воздействия на буржуазное общество.

Cunningham, Frank. 1975—76. «Pluralism and Class Struggle». *Science and Society* 39 (Winter), 385—416. Плюралистический анализ противопоставляется марксистскому с предпочтением последнего.

Dahl, Robert A. 1958. «A Critique of the Ruling-Elite Model». *American Political Science Review* 52 (June), 463—469. Нападки на методологию правящей элиты и защита плюрализма.

_____. 1961. *Who Governs? Democracy and Power in an American City*. New Haven: Yale University Press. Изучение сообщества Нью-Хейвена с акцентом на плюралистической основе властной политики.

_____. 1971. *Polyarchy, Participation, and Opposition*. New Haven: Yale University Press. О полиархиях, в основном западных штатов, где очевидны проявления автономии и плюрализма.

_____. 1978. «Pluralism Revisited». *Comparative Politics* 10 (January), 191—203. Новое обращение к прежним взглядам на плюрализм. В данном случае Даль стремится сочетать либеральные и марксистские взгляды на империализм.

Dahrendorf, Ralf. 1959. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press. Синтез классовой теории Маркса и ее критика с учетом позднейших теории и практики.

Domhoff, G. William. 1970. *The Higher Circles: The Governing Class in America*. New York: Vintage Books. Используя собственные методы изучения структуры власти, автор анализирует результаты своих исследований правящего класса Соединенных Штатов.

_____. 1976. «I Am Not an 'Instrumentalist': A Reply to 'Modes of Class Struggle and the Capitalist State' and Other Kapitalistate Critics». *Kapitalistate* 4—5 (Summer), 221—224. Автор утверждает, что его работа не идет в русле инструменталистских идей и что по своей концепции она марксистская.

_____. 1978. *Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Books. Используя методологию, отличную от методологии Даля (Dahl, 1961), Домхофф выступает с новым анализом и оценкой властных структур Нью-Хейвена.

_____. (ed.). 1975. «New Directions in Power Structure Research». *Insurgent Sociologist* 5 (Spring), 1—264. Полное издание. Включает в себя исследования положения дел в различных государственных ведомствах, социально-экономических связей государственных деятелей, определение властных структур и критику их изучения. Домхофф отредактировал и издал продолжение этой книги «Power Structure Research II», *Insurgent Sociologist* 9 (Winter 1980), 1—142.

Domhoff, G. William, and Hoyt B. Ballard (eds.). 1968. *C. Wright Mills and the Power Elite*. Boston: Beacon Press. Сборник критических в отношении идей Миллса эссе либеральных, радикальных и интеллектуальных деятелей, включающих также ответ на критику самого Миллса.

Dos Santos, Theotonio. 1970. «The Concept of Social Classes». *Science and Society* 34 (Summer), 166—193. Автор утверждает, что концепция социального класса не была первоначально сформулирована Марксом, что Маркс не дал системной оценки класса. Материал содержит обзор критики, с которой выступили Джордж Гурвич и Станислав Оссовский. В конце идентифицируются пять уровней, использованных Марксом в его анализе класса: способ производства, социальная структура, социальная ситуация, циклы и классовое сознание.

Ehrenreich, Barbara, and John Ehrenreich. 1977. «The Professional-Managerial Class». *Radical America* 11 (March-April), 7—31. Важный анализ среднего класса.

Elliott, Gregory. 1987. *Althusser: The Detour of Theory*. London: Verso. Первоклассная критическая оценка Альтюссера, его жизни и идей.

Elster, Jon. 1985. *Making Sense of Marx*. Cambridge: Cambridge University Press. Исчерпывающий обзор идей Маркса. Автор игнорирует теорию стоимости и падение нормы прибыли; демонстрирует слабости и непоследовательность Маркса; утверждает, что главная проблема заключается в том, что у Маркса много телеологического, что не может быть подвергнуто количественному и точному анализу. И тем не менее автор считает научный вклад Маркса существенным и предлагает ревизию марксизма, чтобы упорядочить его концепции и приспособить к современности.

Esping-Andersen, Gosta, Roger Friedland, and Erik Olin Wright. 1976. «Modes of Class Struggle and the Capitalist State». *Kapitalistate* 4—5 (Summer), 186—220. Обзор нынешних подходов к теории капиталистического государства. Группа «Капитол капиталистейт» дала критический обзор этой работы (Capitol Kapitalistate Group, 1977).

Flood, Tony. 1977—78. «Jürgen Habermas's Critique of Marxism». *Science and Society* 41 (Winter), 448—464. Благожелательный обзор попыток Хабермаса поставить Маркса в рамки критической теории.

Frankel, Boris. 1987. *The Post-Industrial Utopians*. Madison: University of Wisconsin Press. Автор стремится преодолеть интеллектуальный разрыв между традиционными левыми и сторонниками альтернативных социальных движений и приходит к выводу, что утопические постиндустриальные теоретики выступают за более терпимое, плюралистическое и демократическое будущее, однако игнорируют кризисы и проблемы современного мира.

Freiburg, J. W. 1973. «Sociology and the Ruling Class». *Insurgent Sociologist* 3 (Summer), 12—26. Рассматриваются и сравниваются западные буржуазные и восточноевропейские социалистические идеи о правящем классе.

Frentzel-Zagórska, Janina, and Krzysztof Zaagórski. 1989. «East European Intellectuals on the Road of Dissent: The Old Prophecy of a New Class Re-examined». *Politics and Society* 17 (March), 89—113. Авторы отвергают теории о «новом интеллектуальном классе», который приходит к власти в обществах государственного социализма, и делают вывод, что в Восточной Европе не существует третьего пути между этатизмом советского типа и рыночным капитализмом.

Friedman, Jonathan. 1974. «Marxism, Structuralism, and Vulgar Materialism». *Man* 9 (September), 444—469. Помимо нападок на вульгарный и механистический материализм, в статье содержится анализ структуралистской марксистской модели.

Giddens, Anthony. 1973. *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson University Library. Детальный анализ

понимания категории класса в прошлом и настоящем. Автор рассматривает марксистскую и веберовскую ее интерпретацию, а также теории Ральфа Дарендорфа, Раймона Арона и др. В статье переоценивается теория класса и обсуждаются перспективы классового общества.

_____. 1977. «Review Essay: Habermas's Social and Political Theory». *American Journal of Sociology* 83 (July), 198—212. Полезный обзор основных работ Хабермаса на английском языке.

Girardin, Jean-Claude. 1974. «On the Marxist Theory of the State». *Politics and Society* 4 (Winter), 193—223. Критическая оценка подхода французских структуралистов к теории государства.

Godelier, Maurice. 1973. «Structure and Contradiction in Capital». In Robin Blackburn (ed.), *Ideology in Social Science*, chap. 15, 334—368. New York: Vintage Books. Выявляются элементы структурализма в трудах Маркса и Леви-Строса.

Gold, David A., Clarence Y. H. Lo, and Erik Olin Wright. 1975. «Recent Developments in Marxist Theories of the Capitalist State». *Monthly Review* 27 (October), 29—43 and (November), 36—51. Исчерпывающий обзор различных подходов к изучению капиталистического государства.

Goldmann, Lucien. 1977. *Lukács and Heidegger: Towards a New Philosophy*. Translated by William Q. Boelhower. London: Routledge and Kegan Paul. Попытки отыскать сходства и различия между экзистенциализмом Хайдеггера и марксизмом Лукача. В книге приводится словарь терминологии и концепций.

Gorz, André. 1980. *Farewell to the Working Class*. London: Pluto Press. Автор подвергает сомнению суждения о роли рабочего класса в развитии социалистического общества, утверждает, что значение тяжелой промышленности в обществе падает и обращает внимание на группы, основанные на гендерной, национальной, возрастной и общинной принадлежности.

Gramsci, Antonio. 1971. *Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci*. Edited and translated by Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. London: Lawrence and Wishart. Важное значение имеют тезисы о государстве и гражданском обществе.

Hazelrigg, Lawrence E. 1972. «Class, Property, and Authority: Dahrendorf's Critique of Marx's Theory of Class». *Social Forces* 50 (June), 473—487. Приводится критика Дарендорфом классовой теории Маркса, завершается статья поддержкой Маркса.

Hilton, Rodney (ed.). 1976. *The Transition from Feudalism to Capitalism*. London: New Left Books. Сборник статей, опубликован-

ных в 1950—60-х гг. и отражающих дебаты между Суизи, Доббом и др. по вопросу о переходе от феодализма к капитализму.

Hobsbawm, Eric J. 1965. «Introduction». In Karl Marx, *Pre-Capitalist Economic Formations*. Translated by Jack Cohen. New York: International Publishers. Важный анализ отношения Маркса к докапиталистическим формациям с отрывками из «Критики политической экономии».

Hochfeld, Julian. 1967. «The Concept of Class Interest». *Polish Sociological Bulletin* 16 (2), 5—14. Ортодоксальный марксистский взгляд на класс и классовый интерес, связанный с сознанием.

Hodges, Donald Clark. 1959. «The Role of Classes in Historical Materialism». *Science and Society* 23 (Winter), 16—26. Анализируется ключевой постулат Маркса о том, что разделение на классы лежит в основе исторических способов производства и является основой исторического материализма.

Hopkins, Terence K. 1977. «Notes on Class Analysis and the World-System». *Review* 1 (Summer), 67—72. Исследование вопроса о том, как классовый анализ может быть использован в концепции мировой системы Валлерстайна.

Horowitz, Irving Louis, and Ellen Kay Trimberger. 1976. «State Power and Military Nationalism in Latin America». *Comparative Politics* 8 (January), 223—244. Оценка роли государства в Латинской Америке с точки зрения возможности автономного развития.

Jessor, Bob. 1985. *Nicos Poulantzas: Marxist Theory and Political Strategy*. London: Macmillan. Благожелательное, глубокое и критическое рассмотрение идей Пулантца.

Johnson, Dale. 1978. «Strategic Implications of Recent Social Class Theory». *Insurgent Sociologist* 8 (Winter), 40—44. Автор признает важность структуралистской теории государства и класса, но по-прежнему критичен в оценке ее статичных последствий.

Keleman, Paul. 1976. «Towards a Marxist Critique of Structuralist Anthropology». *Sociological Review* 24 (November), 869—875. Критика некоторых теорий из ранних работ структуралиста Леви-Строса.

Laclau, Ernesto. 1975. «The Specificity of the Political: Around the Poulantzas-Miliband Debate». *Economy and Society* 5 (February), 87—119. Reprinted in Laclau, *Politics and Ideology in Marxist Theory*. London: New Left Books. Критика Пулантца (Poulantzas, 1973) и оценка Милибенда (Miliband, 1973).

Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso. Авторы формулируют постмарксистскую позицию, делая акцент в поисках

политики перемен не на рабочем классе, а на политических партиях и социальных движениях.

Leys, Colin. 1976. «The 'Overdeveloped' Post-Colonial State: A Re-evaluation». *Review of African Political Economy* 5 (January-April), 39—48. Критика работ о постколониальном государстве в Африке, включая труды Хамзы Алави и Джона Сола.

Lockwood, David. 1958. *The Backcoated Worker: A Study in Class Consciousness*. London: George Allen and Unwin. Эмпирическое исследование сознания среди канцелярских работников и рабочих, занятых физическим трудом, на основании данных об их занятиях и мобильности, места в существующем разделении труда и социального статуса.

Lukács, Georg. 1971. *History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics*. Translated by Rodney Livingstone. London: Merlin Press. Основополагающий труд, представляющий, наряду с обзором ранних работ Маркса, критическую теорию класса и классового сознания.

McCarthy, Thomas, 1978. *The Critical Theory of Jürgen Habermas*. Cambridge: M.I.T. Press. Подробный анализ работ Хабермаса, состоящий из пяти разделов: теория и практика в научной цивилизации; знание и интересы людей; методология критической теории; основы — теория коммуникации; проблемы легитимности в развитом капитализме. Библиография.

McClosky, Herbert. 1964. «Consensus and Ideology in American Politics». *American Political Science Review* 58 (June), 361—382. Защита тезиса о том, что американская политическая жизнь ориентируется на консенсус.

McNall, Scott G., Rhonda F. Levine, and Rick Fantasia (eds.). 1991. *Bringing Class Back In: Contemporary and Historical Perspectives*. Boulder, Colorado: Westview Press. Антология статей о социальном классе с призывом сосредоточить внимание в социальных науках на проблемах класса. Разделы о классовой структуре: формирование класса; властные структуры класса; классовый конфликт и классовая борьба; культура, идеология и сознание.

Masters, Marick F., and John D. Robertson. 1988. «Class Compromises in Industrial Democracies». *American Political Science Review* 82 (December), 1183—1201. Попытка интегрировать классовый конфликт в более широкую концепцию демократической стабильности. Авторы приходят к выводу, что экономика — основа классового компромисса и конфликта; политика релевантна в той мере, в какой партии соглашаются на вовлечение государства; институционализация

классовых отношений ведет не только к вмешательству государства, но и к смягчению классового конфликта.

Miliband, Ralph. 1969. *The State in Capitalist Society: An Analysis of the Western System of Power*. New York: Basic Books. «Инструменталистский» подход ведущего английского марксиста к государству и классу.

_____. 1973. «Poulantzas and the Capitalist State». *New Left Review* 82 (November-December), 83—92. Обзор структуралистской теории Пулантца.

Mollenkopf, John. 1975. «Theories of the State and Power Structure Research». *Insurgent Sociologist* 3 (Summer), 245—264. Критика инструменталистской и структуралистской школ. Попытка выйти за пределы этих школ с предложением научного поля деятельности для будущих исследований.

Mosca, Gaetano. 1939. *The Ruling Class: Elementi di Scienza Politica*. Edited and revised with an introduction by Arthur Livingston, translated by Hannah D. Kahn. New York: McGraw-Hill Book Co.

Navarro, Vicente. 1991. «Class and Race: Life and Death Situations». *Monthly Review* 43 (September 1991), 1—13. Утверждается, что класс как категория затушевывается в статистическом анализе с акцентом на национальности, гендере и регионе, а также мифом о том, что большинство американцев принадлежит к среднему классу.

Offe, Claus. 1972a. «Advanced Capitalism and the Welfare State». *Politics and Society* 2, no. 4 (Summer), 479—488. Анализируется противоречия государства всеобщего благоденствия в условиях развитого капитализма.

_____. 1972b. «Political Authority and Class Structures — An Analysis of Late Capitalist Societies». *International Journal of Sociology* 2 (Spring), 73—108. Рассматривается тенденция государств вмешиваться в капиталистические общества нового времени, акцентом на классовом анализе.

Omvedt, Gail. 1973. «Towards a Theory of Colonialism». *Insurgent Sociologist* 3 (Spring), 1—24. Классовый анализ колониального общества.

Ossowski, Stanislaw. 1963. *Class Structure in the Social Consciousness*. Translated by Sheila Patterson. London: Routledge and Kegan Paul. Критический обзор исторических и современных концепций класса, сделанный польским ученым.

Parenti, Michael. 1970. «Power and Pluralism: A View from the Bottom». *Journal of Politics* 32 (August), 501—530. Автор рассматривает плюралистические и антиплюралистические взгляды на пробле-

мы власти.

Pareto, Vilfredo. 1966. *Sociological Writings. Selected and introduced by S. E. Finer, translated by Derick Mirfin.* New York: Frederick A. Praeger. Избранные места из книги Парето «Трактат по общей социологии» с интересным введением в идеи Парето.

Parkin, Frank. 1971. *Class Inequality and Political Order: Social Stratification in Capitalist and Communist Societies.* New York: Praeger Publishers. Критики неовеберовских подходов к стратификации и исследование идей, относящихся к природе социального класса в капиталистических и коммунистических обществах.

Polsby, Nelson W. 1963. *Community Power and Political Theory.* New Haven: Yale University Press. Критический и системный анализ предшествующего изучения общин и призыв к плюралистической альтернативе.

Poster, Mark. 1974. «Althusser on History Without Man». *Political Theory* 2 (November), 393—499. Важный обзор основных теоретических идей Альтюссера.

Poulantzas, Nicos. 1969. «The Problem of the Capitalist State». *New Left Review* 58 (November-December), 67—78. Обзор работы Милибенда (Miliband, 1969).

_____. 1973. *Political Power and Social Classes.* London: New Left Books and Sheed and Ward. Автор представляет свою структуралистскую теорию государства и классов.

_____. 1976a. «The Capitalist State: A Reply to Miliband and Laclau». *New Left Review* 95 (January-February), 63—83. Критика и самокритика с учетом мнений Милибенда и Лакло, выраженных ими в предшествующих обзорах работ Пулантца.

_____. 1976b. *The Crisis of the Dictatorships: Portugal, Greece, Spain.* London: NLB. Сравнительный анализ перехода от диктатуры к демократическому правлению в Испании, Португалии и Греции.

_____. 1977. «The New Petty Bourgeoisie». In Alan Hunt (ed.), *Class and Class Structure*, 113—134. London: Lawrence and Wishart. Развитие теории автора о среднем классе, который он называет новой мелкой буржуазией.

_____. 1978. *State, Power, and Socialism.* London: NLB. Последняя книга этого автора с ясным изложением позиции о государстве и классе и с особым вниманием к классу и социальным движениям.

Prewitt, Kenneth, and Alan Stone. 1973. *The Ruling Elite: Elite Theory, Power, and American Democracy.* New York: Harper and Row. Системный обзор взглядов на теорию элиты и анализ дебатов между

теми, кто выступает с тезисом о властвующей элите, и сторонниками плюрализма.

Resnick, Stephen, and Richard D. Wolff. 1982. «Classes in Marxian Theory». *Review of Radical Political Economics* 33 (Winter), 1—18. Попытка выйти за пределы двухклассового подхода, отраженного в ортодоксальных марксистских трудах.

Rich, Harvey. 1970. «Marxism as Dogma, Ideology, and Theory in Contemporary Political Sociology». *Canadian Journal of Political Science* 9 (December), 654—667. Анализируются три современных варианта применения марксизма к политической социологии: догматическое приспособление марксистских категорий к современной классовой структуре Юлиан Хохфельд; распространение марксистской теории государства на современные буржуазные демократии (Ральф Милленд); эмпирическая оценка поляризации рабочего класса в развитых странах (Майкл Манн).

Roemer, John. 1988. *Free to Lose*. Cambridge: Harvard University Press. Резюме предшествующей работы автора, особое внимание уделяющего отношениям собственности. Автор связывает класс с богатством и эксплуатацией и утверждает, что классовой борьбе способствует богатство и господство, а не эксплуатация.

_____. 1989. «Visions of Capitalism and Socialism». *Socialist Review* 19 (July-August), 93—100. В этом кратком исследовании автор развивает свой тезис о том, что эксплуатация является следствием неравного распределения прав собственности, и не ставит во главу угла отношения господства.

Rose, Arnold M. 1967. *The Power Structure: Political Process in American Society*. London: Oxford University Press. Критика предшествующих дефиниций власти. В своем анализе американской политики автор поддерживает плюралистическую концепцию власти.

Sitton, John F. 1990. «Citizens and Classes: Political Isolation and Class Formation». *Critical Sociology* 17 (Summer), 3—33. Автор рассматривает различные теоретические позиции классиков и нынешних теоретиков по вопросу о том, будет ли развитие демократии при капитализме способствовать организации рабочих для реализации их классовых целей. В статье приводятся ссылки на Грамши, Лукача, Пулантаса, Пржеворского и Катцельзона, считающих, что капиталистическая демократия разрушает рабочий класс.

Slater, Phil. 1977. *Origin and Significance of the Frankfurt School: A Marxist Perspective*. London: Routledge and Kegan Paul. Подробный анализ образования и эволюции Франкфуртской школы и взглядов ее основных представителей.

Stolzman, James, and Herbert Gamberg. 1973—74. «Marxist Analysis Versus Stratification Analysis as General Approaches to Social Inequality». *Berkeley Journal of Sociology* 18, 105—125. Авторы рассуждают о марксистской концепции класса, включающей теории прибавочной стоимости и накопления капитала.

Sweezy, Paul. 1991. «Class Societies: The Soviet Union and the United States». *Monthly Review* 43 (December), 1—17. Два интервью с известным американским экономистом, выступающим за классовый анализ как средство понимания быстро меняющихся условий в обеих странах.

Szymanski, Albert. 1978. *The Capitalist State and the Politics of Class*. Cambridge, Massachusetts: Winthrop Publishers. Важная книга о государстве и классе с анализом марксистского подхода и опыта Соединенных Штатов.

Therborn, Gorän. 1976. «What Does the Ruling Class Do When It Rules? Some Different Approaches to the Study of Power in Society». *Insurgent Sociologist* 6 (Spring), 1—16. Критическая оценка основных подходов к изучению класса и власти. В статье утверждается, что Маркс выдвинул концепцию классов, исходя из производственных, а не рыночных или обменных отношений.

Wacquant, Loïc J. D. 1991. «Making Class: the Middle Class(es) in Social Theory and Social Structure». In Scott G. McNall, Rhonda E. Levine, and Rick Fantasia (eds.), *Bringing Class Back In*, 39—64. Boulder, Colorado: Westview Press. Полезный критический обзор подходов к среднему классу в марксистском и немарксистском анализе.

Wallerstein, Immanuel. 1975. «Class-Formation in the Capitalist World-Economy». *Politics and Society* 5 (3), 367—375. Автор анализирует значение классов и этнонаций в рамках триады мировой системы (центр, полупериферия и периферия).

Wolfe, Alan. 1974. «New Directions in the Marxist Theory of Politics». *Politics and Society* 4 (Winter), 131—160. Обзор попыток сформулировать теорию государства. Особое внимание автор обращает на роль государства как предмета изучения в современной политологии.

Wood, Ellen Meiksins. 1989. «Rational-Choice Marxism: Is the Game Worth the Candle?» *New Left Review* 177 (September-October), 41—88. Followed by a reply by Alan Carling. «In Defence of Rational Choice: A Reply to Ellen Meiksins Wood», 97—109. Последовательная критика марксистского рационального выбора. Автор считает, что попытка воссоздать жесткость марксизма, характерная для подобного подхода, ведет к общему отрицанию марксизма в теории и практике.

Wright, Erik Olin. 1976. «Class Boundaries in Advanced Capitalist Societies». *New Left Review* 98 (July-August), 3—44. Подробная и критическая оценка работы Пулантаса «Классы в современном капитализме» (*Classes in Contemporary Capitalism*).

_____. 1978. *Class, Crisis, and the State*. London: NLB. Первая книга автора о социальных классах с тезисом о противоречивости определения класса.

_____. 1985. *Classes*. London: NLB. Автор останавливается на критике своего раннего тезиса о противоречивости определения класса и классовых отношений (1978), затем анализирует свою новую позицию с акцентом на эксплуатации. Во второй части книги приводятся эмпирические данные и делается попытка обосновать собственную концептуализацию. Баррис (Burgis, 1988) и др. выступают с критикой этой работы.

_____. 1991. «The Conceptual Status of Class Structure in Class Analysis». In Scott G. McNall, Rhonda F. Levine, and Rick Fantasia (eds.), *Bringing Class Back In*. 17—37. Boulder, Colorado: Westview Press. Автор разграничивает макро- и микроподходы к классу и оправдывает свой микроподход в качестве основы для осуществления конкретного анализа. Он пишет о собственной приверженности к марксистской концепции класса, сравнивая и противопоставляя ее веберовской.

Zeitlin, Maurice. 1974. «Corporate Ownership and Control: The Large Corporation and the Capitalist Class». *American Journal of Sociology* 79 (March), 1073—1119. Критика различных теорий собственности и контроля крупных корпораций в попытке выработать подход для изучения господствующего класса в Соединенных Штатах.

Часть четвертая
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ВОС- СОЗДАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТО- ЛОГИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В начале книги говорится, что сравнительная политология включает в себя все вопросы политической жизни и изучение политики нельзя изолировать от социально-экономических проблем. Однако литература основного направления сравнительной политологии зачастую игнорирует такую точку зрения, усугубляя и увековечивая этноцентрические и статичные парадигмы. Происхождение подобных парадигм непосредственно связано с позитивистскими теориями XIX в. Они преобладают и в современной социологии Запада. Я сделал краткий обзор этой литературы, рассмотрел теории системы и государства, развития и слаборазвитости, культуры и класса, а также синтезировал главные объекты критики этих теорий, которая вскрывает слабости и противоречия традиционных методов политологии и парадигм, а также обнаруживает стремление ученых сформулировать и развить на новом этапе альтернативные подходы к этой науке. В поисках альтернатив эти ученые неизбежно обратились к Марксу и к политэкономии. Критика Марксом политэкономии была основана на методологии, чуждой буржуазной социологии, но создала контр-парадигму, повлиявшую не на одно поколение будущих ученых.

В этой заключительной главе я концентрирую внимание на политэкономии и подвожу итоги обсуждения, содержавшегося в предыдущих главах, обращаясь к работам ведущих ученых и их наиболее существенным идеям. Прежде всего я даю обзор основных дефиниций политэкономии, выявляю ее ключевую проблему и рассматриваю несколько возможностей ее преодоления. Далее, я исследую эпистемологические начала и черты, определившие развитие интеллектуальных традиций политэкономии от античных времен до современности, с особым акцентом на оценку этого процесса Марксом. Наконец, я призываю к новому синтезу в политэкономии, для чего предлагаю направления исследо-

вания в сравнительной и международной политэкономии с учетом опыта крупнейших ученых, формирующих ныне наше восприятие политико-экономических проблем. При этом моя попытка противопоставить немарксистское мышление марксистскому нужна для того, чтобы преподаватели и студенты ясно представляли себе методологию и ценности, на которых основываются их научные исследования.

— К марксистскому пониманию политэкономии —

Третье издание уэбстеровского «Нового международного словаря» определяет политическую экономию просто как «общественную науку, занимающуюся соотношением политических и экономических процессов». Экономисты, как правило, подчеркивают экономический аспект политэкономии. Например, Мандель датировал зарождение этой науки «развитием общества, основанного на мелкотоварном производстве» (Mandel, 1968:2:692). Главная работа Маркса «Капитал» имеет подзаголовок «Критика политической экономии», и в ней делается акцент на таких понятиях, как товар, деньги, прибавочная стоимость и накопление капитала. В предисловии к «К критике политической экономии» Маркс прежде всего отметил, что рассматривает систему буржуазной экономии с категорий капитала, земельной собственности и наемного труда (Маркс и Энгельс, т. 13:5), а в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» («Введение») он акцентировал внимание на всем «общественно-определенном производстве индивидов» (т. 46:1:17) и осуждал своих предшественников, в частности Адама Смита и Пьера Жозефа Прудона, за построение концепций политэкономии на основе иллюзий XVIII в. относительно общества свободной конкуренции, где личность представляется освобожденной от естественных ограничений. Маркс напоминал, что такое понятие свободы личности эволюционировало с крушением феодальных устоев общества и с созданием начиная с XVI в. новых производительных сил. К XVIII в. буржуазное общество утвердилось. Это был период, когда стало преобладать мнение индивида и одновременно взаимоотношения индивида и общества достигли такого уровня, что индивид мог развиваться лишь в самом обществе, не в изоляции от него. Против иллюзии, индивидуализма, нашедшей отражение в «Робинзоне Крузо» Даниэля Дефо, Маркс направил свою критику, имея в виду типологически сходные с подобными иллюзиями ранние буржуазные концепции политэкономии. Труды Адама Смита способствовали увековечению такой буржуазной концепции. Они оказали влияние на Давида Рикардо, тео-

рию стоимости которого, в свою очередь, использовали социалисты-утописты Роберт Оуэн в Англии и Пьер Жозеф Прудон во Франции. Знакомство Маркса с идеями Рикардо привело автора «Капитала» к переоценке, критике и новому пониманию политической экономии.

Если экономика возобладала в теориях политической экономии, то как обстояло дело с политикой? Уэбстеровский словарь определяет политэкономия XVIII в. как ту область деятельности государства, где оно стремится вести политическую линию в направлении усиления собственной роли и увеличения общественного богатства. В словаре далее говорится, что в XIX в. политэкономия являлась общественной наукой, имеющей отношение к экономике, но в основном изучавшей деятельность государства, а не экономику торговли или личного хозяйства. Примечательно, что применение методов политической экономии не привело к возникновению устойчивых традиций в исследовании деятельности государства, и в политологии они появились совсем недавно. В первые десятилетия XX в. работа политологов носила скорее описательный, чем теоретический характер, они более сосредоточивали свое внимание на изучении официальных правовых и государственных институтов. В середине XX в. тенденция эта продолжалась, но в сферу внимания ученых стали также попадать неофициальные институты и процессы, а также проблемы, совсем не глобальные по своему характеру. Нынешнее возрождение интереса к политической экономии — следствие не столько усилий политологов, сколько воздействия радикальных экономистов и социологов.

Еще в 1970 г. составители «Международной энциклопедии общественных наук» сознательно не стали включать в нее статью о политэкономии, а Дэвид Истон, поднимая вопросы политологии, вообще не упомянул о политэкономии. Политологию же он назвал наукой, находящейся в поисках собственной идентичности, и признал, что она обязана Марксу дифференцированием государства и общества. «Политология смогла возникнуть в качестве дисциплины, отдельной от других социальных наук, отчасти благодаря выдвинутой Марксом идее различия между государством и обществом, о котором до него фактически ничего не было известно» (Easton, 1968:295). Критикуя Гегеля, Маркс рассматривал возникновение государства в современную эпоху. По его мнению, разделение между гражданским обществом и государством стало новым явлением, усилившим капитализм. Хотя Истон и отдавал Марксу должное за это открытие, сам он был причастен к созданию и распространению движения в политэкономии, которое ставило перед собой цель отбросить концепцию государства, заменив ее концепцией политической системы. Марксистское понимание государства было

также отвергнуто немецкими политологами-позитивистами, подчеркивавшими правовые и конституционные аспекты государства и оказавшими влияние на первых американских политологов.

Маркс выработал свою концепцию государства в ходе политических и экономических исследований. В начале 1840-х гг., обеспокоенный собственным непониманием экономических проблем, он переключил внимание с юриспруденции на материальную сферу. «Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть понятны ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях...» (Маркс и Энгельс, т. 13:6). В 1845—46 гг. Маркс и Энгельс связали свою концепцию государства с производственным базисом общества в сменяющих друг друга исторических эпохах. Они рассмотрели интересы индивида, отдельной семьи и общие интересы всех индивидов. Разделение труда и частная собственность способствуют нарастанию противоречий между интересами индивида и общества, и общественные интересы принимают независимую форму по мере того, как государство отделяется от подлинных интересов индивида и общества. Демонстрируя такое отделение государства от общества, Маркс и Энгельс считали, что не следует изыскивать категории, пригодные для каждого исторического периода; это было бы идеализмом. Вместо этого нужно уметь объяснять формирование идей, исходя из материальной практики; необходимо изучать в целом весь процесс взаимоотношений между материальным производством и государством, а также формы сознания, религии и т.п.

...Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения... как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д. и т.д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно изобразить весь процесс в целом... (Маркс и Энгельс, т. 3:36—37).

Из высказывания Маркса и Энгельса явствует, что в этот ранний период своей деятельности они выработали концепцию базиса и надстройки, которую Маркс сформулировал в 1859 г. (Маркс и Энгельс,

т. 13:6—7). Соответственно этой концепции, базис, или экономический строй общества, становится реальной основой, на которой люди строят необходимые отношения, не поддающиеся контролю. Правовая и политическая надстройка является отражением этого базиса, и перемены в экономической основе приводят к изменениям в надстройке. Известный отрывок из предисловия к «К критике политической экономии», в котором очерчена эта концепция базиса и надстройки, подвергался нападкам как детерминистский, догматический и статичный. Приходится согласиться, что осуществленный Марксом синтез собственных представлений низводит общественные отношения до дихотомии категорий и упрощенных формулировок. Однако вместе с тем в этом отрывке выражены основополагающие марксистские концепции, а также точка отправления для анализа связи между политикой и экономикой. Ниже мы рассмотрим эти концепции, но скептически настроенный ученый или учащийся должен также прочесть немало работ Маркса, чтобы понять, к каким глубоким обобщениям привела его ориентированность на политическую экономию.

Сфокусированность на политической экономии, конечно, может помочь нам разобраться в том, что отделяет сегодня политику от экономики, но необходимо также рассмотреть и проблему разделения политологии на сравнительную и международную. Сравнительная политология традиционно изучает роль правительства и государства, однако в конце 1950-х гг. специалисты пришли к мнению, что концепция политической системы должна заменить концепцию государства. Под влиянием Истона Габриэль Алмонд и другие считали, что концепция государства ограничена правовыми и институциональными параметрами. Понятие системы, как более нейтральное, переключает внимание с классового общества, с взаимоотношений различных классов на средства производства и производительные силы. В настоящее время термин «система», как правило, связывают со страной, и сравнительная политология проявляет тенденцию к конфигуративному и аналитическому изучению стран. О системе говорят также при изучении мировой политики, особенно это относится к работам Ричарда Снайдера и Мортона Каплана. Помимо системного подхода, в области международной политологии применительны традиционный исторический; геополитический; бихевиористский; основанный на концепции баланса сил, или равновесный, подходы. Все они обычно сосредоточены на политических проблемах и явно пренебрегают экономическими соображениями. Интерес к политэкономии появляется, лишь когда международная политология занимается проблемами империализма или зависимости.

Однако при изучении империализма и зависимости возникает еще одна проблема. «Первый» и «второй» миры отделены от «третьего» мира, а иногда даже и от «четвертого» мира. Развитые, или передовые, страны являются прямой противоположностью развивающимся; слаборазвитым или менее развитым. Взгляд на капитализм в мировом масштабе предполагает анализ ситуации как в странах промышленного или современного центра, а также в отсталых странах на периферии. Внешние оценки отличаются от внутренних, метрополии — от сателлитов. Синтез редко интегрирует эти явно дихотомические области или явления должным образом, так как мы разделяем не целостные, а сегментированные представления. Исключением из такой практики является книга Пола Кеннеди «Подъем и падение великих держав» (1987). Ощущается явная необходимость найти решение этой проблемы. Оно возможно с помощью педагогики, теории, метода и концепции, и мы вкратце на этом остановимся.

Педагогика

Согласно логике Томаса Куна, понимание парадигмальных различий может привести к новым направлениям в педагогике и обучении (Deol, 1976). Кун предположил, что парадигмы играют ведущую роль в научной практике. Парадигма — это взгляд на мир, выработанный научным сообществом и включающий в себя убеждения и приверженность теории, методологии, методу и концепции.

Я охарактеризовал господствующую сегодня основополагающую парадигму современной политологии. Зарождение этой парадигмы мы находим в позитивистских традициях, оказавших влияние на многих ученых конца XIX в. и бихевиористов XX в. Их идеи способствовали отделению факта от ценности в современном изучении политической жизни. Данная парадигма также вбирает в себя либеральную посылку о том, что каждый индивид имеет право на собственное мнение и его выражение. Свобода совести и секуляризация являются идеалами этой парадигмы и подкрепляют господствующее в США мнение о том, что плюрализм и консенсус определяют всю политическую жизнь. Такое мнение во многом выработалось под воздействием идей Макса Вебера. Попытки же сформулировать альтернативную парадигму могут быть следствием первоначального историзма и антипозитивистских реакций на нынешний век. Радикальная альтернативная мысль основывается на посылках, восходящих преимущественно к марксистским идеям.

Теория

Марксистская мысль является целостной, широкомасштабной, унифицированной и междисциплинарной в отличие от неисторичных, фрагментированных и зачастую узких параметров основополагающей парадигмы. Признание этих различий позволяет противопоставлять марксистское и буржуазное влияния, определявшие на протяжении XIX столетия эпистемологический характер политэкономии, а также усматривать разницу между основными направлениями исследования, которые могут реализовать наше стремление сочетать сравнительную и международную политическую экономию. Мое использование концепций марксизма подразумевает их открытость и гибкость, так как я полагаю, что сам Маркс считал марксизм незаконченным, находящимся в состоянии движения, подлежащим изменениям и адаптации в соответствии с жизненной реальностью и практикой.

Метод

В качестве метода наших изысканий в области марксистской теории может быть использована диалектика. Следует отвергнуть выдвинутую сталинистами и другими вульгарными марксистами посылку о том, что диалектика неизбежно приводит к научной истине; так же необходимо поступить и с мнением марксистов-материалистов, отрицающих научность диалектики. Маркс полагал, что диалектика должна сочетаться не с идеалистическим, а с материалистическим взглядом на историю.

Идеалистическая и мистическая диалектика Гегеля являла собой застывшую систему. Диалектика же Маркса претендовала на то, чтобы быть гибким аналитическим методом, а отнюдь не догмой или законченной и закрытой системой. Диалектика позволяет на основе новых фактов создавать теорию, а также интерпретировать факты в свете новой теории. Диалектика не должна использоваться в качестве набора всеобщих законов, разрешающих все проблемы и относящихся ко всем знаниям истории прошлого и настоящего. Не существует точной формулы диалектического научного изыскания, однако ряд общих направлений стоит взять на вооружение. Например, необходимо искать взаимосвязи проблем всего общества и избегать их изучение по отдельности. Следует всегда рассматривать проблемы в динамике, а не в статике, исследуя их происхождение и эволюцию; определять противостоящие силы, их соотношение и конфликтность. Всегда связывать количественные изменения с качественными и наоборот. Всегда следить за тем, нельзя ли исключить какой-либо аспект, если он ис-

ключает или отрицает противоположный аспект, и не может ли новый аспект вытеснить или включить в себя старый. Такие ориентиры, даже выраженные в абстрактной форме, могут вызвать вопросы вполне конкретного характера, и они лежат в основе научного метода в смысле, указанном Марксом, который подчеркивал, что для изучения политической экономии необходимы конкретность, единство многих элементов и синтез. Категория или концепция, рассматриваемые по отдельности, ведут к абстракции, но метод политической экономии должен сочетать абстрактное определение с конкретным синтезом.

Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт... абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления (Маркс и Энгельс, т. 46:1:37).

ТАБЛИЦА 9.1
Концепции политической экономии

<i>Экономический базис</i>	<i>Политическая надстройка</i>
<p>«Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (Маркс и Энгельс, т. 13:6—7).</p>	
<p>Способ производства: совокупность производительных сил и производственных отношений в обществе на данный момент истории. Примеры: примитивный коммунизм, феодализм, капитализм и социализм.</p>	<p>Государство: правовые нормы и институты, включая полицию и регулярную армию, обеспечивающие классовое правление.</p>
<p>Производительные силы: производственные возможности, включая заводы и оборудование, технологию и профессиональную квалификацию.</p>	<p>Класс: большие группы людей, различающиеся отношением к средствам производства, характером труда, долей богатства и положением в обществе. Маркс выделял три крупных класса: наемные рабочие, капиталисты и землевладельцы.</p>
<p>Производственные отношения: разделение труда, приводящее в движение производительные силы и определяемое собственностью на средства производства.</p>	<p>Идеология (или ложное сознание): относится к правовым, политическим, религиозным и философским нормам.</p>
<p>Средства производства: оборудование, земля, здания и механизмы, с помощью которых рабочие производят материальные изделия для себя и общества.</p>	

Концепция

Если теория марксистская, а метод диалектический, то какие концепции полезны в сравнительной и международной политической экономии? Некоторые из основных концепций приведены в табл. 9.1; разумеется, их следует применять во взаимосвязи. Марксистская методология включает в себя множество концепций. Например, необходимое производство удовлетворяет основные потребности людей в еде, питье и т.п. Избыточное развивалось с новыми изобретениями и знаниями, позволившими увеличить производительность труда. Оно привело к разделению и специализации труда. Изменения в производительных силах оказали влияние на производственные отношения, и на определенных исторических этапах стали возможны революция и классовая борьба.

Маркс описал этот процесс следующим образом:

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение... Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества (Маркс и Энгельс, т. 13:7).

Подведу итог сказанному. Во-первых, я стремился к тому, чтобы исследование было целостным и исторически ориентированным, а не ограничивалось рассмотрением отдельных аспектов или текущих вопросов. В мой замысел входило с помощью синтеза и обзо-

ТАБЛИЦА 9.2
Фазы в теории политической экономики

Мелкое товарное производство
Меркантилизм
Классический либерализм
Утопический социализм
Марксизм
Маргинальный анализ и неоклассическая политэкономия
Кейнсианство
Посткейнсианство
Неомарксизм

ра понять самому и объяснить задачи и проблемы общества. Во-вторых, я считаю, что изучение политики должно сочетаться с изучением экономики. Различия между политикой и экономикой, так же как и между сферами сравнительной и международной политики в политологии, часто приводят к путанице и искажению реальности. Кроме того, при уточнении значений таких дихотомических терминов, как «центр» и «периферия», «метрополия» и «государство-сателлит», возникают теоретические и концептуальные трудности. В качестве метода я выбрал диалектику, надеясь, что результатом будет динамичный и интегрированный анализ. В-третьих, в изучении политэкономии используются полярные методологии — ортодоксальная и радикальная, порождающие взаимоисключающие вопросы и объяснения, и потому, чтобы уяснить различия между этими методологиями, я разграничивал марксистские и немарксистские критерии. Я избегал догматических и негибких интерпретаций, признавая неспособность многих научных трудов прояснять концепции и теории. Могу отметить тенденцию полагаться на неясные представления о политике и экономике, а также на импрессионистские наблюдения и описания. Таким образом, я считаю марксизм не идеологией, а скорее методологией и, исходя из этого, надеюсь в какой-то мере сгладить поляризацию, связанную с этим термином. В то же время я полагаю, что ученые и все, кто изучает политологию, могут с полным основанием применять в своих исследованиях как марксистскую, так и немарксистскую методологию. Теперь перейдем к обсуждению эпистемологических начал и происхождения политической экономики и попытаемся выявить различия между этими двумя направлениями исследования.

Происхождение и эволюция политической экономии

Происхождение и эволюцию политической экономии можно рассматривать в виде фаз, перечисленных в табл. 9.2 и признаваемых в многочисленных источниках. Э.К. Хант (Hunt, 1972) предложил самый общий и вместе с тем всеобъемлющий обзор, который особенно полезен тем, кто начинает изучать предмет. Пареш Чаттопадхьяй (Chattopadhyay, 1974) проанализировал различные интерпретации политической экономии от ее зарождения до настоящего времени. Даниэль Фасфельд (Fustfeld, 1966) таким же образом, только глубже и подробнее, проследил эволюцию экономической мысли. Роберт Хайльбронер (Heilbroner, 1961) изучал жизнь, эпоху и теории отдельных ведущих экономистов, включая Смита, Рикардо, Маркса, Веблена и Кейнса. Рональд Мик (Meek, 1956) сконцентрировал усилия на анализе трудовой теории стоимости в качестве основы для понимания политической экономии. Он начал с Фомы Аквинского, указал на значение авторов, стоявших на позициях меркантилизма, а затем подробно охарактеризовал взгляды Смита, Рикардо и Маркса. Кроме того, Мик остановился на критиках марксистской политэкономии, интерес к которым был велик и у Николая Бухарина, рассматривавшего теорию стоимости. Из всех этих авторов только Эрнест Мандель (Mandel, 1968:2, chap. 18:690—730) дал всеобъемлющую интерпретацию и сжатый обзор основных событий политической экономии с древних времен до современности. Во всех этих трудах подчеркиваются теоретические, концептуальные и методологические различия между буржуазной и марксистской политэкономией. Признание этих различий поможет нам разобраться во взглядах наших предшественников и выработать современное понимание политической экономии.

Следующий ниже общий обзор проблематики, касающейся ведущих мыслителей, тенденций и влияний, сформировавших концепции политической экономии, за недостатком места, предельно краток. Этот обзор послужит путеводителем в прошлое и облегчит задачу тем, кто стремится к современному пониманию политической экономии. Мандель (1968: 2:692) датировал зарождение политэкономии эпохой возникновения мелкотоварного производства. Как только товарное производство начинает реагировать на потребности рынка и появляются деньги, сразу же происходят колебания цен, отдельные производители влезают в долги, и примитивные общинные отношения начинают распадаться. Далее мы поговорим о взглядах

крупнейших мыслителей, сформировавших теорию политической экономии с древнейших времен до наших дней.

Теоретики Древнего мира и Средневековья

Мелкотоварное производство зародилось в Древнем Китае и Древней Греции. Мо-Цзы в Китае, Платон и Аристотель в Греции пытались проанализировать нестабильность, сопровождающую мелкотоварное производство, и найти пути решения этой проблемы в интересах коллективного сообщества. Они признавали влияние разделения труда на товарное производство и определяли разницу между потребительной и меновой стоимостью. В частности, именно Аристотель выявил эту двойственную концепцию товара. Мо-Цзы считал, что источником стоимости является сельскохозяйственный труд, а Платон приблизился к определению «реальной теории трудовой стоимости» (Mandel, 1968:2:694). Расширение мелкотоварного производства в Средние века побудило теологов-схоластов Альберта Магнуса и Фому Аквинского разработать «Канонический подход к проблеме стоимости» (Meek, 1956:12). Фома Аквинский пытался определить «справедливую» цену, оправдывая тем самым купеческую прибыль и защищая существующий порядок. С развитием международной торговли и денежного обращения эта средневековая концепция справедливой цены утратила свое значение. Другой мыслитель-схоласт Дунс Скот работал над теорией меновой стоимости, определяемой трудовыми затратами, а исламский философ Абдаррахман Ибн Хальдун отстаивал историко-материалистический взгляд на историю (Mandel, 1968:2:697).

Меркантилисты

Период между XIV и XVII в. не был отмечен большими достижениями в политической экономии. Главный интерес вызывала природа богатства в обезличенной системе рынков. Трансформация Европы, перешедшей от феодализма к ориентированной на прибыль рыночной экономике покупателей и продавцов, была связана с открытием и завоеванием новых географических регионов, новыми потоками капитала, устремившего в Новый Свет и обратно. Монархи и торговцы способствовали росту национализма, разрушению местных барьеров в коммерческой деятельности и получали выгоды от внешней торговли и ослабления традиционной власти церкви и дворян.

Авторы-меркантилисты этого периода прагматически анализировали, каким образом государства богатеют. Они полагали, что для сдер-

живания корыстного индивидуализма, способного привести к уменьшению богатства, необходимы регулирование и контроль. Их внимание было приковано к активному платежному и благоприятному внешнеторговому балансу, к производству и плодородию почв. Меркантилисты раннего периода рассматривали экономику с позиций обращения товаров, а авторов конца XVII и XVIII в. занимала проблема общественного прибавочного продукта, обозначившаяся с ростом производства и повышением культуры земледелия. Согласно Манделю, в политэкономии возникли два направления. Одно из них — британская школа — было представлено Уильямом Петти (автором «Политической арифметики», 1631), который в своем анализе исходил из сельскохозяйственного происхождения прибавочной стоимости. Петти писал не о прибылях, а о земельной ренте, но в целом меркантилисты испытывали трудности, пытаясь примирить трудовые и земельные отношения. Иную точку зрения отстаивала школа французских физиократов. Ее представитель Пьер Буагильбер (автор книги «Часть Франции», 1695), считал сельскохозяйственный труд единственным источником стоимости. Видный физиократ Франсуа Кенэ, написавший «Экономическую таблицу» (1758), критиковал меркантилистов, полагавших, что богатство происходит от торговли и промышленности, и акцентировал внимание на производимом в сельском хозяйстве прибавочном продукте. Он выступал за то, чтобы налоги платили землевладельцы, а не мелкие фермеры, торговцы и производители, которые должны быть конкурентоспособными. Если Кенэ не придавал особого значения промышленному капиталу и подчеркивал важную роль общественной прибыли, то Никола Барбон («Беседа о торговле», 1690) связывал стоимость товара с затратами на его изготовление. Мик полагал, что теория Барбона знаменует собой переход от меркантилизма к классической теории Адама Смита и др.

Представители классического либерализма

Английские мыслители Дадли Норт («Беседы о торговле», 1691) и Джон Локк внесли вклад в экономический либерализм классической теории, разработанной Смитом (Fusfeld, 1966). Норт подверг критике националистическую политику меркантилизма и выступал за свободу торговли. Локк связывал труд с частной собственностью и богатством. Он утверждал, что производство — это результат индивидуальных усилий по удовлетворению человеческих потребностей и что рабочий должен иметь возможность использовать и потреблять производимый им продукт. Либералы считали, что частную собственность следует защи-

щать, что производство богатства основано на трудовом стимуле, которым индивид обязан праву на собственность. По их мнению, личная инициатива должна быть свободна от ограничений меркантилизма.

Адам Смит создал на основе этих идей классическую политическую экономию. В книге «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776) он свел воедино главные темы — товар, капитал и стоимость, простой и сложный труд. Он первым сформулировал трудовую теорию стоимости, «которая определяет стоимость товаров количеством содержащегося в них труда» (Mandel, 1968:2:701—702). Смит вывел рыночные законы, объяснив их конкурентной борьбой индивидов. Он проанализировал, как эта конкуренция отражается на ассортименте товаров, востребованных обществом в зависимости от спроса и цены, какую оно готово заплатить. Индивидуализм в рыночной экономике означал не хаос, а порядок, поскольку Смит предвосхитил основанное на конкуренции рыночное равновесие.

Своей книгой «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817) Давид Рикардо продемонстрировал, что одновременно является последователем и критиком Смита, и предложил уточнения к политэкономии. Рикардо считал накопление капитала основой экономического роста. Он полагал, что необходимо отменить ограничения на частные инвестиции, а правительства не должны вмешиваться в экономику. Он применял эти принципы к мировому хозяйству, считая, что разделение труда и политика свободы торговли принесут пользу всем народам. Так, Рикардо развил идеи Смита об упорядоченном росте и рыночном равновесии, распространив их на всю мировую экономическую систему. Он также подметил противоречия между интересами землевладельцев и капиталистов — интересы землевладельцев противоречат интересам общества, а интересы капиталистов им соответствуют. Энгельс отмечал важность трудов Рикардо, особенно их влияние на социалистическую интерпретацию политической экономии.

В той мере, в какой современный социализм, независимо от направления, исходит из буржуазной политической экономии, он почти без исключения примыкает к теории стоимости Рикардо. Из обоих положений, которые Рикардо провозгласил в 1817 г. на первых же страницах своих «Начал»: 1) что стоимость всякого товара определяется единственно и исключительно количеством труда, необходимого для его производства; и 2) что продукт всего общественного труда делится между тремя классами: землевладельцами (рента), капиталистами (прибыль) и рабочими (заработная плата), — из обоих этих положений в Англии уже с 1821 г. делались социалистические выводы, и

притом подчас с такой остротой и решительностью, что литература эта, в настоящее время почти совершенно забытая и в значительной своей части вновь открытая лишь Марксом, оставалась непревзойденной до появления «Капитала» (Маркс и Энгельс, т. 21:181).

Из других либералов-классиков следует упомянуть Томаса Р. Мальтуса («Опыт закона о населении», 1820) и Иеремию Бентама («Введение в принципы морали и законодательства», 1789). Мальтус ввел в политэкономии теорию народонаселения, утверждая, что население растет быстрее производства продуктов питания и что, если не контролировать рост населения, массы будут обречены на голод и гибель. По мнению Мальтуса, правительство не должно помогать бедным, так как это уменьшает богатство и доходы высших слоев общества. Бентам считал человеческий эгоизм явлением естественным и желательным, но полагал, что интересы индивидов и общества должны совпадать. Действия правительства приемлемы, если оно не руководствуется узкими интересами отдельных групп, а индивидам необходимо предоставить свободу в рамках моральных и правовых ограничений.

Социалисты-утописты

Благодаря теории Рикардо, посвященной анализу трудовых отношений и производства, и мрачным прогнозам Мальтуса появилась группа социалистов-утопистов, романтиков, выступающих против самых крайних проявлений капитализма. Роберт Оуэн боролся за реформы в трудовых отношениях, включая сокращение рабочего дня и запрещение детского труда. Он полагал, что с изменением условий жизни может быть учрежден рай на земле, и организовывал деятельность сельских кооперативов по разработанной им самим утопической схеме, после чего стал вести организационную деятельность среди рабочего класса Англии. Граф Клод Анри де Рувруа Сен-Симон, аристократ, позднее совершенно обедневший, считал, что рабочие заслуживают наивысшего признания со стороны общества, а лентяи — наименьшего. Он выступал за реорганизацию общества. Хайльбронер причислял к утопистам и Джона Стюарта Милля. В своих «Основаниях политической экономии» (1848) Милль обнаружил социалистические наклонности, пойдя по пути Смита и Рикардо, но с акцентом не на распределении, а на производстве. Еще один социалист-утопист, Прудон, критиковал ортодоксальную экономику своего времени. Критики утопического социализма, включая Маркса, вскрывали слабости этого направления, однако Хэррингтон заметил, что, хотя утопичес-

кие идеи считались всего-навсего «первым робким шагом, не столько устойчивой ценностью, сколько прелюдией», мы не должны забывать, что это движение дало «первое серьезное определение социализма как общественного, морального, феминистского явления, направленного на трансформацию трудовых отношений» (Harrington, 1992:41).

Маркс

Маркс вышел за рамки теорий социалистов-утопистов и классических либеральных мыслителей. Ему принадлежат теория прибавочной стоимости, а также синтез, позволивший объяснить классовую борьбу. Он создал теории цены производства и определил тенденцию нормы прибыли к падению. Он выдвинул основополагающие законы развития: «Разработав теорию воспроизводства капитала и национального дохода и выдвинув теорию кризисов, Маркс впервые осуществил практический синтез микроэкономических и макроэкономических идей» (Mandel, 1968:2:705). В своих ранних трудах Маркс выступал против социалистов-утопистов, а в более поздних работах сконцентрировал внимание на всех своих предшественниках, и в первую очередь на либеральных экономистах-классиках Рикардо и Смита. Например, в «Нищете философии» Маркс вскрыл «метафизику» политэкономии Прудона и выступил против использования застывших, неизменных и вечных категорий. Он считал необходимым вместо этого исследовать историческое движение производственных отношений, а не их теоретическое выражение как категорий или спонтанных и абстрактных идей. Кроме того, Маркс настойчиво утверждал, что производственные отношения любого общества составляют единое целое; нельзя отделять части от целого, поэтому следует объяснять общество с учетом всех отношений, одновременно сосуществующих и поддерживающих друг друга.

Неоклассики-маргиналы

Угроза социализма вызвала появление маргинальной теории стоимости и неоклассической политической экономии. Популяризация идей Рикардо, теории социалистов-утопистов, а также влияние Маркса и Энгельса привели не только к буржуазному наступлению на марксизм, но и к попыткам предать забвению трудовую теорию стоимости, сформулированную в трудах Смита, Рикардо и классических политэкономистов. Неоклассики стремились быть точными до мелочей и прибегали в своем анализе к абстракциям, следуя тем самым традиции мик-

роэкономистов. Против марксизма выступали разные неоклассические школы, в том числе историческая в Германии, представленная Вильгельмом Рошером, Эдуардом Гильдебрандтом, Густавом Шмоллером, Карлом Бюхером и др.; австрийская школа Карла Менгера, Эйгена Бём-Баверка и Фридриха Визера; британская Уильяма Стэнли Дживонса; а также швейцарская Леона Вальраса. Бухарин систематически изучал теории и идеи представителей этих школ, в первую очередь Бём-Баверка. Неоклассики придавали особое значение экономическому равновесию, поэтому их часто критиковали за игнорирование причин нарушения такого равновесия; рамки их деятельности были статичны, лишены динамики, они не занимались изучением структурных кризисов и не связывали капитализм с империализмом.

Кейнсианцы

Нерешенные проблемы заставили многих экономистов, включая Шумпетера, заняться изучением периодических кризисов. После Великой депрессии Джон Мейнард Кейнс в своей книге «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) господствовавшей прежде апологетической оценке капитализма противопоставил свою, сугубо прагматическую. Вместо теоретического оправдания капитализма теперь жизненно важным стало сохранять его на практике, в частности путем ослабления воздействия периодических колебаний. Один из последователей Кейнса, Пол Самуэльсон, а также другие экономисты до настоящего времени придерживаются этой макроэкономической традиции.

Посткейнсианцы

Посткейнсианцы разработали «позитивный подход к методологии, идеологии и содержанию», и «их объединяет не столько критическое отношение к неоклассической экономике, сколько стремление создать парадигму, альтернативную ортодоксальной экономике» (Arestis, 1990:223). Главным посткейнсианцы считают реалистическое отношение к значению современных экономических проблем. Оно основано не на «воображаемых моделях», а на «реалистических абстракциях». Оно больше объясняет, чем прогнозирует. Оно акцентирует внимание на истории и институтах: «институциональная структура и организация промышленности... постоянно эволюционируют и влияют на историческое развитие экономики» (227). По мнению представителей этой школы, экономическое развитие свободного рынка в сущности своей нестабильно; основой анализа является не обмен, а производство; жиз-

ненно важны не равновесие и стабильность, а происходящие с течением времени нарушения равновесия и изменения. Посткейнсианцы считают себя интеллектуальными последователями Кейнса и М. Калецко-го и вдохновляются их теориями. В посткейнсианстве просматриваются четыре основные позиции: во-первых, особое внимание к неопределенности и заработной плате при накоплении капитала, свидетельствующее о воздействии идей Маршалла; во-вторых, социально-классовый анализ краха эффективного спроса, осуществляемый под влиянием взглядов Калецкого и Маркса, а также Джоан Робинсон и ее последователей; в-третьих, анализ и объяснение долгосрочных уровней дохода и занятости на основе страфффианских идей; в-четвертых, продолжение институциональной традиции Веблена (Arestis, 1990).

Неомарксисты

Хотя буржуазная политэкономия осталась преобладающей в Соединенных Штатах и большинстве европейских стран, последователи Маркса продолжали развивать марксистскую традицию. Энгельс отредактировал и издал второй и третий тома «Капитала» Маркса, а Каутский отредактировал марксовские труды, изданные под названием «История экономических теорий». Позднее Каутский сформулировал свое отношение к развитию капитализма в сельском хозяйстве. Следует упомянуть и такие труды, как «Финансовый капитал» (1910) Рудольфа Гильфердинга, «Накопление капитала» (1913) Розы Люксембург и «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916) В.И. Ленина. Во всех этих исследованиях нашли свое отражение идеи, содержащиеся в опубликованных ранее трудах Маркса.

Сталинский период заглушил интерес к марксистской теории политической экономии, но примерно после 1960 г. он вновь возродился благодаря трудам Пола Барана, Лео Хьюбермана и Пола Суизи, а также произведениям и теориям сотен других марксистов в Соединенных Штатах и других странах.

Ориентиры для изучения политической экономии

Исследование эпистемологии, теории, метода и концепции позволяет говорить о дихотомии между буржуазной и марксистской политэкономией. До тех пор пока признаются противоположные ценности и выдвигаются ясные послышки, для изучения сравнительной и мировой политэкономии могут быть использованы как буржуазный,

так и марксистский подходы. На схеме 9.1 показаны некоторые направления исследований. Анализ капиталистического накопления высвечивает как политические, так и экономические проблемы. Изучение капиталистического накопления с упором на докапиталистические и капиталистическую формации и способы производства позволяет интегрировать целый ряд исследований. Заметим, что прежде экономисты рассматривали только вопросы, относящиеся к материальному базису общества, а политологи интересовались в основном проблемами идеализированной политической надстройки. Некоторые могут сказать, что экономистам следует заниматься преимущественно теориями империализма и зависимости, а политологам — теориями государства и класса, но я считаю, что все эти проблемы должны исследоваться специалистами по политэкономии. Желательно было бы возвращение экономики и политологии в политическую экономию. Учитывая этот вывод, ознакомимся с некоторыми политическими и экономическими ориентирами. Они могут оказаться полезными при исследовании накопления капитала, материального базиса и идеологической надстройки.

СХЕМА 9.1
 Направления исследования в сравнительной
 и международной политической экономии

Накопление капитала

Внимание к накоплению капитала появляется с развитием капитализма и разработкой общих теорий движения капитала, открытого Марксом. При изучении товара и денег Маркс отметил различие между потребительной и меновой стоимостью. Он рассматривал оборот товаров и капитала, превращение денег в капитал, рабочую силу и прибавочную стоимость, а также процесс капиталистического производства в целом. Последние главы первого тома «Капитала» посвящены первоначальному и дальнейшему накоплению капитала. Маркс описал процесс, в ходе которого деньги и товар превращаются в капитал, а владелец денег и средств производства противостоит рабочим.

Капиталистическое отношение предполагает, что собственность на условия осуществления труда отделена от рабочих. И как только капиталистическое производство становится на собственные ноги, оно не только поддерживает это разделение, но и воспроизводит его в постоянно возрастающем масштабе. Таким образом, процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, — процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, — непосредственных производителей в наемных рабочих. Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предысторию капитала и соответствующего ему способа производства (Маркс и Энгельс, т. 23:726—727).

Примитивное общинное производство, в процессе которого трудящиеся коллективно участвовали и владели средствами производства и которое не порождало эксплуатации классов, давно прекратило свое существование. В основном было искоренено и рабство, когда владелец средств производства владел теми, кто на него работает, а накопление богатства являлось уделом немногих. Однако капитализм свободной конкуренции вырос из феодализма, при котором феодал владел средствами производства, но не имел работника в полной собственности. Наряду с феодальной собственностью существовала некоторая доля частной собственности крестьян и ремесленников, основанная на личном труде. Маркс описал, как капиталистическое накопление разрушало эти производственные отношения по мере то-

го, как крупные заводы и фабрики приходили на смену ремесленным мастерским, а крупные фермы, использующие технику, заняли место старых феодальных поместий и крестьянских хозяйств.

Таким образом, политическая экономия основательно занимается этим широким историческим наступлением капитализма, особенно за последние сто лет. В «Критике политической экономики» и в «Капитале» Маркс дал нам основы для такого изучения. Пол Суизи в «Теории капиталистического развития» (1992) и Эрнест Мандель в «Марксистской экономической теории» (1968) суммировали и интерпретировали идеи Маркса, особо подчеркнув их экономическое значение, в то время как обобщение, сделанное Стэнли Муром в «Критике капиталистической демократии» (1957), высветило их политические последствия. Работы Данкена Фоули (1986) и Макото Ито (1988) особенно поучительны своей интерпретацией и разъяснением оценки и критики Марксом капитализма.

Мандель задавал вопрос, каким образом история последнего столетия соотносится с «развертыванием внутренних условий» в капиталистическом способе производства, «сочетающем рост капитала с докапиталистическими сферами» (Mandel, 1975:22). Он отличал капитализм свободной конкуренции (1780—1880) и империалистический (1880—1940) от «позднего» капитализма, который начал развиваться после Второй мировой войны. В своем труде «Поздний капитализм» (1975) Мандель стремится интегрировать теорию и историю с позиций Маркса, диалектически переходя от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, от частей к целому и от целого к частям, от сути к внешнему проявлению и от внешнего проявления к сути, от целостности к противоречию и от противоречия к целостности, от объекта к субъекту и от субъекта к объекту. Хотя Манделю не удалось представить нам современную версию «Капитала», его работа является серьезной холистической попыткой восполнить пробел в политической экономии. «Почему сочетание теории и истории, которым с таким мастерством пользовался Маркс... не было с тех пор никогда успешно повторено для объяснения последующих стадий капиталистического способа производства?» (1975:23). Мандель приписывал эту неудачу искажению марксизма сталинизмом и стремлению некоторых марксистов концентрировать внимание на отдельных темах, например на государстве или власти монополий.

Самир Амин в труде «Накопление капитала в мировом масштабе» (1974) сочетал теорию с историей в целостном плане. Он считал, что накопление капитала или расширенное воспроизводство важно как для капиталистического, так и для социалистического способов про-

изводства, но не характерно для докапиталистических. Он утверждал, что при анализе необходимо рассматривать капиталистические способы вместе с докапиталистическими. Фактически все способы производства и формации в современном мире отражают накопление капитала в мировом масштабе. Первоначальное накопление не является уделом предыстории капитализма, но проявляется также и на современном этапе. Капиталистический мировой рынок невозможно отличить от социалистического, поскольку рынок един — мировой капиталистический рынок, в котором социалистические страны участвуют маргинально. К тому же капитализм — это мировая система, а не сочетание национальных капитализмов.

Другой смелой попыткой дать целостный обзор политической экономики стали исследования Перри Андерсона «Переходы от древности к феодализму» (1974) и «Происхождение абсолютистского государства» (1974); в них Андерсон рассмотрел проблемы, связанные с феодализмом и капитализмом в период выхода Европы из Средневековья. Иммануил Валлерстайн в труде «Современная мировая система» (1974) отнес образование современной мировой системы к XVI столетию. Он выделил четыре периода в ее эволюции: зарождение (1450—1640), этап торговой консолидации (1640—1815), этап промышленной экспансии (1815—1917) и современный капиталистический мир (с 1917 г. по настоящее время). Валлерстайн усовершенствовал и обновил выдвинутую Андре Гундером Франком теорию капиталистического развития и слаборазвитости, сделав упор на рыночных отношениях. Роберт Бреннер (Brenner, 1977) осудил обоих мыслителей за то, что в своем анализе происхождения капитализма они ограничились рыночными процессами, выявленными Адамом Смитом.

Эти четверо ученых — Мандель, Амин, Андерсон и Валлерстайн — наряду с другими возродили интерес к истории политической экономики. При всех недостатках их исследований в них были поставлены как сформулированные прежде, так и новые вопросы, которые игнорируются в большинстве современных работ по экономике и политологии. Все четверо многое заимствовали из марксистской мысли. Их труды позволяют разобраться в проблемах, оставленных нам теориями развития и слаборазвитости. Слаборазвитость нельзя понять изолированно от развития. Как развитие, так и слаборазвитость едины и интегрированы в мировую капиталистическую систему накопления капитала. Мандель следующим образом разъяснил эту взаимосвязь:

...Вся капиталистическая система представляет собой иерархическую структуру различных уровней производительности, образовавшуюся в

итоге неравномерного и совмещенного развития государств, религий, отраслей промышленности и фирм, порожденную поисками прибыли. Она образует интегрированное единство, но это — интегрированное единство неоднородных частей, и именно единство определяет здесь отсутствие однородности. Во всей этой системе развитие и слаборазвитость обуславливают друг друга, ибо если погоня за прибылью является главным стимулом всего механизма роста, то прибыль может быть получена лишь за счет менее конкурентоспособных стран, регионов и отраслей промышленности. Поэтому развитие происходит лишь параллельно со слаборазвитостью: оно увековечивает ее и само развивается благодаря этому увековечению (Mandel, 1975:102).

Итак, акцент на накоплении капитала позволяет связать понятия развития и слаборазвитости и критически рассмотреть недавнюю теорию. В Главе 7 выявлены три теоретические тенденции. Одна из них ориентирована на изучение капиталистического развития в центре и слаборазвитости на периферии. Эта тенденция впервые обозначилась в выступлениях буржуазных экономистов из Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА). Они ратовали за капиталистическую автономию в качестве национального решения и выступали против империализма и иностранного проникновения в экономику. В противоположность такому мнению Франк сформулировал собственную теорию капиталистического развития и слаборазвитости. Вторая тенденция во многом отражает позиции выше-названных авторов. Ее сторонники анализируют неравное развитие на основании работ Аргири Эммануэля и Амина. Третья тенденция относится к проблеме неравномерного развития, отмеченной Марксом, Энгельсом, Лениным и Троцким, хотя Троцкий выдвинул теорию неравномерного и совмещенного развития. Согласно этой теории, рост производительных сил изменяется от одного слоя общества к другому и на него могут оказывать влияние различные естественные условия и исторические связи эпох. С учетом таких различий черты, присущие более низким стадиям развития, могут совмещаться с чертами более высоких стадий, что имеет следствием образование формаций противоречивого характера и позволяет отсталым народам совершить качественный скачок в социальном развитии. Критиков этих трех теорий — Бреннера (Brenner, 1977) и др. (Зарембка, 1977—90) — беспокоило, не заслоняет ли внимание к рынку проблем производственных отношений и классово-вой борьбы и возможно ли возобладание национального решения над проблемами всемирного накопления капитала.

Международная политическая экономия и теории империализма и слаборазвитости

Помимо исторических исследований, относящихся к накоплению капитала и теориям развития и слаборазвитости, было бы разумно сконцентрировать изучение международной политической экономии вокруг теорий империализма и зависимости. Нижеприведенная дискуссия, перенесенная из Главы 7, резюмирует основные направления мысли в отношении империализма и зависимости. (Для более широкого и всеобъемлющего обзора международной политэкономии см.: Gilpin, 1987).

Проявления империализма можно проследить начиная со времен Древней Греции и Римской империи и его «старой» торговой формы XVI—XVII вв. вплоть до «новой» монополистической формы XIX—XX вв. Возобладали два взгляда на новый империализм. Согласно первому, радикальному, или марксистскому, империализм — это результат развития капитализма и противоречий капиталистического способа производства; согласно другому, либеральному, или немарксистскому, все несправедливости капиталистической системы могут быть легко устранены.

Идеи Гобсона, Каутского и Шумпетера способствовали распространению либеральной оценки империализма: Дж. Гобсон считал, что причина империализма кроется в недопотреблении и что с ростом внутреннего потребления в его родной Великобритании не будет необходимости захватывать внешние рынки. Карл Каутский, ведущий марксист своего времени, склонявшийся к либерализму, полагал, что классовые конфликты капитализма разрешатся мирным путем, а интересы капиталистического класса в целом войдут в противоречие с интересами меньшинства влиятельных капиталистов, предпочитающих военные средства для поддержания своих экспансионистских усилий. Йозеф Шумпетер подчеркивал, что империализм — докапиталистическое явление, которое исчезнет в рациональную и прогрессивную эпоху капитализма.

Марксистский подход к империализму нашел свое отражение в идеях Люксембург, Бухарина, Ленина, Барана и Суизи, а также Мэгдоффа. Роза Люксембург разработала теорию империализма, в которой объясняла непрерывное накопление капитала и, в частности, исследовала проникновение капитала в примитивные экономики. Ведущий большевистский теоретик времен русской революции Николай Бухарин раскритиковал теорию Люксембург, назвав ее «волюнтаристской» и смоделированной по Гобсону. Бухарин вывел свою теорию из оценки финансового капитала Рудольфом Гильфердингом и

дал ясное и подробное объяснение империализма как развитой стадии капитализма. Одновременно он подверг критике интерпретации, связанные с национализмом и войнами. В.И. Ленин признавал влияние Гобсона и Гильфердинга на теорию империализма. Он считал империализм высшей стадией капитализма и изучал быструю концентрацию производства в крупных промышленных монополиях, а также возрастание влияния в мощных монополиях крупных банков. Пол Баран и Пол Суизи, защищая марксистскую теорию империализма, ссылались в основном на Гильфердинга, Люксембург и Ленина. Они полагали, что эта теория объясняет отношения внутри капиталистического мира, позволяет понять развитие социально-экономических условий в капиталистических странах и анализирует неравноправные отношения между передовыми и отсталыми странами. Особое внимание они уделяли образованию избыточного капитала и его реализации. От анализа капитализма в условиях свободной конкуренции они обратились к анализу монополии и олигополии и дали оценку роли гигантских корпораций и их руководителей. Хэрри Мэгдофф исследовал различные модели американской внешней политики и ее воздействие на глобальную экспансию американского бизнеса. Он собрал воедино имеющиеся данные и информацию, чтобы продемонстрировать совпадение военного и политического присутствия Соединенных Штатов за границей, господствующие позиции американского капитала в транснациональных корпорациях и преобладание транснационального банковского капитала; проанализировал различные виды американской помощи и торговли и охарактеризовал все расширяющуюся «империю» США.

Попытки создания теории зависимости исходят как из немарксистской, так и из марксистской оценки империализма. Рауль Пребиш и экономисты из ЭКЛА считали, что Латинская Америка в условиях растущего спроса на иностранные продукты должна ввести высокие протекционистские тарифы и создать национальную промышленность и что такая импортозамещающая политика обеспечит местный контроль над экономикой и явится стимулом для национального развития. Освальдо Сункел и Селсо Фуртадо дали более глубокую оценку зависимости в соответствии с антиимпериалистической немарксистской традицией. В том же духе высказался о внутреннем колониализме Пабло Гонсалес Казанова; следует принять также во внимание концепцию полюсов развития Франсуа Перру. Другая традиция исследований проблемы зависимости берет свое начало в марксизме. Ленин писал о зависимости в своем труде об империализме. Под влиянием Троцкого после Второй мировой войны о зависимости стали

писать Сильвио Фрондиси, а за ним и другие латиноамериканские авторы. Противясь сталинской ортодоксии и догматизму, Теотонью душ Сантуш и другой бразильский автор, Рай Моро Марини, попытались включить категорию зависимости в свою интерпретацию марксистской теории капитализма и ленинской теории империализма. Таким путем можно было связать анализ империализма с классовым анализом международных условий слаборазвитого мира. В то же время Фернандо Энрике Кардозо и другие марксисты, пропагандировавшие теорию зависимости, считали, что современный капитализм и империализм отличаются от представленных в ленинской концепции.

Все эти теории антиимпериалистические, однако среди них можно выделить марксистское и немарксистское направления. Это различие важно потому, что многие социологи основывают на теории зависимости свою точку зрения о том, что распространение в слаборазвитых странах капитала и технологий из индустриально развитых государств неизбежно приведет к развитию самих этих стран. В итоге многие труды по проблеме зависимости не свободны от сомнений и противоречий. Остановимся теперь вкратце на немарксистских и марксистских теориях зависимости.

Немарксистские теории основаны на нескольких позициях. Одна предусматривает переход на внутреннее развитие путем национальной автономии с помощью государственного контроля и планирования политической экономии под управлением мелкобуржуазной интеллигенции и промышленной буржуазии. Модернизирующее влияние государства сделает буржуазию прогрессивной силой, и она, по мере того как капиталистическое развитие распространится на сельские районы, а экономический и политический курс ограничит иностранное воздействие, будет защищать национальные интересы. Дualityное общество — одно передовое и современное, другое отсталое и феодальное — характерно для развивающихся стран, которые, представляя собой производящую сырье периферию с ресурсами, все активнее присваиваемыми промышленным центром. Фуртадо развил эту позицию, рассмотрев проявления неравенства в Бразилии на протяжении ряда исторических периодов. Он проследил за перемещением основной экономической деятельности и производства из Северо-Восточного региона в регион Центр—Юг, где расположен Сан-Паулу. Фуртадо полагал, что вмешательство государства могло бы исправить такое несоответствие и облегчить дальнейшее капиталистическое развитие. Сункел считал, что автономное развитие требует трансформации существующих структур и что планирование и контроль способны вызвать структурные изменения, которые покончат с эконо-

мической отсталостью и сделают возможным капиталистическое развитие. Гонсалес Казанова, придерживавшийся другой немарксистской позиции, писал о внутреннем колониализме, когда колониальные условия центр — периферия существуют внутри стран. Монополии и зависимость создают деформацию и декапитализацию национальной экономики и способствуют отсталости. Он верил в возможность национального решения, когда маргинальные народы ассимилируются в общество в результате формирования национальной буржуазии, которая сама сумеет противостоять посягательству монополистического капитализма и капиталистической эксплуатации.

Третья позиция, довольно близкая к внутреннему колониализму и развиваемая Перру, выделяет центры национальных ресурсов, в которых возможны концентрированный рост и развитие рынков. В эти слаборазвитые, но обладающие необходимым потенциалом для индустриализации центры следует направлять капитал и технологии. Кардозо утверждал, что капитализм порождает слаборазвитость, полагая, что развитие может происходить и в зависимых обществах. Он считал, что зависимое капиталистическое развитие становится новой формой монополистической экспансии в периферийных странах. Новые тенденции в мировом капитализме приводят к возрастанию взаимозависимости в производственной деятельности на международном уровне и к изменению моделей зависимости, ограничивающих политику развития периферийных стран. Он соглашался с той точкой зрения, что мировой капитализм захватил чрезмерный контроль над промышленностью в периферийных регионах, но считал ошибочным утверждение, будто отсутствие роста в зависимых экономиках вызвано империализмом. Кардозо полагал, что его подход обновляет теорию Маркса и Ленина, а свое понимание зависимости считал гибким по сравнению с ортодоксальными и догматическими марксистскими концепциями.

Другие труды о зависимости более очевидно соответствуют марксистским основам. Баран и Суизи представляют тех независимых марксистских мыслителей, идеи которых оказывают влияние на некоторых *dependentistas*, но их попытки обновить ленинскую теорию иногда подвергаются критике за отступление от «чистой» линии. Марини, исследовав характерные признаки субимпериализма, называл бразильский капитализм сверхэксплуататорским, поскольку в нем происходит быстрое накопление капитала, выгодное владельцам средств производства. Экспансия и проникновение Бразилии на иностранные рынки определялись способностью буржуазии конкурировать на внешних рынках. Андре Гундер Франк представил другую грань теории зависимости. Он особо подчеркнул роль торговой монополии как

средства, с помощью которого национальные и региональные метрополии эксплуатируют и присваивают прибавочный продукт у экономических сателлитов. Таким образом, получается, что капитализм в мировом масштабе способствует развитию метрополий в ущерб слаборазвитым и зависимым сателлитам. Душ Сантуш возражал против такой сосредоточенности на извлечении прибавочного продукта как основной причине слаборазвитости; его больше интересовало создание внутренней структуры, обусловленной международными отношениями зависимости. Он подчеркивал, что причина новой зависимости, возникшей после Второй мировой войны, заключается в крупных инвестициях транснациональных корпораций.

В критике теории зависимости недостатка нет. Немарксистские теории подвергаются нападкам за акцент на взаимозависимости, подразумевающей, что сотрудничество между капиталистическим центром и развивающейся периферией может быть выгодно обеим сторонам. Теория внутреннего колониализма, напротив, уделяет преимущественное внимание внутренним формам и роли национальной буржуазии, не учитывая влияния международного капитала и рынков. В других теориях недооценивается значение классовой борьбы — и такого рода критика относится также к большинству марксистских теорий. Критики обвиняют Франка в неспособности связать анализ капитализма со способом производства; Гонсалес Казанова критикуется за то, что он придал зависимости «националистический» характер; душ Сантуша обвиняют в том, что он спутал всемирную капиталистическую экспансию с экономическим ростом на периферии, а Кардозо — за смешение марксистских и буржуазных концепций.

Приходится сделать вывод, что до настоящего времени не существует единой теории зависимости, и, видимо, категория зависимости может быть использована лишь для обобщения теории империализма. Действительно, критики сомневаются в совместимости зависимости с марксистской теорией. И все же, хотя поиски единой теории зависимости могут оказаться контрпродуктивными, ясно, что она должна основываться на исторической реальности и соотноситься с концепциями исторического материализма и классовой борьбы.

Сравнительная политическая экономия и теории государства и класса

Признавая, что главными проблемами международной политической экономии являются империализм и зависимость, я тем не менее кратко остановлюсь на других темах сравнительной политэкономии,

а именно государстве и классе. Как и в случае с теориями империализма и зависимости, здесь могут быть проведены различия между буржуазными и марксистскими концепциями государства и класса.

Буржуазные теории могут восходить к формально-правовым исследованиям Джеймса Брайса, Вудро Вильсона и других авторов начала XX в. или же строиться на структурно-функциональных категориях Габриэля Алмонда, принципах рационального выбора Роберта Бейтса (Bates, 1988) и анализе промышленной политики, проведенном Питером Катценштейном в книге «Малые государства на мировых рынках» (1985). Однако доминирующая буржуазная концепция рассматривает государство как политический рынок, фильтрующий спрос и интересы соперничающих групп и индивидов. Причем с двух точек зрения. Согласно одной из них, нейтральные государственные учреждения посредничают в конфликтах, возникающих в результате соперничества партий и групп. Согласно другой, государственные учреждения действуют как базы политической власти; конкурентная борьба этих учреждений за финансирование определяет их отношение к партиям и группам интересов. Обе точки зрения отражают либеральную, немарксистскую традицию американской социологии. Их также можно применить к некоторым социалистическим государствам, например к Югославии, где когда-то существовало рабочее самоуправление, или к Чехословакии, где весной 1968 г. произошло значительное расширение деятельности рабочих организаций. Еврокоммунизм во Франции и Италии привел к плюрализму, а «социалистический плюрализм» отчетливо обозначился в деятельности левацких группировок в Португалии сразу после переворота 1974 г. Роберт Даль, когда-то ведущий либеральный проповедник плюрализма, обратил внимание на эти буржуазные и социалистические представления о плюралистическом государстве и свел социально-классовые тенденции, расхождения и противоречия в теорию организационного плюрализма. В 1970—80-х гг. в Испании, Португалии, Греции, Франции и в других странах Западной Европы возникли социал-демократические и социалистические правительства. Плюрализм стал ведущей идеологией этих режимов. После 1989 г., когда командно-элитарные режимы потерпели крах в Восточной Европе и ранее существовавшее единство среди различных национальностей и этнических групп рухнуло, сфера распространения плюрализма значительно расширилась и охватила все бывшие социалистические страны.

Маркс не развил до конца свою теорию государства и класса и не разработал системную теорию политологии. Ральф Милибенд отмечал, что «марксистскую политологию следует конструировать или ре-

конструировать на основе обширного разнопланового и фрагментарного материала, из которого состоит все написанное марксистами» (Miliband, 1977:2). Милибенд приводит в пример двух авторов, выступивших с марксистскими комментариями о роли государства во времена фашизма и сталинизма, — Антонио Грамши в период его пребывания в итальянской тюрьме и Льва Троцкого — в ссылке. Изучая марксистскую политологию, Милибенд отметил, что: 1) текстуальный приоритет должен быть отдан Марксу и Энгельсу, а затем и последователям их традиции; 2) критический обзор обнаружит различные, а порой и противоречивые марксистские интерпретации; 3) отделение политологии от экономики является идеологическим извращением: политология — составная часть политической экономики; 4) сфокусированность многих марксистов на экономическом базисе приводила к экономическому детерминизму и игнорированию надстройки, хотя Маркс и Энгельс отвергли механистические и детерминистические объяснения. Что же касается приоритета экономики, то

понятие «приоритет» — это не смиренная рубашка для аналитика, а прекрасный путеводитель, способный привести к верно избранной цели. Способы, которыми этот «приоритет» определяет и обуславливает политические и другие формы, еще не обнаружены, и в каждом конкретном случае должны быть конкретными, зависящими от обстоятельств и возможностей; и это также позволяет оценить способы, при помощи которых политические формы и процессы, в свою очередь, влияют, определяют, обуславливают и формируют экономическое пространство, и они, несомненно, это делают, что признают и марксисты начиная с Маркса (1977:8—9).

Конструкция марксистской политологии и теории государства и класса вынуждает нас прежде всего осмыслить идеи Гегеля, Маркса, Энгельса и Ленина. Маркс критиковал теорию государства Гегеля, признавая, что между государством и гражданским обществом существует фундаментальное противоречие. Однако он утверждал, что формы государства должны быть отделены от идеальной или абстрактной концепции и корениться в материальных условиях жизни. Если в Древней Греции и в период Средневековья существовало чувство единства между народом и государством, а также между личными и общественными интересами, то при капитализме, по утверждению Маркса, государство отделено от гражданского общества и между общественной жизнью и личной развивается отчуждение. К тому же гражданское общество распадается на частные интересы, вступающие в конкурентную борьбу между собой,

так как государство узаконивает преследование особых интересов через институт частной собственности. Частная собственность усугубляет неравенство и разъединение людей. Одним из решений проблемы мог бы стать возврат к народной, а не к буржуазной демократии. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс подвел итог ранним трудам Маркса о государстве и классе, а также продемонстрировал важность экономических соображений. В «Государстве и революции» (1917) Ленин использовал разработанную Марксом и Энгельсом теорию государства. Он полагал, что государство не только не примиряет классовые противоречия, но и способствует угнетению одного класса другим. Более того, он утверждал, что государственная власть должна быть разрушена путем насильственной революции, а компромисс и реформистские решения не в состоянии уничтожить классовые антагонизмы. Он считал полицию и постоянную армию «орудиями» государственной власти. Пролетариат будет бороться против государства, пока буржуазная демократия не превратится в пролетарскую демократию; существование классов более не является необходимостью, а государство вообще должно исчезнуть.

Маркс, Энгельс и Ленин много внимания уделяли теории государства, исходя из практики капитализма. Это стимулировало работу журнала «Капиталистей: исследование капиталистического государства» («Kapitalistate: Working Papers on the Capitalist State»). Внимание современных специалистов, интересующихся государством и классом, привлечено к трем традиционным концепциям. Одна из них, известная под названием инструментализма и преобладающая в Соединенных Штатах, возникла из исследований функционирования власти на местном уровне, которые выявляли властные отношения в категориях положения и репутации в общине. Это представление подкреплялось ленинской ссылкой на орудия государственной власти и сформулированный в «Манифесте Коммунистической партии» вывод Маркса и Энгельса о том, что государственная власть — это «только комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии» (Маркс, и Энгельс, т. 4:426). Итак, государство — это орудие правящего, или господствующего, класса. Инструментализм концентрирует внимание на правящем классе, а также на структурных особенностях и механизмах, связывающих орудия (инструменты) правящего класса с государственной политикой. Инструментализм подвергался критике за то, что он не смог преодолеть характерную для плюралистических теорий сфокусированность на социально-политическим группах, а не на классах, имеющих непосредственное отношение к средствам производства. Инструменталистские

представления о государстве были выдвинуты Уильямом Домхоффом и Ральфом Милибендом.

Вторая традиционная концепция тесно связана со структуралистскими взглядами на государство. Ее воздействие ощутимо в трудах французских марксистов. Никос Пулантцас разработал политическую сторону этого варианта структурализма, утверждая, что буржуазия как класс не способна господствовать в государстве. Он полагал, что именно само государство объединяет и выражает ее интересы. Экономическая сторона структурализма проявляется, например, в трудах Барана и Суизи, подчеркивавших активность государства в решении экономических противоречий и предотвращении кризисов, связанных с монополистическим капитализмом. Критики структурализма считают, что сторонники этого направления не способны объяснить классовые действия, возникающие из классового сознания, и что их анализ статичен и связан не с классовой деятельностью, а с «входами» и «выходами» политической системы.

Основоположниками третьей традиционной концепции считаются Гегель и Маркс. Ей следовали Герберт Маркузе и другие представители Франкфуртской школы, пытавшиеся выявить затененный смысл государства, его идеологии и ложного сознания. Эти «критические» взгляды порой кажутся абстрактными, не имеющими отношения к конкретной политике и государственной деятельности. Помимо трех вышеназванных концепций, Клаус Оффе, Эспинг-Андерсен, Фридлэнд и Райт предлагали акцентировать внимание на политической классовой борьбе — на внутренних структурах государства и на том, как эти структуры определяют классовую борьбу. Они рассматривали связь классовой борьбы с государственной политикой.

Маркс и Энгельс проводили грань между государством и обществом, желая прояснить взаимосвязь между политикой и экономической жизнью. Они характеризовали политическую жизнь с точки зрения власти государства, надстройки, которая представляет буржуазное общество и отражает экономические нужды класса, контролирующего производство. Выдержала ли испытание временем марксистская парадигма? В «Сумерках капитализма» Майкл Хэррингтон положительно ответил на этот вопрос.

Даже если она разделяет общие оценки с различными общественными науками и оказывает на них влияние, у нее есть свои отличительные особенности и характерный метод, позволяющий добиваться нужных результатов.. Она ставит насущные вопросы о современном мире и продолжает искать на них точные ответы, затрагивающие са-

му суть явлений; тем самым она останется в теории и практике XXI столетия (Harrington, 1976:184).

Хэррингтон пишет о крестовом походе, который ведется против марксизма последние полвека в американских научных кругах. Он считал, что марксистская парадигма сочетает в себе отдельные концепции различных общественных наук. Однако он дал ясно понять, что марксистская парадигма не состоит из какой-то заранее выстроенной марксистской модели общества. Напротив, она предлагает для обсуждения важные методологические темы. Она критична даже в отношении собственных концепций и терминологии. Она строго научна, однако не пытается представить дело так, будто не руководствуется никакими ценностями, но знает о существовании предрасудков и идеологий, пронизывающих социологию; марксистские ценности связаны с политикой, отдающей предпочтение не правящей буржуазии, а рабочему классу. Кроме того, марксистская парадигма не предписывает конкретных решений для избавления от язв капиталистического общества — независимо от того, управляется ли это общество демократическим путем посредством участия в планировании большинства населения или же является бюрократическим и подавляющим коллективизмом. К тому же марксистская парадигма ищет противоречия в обществе; она предлагает комплексную теорию социальных классов и при анализе кризисов и изменяющейся технологии различает возможности, симптомы и причины.

Данная переработка моего первоначального труда, посвященного поискам парадигмы в политической науке и сравнительной политологии, приводит к необходимости изучения политической экономии; исследование этой дисциплины станет ведущей темой следующей моей книги — «Сравнительная политическая экономия: бесконечный поиск новых парадигм» («Comparative Political Economy: The Unending Search for New Paradigms»). В ней дальнейшее развитие получают некоторые темы, освещенные в настоящей книге, а также темы, важные для теории и аналитических подходов в сравнительной политической экономии. Во-первых, это теории перехода с их ключевыми проблемами, такими, например, как аграрный вопрос и переход от феодализма и докапиталистической формации к капитализму, а также все пути, ведущие в этом направлении; капиталистическое развитие, накопление капитала и отношения капиталистического производства; воздействие капитализма на социализм, слабости социалистических экспериментов, перспективы обновления и переход к социализму. Во-вторых, это теории класса, их происхождение и эволюция классов-

вого анализа начиная с XIX в.; распространенное в XX в. понимание класса и возникшие в 1990-х гг. его альтернативы. В-третьих, это теории государства, его происхождение и эволюция, освещенные в трудах Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина, Грамши, Пулантаса и других современных мыслителей. В-четвертых — теории империализма, восходящие к XIX в., эволюционирующие в XX в. в работах Гобсона, Бухарина, Ленина, Каутского, Шумпетера и представленные современными авторами; пересмотр концепций современных дискуссий в традиционном контексте выявляет связи между теориями империализма и развития. В-пятых — теории демократии с акцентом на формально-представительных, косвенных формах ее осуществления в отличие от прямых неформальных и предполагающих участие; идеи либеральных, постлиберальных, социал-демократических и радикально-демократических теоретиков социализма. Все эти теории анализируются в контексте сравнительных исторических работ, во взаимосвязи и сопоставлении исторических примеров и исследований. Теоретическое и методологическое значение этой работы заключается в исследовании проблем, возникающих в процессе изучения мировой капиталистической системы, сравнительного анализа революционных испытаний, трудностей социалистического перехода и т.п.

Нынешнее поколение политологов пытается решить вопрос, что следует относить к политическому и что такое политическая наука. Некоторые ученые придерживаются позиции Маркса, но большинство стремится остаться в стороне от марксистского бремени, предпочитая отделять политологию от экономики и избегать постановки вопросов о государстве, власти, классе и классовой борьбе. Остается надеяться, что эти проблемы будут должным образом рассмотрены в рамках изучения политической экономии.

Политическая экономия открывает соблазнительные и противоречивые перспективы. Маркс рассматривал политическую экономию преимущественно как идеологию и пытался выйти за идеологические рамки, поставив под сомнение буржуазную политическую экономию. Мандель полагал, что это позволит политэкономии в конечном счете отмереть вместе с категориями, которые она стремится объяснить. В итоге появится новая наука:

Совершенно ясно, что из-за характера вопросов, на которые она будет стараться дать ответ, у нее будет мало общего с прошлой и нынешней экономической теорией, с буржуазной политической экономией или с марксистской ее критикой. Экономисты марксистского направления могут претендовать на честь оказаться в первых рядах уче-

ных мужей, которые сознательно потрудились над ликвидацией своей собственной профессии (Mandel, 1968:2:730).

Литература

Arestis, Philip. 1990. «Post-Keynesianism: A New Approach to Economics». *Review of Social Economy* 48 (Fall), 222—246. Попытка идентификации основных характеристик посткейнсианской школы и их значения. Автор утверждает, что эта школа «представляет собой позитивную оценку методологии, идеологии и содержания» (223), и признает, что целостная посткейнсианская парадигма еще не выработана. Он исследует методологию и основную теоретическую структуру этой школы и полагает, что ее идеи сугубо реалистичны и основаны на конкретной ситуации и историческом опыте.

Bates, Robert (ed.). 1988. *Toward a Political Economy of Development: A Rational-Choice Perspective*. Berkeley: University of California Press. Сборник новых эссе о принципах рационального выбора и развитии.

Brenner, Robert. 1977. «The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism». *New Left Review* 104 (July-August), 25—92. Подробная критика в адрес Андре Гундера Франка, Пола Суизи и Иммануила Валлерстайна. Автор усматривает корни их теории в идеях Адама Смита.

Bukharin, Nikolai I. 1927. *The Economic Theory of the Leisure Class*. London: Martin Lawrence Limited. В работе, написанной в 1914 г., особенно важны введение, где дается обзор буржуазной политической экономии после смерти Маркса, и первая глава, в которой разграничиваются методологические основы буржуазной и марксистской теории.

Chattopadhyay, Paresh. 1974. «Political Economy: What's in a Name?». *Monthly Review* 25 (April), 23—33. Исторический обзор различных интерпретаций и суждений о политэкономии от ее зарождения до настоящего времени.

Deol, D. 1976. *Liberalism and Marxism: An Introduction to the Study of Contemporary Politics*. Delhi: Sterling Publishers. Элементарный, но полезный синтез альтернативных методологий в политической науке.

Easton, David. 1968. «Political Science». In *International Encyclopedia of the Social Science*, 12: 282—297. Edited by David L. Sills. New York: Macmillan Company and Free Press. О борьбе за становление политической науки как дисциплины. Автор демонстрирует важность разработанной Марксом концепции государства, но утверждает, что его исследование выходит за ее пределы и уделяет особое внимание политической системе.

Foley, Duncan K. 1986. *Understanding «Capital»*. Cambridge: Harvard University Press. Автор анализирует содержание всех трех томов «Капитала» Маркса с позиций современности.

Fusfeld, Daniel R. 1966. *The Age of the Economist: The Development of Modern Economic Thought*. Glenview, Illinois: Scott, Foresman and Co. В работе резко разграничиваются позиции марксистов и буржуазных экономистов. Рассматриваются различные периоды в развитии политэкономической мысли от становления рыночной экономики до центрального экономического планирования. Главы о Смита, Рикардо и Марксе.

Gilpin, Robert. 1987. *The Political Economy of International Relations*. With the assistance of Jean M. Gilpin. Princeton: Princeton University Press. Серьезный обзор и синтез направлений в мировой политической экономии.

Harrington, Michael. 1976. *The Twilight of Capitalism*. New York: Simon & Schuster. В гл. 7 приведены восемь методологических тем, составляющих разделяемую автором марксистскую парадигму.

_____, 1992. *Socialism: Past and Present*. New York: Penguin and Mentor. Синтез интересных мыслей известного социалиста, записанных в последние дни жизни.

Heilbroner, Robert L. 1961. *The Worldly Philosophers: The Lives, Times, and Ideas of the Great Economic Thinkers*. New York: Simon & Schuster. Обзор экономических теорий, с особенным вниманием к трудам и идеям Смита, Мальтуса и Рикардо, социалистов-утопистов, а также Маркса, Веблена и Кейнса.

Hunt, E. K. 1972. *Property and Prophets: The Evolution of Economic Institutions and Ideologies*. New York: Harper and Row. Общая оценка и обзор с марксистских позиций экономического развития от докапиталистической Европы до современного корпоративного и либерального капитализма.

Ito, Makoto. 1988. *The Basic Theory of Capitalism: The Forms and Substance of the Capitalist Economy*. Totowa, New Jersey: Barnes and Noble Books. В книге пропагандируется экономический метод Маркса в увязке с японской школой марксизма и трудами Козо Уно. В рецензии на эту книгу Джон Беллами Фостер (*Monthly Review* 40, January 1990, 51—55) высказывает мысль, что Ито преодолевает проблемы, возникающие в связи с критикой увлеченности Уно теорией стадий.

Mandel, Ernest. 1968. *Marxist Economic Theory*. Translated by Brian Pearce. New York: Monthly Review Press. 2 vols. В гл. 18 синтезируются тенденции политической экономии и дается блестящий критический обзор.

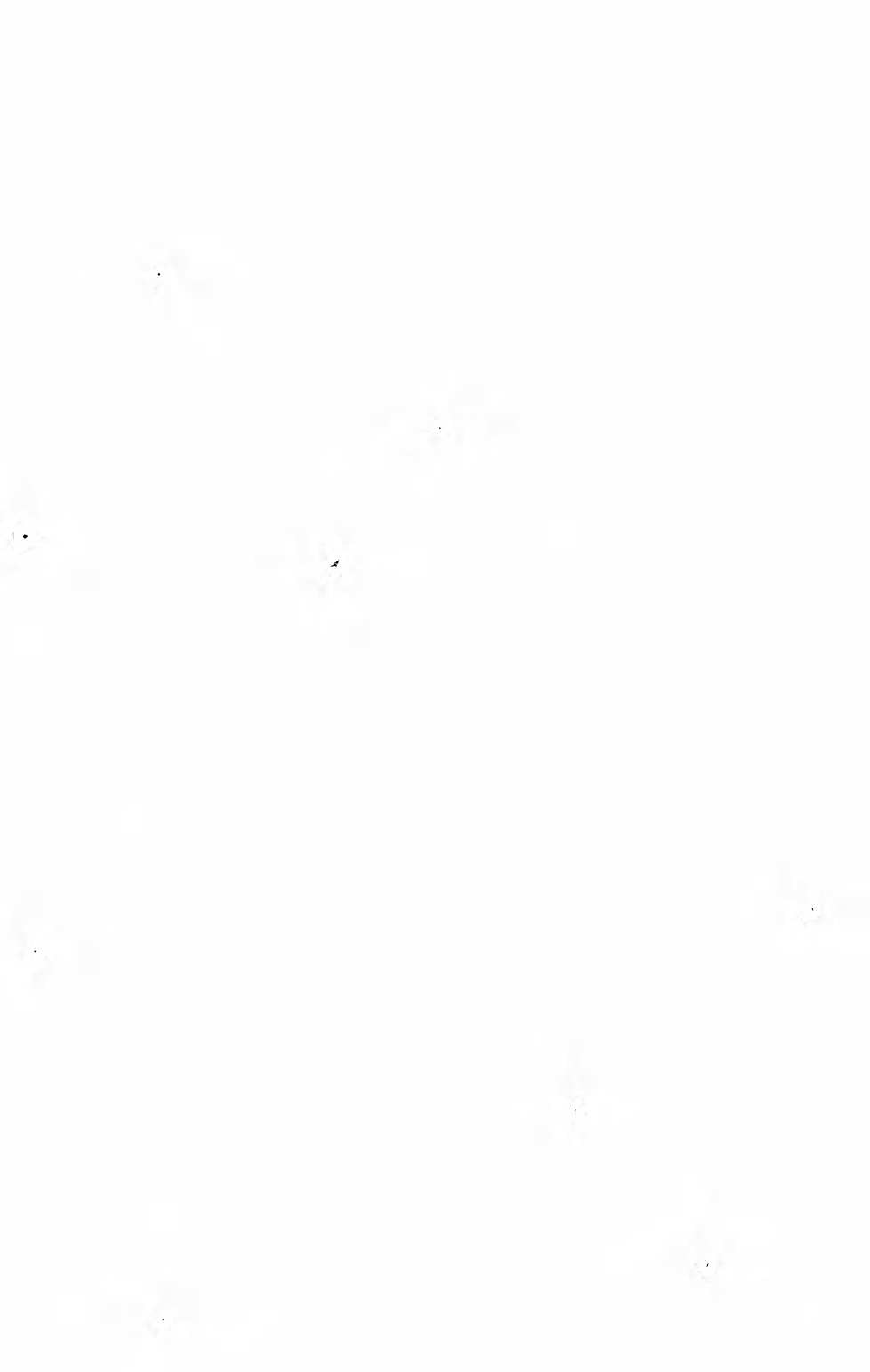
_____. 1975. *Late Capitalism*. Translated by Joris De Bres. London: New Left Books. Анализ развития капитализма за последние сто лет, с особым вниманием к позднему капитализму, обозначившемуся после Второй мировой войны.

Маркс, Карл, и Фридрих Энгельс. Сочинения. 2-е изд.

Meek, Ronald L. 1956. *The Labour Theory of Value*. London: Lawrence and Wishart. Блестящий критический анализ трудовой теории стоимости, в котором рассматриваются теории, имевшие хождение до Адама Смита, а также теории Смита, Рикардо и Маркса, и дается критика марксистской теории.

Miliband, Ralph. 1977. *Marxism and Politics*. Oxford: Oxford University Press. Попытка представить марксистскую политологию или марксистский подход к политике путем синтеза учений Маркса, Энгельса и Ленина.

Zarembka, Paul (ed.). 1977—90. *Research in Political Economy*. Greenwich, Connecticut: JAI Press. Двенадцать томов эссе по широкому кругу вопросов, относящихся к политической экономии.

ЗАМЕЧАНИЯ О ТЕРМИНОЛОГИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Нижеприведенные замечания помогут и мне, и читателю представить книгу в определенном ключе. Однако я не ставил перед собой цель исчерпывающим образом раскрыть значение каждого термина. К тому же выделение тех или иных терминов не означает, что я обязательно применяю их в моей преподавательской деятельности и исследованиях. Они часто упоминаются в политологии и социологии и при этом иногда используются беспорядочно и неточно. Итак, я надеюсь помочь читателю понять и с помощью ссылок на труды разных авторов более точно сформулировать значения многих терминов в основном направлении политологии.

Теория и исследование

Много лет назад Самюэль Биер и Адам Улам описали последовательность операций в сравнительном исследовании — описание, классификация, разъяснение и подтверждение. Рой Макридис также внес это свою лепту. Во-первых, согласно его выводам, сбор и описание фактов происходит по какой-либо классификационной схеме. Во-вторых, единообразие и различия выявляются и объясняются. В-третьих, формулируются предварительные гипотезы о взаимоотношениях в политическом процессе. В-четвертых, эти предварительные гипотезы проверяются в ходе тщательного эмпирического наблюдения. В-пятых, полученные данные излагаются в надлежащей форме.

Переформулирование последовательных операций и процедур, предложенное названными специалистами, свидетельствует, во-первых, о том, что сравнительное исследование интегрируется с теорией и, во-вторых, что теория связана с описанием, анализом и синтезом. Теория предполагает наблюдение и размышление; теория порождает понимание. Расплывчатая теория включает в себя ряд

системно связанных между собой обобщений. Если быть более конкретным, теория — это единство обобщений и принципов, ассоциируемых с практикой в сфере исследований. Эти обобщения и принципы могут быть гипотетическими и концептуальными. Описание — это изложение сведений о частях или отношениях чего-то, оно может включать классификацию, идентификацию и конкретизацию. Анализ — это разделение или расчленение целого на составные части и тщательное качественное или количественное их изучение; анализ может предусматривать прояснение и толкование. Синтез — это соединение частей в целое, различных идей и сил в единый, целостный комплекс.

Таковы аспекты теории и исследования, обычно принятые в сравнительной политологии. Однако в данном поле деятельности возможны и дивергентные направления мышления. Например, ученые, находящиеся под влиянием Макса Вебера, склонны подчеркивать понятие идеального типа или ситуации. Идеал проецируется как возможность, которая со временем может быть реализована. Идеал часто основан на конкретном примере или опыте, которому может последовать общество. Например, американская демократия считается идеализированным политическим типом, который с течением времени может быть реализован менее развитым обществом. Такое понятие предполагает однолинейную и эволюционную модель развития общества, и когда обнаруживается, что отсталым обществам могут не дать развиваться, то идеальное, видимо, будет смешано с реальностью.

Напротив, марксисты склонны связывать теорию не с идеальными типами, а с реальными ситуациями, и они будут сочетать теорию с практикой в процессе, называемом практической реальностью. Марксисты рассматривают изменения в обществе как следствие диалектического и исторического взаимодействия социальных сил в производственных отношениях. Реальные исторические изменения могут быть объяснены теоретически в виде синтеза как результат диалектического взаимодействия тезиса и антитезиса.

Аспекты теории

Приведенные выше примеры дивергентного мышления дают повод еще раз остановиться на вопросах теории. В литературе имеется тенденция обсуждать теорию в общих терминах, а определения обычно отражают предпочтение тех или иных авторов. Поэтому, чтобы читатель пришел к пониманию теории и ее пользы при исследовании, я продолжу обсуждение основных ее аспектов:

- концепции
- обобщения, суждения и гипотезы
- типы и уровни
- подходы
- модели и парадигмы

Концепции

Сравнительная политология, как и вся политическая наука, страдает от концептуальной неопределенности и неточности. Концептуализация должна быть точной и четко сформулированной, лишенной неопределенностей и разных толкований, способных сбить с толку при определении оттенков смысла какого-либо понятия. С концептуализацией нужно определиться до описания и классификации, до проведения измерений и применения статистики, до проверки теории.

Концепции — это идеи или мысли, выраженные по-разному. Например, Сартори (Sartori, 1984) предложил трехуровневую концептуализацию: универсальную, общую и конфигуративную. Универсальные концептуализации используются в трансрегиональных сравнениях и глобальной теории. Общие — во внутрирегиональных сравнениях и среднеуровневых теориях. Конфигуративные — при изучении конкретных стран и в рабочих гипотезах. Некоторые концепции реализуются в конкретной мировой ситуации, где можно выделить отдельные детали и сложные моменты. Иные концепции представляют собой общие абстракции, менее зависимые от конкретной ситуации и больше связанные с людьми, местами и событиями.

Сравнительная политология при выдвижении теорий пользуется основными концепциями, которые можно вмести́ть в дефиниционные схемы, классификационные расположения и системные упорядочения, сопровождающие конкретные теоретические подходы. В дело могут идти измерения и оценки. Затем полученные данные и информация подвергаются качественному или количественному анализу. Качественный анализ распространяется на общие положения и иногда на неточные определения, а количественный — на конкретику и точные определения, хотя эти критерии в век технического прогресса часто преувеличиваются.

Сравнительная политология имеет тенденцию объединять качественные и количественные приемы исследования. Переменные величины — это измерения концепций, имеющих количественные или качественные атрибуты. Числовые параметры, например возраст или размер, могут использоваться с количественными перемен-

ными, а нечисловые применяются с качественными переменными. Переменные могут быть также зависимыми и независимыми. Зависимые переменные связаны по меньшей мере еще с одной переменной, а независимые полностью автономны от других переменных. Эти дефиниции, конечно, могут помочь читателю разобраться в терминологии сравнительной политологии, но его следует предостеречь. Усложненные приемы исследования не должны уводить от основных теоретических проблем. Какой бы точной ни была ее дефиниция, концептуализация, несомненно, пострадает при проведении сравнительных исследований. Проблемой могут стать и языковые факторы — оттенки значений дефиниции в зависимости от ее употребительности в той или иной культуре.

Обобщения, суждения и гипотезы

Термины «обобщения», «суждения» и «гипотезы» часто используются как синонимы и взаимозаменяемы, хотя с каждым из этих терминов ассоциируются различные оттенки и языковые нюансы. Разумеется, не существует широкого консенсуса относительно значения многих терминов, однако позволим себе попытаться внести ясность в этот вопрос. Ученые, предпочитающие качественные методы анализа, обычно подчеркивают термин «обобщение», а количественные аналитики могут использовать термин «гипотезы». «Суждение» встречается при любом типе анализа. Обобщение — это общая констатация единообразия и постоянства. Это простейшая форма объяснения, с абсолютной необходимостью требующая знания предмета. Михэн (Meehan, 1965:91—92) выделял три формы обобщений. Первая — универсальные обобщения (одно целое — то же, что другое целое); в некоторых случаях универсальное обобщение является законом, так как оно прошло проверку тщательно проведенным испытанием. Вторая форма — вероятностные обобщения (часть одного целого равна другому); вероятностное обобщение часто называется суждением. Третьей формой обобщений является тенденциональное обобщение (одно имеет тенденцию быть другим); тенденциональное обобщение выражается в предварительных и предполагаемых терминах и тем самым является гипотезой, которая может оказаться истинной, но пока что не проверенной. Итак, законы носят универсальный характер, суждения — вероятностный, а гипотезы — предварительный.

Обобщения, суждения и гипотезы особенно распространены в естественных науках, таких, как химия и физика, основанных на точных измерениях, а также на комплексных и детальных класси-

кациях. Классификации строятся на единообразии и сходстве. Однако политология считает свои объяснения поведения людей ограниченными, если учитываются лишь сходство и единообразие. Поведение людей, как правило, непредсказуемо. Поэтому важными факторами в политологических исследованиях являются многообразие и нестандартные образцы поведения. Призывы изучать многообразие и модели поведения, поддерживаемые в течение последних двух десятилетий Роем Макридисом и другими специалистами в сравнительной политологии, порождали скептическое отношение к возможности использования в политологии чисто научных методов.

Типы и уровни

В теории известны два способа умозаключения. Индукция — это процесс обобщения на основе конкретных наблюдений, в то время как дедукция представляет собой процесс рассуждения, при котором новое положение выводится чисто логическим путем от общих положений к частным выводам. В сравнительной политологии индуктивные обобщения и суждения вызывают сомнение, так как их можно рассматривать как детерминистские или считать достоверными и истинными, при том что на самом деле они могут не иметь неопровержимых доказательств или обнаружатся примеры или факты, способные их опровергнуть. Поскольку в политологии немного универсальных обобщений или законов — если таковые вообще имеются, — то дедуктивное объяснение в ней вряд ли эффективно. С учетом этого Михэн предположил, что в политологии будут востребованы вероятностные объяснения, то есть допускающие возможность того, что то или иное событие произойдет. Вместо определенных выводов, ожидаемых при дедуктивных рассуждениях, могут быть получены неопределенные и в условных категориях (например, «обычно» заменяет «всегда»).

Эти оговорки не принимаются социологами, признающими, что логика дедуктивного объяснения в естественных науках совместима с тем же процессом в социологических исследованиях. Они повсеместно защищают дедуктивные объяснения. Поэтому такими терминами, как «научный метод» и «научные правила», пестрит самая известная теоретическая литература. По мнению Михэна, дедуктивное объяснение стало «обузой для социологов», и это обвинение подробно анализируется в работе Джона Ганнелла (Gunnell, 1969).

Дискуссии по поводу дедуктивного и индуктивного объяснения не новы для науки. На протяжении многих веков ученые и философы разоблачали заблуждения, связанные с обеими формами объяс-

нений. Во второй половине XIX в. Фридрих Энгельс в своих трудах «Анти-Дюринг» и «Диалектика природы» осудил односторонние аргументы в пользу дедукции или индукции и высказался за то, чтобы использовать их вместе как взаимодополняющие.

При обсуждении концепций выделяются три теоретических уровня: глобальный, среднеразмерный и узкий. Глобальная, или большая, теория стремится к универсальным концептуализациям; попытки создать такую теорию в сравнительной политологии во многом бессмысленны из-за обилия общих положений, неопределенностей и абстракций. Узкая теория страдает заикленностью не на существо вопроса, а на технических приемах; зачастую политические нюансы проблемы утрачиваются из-за ограничения сферы исследования второстепенными вопросами и легко поддающимися обработке данными. Забота о сфере исследования ведет к разделению теоретической работы на две категории. В социальных науках глобальная теория называется макротеорией, а узкая — микротеорией. Между этими двумя полюсами располагается среднеразмерная теория, которую в настоящее время предпочитают многие практики сравнительной политологии. Этот уровень сфокусирован на изучении институтов (структур) и их деятельности (функций).

Подходы

Эптер и Эндрейн (Apter and Andrain, 1968) предложили три подхода к изучению политологии. Во-первых, нормативный подход, который в сравнительной политологии обычно предполагает эволюцию конституционной демократии как главного проявления модернизации. Политологам, интересующимся историей политических идей и социологией знания, нормативный подход кажется особенно привлекательным. По сути, он представляет собой традиционную тенденцию, существующую еще с тех времен, когда философия не была отделена от политологии. Сторонники этого подхода обращают внимание на культурные ценности в обществе, считающиеся желательными. Они также рассматривают нормы в виде правил или прав и обязанностей, сориентированных на декларируемые ценности. Нормативные аналитики пытаются выйти за пределы сугубо эмпирических наблюдений за событиями. Они стремятся к более высокой цели и связывают свои собственные ценности с ценностями изучаемого ими общества. Нормативные аналитики используют в качестве единицы анализа все общество и иногда полагают, что изменения в нем являются следствием диалектического конфликта между противоположными ценностями и идеями. Например, марксист-

ты могут усмотреть такой конфликт в классовом соперничестве в обществе. Напротив, многие американские политологи исходят из того, что демократия и модернизация основаны на общих, а не на разделенных ценностях, и в качестве компонентов демократического общества полагаются на компромисс, переговоры и консенсус.

Во-вторых, структурный подход, в котором Эптер и Эндрейн выделяют пять основных объектов исследования: 1) правовые и официальные, обычно административные, институты, особенно интересные для специалистов, изучающих природу империй и колоний до Второй мировой войны; 2) неоинституциональные структуры, например гражданская служба и политические партии, которым уделяется внимание наряду с правовыми структурами и конституциями; 3) группы, включая официальные, такие, например, как политические партии, церковь и армия, и неформальные — например, профсоюзы, организации бизнесменов и фермеров; 4) структуры и функции, составляющие систему взаимосвязанных частей; 5) структуры в виде групп и классов, которые анализируются неомарксистами с точки зрения их экономических интересов. Структурные аналитики склонны изучать проблемы поддержания и стабильности систем. Исследуются целые общества или страны, макроединицы, и предположения относительно развития варьируются в зависимости от разделения полномочий между официальными правительственными учреждениями, с одной стороны, и борьбой между экономическими классами — с другой.

В-третьих, бихевиористский подход, на который значительное влияние оказала психология. В центре внимания бихевиористов — разнообразные проблемы, связанные с процессами обучения и социализации, а также с мотивацией, восприятием, отношением к власти и т.д. Объектом анализа для бихевиористов является индивид или небольшая группа. Эптер и Эндрейн определили бихевиористские предположения как относящиеся к оптимистической уверенности индивидов в том, что изменения желательны и возможны и что развитие является следствием стремления людей к достижениям.

Различия между этими подходами помогают выделить множество исследовательских тенденций в изучении сравнительной политологии. Для основного направления сравнительной политологии характерен структурный или структурно-функциональный подход, считающийся средним в теоретической ориентации. Еще недавно существовала тенденция следовать узкой или микроориентации с помощью бихевиористского подхода. Разочарование в бихевиористских теориях, неспособных, как выяснилось, решать проблемы общества, а также в структурализме, склонном заниматься срезами систем в от-

рыве от анализа общества в целом, заставило многих профессионалов широко использовать нормативный подход. С одной стороны, немало ученых по-прежнему подчеркивают ценности и нормы демократического общества на примере англо-американского опыта. С другой — предпринимаются серьезные, более радикальные попытки критиковать подобные интерпретации как статичные и не слишком эффективные. В главах данной книги представлены эти подходы с соответствующим пониманием политики и даны новые дефиниции, отсутствующие в трех подходах Эптера и Эндрейна.

Модели и парадигмы

Я уже говорил об использовании полезных в политическом исследовании дефиниционных схем, классификационных расположений и системных упорядочений. Эти категории можно также назвать таксономиями или каркасами. Типологии разделяют и располагают информацию и факты в соответствии с классификациями, таксономиями и каркасами более или менее точно, даже тонко, что затрудняет количественные методы исследования. Применение моделей при изучении сравнительной политологии имеет более широкий смысл. Модели приводят к созданию конструкций, сводят вместе разрозненные части и выявляют их взаимосвязь. Модели имеют тенденцию упрощать представления о реальном мире. Они могут облегчить понимание, но не дают объяснений. Они помогают специалистам в сравнительной политологии упорядочить огромный массив информации, доступной тем, кто изучает эту дисциплину. Однако модели, подобно типологиям и классификациям, являются умственными конструкциями, а не теориями, хотя они часто искажаются для обозначения теоретического прогресса.

Парадигма — это взгляд на мир со стороны научного сообщества, его набор убеждений и обязательств — концептуальных, теоретических, методологических, инструментальных. Парадигма направляет научное сообщество по пути отбора проблем, оценки данных и пропаганды теорий. В Главе 3 рассматривались парадигмы сравнительной политологии, особенно две принципиальные, определившие развитие этой науки на протяжении XIX в.

Методы и исследование

Методы включают в себя приемы и представляют собой процедуру исследования. Методы могут быть качественными и количественными. Лейпхарт (Lijphart, 1971:683) считал, что сравнительный ме-

тод в своей основе прост: «Это метод обнаружения эмпирических связей между переменными величинами, а не метод измерения». Таким образом, сравнительный метод основывается не на количественном, а на качественном анализе. В этом смысле сравнительный метод не является узким, специализированным приемом, а рассчитан на широкое и общее исследование.

Подобное понимание сравнительного метода свидетельствует о том, что попытки сформулировать прочную теорию и методы изучения сравнительной политологии не всегда были успешны. Линии сравнения были проведены, однако тщательное изучение ограничивалось сложностями сравнительных исследований. В смелых и обширных сравнительных схемах была собрана информация из многих стран, но итоги получались в основном описательные. В банках данных хранилась статистика со всего мира, но эти сведения не всегда представлялись надежными. Такие проблемы отражают трудности большинства исследователей в области сравнительной политологии. Уорвик и Ошерсон (Warwick and Osherson, 1973) остановились на некоторых из этих проблем в своей оценке методов и способов сравнительных исследований, а Уорд и его коллеги (Ward et al., 1964) разработали руководство для изучающих политологию за границей, в первую очередь в странах «третьего мира». Сидней Верба (Verba, 1967) рассмотрел сравнительные исследования отдельных стран и всех государств в глобальном масштабе и призвал начинающих политологов брать на вооружение проверенный, узкоаспектный подход, однако Мерритт и Роккан (Merritt and Rokkan, 1966) проявили больше оптимизма в отношении определения методов при использовании количественных данных в транснациональных исследованиях. Наконец, Хайнц Юло (Eulau, 1962) утверждал, что узкое направление исследований североамериканских специалистов может способствовать новому пониманию сравнительного анализа и метода.

Лейпхарт привел убедительные аргументы в пользу идентификации сравнительного метода, но имеются и другие методы, используемые специалистами в сравнительной политологии. Это прежде всего методы экспериментальный, статистический, лингвистический и ситуационный.

Сравнительный метод предусматривает анализ небольшого числа ситуаций. Согласно Лейпхарту, он, видимо, является самым продуктивным с учетом времени, энергии и финансовых ресурсов, которые требуются для анализа большого числа ситуаций. Внимание к небольшому числу ситуаций позволяет также при анализе не скользить по поверхности, а проникать вглубь рассматриваемых проблем.

Экспериментальный метод основан на работе с эксперименталь-

ной и контрольной группами и изучении полученных сравнительных данных. Стимулирующее воздействие оказывается лишь на экспериментальную группу, а другая находится в изоляции. Михэн разрабатывал одну из форм экспериментальной технологии для некоторых областей психологии. Она предполагает рассмотрение единой комплексной системы, в рамках которой поведение изучается в связи с различными стимулами, а результаты фиксируются и анализируются. Система структурирована в виде ящика, в котором стимулы служат в качестве входов, а поведение представляет собой выходы, причем между теми и другими существует обратная связь. Психиатр может рассматривать человеческое существо как ящик и соответственно изучать стимулы и поведение. Как отмечалось в Главе 5, такая концепция системы в адаптированном виде нашла отражение в политологических работах Дэвида Истона. Однако экспериментальный метод редко используется в политологических исследованиях — во многом из-за того, что политическую жизнь трудно контролировать.

Статистический метод представляет собой «приближение» к экспериментальному методу и упрощается благодаря использованию компьютеров. Он приводит к концептуальной (математической) манипуляции данными, полученными эмпирическим путем (которые не могут подвергаться манипуляции ситуационно, как при экспериментальном методе) для обнаружения контролируемых отношений между переменными величинами (Lijphart, 1971: 684). Оценка конкурирующих объяснений выносится путем статистического контроля, однако при сравнительном исследовании полученные данные часто неадекватны ввиду отсутствия информации и из-за ограниченных ресурсов. Однако на основе статистических исследований могут приниматься решения, затрагивающие жизнь людей. Поэтому важно иметь представление о статистике, уметь определить явные злоупотребления ею в политической жизни и экономике, о чем стоит помнить и при самом полезном к ней обращении ради осуществления социальных перемен, содержащемся в работе Люси Горовиц и Ферлегера (Hogowitz and Ferleger, 1980).

Изучение политической жизни затруднено чрезмерным использованием специальной терминологии, и давно назрел вопрос о тщательной ее ревизии и систематизации. Уточнение значений поможет устранить неопределенности и с помощью лингвистического метода провести идентификацию, регистрацию и оценку периодически повторяющихся терминов в письменных и устных коммуникациях. В последнее время лингвистический метод сочетается со статистическим и с использованием компьютеров.

Метод ситуационного изучения тесно ассоциируется со сравни-

тельным, и, несомненно, он также применим в сочетании с другими методами, как это продемонстрировал Харри Экстайн (Eckstein, 1975). Лейпхарт полагал, что ситуационный метод может способствовать выдвиганию теорий в политологии. Он выделил шесть типов ситуационных исследований: 1) не связанные с теорией традиционные исследования отдельных взятых стран, не имеющие теоретического значения; 2) интерпретационные исследования, использующие теоретические обобщения, не относящиеся к конкретным ситуациям и не способствующие выдвиганию теорий; 3) исследования ряда ситуаций, приводящие к выработке гипотез; 4) исследования единичных ситуаций для подтверждения теорий и 5) для опровержения теорий в пределах общепринятых обобщений; 6) изучение единичных ситуаций, не подпадающих под принятые обобщения.

Все эти методы предполагают использование множества источников информации, как-то: данные об элите и голосовании на выборах, общественное мнение, совокупные цифровые данные, исторические сведения, данные изучения содержания документов и речей. При анализе и синтезе такой информации сравнительная политология применяет количественную технологию.

Изучая проявляющиеся примерно с 1970 г. тенденции, Дэвид Кольтер (Collier, 1991) напомнил об утверждении Гарольда Лассуэлла о том, что научный метод, несомненно, является «сравнительным». Кольтер высказал предположение, что, несмотря на новации в исследовательских планах и статистических методах, ценность количественных и статистических подходов сегодня вызывает сомнения более, чем когда-либо, и что в сравнительном исследовании полезнее качественные исследования немногих ситуаций. Иллюстрацией такого предпочтения является целостный подход Чарльза Рэгина (Ragin, 1987) к изучению ситуаций и причинной обусловленности, а также сравнительная основа, которую предложили Скокпол и Сомерс (Skocpol and Somers, 1980) в работе, ставшей существенным вкладом в сравнительный исторический анализ.

Заключение

В этом разделе мы остановились на традиционной терминологии, используемой в сравнительной политологии и социологии. Но многое из нее применимо как в теориях основного направления, так и в альтернативных, различие между которыми проводится на страницах этой книги. В заключительной главе обращается особое внимание на политическую экономию и предлагаются марксистские де-

финиции; определяются основные направления политологии и рассказывается о марксистских теории, методе и концепциях. Представляется полезной и Глава 4 о Марксе и Вебере. В другом месте книги (Глава 8) я говорил о значении аналитического марксизма.

В своей работе «Сумерки капитализма» Майкл Хэррингтон заметил, что существует много вариаций марксизма, поскольку и сам Маркс интерпретировал события по-разному на протяжении своей интенсивной научной и литературной деятельности. В первую очередь это касается анализа противоречий капитализма. Поэтому изучающим марксизм не следует придерживаться жестких формулировок. Однако дело в том, что ревизия некоторых теоретических положений Маркса привела к сумятице и в итоге — к беспорядочному использованию терминологии, столь часто встречающемуся в буржуазной социологии.

Возможно, кто-то захочет углубиться в марксистскую терминологию. При этом любознательный читатель может для начала обратиться к книге мексиканского карикатуриста Риуса «Маркс для начинающих» (1976), где дается краткий словарь терминов. В своем «Введение в социализм» (1968) Лео Хьюберман и Пол Суизи также дают ключ к пониманию марксизма (в главе «Азбука социализма»). Ральф Милибенд в работе «Марксизм и политика» также обсуждает проблемы класса и классового конфликта в их связи со стратегиями реформ и революции. Книга Эрнеста Манделя «От классового общества к коммунизму. Введение в марксизм» (1977) при своей всеохватности является легкочитаемой, дает ясные ответы на основные вопросы и поднимает серьезные теоретические проблемы. Автор рисует в ней картину социального неравенства и общественной борьбы на протяжении истории, исследует государство и правящие классы, прослеживает развитие общества от стадии мелкотоварного производства к капиталистическому способу производства и объясняет воздействие на него монополистического капитализма и мировой империалистической системы.

Литература

Apter, David E., and Charles Andrain. 1968. «Comparative Government: Developing New Nations». In Marian D. Irish (ed.), *Political Science: Advance of the Discipline*, 82—126. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. Reprint from *Journal of Politics* 30 (May 1968). Идентификация шести тенденций в изучении новых стран с учетом трех подходов: нормативного, структурного и бихевиористского.

Burrowes, Robert, 1970. «Multiple Time-Series Analysis of Nation-

Level Data». *Comparative Political Studies* 2 (January), 419—442. Автор выступает за лонгитюдную технологию испытания силы взаимодействия переменных величин; создает условия для лонгитюдного исследования одной или небольшого числа стран, которыми долго пренебрегали специалисты в области сравнительной политологии.

Collier, David. 1991. «New Perspectives on the Comparative Method». In Dankwart A. Rustow and Kenneth Paul Erickson (eds.), *Comparative Political Dynamics: Global Research Perspectives*, 7—31. New York: HarperCollins. Важное мнение о прежних работах по сравнительному методу, с особым вниманием к Лейпхарту (Lijphart, 1971) и синтезом новаций за последние годы.

Eckstein, Harry. 1975. «Case Studies and Theory in Political Science». In Fred Greenstein and Nelson W. Polsby (eds.), *Handbook of Political Science*, vol. 7. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley. В книге рассматривается метод изучения конкретных ситуаций и совершенствуется типология того, как изучение конкретных ситуаций соотносится с более широким сравнением и испытанием теории.

Eulau, Heinz. 1962. «Comparative Political Analysis: A Methodological Note». *Midwest Journal of Political Science* 6 (November), 397—407. Автор считает, что американисты могут внести вклад в развитие сравнительного анализа и метода, связав свои исследования с работами специалистов в области сравнительной политологии. Свое мнение он подтверждает опытом исследований законодательных органов штатов и предлагает организовать методологическое наблюдение за сравнительным анализом.

Gunnell, John G. 1969. «Deduction, Explanation, and Social Scientific Inquiry». *American Political Science Review* 63 (December), 1233—1246. Подробная критика дедуктивного объяснения, которое становится основным в большинстве работ по социальной науке. Автор призывает к пересмотру теории о «существовании логической симметрии между объяснениями в естественных и социальных науках» и настаивает на исследовании «логических и эпистемологических основ этих двух начинаний».

Horowitz, Lucy, and Lou Ferleger. 1980. *Statistics for Social Change*. Boston: South End Press. Доступное и легкое для пользователя пособие по применению статистики к исследованию проблем и перемен в обществе.

Lijphart, Arend. 1971. «Comparative Politics and the Comparative Method». *American Political Science Review* 65 (September), 682—693. Автор отличает сравнительный метод от экспериментального и статистического и метода изучения конкретных ситуаций. Сравнитель-

ный метод — это «метод выявления эмпирических связей между переменными величинами, а не метод измерения». Автор анализирует плюсы и минусы сравнительного метода.

Meehan, Eugene J. 1965. *The Theory and Method of Political Analysis*. Homewood, Illinois: Dorsey Press. В книге рассматриваются важные проблемы, относящиеся к науке, объяснению, эпистемологии, методам, техническим приемам и ценностям, и высказываются критические мнения, необходимые для сравнительной политологии.

Merritt, Richard L., and Stein Rokkan (eds.). 1966. *Comparing Nations: The Use of Quantitative Data in Cross-National Research*. New Haven: Yale University Press. Критическое обсуждение предпринимаемых за последнее время усилий по квантификации данных, полученных во многих странах.

Ragin, Charles. 1987. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press. Автор рассматривает причинно-следственную связь в рамках целостного подхода к исследованию, ориентированному на конкретные ситуации.

Sartori, Giovanni (ed.). 1984. *Social Science Concepts: A Systematic Analysis*. Beverly Hills, California: Sage Publications. Попытка выработать общий, последовательный и доступный пониманию набор социальных научных концепций, следуя направлениям и методам, предложенным автором в начале работы.

Skocpol, Theda, and Margaret Somers. 1980. «The Uses of Comparative History in Macrosocial Inquiry». *Comparative Studies in Society and History* 22 (April), 174—197. В статье исследуются цели сравнительного изучения отдельных ситуаций, с особым вниманием в трех подходах: последовательному анализу ситуаций для проверки гипотез; анализу ситуаций с помощью модели или набора концепций; противопоставлению двух или более ситуаций, чтобы продемонстрировать их различия.

Verba, Sidney, 1967. «Some Dilemmas in Comparative Research». *World Politics* 20 (October), 111—127. Оценка исследования отдельных стран и глобальных сравнительных исследований. Автор призывает изучающих макрополитику акцентировать внимание на промежуточной цели «дисциплинарного конфигуративного подхода».

Ward, Robert E., et al. 1964. *Studying Politics Abroad: Field Research in the Developing Areas*. Boston: Little, Brown and Co. Эссе о технике, замысле и разных обстоятельствах исследований в естественных условиях, особенно применительно к странам «третьего мира».

Warwick, Donald P., and Samuel Osherson (eds.). 1973. *Comparative*

Research Methods. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. Эссе о проблемах сравнительного исследования, с особым вниманием к случайным исследованиям, языковой сравнимости, необычным условиям и непредвиденным обстоятельствам, а также к опробованию, измерению и интервью.

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ С 1980 Г.

Обильная и многообразная литература наводнила поле сравнительной политологии. Ниже дается краткий обзор основных трудов, которые могут быть полезны не только ученым и специалистам узкого профиля, но и преподавателям и студентам, сталкивающимся со сравнительной политологией во время учебы. В своем обзоре я намеренно ограничился самыми значительными исследованиями, написанными в основном после 1980 г., и потому в него вошли лишь немногие из работ, указанных в списке использованной литературы первого издания книги. О тенденциях более раннего периода я упоминаю только в степени, необходимой для освещения произошедшего после 1980 г., и придерживаюсь этого правила, рассматривая эволюцию сравнительной политологии в работах общего характера, кросснациональных (межстрановых) исследованиях, обзорах многотомных сравнительных исследований, работ, посвященных странам и регионам, и специальных периодических изданий. Ссылка на автора и название в тексте книги дается лишь в случае, если данная работа хорошо известна и легко доступна или если она идентифицирована и аннотируется в других местах книги или же может быть найдена с помощью индекса. Я советую читателям вернуться к первому изданию книги, где даны обзор и историография сравнительных политологических исследований с 1945 по 1980 г.

Поле исследования

Поколение людей сменилось с тех пор, как Харри Экстайн представил свой обзор поля исследования начиная с эпохи греческих политических философов; за это время обзором литературы занимались также Американская ассоциация политических наук и различные конференции. На одной из них, состоявшейся в мае 1968 г. в Нью-Йоркском

университете, было принято решение об издании квартального журнала «Компаратив политикс» («Сравнительная политология»), а двадцать лет спустя юбилейная конференция Нью-Йоркского университета представила переоценку материалов и важную антологию под редакцией Данкварта Растоу и Кеннета Эриксона (Rustow and Erickson, 1991). Тематически работа Джеймса Билла и Роберта Хардгрейва-мл. «Сравнительная политология: поиск теории» (Bill and Hardgrave, Jr., 1981) дополняет мой собственный труд по сравнительной теории, хотя носит более вводный характер. Книга Дж. Джохари «Сравнительная политическая теория» (Johare, 1987) также сфокусирована на сравнительной теории государства, идеологии, праве и других темах. В вышедшей под редакцией Говарда Виарды антологии «Новые направления сравнительной политологии» (Wiarda, 1985) выражен довольно пессимистический взгляд редактора на «кризис» в этой сфере деятельности, и подобная позиция разделяется в эссе Сиднея Вербы: «Несмотря на большое число новых и оригинальных исследований, слишком мало работ ведут к обобщению знаний» (см.: Wiarda, 1985:35). Рассел Долтон (Dalton, 1991) в своем обзоре больше внимания уделил моделям рационального выбора и собранным данным. В недавних исследованиях заметны попытки идентифицировать историографию дисциплины, причем большая часть работ оказалась релевантной сравнительной политологии; см., например, книгу Дэвида Истона и Джона Ганнелла совместно с Луиджи Грациано «Развитие политической науки: сравнительный обзор» (Easton, Gunnell, and Graziano, 1991), где особое место уделено опыту США и Западной Европы — основы для сравнения с другими регионами, включая Китай и Африку; а также новую антологию эссе Джона Драйзека, Джеймса Фарра и Стивена Леонарда «Политическая наука и ее история: исследовательские программы и политические традиции» (Dryzek, Farr, and Leonard).

Важные и полезные обзоры и оценки смежных дисциплин см.: в области антропологии — Марвин Хэррис «Развитие антропологической теории» (Marvin Harris, *The Rise of Anthropological Theory*, 1968) и «Культурный материализм: борьба на науку культуры» (*Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture*, 1979); в области экономики — Ричард Вольф и Стивен Резник «Экономика: марксистская против неоклассической» (R.D. Wolff and S.A. Resnick, *Economics: Marxian Versus Neoclassical*, 1987); в области социологии — Питер Кнапп и Алан Спектор «Кризис и перемены: основные вопросы марксистской социологии» (Knapp and Spector, 1991), Говард Шерман и Джеймс Вуд «Социология: традиционные и радикальные взгляды» (H.J. Sherman and J.L. Wood, *Sociology: Traditional and Radical Perspectives*, 1979).

Вводные курсы

Большинство вводных текстовых материалов публикуется издательством «Харпер Коллинс». Таковы например: книга «Сравнительная политология: теоретическая структура» Габриэля Алмонда, Бингама Пауэлл-мл. и Роберта Мундта (G.A. Almond, G.V. Powell, Jr., and R.J. Mundt, *Comparative Politics: A Theoretical Framework*, 1993), где используется традиционный подход к сравнительной политологии (системы, структуры и функции) и приводятся выдержки из ранних работ; 5-е издание «Сравнительной политологии сегодня» под редакцией Алмонда и Пауэлла (*Comparative Politics Today*, 1992), посвященное сравнительным концепциям и странам; 3-е издание «Введения в сравнительное правление» под редакцией Майкла Куртиса (Curtis, 1993), где даны очерки о девяти странах; «Введение в сравнительную политологию: режимы и перемены» Роя Макридиса и Стивена Барга (R.C. Macridis and S.L. Burg, *Introduction to Comparative Politics: Regimes and Changes*, 1991); «Сравнительная политическая динамика», сборник восемнадцати актуальных проблемных эссе под редакцией Растоу и Эриксона (Rustow and Erickson, 1991); «Сравнительная политология: различные государства во взаимозависимом мире» Дэвида Рота, Пола Уорвика и Дэвида Пола (D. Roth, P.V. Warwick, and D. Paul, *Comparative Politics: Diverse States in an Interdependent World*, 1989), где предпочтение отдается общим сравнениям, а не подробным описаниям политической жизни отдельных стран.

В книге «Основы сравнительной политологии: взгляд на политику» Чарльз Эндрейн (Andrain, 1983) дает анализ политической ситуации и политической системы девяти стран в конкретной исторической обстановке. Джеймс Барнес, Маршалл Картер и Макс Скидмор составили сборник «Мир политики: краткое введение» (Barnes, Carter, and Skidmore, 1984), а работа Джеймса Данцигера «Понимая мир политики» (Danziger, 1991) позволяет читателю приобщиться к политологическим концепциям и сравнительному анализу. См. также книгу Алекса Драгнича, Лоуренса Грэма, Йоргена Расмуссена и Такетсугу Тсурутани «Политика и система правления» (Dragnich, Graham, Rasmussen, and Tsurutani, 1982), представляющую собой вводный курс по десяти странам. Дэн Джэкобс, Дэвид Конрадт, Б. Гай Петерс и Уильям Сафран в книге «Сравнительная политология: введение в политическую систему Великобритании, Франции, Германии и Советского Союза» (Jacobs, Congradt, Peters and Safran, 1983) исследуют природу власти в четырех странах, а в заключительной главе их внимание сосредоточено на политических идеологиях, политическом руководстве, элитах, революциях, а также на сравнительной социальной по-

литике. Из других пособий упомянем следующие: Марк Кессельман, Джоэл Кригер и др. «Европейская политическая жизнь на переходе» (Kesselman, Krieger et al., 1992) — сборник оригинальных эссе; Томас Магштадт «Государства и правительства» (Magstadt, 1991) — сравнительный региональный анализ; Джон Нэгл «Введение в сравнительную политологию: действие политической системы в трех мирах» (Nagle, 1992) — исследование передовых либеральных демократий, коммунистических систем и развивающихся стран по параметрам экономического развития, социального равенства, свободы личности и качества жизни; Мартин Нидлер «Концепции сравнительной политологии» (Needler, 1991), где дается элементарный комментарий многих важных терминов; У. Филипс Шайвли «Власть и выбор» (Shively, 1987) — о теории рационального концептуального выбора на примере конкретных ситуаций. Еще одним примером вводного курса является труд Хармона Цайглера «Политическое сообщество: сравнительное введение в политические системы и общество» (Zeigler, 1990), где дается сравнительный анализ политических систем с точки зрения демократии, авторитаризма и тоталитаризма.

Сборники

Следует отметить два сборника: 7-е издание традиционного пособия под редакцией Макридиса и Брауна (Macridis and Brown, 1990), в котором собраны тексты по сравнительным режимам, институтам и процессам, развитию и революции; и еще более интересный сборник материалов о тенденциях, методологии и альтернативных парадигмах под редакцией Кантори и Цайглера-мл. (Cantori and Ziegler, Jr., 1988).

Сравнительные многотомные исследования

В отличие от прежних лет, лишь несколько коммерческих издательств по-прежнему выпускают многотомные исследования, специально рассчитанные на преподавателей и студентов колледжа. Интересно, что ряд университетских издательств спонсирует многотомные издания, относящиеся к сравнительной политологии. Например, «Кембридж юниверсити пресс» опубликовало под редакцией Петера Ланге «Кембриджские исследования в сравнительной политологии» (Cambridge Studies in Comparative Politics). Этот сборник ориентирован на «сравнительные исследования, разъясняющие важные межстрановые внутриполитические явления». В издательстве «Кембридж юниверсити пресс» вышел также важный труд «Исследования марксизма и социальной теории» (Studies in Marxism and Social Theory) под редакцией Коэна, Эл-

стера и Рёмера. В опубликованной издательством «Юниверсити оф Калифорния пресс» книге «Калифорнийская серия по социальному выбору и политической экономии» (California Series on Social Choice and Political Economy) под редакцией Брайана Барри, Роберта Бейтса и Самюэля Попкина подчеркивается важность монографий, основанных на теории рационального выбора. В книгу включен теоретический обзор Бейтса (Bates, 1988), его же региональные исследования по Африке, а также работы Уильяма Бруштейна по Франции и Форреста Колбурна по Никарагуа. Среди коммерческих серий отметим вышедшие в свет в издательстве «Харпер Коллинз» известные исследования в области традиционной сравнительной политологии и страноведения, организованные Габриэлем Алмондом, куда вошли тома Лусиана Пая по Китаю (4-е изд., 1991); Брэдли Ричардсона и Скотта Фланагана по Японии (1984); Рассела Долтона по Германии (2-е изд., 1993); Говарда Виарды по Испании и Португалии (1993); Генри Эрмана и Мартина Шена по Франции (5-е изд., 1992); Ричарда Роуза по Англии (5-е изд., 1989); и Джеймса Билла и Роберта Спрингборга по Ближнему Востоку (3-е изд., 1990). «Уэствью пресс» публикует многотомные исследования, относящиеся к сравнительной политологии, в том числе «Новые направления в сравнительной политологии» (New Directions in Comparative Politics) под редакцией Питера Меркля и Харухиро Фукуи; «Дилеммы в мировой политике» (Dilemmas in World Politics) под редакцией Джорджа Лопеса; серию о политических культурах под редакцией Аарона Вилдавского; серию об интервенциях под редакцией Стивена Эрика Бронера; и ряд томов о гендерных исследованиях, например «Неравное бремя» Л. Бенериа и Шелли Фельдман (Benaría and Feldman, Unequal Burden, 1992). В конце 1980 г. «Сейдж пабликейшнз» выпустило в свет несколько важных томов по сравнительной политологии, некоторые включали перепечатанные материалы из более ранних трудов Алмонда (Almond, 1990) и Мейера (Maeyer, 1989) о положении дел в данной дисциплине. Кроме того, «Сейдж» издало работу Дэвида Эптера «Переосмысливая развитие» (D. Apter, Rethinking Development, 1987) и Альвина Соу «Социальные перемены и развитие» (Social Change and Development, 1990). Издательство «Саут Энд пресс» публикует ориентированные на политику радикальные исследования по проблемам экологии, феминизма и пола вместе с критическими обзорами положения в Латинской Америке, на Ближнем Востоке и в других регионах. «Нью лефт букс» издает в недорогих бумажных обложках важные издания по политологии и теории, а также по отдельным странам, например: Борис Кагарлицкий «Год, когда рухнули стены: 1989. Советская хроника» (B. Kagarlitsky, The Year the Walls Came Down: 1989, A Soviet Chronicle, 1989); Колин Муэрс

«Становление буржуазной Европы» (С. Mooers, *The Making of Bourgeois Europe*, 1990). Ежегодное издание «Сравнительная политология» (*Comparative Politics*), публикуемое «Дашкин паблишинг груп», включает в себя перепечатанные из газет, научных журналов и других источников материалы, где особое внимание уделяется роли западных демократий, коммунистическому и «третьему» миру. В 1991 г. «Зед пресс» совместно с неправительственной службой связи ООН выпустило в свет серию «Женщины и мировое развитие» (*Women and World Development Series*), куда вошли такие работы, как «Женщины и мировой экономический кризис» Жанни Виккерс (J. Vickers, *Women and the World Development Series*, 1991) и «Женщины и окружающая среда» Аннабель Родды (A. Rodda, *Women and the Environment*, 1991); а также прекрасную серию книг о женщинах «третьего мира».

Кросснациональные исследования

Такие исследования подразделяются на два типа: одни ограничены отбором переменных, общих для многих стран, с отчетами и анализом данных, относящихся к этим переменным; другие ориентированы на сравнения в ходе изучения исторических ситуаций.

Постоянно публикуемые в ежегодных сборниках данные по европейским странам используются в многочисленных исследованиях. Примером тому является проведенное Расселом Долтоном изучение общественного мнения в Соединенных Штатах, Великобритании, Западной Германии и Франции (1988); исследование Рональдом Инглхартом культурных ценностей Западной Европы (Inglehart, 1977); а также труд Сиднея Вербы, Нормана Ная и Джае-он Кима (Verba, Nie, and Jae-on Kim, 1978), представляющий собой изучение отношений к политическому участию в семи странах (Австрия, Индия, Нигерия, Нидерланды, Соединенные Штаты, Югославия и Япония). О подъеме и упадке мощных государств можно прочесть в труде Манкура Ольсона (Olson, 1982); о бюрократиях и публичной политике в семнадцати латиноамериканских странах — в работе Эймса (Ames, 1987).

Что касается, исторических параллелей, то они представлены в трудах: Баррингтон Мур-мл. «Социальное происхождение диктатуры и демократии» (Moore, B., Jr., 1966); Теда Скокпол «Государства и социальные отношения» (Skocpol, 1979); и Чарльз Тилли «От мобилизации к революции» (Tilly, 1978). Важные примеры исторических сравнений многих стран с акцентом на власть дают труды: Рейнхарда Бендикса (Bendix, 1978), где рассматриваются правление царствующих особ Японии, России, кайзеровской Германии и Пруссии, а также Великобритании, его последствия для народа и отношение масс к власти; Бена Кроу

и Мэри Торп (Crow and Thorpe, 1988), где анализируются производство и производители в странах «третьего мира»; Джона Холла (Hall, 1985) о власти и свободе в аграрных цивилизациях (Китай, Индия и исламские страны) и современном мире (Европа, Соединенные Штаты, бывший Советский Союз и страны «третьего мира»); Пола Кеннеди (Kennedy, 1987) о подъеме и закате имперских держав; Майкла Манна (Mann, 1986) об идеологической, экономической, военной и политической формах власти в Европе; Дитера Сенгхааса (Senghaas, 1985) с анализом теорий развития в европейской истории; Иммануила Валлерстайна (Wallerstein, 1974, 1980) с новой интерпретацией происхождения и эволюции капитализма в Европе; Эрика Вулфа (Wolf, 1982) с оценкой положения крестьян, рабочих и национальных меньшинств в Европе; и Питера Уорсли (Worsley, 1984) с синтезом проблем культуры, крестьянства, рабочего класса, этнических групп и национализма в «третьем мире». Исчерпывающие исследования теорий национализма и европейских влияний содержатся в работах Эрнеста Геллнера (Gellner, 1983) и Энтони Смита (Smith, 1983). Дэвид Макнэлли (McNally, 1988) представил новую интерпретацию теории политической экономии на основе опыта развития капитализма в сельском хозяйстве Великобритании и Франции. Важные сравнительные исследования европейских стран, опирающиеся на теории и модели, но иллюстрированные конкретными примерами, содержатся в вышедшем под редакцией Сьюзен Бергер (Berger, 1983) сборнике, а также в работах Питера Катценстайна (Katzenstein, 1984, 1985), Андрея Марковица и Марка Сильверстейна (Markovits and Silverstein, 1988) и Чарльза Тилли (Tilly, 1975).

Тематические сравнения

О некоторых важных работах в области сравнительной политологии и конкретных темах данной книги говорится в разных ее главах, но в этом приложении предлагаем краткий обзор особенно важной и необходимой литературы.

По вопросу о теории государства стандартный синтез содержится в работах Боба Джессопа «Капиталистическое государство» (B. Jessop, *The Capitalist State*, 1982) и «Теория государства» (*State Theory*, 1990); Мартина Карноя «Государство и политическая теория» (M. Carnoy, *The State and Political Theory*, 1984); и в книге Джона Холуэя и Сола Пиччиотта «Государство и капитал: марксистские дебаты» (J. Holloway and S. Picciotto, *State and Capital: A Marxist Debate*, 1978), незаменимой для тех, кто интересуется европейскими противоречиями. В этих трудах представлены многочисленные теоретические течения, демонстрируются их сходство и различия и с помощью анализа и критики акцентируется

внимание на сильных и слабых сторонах; они могут служить теоретической основой для сравнительного изучения — так, в книге Перри Андерсона «Происхождение абсолютного государства» (P. Anderson, *Lineages of the Absolute State*, 1974) дается сравнительный анализ зарождения и эволюции государства в Западной и Восточной Европе. Джозел Мигдал (Migdal, 1988) сопоставляет формирование и эволюцию небольших государств. Джеймс Капоразо (Caporaso, 1988), изучая страны, сводит воедино материалы о «неуловимом» государстве. Кристиан Энглейд и Карлос Фортэн (Anglade and Fortin, 1985, 1990) заложили теоретическую основу для анализа государства в процессе накопления капитала в Латинской Америке, и теперь мы имеем ценную характеристику государства и капитала в целом ряде латиноамериканских стран.

Несколькими примечательными исследованиями обогатилась теория развития, это прежде всего работы: Беккера, Фридена, Шатца и Скляра (Becker, Frieden, Schatz, and Sklar, 1987) о постимпериализме и международном капитализме; Блока (Block, 1990) о постиндустриальном обществе; Р. и Д. Кольер (Collier R.V. and Collier D., 1991) о капиталистическом развитии в Латинской Америке, сопровождавшемся переходом от государственных репрессий к периоду «инкорпорации» с легализацией и институционализацией рабочего движения; Фагена, Диры и Кораджо (Fagen, Deere, and Corraggio, 1986) о проблемах перехода к социализму стран «третьего мира»; Фридена (Frieden, 1991) о долгах и развитии; Гудмана и Редклифта (Goodman and Redclift, 1982) об аграрном вопросе, переходе к капитализму в Европе и «третьем мире»; Мартина и Кандала (Martin and Kandal, 1989) о периферии и центре в странах Латинской Америки и Карибского бассейна; О'Коннора (O'Connor, 1987) о значении кризиса; Валлерстайна (Wallerstein, 1974; 1980, 1989) о мировой системе; Вайнера и Хантингтона (Weiner and Huntington, 1987) о развитии и государстве; и Зарецки (Zaretsky, 1986) о женщинах и семье в условиях капитализма.

Важной темой сравнительных исследований является демократия. Здесь следует обратить внимание на работу Лейпхарта (Lijphart, 1984), в которой собраны данные о многих странах Европы, и Догана (Dogan, 1988), также интересующегося представительными демократиями. Полезная теоретическая оценка социальной демократии содержится в книгах Боббио (Bobbio, 1990) и Каннингэма (Cunningham, 1990). Перемены, в первую очередь на Юге Европы и в Южной Америке, стали объектом серьезных исследований О'Доннела, Шмиттера и Уайтхеда (O'Donnell, Schmitter, and Whitehead, 1986), а также Балойры (Baloyra, 1987), которые иллюстрируют свои сравнения анализом конкретных ситуаций. Пржеворский (Przeworski, 1985) делает теоре-

тический акцент на социальной демократии и капитализме, проявляя также интерес к переходу от авторитарного к демократическому правлению в этих регионах. Специфические сравнения стран Южной Европы можно найти у Чилкота (Chilcote et al., 1990), Колера (Kohler, 1992) и Придхэма (Pridham, 1984).

Журналы по сравнительной политологии

Изучающим политологию следует обращаться к основным специальным журналам: «Компаратив политикс» (Comparative Politics) и «Компаратив политикал стадиэ» (Comparative Political Studies). В «Америкэн политикл сайенс ревью» (American Political Science Review), «Уорлд политикс» (World Politics), «Гавемент энд оппозишн» (Government and Opposition) и других журналах время от времени также появляются интересные материалы по теме. Организационная секция сравнительной политологии Американской ассоциации политических наук с 1990 г. издает информационный бюллетень, где публикуются программы различных курсов по сравнительной политологии. За период с 1979 по 1992 г. объединение «За новую политическую науку» выпустило в свет двадцать три номера журнала «Нью политикл сайенс» (New Political Science), во многих из них содержатся ценные материалы по Европе, Центральной Америке и другим регионам. Журнал «Политикс энд сэсайети» (Politics and Society) концентрирует внимание на аналитической марксистской школе, но помещает также и материалы, интересные для сравнительных исследований. Журнал насыщен теоретическими идеями и конкретными исследованиями. Среди новых заметных журналов назовем «Джорнэл оф демокрэси» (Journal of Democracy), впервые вышедший в свет в Издательстве Университета Джонса Гопкинса. В фокусе его внимания проблемы демократии в различных странах мира. Следует ознакомиться также с «Джорнэл оф историкл социолоджи» (Journal of Historical Sociology), основанным в 1988 г. («Блэкуэлл») и «Джорнэл оф теоретикл политикс» (Journal of Theoretical Politics), издаваемым с 1989 г. «Сейдж пабликейшнз», среди редакторов и постоянных авторов которых есть специалисты по сравнительной политологии. В начале 1990-х гг. редактором журнала «Политикл сайенс» (Political Science), издаваемого Политологической ассоциацией Великобритании, был компаративист Джек Хейуорд. Из прогрессивных критических журналов, занимающихся проблемами международной политики и национального развития, а также социальными движениями, назовем «Критикл социолоджи» (Critical Sociology), «Мансли ревью» (Monthly Review), «Нью лефт ревью» (New Left Review), «Нью политикс» (New Politics), «Ресинкинг марксизм ревью» (Rethinking Marxism Review),

«Соушиэлист ревью» (Socialist Review), «Зет мэгэзин» (Z Magazine), «Ревью оф рэдикл политикл экономикс» (Review of Radical Political Economics) и «Атне ридер» (Utne Reader). Проблемы пола поднимаются журналами по феминизму и женскому движению, например «Феминист стадиз» (Feminist Studies), «Феминист ревью» (Feminist Review) и «Гендер энд сэсайети» (Gender and Society). Интересные журналистские материалы в «Нейшн» (The Nation) также могут оказать помощь в изучении сравнительной политологии.

Из крупных региональных журналов по Африке назовем придерживающиеся основного направления политологии: «Африкэн стадиз ревью» (African Studies Review), «Канадиэн джорнэл оф африкэн стадиз» (Canadian Journal of African Studies), «Джорнэл оф модерн африкэн стадиз» (Journal of Modern African Studies), «Джорнэл оф африкэн истори» (Journal of African History) и альтернативные журналы: «Ревью оф африкэн политикл экономи» (Review of African Political Economy) и «Сазерн Африка рипорт» (Southern Africa Report). В Латинской Америке в русле основного направления политологии работают «Лэтин америкэн ризерч ревью» (Latin American Research Review) и более исторические «Джорнэл оф лэтин америкэн стадиз» (Journal of Latin American Studies) и «Хиспаник америкэн историкл ревью» (Hispanic American Historical Review), а в русле альтернативного — теоретический «Лэтин америкэн перспективз» (Latin American Perspectives) и более популярный «Рипорт он зе Америкас» (Report on the Americas), издаваемый Североамериканским конгрессом по Латинской Америке (NACLA). По проблемам Ближнего Востока издается Ближневосточным исследовательским и информационным проектом (MERIP) журнал «Миддх Ист рипорт» (Middle East Report); Азии — «Джорнэл оф контемпорэри Эйшэ» (Journal of Contemporary Asia) и «Булитин оф консернд эйшн сколарз» (Bulletin of Concerned Asian Scholars).

Справочные издания и энциклопедии

«Энциклопедия по правлению и политике» (Encyclopedia of Government and Politics, London: Routledge, 1992), вышедшая в свет под редакцией Мэри Хоксуорт и Мориса Когана, содержит богатую информацию и необходимые для занимающихся сравнительной политологией сведения; наиболее важные статьи, с которыми следовало бы ознакомиться, посвящены темам: государство (автор Эндрю Винсент), власть (Джеффри Айзек), легитимность (Маттей Доган), марксизм (Том Боттомор), либеральные демократии (Бингам Пауэлл), авторитарные режимы (Джеймс Мэллой), политические партии (Джозеф Лапаломбара и Джеффри Андерсон), элиты (Джон Нэгл),

политические культуры (Майкл Томпсон, Ричард и Аарон Вилдавские), класс и политика (Барри Хайндесс), пол и политика (Джони Ловендуский), развитие (Рональд Чилкот), империализм (Майкл Паренти) и национализм (Энтони Смит).

Есть, разумеется, и основополагающие труды, включая «Международную энциклопедию общественных наук» (International Encyclopedia of Social Science). Материалы о марксизме содержатся в изданном под редакцией Тома Боттомора «Словаре марксистской мысли» (A Dictionary of Marxist Thought. London: Blackwell, 1983); в «Энциклопедии американских левых» под редакцией Мари Джо Бюле, Пола Бюле и Дана Георгакаса (Encyclopedia of the American Left. Urbana: University of Illinois Press, 1992); и в «Библиографическом словаре марксизма» под редакцией Роберта Гормана (Biographical Dictionary of Marxism. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1986).

Работающие над докторской диссертацией могут воспользоваться двумя важными пособиями: Дэвид Штернберг «Как завершить и защитить докторскую диссертацию» (Sternberg, 1981) и К.Э. Рудстам и Р. Р. Ньютон «Спасая вашу диссертацию: всеобъемлющий справочник по содержанию и процессу написания» (K.E. Rudestam and R.R. Newton, Surviving Your Dissertation: A Comprehensive Guide to Content and Process. Newbury Park, California: Sage Publications, 1992).

Литература

Almond, Gabriel A. 1990. A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science. Newbury Park, California: Sage Publications. Сборник впервые и ранее опубликованных эссе, посвященных разногласиям в политической науке, теории рационального выбора, политической культуре, плюрализму и корпоративизму, государству и другим темам. В первом эссе делается акцент на идеологических тенденциях и разногласиях.

Ames, Barry, 1987. Political Survival: Politicians and Public Policy in Latin America. Berkeley: University of California Press. В книге развиваются и проверяются предложения в русле теории «стратегической коалиции». Используя накопленные данные по семнадцати латиноамериканским странам, автор в первой части своего труда (три главы) анализирует деятельность политических лидеров и способы сохранения их власти с помощью различных стратегий и альтернатив в отношении государственных расходов как ключевых инструментов политики. Во второй части (две главы) данная теория применяется к Бразилии.

Andrain, Charles F. 1983. Foundations of Comparative Politics: A

Policy Perspective. Monterey, California: Brook-Cole Publishing. «Системный» подход с акцентом на политическом анализе, исторической ситуации и с особым вниманием к индивидуальным политическим действиям и политической системе. Основными объектами исследований являются девять стран: Соединенные Штаты, Канада, Великобритания, Западная Германия, Швеция, Франция, Италия, Советский Союз и Китайская Народная Республика.

Anglade, Christian, and Carlos Fortin (eds.). 1985 and 1990. *The State and Capital Accumulation in Latin America*. Vol. 1: Brazil, Chile, Mexico. Vol. 2: Argentina, Bolivia, Colombia, Ecuador, Peru, Uruguay, Venezuela. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. Редакторы предлагают структуру для сравнительного анализа государства и капитализма. Такая структура удобна для конкретных исследований.

Baloyra, Enrique A. (ed.). 1987. *Comparing New Democracies: Transition and Consolidation in Mediterranean Europe and the Southern Cone*. Boulder, Colorado: Westview Press. В первой части книги очерчиваются теоретические направления, позволяющие применять сравнительный анализ к обоим регионам; во второй части рассматриваются демократические тенденции в конкретных странах Южной Америки.

Barnes, James F., Marshall Carter, and Max J. Skidmore. 1984. *The World of Politics: A Concise Introduction*. 2d ed. New York: St. Martin's Press. Вводный курс в принципы политологии (природа сообществ; политическая культура и социализация; политические перемены; власть, господство и легитимность; права и ограничения) и политическую практику (территориальная организация; представительство и руководство; участие; конфликт и порядок; администрирование).

Bates, Robert H. (ed.). 1988. *Toward a Political Economy of Development: A Rational-Choice Perspective*. Berkeley: University of California Press. Сборник эссе — некоторые публиковались ранее — о политической экономике международных рынков; о государстве и развитии на Тайване, в Аргентине и Центральной Америке; о политической экономике развития.

Becker, David G., Jeff Frieden, Sayre P. Schatz, and Richard L. Sklar. 1987. *Postimperialism: International Capitalism and Development in the Late Twentieth Century*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. Автор рассматривает роль мировой буржуазии и ее связи с местной административной или корпоративной буржуазией стран, недавно вступивших на путь промышленного развития, и проводит мысль о том, что такая связь может способствовать развитию.

Bendix, Reinhard. 1978. *Kings or People: Power and the Mandate to Rule*. Berkeley: University of California Press. Работа о правителях и на-

родах Японии, России, кайзеровской Германии и Пруссии, Великобритании и Франции.

Berger, Suzanne (ed.). 1983. *Organized Interests in Western Europe*. New York: Cambridge University Press. Важный сравнительный анализ групп интересов и их деятельности в Западной Европе.

Bill, James A., and Robert L. Hardgrave, Jr. 1981. *Comparative Politics: The Quest for Theory*. Washington, D.C.: University Press of America. Первое издание книги было опубликовано издательством «Меррил паблишинг» в 1973 г. Введение в сравнительную политическую теорию с акцентом на системах, модернизации и развитии, политической культуре, анализе групп и классов, элитах и функционализме.

Block, Fred. 1990. *Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse*. Berkeley: University of California Press. Критика неоклассической экономики. С точки зрения экономической социологии критикуется капитал, трудовые отношения, производство и дается анализ этим категориям. В заключительной главе анализируются альтернативные модели: «Качественный рост I», ориентированный на перемены внутри существующего капитализма, и «Качественный рост II», прогнозирующий важные качественные перемены в существующих капитализме и социализме. В книге предлагаются практические решения и реформы, определяющие постиндустриальную перспективу.

Bobbio, Norberto. 1990. *Liberalism and Democracy*. London: Verso. Обзор классических и современных взглядов на либерализм и демократию от греческих теорий к Токвиллю и до наших дней.

Cantori, Louis J., and Andrew H. Ziegler, Jr. (eds.). 1988. *Comparative Politics in the Post-Behavioral Era*. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. Сборник статей преимущественно о тенденциях и методологиях сравнительной политологии; альтернативных парадигмах; политической культуре и политической социализации; институтах; общественной политике; политическом развитии.

Caporaso, James A. (ed.). 1988. *The Elusive State: International and Comparative Perspectives*. Newbury Park, California: Sage Publications. Эссе о государстве Капоразо, Джеймса Розено, Теда Роберта Гарра, Стивена Краснера и др. В целом сборник имеет макротеоретическую направленность, а некоторые эссе сфокусированы на изучении конкретных ситуаций в Германии, Франции и Китае.

Chilcote, Ronald H., et al. 1990. *Transitions from Dictatorship to Democracy: Comparative Studies of Spain, Portugal, and Greece*. New York: Taylor and Francis. Теоретическая оценка переходного периода на основе трудов Никоса Пулантцаса, в первую очередь его книги «Кризис диктатур» (*Crisis of the Dictatorships*, 1976). В сборник включены

сравнительные эссе Фреда Лопеса III об Испании, Дэниела Натафа и Элизабет Саммис о Португалии и Сильяноса Хаджиянниса о Греции.

Collier, Ruth Berins, and David Collier. 1991. *Shaping the Political Arena: Critical Junctures, the Labor Movement, and Regime Dynamics in Latin America*. Princeton: Princeton University Press. Авторы анализируют, как капиталистическое развитие в Латинской Америке сопровождалось возникновением рабочего движения и переходом от государственных репрессий к периоду «инкорпорации», означающей легализацию и институционализацию рабочего движения. В книге используются исторический метод анализа сходных черт и различий между странами, а также процедура «сопоставления процессов», происходивших в течение определенного времени в отдельных странах (Бразилия и Чили, Мексика и Венесуэла, Уругвай и Колумбия, Перу и Аргентина).

Crow, Ben, and Mary Thorpe (eds.). 1988. *Survival and Change in the Third World*, New York: Oxford University Press. В рамках исследования производства и производительных сил «третьего мира» авторы эссе анализируют важные проблемы, например укоренившуюся нищету, периодический голод, кризис международной долговой системы и воздействие реструктуризации промышленности.

Cunningham, Frank, 1990. «The Socialist Retrieval of Liberal Democracy». *International Political Science Review* 11 (1), 99—110. Автор рассматривает возможное принятие социал-демократами идей либерального демократического либерализма и поддерживает усилия Макферсона в спасении либеральной демократии ради социализма.

Curtis, Michael (ed.). 1993. *Introduction to Comparative Government*. 3d ed. New York: Harper and Row. Сборник содержит материалы последовательного изучения стран с упором на политическое развитие, процессы, институты и социальную политику. В него включены работы Кёртиса по Великобритании, Джин Блондел по Франции, Бернарда Брауна по Индии, Дональда Коммерса по Западной Германии, Теодора Макнелли по Японии, Мартина Нидлера по Мексике, Джона Решетара по Советскому Союзу, Джеймса Сеймура по Китаю и Стивена Райта по Нигерии.

Dalton, Russell J. 1988. *Citizen Politics in Western Democracies: Public Opinion and Political Parties in the United States, Great Britain, West Germany, and France*. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers. Сравнительное изучение общественного мнения, основанное на данных европейского опроса.

_____. 1991. «Comparative Politics of the Industrial Democracies: From the Golden Age to Island Hopping». In William Crotty (ed.), *Political Science: Looking Toward the Future*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press. Обзор тенденций в области сравнительной политологии.

Danziger, James N. 1991. *Understanding the Political World: An Introduction to Political Science*. New York and London: Longman. Интересный подход, создающий основу для сравнительного изучения политического поведения (мнения, культура, индивидуальные действия), политических систем (государства, страны, институты) и политических процессов (группы, перемены, насилие); в заключительной части книги рассматривается политика стран с учетом существования «первого», «второго» и «третьего» мира.

Diamond, Larry, Juan J. Linz, and Seymour Martin Lipset (eds.). 1988 to 1990. *Politics in Developing Countries: Comparing Experiences with Democracy*: Vol. 2: Africa. Vol. 3: Asia. Vol. 4: Latin America. Boulder, Colorado: Lynne Rienner Publishers. В первом томе собраны эссе из других томов с вводящей статьей Даймонда. Эссе акцентирует внимание на авторитарном опыте, опыте представительной демократии и причинах успеха и провала демократии.

Dogan, Mattei. 1988. *Comparing Pluralist Democracies: Strains on Legitimacy*. Boulder, Colorado: Westview Press. Взгляд на политический плюрализм и представительные демократии, основанный на опыте Европы.

Dogan, Mattei, and Dominique Pelassy. 1990. *How to Compare Nations: Strategies in Comparative Politics*. 2d ed. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers. 1st ed., 1984. Справочник из кратких глав, освещающих главным образом темы и концепции сравнительной политики.

Dragnich, Alex, Lawrence Graham, Jorgen Rasmussen, and Taketsugu Tsurutani. 1982. *Politics and Government*. 2d ed. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers. Справочник, в котором рассматриваются президентская и парламентская системы (Соединенные Штаты, Великобритания и Канада); континентальные европейские парламенты (Франция и Германия); коммунистические политические системы (Советский Союз, Югославия и Китай); Япония; «третий мир»; Мексика.

Dryzek, John, James Farr, and Stephen Leonard (eds.). Forthcoming. *Political Science and Its History: Research Programs and Political Traditions*. Cambridge: Cambridge University Press. Новые эссе по историографии основных концепций в политической науке.

Easton, David, and John Gunnell, with Luigi Graziano (eds.). 1991. *The Development of Political Science: A Comparative Survey*. London: Routledge. Сборник начинается с историографии политической науки в Соединенных Штатах, а затем внимание переключается на Западную Европу как основу для сравнения с другими регионами, включая Китай и Африку.

Fagen, Richard R., Carmen Diana Deere, and José Luis Coraggio (eds.). 1986. *Transition and Development: Problems of Third World Socialism*. Теоретические и конкретные исследования революцион-

ных ситуаций в «третьем мире», с особым вниманием к перспективам перехода к социализму и развитию.

Frieden, Jeffrey A. 1991. *Debt, Development, and Democracy: Modern Political Economy and Latin America, 1965—1985*. Princeton: Princeton University Press. Автор в рамках политической экономии анализирует экономическую политику и политическую ситуацию, связанную с уплатой долга Латинской Америкой, на основе сравнения между Аргентиной, Бразилией, Чили и Мексикой.

Gellner, Ernest. 1983. *Nations and Nationalism*. London: Basil Blackwell. Интересный обзор национализма и его влияния в Европе.

Goodman, David, and Michael Redclift. 1982. *From Peasant to Proletarian: Capitalist Development and Agrarian Transitions*. New York: St. Martin's Press. Авторы анализируют аграрный вопрос в Европе и в «третьем мире». Особое внимание уделяется переходу к капитализму, а также отсталости в развитии Бразилии и Мексики.

Hall, John A. 1985. *Power and Liberties: The Causes and Consequences of the Rise of the West*. Berkeley: University of California Press. Сравнительный исторический и политический анализ, посвященный развитию западной цивилизации. Автор исходит из трех школ философии истории, основанных на теориях Маркса, Смита и Юма, а также Вебера. Он полемизирует с марксистской интерпретацией и возражает против некоторых доминирующих суждений, находясь под влиянием своих коллег Майкла Манна и Эрнеста Гельнера.

Inglehart, Ronald. 1977. *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles Among Western Publics*. Princeton: Princeton University Press. Совокупный анализ сравнительных данных с акцентом на культурных переменных.

Jacobs, Dan N., David P. Conrard, B. Guy Peters, and William Safran. 1983. *Comparative Politics: An Introduction to the Politics of the United Kingdom, France, Germany, and the Soviet Union*. Chatham, New Jersey: Chatham House Publishers. Введение в политику четырех стран с особым вниманием к власти. В заключительной главе анализируются политические идеологии, политическое руководство, а также элиты, революции и сравнительная социальная политика.

Johari, J.C. 1987. *Comparative Political Theory: New Dimensions, Basic Concepts, and Major Trends*. 2d ed. New Delhi: Sterling. Автор рассматривает подходы, проблемы и теории; основополагающие концепции (права, свобода, равенство, собственность, справедливость, революция, идеология, политическое отчуждение); а также направления (либерализм, экзистенциализм, бихевиоризм, постбихевиоризм, движение «новых левых», еврокоммунизм и фашизм).

Johnson, David B. 1991. *Public Choice: An Introduction to the New Political Economy*. Mountain View, California: Bristlecone Books, Mayfield Publishing. Вводный курс, базовый для изучения теории общественного выбора с немарксистских позиций.

Katzenstein, Peter. 1984. *Corporatism and Change: Austria, Switzerland, and the Politics of Industry*. Ithaca: Cornell University Press. Важное сравнительное исследование, основанное на анализе ситуаций в Европе.

_____. 1985. *Small States in World Markets: Industrial Policy in Europe*. Ithaca: Cornell University Press. Книга опирается на модели политики и мировых рынков; полезный сравнительный анализ.

Kennedy, Paul. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House. Сравнительный анализ подъема и заката могущества империи Габсбургов, Великобритании и Соединенных Штатах.

Kesselman, Mark, and Joel Krieger et al. 1992. *European Politics in Transition*. Lexington, Massachusetts: D.C. Heath. 2d ed. Общее введение и заключительные главы, написанные ведущими авторами, дополняют очерки по Англии Джоула Кригера, Франции — Марка Кессельмана, Германии — Кристофера Аллена, Италии — Стивена Хеллмана, Швеции — Ионаса Понтуссона, Советскому Союзу — Джоун Дебарделобен и Восточной Европе — Дэвида Оста.

Knapp, Peter, and Alan J. Spector. 1991. *Crisis and Change: Basic Questions of Marxist Sociology*. Chicago: Nelson-Hall Publishers. Основполагающее пособие, опирающееся на ясную структуру и иллюстрированное примерами теоретических идей и концепций. Авторы, рассматривая марксизм, утверждают, что его структура заимствована у немецкой философии (диалектика и философский материализм, концептуализированный как диалектический материализм); английской экономики (теория стоимости, которую Маркс развил в теорию прибавочной стоимости); и французской социальной, исторической и политической мысли (анализ классовой борьбы и социализм, развитый в теорию пролетарской революции и государства рабочих. Рассуждения сосредоточены вокруг четырех направлений в трудах Маркса: политические труды, как, например, «Манифест Коммунистической партии», работы по Франции и ряд статей; исторические труды — от «Немецкой идеологии» до исторических разделов «Капитала»; философская критика Гегеля; и экономические работы, включая «Капитал». В приложении эти направления исследований связываются с методами социальной науки и диалектики.

Kohler, Beate. 1982. *Political Forces in Spain, Greece, and Portugal*. London: Macmillan. Сравнительное исследование с акцентом на институциональных переменах.

Lijphart, Arend. 1984. *Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-one Countries*. New Haven: Yale University Press. Сравнение мажоритарной и консенсусной моделей демократии. Несмотря на подзаголовок, книга анализирует опыт двадцати двух демократических режимов и особенно необходима для вводных и начальных сравнительных курсов.

McNally, David. 1988. *Political Economy and the Rise of Capitalism: A Reinterpretation*. Berkeley: University of California Press. Работа прежде всего о становлении аграрного капитализма в Англии и Франции. Автор утверждает, что классическая политэкономия до Рикардо не представляла интересы промышленного капитала и что классические политэкономы до Смита включительно были критиками практики и ценностей, связанных с торговлей и производством. Политические движения ратовали за аграрный, а не торговый или промышленный капитализм. В Англии политэкономическая мысль ориентировалась на самоуправление для земельной аристократии, в то время как во Франции она верила в необходимость централизованной абсолютной монархии. В итоге и там и там развивались программы аграрного капитализма.

Macridis, Roy C., and Bernard E. Brown (eds.). 1990. *Comparative Politics: Notes and Readings*. 7th ed. Pacific Grove, California: Brooks-Cole Publishing Company. Ранние издания книги выходили в издательстве «Уэдсворт энд Дорси пресс». Состоящий из четырех частей сборник статей содержит прежде всего сравнительный анализ (с упором на государство): современные политические режимы (демократический, авторитарный, коммунистический), политическая динамика (институты и процессы) и политические перемены (модернизация и развитие, зависимость и революция).

Magstadt, Thomas M. 1991. *Nations and Governments: Comparative Politics in Regional Perspective*. New York: St. Martin's Press. Автор приходит к сравнительной политологии через региональные исследования. Этот вводный курс заранее предлагает структуру, после чего следует анализ регионов: Западная Европа, Ближний Восток, Азия, Африка к югу от Сахары и Латинская Америка.

Mann, Michael. 1986. *The Source of Social Power*. Vol. 1: *A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. Cambridge: Cambridge University Press. Первый том из запланированного трехтомного исследования истории и теории властных отношений в человеческих обществах. Автор утверждает, что «общества состоят из многочисленных пересекающихся и перемежающихся социально-пространственных сетей власти» и что структуру и историю можно лучше все-

го понять с позиции «четырёх источников социальной власти: идеологической, экономической, военной и политической» (1—2).

Markovits, Andrei S., and Mark Silverstein (eds.). 1988. *The Politics of Scandal: Power and Process in Liberal Democracies*. New York: Holmes and Meier. Сборник состоит из эссе, анализирующих отдельные случаи скандала. Вводные и заключительные эссе этой «скандалологии» служат теоретическим фоном и базой для сравнительных исследований случаев из политической жизни Соединенных Штатов, Канады, Великобритании, Франции, Италии, Западной Германии, Австрии, Японии и Израиля.

Martin, Michael T., and Terry R. Kandal (eds.). 1989. *Studies of Development and Change in the Modern World*. New York: Oxford University Press. Сборник эссе, освещающих теоретические и методологические подходы: изучение периферии в Латинской Америке и странах Карибского бассейна; изучение полупериферии и центра; анализ перспектив.

Mayer, Lawrence C. 1989. *Redefining Comparative Politics: Promise Versus Performance*. Newbury Park, California: Sage Publications. Автор анализирует эпистемологию и сравнительный метод; промышленные демократии; партии и политические действия; культуру, насилие и личность; автократии. Дается оценка прошлым и будущим тенденциям.

Merkel, Peter (ed.). 1980. *Western European Party Systems*. New York: Free Press. Эссе о партийных системах в основных странах Западной Европы.

Migdal, Joel S. 1988. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton: Princeton University Press. Книга основана на модели отношений государства и общества с примерами из исследования небольших государств, например Сьерра-Леоне и Египта.

Moore, Barrington, Jr. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press. Сравнительный исторический анализ революционных традиций Англии, Франции, Соединенных Штатов, Китая, Индии и Японии.

Nagle, John D. 1992. *Introduction to Comparative Politics: Political System Performance in Three Worlds*. Chicago: Nelson-Hall Publishers. 3d ed. 2d ed., 1989; 1st ed., 1985. Вводный курс, сосредоточенный на передовых либеральных демократиях, коммунистических системах и развивающихся странах с точки зрения экономического развития, социального равенства, свободы личности и качества жизни.

Needler, Martin C. 1991. *The Concepts of Comparative Politics*. New York: Praeger. Автор предлагает элементарную концептуализацию ряда понятий — например, революции, диктатуры, легитимности, политического развития, политической культуры, социального класса

и политических институтов, а также приводит примеры и иллюстрации из жизни различных стран.

O'Connor, James. 1987. *The Meaning of Crisis. A Theoretical Introduction*. London: Blackwell. Автор дает оценки важным марксистским, неомарксистским и постмарксистским объяснениям современного кризиса, с особым вниманием к рыночной теории, теории стоимости и социально-психологической теории.

O'Donnell, Guillermo, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead (eds.). 1986. *Transitions from Authoritarian Rule*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. Книга издана в дерматиновом переплете в одном томе и в бумажной обложке в виде отдельных томов с общим заголовком «Перспективы демократии» и разными подзаголовками: «Южная Европа»; Латинская Америка»; «Сравнительные перспективы»; а также «Предварительные выводы относительно нестабильных демократий». Первоначально эти материалы были предназначены для конференции, спонсором которой в 1979—81 гг. был Международный научный центр им. Вудро Вильсона.

Olson, Mancur. 1982. *Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Regidities*. New Haven: Yale University Press. Важное сравнительное исследование, основанное на собранных данных и анализе многочисленных ситуаций.

Pridham, Geoffrey (ed.). 1984. *The New Mediterranean Democracies: Regime Transition in Spain, Greece, and Portugal*. London: Frank Cass. Сравнительное изучение перехода от диктатуры к представительной демократии.

Przeworski, Adam. 1985. *Capitalism and Social Democracy*. New York: Cambridge University Press. Критическая оценка социал-демократии в капиталистических системах, по сути теоретическая, но сопровождаемая фактами и примерами.

Rustow, Dankwart A., and Kenneth Paul Erickson (eds.). 1991. *Comparative Political Dynamics: Global Research Perspectives*. New York: Harper Collins Publishers. Введение и заключение редакторов к шестнадцати эссе: Дэвида Кольера, Говарда Виарды и С.Н. Эйзенштадта о сравнительном методе и моделях; Рональда Чилкота, Дэвида Беккера и Эдмонда Келлера о государстве, классе и зависимости; Терри Карла, Метина Хепера и Генри Бьенена, а также Джеффри Хербста о демократии; Майкла Оксенберга и Брюса Диксона, Блауса фон Бейме, Никки Кедди и Сьюзан Экстайн о реформе и революции; и Дугласа Эшфорда, Джека Хейуарда и Т. Дж. Пемпела о политике в промышленно развитых государствах.

Scott, James C. 1985. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant*

Rebellion. New Haven: Yale University Press. Крупная работа о сопротивлении крестьян господствующей власти и капитализму, имеющая большое значение для сравнительного исследования.

Senghaas, Dieter. 1985. *The European Experience: A Historical Critique of Development Theory*. Dover, New Hampshire: Berg Publishers. Автор критически анализирует различные теории развития в европейской истории: автоцентричное и ориентированное на экспорт развитие с помощью капитализма, периферийного капитализма и социализма.

Shively, W. Phillips. 1987. *Power and Choice: An Introduction to Political Science*. New York: Random House. Вводный курс, рассматривающий политику как применение власти или общественный выбор. Автор предпочитает бихевиористский подход, однако делает акцент также на политике и институтах, предпочитая скорее тематический анализ последовательному изучению стран. В конце каждой главы даны краткие примеры отдельных ситуаций.

Skinner, Quentin (ed.). 1985. *The Return of Grand Theory in the Human Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press. Во введении Скиннер утверждает, что с расцветом марксизма и других направлений происходит возрождение большой теории. Данная антология эссе сосредоточена на восьми мыслителях, включая Фуко, Куна, Альтюссера и Леви-Строса.

Skocpol, Theda. 1979. *States and Social Relations: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press. Сравнительное изучение социальных революций, анализирующее альтернативную теорию, причины и итоги социальных революций в трех странах.

Smith, Anthony D. 1983. *Theories of Nationalism*. New York: Holmes and Meier Publishers. Обзор и критика теорий национализма, включая соответствующую литературу по сравнительной политологии. В начальных главах исследуются теории национализма в связи с модернизацией, антиколониализмом и индустриализацией; в последующих главах идентифицируются определения, типологии и варианты национализма.

Sternberg, David. 1981. *How to Complete and Survive a Doctoral Dissertation*. New York: St. Martin's Press. Полезное пособие для тех, кто работает над докторской диссертацией. В книге обозначены препятствия на этом пути и рассказывается о том, как их преодолеть и продолжить профессиональную карьеру уже с докторской степенью.

Stewart, William S. 1988. *Understanding Politics: The Cultures of Societies and the Structures of Governments*. Novato, California: Chandler and Sharp

Publishers. О культуре как основе для изучения структуры государства на примере корпоратизма консервативной партии, олигархии, классического либерализма, радикального либерализма, демократического социализма, ленинского социализма и фашистского корпоратизма.

Stokes, Geoff. 1990. «Towards the Good and Rational Life: Method and Value in the Crisis of Political Theory». *International Political Science Review* 11 (1), 45—57. В статье утверждается, что наследие позитивизма ограничивает сферу приложения политической теории и что «политическим теоретикам придется заняться системной критикой, движимой концепцией лучшей жизни».

Tilly, Charles (ed.). 1975. *The Formation of National States in Europe*. Princeton: Princeton University Press. Собрание эссе о зарождении и эволюции национальных государств.

_____. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing. Творческое исследование коллективного действия, основанное на примерах и фактах из европейской и американской жизни. Автор рассматривает соперничающие между собой теории коллективного действия; предлагает целый ряд концепций и моделей для анализа; фокусирует внимание на конфликте, репрессиях и борьбе за власть; отслеживает специфические формы коллективного действия; обращает внимание на насилие; дает оценку мятежам и революциям.

Verba, Sidney, Norman H. Nie, and Jae-on Kim. 1978. *Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison*. New York: Cambridge University Press. Chicago: Chicago University Press. В книге повторяются некоторые отрывки из исследований, изложенных в опубликованной ранее работе «Гражданская культура» (*Civic Culture*), но тематика расширяется, ставятся новые вопросы, относящиеся к участию граждан в политической жизни в Австрии, Индии, Нигерии, Японии, Нидерландах, Югославии и Соединенных Штатах.

Wallerstein, Immanuel. 1974, 1980, and 1989. *The Modern World-System*. Vol. 1: *Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Vol. 2: *Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600—1750*. Vol. 3: *The Second Era of the Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730—1840s*. San Diego: Academic Press. Три из четырех запланированных томов, посвященных мировой системе начиная с XVI в. Третий том состоит из четырех глав: промышленность и буржуазия; борьба в центре; вовлечение в мировую экономику новых регионов; деколонизация Американского континента переселенцами. Автор интерпретирует зарождение и развитие капитализма в Европе с позиций мировой системы. По его мнению, ни од-

на из великих революций XVIII в., включая промышленную революцию, Французскую революцию и обретение независимости переселенцами в Америке, не привела к коренным изменениям в мировой капиталистической системе; они привели лишь к дальнейшей консолидации и укреплению позиций, а также к массовым репрессиям.

Weiner, Myron, and Samuel P. Huntington (eds.). 1987. *Understanding Political Development: An Analytic Study*. Boston: Little, Brown. Сборник статей о развитии и государстве, включая отзывы Габриэля Алмонда и Самюэля Хантингтона на критику их ранее опубликованных работ.

Wiarda, Howard (ed.). 1985. *New Directions in Comparative Politics*. Boulder, Colorado: Westview Press. Эссе Говарда Виарды дополняются тематической оценкой концепции государства Джоулом Мигдалом и корпоратизма — Дугласом Чэлмерсом, типологией демократических систем Питера Ланге и Ханса Мидуэлла, теорией зависимости Тони Смита, изложением альтернативных подходов Рональда Чилкота и взглядом на общественную политику Лоуренса Грэма.

Wolf, Eric R. 1982. *Europe and the People Without History*. Berkeley: University of California Press. Интерпретативный обзор активного участия в исторических событиях крестьянства, рабочих, иммигрантов и притесняемых меньшинств в Европе. Обзор сделан с исторических и антропологических позиций.

Worsley, Peter. 1984. *The Three Worlds: Culture and World Development*. Chicago: University of Chicago Press. Синтез представлений автора о культуре, крестьянстве, рабочем классе, этнических группах и национализме. Критика структурного марксизма в авторской реинтерпретации развития в странах мира; автор опирается на основные макротории и собственный опыт.

Zaretsky. Eli. 1986. *Capitalism, the Family, and Personal Life*. New York: Harper and Row. Rev. ed. 1st ed., 1976. Автор рассматривает семью в условиях капитализма, говорит о разрушении традиционной семейной жизни и усилении поиском своего «я» вне рамок разделения труда. В послесловии Зарецки анализирует распространившуюся с 1970-х гг. точку зрения «мыслителей-феминисток, использующих психоанализ, а также историю женского вопроса для разработки теории патриархата; и позицию новых социальных историков, фокусирующих внимание на роли традиционной семьи и общества в становлении рабочего класса» (ix).

Zeigler, Harmon. 1990. *The Political Community: A Comparative Introduction to Political Systems and Society*. London: Longman. Важная работа о политическом строе, культуре, демократии, политических партиях, авторитарном правлении, революции и т.д.

ТАБЛИЦЫ И СХЕМЫ

ТАБЛИЦЫ

2.1. Восприятие политической науки	53
3.1. Три подхода к сравнительной политологии	88
3.2. Сопоставление господствующих парадигм сравнительной политологии	110
4.1. Синтез идей Маркса и Вебера: теоретический справочник	138
4.2. Основные концепции Маркса и Вебера в отношении четырех субсфер сравнительной политологии	140
5.1. Категории входа и выхода: сравнение теорий Алмонда, Истона и Парсонса	196
5.2. Теория систем и парадигмы: типы, диапазон, ориентации и мыслители, представляющие данное направление	213
5.3. Современные теории государства	215
7.1. Подходы к зависимости	335
7.2. Теории империализма	357
9.1. Концепции политической экономии	484
9.2. Фазы в теории политической экономии	486

СХЕМЫ

3.1. Теоретические и концептуальные корни основных парадигм в сравнительной политологии	95
5.1. Политическая система Истона	185
5.2. Политическая система Алмонда и ее функциональные уровни	194
5.3. Функции марксизма (по Фридману)	206
9.1. Направления исследования в сравнительной и международной политической экономии	495

СОДЕРЖАНИЕ

О книге и об авторе	5
Предисловие ко второму изданию	7
Признательность автора	11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВВЕДЕНИЕ	12
Глава 1. Сравнительные исследования	15
Вопросы теории и сравнительные исследования	15
Труды прошлого	18
Общий план данного исследования	20
<i>Теории государства и систем</i>	20
<i>Теории культур</i>	22
<i>Теории развития</i>	24
<i>Классовые теории</i>	26
<i>Теории политической экономии</i>	27
1990-е гг.: оценка старых и новых направлений	29
<i>Литература</i>	33
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИДЕОЛОГИЯ И ГНОСЕОЛОГИЯ	35
Глава 2. Идеология и проблемы сравнительной политологии	37
Политика: миф и реальность	41
Политика и представители науки	53
Научные исследования, этика и истеблишмент	61
Общественные науки и правительство	64
Общественные науки и транснациональные корпорации	72
Краткие выводы	75
<i>Литература</i>	76
Глава 3. Политика и политическая наука в сравнительном исследовании	87
<i>Поиски парадигмы (обобщение материала в области сравнительного анализа)</i>	87
Три подхода	89
Определение парадигм	91
<i>Исторические корни и фундаментальные предпосылки поиска парадигмы</i>	95
Позитивизм: наследие мыслителей и концепций в движении за создание парадигмы основного направления политологии	96
<i>Ранние позитивисты</i>	97
<i>Ранние политические социологи</i>	98
<i>Ранние бихевиористы</i>	101
Историзм: прошлое и настоящее в выработке альтернативной парадигмы	103
<i>Ранние сторонники историзма</i>	103
<i>Более поздние исторические влияния и тенденции</i>	105
<i>Итоговое сравнение господствующих в современной политологии парадигм</i>	108
<i>Литература</i>	111
Глава 4. Маркс и Вебер	117
Карл Маркс	119

<i>Ранние работы: 1840—45 гг.</i>	122
<i>Работы переломного периода: 1845—46 гг.</i>	122
<i>Работы переходного периода: 1846—57 гг.</i>	123
<i>Работы зрелого периода: 1857—83 гг.</i>	123
Макс Вебер	126
<i>Ранние труды: 1889—97 гг.</i>	128
<i>Труды по религии и атеизму: 1903—20 гг.</i>	129
<i>Труды по политологии и методологии</i>	129
Сравнивая Маркса и Вебера	133
Парадигматические влияния на сравнительную политологию	137
<i>Теория государства</i>	141
<i>Теория культуры</i>	146
<i>Теория развития</i>	151
<i>Теория класса</i>	158
<i>Литература</i>	166
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ	173
Глава 5. Теории системы и государства	175
<i>Системные теории основного направления политологии</i>	176
К пониманию системной терминологии	178
Происхождение и ориентиры теории систем	178
<i>Системы как органические и психологические конструкции:</i>	
<i>Дэвид Истон и общая теория систем</i>	182
Структурная система Истона	183
Происхождение идей и влияний, сформировавших интерпретацию Истона	186
Критика структуры Истона	187
<i>Система как структура и функция: Габриэль Алмонд и его предшественники</i>	190
Формулировка Алмонда	191
Идеи, оказавшие влияние на Алмонда	195
<i>Макроструктурный функционализм, или большая теория</i>	195
<i>Микроструктурный функционализм и частичная, или субсистемная, теория</i> ..	197
Критика структурного функционализма	197
<i>Альтернативные взгляды на систему</i>	199
Система в свете диалектического материализма	201
Системный анализ в социалистическом обществе	208
Пути радикального понимания теории систем	210
Значение подходов в теории систем	211
К теории государства	214
Теории государства: основное направление	215
<i>Плюралистический капиталистический подход</i>	215
<i>Институциональный подход</i>	217
<i>Корпоративистский подход</i>	218
<i>Бюрократический авторитарный подход</i>	219
Альтернативные теории государства	220
<i>Плюралистический социалистический подход</i>	227

<i>Инструменталистский подход</i>	230
<i>Структуралистский подход</i>	230
<i>Феминистский подход</i>	232
<i>Литература</i>	234
Глава 6. Теории политической культуры: индивид и борьба	
за коллективизм и нового человека	251
<i>Основная концептуализация культуры и политическая культура</i>	252
Интерпретации политической культуры на общем уровне	254
Интерпретации политической культуры на конкретном уровне	256
<i>Изучение коммуникаций</i>	256
<i>Исследования социализации</i>	257
Критика теории культуры	260
<i>Поиски альтернативы</i>	264
Теория рационального выбора и формальное моделирование	269
Максистский рациональный выбор	270
Новые общественные движения	271
Радикальные взгляды на культуру	275
<i>Сферы культуры и социалистический опыт</i>	277
Советский Союз	277
Китай	281
Куба	283
<i>Перспективы теории политической культуры</i>	285
<i>Литература</i>	287
Глава 7. Теории развития и отсталости	305
<i>Политическое развитие</i>	308
<i>Развитие и национализм</i>	311
<i>Модернизация</i>	315
Теория стадий и модернизация	315
Модернизация и упадок общества	316
Политика модернизации	318
Критика теорий основного направления	320
<i>Отсталость в развитии</i>	325
Развитие по капиталистическому пути в центре и слаборазвитость	
на периферии	328
Неравное развитие	330
Неравномерное развитие	331
<i>Зависимость</i>	333
Определения зависимости	333
Подходы к теории зависимости	335
<i>Desarrollista, структуралистское и национально-автономное</i>	
<i>развитие</i>	335
<i>Внутренний колониализм</i>	338
<i>Полюса развития</i>	338
<i>Капиталистическое развитие зависимых стран</i>	339
<i>Монополистический капитализм</i>	340
<i>Субимпериализм</i>	341

<i>Капиталистическое развитие и отсталость в развитии</i>	342
<i>Новая зависимость</i>	343
Отсутствие единой теории зависимости: критическая оценка	344
Действительно ли мертва теория зависимости?	350
Империализм	354
Гобсон: внутреннее недопотребление как предпосылка империализма ..	356
Каутский: мирное решение вопроса об империализме	358
Шумпетер: отмирание империализма	360
Галтунг: структурная теория империализма	362
Люксембург и Бухарин: накопление капитала и империализм	364
Ленин: империализм как высшая стадия капитализма	366
Баран, Суизи и Мэгдофф: монополистический капитал и транснациональные корпорации	367
Перспективы теории развития	369
Литература	377
Глава 8. Теории класса: от плюралистической элиты до правлящего класса и народных масс	401
Плюрализм	407
Плюрализм и элитарная теория демократии	407
Плюрализм и полиархия	410
Плюрализм и социализм	412
Плюрализм и новые общественные движения	415
Аналитический марксизм и рациональный выбор	418
Инструментализм	420
Наследие структуры власти в обществе	420
Структура власти и инструментализм: Миллс и Домхофф	422
Марксистский инструментализм: Милибэнд	425
Критика инструменталистской теории	426
Структурализм	427
Структурализм Маркса и Леви-Строса	428
Политический структурализм: Грамши, Альтюссер и Пулантцас	429
Структурализм и средние классы	438
Новый структурализм	439
Экономический структурализм: Суизи, Баран и О'Коннор	441
Классовый анализ современной мировой системы: Валлерстайн	442
Критика структуралистской теории	444
Критическая теория: идеология и сознание	445
Этатизм и классовая борьба	449
Проблемы классового анализа	451
Роль государства и правящего класса	452
Классовые категории анализа	454
Уровни концептуализации класса	457
Взаимодействие базиса с надстройкой	458
Значение докапиталистических и капиталистической социальных формаций	459
Литература	461

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	475
Глава 9. Политическая экономия и воссоздание сравнительной политологии и политической науки	477
<i>К марксистскому пониманию политэкономии</i>	478
<i>Педагогика</i>	482
<i>Теория</i>	483
<i>Метод</i>	483
<i>Концепция</i>	485
<i>Происхождение и эволюция политической экономии</i>	487
Теоретики Древнего мира и Средневековья	488
Меркантилисты	488
Представители классического либерализма	489
Социалисты-утописты	491
Маркс	492
Неоклассики-маргиналы	492
Кейнсианцы	493
Посткейнсианцы	493
Неомарксисты	494
<i>Ориентиры для изучения политической экономии</i>	494
Накопление капитала	496
Международная политическая экономия и теории империализма и слаборазвитости	500
Сравнительная политическая экономия и теории государства и класса ..	504
<i>Литература</i>	511
Приложение 1. Замечания о терминологии в сравнительной политологии	515
Теория и исследование	515
Аспекты теории	516
<i>Концепции</i>	517
<i>Обобщения, суждения и гипотезы</i>	518
<i>Типы и уровни</i>	519
<i>Подходы</i>	520
<i>Модели и парадигмы</i>	522
Методы и исследование	522
Заключение	525
<i>Литература</i>	526
Приложение 2. Общая литература по сравнительной политологии с 1980 г.	531
Поле исследования	531
Вводные курсы	533
Сборники	534
Сравнительные многотомные исследования	534
Кросснациональные исследования	536
Тематические сравнения	537
Журналы по сравнительной политологии	539
Справочные издания и энциклопедии	540
<i>Литература</i>	541
Таблицы и схемы	554

130, 10

Рональд Х. Чилкот
Теории сравнительной политологии.
В поисках парадигмы

Редактор Е.И. Солдаткина
Верстка О.Н. Сергеева

ЛР №070824 от 21.01.93 (ИНФРА-М)
ИД №03510 от 15.12.2000 («Весь Мир»)

Подписано в печать 25.06.2001. Формат 60×88 1/16.

Усл. печ. л. 34,3.

Печать офсетная. Тираж 3000 экз.

Изд. № 39/98-и

Заказ № 606

ООО Издательство «Весь Мир»

Почтовый адрес: 101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а

Юридический адрес: 127214 Москва, ул. Софьи Ковалевской, д.1, стр. 52

Тел.: (095) 917-87-49, 917-80-46

Факс: (095) 917-92-59

E-mail: vesmirorder@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Издательский Дом «ИНФРА-М»

127214 Москва, Дмитровское ш., 107

Тел.: (095) 485-70-63

Факс: (095) 485-53-18

Робофакс: (095) 485-92-59

E-mail: books@infra-m.ru

<http://www.infra-m.ru>

Отпечатано в ООО

типографии «ПОЛИМАГ»

127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107